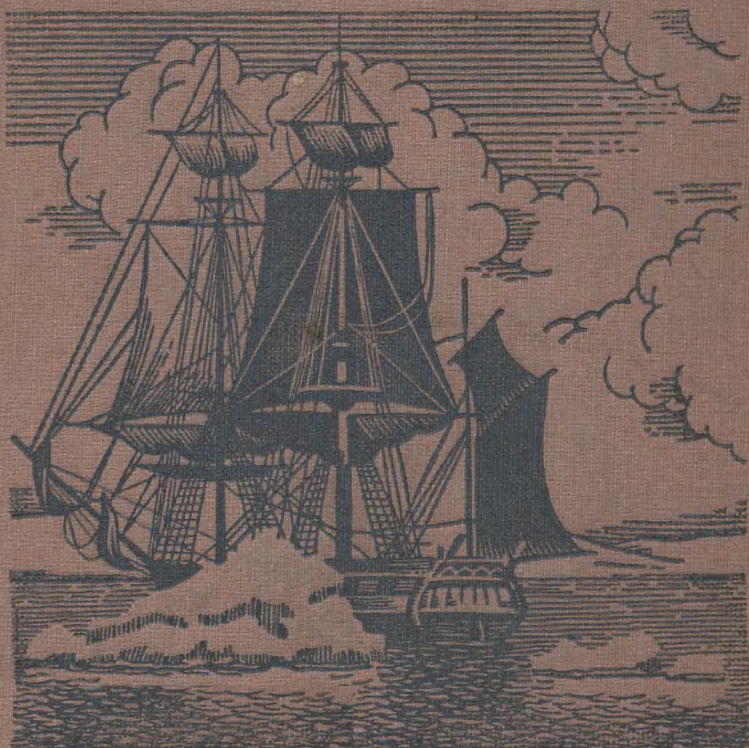

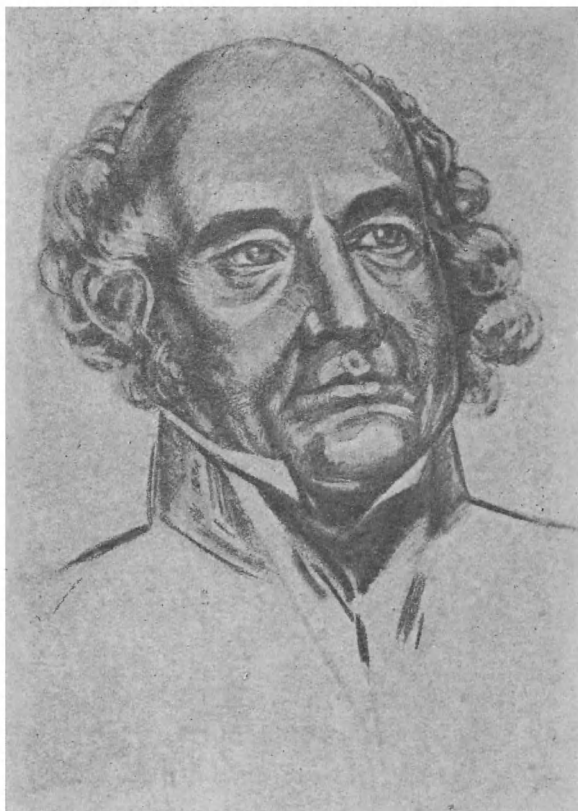
АРКТИЧЕСКИЕ ПОХОДЫ ДЖОНА ФРАНКЛИНА

АРКТИЧЕСКИЕ
ПОХОДЫ
ДЖОНА
ФРАНКЛИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД 1937

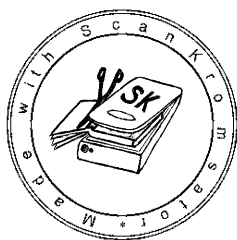
Джон Франклин

АРКТИЧЕСКИЕ ПОХОДЫ ДЖОНА ФРАНКЛИНА

ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ФРАНКЛИНА, РОССА,
МАК-КЛЮРА, МАК-КЛИНТОКА, ХОЛЛА, ШВАТКИ И ДР.

под редакцией Н. Я. Урванцева

Переплет и форзац работы художника Б. И. Кожина

Scan AAW

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время экспедиции Франклина и особенно его поисков было периодом возрастающего могущества Англии, когда молодой английский капитализм стремился к безудержной экспансии во всех уголках земного шара. Не были им забыты при этом и полярные страны, в частности северное побережье американского материка. Аляска в это время номинально еще принадлежала царской России, а фактически была по существу «ничьей землей», и ее пушные богатства привлекали хищные взоры английского торгового капитала. Вместе с тем необходимо было стать твердой ногой и на северном побережье Канады, где уже орудовал английский капитал в лице компании Гудзонова залива, но где, вместе с тем, было еще достаточно сильно влияние конкурирующего французского капитала.

Связать эти области крепкими морскими путями с Англией, захватить их в свои руки, — это значило не только твердо закрепиться на всем полярном побережье Америки, но и проникнуть в области Берингова моря и всего северо-востока Азии. Поэтому идея поисков морского пути вдоль северного побережья Америки была в течение некоторого времени одной из самых популярных в английских общественных и политических буржуазных кругах. Недаром скупое вообще на все, что не касалось непосредственно морских вооружений, английское адмиралтейство дало для экспедиции Франклина два своих судна и отпустило на организацию и осуществление работ экспедиции весьма значительные по тому времени материальные и денежные средства.

Как известно, экспедиция Джона Франклина, отплывшая из Англии 19 мая 1845 года в составе 134 человек на кораблях «Эребус» и «Террор», проблему существования Северо-западного морского прохода разрешила. Но из-за отсутствия в то время опыта в полярных экспедициях Джон Франклин и все его спутники за это открытие заплатили своей жизнью.

Последующая история исследования полярной Америки и ее морского побережья в течение второй половины XIX века проходила, главным образом, под знаком поисков пропавшей экспедиции. В течение лишь одного десятилетия с этой целью было направлено 50 больших экспедиций. Специальные поисковые отряды и после того еще долгое время продолжали во всех направлениях обыскивать американскую Арктику, и последняя экспедиция такого рода состоялась не далее как в 1931 году. Эти поисковые экспедиции не только установили факт открытия Франклином Северо-западного прохода, но и доказали, что при известных условиях он действительно может быть использован как кратчайший морской путь из Атлантического океана в Тихий.

Преследуя в конечном итоге империалистические цели, как бы они ни были завуалированы идеями «гуманности» и «чистой науки», полярные экспедиции по исследованию Северо-западного прохода и в поисках Франклина, приходя в соприкосновение с местным национальным населением — эскимосами и индейцами, — относились к нему как к низшей расе, которая может служить только средством к достижению стоящих перед экспедициями задач. Ни о какой культурно-просветительной работе среди них, или помощи им для поднятия хозяйственного и материального уровня, что является всегда одной из повседневных задач всякой советской полярной экспедиции, здесь нет и речи. С местным населением можно торговать, можно производить обмен, в большинстве для него явно невыгодный и обманный, можно пользоваться его услугами в качестве проводников или рабочей силы, но на равной ноге с «белыми людьми» оно ни

при каких условиях не стоит. Все это советский читатель должен иметь в виду при чтении данной книги.¹

Рассказывая об одной из величайших трагических экспедиций и ее розысках, эта книга вместе с тем наглядно показывает, насколько различны были исторические пути изучения северо-западного и северо-восточного морских арктических путей и насколько различны в конечном итоге оказались их судьбы.

Работе экспедиций по поискам Франклина посвящена на европейских языках обширная литература. Только на русском языке этот важный момент в истории изучения американского сектора Арктики нашел отражение в единственной вышедшей еще в 1872 году, да и то посредственной книжке под названием «Экспедиция Франклина в полярные моря и поиски за ним». Кроме того, имелись упоминания об этом вопросе в общих трудах Крузенштерна, Гевальда и других. Вот и все. Поэтому выпуск настоящей книги Издательством Главсевморпути как нельзя более своевременен теперь, когда советские полярники одержали новые победы над арктической стихией, организовав научную станцию в самом сердце Арктики, на льдах центрального полярного бассейна, и соединили оба полушария кратчайшим воздушным путем через Северный полюс.

¹ В книге использованы следующие основные источники: Franklin J., Narrative of a journey to the shores of the Polar sea in the years 1819—1822. 2 vol., London, 1823; Franklin J., Narrative of a 2-d expedition to the shores of the Polar sea... London, 1828; Belcher E., The last of the arctic voyages... in search of sir John Franklin. 2 vol., London, 1855; M'Clintock L., A narrative of the discovery of the fate of sir John Franklin... London, 1859; Hall Ch., Arctic researches... in search of sir John Franklin, in the years 1860, 1861, 1862. New York, 1865; Hall Ch., Narrative of the second Arctic Exp... during the years 1864—1869. Washington, 1879; Gilder, Shwatka's search... London and New York, 1880; Sutherland P., Journal of a voyage in Baffin' Bay... in search of the missing crews of ships. 2 vol., London; Osborn Sh., The discovery of the North West passage by «Investigator»... London, 1856; Bellot L., Journal d'un voyage... à la recherche de sir John Franklin. Paris, 1854. Burwash L., Canada's Western Arctic... Ottawa, 1931.

І. СЛЕПЫЕ ПОПЫТКИ

Экспедиция 1616 года — Баффин. Экспедиции 1818 — 1819 годов — Джон Росс, Бечан и Франклин

Начало и середина девятнадцатого века — эпоха величайших географических открытий в области американской Арктики. Упорными трудами отважных и талантливых английских моряков того времени нанесена на карту эта дикая, суровая страна, еще в начале столетия представлявшая собой сплошное белое пятно.

Среди знаменитых путешественников-исследователей полярной Америки наибольшей славы достиг Джон Франклин. Имя Франклина известно всему миру. В течение целого десятилетия оно не сходило с уст людей; экспедицией Франклина полны были газеты и журналы, ей посвящались научные исследования, о ней писались книги.

Сто девятнадцать лет тому назад Джон Франклин впервые выступил на поприще исследователя полярных стран, девяносто два года прошло со времени выхода в море возглавляемой им знаменитой экспедиции на кораблях «Эребус» и «Террор». Миновало столетие, но память об арктических походах Франклина остается свежей, как будто с тех пор прошло не больше десятка лет.

Велико значение совершенных Джоном Франклином географических открытий, и заслуженна его слава, но справедливость требует признать, что успех, достигнутый другими полярными мореплавателями и путешественниками того времени, смело может итти в сравнение с результатами исследований Франклина. Нет сомнения, что одни только географические открытия не создали бы ему той широкой популярности, которую он приобрел среди всех слоев населения своей родины. В старых английских книгах много

написано о том, чего достиг Франклин своей энергией, неутомимостью и талантом, но не столько учеными трактатами и отчетами прославил Джон Франклин свое имя, сколько тяжелой судьбой своей и трагической смертью.

Знаменитые современники и последователи Франклина — Джон Росс, Парри, Мак-Клюр, Мак-Клинтон и другие — добились блестящих результатов, получивших полное признание широких кругов, но никто из них не достиг популярности Джона Франклина. Подобно Франклину эти люди были всецело преданы делу исследования американской Арктики, горячо отстаивали необходимость его и отдали ему всю свою энергию и умение. Однако работы почти всех этих исследователей находились не только в определенной зависимости от деятельности Франклина, но являлись прямым результатом ее. Именно Джон Франклин вызвал к жизни огромное количество новых экспедиций, давших в конечном итоге полную картину распределения воды и суши к северу от американского материка. Наиболее интенсивная исследовательская деятельность в этом районе развилась, правда, лишь после смерти Франклина, но как раз гибель его экспедиции превратилась в источник новых исследовательских работ. В период борьбы между сомнениями и надеждами относительно судьбы экспедиции на «Эребусе» и «Терроре» было послано наибольшее количество экспедиций на поиски пропавших без вести, и именно эти отряды дали в общем итоге наибольший географический эффект.

Таким образом почти все исследовательские работы этого времени, производившиеся в области американской Арктики, оказались тесно связанными с именем Джона Франклина, и рассматривать их деятельность можно только ознакомившись предварительно с деятельностью его самого. В результате Джон Франклин стал центральной фигурой среди современных ему исследователей этой страны.

Более 10 миллионов рублей было затрачено на снаряжение многочисленных экспедиций, направленных на поиски Джона Франклина и довершивших начатое им дело, но не спасших ни одного человека из экипажа «Эребуса» и «Террора». В течение целого десятилетия не исчезала надежда на спасение пропавших, и только по истечении этого срока были обнаружены несомненные доказательства их трагической гибели. Более ста человек участников экспедиции Франклина заплатило жизнью за попытку открытия Северо-западного прохода. С потерей надежды стихло царившее

в широких кругах населения возбуждение, с опубликованием трагического документа перестали писать об экспедиции журналы и газеты. Лишь немногие оптимисты, не желавшие мириться с жуткой действительностью, настаивали на необходимости проверки этих сведений. В течение ряда десятилетий продолжали поступать известия о новых находках следов пропавших людей, но ни один человек не был найден в живых. Поиски документов, касающихся судьбы этой несчастной экспедиции, производятся и по сегодняшний день.

Факт гибели хорошо снаряженной и подготовленной экспедиции Джона Франклина представляет для нас, живых свидетелей и участников интенсивного и успешного освоения Советского сектора Арктики, огромный интерес, так как дает возможность сравнить условия экспедиционной работы в капиталистической Англии периода расцвета ее морского могущества с условиями работы и жизни, созданными советской властью на нашем Севере. Из всех арктических путешественников никто не испытал свою беспомощность перед лицом полярной природы так сильно, как Джон Франклин и его команда. Трагический конец последней экспедиции Франклина отражает несовершенство породившей ее системы и требует пересмотра методов исследования полярных стран того времени.

Действительно мощная организация и правильная постановка исследования полярных стран стали возможны только после свержения капиталистического строя в нашей стране, с помощью науки и человеческого энтузиазма победившей льды Северо-восточного прохода.

Великий северный морской путь из Атлантического океана в Тихий в обход Америки издавна был предметом мечтаний и стремлений английских моряков. Имя Джона Франклина теснейшим образом связано с возобновлением в начале девятнадцатого столетия поисков этого пути.

Последнее морское путешествие было осуществлено с этой целью за двести лет до Франклина. Это было плавание Билота и Баффина в Баффинов залив (1616 год), являющийся преддверием полярного пути в Тихий океан. С тех пор в течение двух столетий ни одно судно не посещало этих вод. Причиной этого был не столько страх перед неизвестностью и арктическими льдами, сколько вера в правильность мнения Баффина, ученойшего и опытнейшего моряка своего времени, авторитетно заявившего, что Севере-

западного прохода не существует ни в Гудзоновом проливе, ни в продолжении Дэвисова пролива, то есть в Баффиновом заливе, и что обе эти акватории не что иное, как заливы обширнейшего размера. Неправильность этого мнения была доказана лишь впоследствии рядом полярных исследователей, в частности обнаруживших, что так называемый Баффинов залив представляет собой в действительности настоящий морской пролив, узкими рукавами связанный с большими водными бассейнами как на севере, так и на западе.

Инициатива пробуждения в официальных кругах интереса к возобновлению попыток проникнуть вглубь арктической Америки с целью отыскания столь желанного прохода принадлежит в первую очередь Джону Бэрроу, тогдашнему секретарю английского адмиралтейства. Этот деятель представляет собой любопытную фигуру, и к характеристике его нам придется еще вернуться. Пока же отметим, что, поставив себе целью добиться во что бы то ни стало отправки английской экспедиции с поручением доказать, что Северо-западный проход существует, Джон Бэрроу не щадил аргументов в пользу своей идеи, мало разбираясь в способах доказательства своей правоты.

Джон Бэрроу, относившийся с доверием только к открытиям, сделанным офицерами королевского флота, поставил под сомнение достоверность отчетов Баффина. Бэрроу приложил все старания, чтобы, в угоду своим симпатиям и во вред исторической правде, назвать великого мореплавателя лжеоткрывателем и обманщиком. Бэрроу не пожелал и не сумел разобраться в открытиях, сделанных Баффином, и предпочел клеветать там, где следовало высказать сомнение не в правдивости самого отчета, а только в правильности окончательных выводов автора его.

Образ действия Бэрроу находит себе объяснение не только в его верности господствующему классу и военному сословию, но и в настойчивости его характера. Общественное мнение было в то время настроено против посылки экспедиции в Полярное море, так как никто в Англии не ждал от открытия Северо-западного прохода практической пользы. Знаменитый мореплаватель Джеймс Кук еще в восемнадцатом столетии доказал, что американский материк в области Берингова пролива почти соприкасается с азиатским, а следовательно в полярной области протяжение его должно быть весьма значительным. В таких условиях открытие Северо-западного прохода, казалось, должно было столкнуться с та-

ким количеством непреодолимых препятствий, что было просто неразумно и крайне нерентабельно заботиться о решении этой проблемы.

В конце концов Барроу удалось, благодаря настойчивости и неразборчивости в средствах, добиться перемены в построении так называемого общества и руководящих кругов английского адмиралтейства, и в 1818 году были снаряжены две экспедиции: одна в северо-западном направлении, а другая — к Северному полюсу. Таким образом со времени Баффины впервые была отправлена в поисках Северо-западного прохода экспедиция в пролив его имени, так как две английские и одна датская экспедиции первой половины семнадцатого, а также две английские экспедиции восемнадцатого века, хотя и ставили себе задачей искать проход в Тихий океан, но ошибочно ориентировались при этом на Гудзонов залив, замкнутый с западной стороны сушей.

Одновременная отправка в 1818 году двух полярных экспедиций в столь различных направлениях объясняется прежде всего не только недостаточным знанием природы приполярной области, но кроме того успехом, который выпал на долю известного китолова Скоресби-отца двенадцатью годами раньше: в 1806 году этому мореходу удалось проникнуть в области Гренландского моря до $81^{\circ}30'$ северной широты. Достижение столь высокой параллели на китобойном корабле позволяло современникам Скоресби надеяться, что Полярное море, в согласии с мнением многих старинных и современных ему авторитетов, должно быть более или менее свободно от льдов и что специальная экспедиция сможет пересечь его в районе полюса и выйти к берегам Восточной Сибири или к Берингову проливу. Если бы такой поход удался, то оказалось бы лишним отыскивать путь вдоль северных берегов Америки. Однако ввиду того, что здесь сколько-нибудь определенно рассчитывать на удачу было трудно, то решили одновременно пытаться проникнуть к Берингову проливу и прежним путем — вдоль американского побережья, назначив при этом отправным местом пути на запад Баффинов залив.

Каждая из экспедиций, отправившихся в 1818 году для исследования арктических морей, состояла из двух кораблей. Общественное мнение страны стояло за то, чтобы во главе этого предприятия поставить лучшего знатока Полярного моря, дельного ледового капитана — Скоресби-младшего. Но так как он был только торговым капитаном, а не офице-

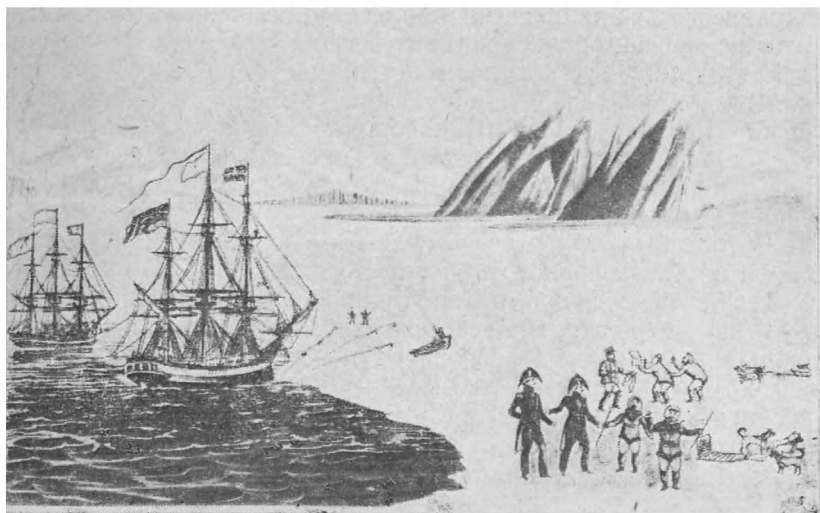
ром военного флота, то ему со стороны адмиралтейства было предложено командование одним из кораблей в роли подчиненного, от каковой чести Скоресби поспешил отказаться. Тогда выбор пал на капитана Джона Росса, которому было вверено командование Северо-западной экспедицией. Под начальством Росса находился лейтенант Уильям Эдвард Парри, командовавший вторым кораблем. На флагманском корабле среди прочих находились племянник начальника Джеймс Кларк Росс и капитан артиллерии Эдвард Сэбин. Все эти лица получили впоследствии широкую известность как исследователи полярных стран.

Начальником экспедиции к Северному полюсу и командиром первого корабля был назначен капитан Давид Бечан, а командиром второго корабля — Джон Франклин. Помощником Франклина был Фредерик Бичи, а штурманом Джордж Бак. Оба моряка с Франклином во главе стяжали себе бессмертную славу своими полярными путешествиями.

Таким образом Франклин принял участие в первой большой экспедиции девятнадцатого века, пытавшейся проникнуть северным путем из Атлантического океана в Тихий, но пока еще в качестве подчиненного командира.

2 мая все четыре корабля покинули Англию.

Экспедиция Джона Росса на «Изабелле» и «Александре», преодолев на своем пути ряд трудностей, достигла Баффинова залива. Росс проник в северную часть его, переходящую в Смитов пролив, но вскоре повернул обратно, следуя вдоль западных берегов. Вход в пролив Джонса оказался забитым льдом и потому недоступным. Более южный пролив Ланкастера был свободен от льдов, и 25 августа Росс и Парри вошли в него. Пройдя половину пролива в западном направлении, начальник отдал распоряжение повернуть обратно, и, к величайшему огорчению Парри, оба корабля вышли из пролива Ланкастера обратно в Баффинов залив. Причина возвращения была в том, что, следуя по проливу Ланкастера, Росс увидел впереди очертания высоких гор. Введенный в заблуждение миражом, он решил, что пролив этот в действительности не что иное, как широкий фиорд, и не счел нужным проверить свое предположение, подойдя к мнимым горам вплотную. Экспедиция Росса произвела много ценных научных наблюдений, но географические открытия ее ничтожны. Собственно говоря, Росс прошел по пути, проложенному 202 года тому назад Баффином, и только подтвердил реальность открытий Баффина и правдивость его

Первая встреча экспедиции Джона Росса с эскимосами

отчетов. Этот факт особенно интересен тем, что плавание Росса совпало со временем выхода в свет книги Бэрроу, оклеветавшего великого мореплавателя семнадцатого века.

Путь, по которому направилась экспедиция Бечана — Франклина с целью проникнуть в область полюса, был избран очень неудачно. В настоящее время, когда представление о природе приполярной области благодаря деятельности таких исследователей, как Нансен, Пири, Амундсен и Уилкинс, и ряда советских экспедиций, посетивших ее со стороны льдов или с воздуха, стало конкретным, совершенно ясно, что любая попытка проникнуть к полюсу на судне — к тому же деревянной конструкции и без паровой машины — заранее обречена на неуспех. Август Петерманн, знаменитый немецкий географ того времени, упорно доказывал, что в области полюса должны периодически встречаться участки свободной от льда воды, годные для целей мореплавания, но обращал при этом внимание исследователей на область к востоку от Шпицбергена, района, откуда следует пытаться пройти к полюсу. Однако экспедиция Вейпрехта и Пайера, побывавшая в этой области в 1872—1874 годах, показала, что хотя ледовые условия здесь в среднем сравнительно легкие, но названия «ворот к полюсу» она не заслуживает

наравне со всеми прочими прилегающими к нему областями. Что же касается экспедиции Бечана, то она, в согласии с инструкцией от адмиралтейства, не обладавшего ни знаниями, ни фантазией Петерманна, выбрала участок моря между Гренландией и Шпицбергом, то есть область мощного холодного течения, идущего с севера на юг, где скопление и напор льдов должны были быть, естественно, особенно значительными.

Без особых трудов оба судна — «Доротеа» и «Трент» — достигли 80° северной широты, но здесь они натолкнулись на такую массу льдов, что им пришлось укрыться в одной из бухт на северо-западном побережье Шпицбергена. Через несколько дней была возобновлена попытка пробраться на север, но безуспешно. За два месяца борьбы со льдами удалось пробиться только до $80^{\circ}34'$ северной широты. Надежда на достижение полюса исчезла, и капитан Бечан решил повернуть обратно. Но Франклин не отчаивался и предлагал продолжать попытки пробиться на север. Не находя поддержки среди офицеров высших чинов, стоявших на стороне Бечана, Франклин просил у начальника о разрешении продолжать ему одному путь к полюсу, но тот отказал ему наотрез, и Франклин должен был подчиниться. Спутник его в этой экспедиции, упомянутый выше Бичи, дает описание плавания на «Тренте», причем восторгается стойкостью и храбростью своего начальника, а также тем спокойным тоном, который умел сохранять Франклин в минуты опасности. Эти положительные свойства в соединении с необыкновенной ясностью ума, обдуманностью и решительностью в действиях располагали к Франклину всех, с кем он встречался, и заставляли высоко ценить его. Отвага Франклина выразилась, в частности, в его стремлении продолжать борьбу со льдами на пути к полюсу. Однако впоследствии, после здравого размышления, он, повидимому, сам пришел к выводу, что северный путь в Берингов пролив следует искать не в районе полюса, а в области, прилегающей к северному побережью Америки, то есть там, где так недавно плавал под начальством Джона Росса его друг Парри и где полстолетием раньше произвели свои открытия Мак Энзи и Хирн. И вот не прошло года как Франклин действительно оказался во главе экспедиции, направлявшейся к берегам открытого этими исследователями американского Ледовитого моря.

II. ТЯЖЕЛЫЙ УРОК

Экспедиции 1819—1822 годов — Парри, Франклин

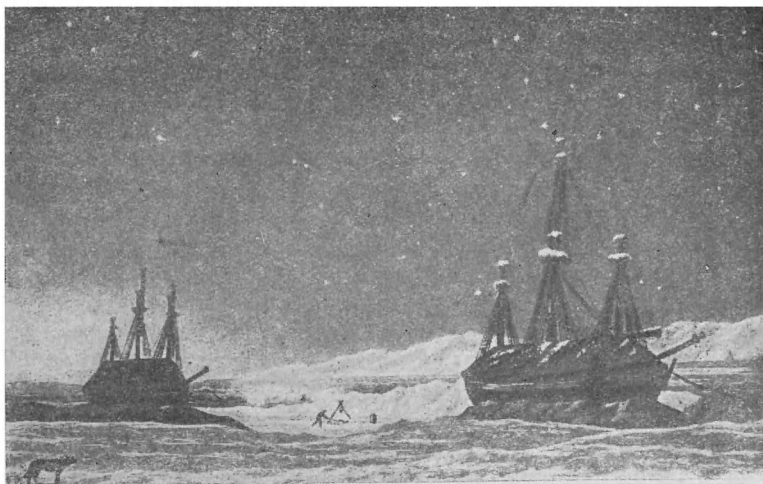
1819 год ознаменовался отправкой двух больших экспедиций, имевших заданием узнать, существует ли Северо-западный проход и насколько он пригоден для мореплавания. Сухопутный отряд, возглавляемый Франклином, получил задание пробиться сквозь тундровую полосу к морскому побережью, обследовать его и нанести на карту. Морской отряд во главе с Парри должен был возобновить попытку пройти к тем же местам по воде, следуя из Баффинова залива в западном направлении.

Чем же объясняется посылка новых, дорогостоящих экспедиций, после того как всего лишь год тому назад две таких же экспедиции вернулись домой почти с пустыми руками? Обратим прежде всего внимание на то характерное обстоятельство, что начальниками экспедиций 1819 года были назначены лица, занимавшие в экспедициях предыдущего года подчиненное положение. Как Франклин, так и Парри протестовали против образа действий своих прежних начальников, когда те поворачивали домой там, где следовало проявить больше настойчивости и смелости. Им удалось доказать в английском адмиралтействе, что неуспех предприятий 1818 года зависел не только от трудностей самих заданий, но и от недостаточно энергичного руководства. Адмиралтейство оценило по достоинству личные качества молодых моряков и потому доверило им ответственную задачу исправить ошибки прежних исследователей и добиться того, что не удалось еще никому. Джон Барроу сумел возбудить в военно-морских и научных кругах Англии настолько живой интерес к проблеме Северо-западного прохода, что скупая казна, оплачивающая только те предприятия, что

сулят ей прибыль, дала необходимые для организации новых экспедиций средства. Впрочем, не подлежит сомнению, что одержимый своей любимой идеей Бэрроу, настаивая на необходимости осуществления экспедиции, не только ссылался на «честь Великобритании», которая требует, чтобы именно англичане решили этот любопытный вопрос, но потратил немало красноречивых слов для доказательства того, во что сам он твердо верить не мог: он рисовал эфемерные выгоды этого предприятия и напоминал, что они могут ускользнуть из рук Англии, если за это дело возьмутся другие нации. Пусть в то время мало склонны были верить в реальную пользу, которую открытие Северо-западного прохода могло бы принести: переубедить скептиков — или по крайней мере склонить их оказать содействие новой попытке решения вопроса — Бэрроу все-таки удалось. В этом помогло ему почти полное отсутствие в то время географических данных об арктической Америке. Нетрудно представить себе те яростные протесты, которые встретил бы Бэрроу, если бы его настойчивые оппоненты хотя отдаленно представляли себе тогда действительные трудности этого предприятия! Своим чередом не следует, однако, забывать, что политическая ситуация того времени была такова, что Англии, продемонстрировавшей столь недавно перед всем миром свое морское могущество, было бы крайне невыгодно уступить какому-либо другому государству славу открывателя Северо-западного прохода, независимо от экономического значения этого открытия. Таким образом случилось, что английские военно-морские круги, выражая классовые интересы и волю британского дворянства и землевладельцев, поддерживали дело отправки новых экспедиций для завоевания арктической Америки.

Начальник морской экспедиции 1819 года, Уильям Эдвард Парри,¹ целиком оправдал возлагавшиеся на него надежды, доказав, что Баффинов залив открыт с западной стороны, куда ведет широкий судоходный пролив Ланкастера. Усмотренные Джоном Россом в 1818 году в глубине этого пролива горы оказались обманом зрения — суда Парри «Гекла» и «Грайпер» тоже встретили их, но горы расплылись в тумане при приближении кораблей. Экспедиция открыла примыкающие к проливу Ланкастера с запада пролив Бэрроу и про-

¹ Под его начальством находились известные уже нам по экспедициям 1818 года Вичи, Сэбин и Джеймс Росс.

«Гекла» и «Грайпер» на зимовке

лив Мельвиля, с юга — пролив принца Регента, с севера — пролив Веллингтона, а также — ряд омываемых водами земель, оказавшихся впоследствии островами. Среди этих островов дальше всего на западе оказался расположенным большой остров Мельвиля.

Таким образом Парри удалось в первое же лето проникнуть далеко вглубь морей, где никогда до него не бывало еще ни одного корабля, и достигнуть притом 110° западной долготы, то есть пройти половину расстояния между проливами Дэвиса на востоке и Беринга на западе. Здесь Парри объявил экипажу своего корабля, что экспедиция выиграла премию в 5000 фунтов стерлингов. Эта премия, а также вторая в 20 000 фунтов стерлингов, были назначены еще в 1743 году, причем большая из них полагалась тому, кто откроет, то есть пройдет, весь Северо-западный проход. Назначенные премии были впоследствии уничтожены и лишь совсем незадолго до поездки Парри опять восстановлены стараниями того же Джона Барроу.

На острове Мельвиля Парри зазимовал. Весной следующего года он сделал было попытку пройти еще дальше к западу, но отказался от нее ввиду тяжелого состояния льдов. В поразительно короткий срок (6 дней) удалось ему пройти расстояние от острова Мельвиля до пролива Ланкастера.

Без задержек прошел он этот пролив, вышел в Баффинов залив и 30 октября 1820 года прибыл в Англию, где был встречен как победитель.

Путешествие Парри, давшее столь знаменательные результаты в области арктической географии, было во всех отношениях замечательным. Экспедиция собрала богатый научный материал по зоологии и ботанике и произвела многочисленные наблюдения в области астрономии, метеорологии, магнитологии и гидрографии. Образ жизни на корабле во время зимовки, работа и досуг команды проводились по разумному плану, а корабельный медик предусмотрел все, что могло сохранить здоровье людей, в результате чего зимовочная экспедиция вернулась домой, потеряв только одного человека из своего состава—случай для того времени исключительный.

Совсем по иному повернулись дела в одновременной экспедиции Франклина, участниками которой были спутник его на «Тренте» Джордж Бак, доктор Джон Ричардсон, младший офицер Худ и матрос Хепберн. 23 мая экспедиция вышла из Англии, имея своей целью Гудзонов залив. 30 августа путешественники прибыли в Йоркскую факторию, — главное депо Гудзоновской компании, — расположенную в глубине Гудзонава залива. Здесь Франклин, не будучи достаточно знакомым с условиями сухопутного путешествия по американской тундре, стал советоваться с главным начальником фактории относительно дальнейшего пути. В инструкции, данной Франклину в Лондоне, предлагалось по возможности воспользоваться какой-нибудь шхуной и пройти на ней на север до залива Уэгер. Это оказалось неосуществимым, так как имевшееся судно находилось в состоянии, непригодном для плавания, и, кроме того, если бы экспедиция отправилась этим путем прямо на север, то была бы лишена возможности нанять охотников и проводников из-за отсутствия их на этом побережье. Поэтому было решено пройти через форт Кумберландхауз и цепь других станций компании до Большого невольничьего озера.

На предоставленной Франклину Гудзоновской компанией большой парусно-весельной лодке экспедиция 9 сентября отправилась вверх по реке Хэйса. Путешествие по рекам этой области чрезвычайно затруднительно вследствие их быстрого течения. Уже в шести милях от Йоркской фактории пришлось отказаться от весел и тянуть лодку бичевой. Впереди предстояло пройти 10 рек и 9 озер, причем нередко приходилось тащить на себе весь груз, включая лодку,

много миль подряд. Путь до Кумберландхауза длился больше месяца. Здесь экспедиции пришлось сделать длительную остановку ввиду наступившей зимы; впереди предстояли еще бóльшие трудности, и экспедиция использовала первую половину зимы, готовясь к дальнейшему путешествию.

Форт Кумберландхауз представляет собой один из опорных пунктов Гудзоновской компании. Хорошо осведомленная о целях экспедиции Франклина, эта компания всемерно поддерживала его, понимая ту выгоду, которую она извлечет для себя в случае удачного завершения экспедиции. Гудзоновская компания — старинное¹ торговое предприятие, поставившее в основу своей деятельности беспощадную эксплуатацию туземного населения, состоящего из индейцев и эскимосов, — была в те времена полновластным хозяином всей земли, прилегающей к Гудзонову заливу, пространством более 6 000 000 квадратных километров. Компания посылала к берегам Ледовитого моря собственные экспедиции как до Франклина, так и после него. Особенно известны старинные экспедиции упомянутого выше Хирна, имевшие целью разведать характер месторождений меди на реке Меднорудной, и позднейшие путешествия знаменитого доктора Джона Рэ. Имея монополию на торговлю по всей этой огромной территории, компания выманивала у туземцев путем обмена ценнейшие меха и другие товары, заставляя их за это принимать европейские изделия самого низкого качества. Достаточно ярким примером методов торговли компании являются официальные цены. Так, обыкновенный охотничий нож в то время стоил одну бобровую шкуру, шерстяное одеяло — восемь бобровых шкур, а ружье — пятнадцать. Другой способ расценки пятидолларового ружья состоял в том, что за него отдавалось столько ценных шкурок, сколько помещалось их развешанными попарно на дуле ружья. Компания ввозила спирт и спаивала местных жителей. Это вскоре повлекло за собой вырождение туземцев и уменьшение населения страны. Отношение агентов компании к местному населению было самое возмутительное. Франклин рассказывает, что нередки случаи, когда путешествующие агенты брали себе в жены десятилетних девочек, а начальство не считало возможным вмешиваться в такого рода дела, из боязни обидеть своего служащего.

¹ Гудзоновская компания была основана и получила все свои привилегии еще в XVII столетии.

Работа агентов компании состояла в скупке товаров у местных жителей, для чего им приходилось совершать непрерывные — нередко по несколько недель — поездки по безлюдным лесам и тундре.

Хорошие, энергичные агенты ценились компанией очень высоко. Но чаще всего именно эти люди бесцеремонно обращались с местным населением, всеми способами выколачивая из добродушных и доверчивых туземцев все возможное и приводя их в конце концов в состояние полной нищеты.

С одним из таких агентов столкнулся Франклин сразу после выхода своего из форта Кумберландхауза 18 января 1820 года. Он отправился в сопровождении Бака и Хелберна в дальнейший путь, лежавший на Карлтонхауз. Затем Франклин намеревался добраться до форта Чипевиян, расположенного на расстоянии 215 миль¹ от Кумберландхауза. На этот путь ему пришлось затратить целых два месяца. В форте Чипевиян Франклин провел еще около четырех месяцев, дождался прихода проводивших всю зиму в Кумберландхаузе Ричардсона и Худа и вместе с ними 18 июля направился к берегам Ледовитого моря, предполагая выйти к тому месту, где в него впадает река Меднорудная. В это время экспедиция состояла из упомянутых уже пяти лиц, двух переводчиков и семнадцати человек канадских носильщиков.

Почти четырнадцать месяцев прошло уже со времени, когда Франклин сел на корабль, увезший его в Америку, а экспедиция не успела за это время сделать ровно ничего. Впрочем, хотя медлительность продвижения вперед и огорчала Франклина, пока что не было особых оснований к беспокойству, так как никто никогда не путешествовал по этим диким местам более быстрыми темпами.

Экспедиционное снаряжение и люди разместились в трех каное. Продовольствия было взято с собой только на один день, так как форт Чипевиян из-за полного отсутствия запасов не был в состоянии снабдить им путешественников. Экспедиция быстро спустилась вниз по реке Невольничьей до Большого невольничьего озера и достигла форта Провидения, основанного Северо-западной компанией.²

¹ Здесь и в дальнейшем изложении, если не будет особой оговорки, разумеется морская миля, равная 1,8 километра.

² Крупная компания, конкурирующая с Гудзоновской. Начиная отсюда и дальше к северу все форты (фактории) принадлежали в то время этой компании.

Здесь Франклин встретился с вождем медных индейцев Акайчо и агентом компании Венцелем, сыгравшим впоследствии большую роль в судьбах экспедиции. Последний был принят Франклином в ее состав, причем ему, как человеку в таких делах чрезвычайно опытному, было поручено приобрести продовольствие и распределить его между участниками экспедиции. На его же обязанности легли надзор над канадскими носильщиками и ведение переговоров с индейцами, как знающему их язык.

Вождь индейцев Акайчо приветствовал экспедицию от имени своего народа и спросил, каково назначение ее. В торжественной обстановке официального приема Акайчо держал себя с большим достоинством. Выпив немного спирта и воды, он объяснил собравшимся, что побудило его принять решение сопровождать экспедицию на ее пути к морю и снабжать ее продовольствием. Он рассчитывал, что посещение его страны такими большими вождями, как Франклин и прочие, принесет ей большую пользу, и был рад, что на его долю выпала великая честь достойно принять их. Попутно Акайчо посетовал на то, что опередивший экспедицию слух, будто с ней едет большой «вождь медицины», воскрешающий мертвых, оказался неверным. «Я уже вперед радовался, — сказал индейский вождь, — что увижу своих умерших родственников; теперь же у меня такое чувство, как будто их у меня отняли вторично».

Франклин был очень доволен помощью индейцев, богато наградил их, пообещал дать им еще больше материи, патронов, пороху, табаку и железных изделий после возвращения и сверх того поручился за то, что все долги индейцев Северозападной компании после завершения похода будут считаться ликвидированными. Посоветовавшись с индейцами и Венцелем, Франклин решил отказаться от своего первоначального плана пересечь Медвежье озеро и спуститься к морю по реке Мэкензи. Избран был кратчайший путь к Меднорудной реке. Необходимо отметить, что дорога через Медвежье озеро и реку Мэкензи была более легкой, чем избранная Франклином. Он не знал этого и предпочел следовать по пути, приблизительно намеченному Хирном, чем идти по следам Мак-Энзи, достаточно подробно описавшего течение впадающей в Ледовитое море реки его имени.

Через несколько дней путешественники отправились в дорогу в сопровождении индейцев. Франклин надеялся еще в текущем году пройти по Меднорудной реке по возможности

до самого моря с тем, чтобы вернуться затем на зимовку к озеру в области истоков этой реки; берега этого озера, согласно рассказу индейцев, часто посещаются оленями и богаты лесом, годным для постройки и отопления.

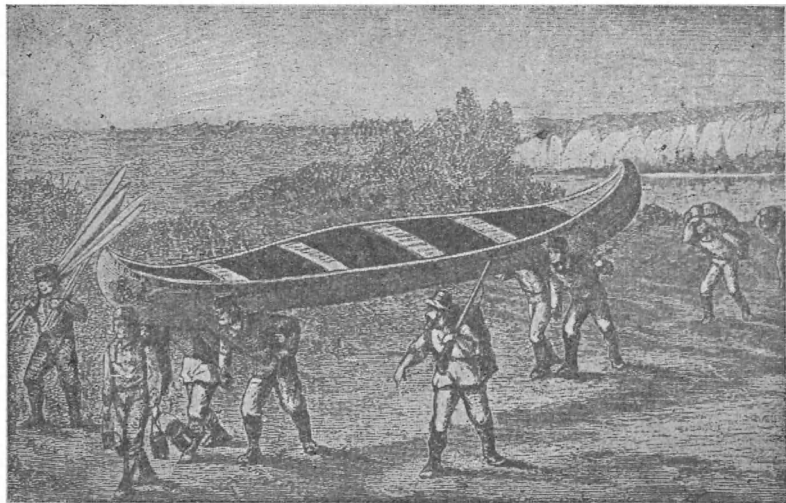
Индейцы снабжали экспедицию свежим мясом животных, убиваемых ими в пути, но не всегда охота бывала удачной, и спутникам Франклина нередко приходилось голодать. Никто из них не имел необходимого в таких путешествиях опыта, и потому снабжение экспедиции продовольствием было поставлено целиком в зависимость от индейцев, тем более, что Гудзоновская компания очень плохо обеспечивала продуктами питания свои собственные агентства, которые не могли оказать никакой существенной поддержки Франклину и его спутникам. Надо полагать, что если бы Франклин был лучше осведомлен об этих обстоятельствах, то он тщательнее запасся бы всем необходимым в самом начале своего похода.

Постоянные переходы по рекам и озерам не представляли больших затруднений, но в области водораздела между реками Мэкензи и Меднорудной все чаще случались перевалы, все чаще приходилось обходить пороги и водопады. Из-за обилия клади носильщикам приходилось по четыре раза проделывать один и тот же путь с тюками и ящиками на плечах. В остальном путешествие протекало, хоть и очень медленно, но вполне благополучно.

И все-таки положение экспедиции возбуждало тревогу. Лето в этих широтах чрезвычайно непродолжительное, и большая часть его уже миновала, тогда как впереди был еще далекий путь. Не было надежды достигнуть моря и успеть во-время вернуться на зимовку обратно в лесистый район.

Остаться зимовать на берегу Ледовитого моря, не располагая ни нужным для этого снаряжением, ни опытом туземцев-эскимосов, означало обречь себя на верную гибель. Как ни печальна была перспектива отложить путешествие к морю до следующего года, приходилось мириться с необходимостью ее.

И вот, 20 августа встал вопрос об устройстве зимовья. Экспедиция достигла озера, считавшегося индейцами подходящим для этой цели. Франклин согласился с этим, но все-таки предложил Акайчо, в согласии с договором, следовать с ним налегке до реки Меднорудной и дальше, до Ледовитого моря. Индейский вождь отказался сопровождать англи-

В походе через водораздел

чан и отсоветовывал им отправляться теперь же в столь трудный и далекий путь. На указания Франклина, что он не держит данного обещания, Акайчо ответил, что, во-первых, в нынешнем году будет необычайно ранняя зима, о чем свидетельствует ряд несомненных признаков, и, во-вторых, он никак не предполагал, что экспедиция будет продвигаться так медленно. В пояснение этого следует сказать, что индейцам вследствие отсутствия поклажи приходилось несравненно легче при переходах, чем членам экспедиции, так как, перебросив свои каноэ из реки в реку, они имели возможность тут же садиться в них и продолжать путешествие.

Франклин вынужден был принять предложение индейского вождя остановиться на зимовку на берегу озера. Акайчо, в свою очередь, согласился помочь Франклину добраться налегке до Меднорудной реки, присоединив к партии во главе с Баком и Худом двух охотников-проводников, на обязанности которых лежало снабжение партии продовольствием.

29 августа Бак нагрузил одно каноэ и выступил в свой небольшой поход. Запасы продовольствия в строящемся форте Предприятие были в это время настолько скудны, что

партия могла взять с собой только восьмидневный рацион, рассчитывая пополнять его охотничьими трофеями. Вся вылазка их длилась, правда, всего лишь 13 дней, так как 10 сентября они были уже дома. Результатом ее было достижение озера, через которое протекает Меднорудная река, отыскать которую Баку, однако, не удалось.

Счастливей Баку был сам Франклин. Закончив ряд работ на станции и поручив надзор за продолжением строительства Венцелю, он 9 сентября отправился вместе с Ричардсоном, Хепберном и несколькими индейцами пешком к Меднорудной реке. Дорога оказалась трудной, так как местность была очень пересеченная, дул сильный ветер и шел снег. Останавливаясь на ночлег, путешественники долго грелись у костра, прежде чем уснуть. Они удивлялись индейцам, которые перед сном снимали с себя всю одежду, распластывали ее на земле, затем, обогревшись немного около огня, закутывались в нее снова и мгновенно засыпали.

Через несколько дней Франклин достиг того же озера и отыскал Меднорудную реку, несущую свои воды в сторону Ледовитого моря. Оказалось, что в области фарватера река была глубокой и что кругом росло много сосны. Оба эти обстоятельства были очень приятны для путешественников, рассчитывавших в будущем году спуститься по этой реке вниз к морю. Закончив свою разведку, Франклин спешно повернул обратно. Последний переход к форту Предприятие был особенно утомителен, но медлить было невозможно, так как вся провизия была съедена до последней крошки.

Франклин вернулся домой 15 сентября и нашел Баку и прочих своих товарищей уже на месте. Он ничего не пишет относительно испытанного им чувства при виде пенящихся вод Меднорудной реки, бывшей предметом его горячего желания. Такую сдержанность проявляет Франклин, конечно, потому, что он сознает относительность своей удачи. При виде Меднорудной реки он, конечно, меньше радовался этому, чем сожалел, что воспользоваться ее быстрым течением для продолжения пути к заветным морским берегам ему придется еще очень нескоро. Тяжелая забота о судьбе возглавляемой им экспедиции, нуждавшейся в самых необходимых вещах, омрачала его радость. Нельзя было забыть, что за все лето 1820 года удалось пройти всего лишь 138 миль!

Десять месяцев провела экспедиция Франклина в построенном ею на берегу Зимнего озера форте Предприятие.

Джордж Бак
(род. в 1796 г., ум. в 1878 г.)

Индейцы, начиная с самой осени, доставляли экспедиции массу разнообразной дичи. Вскоре в доме скопилось мясо от ста оленей, много сала и соленой рыбы. Однако на это ушли все огнеприпасы, а кроме того, народу вместе с индейцами в форте было так много, что даже этих запасов хватило бы ненадолго. Поэтому решено было отправить за продовольствием и другим необходимым Бака в форт Провидения. Здесь он ничего не нашел и отправился дальше до форта Чипевриан.

За время этого похода Бак прошел пешком более 1000 миль, нередко голодая по 2—3 дня сряду. Он проявил совершенно исключительную выдержку и волю к достижению намеченной цели. Путешествие его принадлежит к самым замечательным подвигам в этой области.

Прибыв на место, Бак выяснил, что из посланных с Йоркской фактории десяти ящиков груза пять важнейших было самым противозаконным образом задержано в пути. Все-таки Баку удалось восстановить большую часть недостающего благодаря внимательности заведующих отдельными факториями, уступивших часть своих припасов. На своем пути Бак постоянно сталкивался с различными трудностями. Вскоре выяснилось, что источником всех этих неприятностей был начальник форта Провидения.

С исключительной злобредностью действовал этот человек, распространяя среди индейцев слухи, что члены экспедиции вовсе не представители своего государства, а жалкие бродяги, и что они никогда не будут в состоянии оплатить долги индейцам; экспедиции он заявил, будто у него есть распоряжение не выдавать им ничего из запасов фактории. Когда же Бак добился от него получения ста оружейных пуль, то этот мошенник поставил условием обязательное возвращение их при первой возможности.

Эти недоразумения заметно отразились на взаимоотношениях экспедиции с Акайчо. Впрочем, Франклину удалось в конце концов доказать индейскому начальнику всю несправедливость этих нападок. Акайчо, отличавшийся недюжинным умом, понял в чем дело, и отношения приняли, казалось, прежний сердечный характер. Особенно благоприятное впечатление произвело на Акайчо прибытие вызванных издалека двух эскимосов-переводчиков. Он понял, что такая затея не по плечу обыкновенному проходимцу и что экспедиция действительно во что бы то ни стало решила добиться выхода к морю.

Однако Акайчо успел сообразить, что если среди белых людей не все беспрекословно подчиняются воле начальника экспедиции, то и ему, как вождю большого индейского племени, пристало держать себя в присутствии белого начальника с большей самостоятельностью. В результате участились случаи недоразумений при переговорах между индейцами и экспедицией.

Возвратимся к описанию жизни в зимнем лагере Франклина. Зима 1820/21 года была исключительно суровой. Жителям форта Предприятие приходилось очень туго. Экспедиции нехватало очень многих предметов первой необходимости, не говоря о том, что питание было чрезвычайно недостаточным.

«Питание наше, — рассказывает Франклин, — состояло почти исключительно из оленины. К этому два раза в неделю добавлялась рыба, а изредка немного мучного. Овощей не было совсем. По воскресениям мы выпивали утром по чашке шоколаду. Но главным нашим лакомством был чай, который мы пили по два раза в день.

«Из оленьего сала и полос ткани, оторванных от наших хлопчатобумажных рубах, мы готовили свечи, а Хепберн научился варить мыло из смеси сала, золы и соли.

«Сильный мороз принес нам большой убыток: деревья промерзали насквозь, и рубить их становилось очень трудно, вследствие чего сломалось несколько топоров, и в конце концов сохранился только один единственный. Его пришлось доверить нашему плотнику, который сумел сохранить топор в целости до времени возвращения наших людей из форта Провидение, доставивших нам запасные».

Насколько велика была нужда в зимнем лагере Франклина, видно уже из этих немногих слов, но можно было бы привести еще любопытные цитаты из его книги, дающие яркое представление о том, как жили Франклин и его товарищи и как они боролись с бесчисленными окружающими их лишениями. Тем удивительнее бодрость и готовность к новым испытаниям, царившие среди зимовщиков, с нетерпением ожидавших продолжения путешествия в следующем году.

В середине января из форта Провидение вернулся отряд носильщиков, посланный туда за продуктами и охотничьими припасами. В конце этого месяца в лагерь экспедиции пришли в сопровождении Венцеля два эскимоса, названные Августом и Июнем, предлагавшие свои услуги в каче-

стве переводчиков при предстоявших встречах с эскимосами. Август говорил по-английски; услуги его в качестве не столько переводчика, сколько охотника и преданного члена экспедиции, были неоценимы. С именем его связаны наиболее тяжелые моменты, пережитые экспедицией, с ним же связана тесно вся история следующей, более поздней экспедиции Франклина.

В марте вернулся из своего удивительного похода Бак и привез много необходимых вещей. Тогда же пришло известие от одного индейского вождя, что он согласен приготовить для экспедиции некоторое количество сушеного мяса взамен пороха и пуль. Это предложение было, конечно, радостно принято.

Апрель был, несмотря на все это, месяцем сильнейшего недоедания, так как индейцы совсем перестали приносить дичь. В результате все запасенное для весеннего похода толченое мясо было быстро уничтожено. В это время всем членам экспедиции приходилось довольствоваться приемом пищи всего лишь один раз в сутки. Люди сильно исхудали и ослабели. Впрочем, не лучше чувствовали себя семьи индейцев, расположившихся вокруг форта.

В конце апреля положение с продовольствием стало почти нестерпимым. По счастью, в это время вернулся эскимос Август, сопровождавший Акайчо в его зимнем охотничьем походе. Август прибыл с грузом мяса и с извещением, что у индейцев есть большие запасы дичи. Навстречу индейцам выступил Венцель во главе отряда носильщиков.

Уже в начале мая сильно потеплело, и Франклин стал беспокоиться, как бы не упустить лучшего времени для продолжения путешествия. 21 мая в форте Предприятие стало известно, что к нему приближается индейский вождь Акайчо с тем, чтобы, в соответствии с данным обещанием, сопроводить экспедицию на ее пути к морю.

Акайчо явился, но, к сожалению, оказалось, что он не успел избавиться от дурного впечатления от клеветнических рассказов об экспедиции, состряпанных ее недоброжелателями. Вождь большого индейского племени считал нужным предварительно узнать, какова будет польза для его народа от сотрудничества с экспедицией. Относительно похода на север он считал, что это предприятие чрезвычайно рискованное, и стал энергично отсоветовывать посещение морского побережья, так как оно сулит верную гибель.

После долгих пререканий Франклину все же удалось уговорить Акайчо следовать за ним. Договорившись с индейцами относительно всех подробностей совместного похода, Франклин согласовал также вопрос об участии в походе Венцеля. Было решено, что после прибытия к берегу моря он покинет экспедицию и вернется обратно вместе с индейцами. Ему было поручено после расставания с экспедицией заложить в определенных точках продовольственные склады.

4 июня 1821 года выступил с первой партией людей Ричардсон и вскоре прибыл к озеру, через которое протекает Меднорудная река. 13-го стало известно, что Ричардсон ждет остальных на берегу озера, и 14-го отправился в дорогу главный отряд. Прошло больше месяца, прежде чем экспедиция добралась до устья Меднорудной реки.

На пути следования экспедиции все чаще и чаще стали встречаться группы эскимосов, которые, заведя отряд, обычно разбегались. Однажды группа канадских носильщиков случайно натолкнулась на семейство эскимосов, причем женщины сразу убежали, а мужчины стали следовать по сторонам на некотором расстоянии от канадцев, проделывая руками и телом какие-то непонятные резкие движения. Из попыток завязать с ними отношения ничего не вышло. Один старый эскимос замешкался, и Август поспешил к нему, желая объясниться. Старик, уверенный, что настал его последний час, бросил в своего врага копьем. Август легко отразил беспомощный удар и обратился к старику на эскимосском языке. Им удалось понять друг друга, несмотря на различие диалектов. Старый Терреганнеук, что значит «Белая лисица», рассказал много интересного и важного для экспедиции о том, где и какие животные водятся вдоль морского побережья в районе Меднорудной реки.

Толпы эскимосов, становившиеся все более многочисленными, начали вызывать беспокойство среди индейцев, находившихся во враждебных отношениях с их племенем. В конце концов страх перед опасностью оказаться отрезанными от родины на обратном пути заставил Акайчо идти к Франклину и заявить ему, что индейцы проводят экспедицию не доходя 10 миль до моря, после чего должны будут повернуть назад. Франклин вынужден был согласиться с этим, но поставил условием, чтобы индейцы задержались на некоторое время в районе Медных гор в ожидании прихода Венцеля, согласившегося проводить экспедицию до самого моря. Акайчо обязался кроме того настрелять для экс-

педиции возможно больше дичи и сложить ее в складах по берегам Меднорудной реки.

Франклин придавал большое значение завязке хороших отношений с эскимосами и потому, в противоположность индейцам, очень желал скорейшей встречи с ними. Когда хижины эскимосов и их жители стали встречаться во все большем количестве, Франклин сделал попытку связаться с ними. С этой целью Август и Июнь, одевшись в свои национальные костюмы, отправились на берег.

Справедливо опасаясь, что эскимосы могут испугаться встречи со своими врагами-индейцами, Франклин велел им держаться в стороне, но Акайчо ни за что не соглашался оставаться со своим небольшим отрядом один из боязни нападения. С трудом удалось уговорить Акайчо отойти хоть немного в сторону и не проявлять излишнего любопытства по поводу переговоров с эскимосами.

Отправившиеся к своим соплеменникам переводчики отсутствовали несколько дней, вызвав среди остальных участников экспедиции серьезные опасения относительно их судьбы. Вернувшись обратно, они сообщили, что с большим трудом им удалось договориться с местными жителями относительно обмена продуктов питания на разные предметы, которыми располагала экспедиция, но что из этого дела ничего не вышло по вине самой экспедиции. Оказалось, что несколько человек наблюдало за приближавшимися эскимосами из-за холма. Заметив, что за ними наблюдают исподтишка, туземцы моментально повернули обратно, сломали свои хижины в знак военного положения и ушли прочь.

Для Франклина такое положение вещей было очень неприятным не только потому, что ему нужно было продовольствие, но и потому, что лишь от местных жителей можно было получить сведения относительно конфигурации морского берега в районе, прилегающем к устью Меднорудной реки. К несчастью, ни одна из встреч с туземцами не привела к завязке дружественных отношений, и прибывшая к морю экспедиция осталась таким образом одна, без продуктов, не зная, куда идти дальше.

День 18 июля был историческим днем — Франклин увидел море. После Мак-Энзи и Хирна он был первым европейцем, достигшим Ледовитого моря со стороны материкового побережья.

19 июля Венцель согласно уговору покинул экспедицию в сопровождении четырех канадских носильщиков. Он увез

с собой письма на родину и взял на себя поручение устроить продовольственную базу в форте Предприятие. Нагнать индейцев Венцелю удалось только на расстоянии суточного перехода за Медной горой — так далеко увлек их страх перед эскимосами.

В экспедиции осталось двадцать человек. Позади была порожистая река, предстояло путешествие по морю в тех же непрочных каноэ, что вызвало в среде канадцев серьезные опасения за свою судьбу. Начинавшееся недовольство удалось, однако, ликвидировать путем уговоров. Немало помог при этом матрос Хепберн, чувствовавший себя на море, как дома.

«Мы гребли весь день, — рассказывает Франклин, — идя в восточном направлении вдоль берега, следуя между ним и сплошным рядом островов. Льда мы видели очень мало, лишь на севере виднелось ледяное небо, и невдалеке от нас плавал небольшой айсберг. Мы заметили по пене на воде между островами существование течения, но не могли определить его направления. Нам удалось убить очень жирного оленя, какого мы не видели уже в течение многих месяцев.

«Вечером этого дня мы были настроены чрезвычайно радостно, так как отклонение береговой линии на восток и отсутствие льдов сулило хорошие перспективы.

«22-го мы сели в лодки в 4 часа утра и плыли при слабом благоприятном ветерке на парусах вдоль побережья одиннадцать часов. Дальше берег был очень каменистый и повернул неожиданно на север, образуя крутой мыс. Здесь скопилось немного пловучего льда, и можно было опасаться, что он загородит нам путь. Мы все же рискнули, пользуясь тихой погодой, протолкаться через узкие каналы между льдинами и благополучно прошли дальше».

В течение следующих дней хрупкие суденышки Франклина медленно продвигались на восток. Временами их задерживал подходивший к берегам лед, иногда мешали ветер и туман, но все были довольны достигнутым скромным успехом. Особенно опасным был переход, совершенный 25 июля. В этот день дул благоприятный ветер, но было очень туманно. Франклин рискнул воспользоваться ветром и, действительно, продвинулся довольно далеко вперед, как вдруг навстречу каноэ из тумана вынырнули огромные льдины. Спасти удалось только благодаря храбрости нескольких человек, с полным присутствием духа и большой ловкостью перескочивших на лед и оттолкнувших оба каноэ

баграми. 26-го числа было новое столкновение со льдами, по счастью закончившееся благополучно.

В течение всего следующего дня лед в бухте продолжал держаться, и потому путешественники решили перетящить весь свой груз и лодки через косу в соседний залив. Здесь льда было не меньше, чем в первом заливе, и потому продолжать путешествие в этот день было невозможно. 28-го состояние льдов было прежним, а 29-го льды сначала немного расступились, но вскоре опять сомкнулись. Потеряв терпение, Франклин решил проломить для своих каноев дорогу сквозь лед, и, действительно, это ему отчасти удалось. Целых три мили было пройдено во льду, отчего довольно серьезно пострадали сделанные из древесной коры каноев. Починка их, правда, не заняла слишком много времени, но было ясно, что часто подвергать каноев таким испытаниям нельзя.

В течение следующих дней ледовые условия несколько улучшились. Экспедиция достигла устья какой-то реки. В расчете, что здесь должны стоять летние шалаши эскимосов, Франклин повернул лодки в реку. Кроме того он отрядил с подарками Августа, Июня и Хелберна по берегу искать туземцев. Однако ни Франклин, ни переводчики не повстречали никого и через день вернулись обратно к устью. Река получила впоследствии имя реки Худа в честь верного спутника Франклина, отдавшего впоследствии свою жизнь делу экспедиции.

Дальнейшее продвижение Франклина в восточном направлении не встречало уже со стороны льдов серьезных помех и потому проходило довольно успешно и быстро. Только туманы и сильные шквалистые ветры заставляли путешественников иногда останавливаться. Неожиданно впереди, прямо на востоке, показался берег, линия которого приходилась перпендикулярно к пути экспедиции. Пришлось потратить несколько дней на исследование уходящего глубоко внутрь материка залива Бэзерста и побережья бухты Коронации, направленного прямо на север.

Это вынужденное отклонение от прямого пути на восток очень огорчило Франклина, хорошо понимавшего, чем грозит ему каждый день задержки. Запасы экспедиции были совсем ничтожны, и временами приходилось открывать банки с пеммиканом,¹ рассчитанные только на обратный путь. По

¹ Концентрированная пища из мясного порошка, жиров и сухарной муки.

счастьем, эскимосам удавалось время от времени убивать подходящих к берегу оленей, попадались даже буйволы и бурые медведи. Прочие члены экспедиции занимались больше рыбной ловлей, но не всегда с одинаковым успехом. Лучшей иллюстрацией положения, в котором находилась экспедиция в это время, могут служить слова из дневника Франклина.

В записи, относящейся к 8 августа, сказано следующее: «После того как мы позавтракали, у нас осталось всего лишь два мешка пеммикана и еще на один раз вяленого мяса. Наши люди начинают беспокоиться, как бы мы не оказались скоро совсем без продовольствия, так как олени через несколько дней покинут побережье. Но вот, когда мы сажались уже в лодки, на противоположном берегу показался большой медведь, которого удалось, по счастью, уложить. При виде его жирного мяса вся озабоченность людей на короткий момент пропала». Желая во что бы то ни стало сохранить пеммикан нетронутым, путешественники решили пока что пробавляться одной охотой, предпочитая лучше голодать теперь, чем рисковать остаться в будущем без всякой пищи.

В течение следующих дней Франклин поднялся вдоль идущего на север берега до бухты, врезающейся в сушу в восточном направлении. Миновав ее, он вскоре вышел к мысу, глубоко выступающему в открытое море. Еще через несколько дней экспедиция достигла точки, за которой береговая линия принимала прежнее восточное направление. На море была буря, и о дальнейшем походе пока что нечего было думать. 18 августа Франклин, Ричардсон и Бак пошли пешком по берегу и убедились при этом, что он сохраняет прежнее направление.

К этому времени сделанные из коры каноэ настолько распатались от ударов об льдины и волны, что дальнейшее пользование ими было не безопасным. Легко могло случиться, что челнок разломится на волне пополам и весь груз и люди окажутся в воде. Уже несколько дней, как канадцы, не привыкшие путешествовать по морю, стали громко роптать. Они требовали прекращения путешествия, и Франклин должен был признаться, что недалек день, когда он вынужден будет смириться.

«Много обстоятельств убедило меня, — говорит Франклин, — что скоро придет эта неприятная необходимость. Сильные ветры, с которыми нам в течение последних дней

пришлось иметь дело, напоминали мне о скором наступлении зимы, которую мы не могли встретить здесь в этой, лишенной всякого топлива стороне. Запас нашего продовольствия состоял из трехдневного рациона пеммикана. Ожидать обогащения этого запаса было неоткуда, так как на плоском берегу, около которого мы стояли, не было возможности подкрасться к дичи, к тому же скоро откочевывающей на юг. Было ясно, что, потеряв много времени на обследование бухт, мы не имеем видов на достижение бухты Репульс, которая представлялась нам целью в начале путешествия. Также ясно было, что мы не можем продолжать удаляться от торговых пунктов, не подвергая себя еще большей опасности».

Эти вполне резонные выводы Франклин сообщил своим спутникам, которые во всем согласились с мнением своего начальника. Таким образом было решено повернуть обратно, а точку, достигнутую 18 августа, назвать мысом Поворотным.

На обратном пути к реке Худа каное попали в ужасную бурю. С трудом удалось Франклину выброситься на отменный берег, отделавшись сравнительно небольшими повреждениями своих ломких суденышек. 25-го экспедиция прибыла к своей цели — устью реки Худа и поднялась по ней до первых порогов. План Франклина состоял в том, чтобы подняться по этой реке возможно выше в своих каное и переделать их затем на маленькие, которые было бы легко переносить на плечах. Таким путем он надеялся достигнуть форта Предприятие.

В результате морского плавания Франклина было пройдено до Поворотного мыса 555 миль. К сожалению, в долгом направлении Франклин проследил побережье лишь на небольшом расстоянии, так как, следуя вдоль самого берега, каное заходили во все многочисленные заливы, встречавшиеся на пути. Обезд и съемка одного лишь залива Бэзерст заняли целых 9 дней. Франклин, сетуя на это, оправдывает такую, казалось бы, лишнюю трату времени тем, что у него не было другого выхода, поскольку в задачу его входило проследить направление береговой линии американского материка, а не архипелага островов.

От Поворотного мыса до бухты Репульс на севере Гудзона залива оставалось 130 миль, тогда как экспедиция прошла по прямой линии только 40. От первоначальной надежды достигнуть этой бухты пришлось отказаться и по-

С каноэ по зимнему пути

вернуть обратно в сторону форта Предприятие. К выбору района устья реки Худа Франклина побудило то обстоятельство, что здесь не так давно еще было замечено большое количество дичи. Дальнейший путь надеялись проделать еще до зимы.

В устье реки Худа был оставлен весь лишний багаж. Вещи, могущие оказаться полезными в быту эскимосов, были расставлены так, чтобы их было видно издалека. В оловянный ящик была вложена записка, содержащая описание хода экспедиции, а ящик закопан в землю.

Ожидание Франклина найти вдоль побережья реки много дичи не оправдалось. Ни Август, отправившийся пешком на охоту, ни путешественники, плывшие в своих каноэ, не видели зверей, поспешивших удалиться в более южные широты перед лицом наступающей зимы.

На следующий день Франклин и его спутники подошли к месту, где река образует большой красивый водопад. Оба каноэ были вытасканы на берег и разобраны на части, из которых в течение нескольких дней изготовили два челнока значительно меньшего размера.

С первым днем сентября начались морозы и выпал снег. Зима вступала в свои права. Сильные бури гнали навстречу

усталым путникам горы снега, вынуждая людей к частым остановкам. Достать топливо было неоткуда, людям пришлось ложиться прямо на замерзшую землю. Была роздана последняя порция пеммикана, и впереди был голод. Изнеможенные люди падали от дуновения ветра и нередко теряли сознание. Огромного напряжения силы воли стоило не бросить на дороге поклажу, валившуюся из рук. Труднее всего было нести оба каное, постоянно падавшие на землю. Наконец, одно из них совсем разбилось, и его использовали для костра, на котором сварили остатки мяса.

Носильщик, разбивший каное, не раз говорил, что, как только придет его очередь нести челнок, он непременно бросит его и приведет в негодность. Повидимому, он действительно исполнил свое намерение при первой возможности. Характернее всего, что этот инцидент скорее обрадовал остальных носильщиков, несмотря на то, что все они прекрасно знали, как необходимо иметь именно два челнока, так как легко могло случиться, что экспедиции пришлось бы разделиться на два отряда, чтобы легче найти себе пропитание в покрытой снегом тундре.

Царил страшный голод. К счастью, вскоре путешественники прибыли в гористую местность, покрытую большими камнями, густо поросшими съедобным лишайником. Отвратительный на вкус и вредно отзывающийся на здоровье, он все же избавил людей от голодной смерти. Изредка только удавалось добыть белых куропаток. 10 сентября повстречали стадо мускусных быков. Одну самку удалось убить, вторую ранили, но она убежала. Не прошло и несколько минут, как с убитого животного сняли шкуру, а содержимое желудка и кишки съели тут же на месте, и даже самым разборчивым это блюдо казалось вкусным.

С каждым днем все медленнее двигалась экспедиция к своей цели, все короче становились переходы. Невыносимый голод, хуже чем трудности пути, досаждал несчастным путникам. Дисциплина ослабла, стоило много труда держать всех людей вместе — они отставали и разбредались по сторонам. В течение многих дней путешественники питались одними только лишайниками, приправляемыми жженой кожей от сапогов и ремней.

«В обычных условиях нам хватило бы этого, — говорит Франклин, — но постоянное недоедание и трудности пути страшно утомили нас, и чувство голода достигло чудовищной силы».

Снега выпадало все больше, и добывать лишайники становилось все трудней, а запасы кожи заметно сокращались. Однако случались и счастливые дни. Однажды были обнаружены остатки загрызенного минувшей весной оленя, в другой раз нашли в расщелине скалы труп упавшего туда животного. В пищу шло все, не исключая рогов, костей и даже сухого помета. Редко-редко случалось, что кто-либо из охотников приносил одну-две куропатки, как добавление к скудному обеду экспедиции. Впрочем, впоследствии стало известным, что изголодавшиеся охотники иногда съедали убитую дичь тут же на месте и приходили в лагерь с пустыми руками.

После отъезда Венцеля распределением пищи ведал Худ, исполнявший свою тяжелую обязанность с исключительной добросовестностью. Худ всегда оставлял себе самую маленькую порцию, но ничтожность выдаваемых рационов вызывала недовольство канадцев. Были также отмечены случаи кражи мяса у своих же товарищей, носившей в тех условиях характер тягчайшего преступления.

26 сентября экспедиция добралась до Меднорудной реки. Положение казалось безвыходным, так как у экспедиции не было средств переправиться через нее — последнее каное было оставлено в пути, потому что после нескольких падений пришло в совершенную негодность. Впрочем, каное, по всей вероятности, можно было бы еще починить, но измученные носильщики самовольно бросили его. Вообще же утомление было так велико, что ничто не могло заставить носильщиков повиноваться: ни страх перед наказанием, ни надежда на награду.

Восемь дней было потрачено впустую в поисках брода через реку 400 футов¹ ширины и средств для переправы через нее. В конце концов было решено построить плот из низкорослого ивняка, росшего на берегу. Постройку и испытание плота Франклин описывает следующим образом:

«С раннего утра начали люди таскать кучки ивовых сучьев, и к 7 часам плот был готов. Однако подъемная сила плота оказалась очень незначительной, так как ива была свежесрубленная. Все же мы надеялись на удачу предприятия, лишь бы удалось как-нибудь перебросить веревки на другую сторону реки. Двое наиболее крепких людей неоднократно пытались переправиться на плоту, но это им не уда-

¹ В цитируемых отрывках всюду приводятся английские меры длины — фут и дюйм, в переводе на метрическую систему равные: первый — 30,48 сантиметра, а второй — 25,4 миллиметра.

лось, так как у них не было весла. При подталкивании их всем прочим людям приходилось влезать по пояс в ледяную воду. После различных неудачных попыток оба плотных решили, что задача эта невыполнима. Тогда доктор Ричардсон, который принимал очень близко к сердцу страдания своих сотоварищей, вызвался переплыть реку,¹ с тем, чтобы с помощью веревки переправить затем и плот. Он обвязался веревкой и пошел в воду. Однако уже на небольшом расстоянии от берега у него заоченели руки, и он потерял способность шевелить ими. Все-таки он не отказался от своего намерения и, плывя на спине, достиг было уже противоположного берега, как вдруг у него онемели ноги и он стал, к нашему величайшему ужасу, тонуть. Тогда потянули за веревку, и тело снова появилось над водой. В почти безжизненном состоянии вытащили доктора на берег. Ко всему этому следует добавить, что еще при спуске в воду наш друг наступил на кинжал и поранил себе ногу до кости. Даже эта неудача не удержала его от попытки осуществить свое благородное дело».

На следующий день люди отправились собирать более сухие ветки ивы. Сильный ветер помешал испытанию нового плота. Наконец, днем позднее, один из переводчиков напал на спасительную мысль построить челнок из веток ивы и клеенки, в которую заворачивались постельные принадлежности. Через три дня работа по сооружению челнока была закончена и переправа в нем благополучно завершена. Надежда на достижение форта Предприятие воскресла.

Франклин рассказывает, что в это время он сам был так слаб, что не мог сделать пути в $\frac{3}{4}$ мили и часто падал в дороге. Худ, совершенно не переваривавший пищи из лишайников, был настоящей тенью. Бак был так слаб, что не мог ходить без палки, а доктор Ричардсон сверх всего не владел одной ногой. Несколько лучше было состояние Хепберна, большей частью поставлявшего им лишайники для стола. Канадцы были в общем физически крепче, но настроенные у них было плохое.

Немедленно после завершения переправы через реку Франклин направил двух канадцев во главе с наиболее крепким из своих помощников, Баком, в форт Предприятие, чтобы уведомить индейцев о печальном состоянии экспедиции и по возможности снабдить оставшихся позади продоволь-

¹ Температура воды не превышала + 2°66 Р.

ствием. Все надеялись на то, что Венцель успел исполнить возложенное на него поручение, заготовив в форте провизию.

Казалось, что через несколько дней ближайшая цель будет достигнута и все получают заслуженный отдых. Экспедиция двигалась по следам ушедшего вперед Бака. Однако продвижение было крайне медленно из-за слабости путников и глубокого снега. Вскоре двое из канадцев, желудок которых не принимал пищи из лишайников, отказались продолжать поход. У них отобрали весь лишний груз, и тогда они снова продолжали путь.

На следующий день «мы оставили лагерь в 9 часов утра, — пишет Франклин. — Наш путь пролегал через ряд голых холмов. Чтобы подкрепить себя перед отправкой в столь трудный путь, мы съели остатки наших старых сапогов и все ремни, какие удалось отыскать». Вскоре оба канадца отстали. За ними возвращались доктор Ричардсон и некоторые из товарищей, но ни у кого не было сил нести несчастных. Пришлось оставить их в снежной пустыне одних. Величайшее уныние овладело остальными. Вскоре совершенно обессилевший Худ предложил тоже остаться вместе с доктором Ричардсоном в первой же точке, где оказалось бы достаточное количество топлива и десятидневный запас лишайников. В пользу этого плана говорило не только плачевное состояние Худа, но и возможность подать помощь отставшим канадцам, если бы они все-таки нашли силы тащиться по следам главной партии.

Вскоре набрали на скалистую местность, где на склонах каменных глыб росло много лишайников и была целая рощица низкорослого ивняка. Здесь остались Худ, Ричардсон и добровольно вызвавшийся Хепберн. Остальным было объявлено, что желающие могут к ним присоединиться. Однако никто не пожелал остаться, и только индеец Михель немного колебался в своем решении. Тяжело было расставаться друзьям, но другого выхода не было. Вечером следующего же дня Михель и один канадец заявили, что они не в состоянии идти дальше, и настойчиво просили разрешения вернуться к отставшим товарищам. В конце концов Франклина пришлось согласиться с этим. При этом он поручил им известить Ричардсона и Худа о том, что совсем вблизи от их лагеря есть сосновая роща, где укрыться от холода легче, чем в ивовом кустарнике.

Через день еще двое совершенно обессилевших носильщиков вынуждены были отказаться от продолжения пути.

Их пробовали уговорить идти дальше, но один из них уже спустя десять минут с плачем заявил, что сил у него больше нет, а второй, пройдя несколько часов, окончательно измученный, опустился на землю, и отряду пришлось идти дальше, бросив их обоих.

Из основного отряда экспедиции осталось пять человек — Франклин, индеец-переводчик и трое канадцев. Наконец прибыли в хорошо знакомую местность, что очень подняло дух путешественников. «Надежда и страх чередовались в нас при мысли о том, что нас там ожидает, — пишет Франклин, — и если обычно мы в пути ободряли друг друга разговорами, то сейчас шли в глухом молчании. Наконец мы достигли форта Предприятие и нашли там, к нашему невыразимому огорчению, все в самом заброшенном виде. Мы не увидели на складе ни провизии, ни следов индейцев, ни письма от Венцеля с указанием о их местонахождении. Все мы рыдали...» Единственное, что нашли здесь, была записка от побывавшего тут два дня тому назад Бака. Он сообщил, что отправился на поиски индейцев и что в случае неудачи поисков направится за помощью в форт Провидение. Тут же в письме он высказывал сомнение в том, что ему удастся выполнить взятую на себя задачу из-за большого расстояния до форта и совершенного бессилия членов отряда. Невыполнение Венцелем взятого на себя обязательства снабдить форт Предприятие провизией объяснялось тяжелыми условиями, в которых он очутился, возвращаясь с берегов Ледовитого моря. В течение одиннадцати дней он сам питался одними только лишайниками. В форте Провидение не оказалось патронов и пуль, а впоследствии, когда снаряды были получены, индейцы не могли выйти на охоту, так как этому помешала случайная гибель лучших охотников племени.

Находясь в полном отчаянии, Франклин и его спутники вспомнили, что перед отправкой в поход к морю здесь были выброшены несколько оленьих шкур. Их разыскали, выкопали из золы и пепла давно угасших костров остатки костей убитых оленей. Считая себя обеспеченными на некоторое время пищей, Франклин и его спутники остались в форте на отдых. В смеси с лишайниками жженная кость легче усваивалась, тогда как в чистом виде она вызывала образование язв на губах и гортани. Во время одной из таких трапез неожиданно открылась дверь, и вошел эскимос Август, давно отделившийся от экспедиции и считавшийся

пропавшим. Его состояние было значительно лучше остальных, так как на своем пути он раздобывал себе дичь. Приход его вызвал большую радость, тем более, что именно при его содействии можно было надеяться получать хоть изредка свежее мясо.

На третий день пребывания в форте Предприятие явился один из канадцев, отправленный Баком с запросом о дальнейшем образе действий. Состояние бедного носильщика было ужасно. Он не мог говорить, одежда его представляла собой сплошной ледяной панцирь, так как на пути к форту он упал в воду. Четыре дня потребовалось ему, чтобы хоть немного вернуть себе силы. Отправив его обратно, Франклин сам собрался в путь к форту Провидение в сопровождении эскимоса и носильщика. На Предприятии были оставлены совершенно неспособный двигаться больной переводчик-индеец и два носильщика, не пожелавшие сопровождать уходящих.

Предстояла большая, трудная дорога. Занялись сооружением и починкой лыж и обжиганием кожи для пищи. Когда все было готово, люди тепло распростились, и хотя все старались казаться бодрыми, никто не мог быть уверен, что увидит своих товарищей живыми. Сразу же после выхода из форта оказалось, что люди настолько слабы, что идти не могут. Сверхчеловеческими усилиями заставляли они себя переставлять ноги. Так прошли четыре мили. На ночь все легли рядом, тесно прижавшись друг к другу, стараясь спастись от пронизывающего, леденящего ветра. На следующее утро погода оказалась мягкой, но силы у путешественников не прибавилось. Франклин попал ногой между камнями и сломал лыжу. Тогда он решил вернуться обратно, чтобы не задерживать остальных.

По прибытии в форт Предприятие Франклин застал грустную картину: один из канадцев лежал пластом рядом с индейцем, и вся работа по добыче дров и приготовлению пищи выполнялась третьим человеком, изнемогавшим от усталости. Для этих людей возвращение Франклина было спасением, так как он принялся помогать в хозяйстве. Франклин готовил пищу, а канадец носил дрова и толоч кости. Оба человека, лежавшие на полу, непрерывно плакали; апатия их дошла до такой степени, что приходилось их подолгу упрашивать принять пищу.

Прошло несколько дней. Положение за этот срок стало еще тяжелей. Главный работник в доме внезапно совершенно

ослабел. Его заменили Франклин и другой носильщик. Вдвоем они таскали дрова, то и дело падая по пути. Рты людей находились к этому времени в таком ужасном состоянии, что пришлось отказаться от употребления внутрь костяного отвара и перейти на вареную оленью кожу. Однажды в полумиле от дома прошло стадо оленей. Никто не вышел на охоту, так как, едва удерживая в руках ружье, люди не были в состоянии следовать за оленями.

В тот же день вечером, когда обитатели форта сидели вокруг огня и беседовали о том, как выйти из создавшегося положения, в соседней комнате послышался шум. Первая мысль была, что это индейцы. Вошли доктор Ричардсон и Хепберн, каждый со своей котомкой. На вопрос: где остальные? — Ричардсон глухим голосом сообщил: Худ и Михель умерли, а двое канадцев пропали без вести. Глубокое уныние овладело всеми.

Трудно представить себе более жуткую трагедию, чем та, что разыгралась в лагере Ричардсона.

После расставания с Франклином Ричардсон, Худ и Хепберн жили в лагере до тех пор, пока не вырубili всего ивняка. Однажды к ним пришел Михель с письмом от Франклина, в котором сообщалось, что Михель и один канадский носильщик из-за полного отсутствия сил вынуждены вернуться назад. Михель сообщил, что он вчера утром оставил отряд Франклина, но затем потерял дорогу, а что касается канадца, то он, повидимому, совсем заблудился, так как его до сих пор нет. Впоследствии выяснилось, что словам Михеля нельзя было верить и что дело обстояло совершенно иначе.

Приход Михеля, опытного охотника, человека, хорошо знакомого с местными условиями, сразу очень ободрил всех и, действительно, он принес с собой убитых зайца и куропатку. Ранним утром следующего дня Хепберн, Ричардсон и Михель взялись за переброску вещей в сосновую рощу, ту самую, о которой в письме говорил Франклин. В своем отчете о судьбах и о делах отряда Ричардсон отмечает, что «тогда мы не обратили внимания на то странное обстоятельство, что Михель, бывший нашим проводником, не мог знать так точно пути к роще, если бы было правдой то, что он вчера долго блуждал». Дальше Ричардсон рассказывает: «Михель сообщил нам, что у него есть ружье, полученное от одного из носильщиков. Этот носильщик несколько позднее тоже отстал от отряда Франклина, но, по словам этого

последнего, никакой передачи ружья при прощании Михеля с его товарищами не было». Однако в то время это обстоятельство еще не было известно.

Утомленные переходом люди вернулись на ночевку в лагерь, но Михель предпочел провести ночь под соснами, попросив при этом, чтобы ему оставили топор, и пообещав прийти в лагерь на следующее утро. Утро наступило, но Михель не явился; прождав его до полудня, все трое путешественников направились к роще, но Михеля и там не оказалось. Лишь в сумерки вернулся Михель и рассказал, что долго, но тщетно гонялся за оленями, а вместо этого случайно набрел на волка, повидимому убитого оленями. Ему поверили. «Но, — рассказывает Ричардсон, — впоследствии мы убедились благодаря обстоятельствам, изложения которых мне хотелось бы избежать, что это были куски трупа которого-нибудь из канадцев. Очень существенно, убил ли Михель этих людей или нашел их трупы в снегу». Повидимому Михель убил первого канадца, вскоре после того, как они покинули лагерь, а когда второй носильщик пришел к месту убийства, то он справился и с ним, а ружье отобрал. То обстоятельство, что Михель запаса тяжелым топором, против всякого охотничьего обычая, указывает на то, что он собирался рубить замерзшее мясо, так как разделка свежей дичи производится всегда только охотничьим ножом. Однако все это — соображения более позднего времени.

На следующий день Ричардсон предложил Михелю сопровождать его на охоту, но тот отказался. В другой раз Михель отправился на охоту, но подозрительно быстро вернулся обратно. Ричардсон говорит, что они удивлялись его поведению, а увиливание его от задаваемых вопросов возбудило в них подозрение; и все же они не представляли себе действительного положения вещей.

Было ясно, что прежде всегда старательный и исполнительный Михель сильно изменился и рассчитывать на него, как на избавителя, было нечего. Михель ничего не хотел делать, забросил все свои обязанности, стал заносчив и груб и грозил, бросив всех на произвол судьбы, уйти в форт Предприятие. Он отказывался даже ходить на охоту, и потому пища несчастных состояла главным образом из лишайников.

20 октября Михель снова не пожелал выйти на охоту, а Ричардсон отправился собирать на скалах лишайники. Хепберн рубил дерево недалеко от палатки, а Худ сидел

перед ней около огня. «Я, — рассказывает Ричардсон, — не успел еще отойти далеко, как услышал выстрел и затем испуганный голос звавшего меня Хепберна. Подойдя к палатке, я увидел беднягу Худа, лежащего мертвым около огня. Казалось, его лоб был пробит пулей. Меня, как молнией, пронизала мысль, что несчастный в порыве отчаяния решил покончить с собой. Однако странное поведение Михеля навело меня на иные мысли, а при осмотре тела я увидел, что выстрел был произведен сзади. Дуло ружья лежало рядом с головой убитого. Ружье принадлежало к типу самых длинных, какие имеют индейцы, а для того, чтобы получилось такое ранение, необходимо было, чтобы кто-нибудь посторонний поставил его в такое положение. При допросе Михеля об обстоятельствах происшествия он отвечал, что Худ послал его в палатку за коротким ружьем, как вдруг длинное выстрелило. Нарочно или случайно получился выстрел — он не брался объяснить. Во время этого разговора со мной он держал короткое ружье в руке. Позднее Хепберн рассказал мне, что до выстрела Худ и Михель разговаривали между собой громко и сердито». Необходимо отметить, что хотя Ричардсон, не смотря на свои ужасающие подозрения, не подавал виду, что считает Михеля виновником смерти Худа, индеец не переставал уверять, что он не способен на такое дело, и с этих пор не отходил ни на шаг от Хепберна и Ричардсона, чтобы не допустить между ними обмена мнений по этому вопросу.

Труп Худа был отнесен в ивовую рощицу. Ночь провели без сна, опасаясь нападения со стороны Михеля. На следующий день все поднялись, чтобы, в согласии с прежним решением, продолжать путь к форту Предприятие. Из части буйволового плаща Худа приготовили себе закуску. Михель неожиданно стал уговаривать Ричардсона отправиться с ним не в сторону форта, а к Меднорудной реке и заняться там охотой на оленей.

Дурная погода заставила путешественников отложить день выступления. Наконец настал подходящий день. Втроем отправились в путь к форту. У Хепберна и Михеля было по ружью, Ричардсон же был вооружен маленьким пистолетом. «Во время похода поведение Михеля сильнейшим образом беспокоило нас, — рассказывает Ричардсон. — Он бормотал себе неустанно что-то под нос и твердил, что не имеет желания идти в форт. Он продолжал убеждать меня направиться на юг, в леса, где он сможет прокормить нас в течение всей

зимы. Такое поведение его, а также выражение лица, побудили меня предложить ему оставить нас и одному отправиться на юг. В ответ он еще больше рассердился и стал делать намеки на то, что завтра, мол, он освободит себя от всякого стеснения. Я слышал его угрозы по адресу Хепберна, которого он открыто обвинял в клевете на него. Его тон в разговоре со мной впервые стал до такой степени высокомерным, и это окончательно убедило меня, что он считает нас совершенно в своей власти. Из всего его поведения явствовало, что при первом же удобном случае он пожертвует нами и, возможно, не сделал этого до сих пор только потому, что не знал, как добраться до форта. В этих условиях Хепберн и я не были в состоянии противостоять открытому нападению с его стороны. Скрыться от него мы тоже не могли. Наши общие силы были несравненно слабее его, к тому же он был вооружен ружьем, двумя пистолетами, индейским штыком и ножом. Когда мы после полудня подошли к одной из скал, Михель остановился под предлогом собирания лишайников и сказал, что вскоре нас догонит. Это был первый случай, что после смерти Худа я с Хепберном остался наедине. Хепберн сообщил мне свои наблюдения над поведением Михеля, окончательно убедившие меня в том, что сохранить собственную жизнь мы можем только пожертвовав этим человеком. Мой спутник вызвался стать орудием самозащиты. Но я, в сознании необходимости этого кошмарного дела, предпочел взять всю ответственность на себя и, когда Михель подошел к нам, я убил его, всадив ему в голову пистолетную пулю». «Оказалось, что сбором лишайников Михель не занимался, и мы ясно поняли, что он держался только для того, чтобы приготовить ружье для нападения на нас, приуроченного, очевидно, к моменту остановки на ночлег».

Рассказ Ричардсона о смерти Худа и носильщиков и о людоедстве Михеля глубоко потряс его слушателей.

Франклин рассказывает, что после прибытия доктора Ричардсона он, матрос Хепберн и канадцы все в равной степени проявляли исключительное человеколюбие, ухаживая друг за другом и за больным индейцем-переводчиком. Выполняя непосильные для них работы, эти умирающие люди не позволяли другим помочь себе, затрачивая по полчаса на колку одного полена дров и столько же времени на доставку его на расстояние сорока шагов. Эти люди перед лицом смерти проявляли героическое самопожертвование.

Один из канадцев слег. Через несколько часов он умер. Второй канадец сразу как-то притих, ему стало очень холодно. Его покрыли тремя одеялами. Он умер в тот же день. Трупы оттащили несколько в сторону — вынести их из дома не хватало сил. У переводчика-индейца, казалось, помутился разум. Его речь стала бессвязной, он стал метать дикие, страшные взгляды. Впрочем, никто не был вполне нормален. Сознавая свое состояние, Хепберн однажды воскликнул: «Ежели мы когда-нибудь возвратимся в Англию, то я буду очень удивлен, если к нам вернется светлый разум». Нарушение мозговой деятельности сказывалось в частности в страшной обидчивости и в том, что каждому казалось, будто его товарищ слабее и ненормальнее его самого. Поэтому постоянно случалось, что один предлагал другому свою поддержку при заготовке дров или советовал занять более теплое и спокойное место; если же тот, боясь сделать лишнее движение, отказывался от помощи или совета, то в ответ первый высказывал свое недовольство в самых резких, гневных выражениях. Минутой позднее происходило примирение, но вслед за ним повторялась прежняя сцена.

Настало 7 ноября. Начало дня Франклин описывает в следующих словах: «Наш переводчик провел бессонную ночь. Его мучили видения приближающейся смерти, которые мы тщетно старались прогнать. К утру он был так безучастен и слаб, что почти не мог говорить. Я остался лежать рядом с ним, чтобы насколько возможно приободрить его. Доктор и Хепберн отправились колоть дрова. Едва они успели приняться за работу, как вдруг к их удивлению услышали выстрел и почти сразу же увидели совсем близко от себя трех индейцев», — помощь прибыла, люди были спасены. Трудно представить себе, что чувствовали Франклин и его товарищи в эту минуту. Впрочем, переводчик был так слаб, и разум его был в таком состоянии, что он не мог понять, что произошло. Силясь сообразить, в чем дело, он попытался приподняться на своем ложе, но сразу же упал обратно. Нет сомнения, что «приди помощь несколькими часами позднее, — говорит Франклин, — и он был бы мертв, а для нас этот срок измерялся немногими днями».

Трех индейцев прислал Акайчо, чтобы подать несчастным первую помощь. Его разыскал Бак, высланный Франклином с этой целью вперед. Баку удалось достигнуть форта Провидение, причем, несмотря на ужасный голод, он потерял в пути только одного человека.

Насколько тяжело было состояние людей в лагере Франклина, видно из того, что сам он, Ричардсон и Хепберн с жадностью набросились на принесенную пищу, хотя прекрасно знали, что нужно есть понемногу. Ричардсон беспрестанно повторял этот разумный совет, но в то же время уплетал мясо, как голодный волк. В результате всем троим пришлось перенести страшнейшие боли в области живота, по счастью не стоившие никому из них жизни. Переводчик не мог самостоятельно двигаться и в этом было его спасение, так как если бы он в своем состоянии переел, то ослабевший организм не справился бы с данной ему нагрузкой. Индейцы давали ему мелкие порции мяса, часто повторяя кормление.

Тридцать шесть дней провел Франклин в форте Предприятие, так плохо оправдавшем свое название. 16 ноября оставшиеся в живых отправились в сопровождении индейцев в лагерь Акайчо. Со стороны индейцев Франклин и его спутники встретили самое большое участие и предупредительность. Они отдали англичанам свои лыжи, а сами брели, увязая в глубоком снегу. До лагеря индейского вождя было не очень далеко, но приходилось часто останавливаться из-за слабости людей, и потому переход длился шесть дней.

Акайчо принял своих гостей в высшей степени любезно. «Собравшиеся в шатре индейцы, — пишет Франклин, — приветствовали нас взглядами сострадания и в течение четверти часа соблюдали глубокое молчание, желая этим показать, как велико их сочувствие нашему страданию».

Из полученного от Бака письма Франклин к своему огорчению узнал, что заказанные весной товары для индейцев до сих пор еще не прибыли. Он боялся, что узнавший об этом Акайчо откажет экспедиции в необходимом содействии. Однако индейский вождь проявил большое благородство, не обратив внимания на это обстоятельство и согласившись подождать договорной оплаты за участие в экспедиции. После соответствующего объяснения с Франклиным он закончил свою речь словами, не лишенными горького юмора. «Пусть это будет первым случаем, что должниками окажутся белые люди» — сказал Акайчо, намекая этим на обычную задолженность со стороны индейцев, немилосердно и усердно обираемых торгующими компаниями. 11 декабря Франклин прибыл в форт Провидение и был любезно принят здесь начальником его, так много навредившим экспедиции раньше.

С возвращением в форт Провидение экспедиция Франклина могла считаться законченной. Отсюда Франклин отправился в сопровождении Ричардсона и Хепберна в форт на Лосьем острове, где экспедиция встретила с ушедшим вперед Баком. Здесь они провели весь остаток зимы. За это время люди успели поправиться, и только страдавший тяжелой формой ревматизма Хепберн вынужден был долго лежать в постели. 26 мая экспедиция покинула форт и 14 июля прибыла на Йоркскую факторию на берегу Гудзонова залива. С момента выступления экспедиции из этой точки на север прошло почти три года. В общей сложности экспедиция сделала за это время 5550 миль.

Результаты плавания Франклина в лодках вдоль северного побережья Америки очень невелики, тогда как жертвы, понесенные экспедицией, оказались огромны. Такое несоответствие объясняется прежде всего трудностями похода по неизвестным странам, среди крайне неблагоприятных природных условий. Следует все же признать, что одна из причин относительно небольшой эффективности экспедиции Франклина состояла в недостаточной подготовленности этого прекрасного моряка к сухопутному путешествию. В этом отношении экспедиция была несомненно недостаточно продумана. При внимательном чтении истории ее, написанной самим Франклином и в наиболее существенных частях переданной нами здесь, бросается в глаза какая-то неуверенность руководителя экспедиции, нередко приводившая к отменам прежних распоряжений относительно курса следования. Во всех трудных случаях, вызываемых незнанием местных условий, Франклину приходилось полагаться на мнение индейцев или других лиц, сравнительно мало заинтересованных в успехе экспедиции. Относительно избираемого направления по пути к морю Франклин не имел твердого плана, так как карт этой области в то время не существовало. Однако этот план мог бы быть уточнен значительно ранее, если бы к участию в экспедиции в качестве постоянных сотрудников своевременно были привлечены достаточно образованные лица, хорошо знающие местные условия.

Впрочем, эти замечания нисколько не умаляют огромных заслуг Франклина, сделавшего все, что было в его силах ради достижения цели. Про результаты экспедиции Франклина в поисках Северо-западного прохода профессор Гельвальд говорит, что они «являются в сущности самыми положительными из всех, достигнутых в то время». Фран-

клин по поводу сделанных им открытий писал: «Результаты наших исследований, повидимому подтверждают правильность мнения, что существование Северо-западного прохода не невероятно. Побережье моря как будто направляется с востока на запад по широте, на которой лежат залив Коцебу, устье реки Мэкензи и залив Репульс».

Это мнение Франклина оказалось в общем правильным для побережья, лежащего к западу от посещенного им участка моря, и не оправдалось в отношении восточного района, богатого крупными полуостровами, уходящими далеко на север. Эти полуострова (Бутия-Феликс и Мельвиль) помешали бы осуществлению намерения Франклина пройти к заливу Репульс, даже если бы у него было в распоряжении все то время, об отсутствии которого он так сожалел, прибыв на мыс Поворотный. «По моему мнению, — продолжает Франклин, — трудно сомневаться, что приблизительно в этом направлении море не прерывается». В подтверждение этого взгляда Франклин за неимением прямых приводит ряд косвенных доказательств, черпая их главным образом из области зоологии: подобие в фаунах Ледовитого моря и Гудзонова залива служит ему одним из главных аргументов. Правильность этого мнения доказана позднейшими географическими исследованиями, также тесно связанными с именем Франклина.

Далее Франклин высказывает ряд соображений о доступности открытого им побережья со стороны моря. Он считает возможным, что друг его, энергичный Парри, добившийся уже сейчас такого большого успеха, разрешит эту проблему в ближайшем будущем. Участок моря между устьями Меднорудной реки и реки Худа, по мнению Франклина, доступен для судов любого типа. Плавание здесь не представляет большой опасности по причине легкого льда, наличия спокойных бухт и цепи островов, защищающих от бурь. Достать здесь пропитание не должно составлять большого труда, так как в определенное время года на суше много всякой дичи, в реках водится рыба, а в море много тюленей. Наконец, на берегу везде лежит разбросанный плавник, могущий служить топливом. Кроме того, не трудно завязать отношения с эскимосами, прибывающими на побережье весной ради охоты на тюленя, и получить от них необходимое продовольствие. Таковы положительные выводы Франклина.

На родине Франклина встретили с большими почестями. В 1823 году он был избран членом Британской Академии наук.

III. НА ОПЫТЕ ПРЕЖНИХ НЕУДАЧ

Экспедиции 1821—1828 годов—Парри, Бичи, Франклин

Почти одновременно с Франклином вернулся из своего третьего путешествия к северным берегам Америки Эдвард Парри.

В 1821 году Парри было поручено в поисках Северо-западного прохода проследовать вдоль северного материкового побережья Америки. На этот раз он направился в арктические воды со стороны Гудзонова залива. С трудом добравшись до залива Репульс, он убедился в том, что это — залив, а не пролив, и направился по каналу Фокса на север, в обход полуострова Мельвиля. Обойти полуостров кораблям Парри не удалось из-за тяжелого состояния льдов, но все восточное и северное побережье полуострова было нанесено на карту. Этим ограничились открытия Парри 1821—1822 годов.

Оба друга снова встретились, и в обоих попрежнему горел огонь исследователя-открывателя новых земель. И вот созрел новый план экспедиции в поисках Северо-западного прохода, по которому предполагалось атаковать его одновременно с трех сторон: с запада — через Берингов пролив, с востока — через пролив Ланкастера и с юга — со стороны американского материка. Парри предложил этот план адмиралтейству. План был принят, и исполнение его поручено самому Парри (восточный отряд), Бичи, участнику арктических экспедиций 1818 и 1819—1820 годов (западный отряд) и Франклину (южный отряд). Все три экспедиции должны были встретиться где-либо у ледовитого побережья Америки, разрешив тем самым проблему Северо-западного прохода. Каждая из них обязалась помогать одна другой всеми своими средствами. Опыт прежних экспедиций показал, что к предпрятию такого масштаба следует серьезно подготовиться.

Эдвард Харри
(род. в 1790 г., ум. в 1855 г.)

Первым снарядился Парри. В 1824 году он покинул берега Англии. План его состоял в исследовании открытого им же ранее пролива Принца Регента, причем он исходил из справедливого предположения, что этим путем можно будет проникнуть на юг и, возможно, в юго-западном направлении. Однако осуществить этот план Парри не удалось. Добравшись до своей ближайшей цели уже в начале осени, Парри застрял в непроходимых льдах и вынужден был стать на зимовку. Корабли простояли десять месяцев во льду, в течение которых Парри обследовал по-суху большую часть восточного побережья пролива Принца Регента и часть западного. Весной следующего года оказалось, что «Фьюри» — один из экспедиционных кораблей — пришел в совершенную ветхость, и его пришлось бросить. Перед возвращением на родину на другом корабле Парри построил на берегу острова Фоммерсет базу, получившую впоследствии прозвище «склада Фьюри», и поместил здесь большое количество продовольствия и запасной одежды для нужд будущих экспедиций. Впоследствии этот склад сослужил неоценимую службу многим экспедициям, посетившим эти места. Из изложенного ясно, что Парри, застряв на такой высокой широте, не мог думать встретиться с экспедициями Франклина и Бичи. Его предприятие потерпело, таким образом, полную неудачу, и Парри вернулся на родину уже 12 октября 1825 года. Неудача Парри была, впрочем, меньше, чем могло бы показаться на первый взгляд. Дело в том, что хотя он и не добился встречи с Бичи и Франклином, и даже его географические открытия были незначительны, но проложенный им путь через пролив Принца Регента был впоследствии использован многими крупными экспедициями.

Одновременно с Парри выступила с востока еще одна экспедиция под начальством капитана Лайона. Это предприятие закончилось полной неудачей. Задача Лайона состояла в обследовании берегов полуострова Мельвиля и северного побережья Америки вплоть до мыса Поворотного, открытого Франклином в 1821 году. Однако «Грайпер» на своем пути к Гудзонову заливу дважды попадал в жестокий шторм, причем во второй раз пострадал так сильно, что пришлось отказаться от всякой мысли продолжать плавание. Вернувшийся в 1827 году из своей экспедиции Франклин высказал по поводу плаванья Лайона взгляд, что «если бы «Грайпер» не пострадал так от бури, то плавание его привело бы, несомненно, к очень интересным открытиям», и что,

«если когда-нибудь признают необходимым обследование всего материкового побережья Америки, то необходимо будет попытаться связать мыс Поворотный с важными открытиями капитана Парри путем повторения экспедиции капитана Лайона». ¹

Плавание Бичи, отправившегося из Англии годом позднее Парри, дало интересные географические результаты, но мало способствовало решению вопроса о существовании Северо-западного прохода. Переход из Англии до Петропавловска на Камчатке — тогдашней базы всех кораблей, следовавших в Берингов пролив — корабль Бичи совершил в течение года с лишним. Для тех времен, когда успешность плавания кораблей целиком зависела от силы и направления ветра, такой срок не представлял ничего удивительного. Во сколько раз короче был путь, который так настойчиво искало английское адмиралтейство на севере Америки! В Петропавловске Бичи узнал от русского полярного исследователя Врангеля, что Парри успел уже возвратиться домой. Не рассчитывая более встретиться с ним, Бичи отправился в залив Коцебу, расположенный к северу от Берингова пролива, где была назначена встреча с Франклином. Однако Франклин долго не являлся, и тогда Бичи послал на лодке навстречу ему одного из своих сотрудников «корабельного мастера» Эльсона, добравшегося до мыса Западного Бэрроу.

Краткая история этого похода описана самим Бичи в его официальном отчете об экспедиции. Приводим соответствующую выдержку из отчета: «Покинув 18 августа около мыса Ледяного корабль «Блоссом», Эльсон в течение четырех дней непрерывно продвигался вперед вдоль побережья. 22-го того же месяца он достиг очень низкого, песчаного мыса, позади которого имелась бухта, а береговая линия поворачивала к востоку. Однако берег был настолько низменный, что нельзя было проследить его на далекое расстояние и он исчезал, смешиваясь со льдом по эту сторону горизонта. Обогнуть этот мыс не было никакой возможности из-за массы обмелевших около него льдин. Море было по всем направлениям, исключая того, по которому пришел бот, покрыто тесно сплоченным льдом. Эта наиболее северная из известных до сих пор точка американского материка (мыс Бэрроу. — *Ред.*) находился в 120 английских милях ² от мыса

¹ Имеется в виду его экспедиция 1821—1823 гг.

² Английская миля равна 1,6 километра.

Ледяного. Между этими двумя пунктами, а также к югу от последнего, берег чрезвычайно низменный, богатый реками и озерами, настолько мелководными, что проезжать по ним можно только на байдарках. Большая часть побережья густо населена эскимосами, строящими свои зимние хижины около самого берега.

«Пока бот стоял около этого мыса и производились все необходимые наблюдения, западный ветер пригнал лед к берегу и закрыл путь к отступлению. Одновременно с этим возникло вдоль берега течение, со скоростью в 3—4 мили в час. Более значительные ледяные массы садились на мель на глубине 6—7 саженей. Пространство между ними и берегом наполнялось более мелкими льдинами, несущимися с большой быстротой и напиравшими на бот. Усилиями сидевшей в лодке команды ее удалось в конце концов вывести из этого опасного положения без серьезных повреждений корпуса. Предстояло вытащить лодку на берег, но на этом пути встретились огромные трудности, так как благодаря мэрзозной погоде вода между льдинами быстро замерзла. Тогда мы решили бросить лодку и спешно отправиться пешком к заливу Коцебу, пока погода не стала еще холоднее. Мы приняли к этому необходимые меры и решили также постараться спасти лодку, перетащив ее в одно из озер. Здесь мы намеревались затопить лодку, чтобы туземцы не разрушили ее и чтобы сохранить возможность вытащить лодку в случае, если бы корабль пришел сюда снова в будущем году. Туземцы все это время деятельно помогали нам, таща лодку за фалинь. За эту работу мы давали им немного табаку. В начале их поведение вызывало недоверие, но как раз в момент наибольшей нужды они проявили хорошее отношение к нам: они приносили нам дичь, тюленину, сало и молились, чтобы благоприятный ветер отогнал лед от берега и помог лодке освободиться из ее опасного положения. Не успели мы еще принять всех предварительных мер к переброске лодки, как положение ее действительно улучшилось. Лед отошел от берега, и вскоре лодка оказалась на чистой воде, и мы получили возможность начать наш обратный путь».

10 сентября бот Эльсона благополучно вернулся к «Блосому». Эльсону не удалось выполнить взятое на себя поручение, так как состояние льдов у северо-западных берегов Америки было летом 1826 года необычайно неблагоприятным. Он не встретил Франклина, но зато открыл мыс Западный Барроу, представляющий собой действительно наиболее се-

верную точку в этой части американского побережья. Крайний северный мыс всего материка Америки лежит значительно далее на востоке, на полуострове Бутии, выдающемся далеко вглубь Полярного моря. Однако в то время о существовании этого полуострова еще ничего не было известно, и потому открытие Бичи имело вдвое больший интерес.

Итак, встреча трех полярных исследователей — Парри, Бичи и Франклина — не состоялась. Парри оказался летом 1826 года далеко в стороне от намеченного места свидания, тогда как Бичи и Франклин находились друг от друга на сравнительно небольшом расстоянии. Тяжелые льды, державшиеся в 1826 году у северо-западных берегов Америки, не позволили им сойтись, доставив много неприятностей как начальнику западного отряда — Эльсону, так и двигавшемуся с востока, со стороны реки Мэкензи — Франклину.

Не успев отдохнуть от огромных лишений, перенесенных в предыдущую экспедицию, Джон Франклин выступил во главе нового предприятия, целью которого было достижение и исследование другой части того самого побережья, открытие которого далось ему такой тяжелой ценой.

16 февраля 1825 года Франклин отплыл из Ливерпуля на корабле, идущем в Нью-Йорк. С ним были его прежние товарищи доктор Ричардсон и лейтенант Бак, а также естествоиспытатель Дрэммонд и кадет Кендаль. Среди участников новой экспедиции господствовало самое бодрое настроение и уверенность в успехе предприятия. Необходимо признать, что, отправляясь в свою вторую сухопутно-морскую экспедицию, Франклин, имея за собой печальный опыт первой, принял все меры к тому, чтобы заранее обеспечить себе и своим спутникам возможно хорошие условия работы и жизни. Уже за год до выступления экспедиции были отданы соответствующие распоряжения о подготовке для нее необходимых припасов продовольствия и переброске различных грузов в заранее намеченные места.

Путешествие должно было совершаться главным образом по рекам и вдоль морского побережья. Исходя из этого, Франклин пришел к выводу, что необходимо располагать хорошими, крепкими лодками, так как плавание по большой реке и, особенно, по бурному морю в челноке из древесной коры в высшей степени опасно, как показал опыт предыдущей экспедиции. В соответствии с этим лодки были построены из крепкого махагониевого и мягкого ясеневоего дерева, а снаружи были обтянуты непромокаемой тканью.

План Франклина состоял в следующем: он должен был спуститься вниз по течению Мэкензи до места впадения этой реки в море, а отсюда, разделившись на две партии, проследовать на запад до мыса Ледяного и на восток до открытого им же в предыдущую экспедицию устья реки Меднорудной.

Путь новой экспедиции пролегал в первой своей части через область оживленного международного общения. Без всяких задержек миновал Франклин сначала океан, потом Нью-Йорк, Ниагару и прибыл в область Больших канадских озер. Уже 14 июня он оказался в столь хорошо знакомом ему форте Кумберландхауз. Дальнейшая дорога до Большого невольничьего озера проходила тоже по уже известному пути. Эту часть путешествия Франклин проделал в сопровождении своего старого друга, участника предыдущего похода, эскимоса Августа. Узнав о предполагавшемся приходе экспедиции, Август поспешил вместе со своим товарищем Улигбуком предложить свои услуги в качестве переводчика. Встреча Франклина с Августом была радостной, и Франклин с величайшей готовностью принял обоих эскимосов в состав своей экспедиции.

Спустя месяц Франклин прибыл в форт Чипевриан на озере Атабаска. Появление экспедиционного отряда вызвало огромное изумление среди жителей форта, узнавших, что Франклин и некоторые его спутники только в нынешнем году покинули Англию. Такой случай был первым в практике путешествий по этой стране. Жители форта Чипевриан вспоминали, что в 1819 году Ричардсон и Худ прибыли сюда, правда, двумя днями раньше, но зато ведь они провели зиму в Кумберландхаузе. Из этого видно, насколько велики были в начале девятнадцатого века трудности путешествия по северной Канаде и как много энергии и предусмотрительности было проявлено Франклином, сумевшим добиться такого большого успеха.

В конце июля экспедиция добралась до форта Решение на Большом невольничьем озере, из которого вытекает река Мэкензи. Здесь Франклин встретил делегацию знаменитого индейского вождя Акайчо, оказавшего его предыдущей экспедиции неоценимые услуги. Индейцы провели в форте два месяца в ожидании прихода Франклина, и состоявшаяся встреча походила на свидание родных после долгой разлуки. Брат Акайчо и другой индейский начальник жали руки Франклину, Баку и Ричардсону и прижимали их к своей

груди, восклицая: «Как горестно нам, что мы не в состоянии выразить, что чувствуем здесь!»

Индейцы рассказывали, что сам Акайчо покинул форт около двух месяцев тому назад, с тем, чтобы вернуться сюда с охотничьей добычей для экспедиции. Один из туземцев подтвердил правдивость слуха, что Медные индейцы находились в состоянии войны с живущим дальше к северу племенем индейцев Собачьего ребра. Однако совсем недавно военные действия между обоими племенами были прекращены по инициативе Акайчо. Причиной прекращения войны оказался приход экспедиции, о котором предупредил Акайчо Петер Уоррен Диз, агент Гудзоновской компании, примкнувший к экспедиции Франклина уже в Канаде и проводивший здесь все подготовительные работы.

Акайчо сильно пострадал в войне с индейцами Собачьего ребра и потому не мог предложить Франклину своей помощи.

«Мы не хотим, — сказал Акайчо, — благодаря нашей войне, поставить под угрозу успех экспедиции и потому заключаем мир. Наши сердца будут с вами, но мы не хотим снова идти в те места, где лежат кости наших убитых братьев. Вид их могил возбудил бы в нас ужас, а воспоминание о том, как они умерли, привело бы нас в искушение возобновить войну. Пусть индейцы Собачьего ребра, живущие на берегах Медвежьего озера, хотя они и враги наши, снабжают экспедицию мясом».

Приводя эти слова индейского вождя, Франклин замечает: «Такие взгляды оказали бы честь самому образованному человеку и доказывают, что тончайшее чувство может существовать в человеке, совершенно лишенном воспитания». Необходимо отметить, что Франклин был в своем отношении к индейцам более передовым человеком, чем большинство его современников и очень многие путешественники позднейшего времени.

Франклин передал вождям и их спутникам богатые подарки, поблагодарил их за хорошее отношение и обещал действовать миру при встрече с индейцами Собачьего ребра.

31 июля экспедиция покинула форт Решение и отправилась через озеро к истоку реки Мэкензи. 4 августа миновала руины форта, разрушенного в 1795 году эскимосами, перебившими все его население. В тот же день экспедиция прибыла в форт Симпсон, представляющий главное депо Гудзоновской компании в этом крае. Здесь Франклин узнал, что его указание оповестить племена, живущие в приустьевом

районе Мэкензи, о предстоящем прибытии экспедиции не выполнено, так как мехоторговцы из постов компании считали это невыгодным для себя, поскольку могло бы случиться, что экспедиция в назначенный срок не прибудет.

На следующий день Франклин покинул форт Симпсон. 7 августа экспедиция прибыла в форт Норман — последнее поселение перед Медвежьим озером.

План Франклина, нашедший отражение в тексте врученной ему официальной инструкции, предусматривал устройство форта на западном берегу самого северного из Больших канадских озер — Медвежьего озера. Там Франклин должен был провести первую зиму и, как сказано в инструкции, «пытаться в это время завязать с эскимосами дружественные отношения».

Расстояние от форта Норман до Медвежьего озера составляло всего лишь четыре суточных перехода, и таким образом уже 7 августа Франклин мог считать себя у цели. Экспедиция совершила свой переход в беспрецедентно короткий срок, и в ее распоряжении оставалось свободное время, которое можно было использовать не только на постройку форта. Франклин считал, что до морозов оставалось не менее 5—6 недель и решил употребить это время для разведки в сторону моря. Он давно таил в себе это намерение, но долго не выдавал никому своего плана, так как об осуществлении его можно было думать всерьез только в случае очень раннего прибытия к месту, которое должно было стать зимней базой экспедиции. Теперь Франклин решил осуществить свой план, состоявший в том, чтобы продолжать путешествие по реке Мэкензи к устью и вернуться обратно к Медвежьему озеру до наступления зимы.

Франклин разбил экспедицию на три группы, распределив между ними функции следующим образом: «1) Я должен буду в сопровождении господина Кендаля отправиться к морскому побережью и собрать путем личного наблюдения или расспросов у индейцев-косоглазок или эскимосов сведения относительно общего состояния льдов в летнее и осеннее время; 2) доктор Ричардсон должен будет, в соответствии с его желанием, заняться объездом северного побережья Медвежьего озера вплоть до точки, расположенной ближе всего к Меднорудной реке, с тем чтобы наметить место, к которому он направится вместе со своими людьми в будущем году при предположенном своем возвращении с этой реки; 3) чтобы эти два предприятия не вызвали задержки в устрой-

стве удобного зимовья, лейтенант Бак должен будет во время моего отсутствия, при содействии господина Диза, производить все соответствующие работы, причем в вопросах распределения индейских охотников и рыбаков ему нужно будет руководиться указаниями последнего».

Текст этого небольшого распоряжения говорит за себя: Франклин в 1825 году — это не Франклин 1819 года. Он не колеблется, как прежде, а трезво, смело и четко расценивает положение людей, и в соответствии со своей оценкой строит свой план. Опыт несчастливого первого путешествия по рекам, болотам, лесам и тундрам американской Арктики превратил Франклина — прекрасного моряка — в не менее замечательного путешественника по материковым водам и суше.

Ричардсон спешно отправился для выполнения взятой на себя задачи. Бак занялся переправкой к месту закладки будущего форта продовольствия и всех необходимых для зимовки припасов. Остальная часть продовольствия была оставлена в форте Норман и предназначалась для больших экспедиций будущего года.

Франклин покинул этот форт 8 августа на самой большой из лодок, названной «Львом». Бак выступил одновременно из форта на трех каное в свой небольшой поход по широкому притоку реки Мэкензи к Медвежьему озеру. Вскоре оба отряда расстались: Бак повернул направо по притоку, несущему из озера чистую, прозрачную воду, а Франклин продолжал свой путь по мутным водам Мэкензи.

Лодка Франклина, быстроходный «Лев», стрелой летела вниз по течению вдоль живописных берегов реки. Местами встречались пороги, пугавшие своим шумом, но по существу неопасные. Эти пороги были описаны знаменитым путешественником Мак-Энзи, именем которого названа впоследствии открытая им и прослеженная до устья река. Франклин был первым после него европейцем, отправившимся вниз по течению с исследовательской целью. Многие из окружающего напоминало Франклину описания, сделанные его предшественником.

Изредка на реке встречались индейские каное, на берегах показывались их вигвамы. 10 августа «Лев» пристал к берегу около последнего форта, недавно построенного Гудзоновской компанией. «Наше прибытие сюда, — пишет Франклин, — случилось по крайней мере на два месяца раньше, чем приходят обычно лодки мехоторговцев с фактории Йорк, и по-

тому оно вызвало среди немногочисленных обитателей этого одинокого поселения большое изумление. Особенно велико было оно у начальника форта, который долго никак не мог оправиться от удивления».

Немного позади этого форта вниз по течению Мэкензи находится предел, дальше которого агенты торговой компании не проникают. Подгоняемый течением «Лев» вскоре достиг этой точки и без задержек двинулся дальше по направлению к неизвестному морю.

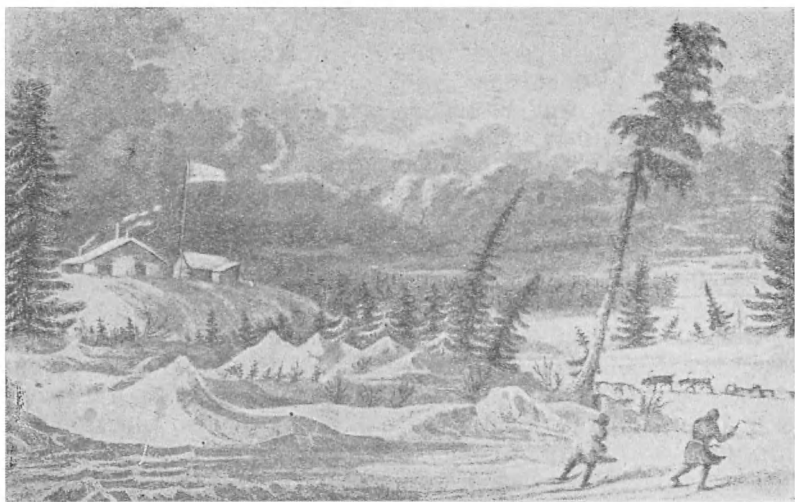
Время от времени экспедиция вступала в связь с живущими по берегам реки индейцами-кэсоглазками.

12 августа Франклин достиг расширения реки, хорошо совпадавшего с указанным на старой карте Мак-Энзи. Отсюда до моря было уже недалеко, и достигнуть его можно было следуя любым из рукавов реки. Близость моря предвещала также неожиданное исчезновение индейских проводников, боявшихся встречи с эскимосами, несмотря на свои симпатии к Августу. Только один индеец-проводник, сопровождавший экспедицию из более южных районов, остался на месте и не скрывал своего беспокойства.

Страх перед воинственным нравом эскимосов и их коварством был, впрочем, не так уже неоснователен. Индейцам не раз приходилось горько испытывать на себе эти свойства своих соседей, известен был также случай, когда здешние эскимосы перебили целый отряд европейцев. Предупрежденный об этом, Франклин считался с возможной опасностью и распорядился выставляла дозор при ночевках своих людей на берегу.

Однако, если можно было ожидать от эскимосов неожиданного нападения, то, с другой стороны, столь же вероятным представлялось, что появление чужеземцев вызовет в них испуг и побудит их к бегству вглубь страны. Такой результат первых встреч с эскимосами был бы для Франклина также нежелателен, так как только при условии дружбы с ними можно было надеяться с их помощью достигнуть цели. Чтобы не испугать туземцев импозантным видом своего «Льва», Франклин велел спустить на нем видимые издалика мачты.

Вскоре показались хижины эскимосов. Рядом с ними стояли и лежали различные инструменты и принадлежности для рыбной ловли, но людей не было видно. Экспедиция продолжала свой путь по одному из многочисленных рукавов реки. Следуя извилинам его, лодка отклонялась то вправо, то влево, скользя по поверхности воды между низ-

Форт Франклин зимой

менными островами дельты. Внезапно берега раздвинулись, и на севере открылось широкое водное пространство. Путешественники поняли, что это море, и, как бы в подтверждение их догадки, рядом с шлюпкой из воды вынырнул тюлень. Произошло это 14 августа.

Франклин достиг таким образом моря в небывало быстрый срок, который показался бы, как местным жителям, так и более ранним путешественникам, невозможным. В этом, несомненно, личная заслуга его: своего успеха он достиг благодаря разумной организации экспедиции и изумительной предусмотрительности, проявлявшейся во всех мелочах.

Когда в свое время Мак-Энзи достиг устья реки его имени, ему сделали упрек, почему он не дошел до соленой воды, наличие которой — существенное доказательство моря. Вспомнив об этом, Франклин направил свою маленькую шлюпку прямо на видневшиеся вдали на севере острова. Этот опасный переход закончился благополучно, и, действительно, в районе острова Гарри вода имела резко солоноватый вкус. Только теперь он мог считать свою задачу окончательно решенной и весело отпраздновал со своей командой это событие. Здесь Франклин написал письмо своему другу Парри, на случай, если бы тот добрался до этих мест, и

оставил его на острове, отметив место высоким шестом и украсив его флажками.

Убедившись в существовании свободного прохода на восток от дельты, Франклин решил разведать западный район, однако ветер помешал осуществить это. Проведя четыре дня за пределами дельты Мэкензи, Франклин повернул 18-го обратно. Плавание против течения было значительно более утомительным, чем путь к морю, но при попутном ветре с помощью парусов удавалось иногда подвигаться довольно быстро.

Несколько неожиданным для путешественников оказалось отсутствие в дельте реки эскимосов, хотя многое и говорило за то, что эта область постоянно посещается ими. 19 августа экспедиция остановилась для завтрака рядом с несколькими зимними жилищами эскимосов. По состоянию различных предметов обихода, разбросанных около хижин, можно было думать, что обитатели их ушли отсюда не раньше предыдущей весны. Надеясь задобрить, возможно, временно удалившихся хозяев этих хижин, Франклин распорядился вбить в землю высокий шест и укрепить на нем ряд предметов, полезных для эскимосского хозяйства: котел, нож, топор, стамеску, пешню, немного стеклянных бус и лоскутки синей и красной материи. Такие же подарки были положены еще в нескольких местах, рядом с покинутыми жилищами туземцев. Таким образом и здесь Франклин проявил большую предусмотрительность.

На обратном пути Франклина радостно приветствовали знакомые уже ему индейцы-косоглазки, и только однажды толпа индейцев встретила его, вооруженная ружьями, луками и кинжалами. Оказалось, что эти индейцы ничего не знали о прохождении лодки, и появление Франклина было для них совершенно неожиданным.

24 августа экспедиция благополучно достигла форта Доброй Надежды. Путешественники были встречены с большой радостью, так как за судьбу их здесь чрезвычайно опасались. Причиной этого страха был слух, пущенный среди индейцев, что на Франклина и его товарищей напали эскимосы.

По сравнению с полным всяких невзгод первым путешествием Франклина этот поход мог бы быть назван прогулкой, но к концу его люди все же порядочно устали и рады были скорому прибытию в форт Франклин на Медвеьем озере. Особенно утомительным было протаскивание лодок бичевой,

Джон Ричардсон
(род. в 1787 г., ум. в 1865 г.)

что продолжалось иногда несколько часов подряд. 1 сентября, после захода солнца, экспедиция вошла в приток Мэкензи, ведущий свое начало из Медвежьего озера. Путь по этой реке был особенно труден для путешественников.

5 сентября в 4 часа дня они прибыли к верхним порогам, а тремя часами позднее подошли к форту Франклин — месту своей будущей зимовки.

Доктор Ричардсон успел к этому времени вернуться из своей поездки по Медвежьему озеру. Он сделал подробную съемку северного побережья вплоть до устья реки Диза в северо-восточном углу его. Эта работа была чрезвычайно важной, так как река Диза должна была составлять последнее звено кругового похода Ричардсона через реку Мэкензи, Ледовитое море и Меднорудную реку, задуманного на будущий год.

Население форта Франклин состояло из 50 человек: 5 офицеров, 19 британских матросов и носильщиков, 9 канадцев, 2 эскимосов, 1 индейца-переводчика, 4 индейцев-охотников, 3 женщин, 6 детей и 1 подростка. Нелегко было прокормить такое количество народа, и потому на добычу необходимого продовольствия Франклин обратил особенное внимание. Основным продуктом была рыба, которая наполняла Медвежье озеро. Много внимания было также отведено охоте.

Люди, свободные от хозяйственных забот, занимались подготовкой к предстоящей весной экспедиции и производили научные наблюдения над состоянием погоды и над природой страны. Были также организованы школы для неграмотных и малограмотных, причем, по свидетельству Франклина, многие ученики, начинавшие с азбуки, к концу учебного времени умели не плохо читать и писать. В самое темное время года нередко случались вечера, когда члены команды не могли найти себе дела. Чтобы не было скуки, для всех стоял открытым большой зал в офицерском доме, где люди играли в разные игры, причем начальники постоянно принимали участие в этих забавах. «Этим путем мы снискали любовь людей и содействовали одновременно их здоровью», пишет Франклин.

Препровождение времени среди совместного труда и развлечений в условиях полярной зимовки — одна из важнейших гарантий успешности ее, и эту простую истину Франклин, повидимому, понял прекрасно.

Зимовка протекала благополучно. В декабре в форт Франклин явились два путника из форта Доброй Надежды с при-

ятным известием, что индейцы-косоглазки встретились осенью с эскимосами и сообщили им о прибытии экспедиции. что эскимосы нашли оставленные им подарки и просят передать, что будут очень рады встретить белых людей будущей весной.

В феврале зимовщики заволновались: озеро, доставлявшее им до сих пор рыбу в избытке, в январе стало оскудевать и к февралю совсем перестало давать улов. В результате люди стали недоедать, появились расстройства желудка, пришлось кормиться из запасов, отложенных для предстоящей экспедиции. Так как охота была в это время тоже не очень успешной, то в конце концов люди стали по-настоящему голодать. Тогда занялись скупкой продовольствия у случайных индейцев, которая не могла, однако, помочь делу больше, чем на несколько дней. Вскоре положение улучшилось благодаря удачной охоте индейцев и восстановлению рыбной ловли в озере. Любопытно, что когда люди, получившие первое известие об убитой индейцами дичи, пришли на место охоты, то не нашли здесь почти ничего, но зато индейцы лежали тут же после роскошного пира — совсем больные от непомерного количества съеденного мяса. Этим путем индейцы компенсировали себе прежний период недоедания и только несколько времени спустя стали продолжать свою охоту. Наконец, в середине апреля прибыло в форт Франклин тридцать человек индейцев, доставивших на санях большое количество сушеного мяса — этот транспорт окончательно избавил экспедицию от всяких продовольственных забот.

К весне все подготовительные работы к главному путешествию подходили к концу. Все здесь казалось в полной исправности, и потому Франклин, спокойный за первую экспедицию, обратил свое внимание на подготовку форта Франклин к приему будущей осенью Ричардсона, который должен был вернуться сюда с востока, отправившись в поход в западном направлении. Впрочем, Франклин должен был считаться также с возможностью возвращения сюда и своего собственного отряда в случае вынужденного отступления из района предполагаемой встречи с экспедицией Бичи обратно к устью реки Мэкензи.

Вот мероприятия, намеченные Франклином с этой целью: «По первому пункту было решено, что переводчик Болье (индеец — *Ред.*) покинет в сопровождении четырех канадцев 6 августа форт Франклин и направится в челноке

к устью реки Диза, где останется ждать до 20 сентября прихода Ричардсона. Если бы доктор Ричардсон к этому времени не прибыл, то они должны будут вернуться в каное в форт, а челнок оставить на месте, наполнив его продовольственными запасами. Это было объяснено Болье, и он не только прекрасно понял все сказанное ему, но было ясно видно, что он проникся важностью порученного ему дела и постарается выполнить его наилучшим образом.

«Затем была составлена инструкция мистеру Дизу, которая должна была служить ему общим руководством во время отсутствия экспедиции. Ему поручалось позаботиться о посылке Болье 6 августа и принять меры к основательному снабжению поселка продовольствием. Ему, правда, было известно, что западный отряд экспедиции, по всей вероятности, встретит корабль «Блоссом» (корабль экспедиции Бичи.— *Ред.*), на котором отправится в Кантон. Однако, ввиду того, что непредвиденные обстоятельства могли бы заставить экспедицию перезимовать на морском побережье, было сочтено необходимым обратить его внимание на то, чтобы он, в случае невозвращения экспедиции следующей осенью, не сделал из этого обязательного вывода, что она повстречалась с «Блоссомом». Поэтому ему было поручено хранить в форте Франклин достаточный запас продовольствия до весны 1828 года. Было также указано доктору Ричардсону, чтобы он, перед тем, как покинуть форт в 1827 году для отъезда в Англию, еще раз объяснил Дизу мотивы этого поручения и снабдил его необходимыми средствами для закупки продовольствия у индейцев».

В двадцатых числах июня разошелся лед на озере против форта Франклин. На двух более крупных шлюпках «Льве» и «Доверии» вышел Франклин в сопровождении Бака, эскимоса Августа и еще тринадцати человек, две меньших — «Дольфин» и «Юнион» — заняли Ричардсон и Кендаль с десятью человеками команды, включая эскимоса Улигбука.

После двухдневной задержки из-за ледохода в притоке реки Мэкензи флотилия вышла на чистую воду и 25 июня прибыла в форт Норман. Запасшись хранившимся здесь экспедиционным продовольствием, 28-го экспедиция в полном составе выступила в поход.

Путешествие вниз по реке проходило легко и быстро, так как благодаря половодью исчезли под водой все отмели и банки, мешавшие в прошлом году плаванию «Льва». Через несколько дней экспедиция прибыла в форт Доброй Надежды

и была встречена здесь залпом из мушкетов индейцев-косоглазков, прибывших сюда для приветствия.

Путем расспросов Франклин надеялся узнать у этих индейцев, какой из рукавов реки Мэкензи следует избрать, чтобы вернее выйти к западному побережью Ледовитого моря, но они не знали этого и не могли помочь советом. Индейцы также ничего не слышали относительно племен, обитающих на этом побережье, и вообще обнаружили очень плохую осведомленность относительно природы соседних с ними стран. В форте Доброй Надежды путешественникам удалось узнать, что число эскимосов, находящихся в районе устья Мэкензи, больше, чем предполагалось до тех пор, в связи с чем экспедиция запаслась в форте еще некоторым количеством подарков.

Дальнейший путь до начала дельты был пройден довольно быстро, и уже 3 июля экспедиция остановилась перед двумя рукавами, уходящими в разных направлениях. Было сочтено целесообразным разделиться здесь, чтобы не удлинять путь одному из отрядов.

Вечером этого дня Франклин передал Ричардсону инструкцию, содержащую указания относительно намеченного для его партии пути.

В 6 часов утра следующего дня расстались отряды Франклина и Ричардсона.

«Насколько выгодно отличалась наша теперешняя экспедиция от той, которой начальствовал я несколько лет тому назад! — с наивной радостью восклицает Франклин. — Тогда мы выступили в наш морской поход в непрочном каноэ из древесной коры и со скудным запасом продовольствия. Теперь у нас были превосходные шлюпки и трехмесячный запас провизии».

Дальше Франклин пишет: «По желанию доктора Ричардсона западный отряд первым отвалил от берега. Он и его спутники пожелали нам счастливого пути, трижды прокричав «ура», на что мы от всего сердца ответили тем же. В момент, когда мы поворачивали за мыс, мы видели, как они отошли от берега. Август был очень убит тем, что ему пришлось расстаться с Улигбуком, и тем, что не понимал, куда мы держим путь, но к вечеру опять повеселел».

На следующий день после расставания со своими друзьями Франклин подошел к месту весенней стоянки эскимосов и, в расчете на то, что они в скором времени посетят его снова, велел развесить в приметных местах пешню, котел и ножи.

Еще немного погода лодки вышли из пределов лесистой полосы, достигнув, таким образом, собственно эскимосской области.

Дальнейший путь пролегал в северо-западном направлении. Ветер был не слишком сильный и благоприятный, и лодки шли под парусами. В 11 часов вечера остановились на отдых. На следующий день тронулись ранним утром, чтобы не терять драгоценного времени. Впереди на севере открылось широкое море, но поверхность его была покрыта сплошным льдом. Следуя вдоль берега, экспедиция прошла целых 12 миль, но дальше идти было нельзя из-за сомкнувшегося с береговым припаем морского льда. Сойти на берег здесь было невозможно, и пришлось повернуть обратно. При первой возможности лодки вытащили на береговой откос. С высоты ближайшего холма глазам путешественников представилась невеселая картина: вокруг простирались бесконечные льды и единственный водный путь был в том направлении, откуда они только что пришли. Волей-неволей пришлось здесь остановиться и дожидаться подвижки льда.

Рано утром следующего дня путников разбудили крики вахтенных. Оказалось, что источником тревоги были три эскимоса, неожиданно подошедшие к сонному лагерю. Все трое приготовились уже стрелять, но голос Августа остановил их. Он объяснил им цель прихода экспедиции и успокоил, после чего, в знак дружбы, был произведен обмен разных предметов украшения и обихода на оружие туземцев.

Свою радость по поводу полученных вещей эскимосы выражали очень своеобразно: они кричали и при этом высоко подпрыгивали.

Оказалось, что в двух милях от лагеря находилось большое стойбище эскимосов, и Франклин стал поджидать гостей. Действительно вскоре явилось больше двадцати эскимосов. В двухстах шагах от палаток и в четырехстах от лодок была проведена линия, перешагнуть которую эскимосам, пришедшим для торговли, было строго запрещено.

Шла бойкая торговля. Франклин стал задавать вопросы туземцам относительно состояния льдов на море, и действительно, ему удалось выпытать от них, что при первом, сколько-нибудь сильном береговом ветре лед должен будет уйти в море и останется там до тех пор, «как на небе снова загорятся звезды». то есть до начала осени. Дальше в запал-

ном направлении морской лед нередко в течение все лета не теряет своей связи с берегом, а если и образуется проход, то очень узкий, легко исчезающий под действием морских ветров. Свободные от льда протоки, временами возникающие там, плохо проходимы для лодок, потому что они легко и часто забиваются пловучими льдами.

Все, что сказали эскимосы, впоследствии полностью оправдалось, и Франклин тяжело испытал на себе трудности шлюпочного перехода вдоль северных берегов Аляски. Эскимосы удивлялись, почему путешественники не захватили с собой саней и собачьих упряжек на случай невозможности итти водой. Отсутствие того и другого в экспедиции Франклина можно действительно считать оплошностью, но не следует забывать, что те трудные ледовые условия, с которыми ему пришлось столкнуться, были для него полной неожиданностью. Ведь с подобного рода трудностями никто из путешественников никогда еще не встречался.

Свою информацию эскимосы закончили предостережением, что следует прекратить итти на запад, когда на небе покажутся звезды, потому что в это время года начнут дуть сильные ветры, нагоняющие лед.

Только через несколько дней переменился ветер и не много разогнал лед. Попрощавшись с эскимосами, оказавшимися весьма добродушными, путешественники погрузились в лодки и возобновили свой поход на запад. Однако уйти далеко им не удалось и на этот раз. Сплошные льды преградили путь, и опять пришлось вытащить лодки на сушу.

Снова началось вынужденное безделье, самое утомительное времяпрепровождение для путешественников. По счастью, длилось оно недолго. 13 июля сильный южный ветер открыл довольно широкий проход между берегом и льдами. «Мы тотчас же спустили лодки на воду, — рассказывает Франклин, — и, отойдя на небольшое расстояние от берега, поставили парус. При этом мы взяли курс на крайний мыс, чтобы не следовать всем извилинам береговой линии. Пересекши широкую, но неглубокую бухту, мы подходили к следующей, как вдруг увидели, что впереди находится ледяная перемычка, подступающая вплотную к берегу. В то же время на море лег густой туман, с берега подул ветер, и полил сильный дождь. Мы все еще надеялись, что нам удастся обогнуть этот мыс и подошли близко к берегу, но лед оказался здесь настолько тесно сплоченным, что мы не только не продвинулись вперед, но даже не могли выбраться на берег. Не оста-

валось ничего другого, как повернуть лодки снова на восток и плыть вдоль кромки льда. Внезапно ветер переменялся на юго-восточный, и началось сильное волнение. Качающиеся на волнах льдины достигали такого размера, что легко могли бы причинить вред настоящему кораблю.

«Земля скрывалась в тумане и только изредка показывалась в случайных просветах. Работы было по горло, нужно было проталкиваться и лавировать между пловучими ледяными массами. Лишь спустя 5 часов удалось добраться до берега. Мы высадились несколько западнее мыса Сэбин и нашли в промежутке между береговым обрывом и водой участок суши, едва достаточный, чтобы поместить здесь наши лодки и палатки. Вечером дождь ненадолго прекратился, и с высоты берега мы убедились, что все пройденное нами только что пространство покрылось сплошным льдом. У нас были поэтому все основания поздравлять друг друга с тем, что мы добрались до берега целыми и здоровыми».

Путь, лежащий впереди, был еще долог, двигались чрезвычайно медленно. Редко удавалось путешественникам сделать сколько-нибудь длинные переходы, беспрестанно натываясь на непреодолимые препятствия, они бывали вынуждены часто останавливаться. Зорко следили Франклин и его товарищи за появлением малейшей возможности возобновления похода и не упускали ее даже тогда, когда ясно было видно, что далеко пройти не придется.

Однажды лагерь экспедиции посетил эскимос. Он предсказал, что льды скоро отойдут от берега, после чего легко будет добраться до видневшегося вдали острова Гершеля. Другое его сообщение было менее радостным: по его мнению дальше на запад берег становится настолько низменным и так завален льдами, что пройти мимо него на лодке чрезвычайно затруднительно. Действительно, 16-го утром задул, к величайшей радости путешественников, береговой ветер и отогнал льды. Однако и на этот раз далеко пройти не удалось.

Иногда проходу шлюпки мешала сравнительно неширокая перемычка льда. Ее пытались разрубать топорами, а в некоторых случаях перетаскивали лодки через льдину.

В один из последующих дней удалось пройти дальше обычного, но при повороте за один из мысов было замечено огромное нагромождение льдов, в которое с силой ударяла волна. Прибой в этом месте был так свиреп, что рисковать пройти мимо него было невозможно и пришлось высадиться

на берег. Франклин немедленно послал Августа к нескольким, замеченным неподалеку эскимосам. Вскоре явилось двенадцать мужчин и женщин, и у каждого в руках было по подарку, состоящему из сушеного мяса и рыбы. Вечером явилось еще несколько молодых эскимосов, жены которых принесли с собой свежей дичи.

От этих людей Франклин получил подтверждение любопытного факта, о котором слышал еще от эскимосов, встреченных ранее. Он узнал, что местные жители приобретают железо, ножи и стеклянные бусы не только у индейцев, живущих на востоке и выше по течению Мэкензи, но и на западе, у эскимосских племен, живущих очень далеко отсюда. Особенно интересным оказалось то, что именно на этом пути они получают большую часть нужных им предметов. Каждую весну отправляются молодые люди из района Мэкензи с грузом пушнины и сала для обмена своих продуктов на разные изделия. Язык тамошних эскимосов оказался, согласно сообщению новых друзей Франклина, настолько отличным от их собственного, что при первых встречах с ними здешние жители почти не понимали их.

Товары западного происхождения попадали в руки здешних эскимосов также через посредство горного индейского племени, обитающего где-то в юго-западном направлении и доставляющего их непосредственно в руки восточных эскимосов в том самом месте, где в данный момент находился Франклин.

Откуда шли эти товары, эскимосы не знали, но предполагали, что по всей вероятности они происходят от каблунанов, то есть белых людей, обитающих очень далеко на западе. Франклин внимательно осмотрел предметы, купленные эскимосами этим путем, и нашел, что они совсем не похожи на изделия, продаваемые индейцами Гудзоновской компанией, и пришел к совершенно правильному заключению, что происходят они из России. Русские мехоторговцы, орудовавшие в своей колонии — Аляске, по примеру своих английских собратьев, хозяйничавших в северной Канаде, скупали за бесценок дорогие меха, доставлявшиеся им издавна падкими на безделушки и дешевые принадлежности охоты и хозяйства эскимосами.

Вернемся, однако, к рассказу о походе Франклина. Трудности, беспрестанно встречавшиеся на его пути, заставляли призадуматься экипаж и прежде всего его начальника относительно реальности намеченной встречи его с «Блоссомом».

Было ясно, что если положение льдов не изменится в скором времени, то на эту встречу рассчитывать будет трудно, тем более, что по всей вероятности «Блоссому» или шлюпочному отряду с этого корабля приходится иметь дело с точь в точь такими же препятствиями. Все же пока что надежда на счастливый конец похода держалась еще крепко.

Нет возможности подробно описывать многочисленные приключения, которыми изобиловало это удивительное путешествие. Главная трудность его состояла в том, что хотя льды далеко не везде подступали непосредственно к берегу, но полоса воды, отделявшая их от суши, приходилась чаще всего над таким мелководьем, по которому не могли пройти не только экспедиционные лодки, но даже умиаки эскимосов. Этот мелководный район оказывался часто отгороженным рядом рифов, за которыми море было глубже. При попытках пройти здесь путешественники наталкивались на подводные камни, встречались с пенистыми бурунами и нагроможденными друг на друга ледяными глыбами.

Нередко выведенные из терпения люди перетаскивали лодки по суше, чтобы не ждать, когда сам по себе разойдется лед, отделяющий их от соседней полыньи. При такой переброске тяжелых шлюпок бока и кили их сильно царапались о камни, доски трескались, и появлялись щели.

Другим серьезнейшим препятствием были почти непрерывные туманы. По этому случаю Франклин вспоминает свой прежний морской шлюпочный переход в области устья Меднорудной реки, когда только три дня были частично туманными. По поводу одной из очередных задержек Франклин остроумно отмечает: «Мы опять начали упражняться в терпении, к чему нам дало полную возможность печальное зрелище сплошного сомкнутого льда».

27 июля Франклин достиг берега реки, оказавшейся на меридиане, составляющем границу между английскими владениями и принадлежавшей в то время России Аляской. Здесь он положил под большой грудой плавника оловянный сосуд с запиской о своем посещении этого места и двинулся дальше на запад.

30 июля впервые зашло солнце, напоминая этим о предстоящем наступлении осени.

В течение следующих дней удалось продвинуться вперед на порядочное расстояние. Франклин разделил экипаж лодок на две партии, из которых одна шла пешком по берегу, а другая оставалась в значительно облегчившихся лодках.

Все же постоянно приходилось соединенными усилиями вытаскивать из ила застрявшие в нем лодки или перетаскивать их через широкие песчаные отмели.

Однажды ночью, когда лодки проходили мимо какого-то мыса, на берегу было замечено несколько шалашей. Хотя было светло, как днем, эскимосы спали и только после третьего окрика Августа из одного шалаша выглянула обнаженная женщина. Она позвала своего мужа, который поднял страшный крик. В результате все пространство между шалашами и водой быстро наполнилось обнаженными людьми с луками и копьями в руках. Их застали врасплох, и вид у них был крайне растерянный и озадаченный. Август объяснил им в нескольких словах цель прихода экспедиции, в ответ на что эскимосы подняли радостный крик и пригласили гостей к высадке.

Начальник предпочел остаться на воде, так как на берегу было не менее пятидесяти взрослых, причем поведение их было очень резкое, а запасы рассчитанных на туземцев товаров уже значительно поистощились. Только четыре человека, подошедших к шлюпкам на каяках, получили подарки. От них Франклин узнал, что эти эскимосы — жители острова Гершеля и как раз возвращаются от западных своих сородичей, к которым ездили с пушниной. Базар кончился по их словам всего лишь несколько дней тому назад, а они намерены еще сегодня сняться с места, чтобы поскорее вернуться домой.

Расставшись с эскимосами, Франклин продолжал свой путь. Вскоре он достиг залива, названного им бухтой Кэмден. Экспедиция прибыла к месту, где происходит меновая торговля между восточными и западными эскимосами. Оказалось, что, закончив торг, западные жители отправились семь дней тому назад восвояси. Об этом рассказали Франклину несколько человек восточного племени, оставшиеся здесь после окончания торговли ради охоты. Они сообщили еще, что умиаки западных эскимосов были тяжело нагружены и потому надо думать, что они не могли уйти слишком далеко.

Что же касается дальнейшего водного пути на запад, то эскимосы не сказали ничего утешительного, утверждая, что на далекое расстояние он имеет тот же характер, что и здесь. Хотя восточные эскимосы никогда не заходят дальше этой точки и потому нельзя было придавать слишком много веры их словам, но все же впоследствии слова их це-

ликом оправдались. Это испытал Франклин, к сожалению, на себе самом. Он не мог знать тогда, что двигавшийся в это же время высланный ему навстречу его другом Бичи шлюпочный отряд с «Блоссом» испытывал те же трудности, находясь к западу от мыса Бэрроу, где природа побережья, как мы уже знаем, совершенно такая же, как и здесь.

Чем дальше, тем хуже становилась погода. Повидимому, Франклин немного запоздал с своим выходом из устья Мэкензи, так как эскимосы с острова Гершеля и западные жители успели уже проделать нужный им путь.

Однако надежда еще не покидала путешественников. «Лев» сильно пострадал от частых ударов корпуса об лед и камни, но чинить его было некогда. Настойчиво пробивались Франклин и его смелые товарищи к своей цели, несмотря на то, что стоял уже август.

Природа была против путешественников, выбивавшихся из сил в борьбе с чинимыми ею препятствиями. Плавание в мелкой воде и среди льдов, перетаскивание лодок по-суху и через мели, постоянные столкновения с льдами и рифами и, наконец, дурная погода страшно тормозили передвижение измученных людей. бодрых только желанием добиться успеха.

Все эти невзгоды усугублялись главной — непрерывным туманом, страшно затруднявшим путешествие. Франклин говорит, что в течение всего этого похода он не помнит дня, когда можно было видеть предмет на расстоянии больше, чем 4—5 миль; чаще всего туман был настолько густым, что бывало трудно различить человека, стоящего в нескольких десятках шагов.

16 августа обе лодки шли под парусом, легко преодолевая маленькие трудности, встречавшиеся на пути. В этот момент никто не думал, что этот их переход будет последним в западном направлении.

«Пришло время, — пишет Франклин, — когда я должен был серьезно задуматься над существующими перспективами достижения цели путешествия, так как с каждым днем я подвергал своих людей все большей опасности. Мы прошли тогда только полпути от Мэкензи до мыса Ледяного». Несколько ниже Франклин говорит: «Если бы я знал тогда или если бы мог себе только представить, что люди из экипажа «Блоссом» находятся всего в 160 английских милях от нас, то никакие, даже самые удручающие обстоятельства не заставили бы меня повернуть назад. Однако, если учесть ри-

скованность всяких плаваний в покрытом льдами море, то я никак не мог допустить, что «Блоссом» проникнет дальше залива Коцебу, и что часть его экипажа обогнет мыс Ледяной. Конечно, никакими рассуждениями о возможном успехе неудавшегося предприятия делу не поможешь, однако я не могу удержаться от замечания, что если бы мы даже при самой благоприятной погоде и при лучшем стечении прочих обстоятельств продолжали наш путь 18 августа, — все равно мы не догнали бы высланной с «Блоссом» шлюпки».

Вот что говорит, между прочим, Франклин в оправдание своего решения: «Я знал из описаний путешествия Кука и Бернея, что побережье сколо Ледяного мыса сходно с тем, около которого мы проходили, из чего я пришел к заключению, что побережье между достигнутой нами точкой и Ледяным мысом должно быть таким же. Мы с трудом прошли десять долготных градусов, и не было никаких оснований предполагать, что остающиеся десять смогут быть пройдены в более короткий срок. Лето подходило к концу, по ночам образовывался довольно крепкий лед, на небе стали появляться стаи готовящихся к отлету гусей; по всему было видно, что в нынешнем году зима будет ранней. Я хорошо помнил, что сравнительно теплое лето 1821 года кончилось 17 августа, когда разразилась сильная метель; через две недели наступила настоящая зима».

Франклин совершенно правильно учитывал, что с увеличением пройденного расстояния чрезвычайно усиливается риск всего предприятия, потому что в случае аварии с лодками экспедиция, ушедшая далеко от устья Мэкензи, не успела бы вернуться пешком во-время и была бы обречена на верную гибель. Решение повернуть обратно чисто случайно совпало со сроком, предусмотренным данной Франклину инструкцией, о которой, как он сам упоминает, он совершенно забыл.

«Вечером этого дня, — пишет Франклин, — я сообщил своим товарищам принятое мной решение. Люди встретили его с той же готовностью, которую они проявляли в течение всего путешествия. Они уверяли меня, что охотно подчинятся любому распоряжению. То, что они готовы были безропотно продолжать путешествие, следует поставить им в большую заслугу, тем более, что у многих из них, благодаря беспрестанному пребыванию в воде, были опухшие и воспаленные ноги. Это обстоятельство тоже повлияло на мое решение».

Мыс, от которого экспедиция повернула обратно, получил название «Поворотного рифа». Плавание отсюда к Мэкензи с самого же первого дня проходило гораздо легче, чем поход на запад. Тем не менее оно изобиловало разнообразными приключениями, подробно описывать которые не представляется возможным.

Экспедиция проходила по знакомым местам, и потому капитанам лодок было легче ориентироваться в пути. Состояние льдов было также несколько более благоприятным, чем раньше, — местами кромка отодвинулась от берега под влиянием южных ветров на целую милю. 26 августа экспедиция находилась уже в районе острова Гершеля. Лодки держали курс прямо на него, как вдруг поднялся густой туман. В проливе была большая волна, и потому появление тумана могло привести к скверным последствиям. С берега были слышны голоса эскимосов, но ориентироваться по ним было невозможно, так как в тумане они раздавались всюду. После долгих мытарств обе лодки достигли острова, хотя увидели его только на расстоянии 50 шагов. 27-го экспедиция попала в еще худшее положение и спаслась только благодаря решительному руководству ее начальника. Огромные волны обрушивались на маленькие суденышки и грозили их затопить. Пришлось выбраться на берег, и сделано было это чрезвычайно искусно. Правда, волны захлестнули лодки вместе с сидящими в них людьми, но моментом позже экипаж был уже на ногах и вытаскивал лодки на сушу.

В течение следующего дня вследствие сильного прибоя не было возможности спустить лодки на воду, и путешественники использовали свободное время для сушки подмокшей одежды и продовольственных припасов. Август привел к лагерю своих товарищей — группу остановившихся неподалеку эскимосов. Эскимосы посочувствовали промокшим до нитки европейцам, а женщины принялись нашивать на сапоги их подошвы из тюленьей кожи, дающие лучшую опору ногам при хождении по воде.

Прошло всего десять дней с момента поворота обратно, как показались несомненные признаки приближения к устью Мэкензи: в море было много выносимого рекой плавника, замечалась большая примесь пресной воды.

В лодках появилось много воды, вычерпать которую не было возможности. Пришлось остановиться на галечной косе, рядом с тремя эскимосскими хижинами. Вскоре около высадившихся путешественников собралось все население их, со-

стоявшее из 27 мужчин и женщин. Эти люди вели себя с чрезвычайной приветливостью, причем женщины добровольно взялись за починку изношенной обуви, за что получили подарки. Большое удивление вызвало в среде путешественников сообщение эскимосов, что в течение последних месяцев в районе устья Мэкензи только полтора дня были туманные. Франклин с огорчением сопоставил с этим фактом условия, в которых ему пришлось пробиваться вдоль побережья по пути на запад.

Август услышал от эскимосов некоторые любопытные подробности относительно торговых путей, связывающих здешних жителей с живущими далеко на западе в глубине Аляски русскими. Оказалось, что западные эскимосы, получив в обмен на различные изделия пушнину и сало от восточных своих соплеменников, отправляли в те времена этот груз на санях прямо в русское поселение. Здесь они встречались с горными индейцами, прибывавшими большими толпами из северо-восточной Аляски. Между эскимосами и индейцами часто возникали недоразумения, легко переходившие в кровавые стычки. При этом обычно доставалось эскимосам, в виду их малочисленности. Горные индейцы грабили их и захваченные товары увозили с собой. Эту добычу они перепродавали затем непосредственно восточным эскимосам, встречаясь с ними по соседству от острова Гершеля.

В течение всего следующего дня дул настолько сильный ветер, что нечего было и думать о продолжении путешествия. Эскимосы стали приходить к лагерю экспедиции в таком количестве, что пришлось провести пограничную линию, через которую никто из туземцев не имел права перешагнуть. От этих людей Франклин узнал, что отряд доктора Ричардсона видели на побережье.

После неудавшейся попытки соединиться с западным отрядом капитана Бичи экспедиция Франклина вернулась, таким образом, к устью великой северной реки Мэкензи. Путь отсюда до форта Франклин был сравнительно не длинен и казался не очень опасным. Поэтому путешественники считали свою задачу почти законченной, хотя и не совсем удачно решенной.

Через три дня экспедиция Франклина благополучно достигла места на реке Мэкензи, где ровно два месяца тому назад он простился с Ричардсоном, а еще через три дня путешественники подошли к тому пункту, где, согласно уго-

вору. Ричардсон должен был оставить записку в случае своего возвращения тем же путем. Записки на месте не оказалось, из чего можно было заключить, что, если только Ричардсона не постигло какое-нибудь несчастье, он пытается достигнуть своей конечной цели — форта Франклин — предусмотренным инструкцией путем.

7 сентября экспедиция достигла форта Доброй Надежды. Путь отсюда до форта Франклин длился ровно две недели. Прибыв туда, Франклин был очень удивлен и обрадован, увидев здесь своих товарищей из восточного отряда Ричардсона в полном сборе. Только самого начальника этого отряда не было на месте, так как, прибыв в форт Франклин 1 сентября, он поспешил покинуть его с тем, чтобы успеть собрать геологический материал в области Большого невольничьего озера.

Если Франклин и не достиг главной цели во второй своей экспедиции в арктическую Америку, то все же сделанные им открытия на берегу Ледовитого моря были не маловажны, и к тому же достигнуты они были без человеческих жертв. Радость его по этому поводу была велика, тем более, что и поход Ричардсона тоже был благополучен в этом отношении.

Для того чтобы полностью оценить результаты работ второй Франклиновой экспедиции, необходимо ознакомиться с историей плавания его ближайшего помощника — Ричардсона.

Простившись с Франклином, Ричардсон выступил вслед за ним в свой поход к устью Меднорудной реки. Экипаж его двух лодок — «Дольфин» и «Юнион» — состоял из двенадцати человек.

Первый отдых отряда случился в месте недавней стоянки эскимосов, повидимому, пришедших сюда для торговли с индейцами. По примеру Франклина Ричардсон тоже оставлял на видных местах разные вещи для эскимосов, чтобы задобрить их в свою пользу.

Первая встреча восточного отряда с эскимосами произошла спустя три дня после расставания с начальником. Весть о ней дошла в свое время до Франклина. Столкновение это произошло следующим образом: 7 июля, рано утром, Ричардсон подошел со своим отрядом к одному мысу, где увидел несколько эскимосских шалашей и каноэ. Ричардсон решил отправиться навстречу эскимосам вдвоем с переводчиком Улигбуком, поручив Кендалю следить, чтобы люди

оставались в лодках и были начеку. Несколько стоявших на берегу женщин с любопытством и удивлением рассматривали приближавшиеся к ним лодки. Затем они бросились к шалашам будить своих мужей. Несколько совсем обнаженных, но вооруженных луками и стрелами мужчин выскочили наружу, видимо сильно перепуганные. С яростными ужимками они побежали в сторону берега. Ричардсон приказал Улигбуку объясниться с ними, но их смущение было так велико, что они не были в состоянии понять что-либо. Тогда он вместе с Улигбуком захватил немного стеклянных бус и ножей и пошел с ними навстречу туземцам. Увидев подарки и услышав слово «торговля», эскимосы наконец поняли, что бояться нечего, перестали кричать и отослали свои луки домой, сохранив, однако, при себе длинные ножи.

Началась торговля. Эскимосы стали приносить рыбу, и в конце концов ее оказалось такое количество, что оплатить ее уже было нечем.

Продолжая свой путь вдоль побережья, путешественники неоднократно замечали расставленные на берегу шалаши. Испытав на себе только что трудности общения с эскимосами, Ричардсон решил впредь избегать встреч с ними. Однако каждый раз, когда эскимосы замечали проезжавших, они поспешно садились в свои каяки и пускались в погоню за лодками. Догнав их, они предлагали в обмен изделия своего хозяйства и оружие. Они хватались за борты лодок и заглядывали внутрь, стараясь при этом захватить первый попавшийся им предмет.

Когда, наконец, Ричардсон выбрался из дельты Мэкензи, он вздохнул несколько свободнее. Спустя неделю после прощания с Франклином, отряд Ричардсона, находившийся к этому времени уже в море, впервые заметил на горизонте указывающее на близость льдов так называемое «ледяное небо». Подул северный ветер, и действительно вскоре появилась полоса льдов, заставивших путешественников высадиться на берег.

Между тем, лед скоро ушел, и экспедиция могла продолжать свой путь. Таким образом, грозное предсказание не оправдалось, льды продолжали встречаться очень редко, и, в противоположность Франклину, Ричардсон легко продвигался вперед. Побережье, вдоль которого проходил Ричардсон, изобиловало глубокими бухтами, общее направление его было северо-восточное. Без особых приключений Ричардсон достиг мыса Бэзерст, к востоку от которого линия побережья

довольно резко уклоняется в юго-восточном направлении. «Этот мыс представляет собой самую северную точку материкового побережья, достигнутую во время нашего путешествия, — пишет Ричардсон. — Он расположен на миле севернее открытого Франклином Поворотного рифа и, видимо, представляет собой — после открытого капитаном Бичи вблизи мыса Ледяного крайнего мыса — самую северную оконечность американского материка». По этому поводу следует еще раз напомнить, что наиболее северной частью Америки является полуостров Бутия, о существовании которого в двадцатых годах прошлого века не было ничего известно.

Большую радость испытали Ричардсон и его спутники, когда увидели, что от мыса Бэзерст берег уходит прямо по направлению к устью реки Меднорудной — первой цели их путешествия. Они надеялись, что быстро и легко достигнут цели, тем более что, если не считать неприятных встреч с эскимосами, плавание их, хотя и не лишенное приключений, было на редкость удачным и половина пути до реки Меднорудной была уже пройдена.

Неожиданное разочарование охватило всех, когда береговая линия круто повернула в сторону. Много дней потратил Ричардсон на объезд двух бухт, глубоко врезающихся в материк: одну из них он назвал в честь своего начальника бухтой Франклина. Дальше направление берега снова изменилось в сторону устья Меднорудной реки. Начиная отсюда, Ричардсону пришлось опять столкнуться со льдами, на этот раз более опасными.

С высоты горы путешественники видели одни только тяжелые ледяные массы. Позади них, далеко на северо-востоке, виднелась в тумане какая-то земля.

Тяжелые льды не были сплошными, и потому проход через них не был особенно трудным. Лодки шли большей частью под парусом, так как дул преимущественно попутный ветер. Условия плавания к востоку от Мэкензи не могли даже сравниться с тем, что пришлось испытать Франклину на его пути. Наибольшая трудность плавания в проливе между материком и новооткрытой землей заключалась в существующем здесь сильном течении, несущем массы льда. Однажды «Дольфин» чуть не погиб от сжатия двух огромных льдин. Именем его и второй лодки — «Юнион» — окрестил Ричардсон этот, ставший впоследствии столь знаменитым, пролив.

Уже на совсем небольшом расстоянии от меридиана устья Меднорудной реки Ричардсон впервые столкнулся со сплошным льдом. Сначала пробиться через него казалось невозможным, но на следующий день между отдельными частями ледяного поля началась подвижка. Путешественники протаскивали свои лодки по открывшимся в промежутках каналам. В течение всех последующих дней продвижение шло чрезвычайно медленно. Особенно серьезная опасность грозила лодкам от неожиданно всплывающих глыб льда. Эти льдины достигали такого размера, что легко могли повредить даже большое судно.

Дальше к востоку условия для плавания несколько улучшились, благодаря тому, что между кромкой льда и берегом открылись узкие полосы чистой воды.

Однажды Кендаль отправился на разведку и, вернувшись, сообщил радостную новость, что направление береговой линии отклоняется к югу и что впереди, на востоке, широкое пространство занято морем. Между видневшейся на севере земель и материковым побережьем не было таким образом никакой связи, то есть земля эта представляла собой остров, как говорит Ричардсон, «самый большой из всех, открытых во время этого и прежнего путешествия Франклина, названный именем знаменитого естествоиспытателя доктора Уоллестона». Позднейшими исследователями к востоку от этой земли была открыта другая, названная именем Виктории. Еще через много лет было доказано, что обе эти земли представляют собой один общий остров.

6 августа экспедиция повернула, следуя за береговой линией, прямо на юг. На следующий день Ричардсон вошел в залив Коронации, открытый предыдущей экспедицией Франклина. Достигнув этого места, он мог считать свою главную задачу решенной.

До этого времени Ричардсон и Кендаль скрывали от своих спутников близость цели их путешествия. Они опасались, что внезапный поворот береговой линии или же встреча с обширным ледяным полем задержат их еще на несколько дней. Велика была радость экипажа при получении этого неожиданного известия.

На всех парусах плыли «Дольфин» и «Юнион» прямо по направлению к устью реки, столь памятной Ричардсону по страшным мучениям, вынесенным ими здесь так недавно в компании с Франклином. Отряд остановился на отдых в двухстах шагах от места, где был лагерь экспедиции

в 1821 году. Немного пепла и обгорелые головни лежали на земле, никаких других следов, и в том числе оставленных здесь различных предметов, не оказалось.

Путешественники поздравляли друг друга со счастливым достижением цели и радовались тому бодрому состоянию, в каком они находились, так как впереди было еще много трудностей. Предстоявший путь вверх по реке и через тундру требовал большой затраты сил и напряжения воли. Сознание достигнутого успеха всегда чрезвычайно бодрит, а отряду Ричардсона удалось выполнить свою задачу в тридцать семь дней, причем пройдено им было вдоль неизвестного побережья 902 мили, то есть расстояние, значительно превышающее путь, пройденный Франклином в западном направлении.

Меднорудная река, как известно, чрезвычайно порожиستا, и потому Ричардсон рассудил, что попытаться подняться по ней на лодках против течения потребует слишком много трудов, а в конце концов лодки все-таки придется бросить при проходе водораздела в сторону озера Медвежьего. С сожалением пришлось решиться оставить их тут же, на месте, захватив с собой только маленькую переносную лодчонку, так называемую ореховую скорлупку, для переправ через реки. Здесь же были сложены все лишние вещи, предназначенные в качестве подарка для первых встречных эскимосов. Порох был выброшен в реку, чтобы не умеющие с ним обращаться туземцы не причинили себе вреда.

10 августа отряд Ричардсона отправился вдоль реки через тундру к Медвежьему озеру. Люди шли спокойным, ровным шагом, каждый час устраивался пятиминутный отдых, в течение которого подходили все случайно отставшие. Путешествие проходило легко и благополучно, точно шли по расписанию.

13 августа был устроен привал в месте, где 11 июля 1821 года стоял лагерь Франклина. В полдень того же дня Ричардсон, до сих пор следовавший вдоль Меднорудной реки, повернул в сторону реки Диза, впадающей в восточную часть Медвежьего озера, обследованную им осенью минувшего года.

Местность, через которую проходил отряд, была богата дичью, сильно разнообразившей питание путешественников. Вскоре они вошли в область лесов и отдыхали уже не под открытым небом, а под густыми кронами деревьев. 15-го произошла первая встреча с индейцами. Сначала индейцы пря-

ближались с недоверчивостью, готовые обороняться или даже напасть, но когда они по одежде узнали спутников Ричардсона и его самого, то, испустив крик радости, смело подбежали к отряду и стали оживленно изъяслять свои чувства по поводу неожиданной встречи. Эти люди принадлежали к племени Заячьих индейцев, обитающему в области, прилегающей с востока к Медвежьему озеру, и уже встречались с Ричардсоном предыдущей осенью.

На следующий день отряд достиг реки Диза. К этому времени наличные запасы продовольствия стали истощаться, так как члены экспедиции не всегда имели возможность охотиться, и потому что надо было спешить во-время попасть к Медвежьему озеру, где их должен был встретить выехавший с форта Франклин индеец Болье. Большим подспорьем экспедиции стали охотничьи трофеи местных индейцев, отдававших их людям Ричардсона в счет будущей оплаты.

18 августа Ричардсон прибыл к Медвежьему озеру. Следующие дни ушли на розыски и ожидание Болье, который должен был, согласно уговору, отправиться из форта Франклин 6 августа и до 20 сентября ждать прихода Ричардсона где-нибудь в районе впадения реки Диза в Медвежье озеро. Он должен был привезти продовольствие на каноэ, с помощью которых предполагалось затем вернуться по озеру в форт.

В среде участников экспедиции по поводу отсутствия Болье царило серьезное беспокойство. Ричардсон опасался, не случилось ли с ним что-нибудь нехорошее, и задумывался над дальнейшей судьбой своего отряда. Ему очень не улыбалось трудное сухопутное путешествие вдоль северного побережья озера, но нужно было решаться как-то действовать, так как люди начинали голодать. Наконец, 24-го со стороны озера показалось во главе флотилии каноэ Болье. Он выступил точно 6 августа, но задержался в пути вследствие штормовых ветров.

Начались спешные сборы. Партии, высланные на поиски Болье, еще не возвратились, и пришлось посылать новых людей им навстречу. В конце концов все собрались вместе и, снова разделившись на несколько пловучих отрядов, двинулись по направлению к дому. 28 августа Ричардсон прибыл в форт Франклин. Об экспедиции его начальника здесь не оказалось никаких известий, из чего Ричардсон заключил, что он благополучно достиг намеченной цели.

Не задерживаясь долго в форте Франклин, Ричардсон отправился к Большому невольничьему озеру для изучения этого тоже еще совсем не исследованного района.

Когда Франклин прибыл на главную базу и узнал здесь о счастливом походе своего друга, он мог считать свою задачу выполненной. Было уже позднее время года, наступали темные дни, и думать о возвращении в Европу можно было не раньше весны.

Начало зимы Франклин провел в форте своего имени, но уже в феврале выступил в поход на юг. Описания зимнего путешествия через Канаду, как оно ни любопытно, здесь дать невозможно. Длилось оно полгода, — только в августе прибыл Франклин в Нью-Йорк и 1 сентября сел на почтовый корабль, отплывавший в Портсмут. На этом корабле находились также все прочие участники экспедиции. От них Франклин узнал все подробности плавания восточного отряда. Тут же рассказали ему, что два члена экспедиции — преданнейшие работники и прекрасные люди — случайно погибли на пути от Медвежьего озера к Йоркской фактории. «Таким образом надежда моя, что эта экспедиция никому не будет стоить жизни, не оправдалась!» — горько восклицает Франклин, заканчивая свой рассказ.

Основная задача, которую поставили себе Парри, Бичи и Франклин, отправляясь в плавание 1824—1828 годов, осталась, таким образом, не выполненной. Каждая из экспедиций сделала ряд интересных открытий, среди которых на первом месте стоят, конечно, исследования Франклина и Ричардсона, но Северо-западный проход остался не пройденным. Английское адмиралтейство, заинтересованное прежде всего в стратегической и экономической ценности этого пути, осталось неудовлетворенным частичными успехами тройственной экспедиции. Главный отрицательный вывод лордов из адмиралтейства состоял в том, что если даже в будущем проход и будет найден, то для военной и торговой мощи Англии он все равно окажется бесполезным из-за огромных трудностей пользования им. Опыт всех предыдущих и тем более последней большой экспедиции как будто неопровержимо доказал, что пройти этим путем без зимовки не сможет ни один корабль, а в таком случае нечего тратить впустую деньги и рисковать кораблями и людьми. Поэтому решено было снова ликвидировать старую премию в 20 000 фунтов стерлингов за открытие Северо-западного прохода и прекратить всякие поиски его

IV. БЕЛЫЕ ПЯТНА ПОСТЕПЕННО СТИРАЮТСЯ

Экспедиции 1829—1839 годов — Джон Росс, Бак, Симпсон и Диз

В это время на сцену выступил старый исследователь полярных стран, опытный моряк, уже известный нам Джон Росс. Он не мог забыть своей прежней ошибки, когда в 1818 году он принял мираж за горный хребет и повернул перед этим мнимым препятствием обратно. Этим он навлек на себя в свое время недовольство, а его исследовательская слава сильно померкла. Джон Росс обратился в адмиралтейство за поддержкой его плана исследования Северо-западного прохода. Но адмиралтейство, настроенное против этих «авантюр», осталось глухо на просьбы и доводы старого морехода. Тогда Росс объявил, что он снарядит экспедицию на собственные средства, и ассигновал для этой цели 3000 фунтов стерлингов. Однако этой суммы не могло хватить для обеспечения всем необходимым экспедиции сколько-нибудь значительного масштаба. Богатый купец Феликс Бут решил прославиться и добавил к этой сумме от себя еще 17 000 фунтов. На эти деньги можно было снарядить как следует хороший корабль. Бут правильно рассчитал: самолюбие купца было удовлетворено, когда в награду за услугу он получил дворянское звание, и сверх того его имя оказалось увековеченным, будучи присвоено большому заливу и большому полуострову в арктической Америке.

Экспедиция Джона Росса провела во льдах четыре зимовки: отправившись в поход в 1829 году, Росс вернулся в 1833 году. Сделанные Россом открытия чрезвычайно интересны и важны.

В общих чертах экспедиция протекала следующим образом: Росс вышел в море на небольшом колесном пароходе

«Победа». С паровой машиной весьма несовершенной системы и качества было очень много возни, и впоследствии ее пришлось совсем снять и бросить. Россу удалось благополучно миновать пролив Ланкастера и достигнуть пролива Принца Регента, того самого, в котором застрял пятью годами раньше Парри. Пройдя на юг значительно дальше своего предшественника, Джон Росс открыл большой полуостров, названный им Бутия Феликс. Между этим полуостровом и лежащим к северу островом Северным Соммерсетом существует узкий пролив Белло. Об этом проливе Джон Росс слышал от эскимосов, но участвовавший в этой экспедиции Джеймс Росс, племянник Джона, так и не смог найти его. При поисках пролива Белло произошла та же ошибка, что и при обследовании Россом-старшим Ланкастерового пролива в 1818 году или при посещении голландцами Маточкина Шара на Новой Земле двумястами лет раньше: открытые этими исследователями бухты впоследствии оказались проливами, получившими первостепенное значение для судоходства. Пролив Белло был открыт значительно позднее, а пока что не было прямого доказательства отсутствия непосредственной сухопутной связи между материком и островом Северным Соммерсетом, подступающим к самому проливу Ланкастера. Первая зимовка протекала у берегов Бутии, а вслед за ней почти сразу же наступила вторая: судно, затертое льдами, осталось на прежнем месте. За это время Джеймс Росс подробно обследовал полуостров Бутия Феликс. Во время одной из своих санных экскурсий он пересек по льду пролив, названный впоследствии его именем. Достигнув противоположного берега, он решил, что открыл новый полуостров, оказавшийся в действительности островом, названным Землей короля Уильяма. Ошибочный вывод Джеймса Росса, назвавшего эту землю полуостровом, имел роковое значение для судьбы одной из величайших экспедиций будущего, теснейшим образом связанной с именем Джона Франклина. Открытия Россов в общих чертах разъяснили сложную конфигурацию береговой линии северо-восточной оконечности Америки. Оказалось, что она несравненно длиннее и извилистее, чем мог в свое время думать Франклин, надеявшийся пройти почти по прямой линии от восточного Поворотного мыса к заливу Репульс. Кроме перечисленных географических открытий, Джеймс Росс совершил еще одно, обнаружив на юго-западном берегу полуострова Бутия Феликс Северный магнитный полюс земли. Третью зиму судно провело почти

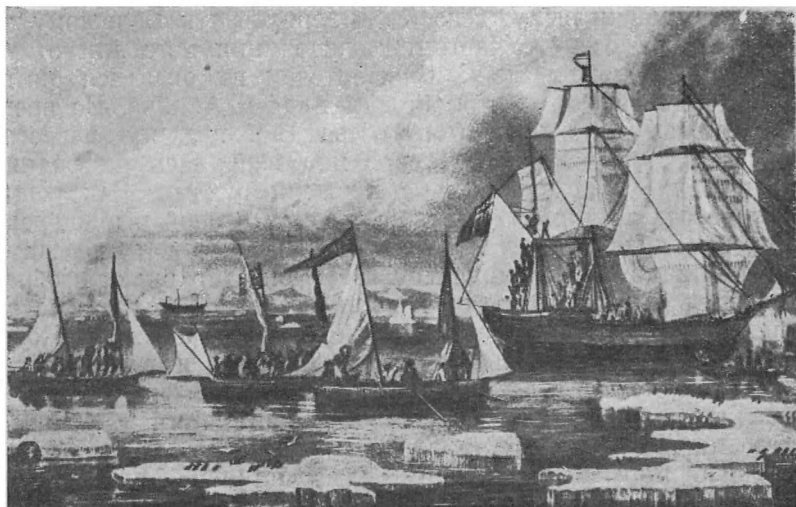
Джон Росс
(род. в 1777 г., ум. в 1856 г.)

Вождь индейцев Акайчо спасает экспедицию Бака от смерти

в том же месте. Отчаявшись в возможности выбраться из этой ледовой западни, Джон Росс решил бросить корабль. Четвертая зима застала путешественников бредущими по земле на пути к проливу Ланкастера. Пришлось остановиться на зимовку. От голодной смерти Росс и его спутники были спасены предусмотрительностью Парри, построившего здесь свой склад продовольствия. Летом 1833 года Росс достиг пролива Барроу, пересел в притащенные с собой лодки и поплыл на восток. У входа в пролив Ланкастера встретила «Изабелла», то самое судно, на котором Джон Росс совершил свое плавание в 1818—1819 годах. Корабль подобрал людей и их груз и доставил на родину.

Путешествие Росса принадлежит несомненно к числу самых замечательных предприятий этого рода. Оно богато открытиями и событиями. Интересно, что последнее любопытное происшествие имело место уже после того, как экспедиция была подобрана случайно встретившимся ей судном. Дело в том, что поднявшийся на борт столь хорошо знакомого ему корабля Джон Росс не сразу был признан командой его, считавшей Росса погибшим еще два года тому назад. Из уст команды судна, специально высланного на поиски его экспедиции, услышал Росс самые невероятные сведения о харак-

«Изабелла» спасает экспедицию Джона Росса

тере предполагавшейся гибели ее, о впечатлении, которое эта весть произвела на родине, и о посылке спасательной экспедиции ему на выручку. Прибыв в Англию, Джон Росс и его племянник удостоились признания своих заслуг, которые были несомненно очень велики, хотя вопроса о Северо-западном проходе экспедиция так и не разрешила.

Долгое отсутствие Росса вызвало у него на родине сильное беспокойство. Была организована подписка, и на собранные деньги снаряжена под начальством Джорджа Бака, бывшего спутника Франклина, сухопутная экспедиция, которой было поручено проследовать до берегов Ледовитого моря и достигнуть затем мыса Фьюри в заливе Принца Регента. Основанием для выбора такого маршрута служило известное намерение Росса посетить это место, замечательное тем, что там был в 1825 году брошен одноименный корабль Парри.

Бак отправился в свое путешествие в сопровождении врача Ричарда Кинга в год возвращения Росса. Трудности этого предприятия во многом напоминают те, которые пришлось Баку вынести двенадцать лет тому назад, во время первой американской экспедиции Франклина. Ближайшей целью Бака была река Большая рыбная, называемая также его именем. В первый же год экспедиция достигла ее истоков,

но для зимовки вынуждена была вернуться к Большому невольничьему озеру. Участники экспедиции погибали от недостатка продовольствия, и спасителем их оказался опять-таки столь хорошо знакомый нам индеец Акайчо. Во время пребывания на берегу этого озера Бак получил известие, что экспедиция Росса благополучно вернулась на родину. Не желая, однако, уходить с пустыми руками, Бак решил обследовать течение и устьевой район Большой рыбной реки. Это ему вполне удалось в течение одного лета, и, перезимовав вторично на Невольничьем озере, он отправился в обратный путь и достиг берегов Англии осенью 1835 года, не потеряв за два года путешествий ни одного человека. Поход Бака следует признать очень любопытным и важным, тем более что немного лет спустя обследованная им область и река стали предметом напряженного внимания и интереса всего мира.

Новая морская экспедиция Бака, состоявшаяся в следующем году, окончилась полной неудачей. Бак проник только до залива Репульс; здесь его затерло льдами, он провел очень тяжелую зимовку и вернулся домой, не достигнув ничего. На его корабле, знаменитом «Терроре», служил подштурманом ставший впоследствии столь известным Ма к-К л ю р.

Остается еще упомянуть об одной замечательной экспедиции этого же периода, отправленной в Ледовитое море со стороны американского материка. Плавание То м а с а С и м п с о н а и участника экспедиции Франклина 1825 года Уоррена Диза завершает собой первый цикл экспедиций Северо-западного прохода, охвативший период с 1818 по 1839 год. Первые экспедиции этого цикла посылало британское адмиралтейство, тогда как начиная с 1829 года организация экспедиций перешла к частным лицам и обществам. На средства Гудзоновской компании, пожелавшей уточнить северные границы своих владений, было снаряжено предприятие Симпсона и Диза. Поставив себе задачей восполнить существующие пробелы в изучении северной береговой линии американского материка, эти исследователи обратили свое внимание на неисследованные участки на западе между Поворотным мысом и мысом Барроу и на востоке между устьем реки Меднорудной и рекой Кастора и Поллукса в южной части полуострова Бутия Феликс. Первую работу они совершили в 1837 году. Перезимовав на берегу озера Медвежьего, Симпсон и Диз с наступлением весны отправились к устью реки Меднорудной. Обогнув восточный мыс Барроу, экспеди-

ция скоро миновала район, обследованный Франклином в 1821 году. Следуя по берегу пешком, Симпсон вскоре достиг мыса Франклин и увидел к северу от него обширный остров — Землю Виктории. Вторую зиму провели опять-таки на Медвежьем озере. В следующем году Симпсон и Диз возобновили свои работы в этом районе. Ледовые условия были на этот раз гораздо благоприятнее, и вскоре экспедиция прошла восточный Поворотный мыс, миновала мысы Франклина и Александра, с которого годом раньше Симпсон впервые увидел широкое море, уходящее далеко на восток, и достигла устья изученной Баком реки Большой рыбной. Далее они продвинулись до устья небольшой речки, названной именем Кастора и Поллукса — замечательных лодок, на которых совершалось путешествие. На обратном пути была посещена Земля короля Уильяма. Достигнув устья Меднорудной реки 16 сентября, экспедиция в очень короткий срок добралась до места своих прежних зимовок и на том закончила свою деятельность. Профессор Гельвальд следующим образом резюмирует сделанную Симпсоном и Дизом работу: «Сделали они всего 2400 километров, совершив, таким образом, самое длинное, самое грандиозное путешествие, какое когда-либо было проделано с помощью лодок на Ледовитом море. Результаты этого путешествия превосходят все, что было достигнуто на географическом поприще Франклином, Ричардсоном и Баком». Тем удивительнее, что замечательные достижения обоих путешественников не получили в чопорной, реакционной Англии того времени широкого признания. Правда, Лондонское географическое общество наградило Симпсона золотой медалью, но, как говорит Гельвальд, «во многих кружках Англии их заслуги не были оценены по достоинству, так как на них смотрели, как на простых промышленников, которые, по нелепому предубеждению, не имеют права стоять в одном ряду с флотскими офицерами.

Двенадцать экспедиций направилось в период с 1818 по 1837 год в область арктической Америки. Восемь морских исследовательских отрядов на двенадцати кораблях и четыре сухопутных экспедиции в течение двадцати лет пытались разрешить проблему существования Северо-западного прохода. Формально проблема осталась не решенной: никто не проделал весь путь от океана до океана с запада на восток или в обратном направлении вдоль всего северного побережья Америки. Но открытия, сделанные в арктической Америке за этот период, поистине грандиозны.

Что же было известно о конфигурации северных берегов этого континента до 1818 года?

Плавание Баффина 1616 года открыло существование глубоко вдающегося в полярную область Баффинова залива. В этой части Арктики после Баффина никого не было вплоть до момента посещения залива его имени экспедицией Джона Росса. На западе, в части Ледовитого моря, прилегающей к Берингову проливу, первые открытия принадлежат знаменитому Джемсу Куку, в 1778 году обнаружившему северо-западную оконечность Америки, названную им мысом Ледяным. К восемнадцатому столетию относятся также открытия, сделанные со стороны американского материка упоминавшимися исследователями Мак-Энзи и Хирном. Первый достиг, следуя по реке, названной впоследствии его именем, устья ее и нанес его на карту. Второй спустился вдоль по Меднорудной реке до моря. К сожалению, наблюдения Хирна были не точны, и потому его географическими указаниями нельзя пользоваться безоговорочно. Вот и все, что было известно о характере береговой линии американского материка мореплавателям и географам первых десятилетий девятнадцатого века. На прилагаемой современной карте северной части Северной Америки участки береговой линии, известные до 1818 года, отмечены широкой черной полосой, вся остальная область в то время представлялась совершенной *terra incognita*.

При сравнении между собой отдельных экспедиций периода 1818—1839 годов легко увидеть, что не все они были одинаково удачны, не все оправдали возлагавшиеся на них надежды. К неудачным экспедициям, ничего или почти ничего не давшим в отношении познания географии арктической Америки, должны быть отнесены плавания: Джона Росса в Баффиновом заливе (1818—1819), Лайона в районе залива Репульс (1824) и Бака там же (1836—1837). Значительно более успешными были две экспедиции Парри (1821—1823 и 1824—1825), плавание Бичи (1825—1828), вторая экспедиция Джона Росса и его племянника Джемса (1829—1833), первое путешествие в американскую Арктику Джона Франклина (1819—1822) и поисковая сухопутная экспедиция Бака (1833—1835). К наиболее успешным предприятиям относятся: первая самостоятельная экспедиция Парри (1819—1820), второе путешествие на лодках Франклина и Ричардсона (1825—1827) и такого же рода экспедиция Диза и Симпсона (1837—1839).

Со стороны Ланкастера пролива дальше всех на запад проник в первое же свое самостоятельное арктическое плавание Парри, достигнув острова Мельвиля. Две последующих экспедиции, избравшие этот путь — его же и Росса, — не прошли в этом направлении далеко, но зато Россу удалось, повернув на юг, спуститься до материкового побережья. Попытки проникнуть к северным берегам континента со стороны Гудзонова залива были по большей части неудачны, и только тому же Парри удалось в 1821—1823 годах пройти вдоль полуострова Мельвиля, одного из двух больших полуостровов, вдающихся в этой части Америки далеко вглубь Ледовитого моря. Со стороны Берингова пролива направилась одна только экспедиция Бичи, сумевшая пробраться вдоль северного побережья лишь на небольшое расстояние от давно открытой северо-западной оконечности Америки. Наконец из числа экспедиций, направившихся к морю с юга, со стороны материка, ни одна — в противоположность морским — не была совершенно неудачной: каждая обследовала ту или иную часть побережья. Начало этим работам положило путешествие Франклина к устью Меднорудной реки. Следующая экспедиция Франклина изучила северное побережье на большом протяжении. Недостающие участки были обследованы Дизом и Симпсоном, проплывшими на своих лодках огромное расстояние вдоль северных берегов Америки.

V. РОКОВОЙ ПОХОД

Экспедиция Джона Франклина в 1845 году

К сороковым годам девятнадцатого столетия проблема существования Северо-западного прохода могла считаться почти разрешенной. Правда, ни одному человеку не удалось проникнуть этим путем из одного океана в другой, но Лондонское географическое общество и одно время даже сам Джон Бэрроу склонялись приписать славу открывателей прохода Симпсону и Дизу. Этот взгляд был безусловно ошибочен, на что обращал их внимание Ричард Кинг, спутник Бака в экспедиции к устью Большой рыбной реки. Будущей экспедиции, ставящей себе задачей открыть Северо-западный проход, предстояло соединить линию, приблизительно намеченную Франклином и прослеженную Симпсоном и Дизом, с линией Парри, проходящей через проливы Ланкастера и Бэрроу. Джон Росс спустился, правда, от этой северной линии к югу и достиг здесь побережья материка, но, как было указано выше, ему не удалось найти пролива Белло, представляющего собой единственный западный выход из залива Бутия. Таким образом, линии Парри и Франклина оказались не связанными друг с другом, и, хотя это представлялось уже мало вероятным, не исключена была возможность существования системы полуостровов, связанных перешейками, разобщающими северную и южную водные области. Кроме этого пути, будущая экспедиция могла избрать дорогу через Ланкастеров пролив, следуя прямо на запад мимо острова Мельвиля по следам Парри с тем, чтобы отсюда попытаться, изменив курс кораблей на юго-западный, пробиться к Берингову проливу, пройдя, таким образом, в стороне от открытой Франклином и другими исследователями северно береговой линии американского материка.

Таким образом, легко могло показаться, что для довершения дела открытия Северо-западного прохода осталось проявить лишь немного настойчивости и энергии. Таково было мнение Джона Барроу и некоторых старых полярников, но адмиралтейство, совершенно убежденное в практической бесполезности этого открытия, и слышать не хотело о затратах, связанных с отправкой новых экспедиций. Вместе с тем военно-морские круги Англии с затаенным интересом и завистью следили за успехами последних экспедиций, отправляемых по инициативе частных лиц и компаний.

Появившаяся в результате трудов Симпсона, Диза и их предшественников карта северного побережья Америки должна была быть признана огромным достижением, несмотря на то, что составление ее стало возможно только после работ исследователей, действовавших без всякого одобрения со стороны адмиралтейства.

И вот случилось событие, давшее толчок возобновлению активного участия со стороны английских военных моряков в решении проблемы Северо-западного пути. Джеймс Росс вернулся из плавания в Антарктику и сразу стяжал себе своими открытиями громкую славу. Он проник в направлении к Южному полюсу значительно дальше своих предшественников и еще раз доказал возможность плавания в тяжелых льдах. Его корабли, ставшие всемирно известными, «Эребус» и «Террор» — последний под командованием Фрэнсиса Ричарда Крозье. — прекрасно выдержали трудное испытание.

Конечно, если бы в среде деятелей английского адмиралтейства к тому времени не было тайных настроений в пользу возобновления исследовательской деятельности в арктической Америке, то едва ли возвращение Росса из успешного плавания в Антарктику могло бы вызвать отправку новой экспедиции в эту область. Но так случилось при энергичном содействии Барроу.

Нам хорошо известна роль этого деятеля, проявившего колоссальную энергию и настойчивость в деле организации экспедиций на поиски Северо-западного прохода. Барроу, имея уже восемьдесят лет от роду, «со слепым упрямством, приходящим на старости лет, настаивал на снаряжении новой морской экспедиции в Ледовитое море», как об этом пишет профессор Гельвальд. Необходимо отметить, что, настаивая на отправке экспедиции в арктическую Америку, Барроу требовал, чтобы она была морской, а никак не сухопутной.

Он отличался удивительным упорством, и когда ему доказывали, — в периодической печати, так как для личных объяснений он был недоступен, — что из десяти последних морских экспедиций семь должны считаться неудавшимися, тогда как сухопутные путешествия дали несравненно больше, он тем не менее твердо стоял на своем.

Во время заседания в адмиралтействе Бэрроу поднялся и обратился к заседавшим с горячей просьбой выслушать его и согласиться на снаряжение новой большой экспедиции для окончательного открытия Северо-западного прохода. Бэрроу напомнил о том, как много он сам уже сделал на этом поприще, как много выстрадал, встречая неодобрительное отношение к своей идее. Он доказывал, что для довершения уже сделанного осталось совсем немного, что расстояние, разделяющее крайние, известные ныне пункты, очень невелико, что плавание в этих морях в настоящее время представляет гораздо меньше опасностей, чем раньше, наконец, что позорно останавливаться перед совершением последнего шага в момент, когда цель, которой добивались в течение веков, так близка. Убедительность речи и авторитет Джона Бэрроу оказали свое действие, и, в соответствии с царившими тогда настроениями, было решено совершить новую попытку решения великой проблемы. В пользу такого решения высказался председатель Королевского научного общества, его поддерживали многие члены адмиралтейства, и в их числе четыре человека, голоса которых имели больше всего веса. Этими людьми были: Парри, Джеймс Росс, Франклин и Сэбин. Старик Бэрроу добился своего. Больше того — масштаб нового предприятия превосходил все, о чем мог мечтать Бэрроу, лелея свой план покорения арктической Америки.

Обязанности снабжения и снаряжения этой экспедиции разделили между собой научное общество и адмиралтейство, причем оба исходили из того, чтобы эта экспедиция была непременно во всех отношениях образцовой, но чтобы, вместе с тем, она была последней, посылаемой на поиски Северо-западного прохода.

Однако судьбы этой экспедиции сложились так, что, вместо того чтобы стать последним предприятием этого рода, она вызвала к жизни огромное число новых экспедиций, возобновивших атаку арктической Америки с беспримерной настойчивостью и бесстрашием.

Предстояло выбрать начальника экспедиции. Выбор пал на хоть и не знакомого с Арктикой, но много путешествова-

вшего и не раз отличавшегося в разного рода делах коммодора Джемса Фицджермса. Но вот на сцену выступил Франклин. Он изъявил желание ехать сам. Конечно, трудно было найти человека, более подходящего для этой роли. Кто мог сравниться с ним по опытности в плаваниях среди льдов и кто мог быть более горячо предан своему делу! Франклин напомнил, что он принимал участие в первой экспедиции к Северному полюсу, указал на прочие свои заслуги на арктическом поприще и заявил, что по праву он должен занять место начальника экспедиции. Выставляя это требование, Франклин проявил такой энтузиазм и столько оптимизма, что легко могло показаться, будто достигнуть цели при нынешней осведомленности о конфигурации тамошних берегов и природе моря ничего не стоит. «Многие очень опытные и вдумчивые полярники того времени так и смотрели на это дело, — говорит один из историков Франклина, — им казалось, что вся задача состоит только в том, чтобы сорвать плод, наконец созревший среди тысяч превратностей».

Однако было и серьезное сомнение, заставлявшее призадуматься перед назначением Франклина на должность начальника: Франклин был уже почти стариком.

В связи с этим затруднением возник разговор, в котором участвовал Парри. На вопрос: «Не лучше ли было бы оставить Франклина дома, так как из судового списка видно, что ему уже шестьдесят лет», — Парри ответил:

«Этот человек подходит для данной задачи лучше всякого другого, а если вы его не пустите, он умрет от тоски».

В этих словах Парри выразил не только свое личное мнение, но и мнения всех окружающих, и так было в действительности.

Последняя попытка уговорить Франклина отказаться от поездки была произведена при разговоре с ним. Представитель адмиралтейства сказал ему с улыбкой:

«Мы имеем лучшее в мире право не пускать Вас — по справкам значится, что Вам уже 60 лет».

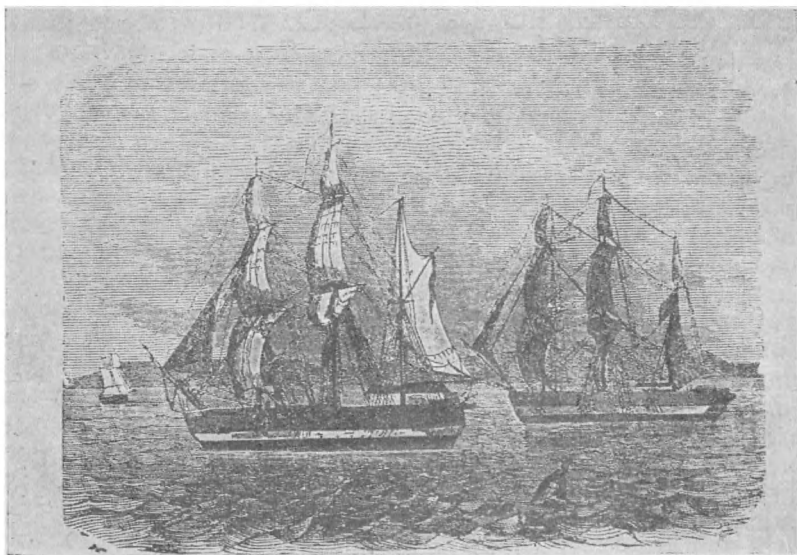
Быстро и серьезно Франклин возразил: «Справки неверны — мне всего лишь 59!»

На этом закончились попытки переубедить его, в результате назначение Фицджермса начальником всего предприятия было отменено, и был назначен главою экспедиции старый полярный волк — Джон Франклин.

Прежняя деятельность Франклина в Арктике описана в предыдущих главах. В течение следующих семнадцати лет

Франклин оставался в стороне от исследования полярных стран, которое он считал своим призванием. За этот долгий период он занимал различные должности, начиная с командования военным кораблем, плававшим в Средиземном море, и кончая управлением одной из английских колоний (Ван-Дименовой землей, то есть Тасманией). Франклин происходил из небогатой, многодетной купеческой семьи. Вступив в возрасте 14 лет на морскую службу, он вскоре получил офицерский чин, неоднократно принимал участие в морских сражениях и научился рассуждать как солдат, верный своему начальству. Франклин отличался не только энергией и выдержкой, но и большой честностью, гуманностью в обращении с подчиненными и добротой. Эти особенности его, наряду с честностью, были повидимому истинной причиной неудовольствия, которое высказал государственный секретарь по поводу его управления Тасманией. Франклин очень охотно покинул этот пост, пребывание на котором лишило его свойственной его характеру веселости и приветливости. Насколько серьезны были недоразумения Франклина с колониальным управлением, видно из того, что еще накануне своего отъезда он хлопотал о выпуске из печати речи, долженствовавшей реабилитировать его образ управления Тасманией. С тем большей охотой вернулся Франклин к исследовательской деятельности на горячо любимом им Севере.

Как только решение адмиралтейства отправить в арктическую Америку исследовательскую экспедицию стало известным, сразу же явилось столько желающих принять в ней участие, что из среды их — как командного состава, так и матросов — можно было самым тщательным образом отобрать наиболее подходящих людей. Со времени последних больших арктических экспедиций прошло уже несколько лет, и невзгоды, которые приходится переносить путешественникам в полярных странах, были частично забыты, частично затмились представлениями о замечательных открытиях, о свободной жизни среди суровой, но прекрасной природы, наконец — о славе и даже о выгоде, которые выпадут на долю всех участников плавания, если оно закончится удачно. Особых опасений за свою судьбу никто из собиравшихся в путь не имел, так как опыт большей части прежних экспедиций показал, что экипаж судов возвращался домой обычно без большого урона в людях. Никому не приходила на память ужасная судьба некоторых арктических экспедиций шестнадцатого и семнадцатого столетий, например Уиллоуби или

«Эребус» и «Террор» на стоянке в гавани

Мунка, в которых все или почти все участники погибали. Все воображение отъезжавших и их друзей было поглощено рассказами более счастливых современников — Франклина. Парри, Россов, Бака и других, — в ярких красках изображавших борьбу с арктической природой и победу человека над ней.

Источник популярности готовящейся к отправки экспедиции состоял все же не только в своеобразном обаянии, исходившем от прежних предприятий этого рода, но и в убеждении, что делу, начатому с таким размахом и умением, должен быть обеспечен полный успех. Необходимо признать, что английское адмиралтейство, решившее еще раз попытать счастья на этом пути, сразу проявило свою действительную заинтересованность в решении проблемы Северо-западного прохода и потому приложило все силы для того, чтобы снарядить экспедицию самым тщательным и совершенным образом.

Для экспедиции были выбраны корабли Джемса Росса «Эребус» и «Террор». Оба судна, построенные для военных целей, были в 1838 году приспособлены для плавания во

льдах и превращены в экспедиционные корабли с соблюдением всех правил и мер предосторожности, диктуемых практикой того времени. «Эребус» (водоизмещением 370 тонн) и «Террор» (340 тонн) блестяще выдержали испытание во время четырехлетнего плавания в водах Антарктики. На «Терроре» плавал в 1836—1837 годах Бак в область залива Репульс. Эти превосходные корабли более всего соответствовали новому назначению и были предоставлены в распоряжение экспедиции после основательного ремонта, устройства дополнительных креплений и введения ряда новых усовершенствований. Оба корабля были винтовые пароходы, но независимо от этого на каждом из них имелось полное парусное вооружение, рассчитанное на замену парового двигателя во время остановки машины. Каждая из этих машин была в двадцать лошадиных сил, причем устройство их было таково, что машины по желанию можно было подымать и опускать, так как предполагалось, что пользоваться их услугами будут только при прохождении узких проливов или каналов во льду, а также при противном ветре или в штилевую погоду. Скорость при этом достигала 4-5 узлов. Польза от машин должна была быть, несмотря на незначительный развиваемый ход, очень большой, потому что каждый полярный мореплаватель того времени хорошо знал, как часто теряются самые драгоценные часы и самые благоприятные для переходов возможности только оттого, что в нужный момент не дует нужный ветер. Целиком полагаться на машину в то время было рискованно, тем более, что корабли не могли взять с собой сколько-нибудь значительного запаса угля, так как все трюмы и свободные помещения были забиты продовольственными припасами, одеждой, инструментами и прочими необходимыми предметами. До большой экспедиции Франклина один только Джон Росс сделал попытку проникнуть в арктические воды с помощью парохода. Винтовые пароходы отправлялись на борьбу с арктическими льдами впервые.

Запас провианта был рассчитан на полных три года. Снабжение экспедиции продовольствием и разнообразным снаряжением производилось с величайшей предусмотрительностью. К несчастью, не все продукты, как выяснилось впоследствии, были хорошего качества. Частный фабрикант нажил большие деньги, сбыв экспедиции огромную партию испорченного товара. Зато научный и морской инструментарий, переданный на корабли Научным обществом, отличался

превосходным качеством, вызывавшим удивление и восхищение. Наконец, на каждом из кораблей находилось по не очень большой, но прекрасно подобранной библиотеке, содержащей наряду с беллетристической изрядное количество научной литературы.

Команды «Эребуса» и «Террора» были набраны из опытных, энергичных моряков.

Однако большинство офицеров отправлялось в Арктику впервые, только немногие из них принимали участие в прежних плаваниях в водах арктической Америки. Что касается матросов, то сейчас трудно установить, многие ли из них были знакомы с условиями плавания среди льдов, но можно предположить, что их полярный опыт был в среднем больше, чем среди командующего состава.

Старым полярником можно было назвать одного только капитана «Террора» Фрэнсиса Ричарда Крозье, командовавшего этим кораблем во время похода Джемса Росса в Антарктику. Крозье был участником трех последних арктических экспедиций Парри. Коммодор Джемс Фицджересс, капитан «Эребуса», принимал участие в Ефратской кампании 1835—1837 годов и плывал в китайских водах, где встречался, между прочим, с доктором Стефаном Стэнли, ныне врачом на том же судне. Лейтенант Грэгем Гори на «Эребусе» был одним из немногих офицеров, имевшим солидный полярный опыт: он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны во время неудачной экспедиции Бака 1836—1837 годов и принимал участие в плавании Джемса Росса к южному полюсу. Лейтенант Джемс Вильям Фэргольм на «Эребусе» был участником одной из тропических экспедиций. Это был человек дела, отличавшийся притом широким образованием. Помощник врача на «Эребусе», Гарри Гудсир, был у себя на родине хранителем музея и пользовался репутацией талантливого ученого. Казначей экспедиции Осмер принимал участие в арктической экспедиции Бичи. Ледовый мастер «Террора» Томас Бленки зимовал во льдах в большой экспедиции Росса. Джемс Рид, ледовый мастер «Эребуса», имел большой опыт плавания среди льдов, приобретенный им в китобойных экспедициях. Среди прочих участников экспедиции были специалисты в разных областях науки и практического знания. Разностороннее образование и опыт членов экспедиции гарантировали выполнение во время предстоящего плавания самых разнообразных наблюдений; вместе с тем, эта разносторонность обеспечивала

Крозые

Франклин

Фицджералд

Кутчи

Ферольм

Осмер

Де-Во

Горн

Стэнли

Ле-Весконт

Сердмент

Рид

Гудсир

Коллинс

Капитан «Террора» Крозье и командный состав «Эребуса».

всему обществу много интересных рассказов и поучительных лекций, с помощью которых было бы легко коротать длинные зимние дни в периоды вынужденного безделья. Различие в характерах и темпераментах, которого, впрочем, невозможно избежать в сколько-нибудь многочисленном обществе, не должно было портить общего бодрого настроения экспедиции, потому что все члены ее, начиная с энергичных и горячих Фицджермса и Гори и кончая тихим, скромным, почти робким лейтенантом Ле-Весконт, одинаково твердо стремились к достижению общей заветной цели.

В дальнейшем нам придется не раз встречаться с именами различных участников экспедиции, поэтому помещаем список тех, которые нам известны:

«Э р е б у с»

Джон Франклин — начальник
экспедиции, капитан

Джеймс Фицджермс — коммодор

Грегем Гори
Генри Ле-Весконт
Джеймс Вильям Фэргольм } лейте-
нанты

Чарльз Де-Во
Роберт Серджент } штурманы
Э. Кутч

Коллинс — шкипер

Стефан Стэнли — врач

Гарри Гудсир — помощник врача

Г. Осмер — казначей

Джеймс Рид — ледовый мастер

57 матросов

«Т е р р о р»

Фрэнсис Ричард Крозье — капитан

Эдуард Литти
Г. Гобджсон
Джон Ирвинг } лейтенанты

Фредерик Горнби
Роберт Томас } штурманы

Томас Бленки — ледовый мастер

Джиллис Мэклин — шкипер

Джон Педди — врач

Александр Мак-Дональд — по-
мощник врача

Дж. Хельпман — писарь

57 матросов

Таким образом, в согласии с имеющимися данными, всего в экспедиции должно было принять участие 138 человек. Эта цифра фигурирует во многих книгах, посвященных экспедиции Франклина, несмотря на то, что она неверна. Позднейший исследователь и путешественник, Мак-Клинтон, установил путем проверки подлинных документов и специального выяснения этого вопроса в Британском адмиралтействе, что «только 134 человека покинули Соединенное коро-

левство, и из этого числа 5 человек вернулись обратно по болезни» на других кораблях. «Таким образом, — пишет он, — только сто двадцать девять участников экспедиции Франклина вступило в область арктических льдов Северной Америки».

Какова же судьба этих 129 человек? Как прошла экспедиция? Экспедиция погибла, ни один человек не спасся, никто не рассказал о том, что удалось сделать этим людям и как они умирали. Все, что мы знаем об этом, основано не на словах самих членов экспедиции, а на свидетельстве эскимосов — очевидцев их гибели, на изучении вещей, принадлежавших экспедиции, и на осмотре могил и трупов участников ее. Полярная трагедия Уиллоуби и других путешественников прошлых столетий повторилась, но масштаб ее на этот раз принял небывалые размеры.

Как далеки от подобных подозрений были счастливые избранники, покинувшие на своих гордых кораблях Англию 19 мая 1845 года! При громких криках «ура» «Эребус» и «Террор» подняли якорь. Вслед медленно уходящим пароходам неслись горячие пожелания удачи:

«Желаем счастья! В Берингов пролив!»

Корабли вышли в море. Переход от устья реки Темзы до островов Диско и Китового в Баффиновом заливе длился месяц. Здесь была первая остановка.

На кораблях кипела жизнь. В этот момент все думали о своих близких, оставленных на родине, все были заняты писанием писем. До этой точки экспедиционные суда сопровождал транспортный корабль, собиравшийся повернуть обратно, захватив с собой всю корреспонденцию с «Эребуса» и «Террора». Франклин составлял отчет о морском переходе до Китового острова и писал письма своим друзьям. По всему видно было, что он будто помолодел на десяток лет, и что все участники разделяли с ним как бодрое настроение, так и радужные надежды на будущее. Буквально все дошедшие до нас письма, написанные в то время самим Франклином и другими членами экспедиции, дышат уверенностью в успехе предприятия. Фэргольм рассказывает в одном из своих писем, что примером для всех служит сам Франклин, удивляющий своей неутомимостью, энергией и веселостью. Франклина можно было видеть всюду, везде старался он дать пример любви к работе, помогая сам в любом деле, где нужны руки. В свою очередь Франклин отзывается в самых похвальных тонах об окружающих его помощниках, полных

энергии и подлинного энтузиазма. Особенно любопытно одно из полуофициальных писем Франклина — последний документ, подписанный его именем. В этом письме Франклин явно старается сдерживать свои сангвинические надежды, но все же указывает, что есть основания надеяться на своевременное достижение входа в пролив Ланкастера, минуя барьеры льда, несмотря на то, что прошедшая зима в этих краях была чрезвычайно сурова. В письме к Сэбину, посланном с той же почтой, Франклин пишет: «Я надеюсь, что мои дорогие жена и дочь не будут слишком беспокоиться, если я не вернусь в предположенный срок. Я обращаюсь к Вам с просьбой поддерживать их и утешать. Они знают, что в случае, если мы не достигнем цели после второй зимовки, мы будем пытаться найти другие пути при том условии, конечно, что состояние продовольственных запасов и здоровья команды будет удовлетворительным».

Ледовый мастер Бленки писал своей жене: «Мы все здоровы и бодры и полны стремления пройти Северо-западным проходом. Если бы мы не вернулись к концу 1848 года или к весне 1849 года, то из этого будет следовать, что проход или уже открыт, или, повидимому, будет открыт. В этом случае может пройти 5—6 или даже целых 7 лет до нашего возвращения. Пусть за время нашего отсутствия никто не вздумает опасаться за нашу судьбу». Капитан транспортного судна, сопровождавшего экспедицию до Китового острова, высказывается о наблюдавшихся им настроениях на экспедиционных судах следующим образом: «Все находятся в самом радостном расположении духа и твердо стремятся достигнуть своей цели, если эта цель вообще достижима. Команда состоит из небывало удачного подбора горячо преданных своему делу матросов и идеально отобранных офицеров».

Все эти частные мнения и высказывания имеют для нас значение ценных документов, проливающих истинный свет на положение дел экспедиции накануне начала ее работ. Эти письма важны уже потому, что кроме них мы не имеем никаких доказательств действительных настроений на экспедиционных кораблях.

Наиболее любопытными среди всех прочих писем являются, пожалуй, одно из писем Фицджермса и доставленный одновременно дневник его, кстати, отнюдь не предназначенный для позднейшего опубликования. Фицджермс отличался веселостью характера, энергичностью и большой

ясностью ума. За эти качества его чрезвычайно полюбили его сотоварищи. В письме на родину он вперед уже празднует победу и предлагает своим друзьям, в случае, если бы экспедиция не вернулась до июня 1846 года, адресовать ему письма через Петербург на Камчатку.

Из дневника Фицджермса ясно видно, что в то время на корабле царило радостное настроение, выражавшееся в оживленном общении между членами экспедиции. Фицджермс дает блестящие, остроумные характеристики всех своих товарищей по плаванию. Отзывы его о начальнике полны глубокого уважения и преданности. О нем Фицджермс пишет много, особенно подчеркивая простое, товарищеское отношение Франклина ко всем членам экипажа.

В самом бодром настроении расстались корабли — транспорт повернул обратно, на юг, а «Эребус» и «Террор» взяли курс на запад. Дальнейший путь экспедиции пролегал среди тяжелых арктических льдов. Мы должны будем проследить его, но раньше ознакомимся с содержанием врученных Франклину адмиралтейством инструкций, содержащих указания и советы относительно образа действий его в различных условиях и положениях. На этих инструкциях Франклин построил весь план своего путешествия. Все распоряжения его во время плавания находились в согласии с указаниями инструкций. В инструкциях разъяснен характер взаимоотношений начальника с экипажем. Все позднейшие предположения о вероятном характере избранного Франклином пути следования основывались почти исключительно на данных этих инструкций, и в них же искали объяснения образа действия Франклина. Наконец все планы поисков и спасения экспедиции основывались на предполагаемом образе действий Франклина, предусмотренном теми же инструкциями.

Инструкция

1. Правительство е. в. решило сделать дальнейшую попытку пройти Северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий и сочло удобным поручить Вам начальствование над обоими выделенными для этой цели кораблями, «Эребусом» и «Террором». В соответствии с этим Вам надлежит, как только оба корабля будут готовы, выйти в море на отданном под Вашу команду корабле «Эребусе» в сопровождении также подчиненного Вам корабля «Террор» и транспортного судна «Баретто Юниор», которое должно будет в соответствии с Вашими указаниями принять на борт часть экспедиционного груза, продовольствия, одежды и других запасов.

2. После выхода в море Вы должны будете направиться путем, который, учитывая ветры и состояние погоды, быстрее всего приведет

Вас в Дэвисов пролив. По этому проливу Вы подыметесь вверх вместе с транспортом насколько далеко позволят льды, причем должны будете обратить сугубое внимание на то, чтобы транспортное судно не оказалось окруженным льдами и не подверглось сколько-нибудь сильному столкновению с ними. Затем Вам надлежит при первой же возможности перегрузить все находящиеся на транспорте запасы на Ваши корабли, а транспортное судно отправить обратно в Англию, снабдив с Вашей стороны командира его или агента всеми соответствующими указаниями. При этом Вы должны будете переправить отчет нашему секретарю о всем, что Вами сделано.

3. Затем Вы должны будете в соответствии с нашим поручением направиться в Баффинов залив, и, когда только будет возможно, повернуть к западной стороне этого залива, поскольку окажется, что лед скопится преимущественно в восточной части или по середине его, с тем, чтобы, по возможности не теряя времени, войти в пролив Ланкастера. Ввиду того, что положение льдов из года в год изменяется. Вам не могут быть даны указания относительно скорейшего пути, выбор которого предоставляется поэтому Вам.

4. Каждый из кораблей снабжается нами небольшой паровой машиной и винтом, которыми следует пользоваться при прохождении узких, образованных скоплениями льда каналов, а также при противном ветре или безветрии; в этих условиях удастся, по нашему убеждению, избежать обычных затруднений. Однако ввиду того, что принятый кораблями на борт запас топлива не велик, Вы должны будете пользоваться им лишь в случае крайней необходимости.

5. Ввиду того, что пролив Ланкастера и продолжение его—пролив Барроу—четыре раза были пройдены сэрм Эдвардом Парри без всяких помех и после него неоднократно посещались китоловными судами, можно предположить, что здесь Вы не встретите затруднений вследствие скопления льдов или наличия островов; а так как сэр Эдвард Парри проник от пролива Барроу по прямой линии до острова Мельвила и вернулся обратно, не встретив сколько-нибудь серьезных препятствий, то можно ожидать, что и остальная часть пути до Берингова пролива, около 900 миль длиной, окажется тоже свободной от всяких преград. Поэтому Вы должны будете, следуя на запад, не задерживаться в пути, для более детального обследования каких-либо северных или южных ответвлений этого пролива, а без задержек продолжать продвигаться по широте $74,25^{\circ}$ до того момента, когда достигнете меридиана земли, на которой расположен мыс Уокер, то есть около 98° западной долготы. Наше желание таково, что по прибытии сюда Вы должны будете приложить все старания для того, чтобы направиться отсюда в прямом направлении на Берингов пролив, отклоняясь от него лишь поскольку на это вынудит положение и протяжение льдов или находящихся там доныне неизвестных земель.

6. Мы направляем Вас именно в эту часть Полярного моря потому, что отсюда виды на проникновение в Тихий океан представляются наилучшими, поскольку экспедиция 1820 года на «Гекле» и «Грайпере» наблюдала с юго-западной оконечности острова Мельвила—мыса Дэндас—сплошные, тяжелые, нетронувшиеся льды. Поэтому мы считаем, что возобновление попыток в этом направлении означало бы только потерю времени. Если же Ваше продвижение в указанном ранее направлении оказалось бы невозможным из-за очень тяжелых льдов и если бы Вы при прохождении мимо пролива между островами Дезен и Корнуэльс¹ нашли

¹ Имеется в виду открытый Парри канал Веллингтона.

его свободным от льда, то в соответствии с нашим желанием Вы должны будете, учтя уже затраченное время, а также колебания во времени окончания навигационного периода, рассудить, не представляет ли собой этот канал лучшего выхода из архипелага и не легче ли достигнуть посредством его открытого моря, где нет островов и подводных банок, задерживающих дрейфующие льды. Если же Вы проникли бы слишком далеко в юго-западном направлении для того, чтобы могло показаться целесообразным направиться по этому новому пути до конца навигационного времени, если бы Вы в соответствии с этим решились поблизости зазимовать, то Вам предоставляется, основательно продумав этот вопрос, решить, изберете ли Вы в следующем году только что названный путь или предпочтете прежнее, юго-западное, направление.

7. Ввиду того, что Вы принадлежите к числу весьма опытных путешественников и обследовали Ледовито-морское побережье Америки, Вы должны знать, что группы островов, прилегающих к нему и неизвестно насколько далеко распространенных в северном направлении, в западном не идут дальше 120° западной долготы, и что, начиная отсюда и до Берингова пролива, никто не видел земли к северу от побережья.

8. Если Вы окажетесь столь счастливы, что благополучно достигнете Берингова пролива, то должны будете направиться к Сандвичевым островам для ремонта кораблей и предоставления отдыха команде. Если бы во время пребывания здесь представилась верная возможность послать кого-либо из Ваших офицеров с депешей через Панаму в Англию, то Вам следовало бы воспользоваться ею с тем, чтобы мы получили полный отчет о ходе экспедиции и сделанных открытиях. Если бы такая возможность не представилась, то Вам следовало бы направиться с обоими кораблями в Панаму, высадить там офицера с поручением переправить депеши возможно скорее в Англию, а самим, не задерживаясь, возвратиться в Англию вокруг мыса Горн.

9. Когда во время Вашего путешествия настанет приближение морозов, мешающее продолжению похода и вредно отзывающееся на здоровье команды, и Вы увидите себя вынужденным остановиться на зимовку, тогда Вы должны будете постараться найти защищенную и безопасную гавань, в которой корабли смогут спокойно перезимовать, причем Вы должны будете всеми мерами стараться сохранить здоровье вверенной Вам команды и заботиться об ее комфорте. Если бы вам пришлось в районе Вашей зимовки встретиться с туземцами-эскимосами или индейцами, то Вы должны будете всеми силами стараться войти с ними в дружеские отношения и делать им приятные или полезные подарки из числа имеющихся у Вас предметов. При этом Вы должны будете, однако, находиться постоянно на чеку, чтобы не подвергнуться их нападению, принимая все меры предосторожности и постоянно стараясь избежать враждебности. Кроме того, Вам надлежит постараться договориться с ними за вознаграждение, способ выплаты которого остается на Вашем усмотрении, отправить сообщение о Вашем положении и о делах экспедиции в адрес одного из поселений Гудзоновской компании с приложением убедительной просьбы к последней возможно скорее направить письмо в Англию.

10. В предприятии этого рода всегда многое должно быть предоставлено решению начальника, а так как Вы вполне осведомлены обо всем, что касается экспедиции, и вместе с тем обладаете богатым опытом в этого рода деятельности, то мы предоставляем Вам решать в случае, если Вы в ближайшую навигацию не найдете прохода, самому, — оставаться ли на месте в расчете на осуществление в будущем году Ваших надежд,

или же вернуться в Англию с тем, чтобы сообщить нам результаты проведенных наблюдений. При этом Вы должны постоянно помнить и строго взвешивать состояние здоровья и условия жизни Вашей собственной, Ваших офицеров и команды и, исходя из этого, определять, насколько значительны преимущества продолжения пути в следующем году от крайней достигнутой точки перед лицом разнообразной случайности, недостатка отдыха и невозможности восстановить силы в условиях зимовки во льдах, тогда как в случае возвращения в Англию все это было бы предоставлено.

11. Мы считаем своей обязанностью обратить Ваше внимание на нежелательность разделения вверенных Вам кораблей, допустимого разве в случае несчастия или самой неизбежной необходимости. Затем мы желаем, чтобы Вы поддерживали с коммодором «Террора» самые непринужденные отношения, обменивались с ним откровенными мнениями, сообщали ему содержание Ваших распоряжений и временами делились с ним своими взглядами о том, как их следует выполнять, так как при таком образе совместной работы результаты ее будут наиболее благоприятны, и, кроме того, капитан Крозье оказался бы, в случае неизбежности расставания кораблей или если бы с Вами случилось несчастие, в полном курсе Ваших соображений и планов относительно выполнения этого серьезного предприятия.

12. Далее мы советуем при всякой возможности производить взаимный обмен результатами наблюдений, производимых на обоих кораблях, с той целью, чтобы каждое научное открытие, сделанное на одном из кораблей, возможно скорее могло быть принято к сведению и руководству для дальнейшей работы другим; только этим путем можно обеспечить параллельное производство многих наблюдений на обоих кораблях.

13. По нашей инициативе на борт находящихся под Вашей командой кораблей доставлено большое количество ценных приборов, список которых Вам будет передан, причем ответственность за возвращение их возлагается на Вас. Среди них есть инструменты, снабженные последними поправками, для производства наблюдений над земным магнетизмом.¹

14. Вы должны будете производить наблюдения над магнитным склонением и наклонением, сопровождая их измерениями воздушной температуры и температуры моря на поверхности и определенных глубинах. Эти наблюдения должны производиться ежедневно на борту обоих кораблей, пока они находятся в движении, и могут быть прерваны лишь в случае дурной погоды. Кроме того, Вы должны будете стараться производить подобные наблюдения также во время стоянки и при всяком удобном случае.

15. На случай, если бы корабли остались на зимовку в высоких широтах, экспедиция снабжается переносной обсерваторией и приборами, соответствующими инструментами, установленными в постоянных маг-

¹ Пункты 13, 14 и 16 содержат ряд указаний о способе производства главным образом магнитологических работ, имеющих специальный интерес и частично устаревших. Кроме того, в них неоднократно указывается, что методика магнитных наблюдений, метеорологических и других должна быть единой, чтобы иметь возможность сравнивать наблюдения из различных точек земного шара между собой. Ввиду пространности последних рассуждений и ненужности первых считаем возможным их выпустить.

нижных и метеорологических обсерваториях, учрежденных в различных британских колониях.

16. Мы высказываем пожелание, чтобы в случае зимовки все наблюдения с этими инструментами производились по системе, принятой в вышеназванных обсерваториях. Эти наблюдения будут иметь своеобразный интерес и значительную теоретическую ценность уже из-за места производства наблюдений.

17. Далее нами переданы экспедиции, на случай зимовки ее в высоких широтах, приборы для наблюдения над атмосферным преломлением лучей при малых величинах угла, относительно пользования которыми Вы также получите специальные указания. Кроме того, Вы должны будете производить прочие метеорологические наблюдения, а также при всяком удобном случае измерять глубину моря, исследовать характер морского дна, направление приливной волны, ее высоту и скорость.

18. Хотя главная задача экспедиции состоит в отыскании прохода из Атлантического океана в Тихий, Вы должны будете все же постоянно иметь в виду, что для нашей отечественной науки чрезвычайно важно и интересно знать географическое положение различных пунктов, мимо которых Вы будете проходить, равно как получить сведения по естественной истории районов, которые или совсем еще не известны или почти не посещались. Поэтому мы высказываем пожелание, чтобы Вы, поскольку это не задержало бы Ваше продвижение на запад, постоянно заботились о выполнении этих работ и обращали внимание Ваших помощников на этого рода привлекательные и ценные исследования.

19. Далее мы высказываем пожелание, чтобы Вы, миновав 65° северной широты, возможно чаще, — а находясь в морском течении определенного Вами направления ежедневно, — бросали через борт бутылку или хорошо закупоренный медный цилиндр, вложив предварительно внутрь адресованный нам адмиралтейский бланк, отпечатанный на различных языках, снабдив его датой и указанием географического положения. В случае разъединения с «Террором» Вы должны будете передать командиру его подобные же указания. Эти мероприятия имеют целью не только определение морских течений в арктической зоне, но и получение сведений о ходе Вашей экспедиции.

20. Вы должны будете использовать все находящиеся в Вашем распоряжении средства для сборов и хранения представителей животного, минерального и растительного царств, насколько это будет возможно без потери времени. Все более крупные животные должны быть Вами точно срисованы, и рисунки снабжены объяснительным текстом. Мы убеждены, что в этом, равно как и во всех прочих научных поручениях, Вы получите существенную поддержку со стороны подчиненных Вам офицеров, среди которых некоторые, как нам известно, очень способны к этому.

21. Если бы случилось, что который-нибудь из кораблей получил непоправимое повреждение, то Вам предстояло бы поместить офицеров и команду пришедшего в негодность корабля на втором судне и на нем, в зависимости от обстоятельств, или продолжать путешествие, или же вернуться в Англию. Само собою разумеется, что офицеры и экипаж обоих судов сохраняют право и обязаны исполнять возложенные на них обязанности в соответствии с их рангом и положением. Если бы, к несчастью, Ваш корабль пришел в негодность, то Вы должны были бы принять на себя командование «Террором», если же имел бы место несчастный случай с Вами самим, то тем самым командование «Эребусом» перешло бы к капитану Крозье, а начальствование над «Террором»

принял бы на себя следующий по старшинству офицер. Если бы Вы когда-либо из-за болезни или по другим причинам не были в состоянии выполнить эту инструкцию, то должны были бы порекомендовать все дела следующему по чину офицеру, и на обязанности его легло бы выполнение всех указаний для достижения изложенной в ней цели.

22. Во время исполнения приведенных в этой инструкции предписаний Вы должны будете стараться использовать всякую представляющуюся Вам возможность для извещения нашего секретаря о ходе Вашего плавания, а после прибытия Вашего в Англию Вы должны будете немедленно явиться в Адмиралтейство для исчерпывающего отчета перед нами о всех Ваших мероприятиях в течение всего путешествия. Перед тем, как покинуть корабль, Вы должны будете распорядиться, чтобы все журналы и дневники, рисунки и карты были отобраны у офицеров, унтер-офицеров и всех, находящихся на борту, и запечатаны. Вы должны будете дать капитану Крозье указание, чтобы он произвел то же на своем корабле. Эти журналы, дневники и прочие документы поступят в наше распоряжение и будут использованы по нашему усмотрению.

23. Если бы за время Вашего отсутствия Англия оказалась в состоянии войны с какой-либо другой державой, то Вы должны будете, несмотря на это, строго держаться правила—ни при каких обстоятельствах не производить никакого враждебного действия, так как экспедиция, начальствование над которой вручено Вам, преследует только цели открытий и научных исследований; ведь существует среди культурных народов обычай считать корабли, снаряженные для выполнения этих задач, как не имеющие ничего общего с военными операциями. Полагаясь на это правило, мы надеемся, что со стороны кораблей и подданных всех чужих держав, с которыми Вы могли бы встретиться, будет оказана всякая поддержка; впрочем, соответствующим правительствам сделаны в этом отношении особые представления.

Составлено за нашими подписями 5 мая 1845 года.

(Следуют подписи членов адмиралтейства)

Эта чрезвычайно умело и тонко составленная инструкция не скрывает, конечно, прямой заинтересованности британского адмиралтейства в успехе экспедиции, но, повидимому не слишком рассчитывая на него, считает возможным особо не подчеркивать специфического интереса военных кругов к этому предприятию. Желание все же гарантировать себе выгоды, могущие явиться в результате успешного завершения плавания экспедицией, видно из приказа (пункт 22) отобрать перед возвращением на родину от участников экспедиции все журналы, дневники, карты и рисунки и передать их в запечатанном виде в адмиралтейство, которое решит, подлежат ли реквизируемые документы возврату их владельцам, опубликованию в печати или, возможно, будут сохранены в секрете.

Особенно интересны и важны некоторые параграфы инструкции, составленные несколько туманно, но в настоящее время легко поддающиеся расшифровке.

В первую очередь удивляет отсутствие в инструкции упоминания о варианте соединения двух путей, названных нами выше линиями Парри и Франклина. При взгляде на современную карту видно, что, во-первых, в эпоху, предшествовавшую отправке экспедиции, не было известно о существовании крупных островов к юго-западу от мыса Уокер, расположенного на острове Северном Соммерсете, также как не было известно о существовании пролива Пиля и широкого канала Клинтока, омывающих с двух сторон Землю принца Уэльского и направленных на юг, то есть к уже открытому в то время побережью материка. С другой стороны, еще экспедиция Росса, благополучно прошедшая пролив Принца Регента и проникшая в залив Бутию, как было указано выше, не смогла найти пролива Белло, путь через который привел бы в конечном итоге тоже к соединению этих двух линий. Страхом перед встреченными здесь Россом непроходимыми льдами и незнанием пролива Белло объясняется факт упоминания в инструкции пути через пролив Принца Регента. По мнению адмиралтейства, остался, таким образом, только путь, пролегающий от линии Парри наискось, то есть на юго-запад, к самому Берингову проливу. Все же в инструкции учитывается вероятность невозможности достигнуть Берингова пролива, следуя по прямой линии от мыса Уокер. На всякий случай инструкция обращает поэтому внимание начальника экспедиции на существование еще одного пути, следуя которым экспедиция, возможно, добралась бы до цели. Путь этот, по мнению авторов инструкции, может пролегать, как ни странно, через открытый Парри Веллингтонов канал, уходящий в северном направлении. Каким же образом можно было ожидать удачи от похода по проливу, уводящему экспедицию, казалось бы, далеко в сторону? Инструкция предполагает, что, следуя Веллингтоновым каналом, можно будет достигнуть области, лишенной островов, и найти в открытом море чистую воду. Здесь ясно чувствуется влияние старинного взгляда на вероятность существования свободного от льда моря в области, прилегающей к самому полюсу. Отдавая дань этому заблуждению, составители инструкции косвенно оказали плохую услугу экспедиции, как это будет видно из дальнейшего.

Адмиралтейство проявило, несомненно, большую заботливость при снаряжении экспедиции, причем оно, однако, вовсе не считало цель ее столь легко достижимой, какой она казалась тогда очень многим, менее ясно представлявшим себе

трудности плавания во льдах. Это видно из недвусмысленных советов, содержащихся в инструкции, предлагающей Франклину вернуться обратно в Англию в случае, если он в первый же год не сможет проникнуть далеко вглубь Арктики по пути к Берингову проливу.

Что касается выбора исходной точки путешествия, то в этом отношении у адмиралтейства было больше всего ясности и уверенности. Предоставляя Франклину, как человеку огромного опыта и глубокого знания, к тому же прекрасно известному адмиралтейству, сравнительно большую свободу в выборе путей и образа действий во время пребывания экспедиции в неисследованных районах, оно поставило ему твердым условием направиться из залива Баффина через пролив Ланкастера в пролив Бэрроу. Эти места были к тому времени уже достаточно хорошо известны, и, остановившись на выборе именно этого пути, адмиралтейство поступило вполне разумно. Все производившиеся до тех пор попытки проникнуть на запад через более южные проливы, как известно, окончились ничем, так как неблагоприятное направление их береговой линии вызывает вдоль нее постоянное скопление льдов. Неоднократные попытки найти проход в более северных широтах тоже кончались неудачей, причем характерно, что искать здесь решения задачи отсоветовал даже Бэрроу.

В заключение остается сказать, что несмотря на все содержащиеся в инструкции оговорки по поводу вероятных трудностей на пути к достижению главной цели экспедиции — открытию Северо-западного прохода — составители ее считали решение этой задачи все же более простым делом, чем оно оказалось в действительности.

Простившись с уходящим на родину транспортным кораблем, Франклин направился мимо острова Диско ко входу в пролив Ланкастера. Миновав этот остров, «Эребус» и «Террор» попали в страшный шторм, грозивший погубить корабли, глубоко сидевшие в воде вследствие перегрузки. Опасность увеличивалась еще тем, что кругом было много айсбергов, раскачивавшихся на волнах и часто переворачивавшихся со страшным шумом. Лавировка между гребнями волн и ледяными горами требовала огромного умения, но команда, руководимая опытными начальниками, блестяще выдержала испытание. Отклонившись несколько на север, экспедиция попала на широте Уппернивика в Гренландии в так называемый срединный лед Баффинова залива. Продвижение по узким каналам между льдинами заняло не мало времени. Ме-

стами корабли проходили под парусами, местами под паром, иногда же приходилось заносить ледяной якорь и подтягиваться затем к льдине по тросу.

Некоторое время экспедиция шла в сопровождении китобойных судов. 22 июля произошла памятная встреча Франклина с капитаном одного из китобойных кораблей — *Мартином*. В последний раз Франклин беседовал с белым человеком, не членом его экспедиции. Рассказ об этой встрече был опубликован с большим опозданием, но тем не менее он вполне достоверен, так как, по свидетельству известного исследователя *Пенни*, словам *Мартина* вполне можно доверять. Наиболее интересным местом этой беседы является заявление Франклина, что он считает себя обеспеченным продовольствием на пять лет и может устроиться так, чтобы его хватило даже на семь лет. Насколько ясно представлял себе Франклин огромное значение продовольственного вопроса в арктическом плавании, видно было из того, что уже теперь, то есть в самом начале экспедиции, он проявлял заботу об увеличении имеющихся запасов провизии за счет свежей дичи: капитан *Мартин* был свидетелем засолки большого количества свежей птицы, производившейся матросами с кораблей Франклина, причем двенадцать человек охотников снова отправились за добычей. Капитан *Мартин* недолго гостил на «*Эребусе*», он вынужден был отказаться от приглашения пообедать, так как задул свежий попутный ветер, упустить который было бы непростительно.

Четыре дня спустя, 26 июля, в последний раз видели корабли Франклина. Это случилось к западу от бухты *Мельвиля* в *Гренландии*. Китобойное судно, под начальством капитана *Даннета*, заметило два корабля, стоявшие рядом, зацепившись ледяным якорем за айсберг. Видимо корабли, оказавшиеся «*Эребусом*» и «*Террором*», искали удобного прохода к проливу *Ланкастера*. Семь офицеров, членов экспедиции, подошли на лодке к китобойному кораблю. Среди подъехавших был капитан *Фицджермс*. Все люди находились, видимо, в самом хорошем расположении духа. *Даннета* пригласили на следующий день к себе к столу, но капитан отказался прийти, ввиду благоприятного ветра для возвращения домой. По возвращении своем *Даннет* рассказывая, что в течение следующих трех недель состояние погоды было чрезвычайно благоприятным, и потому можно надеяться, что экспедиция за этот срок продвинулась далеко в нужном направлении. Эти сведения были получены в *Англии* в декабре 1845 года.

VI. ОТСУТСТВИЕ ВЕСТЕЙ. ВОЛНЕНИЕ НА РОДИНЕ

Экспедиция 1845 года — Рэ. Экспедиции 1818—1850 годов — Джеймс Росс, Ричардсон, Рэ, Мур, Целлен

Прошел год со времени выхода Франклина в море. От экспедиции не было никаких вестей, но никому не приходило в голову беспокоиться о ее судьбе. Действительно, совершенно невероятно было, чтобы экспедиция оказалась настолько удачливой, чтобы пройти Северо-западным проходом, ни разу не зазимовав среди льдов. Кроме того, даже если бы Франклину так необыкновенно повезло, трудно было бы ожидать получить к этому времени известие о его успехе. Ведь в те времена переход парусного судна от Берингова пролива до Англии вокруг южной оконечности Америки длился около года! Достаточно вспомнить вышедшую в обратном направлении экспедицию Бичи, покинувшую Англию 19 мая 1825 года и прибывшую в Петропавловск на Камчатке 28 июня 1826 года. Конечно, Франклин, достигнув Берингова пролива, направился бы, в соответствии с указаниями инструкции адмиралтейства, самым спешным порядком сначала к Гавайским (Сандвичевым) островам, а потом и к Панамскому перешейку, но для этого годичный, или даже больший срок был тоже недостаточен.

Все же к концу 1846 года стало заметно некоторое беспокойство среди наименее терпеливых родственников и друзей, надеявшихся около этого времени получить какие-нибудь сведения о судьбе экспедиции. При этом необходимо отметить, что с большим напряжением ожидали вскрытия корреспонденции, доставляемой в Англию почтовыми кораблями из Вест-Индии и Панама, чем сообщений китоловных судов, приходящих из Дэвисова пролива и залива Баффина. Однако никаких сведений не поступало.

Когда настало третье лето, а от экспедиции все еще не было никаких вестей, к единичным тревожным голосам, раз-

дававшимся уже раньше, присоединилось большинство. Экспедицию стали считать пропавшей. Но пока что это было еще только беспокойство. Мрачные предположения произносились несмело, только шопотом высказывались сомнения, потому что даже те, кто искренне был озабочен молчанием экспедиции, находили тысячу логических доказательств против всех аргументов, порождавших тревогу.

Прежде всего казалось, конечно, совершенно немыслимым, чтобы погибли оба корабля со всем экипажем. Такой жуткий исход экспедиции представлялся не только совсем невероятным, но просто никому не приходила в голову даже возможность его. Впрочем, такой конец был бы беспримерным, так как все полярные экспедиции более нового времени неизменно возвращались домой, в худшем случае похоронив среди снега и льдов несколько человек участников. Рассказы о жизни и открытиях этих экспедиций всегда бывали богаты различными приключениями и тяжелыми положениями, из которых, однако, всегда находился какой-то выход, часто самый неожиданный и рискованный. Почему же именно эта экспедиция, снаряженная старательнее и богаче любой из предыдущих, должна была погибнуть? Ведь на борту «Эребуса» и «Террора» имелись все средства борьбы с невзгодами зимовки во льдах, экспедиция располагала всеми известными в то время мерами предосторожности и защиты против голода и холода. И, наконец, если даже с экспедицией случилось несчастье, то не могли же погибнуть при этом все сто двадцать девять человек.

Знатоки севера, старые полярники, знаменитые исследователи арктических стран, нашли нужным высказать свое компетентное мнение по этому вопросу, все сильнее и сильнее волновавшему умы. Их вывод состоял в том, что наихудшее, чего следовало опасаться, была потеря экспедицией обоих кораблей. Однако тут же указывалось, что одновременная их гибель очень мало вероятна. При этом приводились следующие доводы. В арктических морях не бывает тех страшных бурь, которые так опасны для кораблей, плавающих в южных широтах. Трудно предположить, чтобы оба корабля одновременно разбились о подводные рифы или береговые скалы. Еще невероятнее допущение, что оба судна погибли вместе от пожара. Наконец, что касается специфических арктических опасностей в виде ледовых сжатий или ударов со стороны мощных торосов или айсбергов, то, во-первых, странно было бы представить себе одновременную их

гибель от этих напастей, а, во-вторых, именно против напора льдов и ударов льдин «Эребус» и «Террор» были самым основательным образом защищены. Если же все-таки оказалось бы, что вследствие рокового стечения обстоятельств оба корабля погибли одновременно или почти одновременно, то, по мнению авторитетов Арктики, из этого нельзя было делать вывода о гибели всего, к тому же столь опытного, экипажа. В этом отношении считались очень показательными далеко не единичные случаи гибели во льдах китобойных судов, команда которых спасалась на лед, по нему добиралась затем до суши и в конце концов благополучно возвращалась на родину.

Собственно говоря, год и даже два года полного отсутствия всяких сведений об экспедиции были для того времени сроком недостаточным, чтобы возбудить в хладнокровно рассуждающем человеке чувство беспокойства. В соответствии с этим многие требовали от своих сограждан спокойствия и терпения. Дело в том, что именно в случае какой-либо неудачи следовало ждать получения скорых вестей от экспедиции Франклина, тогда как в случае удачного выполнения плана рассчитывать на них было просто неразумно.

К тому же за последние годы ни один китолов не добирался до пролива Бэрроу, а встретить Франклина в другом месте Арктики было некому. Что же касается склянок с записками, содержащими сведения о местонахождении экспедиции, то рассчитывать сколько-нибудь определенно на нахождение их было невозможно, так как оно всецело зависело от случая. Наконец, сами участники экспедиции предполагали провести в Арктике не один, не два года, а несколько, может быть даже пять-шесть. Сам Франклин учитывал возможность неоднократных зимовок во льдах и в соответствии с этим обеспечил экспедицию всем необходимым, и, в первую очередь, продовольствием на три года. Впрочем, вычисленные адмиралтейством рационы оказались при этом настолько велики, что правильнее было рассчитывать имеющийся запас по крайней мере на четыре года. Наконец, проявленная Франклином заботливость при заготовке дичи показывает, что заявление его, будто он надеется в случае необходимости просуществовать с наличными запасами целых семь лет, было вполне продуманно и серьезно. Если при этом учесть, что хотя в инструкции и ничего не говорится о многолетнем пребывании в Арктике, но нет в ней и прямого запрещения провести здесь несколько зим, то становится ясным, что все

беспокойства о судьбе экспедиции были преждевременными. Наоборот, все, кому известен был настойчивый характер ее начальника, неспособного бросить дело при частичной неудаче и вернуться с полпути, склонны были думать, что на этом примере оправдывается французская пословица: отсутствие вестей — хорошие вести.

Первым человеком, официально высказавшим свои опасения относительно судьбы Франклина, был никто иной, как Джон Росс. Джон Росс явился со своим заявлением в адмиралтейство уже 28 сентября 1846 года, то есть всего лишь четырнадцать месяцев спустя, считая со дня, когда экспедиция распрощалась с последним из встреченных китобоев. Росс предложил свои услуги в качестве начальника поисковой экспедиции, но в ответ получил отказ. Адмиралтейство высказало Россу свое уважение к человеколюбивости и смелости его, но заявило, что предложение его считает преждевременным. Но Росс был не из уступчивых людей и повторил свое предложение сначала в январе, а потом в феврале следующего года. При этом он ссылаясь на какие-то особые планы Франклина, будто бы развивавшиеся им накануне отъезда в одной из конфиденциальных бесед с ним, с Россом. Тогда адмиралтейство согласилось запросить мнение выдающихся исследователей Арктики — Парри, Сэбина, Джемса Росса и Ричардсона — относительно рациональности предложения Джона Росса. Все они высказались против него, считая вместе с адмиралтейством несвоевременной отправку спасательной экспедиции. При этом мнение этих людей, знавших Франклина лично, было таково, что Франклин не из тех, кто для видимости примет предложенный ему план, а в действительности будет помышлять действовать по своему собственному усмотрению. Кроме того, никому из них Франклин ничего подобного рассказанному Россом не говорил, и потому эта сторона дела была ими просто поставлена под сомнение. Взгляд этих четырех полярников был по этому вопросу таков, что будь у Франклина какие-либо особые мысли или планы действия, то он со свойственной ему прямоотой изложил бы их не одному частному лицу, а самому адмиралтейству.

Почти одновременно с Россом поднял голос в защиту необходимости послать поисковую экспедицию доктор Кинг, спутник Бака во время его поездки к устью реки Большой рыбной. Он повторно обращался в адмиралтейство и к министру колоний с призывом начать розыски Франклина. Кинг советовал послать подкрепление экспедиции, по всей вероят-

ности, затертой во льдах, указывая путь для этой партии вниз по Большой рыбной реке к морскому побережью. Письма Кинга адмиралтейство даже не удостоило ответом.

Тем временем Джон Росс твердо добивался своего. Несмотря на не совсем доброжелательное к нему отношение со стороны адмиралтейства, считавшего его не только до крайности честолюбивым, но и несколько легкомысленным человеком, он энергично продолжал свои попытки. Нелегко установить сейчас точно мотивы, руководившие им при этом, так как на резонность возражений о преждевременности беспокойства ему было бы трудно найти ответ. Возможно, Джон Росс склонен был считать опасности на пути Франклина весьма значительными; возможно, он вспомнил свое собственное, очень тяжелое, положение в экспедиции 1829—1833 годов, когда, не случись ему на пути старого склада Парри, и он погиб бы со всеми своими спутниками; возможно, им руководили честолюбивые замыслы, но может быть он считал нужным оплатить свой долг перед теми, кто в свое время не пожалел средств и стараний на снаряжение специальной экспедиции ему на выручку. Потерпев неудачу в адмиралтействе, Росс обратился в Научное общество и Географическое общество и сообщил там о своих опасениях, представив свои планы поисков.

Росс своим энергичным образом действия добился того, что поднятый им вопрос вскоре попал в печать. Газеты и журналы были рады любопытному материалу и стали обрабатывать эту новую, злободневную тему по-своему. В статьях высказывались мнения, то — будто нет никаких оснований к беспокойству, то, наоборот, что следует всерьез приниматься за спасение погибающих. Едва появлялась заметка, в которой опасения считались неуместными, преждевременными, ненужными, необоснованными и даже глупыми, как в ответ составлялась другая, доказывающая обоснованность этих опасений, их своевременность и человеколюбивость. Стали писать все больше и больше на эту тему, скоро превратившуюся в материал для бульварных листков, пытавшихся найти в этом деле прежде всего занимательную сторону.

Адмиралтейство долго держалось в стороне от этих разговоров и сплетен, не желая вмешиваться в них, но в конце концов, когда дело приняло слишком широкие размеры, оно оказалось вынужденным снова поставить вопрос на обсуждение. Ушедший тем временем в отставку старый Джон Барроу

вручил адмиралтейству в июле 1847 года записку, указав в ней, что он считает несколько преждевременными страхи и беспокойство за судьбу экспедиции, которые не кажутся ему, однако, в существе своем неосновательными. Бэрроу обращал внимание на трудности поисков Франклина в условиях, где всякие предположения о вероятном его местонахождении ни на чем не основаны. С мнением Бэрроу очень считались, но положение всего дела к этому времени казалось все же настолько серьезным, что оставаться дольше в бездействии было невозможно. Адмиралтейство снова привлекло к совещанию наиболее опытных и известных полярных деятелей, и на этот раз все единодушно решили, что если до конца 1847 года не поступит об экспедиции никаких сведений, то на будущий год следует отправить большую поисковую партию и принять другие спасательные меры.

Бэрроу был почти прав, считая всякие рассуждения на тему о том, где следует в данный момент искать Франклина, бесполезным препровождением времени. Но ведь направляя специальную, притом дорого стоящую, экспедицию, нужно было дать ей какие-то указания насчет образа ее действий. Поэтому было необходимо предварительно разработать подробный план, учтя при этом все наличие данных и соображения специалистов по северу, и на первом месте — врученную Франклину официальную инструкцию.

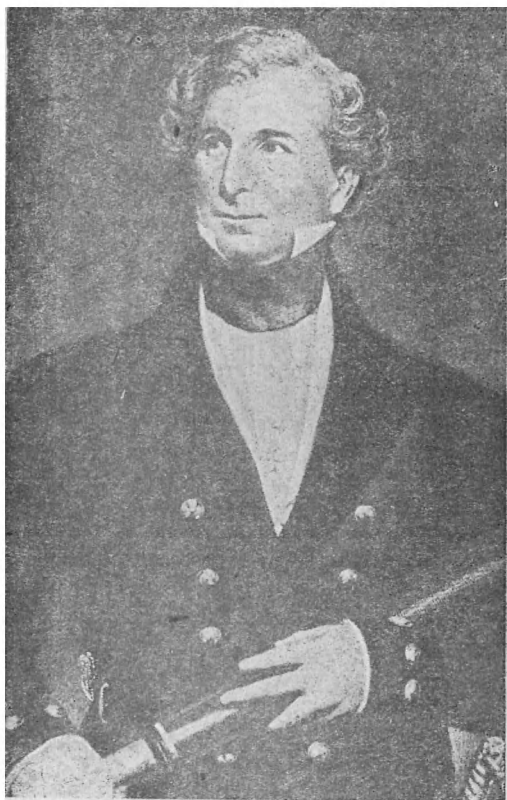
Естественно, что наиболее важным вопросом, от которого зависел характер указаний спасательной партии, был: какой путь избрал Франклин, выйдя из Баффинова залива. Но, к несчастью, именно на этот вопрос было труднее всего ответить, и мнение каждого из опрошенных не совпадало с мнением остальных. Перспективы новой экспедиции были поэтому очень неопределенны, так как только случайно удачный выбор маршрута мог привести ее на следы Франклина. Возможностей отклонения Франклина от первоначального направления было так много, что только одновременная посылка многих судов и экспедиций могла бы обеспечить успех.

Следуя точно указаниям инструкции, Франклин должен был, достигнув пролива Бэрроу, направиться или прямо на юго-запад, или отклониться несколько к западу, или же повернуть в северо-западном направлении. Если допустить, что Франклин строго придерживался инструкции, то уже из этого выбора направлений, ведущих притом в области, в те времена совершенно неизвестные, видно, как трудно было бы новой экспедиции найти правильный путь, могущий к тому

же легко оказаться загороженным непроходимыми льдами. Однако дело оказалось еще сложнее, потому что в это время многие из полярников как-то сразу вспомнили — как совсем недавно Джон Росс — различные высказывания Франклина и его товарищей незадолго до их отъезда и считали нужным придать этим словам большое значение. Сэбин утверждал, что Франклин твердо решил, если бы ему не удалось обнаружить проход в намеченном пункте, обследовать по очереди все каналы, выходящие из Баффинова залива (и в том числе пролив Джонса, и даже Смитов пролив), дающие какую-либо надежду проникнуть в область предполагаемого, свободного от льда Полярного моря. Верность слов Сэбина была подтверждена многими из друзей его и Франклина, причем отмечалось, что особенно часто Франклин высказывал желание обследовать пролив Джонса.

Известно было также, что многие из спутников Франклина лелеяли мысль о пути к Берингову проливу и азиатскому побережью через область высоких широт. Среди наиболее убежденных сторонников этой теории был молодой, восторженный Фицджермс, настаивавший непременно на попытке направиться к северу через канал Веллингтона. Несмотря на предостережения Барроу, советовавшего не увлекаться чрезмерно этим планом, Фицджермс оставался верен своей идее, воображая, что Северо-западный проход пролегает к северу от островов Парри. Полный энтузиазма, он готов был мечтать о кругосветном морском путешествии через Арктику. Он рисовал яркими красками картину прибытия в Сибирь, в Охотск, и предполагал поставить наблюдения над магнитными постоянными в Томске и Тобольске на пути в Петербург. Существование подобных настроений среди участников экспедиции могло оказать некоторое влияние на их начальника, и он мог избрать один из северных проливов для решения проблемы Северо-западного прохода. При таком положении вопрос о выборе пути спасательной экспедиции казался очень запутанным и сложным.

Но решать нужно было, и потому адмиралтейство отбросило все *возможные* варианты и остановилось на *более вероятном*, то есть на том, который был предусмотрен инструкцией. Парри, Ричардсон и Джемс Росс склонились к предположению, что Франклина затерло льдами где-нибудь к западу от мыса Уокер, и что он вынужден был там остаться на зимовку. Но так как с тех пор прошло уже более двух лет, то было бы неправильным ограничиться только поездкой в об-

Джемс Клэрк Росс
(род. в 1800 г., ум. в 1862 г.)

ласть пролива Бэрроу. За этот срок экспедиция могла продвинуться далеко в область, прилегающую к Берингову проливу, причем очень вероятным казалось, что Франклин, хорошо знакомый с конфигурацией береговой линии американского побережья к востоку от желанного пролива, постарается подойти к нему где-нибудь в районе устья реки Мэкензи. Исходя из этих соображений, было решено направить в арктическую Америку весной 1848 года три экспедиции: одну в пролив Ланкастера, вторую в Берингов пролив и третью через американский материк к северному побережью его. Как видно, схема путей трех экспедиций 1848 года целиком совпадала с планом действия экспедиций Парри, Франклина и Бичи 1819—1828 годов.

Итак, 1847 год прошел и не принес желанных сведений о судьбе экспедиции Франклина. Вернулись с промысла в Дэвисовом проливе последние китоловы, почтовые корабли из Вест-Индии продолжали совершать регулярные рейсы — ли те, ни другие не видели и не слышали ничего и не везли с собой никаких известий от пропавших моряков. Последний толчок к началу сборов в путь будущей весной дало возвращение из похода к заливу Бутия и полуострову Мельвиля начальника небольшой исследовательской партии, ставшего впоследствии знаменитым своими путешествиями и открытиями доктора Джона Рэ, сотрудника Гудзоновской компании. Эта экспедиция была направлена для съемки еще неисследованного побережья между крайним пунктом, достигнутым Дизом и Симпсоном, и проливом Фьюри и Гекла, открывающимся в канал Фокса. С экспедицией Франклина этот поход не стоял ни в какой связи, будучи предприятием совершенно самостоятельным. Тем не менее он сыграл в истории поисков пропавшей экспедиции немаловажную роль.

Необходимо отметить, что, по сравнению с тщательно подготовленной экспедицией Франклина, предприятие Рэ могло показаться совсем легкомысленным. Гудзоновская компания ассигновала на путешествие Рэ ничтожную сумму, требуя от него максимальной эффективности в работе, по существу одинаковой с той, что была поручена Франклину.

Так, Рэ надлежало «астрономически определить все примечательные точки, снять все промежуточные участки берега и ежедневно наносить их на карту, внимательно наблюдать за явлениями в области ботаники, геологии и зоологии, наблюдать за температурой воздуха и воды, за состоянием

атмосферы, льда и ветров, измерять течения и глубины, наблюдать за наклоном и склонением магнитной стрелки, наблюдать северные сияния, явления световой рефракции, этнографические особенности эскимосов и производить другие исследования».

Все эти работы Рэ должен был проделать, получив от компании четырехмесячный запас продовольствия при расчете экспедиции на срок в 15—27 месяцев, иначе говоря, ему предстояло, одновременно с выполнением взятой на себя задачи, заботиться о своем пропитании, добывая себе пищу охотой и рыбной ловлей. Согласится работать в таких тяжелых условиях и добиться при этом некоторого успеха мог только такой удивительный путешественник, как доктор Рэ, которого следует считать первым исследователем, положившимся на пищевые ресурсы Арктики. В этом отношении Рэ является учителем знаменитого современного полярного путешественника Вильярмура Стефанссона.

Итак, отправившийся к северному побережью Америки годом позднее Франклина, Рэ попал в район, где можно было бы ожидать встретить если не его самого, то во всяком случае эскимосов, которые должны были во время своих многочисленных и далеких странствований где-нибудь натолкнуться на экспедицию или хотя на ее следы. Однако ни эскимосы из залива Репульс, куда сначала отправился Рэ, ни сам он при посещении полуострова Бутия Феликс и полуострова Мельвиля не нашли никаких признаков посещения этих мест экспедицией Франклина. Удивительнее всего было то, что местное население не знало даже о существовании этой экспедиции. Зимовал Рэ в заливе Репульс. Целиком выполнить задачу съемки берега ему не удалось, и со всеми собранными данными он вернулся в сентябре 1847 года в Йоркскую факторию.

Весть об отсутствии каких бы то ни было признаков прохождения экспедиции Франклина в водах, прилегающих к обследованной Рэ области, чрезвычайно встревожила всех, кому близки были ее судьбы. Послышались резкие голоса, требовавшие от адмиралтейства большей энергичности и определенности в распоряжениях и действиях. Лишь теперь, под давлением раздававшихся со всех сторон требований, адмиралтейство окончательно решило послать большую тройную экспедицию и отдало соответствующие распоряжения. План ее был серьезно и глубоко продуман и состоял в основном в согласованном действии всех трех отрядов.

Начальником экспедиции в пролив Ланкастера был назначен Джеймс Росс. Среди подчиненных ему офицеров были Мак-Клур и Мак-Клинтон. На двух кораблях — «Предприятии» и «Исследователе» — он должен был отправиться по следам Франклина через пролив Барроу до мыса Уокер. Отсюда ему надлежало попытаться проникнуть до острова Мельвиля и к Земле Бэнкса. Достигнув этого района, Джеймс Росс должен был направить несколько обследовательских отрядов для осмотра Земли Уоллестона и Земли Виктории с заданием добраться до устья реки Мэкензи. Здесь была назначена встреча отрядов экспедиции Джеймса Росса с отрядом западной поисковой экспедиции и с сухопутной партией, прибывающей с юга.

Начальником сухопутной экспедиции к устью Мэкензи был назначен старый друг и спутник Франклина, Джон Ричардсон. Его задача состояла в обследовании побережья к востоку от предполагаемого места встречи трех отрядов, в учреждении вдоль него ряда продовольственных складов и в заключении с обитающими там эскимосскими племенами дружественных отношений, чтобы в случае прибытия к ним членов экспедиции Франклина они не сочли их за врагов, а помогли им продовольствием.

Начальником экспедиции в Берингов пролив был назначен коммодор Мур на корабле «Пlover». Его задача состояла в том, чтобы совместно с капитаном Келлетом на «Геральде» поджидать Франклина к северу от пролива Беринга. Базой этих судов был назначен залив Коцебу. Отсюда Мур должен был отправить шлюпочную экспедицию на восток вдоль северного побережья вплоть до устья реки Мэкензи — места встречи с прочими экспедициями.

Наиболее сложным и трудным из этих трех предприятий была, несомненно, первая экспедиция. На нее возлагалось больше всего надежд, но именно ее пути следования и действия были менее всего определены и ясны. Поле будущей деятельности этой экспедиции в то время рисовалось на карте большим белым пятном.

Желая подготовить почву для этой экспедиции, адмиралтейство еще в 1847 году приложило все старания, чтобы хоть что-нибудь разузнать о возможном местопребывании экспедиции Франклина. Оно разослало запросы по всем местам, где встречаются и останавливаются китобойные суда, не замечал ли кто-нибудь из промышленников по ту сторону Баффинова залива следов пронававших без вести и не находил ли

кто-нибудь цилиндров или бутылок со сведениями о них. Этим путем удалось выяснить, что оба минувших года были в ледовом отношении весьма неблагоприятными, и что в 1846 году ни одному китобою, а в 1847 году всего лишь одному удалось пройти по Ланкастерову проливу до пролива Барроу. Чтобы заинтересовать промышленников в судьбе Франклиновой экспедиции, адмиралтейство назначило премии за доставку верных сведений о Франклине независимо от свойства их. Первоначальный размер премии был 100 гиней, но впоследствии она была значительно увеличена. Со своей стороны лэди Франклин, жена сэра Джона, принимавшая самое деятельное участие в организации всех предприятий, имевших целью спасение пропавших, тоже назначила премию в 1000 фунтов стерлингов тому китоловному судну, которое подаст первую помощь экспедиции ее мужа. Повсюду были разосланы и расклеены воззвания ко всем северным промышленникам и жителям, предлагавшие собирать сведения о пропавшей экспедиции и в случае встречи с участниками ее оказать им помощь.

«Предприятие» и «Исследователь» были кораблями того же типа и качества, что и «Эребус» и «Террор», но значительно крупнее их: первый корабль был 540 тонн водоизмещением, второй — 480. Решившись, наконец, отправить экспедицию, адмиралтейство поставило себе задачей снарядить ее не хуже Франклиновой. Ведь если целью поисковой экспедиции Джемса Росса было догнать экспедицию Франклина, то необходимо было располагать для этого кораблями не худшего качества, чем его суда, и не уступать ему также в отношении всего прочего оборудования. «Предприятие» и «Исследователь» — два знаменитых корабля, сыгравших огромную роль в «Франклиновских экспедициях», вошедших в историю полярных исследований под этим именем. Первыми Франклиновскими экспедициями были экспедиции Джемса Росса, Ричардсона, Мура и Келлета.

Врученная Россу-младшему обширная инструкция предусматривала обследование огромной области. В дополнение к вышеприведенному отметим, что Россу было поручено осмотреть также канал Веллингтона. Далее, в противоположность к Франклиновской инструкции, Росс должен был разделить суда, отослав одно из них на зимовку в район, откуда можно было бы в зимнее время добраться на санях до полуострова Бутии. На втором корабле Россу было поручено пройти до острова Мельвиля и Земли Бэнкса и оттуда

направить обследовательские отряды, с одной стороны, до мыса Бэзерст или мыса Парри и, с другой — с восточной, — до мыса Крузенштерна или мыса Хирна. Этим путем можно было надеяться подробно изучить весь архипелаг островов. Достигнув таким образом материкового побережья, эти партии должны были соединиться с экспедицией Ричардсона. Росс обязан был войти в подчинение Франклину, если бы он нашел его корабли в полной сохранности, и должен был принять на себя начальство, если бы оказалось, что корабли погибли или вмерзли во льды и не могут быть использованы по назначению.

Все надежды были обращены прежде всего на эту экспедицию, и из взаимодействия ее с остальными двумя пророчили полный успех и спасение пропавших. Велико было нетерпение и недовольство, когда экспедиция Джемса Росса по разным серьезным причинам оттягивала весной 1848 года время своего отъезда. «Как можно ожидать благоприятных результатов от экспедиции, — говорили люди, — раз она не успеет пройти своевременно даже сквозь льды Баффинова залива и достигнуть пролива Ланкастера».

Наконец, 12 июня «Предприятие» и «Исследователь» в сопровождении парового судна покинули берега Англии. На борту кораблей был трехгодичный запас продовольствия. Уже через месяц Росс достиг Уппернивика — самой северной датской колонии на западном берегу Гренландии. Отсюда он повернул в направлении к Ланкастерову проливу.

Переход к западному берегу Баффинова залива был очень труден. В этом водоеме постоянно держатся льды, дрейфующие в различных направлениях. С наступлением лета раньше всего расходятся льды в северной части залива, и потому Росс выбрал именно этот путь, чтобы пробраться ко входу в Ланкастеров пролив, но удалось ему это лишь после упорной борьбы со льдами, длившейся больше месяца. Таким образом, Росс пришел в эти воды в конце августа, то есть месяцем позднее, чем в свое время Франклин. Первым долгом Росс решил посетить залив Пондсбей, рассчитывая здесь встретить эскимосов, обычно посещающих это место в летнее время. Но ни эскимосов, ни промышленников здесь не оказалось, и таким образом надежды Росса на получение от них сведений об экспедиции Франклина не оправдались.

Направившись на запад по проливу Ланкастера, Росс надеялся достигнуть пролива Бэрроу, но оказалось, что вход в него перегороджен непроходимыми льдами. Тогда было ре-

шено остановиться на зимовку в бухте небольшого острова Леопольда, расположенного в месте скрещения нескольких водяных путей, то есть как раз там, откуда на восток и запад отходят проливы Ланкастера и Бэрроу, в северном направлении — канал Веллингтона, а в южном — пролив Принца Регента. Положение этого островка на перекрестке названных проливов обратило внимание Росса, и он решил его использовать для своих целей. Можно было думать, что, в случае неудачи своей экспедиции, Франклин сделает попытку вернуться тем же путем, которым пришел, и тогда ему никак не миновать острова Леопольда, независимо от того, в каком направлении двинулся бы он, миновав пролив Бэрроу.

Исходя из этого соображения, Росс решил не просто поджидать прихода судов или членов экспедиции Франклина, а... пригласить их к себе. За незнанием точного адреса предполагаемых визитеров Росс направил приглашения по всем направлениям, использовав для этой цели огромное количество наловленных белых песцов, которых отпускал на волю, снабдив медными ошейниками с выбитой на них надписью о том, где стоят корабли и где сооружен продовольственный склад. На острове Росс построил хороший дом и сложил здесь двенадцатимесячный запас провианта, некоторое количество теплой одежды и даже топливный материал. Росс рассчитывал, что песцы, совершающие, как известно, большие переходы по тундре в поисках пищи, забредут к месту стоянки Франклина и таким путем известят страждущих людей о направленной к ним помощи.

Джемс Росс склонен был думать, что место последней зимовки Франклина не должно было быть очень удаленным, и потому он, начиная с залива Пондсбей, всеми силами старался возможно громче заявлять о своем присутствии. В надежде, что члены пропавшей экспедиции услышат или увидят его сигналы, Росс отдал распоряжение каждые полчаса стрелять из ружей, в туманную погоду пускать ракеты и непрестанно старательнейшим образом осматривать всю округу, в надежде найти какой-либо признак присутствия человеческих существ. Все посещенные им места были тщательно осмотрены, но единственное, что удалось обнаружить при посещении бухты Позешнбей, была записка, оставленная здесь 29 лет тому назад Парри, расшифровать которую было очень затруднительно. Росс придумал много остроумных способов, чтобы довести до сведения пропавших людей «приглашение» их на остров Леопольда. Текст его был написан

огромными буквами на высоких скалах везде, где побывал Росс. Всюду в приметных местах оставляли доски с соответствующими надписями, над которыми водружали высокие шесты. Наконец, в море было брошено несколько цилиндров с записками, могущими быть занесенными в сторону местонахождения Франклина морским течением. Изобретательность Джемса Росса в придумывании способов передачи Франклину известий о своем прибытии казалась неисчерпаемой.

Большая часть всех этих мер была принята Россом еще до остановки его на зимовку. Каков же был ужас его, когда, возвращаясь поздней осенью из поисковой экскурсии в канал Веллингтона, расположенный, как известно, западнее острова Леопольда, он увидел, что путь к назначенному месту встречи перегорожен огромной льдиной. Необходимо было то что бы то ни стало побороть льды и пробраться к назначенному месту встречи. Отчаянными усилиями экипажу трех кораблей удалось наконец сломить при помощи разразившейся бури сопротивление льдов и достигнуть бухты острова Леопольда. Первым проник сюда пароход, оба парусника достигли желанной гавани много времени спустя.

Остановившись на зимовку, Росс занялся составлением планов деятельности на следующий год и подготовкой к намечаемым весной санным экскурсиям.

Скрывать действительное положение дел не приходилось: успех, достигнутый экспедицией, был ничтожен. Экипаж, разочарованный неудачей, сильно приуныл, среди команды появились заболевания, несмотря на наличие всех средств против цынги. Только с приближением весны вернулась прежняя бодрость. Росс и его спутники надеялись наверстать в новом году все упущенное и во что бы то ни стало добиться успеха.

Санные партии объездили вдоль и поперек весь остров Северный Соммерсет, но нигде не встретили никаких следов экспедиции. Росс сделал из этого вывод, что Франклин прошел, повидимому, дальше к западу, и потому мало вероятно, чтобы он пытался вернуться по прежнему пути. В этом мнении укреплял его вид тяжелых льдов, сплошным покровом залегающих в море и простирающихся до самого мыса Уокер. Многим показалось тогда, что, по всей вероятности, Франклин уже нашел вышедшие ему навстречу отряды Ричардсона или даже Мура, и с ними возвращается домой. Все же на случай, если бы Франклин решил вернуться в эти

места, Росс оставлял повсюду сигнальные знаки и сообщения о предпринятых им спасательных мерах.

Несмотря на все усилия экипажа освободить суда из ледяных оков, выйти в открытое море удалось только в самом конце августа 1849 года. В течение четырех дней корабли шли в направлении ко входу в канал Веллингтона. 1 сентября сорвался сильный ветер, нагнавший массу льда. Потом сразу грянул мороз, и весь лед кругом превратился в сплошной покров.

Корабли крепко смерзлись со льдом. Люди бросились освобождать суда, но окружавшие ледяные глыбы были такой толщины, что четырехметровые пилы оказывались слишком короткими. Пришлось бросить эти попытки. Команда стояла в самом мрачном расположении духа сложив руки и смотрела на окружавшее ее неподвижное ледяное поле. Так прошло несколько дней. Но вот поле сдвинулось и стало медленно дрейфовать в восточном направлении. С этого момента дрейф оставался неизменным; скорость его была около 8—10 миль в сутки. Вместе со льдом корабли прошли весь пролив Ланкастера и вышли в Баффинов залив. Каждую минуту они могли натолкнуться на подводные рифы и пойти ко дну. В районе Пондсбей на пути ледяного потока неожиданно появилось несколько исполинских ледяных гор. Казалось, что поле, а вместе с ним и корабли разобьются вдребезги об стены этих гигантов. Действительно, огромная льдина распалась от удара на куски, но корабли не только уцелели, но неожиданно освободились из ледового плена и получили свободу действий. Невеселая это была свобода! Двадцать пять дней носило корабли вместе со льдами, и теперь, когда они могли идти куда хотят, было уже слишком поздно, чтобы снова пытаться пройти в пролив Барроу. Оставалось одно из двух: или перезимовать в Баффиновом заливе, или возвращаться в Англию. Росс учел не совсем благополучное состояние здоровья экипажа своих кораблей и выбрал последнее.

Итак, экспедиция Джемса Росса, на успешное выполнение задания которой надеялись сильнее всего, вернулась ни с чем. Исключительно неудачное стечение обстоятельств и тяжелые условия плавания в этих водах в 1848—1849 годах были этому виной, и взваливать ее целиком на плечи начальника экспедиции было в высокой степени несправедливо. И все-таки возвратившаяся домой несчастливая экспедиция стала мишенью для разного рода нападков и обвинений.

Слишком велико было напряжение, с которым ожидали получения вестей о пропавшей экспедиции, и слишком велико было разочарование, доставленное Джемсом Россом.

Особенно неудачно для него сложились некоторые обстоятельства, о которых необходимо рассказать отдельно. Дело в том, что неожиданное возвращение Росса почти совпало с отправкой в его адрес вспомогательного судна со специальными инструкциями, никак не предусматривавшими его возвращения, а, наоборот, требовавшими расширения начатых работ. Посылка вспомогательного корабля «Северная Звезда» под командой Соундерса была вызвана сообщением капитана одного китобойного судна, рассказавшего в свое время адмиралтейству о том, что корабли Росса прибыли с большим опозданием к проливу Ланкастера. Свои сведения этот капитан почерпнул из обнаруженного им 1 октября 1848 года медного цилиндра с запиской, брошенного с борта «Исследователя» 28 августа того же года. Адмиралтейство было недовольно образом действия и планами Джемса Росса, так как если он и не был виноват в том, что поздно прибыл к первому месту назначения, то дальнейшие его намерения зависели только от него самого. Из письма, адресованного Россом адмиралтейству и написанного еще в Уппернивике, следовало, что Росс, во изменение полученных инструкций, предполагал начать совместную работу обоих судов в проливе Ланкастера, затем он намеревался на «Предприятии» проследовать до острова Мельвиля и производить здесь обследование до 1850 года, тогда как капитану «Исследователя» поручалось оставить в бухте Леопольда все свои запасы и затем немедленно вернуться в Англию. Такой план должен был быть признан неудачным, тем более, что вследствие позднего прибытия кораблей к месту начала работы нельзя было ожидать широкого развертывания ее еще в 1848 году.

Необходимы были энергичные меры, чтобы воспрепятствовать исполнению этих планов, и потому адмиралтейство созвало совещание для срочного решения вопроса. Парри, Бак, Бичи, Сэбин и Бельчер, собравшиеся для этой цели, решили единогласно, что опасно оставлять Джемса Росса одного среди льдов Мельвилева пролива, что взаимодействие двух судов обеспечивает в арктических условиях наилучший успех в работе и что необходимо в самом срочном порядке снарядить вспомогательное судно, которое должно будет захватить с собой запас продовольствия для «Исследователя», снабдить им этот корабль и передать ему инструкцию ни

в коем случае не возвращаться домой, а продолжать работать совместно с «Предприятием». Для того чтобы при исполнении этой задачи по возможности гарантировать себя от неудачи, адмиралтейство снабдило семь китобойных судов, направлявшихся в эти воды, каждое двенадцатью медными цилиндрами, в которых был заключен соответствующий приказ капитану «Исследователя». Эти цилиндры должны были быть расставлены в различных точках побережья, в расчете на то, что они будут замечены с «Исследователя» и заставят его вернуться обратно. Все старания адмиралтейства были направлены на то, чтобы план действия, предусмотренный инструкцией, остался в силе, чтобы были приложены все старания к выполнению всего задания, вплоть до отправки исследовательских отрядов через Землю Бэнкса к северному побережью Америки. В новом распоряжении содержался пункт, требующий продолжения работ также в лето 1850 года.

И вдруг, в самый неожиданный момент «Исследователь», несмотря на все это, вернулся домой, да притом не один, а в сопровождении флагманского корабля. Росс разминутся с капитаном Соундерсом, долго тщетно искавшим его в проливе Дэвиса и Баффиновом заливе и вынужденным в конце концов остаться там на зимовку. Неудача была полная. Огромное, дорогое предприятие, старательно обдуманное и тщательно подготовленное, не принесло ни малейшей пользы, тогда как вред от него был огромен: прошло еще целых два года, оказавшихся роковыми для судьбы пропавших без вести.

Почти одновременно с Джемсом Россом, всего лишь тремя днями позже, вернулась в Англию вторая поисковая экспедиция, возглавлявшаяся Ричардсоном. Этот замечательный исследователь, лучше всякого другого знакомый с полярным побережьем Америки, участник обеих прежних экспедиций Франклина, был несомненно самым подходящим человеком для руководства спасательной экспедицией, направленной к побережью Ледовитого моря со стороны суши. Участок от устья реки Мэкензи до устья Меднорудной реки был им пройден и снят на карту еще в 1826 году, теперь ему предстояло посетить эти места вторично.

Первые приготовления к этой экспедиции Ричардсон начал еще летом 1847 года, то есть в период, когда все кругом считали преждевременными и необоснованными сомнения, высказанные Джоном Россом. Зная, как трудно добраться по земле и по северным рекам с большим грузом, необходи-

мым для экспедиции, которая, возможно, будет отправлена этим путем, Ричардсон распорядился заранее отправить на реку Мэкензи людей с лодками и необходимыми запасами. Именно эта предусмотрительность Ричардсона дала ему возможность впоследствии заявить о своей готовности к путешествию и действительно выступить в поход, не теряя минуты времени.

Ричардсон ранее знал о трудностях своего предприятия и, готовясь к ним исподволь, начал с согласования вопроса отправки экспедиции с всесильной Гудзоновской компанией. Эта торговая организация обещала оказать экспедиции всяческую поддержку за исключением снабжения ее провиантом, который должен был быть целиком захвачен с собой из Англии. Компания взяла на себя только доставку продовольствия, а также лодок, необходимых для путешествия по реке. Однако уже это составляло огромное облегчение, потому что Ричардсон мог надеяться, следуя налегке, догнать свой груз до конца июля месяца и успеть произвести всю работу летом 1848 года. Преимущества более позднего выезда его состояли не только в том, что, имея в своем распоряжении в общем очень мало времени, он мог этим путем использовать часть его для дополнительных сборов и снаряжения, но прежде всего в том, что Ричардсон был одним из самых ценных советчиков в арктических делах, и голос его был в этот момент необходим адмиралтейству. Наконец, отправка самой экспедиции в то время еще не была окончательно решенной.

Свободное свое время Ричардсон использовал для приготовления пеммикана и постройки четырех переносных шлюпок для похода по морю. Он придавал своему делу сразу такой масштаб, что, купив одновременно на городском лондонском рынке большое количество мяса, вызвал резкое повышение цен на него.

Все же, несмотря на все старания Ричардсона, переброска груза экспедиции на реку Мэкензи и вербовка нужных для этого людей встретили серьезные затруднения. Много энергии потребовалось для того, чтобы заставить служащих компании переправить по указанному адресу большую часть необходимых экспедиции вещей, и не меньше труда было затрачено на получение согласия ехать от местных людей, одержимых каким-то паническим страхом перед походом в Арктику. Наконец удалось завербовать нужное количество народа — всего 16 человек. Вместе с 20 англичанами (из них

только пятеро были моряками), тремя женщинами и двумя детьми экспедиция состояла из 42 человек. Необходимо отметить, что в противоположность отношению, проявленному к экспедиции в Канаде, в Англии Ричардсон получал сотни предложений своих услуг со стороны людей самых разнообразных профессий. Ричардсон не взял с собой ни одного человека из просившихся к нему специалистов. Товарищем своим он выбрал опытного полярного путешественника, смотрителя Гудзоновской компании, известного уже нам Джона Рэ.

Английские матросы и рабочие покинули родной остров еще летом 1847 года. Ричардсон и Рэ отбыли из Англии 25 марта следующего года. Путь их пролегал через великие американские озера, мимо столь хорошо знакомого форта Кумберландхауз к реке Мэкензи. Продвигались очень быстро, только лед на озере Верхнем да падеж вьючных лошадей вызвали обидные задержки. Вскоре путешественники добрались до Мэкензи, спустились по реке вниз и достигли ее устья. Это было 31 июля. Таким образом, первую часть пути удалось закончить благополучно.

В районе устья Мэкензи Ричардсон закопал в условленном месте некоторое количество пеммикана. Здесь был поставлен высокий сигнальный шест и положена бутылка, содержащая сведения о дальнейших планах экспедиции. В этом крае оказалось много эскимосов. Англичане были вынуждены проделывать всю свою работу, скрываясь от их любопытных глаз, так как если бы эскимосы разнюхали в чем дело, то после ухода экспедиции на месте склада осталась бы, конечно, только разрытая земля. Для отвода глаз был поэтому зажжен большой костер и пепел от него оставлен как раз над местом, где были сложены запасы. На вопросы эскимосов, зачем поставлен шест, англичане чистосердечно отвечали, что сделано это с той целью, чтобы призвать сюда своих друзей, которых они повсюду ищут.

4 августа Ричардсон отправился со своими спутниками в морское путешествие по направлению к устью Меднорудной реки. Шестидневный поход по почти лишенному пловучего льда морю привел экспедицию к мысу Бэзерст, но, начиная отсюда, большие массы льда сильно затрудняли продвижение. Всюду по пути, где бы путешественники ни сталкивались с эскимосами, они старались войти с ними в дружественные отношения. Эскимосы сначала с опаской подходили к незнакомцам, но вскоре сменили сдержанность на природ-

ное радушие и отвечали на дружественные жесты англичан полным пониманием и одобрением. Однако на все расспросы со стороны членов экспедиции относительно белых людей и больших кораблей никто из местных жителей не мог ничего ответить. Никто никогда не видел таких огромных кораблей, как показывали им англичане, и об экспедиции Франклина они ровно ничего не знают — это было все, чего можно было от них добиться. Надеясь на то, что Франклин и его спутники все же доберутся до материка, Ричардсон всеми средствами старался возбудить у эскимосов участие к несчастным, которые придут к ним со стороны моря в поисках гостеприимства.

Чем дальше на восток, тем тяжелее становились пловучие льды, пронесившиеся в быстром течении. В конце концов их стало так много, что пришлось отказаться от продолжения плавания и выбраться вместе с лодками на берег. Дальнейший путь пролегал по суше, вдоль морского берега. Экспедиция прошла пролив Дольфин и Юнион в виду противоположного берега его, образованного островом Уоллестон-Виктория (в то время считавшимся состоящим из двух островов). Существующее описание этой части путешествия показывает не только трудности, которые приходилось преодолевать путешественникам, но и тяжелые мысли, мучившие их в эти моменты: «Переправиться на другой берег пролива нечего было и думать, так как по нему сплошным потоком стремительно проплывали глыбы пакового льда. Это зрелище страшно огорчало путников, тем более, что оно было совсем неожиданно. Теперь отпала всякая надежда на удачу всего предприятия. Состояние путешественников сделалось страшно угнетенным при виде неприветливого побережья острова, отдаленного от них полосой воды, полной скрежещущего и громяющего льда. Казалось очень вероятным, что люди, которых ищут, могут находиться там, но если бы так было в действительности, то им не удалось бы избежать страшной гибели, несмотря на то, что перед ними расстилалось спасательное побережье материка. Настроение в среде команды Ричардсона очень упало, и перед лицом постоянных трудностей экспедиционной работы их не могли утешить мысли о том, что проносящиеся мимо ледяные массы попадают сюда из более северных районов и что, следовательно, уходя оттуда, они очищают воду от льда в области, где может находиться Франклин, предоставляя ему, таким образом, возможность вернуться на своих кораблях домой».

Путь, по которому приходилось пробираться команде Ричардсона и его спутника Рэ, становился день ото дня труднее. Нередко случалось, что, только прорубив себе вперед дорогу топором, можно было подвинуться на несколько метров. Бывало и так, что три часа работы уходило на то, чтобы дать людям возможность пройти с их поклажей расстояние не более ста шагов.

Достигнув мыса Крузенштерна, Ричардсон поднялся на холм в надежде увидеть открытое море. Но кругом были только льды, вытанцовывавшие свой дикий пляс на мелкой волне уносящего их течения. Среди старых льдин можно было заметить молодой ледок, образовавшийся под влиянием заморозков. Надежда пройти дальше морем отпала окончательно, зима была не за горами. Делать было нечего. Надо было решаться поворачивать обратно. У мыса Крузенштерна пришлось бросить со всей поклажей одну из шлюпок, так как у людей не хватило сил тащить ее дальше.

Первые дни сентября ознаменовались мрачной, туманной погодой. Временами выпадал снег, разыгрывалась метель. Экспедиция повернула в сторону Меднорудной реки. В месте расставания с морем было закопано несколько сосудов с пемиканом и запас пороха. Эти припасы были спрятаны из опасения разграбления их эскимосами. Наряду с этим, в подарок туземцам неподалеку была сложена вся кухонная посуда, палатки и прочая утварь, а также обе шлюпки, тащить которые дальше не было никакой возможности.

Путь к недавно выстроенному жилому дому на озере Медвежьем был очень тяжел. Он длился двенадцать суток. 15 сентября измученные, обессиленные путники благополучно достигли форта Доверие. На следующий день после прибытия сюда, Ричардсон, находившийся в самом мрачном расположении духа, взялся за составление отчета, который вскоре отослал с командой своих носильщиков. 7 мая следующего года Ричардсон пустился вместе со всеми своими европейскими товарищами, исключая Джона Рэ, в путь к берегам Атлантики. Благополучно переправившись через океан, он прибыл в Англию 6 ноября 1849 года.

Прощаясь с Рэ, Ричардсон поручил ему летом 1849 года возобновить попытку пробраться через морской пролив к острову Уоллестон-Виктории. В своей инструкции Ричардсон учитывает даже возможность добраться до Земли Бэнкса, из чего видно, что он в то время еще надеялся на возможность встречи с отрядом экспедиции Джемса Росса.

Уже 30 июля 1849 года Рэ был на берегу Ледовитого моря у мыса Крузенштерна. Пролив оказался весь забит льдом, как и в предыдущем году. Здесь Рэ остался в ожидании, что льды разойдутся. Но надежды его не оправдывались: возникавшие изредка озера чистой воды скоро опять исчезали под напором льдин. Однажды он рискнул пойти через лед и прошел по нему уже семь миль, но, встретив на своем пути страшный водоворот, вращающий огромными глыбами пакового льда, вынужден был повернуть обратно. Так прождал он до 23 августа. В сознании безнадежности предприятия, с тяжелым сердцем отказался Рэ от выполнения взятой на себя задачи. Обратный путь его лежал к Меднорудной реке. Он нашел прошлогодний склад Ричардсона: пеммикан и порох оказались нетронутыми, но шлюпки были совершенно разрушены, так как побывавшие здесь эскимосы сняли с них все железные части. Палатки и сложенное в них добро остались эскимосами не замеченными и оказались поëтому в полной сохранности.

Обратный путь до населенных мест Рэ прошел вполне благополучно.

Результаты экспедиции Ричардсона и Рэ были ничуть не лучше, чем экспедиции Росса-младшего. Единственное, что удалось выяснить, было то, что небольшое пространство вдоль побережья от устья Мэкензи до устья Меднорудной реки экспедицией Франклина не посещалось. Эскимосы из района мыса Крузенштерна, поддерживающие зимой связь с живущими по ту сторону пролива Дольфин и Юнион на острове Виктории, утверждали, что тамошние жители тоже не встречали никаких белых людей и не видели их кораблей. В заслугу экспедиции следует поставить учреждение ею трех продовольственных складов на северном побережье между устьями вышеназванных рек. Но это — ничтожная доля того, что ожидалось от экспедиции Ричардсона. Его возвращение на родину не было радостным. Хотя Ричардсона, повидимому, и не обвиняли так жестоко, как Джемса Росса, но неудовольствие привезенными им результатами было явным. Уже теперь, в 1849 году, то есть задолго до возвращения третьей экспедиции, посланной навстречу Франклину со стороны Берингова пролива, было ясно, что тройственная экспедиция Джемса Росса — Ричардсона — Мура потерпела полную неудачу. Отряды этих трех экспедиций не встретились в согласии с заданием в области устья Мэкензи, из чего можно было сделать частный вывод, что Муру, повидимому,

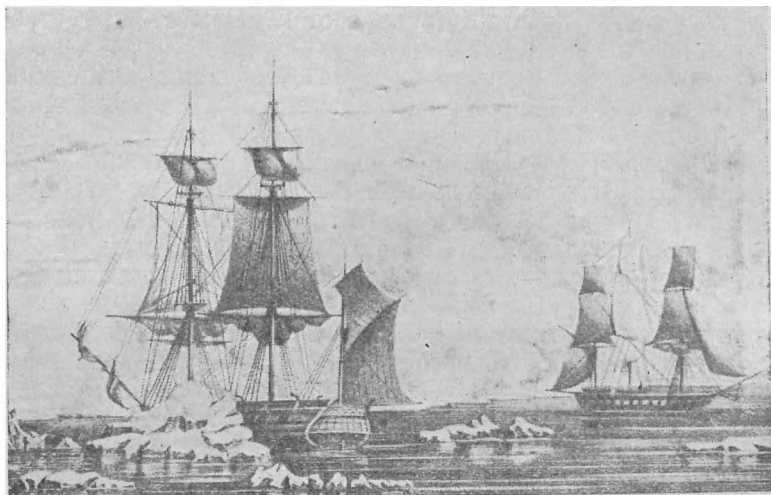
тоже не удалось проникнуть на восток на расстояние, предусмотренное инструкцией.

Адмиралтейство не ошиблось: интереснейшая экспедиция Мура-Келлета в отношении нахождения следов Франклина не была удачнее остальных.

Корабль Мура — «Пlover» — покинул английские берега 31 января 1848 года. Он должен был обогнуть южную Америку, встретиться на своем пути с «Геральдом», находившимся под начальством Келлета, и вместе с ним пройти к Берингову проливу. С самого начала экспедицию преследовали неудачи. «Пlover» не отличался хорошим ходом, погода была исключительно неблагоприятной. Предполагалось, что экспедиция достигнет своей цели в середине июля, но в это время корабль Мура проходил всего лишь мимо берегов Перу в южной Америке. В результате такой задержки встреча обоих кораблей не состоялась, а «Пlover», не добравшись до Берингова пролива, остался зимовать в устье реки Анадырь на сибирском берегу.

Только летом следующего года «Пloverу» удалось пройти пролив и достигнуть залива Коцебу. Как известно, «Пloverу» были даны инструкции обследовать северо-западное побережье Америки с тем, чтобы дополнить работы Ричардсона. За выполнение этой задачи Мур взялся в первый же день после своего прибытия в залив Коцебу. Он отправил две лодки к устью реки Мэкензи, на место свиданья трех экспедиций. Едва успели лодки исчезнуть из виду, как на горизонте появился «Геральд», посетивший это место еще в прошлом году, но тогда не встретивший здесь «Пloverа». Коммодор Мур счел необходимым срочно вернуть шлюпочный отряд, так как в связи с прибытием второго корабля представлялось возможным организовать экспедицию более солидно. Было признано разумным продвинуться, насколько возможно, на север на кораблях с тем, чтобы избежать опасности, которую представляют льды для сильно нагруженных лодок. Не теряя времени, корабли отправились в путь.

Начальствование над шлюпочной экспедицией было передано прибывшему на «Геральде» лейтенанту Пеллену. Участник экспедиции, ученый ботаник Бертольд Земан следующим образом описывает отход и снаряжение шлюпочной партии: «Около полуночи лодки были готовы и при громком «ура» с кораблей, на которые экспедиция сердечно ответила, они вышли в море. Небольшой отряд состоял из 25 человек, разместившихся в четырех лодках. Главная шлюпка

«Пlover» и «Геральд» в Ледовитом море

с «Геральда» типа шхуны была 30 футов длиной, имела на борту водоотливные насосы и запасные весла. Другие две лодки были китоловными ботами, длиной 27 футов с палубой по всей длине бака, но без воздушных ящичков. Хлеб хранился в покрытых краской мешках, а консервированное мясо было завернуто в просмоленное полотно. Платье людей находилось в ранцах и всегда могло быть легко вынуто оттуда. Наконец, полупалубная плюпка с «Пloverа» имела специальные вместилища для провизии, расположенные так, что в случае напора льда они могли оказать сопротивление. На лодках был 70-дневный запас мяса и прочей провизии. После того как припасы были уже упакованы и сложены, во все свободные места наложили еще жестянок с мясом. Две больших лодки везли каждая по пять жестянок с пеммиканом, специально предназначенных для людей сэра Джона Франклина». Эти жестянки предполагалось закопать в разных местах на берегу моря.

Нужно сказать, что запасы провизии на борту кораблей экспедиции были в это время очень велики, так как кроме продовольствия, привезенного Муром и Келлетом, был получен еще ряд продуктов. Во-первых, члены экспедиции нашли и раскопали огромную бочку муки, оставленную

Прощание «Нэнси Даусон» с «Геральдом» и «Пloverом»

в 1826 году Бичи на острове Шамиссо. Во-вторых, большое количество припасов передал экспедиции некто Роберт Шэдден, прибывший на этих днях на своей яхте «Нэнси Даусон» к этому острову. По профессии штурман, этот человек совершал на яхте кругосветное путешествие. В пути он узнал про снаряжение экспедиции в поисках Франклина и решил принять участие в ее работах. Однако его корабль оказался слишком слабым в борьбе со льдами, что вынудило его вернуться. Прощаясь, он отдал экспедиции все свои богатые запасы.

Шлюпочной экспедиции Пеллена с самого начала пришлось туго. Ей приходилось проталкиваться сквозь тяжелые льды, пробираться по узким каналам между ледяными полями и каждую минуту опасаться сжатия льдов. До мыса Бэрроу ее сопровождал Шэдден. Отсюда он повернул обратно, убедившись в том, что его суденышко не выдержит напора льдов. Вместе с ним Пеллен отправил обратно две большие шлюпки, менее пригодные для такого путешествия. С 90-дневным запасом продовольствия на двух китобойных шлюпках Пеллен продолжал продвижение на восток. Путешествие это было очень опасным, потому что шлюпки, слишком нагруженные, глубоко сидели в воде, волны зали-

вали продукты и грозили потопить лодки. Однажды даже выбросили за борт 300 фунтов муки и 200 фунтов картофеля, чтобы разгрузить их.

После 32-дневного путешествия Пеллен достиг устья реки Мэкензи, при этом он старался держаться возможно ближе берега, всесторонне его обследуя и стараясь возможно чаще соприкасаться с туземцами. Расспросы у туземцев об экспедиции Франклина ни к чему не привели, и никаких ее следов ему обнаружить не удалось. Пеллен оставил на берегу маленький продовольственный склад на случай, если бы сюда зашла экспедиция Франклина. Таким образом, поездка Пеллена, также как и экспедиции Ричардсона и Джемса Росса, не привела к желанной цели. И все же результаты ее должны считаться значительными: Пеллен окончательно доказал, что пропавшие без вести не достигли Американского материка. Осенью 1849 года Пеллен остановился на зимовку в форте Симпсон в северной части Канады.

Весной следующего года Пеллен собрался ехать в Англию для доклада о своем путешествии. На Невольничьем озере он встретил каноэ с двумя индейцами, вручившими ему приказ адмиралтейства продолжать розыски. Это распоряжение было послано адмиралтейством наугад, потому что в начале 1850 года не были еще получены сведения ни от Пеллена, ни от Рэ, пытавшегося летом 1849 года проникнуть на остров Виктории. Адмиралтейство поручало Пеллену ту же задачу, предлагая ему обследовать северное побережье Земли Уоллестона и Земли Виктории и добраться до Земли Бэнкса. Он узнал, что ему отправлена лодка, которая называлась «Пытайся снова», и с помощью ее он, действительно, возобновил попытку разрешить эту тяжелую задачу.

Путь по реке Мэкензи протекал при очень благоприятной погоде, но, несмотря на это, надежды Пеллена на достижение Земли Бэнкса не оправдались, так как после прибытия его к морю сразу наступили сильные холода. Пеллен взобрался на вершину одного из островов, с которой в свое время Франклин любовался открытым морем. Он увидел на месте чистой воды почти сплошную неподвижную ледяную поверхность. С величайшим трудом ему удалось добраться до мыса Бэзерст. Здесь Пеллен остановился в ожидании перемены погоды. Но вместо улучшения ее наступили настоящие зимние дни. Такое положение дела страшно удручало всех участников поездки, но не было другого выхода, как

возвратиться в устье Мэкензи. Не подлежит сомнению, что ради достижения цели Пеллен старался сделать все, что было в его силах, и не его вина, если поездка оказалась безрезультатной. Все же обращает на себя внимание то, что что в ту пору, когда Пеллен подымался уже вверх по реке на обратном пути в Англию, другой полярный деятель, о котором речь впереди, проделал на корабле именно этот, неудавшийся Пеллену рейс. Очевидно в течение последних нескольких дней ледовые условия на море улучшились. Кроме того, трудно было бы, конечно, рискнуть отправиться в такую дорогу в открытых шлюпках, имея запас продовольствия только на сто двадцать дней, тогда как прошедший здесь корабль был обеспечен на три года.

Вернемся к экспедиции Келлета и Мура. Отправив 25 июля шлюпочную партию, они сделали попытку совместно проникнуть в северо-восточном направлении. Дойдя до $72^{\circ}51'$ северной широты, корабли попали на мелководье и вынуждены были повернуть обратно. Во второй половине августа суда расстались, и Келлет на «Геральде» пошел в северо-западном направлении. На широте $71^{\circ}17'$ по носу корабля неожиданно показалась земля. Это знаменательное открытие описано Земаном: «17 августа в 9 часов 40 минут вечера мы слышали с марса многозначительный крик «земля!» Идя вдоль льдов навстречу нашему первому открытию, мы увидели с высоты марса группу островов, которая занимала значительное расстояние. Льдины лежали здесь не так близко друг к другу, всюду были видны проходы, ведущие прямо к островам. Однако они оказались слишком мелки для нашего корабля. Эти маленькие острова были временами видны очень ясно и находились от нас довольно близко. С палубы мы заметили еще одну большую высокую землю, про которую говорил капитан Келлет, что он некоторое время напряженно всматривался в нее, боясь, что только он один ее воспринимает. Атмосфера была кругом светлой и чистой — такой, какая встречается только в этом климате. Только в направлении земли клубились огромные массы туч, сквозь разрывы которых виднелись высокие вершины, с ясно выступавшими колоннами, пилястрами и закругленными формами, характерными для здешних мест. То, что я вначале принял за группу островов, оказалось вершиной большой земли. Этот остров или мыс находился на расстоянии 25 миль от корабля. Возвышенные части были удалены от нас, по моей оценке, не менее чем на 60 миль. В то время,

как мы лавировали, идя к этой земле, был момент, когда ее северная вершина выступила с такой ясностью, что те, которые сначала сомневались, воскликнули: «Да, сэр, это действительно земля!»

«С того момента как мы заметили землю, до того, когда мы к ней подошли, было пройдено 25 миль по прямому направлению. Погода, которая весь день была прекрасной, внезапно испортилась. Небо заволочло густыми тучами, поднялась пурга, сопровождаемая свежим ветром с юга. Море оказалось здесь настолько глубоким, что мы не могли бросить якорь. Капитан Келлет сошел с корабля на двух лодках. Корабль стоял в стороне от самых плотных ледяных масс, сквозь которые лодкам пришлось пробиваться с большим трудом на пути к юго-восточной оконечности земли, на которой мы предполагали высадиться. Мы достигли острова и обнаружили, что он омывается бурным морем.

«Старший лейтенант подошел к берегу с поднятым носом шлюпки, чтобы одним прыжком оказаться на берегу. Капитан последовал его примеру и поднял британский флаг.¹

«После многочисленных ошибок, имевших место при открытиях новых островов в полярных странах, нужно обладать большой самоуверенностью, чтобы рискнуть объявить об открытии земли на высокой широте. Однако в данном случае нельзя было сомневаться, что мы действительно нашли неизвестную землю, и что виденные нами вершины составляют продолжение той горной цепи, которую видели туземцы с мыса Якан, как об этом рассказывает Врангель в описании своих полярных путешествий. Эта земля по сибирскому поверью населена неизвестным донныне народом».

Шесть лет спустя одна из американских экспедиций пыталась отрицать существование виденной вдали Келлетом земли. Но еще двенадцатью годами позже оно окончательно подтвердилось, и открытый большой остров получил название Земли Врангеля в честь знаменитого русского путешественника. Меньший остров, на котором побывал Келлет, был им самим назван именем своего корабля — остров Геральда.

Открытие Келлета не оказало прямого влияния на ход Франклиновских экспедиций, но возбудило огромный инте-

¹ Открытые капитаном Келлетом острова — территория СССР. Особым актом правительство СССР объявило эти острова, входящие в полярный сектор Союза, советской землей.

рес в кругах географов, занятых разрешением проблемы физической природы области, прилегающей к северному полюсу. В свою очередь попытки разрешить этот вопрос имели уже непосредственным следствием целый ряд практических мер, принятых поисковыми экспедициями. Наличие мелководья в восточной и островов в западной частях посещенного «Пloverом» и «Геральдом» моря, отсутствие в нем значительных течений и характер льдов, отличный от такового в Баффиновом заливе или в области Шпицбергена, наводили географов того времени на мысль, что это море представляет собой как бы средиземное море, ограниченное с северной стороны погребенной подо льдом сушей. Лишь много лет спустя стало известно, что такого моря не существует, что вся приполярная область занята одной глубокой котловиной, являющейся как бы огромным заливом Атлантического океана.

VII. ПЕРВЫЕ НАХОДКИ. НЕДОУМЕНИЕ

Экспедиции 1850—1851 годов — Остин, Пенни, Джон Росс, Де-Хавен, Форсайт, Рэ

Джемс Росс, Ричардсон, Рэ, Пеллен, Мур и Келлет в поисках пропавшей экспедиции Франклина не достигли никаких результатов. Прошло полных два года, и пропавшим за этот срок не только не удалось ничем помочь, но даже не удалось узнать, живы ли они еще и где они находятся. Неудача сделанных попыток не только огорчала, но и озлобляла людей против адмиралтейства, которое обвиняли в недостаточно умелом и энергичном ведении дела спасения. Масштаб поисковых и спасательных экспедиций был признан слишком незначительным. Адмиралтейству указывали, что жалеть средства при создавшемся положении вещей — преступно, что следовало привлечь к делу организаций помощи более широкие круги и заинтересовать людей большими премиями.

Вина адмиралтейства, не сумевшего сразу наладить организацию этого дела, не подлежит сомнению, причем в первую очередь следует считать недопустимой проявленную им расчетливость. Только в марте 1849 года адмиралтейство издало распоряжение, согласно которому установленная прежде исключительно для английских моряков премия в 20 000 фунтов стерлингов за открытие Северо-западного прохода должна была быть выдана представителю любой страны без различия национальности за спасение членов пропавшей экспедиции. В некоторых старых книгах по поводу этого постановления много говорится о щедрости британского адмиралтейства и о проявленном им человеколюбию. Конечно, ни то, ни другое не верно. Со стороны военно-морских кругов Англии не было проявлено доброй воли и широкой инициативы в той мере, в какой это было

необходимо, наоборот, адмиралтейство действовало лишь потому, что было вынуждено к этому царившими в широких слоях общества и в печати возбуждением и возмущением пассивностью морских властей. Адмиралтейство стало мишенью для газет, против его бездеятельности и в защиту пропавших без вести горячо выступали на публичных собраниях. Только теперь решено было принять самые энергичные меры для спасения погибавших и для защиты собственной репутации. В адмиралтействе поняли, наконец, что неудача экспедиции и возможная гибель ее — прежде всего удар по авторитету британского флота.

Однако с момента выхода экспедиции Франклина прошло к этому времени уже почти четыре года, вероятно чреватых для нее всякими неприятностями. Необходимо было действовать сегодня же, так как завтра могло оказаться уже слишком поздно. Перед адмиралтейством стояла большая задача, за решение которой оно наконец энергично взялось. От экспедиций 1848 года, снаряженных очень основательно и руководимых опытнейшими полярниками, не было никаких вестей. Не оставалось другого выхода, как, одновременно с возобновлением попытки со своей стороны, пригласить к участию в деле спасения всех «без различия национальности и подданства». На этот трудный для себя шаг британское адмиралтейство пошло только перед лицом крайней необходимости. Однако, однажды решившись на это, адмиралтейство приняло все меры, чтобы опубликованное им постановление о премиях стало известным во всем мире. При этом широко использовались как пути дипломатического воздействия, так и оповещения в периодической печати.

Осенью 1849 года стало известно, что экспедиции предыдущего года не обнаружили никаких следов Франклина. Отрицательные результаты поездок Джемса Росса и Ричардсона крайне раздражили общественное мнение, тем более, что от лодочной экспедиции Пеллена никто не ожидал получить положительные сведения. Ненахождение следов пребывания пропавшей экспедиции в местах, посещенных в 1848—1849 годах, позволяло все же сделать некоторые выводы о вероятном местонахождении людей Франклина. После тщательного анализа всех обстоятельств в адмиралтействе восторжествовало мнение, что план тройственной экспедиции 1848 года был все же построен правильно, и что отсутствие сведений о Франклине есть следствие невыполнения его. Насколько правильно было это мнение, будет видно из даль-

нейшего, но адмиралтейство решило сохранить прежний план для новой большой экспедиции, спешно снаряжаемой для отправки в арктическую Америку.

Больше четырех лет прошло с момента последней встречи Франклина с китоловами Даннетом и Мартином. Пессимистам казалось, что всякие надежды найти экспедицию Франклина тщетны, но в сущности было очень много оснований думать, что участники экспедиции 1845 года не только живы, но даже способны работать и производить наблюдения. Ведь экспедиция 1827 года под начальством Джона Росса провела во льдах арктической Америки четыре зимовки и благополучно вернулась обратно. Правда, беспокойство о судьбе ее было в то время тоже велико, ведь была выслана даже поисковая экспедиция Бака, но все окончилось счастливо, несмотря на то, что снаряжение Росса в общем значительно уступало оборудованию кораблей Франклина. Кроме того, север не настолько беден годными в пищу животными, чтобы нельзя было рассчитывать пополнить их мясом сократившиеся запасы. На острове Викторин встречаются стада диких оленей, почти повсюду много песцов и морской птицы. В море водятся тюлени, в реках — рыба. Наконец, если даже положение экспедиции в настоящий момент и очень трудное, то не означает же это, что должны были погибнуть непременно все до одного участники ее. Все эти соображения были очень основательны, адмиралтейство принимало их и потому не считало дело поисков безнадежным.

К тому же, время от времени, появлялись обманчивые слухи, заставлявшие воспрянуть духом тех, кто уже терял всякую надежду. Этого рода сведения часто приносились китоловами, крейсировавшими вдоль западного побережья Баффинова залива. В 1848 и 1849 годах многие китоловы вошли в сношения с местными эскимосами и слышали от них рассказы о будто бы встречавшихся им кораблях. Сообщалось, будто несколько кораблей зимуют в проливе Принца Регента, в Веллингтоновом канале и где-то за проливом Мельвиля. Разноречивость этих сведений заставляла усомниться в их правдивости. В 1849 году отправился на проверку слухов о кораблях Франклина Роберт Гудсир, брат ученого естествоиспытателя, врача с «Эребуса». На китобойном судне, управляемом капитаном Уильямом Пенни, совершил он поездку в Баффинов залив и пролив Ланкастера. Путешествие протекло вполне благополучно.

Гудсир неоднократно бывал свидетелем того, как возникали вздорные слухи, относящиеся к судьбе пропавшей экспедиции и распространяемые впоследствии эскимосами, делающими это безо всякого злого умысла. Многие известия, почерпнутые из этого неблагонадежного источника, передавались к тому же дальше несомненно в искаженном виде, так как объясняться с туземцами, не зная их языка, по меньшей мере затруднительно. Восемь месяцев провел Гудсир в отсутствии. Вернувшись домой, он целиком отдался охватившему его во время плавания чувству отчаяния. Опасности арктического похода поразили его, и тяжелая судьба его брата, самого Франклина и всех членов экспедиции казалась ему решенной.

Как известно, 1845 год был очень благоприятным в ледовом отношении, и потому можно было думать, что Франклину удалось сразу же пройти далеко на запад. Всем была памятна первая, знаменитая экспедиция Парри к острову Мельвиля. Почему бы Франклину не достигнуть тоже этого острова по проложенному Парри пути? Ведь снаряжение его экспедиции было несравненно лучше, чем в свое время у Парри, а инструкция требовала возможно энергичного продвижения в западном направлении. Джемсу Россу не удалось собрать никаких сведений об экспедиции, очевидно, по той простой причине, что посещенные им места Франклин прошел, не задерживаясь в пути. Таковы были взгляды большинства, и подтверждения их искало адмиралтейство у признанных арктических авторитетов — Парри, Ричардсона, Бичи и Сэбина.

Парри утверждал, что в течение 1845—1846 годов Франклин употребил, вне всякого сомнения, все свои силы, чтобы проникнуть возможно далеко в западном или юго-западном направлении к Берингову проливу. При этом естественно предположить, что именно в первые годы ему удалось пройти довольно далеко вперед, но впоследствии оказалось, что на пути к проливу лежат неопреодолимые препятствия и что возвращение назад не менее затруднено. Ричардсон, между прочим, категорически возражал против ходячего мнения, будто корабли Франклина погибли еще до входа в Ланкастеров пролив, доказывая совершенную неправдоподобность этого. Бичи смотрел на положение экспедиции пессимистично, больше всего опасаясь цынги, могущей погубить всех людей. На высказанные сомнения, сможет ли человек вообще выдержать пять зимовок подряд, отвечал Сэбин, личный друг

Франклина. Он говорил, что «где могут жить эскимосы, там могут прожить и англичане. Отнюдь не невероятно, что англичане, прибывшие на остров Мельвиля весной 1849 года, окажутся живыми в 1850 году. Если же они уже в 1848 или 1849 году попали на Землю Бэнкса, то это дела не меняет, потому что там имеются те же или даже лучшие природные источники питания и топливо, и, кроме того, переправа на остров Мельвиля здесь не должна быть затруднительна». Это последнее мнение сыграло большую роль в истории полярных исследований того периода, вызвав серьезную, длительную дискуссию. Для судьбы Франклина оно имело большое значение прежде всего тем, что Сэбин высказался в пользу отправки новой экспедиции, считая ее отнюдь не бесполезной; во-вторых, тем, что он согласился с Парри, предлагая искать пропавших в районе островов Мельвиля и Бэнкса, и, наконец, тем, что, подняв вопрос о возможности для европейца существовать там, где живут только эскимосы, он вызвал к жизни ряд позднейших поисковых экспедиций.

Не следует думать, чтобы вопрос о местопребывании Франклина был таким образом окончательно решен, но так как не было возможности отправлять десятки экспедиций для исследования всех возможных заливов и островов, то решено было сконцентрировать все свое внимание в первую очередь на обследование окрестностей острова Мельвиля. Отсюда предполагалось отправить по всем направлениям многочисленные санные отряды, поручив им внимательно осмотреть все острова этого обширного архипелага. Из числа других путей, которые, как предполагалось, Франклин мог бы предпочесть для проникновения на запад, наиболее вероятным казался расположенный севернее Ланкастеров пролива пролив Джонса. Правда, в инструкции ясно говорилось, что следует избрать именно путь через Ланкастеров пролив, но, во-первых, можно было все-таки допустить, что он оказался в 1845 году непроходимым, и, во-вторых, обследование этого пролива казалось самому Франклину, как мы уже видели выше, весьма любопытной задачей. Все же большинство авторитетов и само адмиралтейство считали такой вариант пути экспедиции Франклина не слишком правдоподобным, и если в программу отправляемой экспедиции все же входило обследование этого пролива, то только в силу совсем других соображений. А именно — казалось более вероятным, что Франклин сделает попытку повернуть

из пролива Бэрроу в северном направлении, избрав для этого канал Веллингтона. Состояние льдов, встреченное им на севере по выходе из канала, могло бы оказаться таковым, что экспедиции пришлось бы искать спасения через пролив Джонса, представляющего кратчайший путь в Баффинов залив.

Насколько серьезен был интерес к судьбе экспедиции Франклина в самых широких кругах населения Англии, видно уже из того, что в Палате общин был возбужден вопрос о том, чтобы все материалы, касающиеся этой экспедиции, были полностью сообщены Палате, дабы она могла принять деятельное участие в спасательных работах. Выступавший по этому вопросу оратор требовал, чтобы поиски были поставлены на самую широкую ногу и чтобы правительство действовало неотлагательно, «не теряя ни единого месяца, ни недели, ни дня, ни даже часа». В ответ на эту речь начальник адмиралтейства сообщил о немедленной отправке новой спасательной экспедиции. При этом он заметил, что цель экспедиции состоит исключительно в спасении людей, что расходы по ней, — как бы значительны они ни были, — не остановят дела, и что научные исследования в области навигации или естествознания не составляют ее задачи.

Все надежды возлагались только на снаряжаемую адмиралтейством экспедицию, потому что трудно было рассчитывать на помощь со стороны. Дело в том, что известие о назначенной премии было получено уже после выхода китобоев в море, а если бы они даже и узнали об этом по прибытии на рыболовные станции, то все равно не смогли бы отправиться на поиски, не имея с собой подходящего снаряжения. Кроме того, участие китобоев в спасательных операциях зависело не столько от них самих, сколько от их хозяев. Капитаны китобойных шхун и промышленники славились своей смелостью и преданностью взятому на себя делу. К несчастью этого нельзя сказать про владельцев фирм, сидящих у себя дома. Они считали все это предприятие делом безнадежным и, конечно, меньше всего старались содействовать ему, опасаясь за целостность своих кораблей.

Итак, решено было повторить экспедицию Росса — Ричардсона — Мура, но масштаб ее должен был быть в несколько раз больше. Со стороны Ланкастерова пролива был направлен отряд из четырех кораблей под начальством капитана Горацио Остина, со стороны Берингова пролива —

два корабля, руководимые капитаном Ричардом Коллинсоном и коммодором Мак-Клором, тогда как со стороны суши действовала партия лейтенанта Пеллена. Похождения этой лодочной экспедиции уже вкратце описаны нами, о путешествиях Коллинсона и Мак-Клора речь впереди, сейчас же остановимся на предприятии Остина и других экспедициях, пытавшихся подобно ему проникнуть в область американской Арктики со стороны Баффинова залива и пролива Ланкастера.

Остин стоял во главе отряда из четырех судов: двух больших парусников — «Решительного» и «Помощи» и двух винтовых пароходов — «Пионера» и «Неустрашимого». Снаряжение этих четырех кораблей обошлось в 114 513 фунтов стерлингов. Экипаж их состоял из 180 человек. Эта экспедиция считалась главной, и именно на нее возлагались самые большие надежды.

Совершенно независимо от этой экспедиции должна была действовать другая, отданная под начальство уже известного нам капитана-китолова Уильяма Пенни. Это предприятие было тоже правительственное, но отпущенные на него средства были несравненно меньше Остиновских. Все же Пенни удалось приобрести и снарядить два небольших крепких клипера, названных им «Лэди Франклин» и «София», истратив на это дело всего лишь 15 170 фунтов. Пенни славился знанием полярного мореплавания, смелостью и решительностью характера, превышая в этом своих со товарищей-китоловов. На промыслы он выходил первым, а возвращался из льдов чаще всего последним. Трудно было найти более подходящего человека для выполнения подобной задачи. Адмиралтейство сначала заинтересовалось представленным ему Пенни планом спасения экспедиции Франклина, а потом предложило самому Пенни взять на себя его выполнение. Оно исходило при этом из очевидной пользы, которая должна получиться от «соединения силы британского флота с опытностью и верным взглядом китолова». Думается, что в данной ситуации опытность и верный взгляд должны были играть главную роль.

Много было желавших принять участие в организуемых спасательных работах. Среди добровольцев были люди с большим опытом и знаниями. Были среди них и такие, что уже работали в Арктике и хорошо знали трудности полярных путешествий. Многие предлагали не только свои услуги, но рекомендовали разнообразные меры и представ-

ляли планы спасательных экспедиций. Наиболее опытным и почтенным среди всех этих людей был несомненно Джон Росс, неутомимый старик, горящий юношеским огнем и снедаемый честолюбием. Росс пытался доказать, что он, и никто больше, должен быть поставлен во главе нового предприятия по розыскам и спасению пропавшей экспедиции. Девять аргументов приводил он к этому, и среди них был тот, что он опытнее и старше всех, и тот, что в его распоряжении есть охотники-китоловы, которые согласятся работать только под его начальством. Он называл Франклина своим учеником и напоминал в своих представлениях адмиралтейству, что он обязался подать экспедиции своевременную помощь, имея на этот счет с Франклином особую договоренность. Еще в 1849 году Росс утверждал, что первая спасательная экспедиция непременно потерпит неудачу, предлагал продать корабли его племянника, знаменитые «Предприятие» и «Исследователь», а вместо этого отправить под его начальством новую экспедицию на совсем небольших судах. Правильность этого мнения подтвердилась много десятиков лет позднее, когда — уже в двадцатом столетии — Руал Амундсен легко прошел через эти воды на своем крошечном суденышке — всемирно известной «Йоа». Британское адмиралтейство не доверяло Россу, несмотря на его опытность и правильность его предсказаний. Ему выражали сочувствие, но не принимали его предложений. Тогда озлобленный Росс обратился за содействием к Гудзоновской компании. Ради спасения Франклина, оказавшего ей в прежнее время столько услуг, компания поддержала проект новой экспедиции во главе с самим Россом. На ее средства и некоторые частные пожертвования Росс снарядил два маленьких корабля — «Феликс» и «Мэри» — и готовился к отплытию. Он был в самом благодушном настроении, так как достиг своего и не связал себя при этом никакими обязательствами с адмиралтейством, а мог действовать по своему усмотрению.

Чрезвычайно любопытна история возникновения американской поисковой экспедиции. Соединенные Штаты спокойно наблюдали за развертыванием спасательной деятельности в Англии, и мысль об отправке собственной экспедиции возникла здесь только после получения в мае 1849 года президентом республики письма от жены Франклина с просьбой о помощи. Лэди Франклин проявила в деле организации помощи экспедиции своего мужа огром-

ную энергию, возраставшую все больше, чем меньше надежды оставалось на спасение. На обращение свое к американскому президенту лэди Франклин получила очень скорый официальный ответ, содержащий обещание отправить правительственную экспедицию на двух кораблях, по одному со стороны Берингова и со стороны Дэвисова пролива. Общество наук и Географическое общество в Лондоне отправили в Вашингтон благодарственный адрес, а в Америке тем временем решали, кому стать во главе задуманного предприятия. Наконец начальник был избран, а парламент взялся за обсуждение необходимых мероприятий. Мнения по поводу калибра судов, их типа и ряда других деталей далеко расходились, и среди непрекращающейся дискуссии было упущено время отправки экспедиции. Пришлось отказаться от нее на этот год и перенести на будущий. Зимой пришло второе послание от лэди Франклин, напоминавшее о данном обещании и умолявшее о содействии. Вопрос был снова поднят на заседании конгресса и вызвал оживленные дебаты, в которых протекли еще два месяца. К этому времени возникло уже серьезное опасение, не повторится ли история предыдущего года, то есть не запоздает ли предполагаемая экспедиция со днем своего выхода. Нет сомнения, что экспедиция вообще не вышла бы, если бы богатый ньюйоркский купец Генри Гриннель не выступил неожиданно с заявлением, что он, жертвуя большую часть своего состояния на дело организации экспедиции, принимает на себя всю ответственность за нее. Гриннель решил уподобиться упоминавшемуся виноторговцу Феликсу Буту и стать сразу знаменитым.

Отправленная им экспедиция носила его имя, а впоследствии на карте, подобно открытой Россом Бутии Феликс, появился новый остров, названный Землей Гриннеля.

Снаряженная на частные средства, эта экспедиция решением парламента была объявлена национальной американской. Нет сомнения, что с данного момента правительство Соединенных Штатов стало смотреть на это предприятие с точки зрения извлечения из него выгоды для себя. О таком подходе ясно говорят врученная экспедиции инструкция и самый образ ее действий. Начальником обеих бригадин — «Успеха» и «Спасения» — был назначен лейтенант Де-Хавен. Корабли были неплохо снабжены. Команда состояла из незнакомых с арктическими плаваниями, преимущественно молодых, но смелых и энергичных людей. Участник позднейшей экспедиции 1851 года, француз

Белло, так отзываясь об американцах: «Эти люди не знают опасности, они бравируют перед ней не столько, пожалуй, вследствие непонимания ее, сколько благодаря свойственной им смелости и самоуверенности; мне кажется, что о них можно сказать, что в их словаре не существует слова невозможно». Возвращаясь к снаряжению экспедиции Де-Хавена, отметим в заключение, что врученная ему инструкция, составленная в коротких, энергичных и определенных фразах, не имеющих ничего общего с канцелярским стилем английских инструкций, предусматривала посещение, в первую очередь, области, лежащей к западу от мыса Уокер и к северу от канала Беллингтона. Составители инструкции находились все еще под влиянием идеи о существовании области чистой воды в высоких широтах, потому что дальше указывается, что в этом случае начальнику предоставляется свобода выбора направления, но при условии, что во всех приметных местах он будет искать следы пропавшей экспедиции и всюду оставлять свидетельства собственного пребывания. Наконец, в инструкции особо подчеркивается, что экспедиции следует, по возможности, избегать зимовки на льдах. Уже из этих указаний видно, что в задачу американской экспедиции входили не только поиски экспедиции Франклина, но и географические открытия в пользу своего государства.

Лэди Франклин добилась своего: Америка приняла участие в розысках ее мужа. Но выбор в качестве цели экспедиции Беллингтонова канала не нравился ей. Мучимая каким-то смутным чувством, она, вопреки логике фактов, обращала свой взгляд на не очень обширный район, лежащий прямо к югу от пролива Бэрроу, между ним и материком. Никто не хотел слышать о посылке экспедиции в эти места, так как считалось, что эта область прекрасно изучена в северной части еще Джемсом Россом, объездившим весь остров Северный Соммерсет, а в южной — Рэ, посетившим полуостров Бутию. Лэди Франклин не могла отрешиться от мысли, что участники экспедиции, вследствие недостатка в пище, отправились в сторону большого склада Парри, спасшего в свое время от голодной смерти Джона Росса и его товарищей. В то же время лэди Франклин получила от некоего американского моряка, Паркера Сно, письмо, в котором он предлагал снарядить сухопутную экспедицию из трех отрядов к реке Большой рыбной, к Магнитному полюсу и к проливу Принца Регента. Сно был твердо убежден,

что экспедиция должна была затеряться в местности, мало доступной как со стороны моря, так и с суши, так как иначе вся она, или по крайней мере часть ее, давно вернулась бы. С подобным же проектом выступил лейтенант Шерард Осборн, принявший впоследствии участие в экспедиции Остина. Замечательно то, что эти частные предложения имели в виду обследование совсем иного района, чем намеченный правительственными экспедициями. Тогда лэди Франклин решила купить на свои собственные средства клипер под названием «Принц Альберт» и снарядила его для отправки в арктическую Америку. Она пригласила в качестве начальника коммодора Кюдрингтона Форсайта, которому передала свои пожелания относительно района поисков; среди участников этой экспедиции находился упомянутый Паркер Сно.

Итак, всего со стороны Баффинова залива было отправлено пять экспедиций на одиннадцать кораблей. Почти одновременно отплыли все они в сторону пролива Ланкастера. Первым был Пенни, покинувший берега Англии в середине апреля 1850 года; в течение мая выступили три прочих экспедиции, а последним — уже в июне — вышел Форсайт.

Десять кораблей было отправлено одновременно по одному пути; конечно, такой подход к решению задачи был неудачен. Вместо того, чтобы конкурировать друг с другом, следовало разослать корабли по разным направлениям, с тем, чтобы сразу охватить возможно большую площадь. Между тем, один только маленький «Принц Альберт» предполагал, пройдя вместе с прочими судами пролив Ланкастера, свернуть затем в сторону, к берегам Бутии Феликс.

Вскоре все английские корабли собрались в Мельвилевом заливе у западных берегов Гренландии. Несмотря на опытность Пенни и несмотря на силу кораблей Остина, они долго не могли пробиться сквозь тяжелые льды к западной стороне Баффинова залива. Только в первой половине августа льды немного разошлись, открыв кораблям доступ к западным проливам.

Заветной мечтой Пенни было обследовать северный пролив Джонса, и ко входу в него направил он свой корабль на полных парусах. За ним двинулась эскадра Остина, намеревавшаяся детально обследовать проливы Ланкастера и Барроу. Своему помощнику, Оммени, Остин поручил осмотреть северные берега этих проливов, а сам намеревался обследовать южные. Местом встречи был назначен остров

Леопольда, избранный в качестве базы еще Джемсом Россом. Пенни надеялся к этому времени уже пройти проливом Джонса и каналом Веллингтона и подойти с севера к месту свидания с эскадрой Остина. Джон Росс намеревался самостоятельно пройти к острову Мельвиля, а коммодор Форсайт, как было указано выше, предполагал пройти вместе с остальными до общей базы и свернуть затем к югу, через пролив Принца Регента. Собираясь покинуть Гренландское побережье, около мыса Йорк скопились все суда, избравшие началом своего пути на запад пролив Ланкастера, с тем, чтобы здесь окончательно договориться о совместном образе действий.

На борту корабля Росса находился переводчик-эскимос, принятый на службу еще в одном из гренландских поселений в области Дэвисова пролива. Необходимо отметить, что при попытках приобрести переводчиков, столь нужных для экспедиций, начальники их получили в Гренландии отказ местных жителей принять участие в спасательных работах. Поэтому Россу очень завидовали по поводу его удачи, также как и Пенни, сумевшему привлечь к себе одного датчанина — Петерсена, ведшего полуэскимосский образ жизни и отлично знавшего язык туземцев.

Эскимос Росса, по имени Адам Бек, пользовался самой лучшей репутацией и симпатиями среди участников всех экспедиций, и потому многие захотели присутствовать при прощании его со своими соплеменниками на мысе Йорк. Здесь впервые обратили внимание на неприятную важность, появившуюся при этом в манере Бека, а вечером того же дня все удивлялись его непонятым речам и странным жестам, которые явно должны были выражать печаль. При этом Бек рисовал всюду, где мог, цифру 1846. С трудом удалось добиться от него толку, но то, что узнали из его уст, наполнило всех ужасом. Бек рассказал, что несколько дальше к северу, на Гренландском берегу, в 1846 году разбились два больших корабля, офицеры которых, судя по золотым околышам на шалках, по эполетам и другим признакам, принадлежали английскому военному флоту. Большая часть команды, по словам Бека, погибла при аварии, и только немногим удалось укрыться на берегу. Впоследствии, рассказал Бек, все люди были перебиты напавшей на них эскимосской ордой.

Это известие страшно взбудоражило всех и прежде всего самого Росса, слепо поверившего в слова своего любимца.

Старик страшно возмутился, когда кто-то осмелился высказать сомнения в правдивости речей эскимоса, возможно выдумавшего всю эту историю, чтобы избавиться от участия в неприятном походе на дикий запад. Однако, после здравого, спокойного рассуждения, к этому мнению склонилось большинство, и решено было проверить правдивость рассказа Бека. На эту проверку было потрачено несколько дорогих дней, а результатом ее оказалось, что все подробные рассказы Бека были чистейшей ложью. Последним убедился в этом старый Росс, которого Бек сумел, впрочем, скоро задобрить, чем вызвал во всех окружающих негодование. В результате возникли недоразумения, особенно значительные между Россом и капитаном Пенни, приведшие к открытой вражде. В этом конфликте Росс явно не на высоте, и его выходки против Пенни были самого мелочного характера. Вред от лживого рассказа эскимоса никак не компенсировался небольшой пользой, состоявшей в том, что посланные на проверку корабли обнаружили следы прошлой зимовки знакомого нам Соундерса на вспомогательном корабле «Северная Звезда». В месте зимовки осмотрели все, что могло указать на посещение его кораблями Франклина, перерыта была вся почва около брошенных хижин и осмотрены трупы умерших во время зимовки людей, но все напрасно.

Тем временем Пенни наткнулся у входа в пролив Джонса на сплошной барьер льда, состоящий из глыб, твердых, как гранит. Он вынужден был отказаться от своего первоначального плана и повернул на юг, чтобы достигнуть Веллингтонова канала обычным путем через пролив Ланкастера. У входа в этот пролив он неожиданно встретил корабли подоспевшей американской экспедиции. Начальник ее сообщил, что его попытка проникнуть через срединный лед Баффинова залива не увенчалась успехом. В течение трех недель «Успех» и «Спасение» находились в ледовом плену. С трудом удалось им вырваться из него путем пропиливания ходов и подтягивания тросами. Корабли Пенни были первыми, которые им удалось догнать.

Вскоре Пенни и американцы достигли пролива Бэрроу. Погода стояла туманная, корабли легко терялись и потом с трудом находили друг друга. И вот случилось так, что из всех прибывших сюда судов корабли Пенни были первыми, которых встретил давно уже крейсирующий в этих водах капитан Соундерс: «Северная Звезда» тщетно старалась

найти здесь следы экспедиции Джемса Росса, чтобы передать ей свое поручение и продовольственный груз. От Пенни Соундерс узнал о действительном положении дел и был очень удивлен известием, что отыскиваемые им «Предприятие» и «Исследователь» не только давным давно вернулись на родину, но успели уже отправиться в новое путешествие к Берингову проливу. С величайшим неудовольствием выслушал он сообщение о том, что рейсу «Северной Звезды» в адмиралтействе не придают большого значения, предполагая, что этот корабль держится где-нибудь в районе острова Диско, у берегов Гренландии. Имевшийся у него на борту запас продовольствия Соундерс сложил на берегу маленького острова Уоллестона.

Первым достиг острова Леопольда Форсайт на «Принце Альберте». Оказалось, что оставленный здесь Джемсом Россом продовольственный склад и построенный им дом находятся в полной сохранности. Дрожащей рукой открыл Форсайт обнаруженный медный цилиндр с бумагами, и чувство нетерпения и радости охватило его при виде приложенного к старым Россовским документам свежего листка. Разочарование наступило тут же, так как он оказался написанным рукой не члена Франклиновой экспедиции, а капитана Соундерса, пытавшегося сложить на острове Леопольда часть своих припасов.

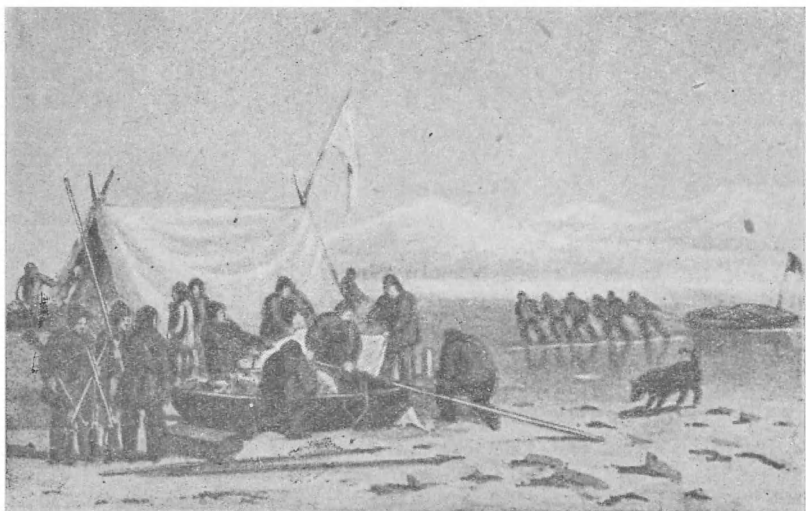
Отсюда Форсайт повернул в сторону пролива Принца Регента. Пролив оказался забит льдом, только в середине его имелся узкий канал, по которому плыли разрозненные льдины. Форсайт достиг слепого конца этого канала и вынужден был повернуть обратно перед угрозой оказаться затертым во льдах. Он обогнул остров Северный Соммерсет и возобновил попытку проникнуть к югу, следуя вдоль западного его побережья проливом Пиля, но и тут он натолкнулся на ледяную стену. Считая выполнение своей задачи невозможным, Форсайт отказался от этой мысли и решил вернуться в Англию в этом же году. Предварительно он отправился к северному побережью пролива Барроу, к мысу Райли, за получением сведений о ходе прочих экспедиций.

25 августа Форсайт подошел к мысу Райли. Всеобщее внимание обратил на себя установленный весьма высокий флаг-шток и стоящий неподалеку корабль американской экспедиции. Лейтенант Де-Хавен сообщил экипажу «Принца Альберта» потрясающую новость: на мысу Райли открыты следы пребывания экспедиции Франклина. Команда броси-

лась к шлюпкам, чтобы самим удостовериться в правдивости этого известия. На берегу лежал свежий медный цилиндр, положенный капитаном «Помощи» Оммени, содержащий сообщение о произведенной находке: «23 августа 1850 года после высадки на мысу Райли были обнаружены следы лагеря и остатки различных предметов, повидимому, указывающих на то, что в этом месте пребывал отряд матросов королевского флота...» Найдены были четыре круглых площадки, обнесенных валом, явно сооруженных человеческими руками и представляющих собой, очевидно, следы устроенных палаток. Невдалеке от этих четырех площадок находилась пятая, несколько большего размера. Форсайт собрал все, что не было взято бывшим здесь два дня тому назад Оммени, и хотя это немногое состояло только из нескольких тряпок, куска веревочного трапа и костей, оставшихся от обеда сидевших у костра людей, он был рад находке, так как она могла все же служить доказательством пребывания здесь пропавшей экспедиции. Казалось несомненным, что только отряд экспедиции Франклина мог посетить мыс Райли, поскольку было известно, что после Парри никто этих мест не посещал, если не считать бродячих эскимосов.

Удовлетворенный сделанным открытием Форсайт повернул обратно, к берегам родной Англии. В том же быстром темпе — Форсайт за всю экспедицию ни разу не бросил якоря! — он проделал переход от пролива Бэрроу, через Баффинов залив и Атлантический океан и в первых числах октября 1850 года прибыл домой. Форсайт был первым, доставившим точные сведения о Франклине, и радость по этому поводу отодвинула на задний план факт невыполнения им взятой на себя задачи. Привезенные им реликвии были подвергнуты всестороннему изучению со стороны ученых и экспертов, которые сделали вывод, что они представляют собой несомненную принадлежность экспедиции Франклина. Достигнутый успех, как ни незначителен он был, пробудил новые надежды, казалось, что достаточно сделать еще одно небольшое усилие, и Франклин со своими товарищами будет спасен.

Капитан Оммени обследовал мыс Райли и южное побережье острова Бичи, где ему тоже удалось найти следы пребывания белых людей. Затем он повернул к назначенному месту сбора эскадры Остина — мысу Готэм. По пути его окружили льды, и он оказался плененным в течение двух недель. Следовавший с ним маленький американец — «Успех»

Санний отряд Пенни в походе

избежал этой участи и остался у южной оконечности острова Бичи, где встретился со «Спасением». Обращает на себя внимание печальный факт, отмечаемый Элизой Кент Кейном, членом экспедиции Де-Хавена, что Оммени в оставленном им на мысу Райли документе ничего не упомянул об участии «Успеха» во всех работах по розыскам следов экспедиции, явно игнорируя это в ущерб правде. На этом примере видна нездоровая конкуренция между англичанами и американцами, диктуемая чувством национальной вражды, господствовавшей среди руководителей различных экспедиций.

Американцев повстречал проходивший мимо Пенни. Услыхав известие о произведенных находках, Пенни горячо воскликнул: «Как ищейка буду я рыскать по их следам», и направился к восточному берегу Веллингтонова канала. С огромной настойчивостью проталкивался он к своей цели сквозь нагромождения льдов и вскоре достиг мыса Спенсера.

Результаты произведенных Пенни и прочими экспедициями розысков описаны врачом с «Лэди Франклин» Сюзерлендом:

«Август, 26. В час ночи корабли были готовы к отплытию, запаслись водой и стали выжидать прояснения погоды.

«С тех пор, как мы слышали о найденных следах Франклина, наше внимание обращалось на все предметы сколько-нибудь необычного вида. Мы присматривались к мелким частицам земли на поверхности льда и к помету различных животных, как песец или медведь.

«Пенни и Стюарт вместе с экипажем и в сопровождении Гудсира и Петерсена отправились с кораблем к востоку и вскоре высадились на берегу к северу от мыса Спенсера с целью обследовать его. Мы следили за отрядом до тех пор, пока он не достиг этого мыса. Вечером они вернулись на корабли с каким-то грузом.

«В продолжение дня погода держалась большей частью совершенно тихая, небо было застлано густым покровом тумана, а к вечеру пошел сильный мягкий снег. Корабли стояли среди нагромождения льдин, покрытых лужами. На поверхности этих луж образовывалась ледяная корка, толщиной от одного до двух дюймов. Это был верный признак приближающейся зимы. Было ясно, что недалеко то время, когда нам придется устроиваться на зимовку, и мы задавались вопросом, дадут ли нам поиски пропавшей экспедиции результаты, которые позволили бы нам сделать это с чувством полного удовлетворения. Было тяжело и скучно думать, что самое хорошее время для исследований давно уже прошло, и что, несмотря на наши настойчивые старания, попытка перебраться через канал Веллингтона не увенчалась успехом. Судя по наружному виду льда в канале, мы едва ли могли ожидать, что скоро перейдем его даже теперь, хотя капитан Парри 23-го этого месяца (август) 1819 года не находил к этому препятствий.

«В 6 часов вечера наш отряд вернулся и принес неопровержимые доказательства следов пропавшей экспедиции. Приблизительно в шести милях севернее мыса Спенсера обнаружили место, где когда-то находился лагерь. Был найден каменный барак, пол которого был красиво вымощен тонкими, гладкими камнями. Стена была около четырех футов высоты и окружала пространство диаметром около двенадцати футов. В непосредственной связи с наружной стеной находились две стены около четырех футов, которые окружали пространство, служившее, вероятно, кухней, судя по наличию золы и других остатков стряпни. Многие предметы были принесены участниками вылазки на корабль. Там были жестянки из-под супа, причем некоторые из них употреблялись для варки; на многих жестянках сохранился

ярлык «Патент Гольднер». На одной из них была написана фамилия «Г. М. Дональд».¹ Большое число жестянок было сильно попорчено ржавчиной, особенно в тех местах, где краска была облуплена при откупорке, кстати сказать, производившейся во многих случаях очень грубо. Внутренняя полуда и наружная краска предохраняли жесть от ржавчины. Были также обнаружены дубовые куски, похожие на дощечки от маленьких бочек. На краевом куске от одного боченка оказались нацарапаны слова: «смешанные пикули». Кроме того, были найдены дубовые щепки, получившиеся при обрубке неровностей досок, они были обожжены на концах, как будто находились в огне. Были еще обнаружены тоже немного обожженные птичьи кости, но совсем не было найдено костей крупных животных. Далее были подобраны части книги с некоторыми заметками на них и кусок газеты от сентября 1844 года. Найденные куски веревок оказались очень перетертыми, но по средней части пряжи можно было легко установить, что они принадлежали королевскому флоту. Наконец, были подняты рваные рукавицы, хлопчатобумажные мешки и чистая бумага. Все эти предметы находились под камнями, куда загнал их ветер. Стены барака были сделаны непроницаемыми для ветра, все отверстия оказались заткнутыми мхом или кусочками бумаги.

«Петерсен пришел к выводу, что барак был построен четыре года тому назад, судя по состоянию, в которое пришел каждый относящийся к нему предмет под влиянием погоды. В этом вопросе мнение Петерсена очень ценно, так как на него можно опираться, исходя из огромной опытности Петерсена в жизни за полярным кругом.

«Кроме всего этого, была обнаружена колея от саней и в двух шагах от нее следы бежавших людей. Заметили также на суше, в том самом месте, где стоял барак, кости китов, но следует думать, что они лежат здесь издавна.

«Такое скопление различных вещей и остатков, принадлежащих пропавшим кораблям, при полном отсутствии каких-либо документов вызвало различные соображения, породившие, в свою очередь, много вопросов. Только в одном никто не сомневался — в том, что отряды, принадлежавшие «Эребусу» и «Террору», останавливались здесь на продолжительное время; предполагали, что было это четыре года тому назад.

¹ Фамилия участника экспедиции на «Терроре».

«Была открыта линия стоянок, параллельная восточному берегу канала, и возник взгляд, будто отряд, который их покинул, отступал со стороны севера, где, на небольшом расстоянии отсюда, по всей вероятности, погибли корабли. Однако факта, что на мысе Райли были найдены бычьи кости, вполне достаточно, чтобы опровергнуть это мнение. Хотя не было еще доказано, что пропавшие корабли избрали именно этот путь, все же нельзя отрицать, что линия, проходящая через эти три стоянки, где часть экипажа, повидимому, высадилась, будучи продолжена, повела бы прямо к каналу Веллингтона. Это соображение поощряет поиски их в этом месте, тогда как ни остров Мельвиля, ни мыс Уокер не дают надежды на успех людям, ищущим там. Пенни решил тщательно обследовать берег на севере и юге от мыса Спенсера и, имея это в виду, отдал приказ не отходить от него ночью на далекое расстояние.

«27 августа. После большого снегопада прошлой ночью задул с юго-востока сильный ветер, который разрешился в шквал в тот момент, когда снег перестал идти и между тучами проглядывало солнце. Оно показалось только на несколько часов, от 8 до 11, после чего небо покрылось тяжелыми свинцовыми тучами, бросавшими густые тени на и так уже мрачный вид всего окружающего нас.

«В продолжение нескольких часов мы лавировали по направлению к южной стороне мыса Спенсера. Затем Пенни направился к «Феликсу» и к американским кораблям, стоящим неподалеку во льду. Он дал подробный отчет о вчерашнем происшествии командирам кораблей. Пенни пришвартовался и послал отряд на остров Бичи с тем, чтобы осмотреть его как можно внимательнее».

Итак, план Пенни был очень прост: он состоял в обследовании района между местом, где был обнаружен барак, и мысом Райли. Он исходил при этом из предположения, что здесь могут найтись еще другие свидетельства пребывания Франклина. Во время совещания трех начальников у острова Бичи, со стороны берега появился человек, по виду которого сразу можно было заметить, что он хочет сообщить какую-то необыкновенно важную весть. Он закричал: «Могила, капитан Пенни, могила! Франклинова зимняя квартира!» Начальники поспешно вскочили и вперемежку с матросами бросились, будто наперегонки, по льду к скалистым берегам острова. Они проворно перешли гребень известковых гор и вступили на плоский северо-восточный берег. И вот, вдруг

люди очутились в центре того самого места, где всего лишь несколько лет тому назад кипела жизнь.

«Следы пропавших кораблей, — рассказывает Сюзерленд, — были найдены на большом пространстве: сотни жестянок, куски одежды, канаты, дрова поленьями и щепками, много кусков железа в месте, где стояла наковальня, и обрубок, подпиравший ее, бумага, исписанная и печатная, с числами «1844» и «1845», многочисленные колеи саней, углубления в песке, похожие на колодцы, и могилы трех человек, умерших на борту кораблей в январе и апреле 1846 года».

Это маленькое кладбище представляло собой печальную, но живописную картину. На удачно выбранном склоне холма с видом на далекий мыс Райли были сделаны три простые, безыскусственные могилы, сложенные из каменных плит и дубовых досок. Грубые руки глубоко чувствующих людей строили эти памятники и, может быть, потому на них не было ненужных украшений. Только неподалеку был

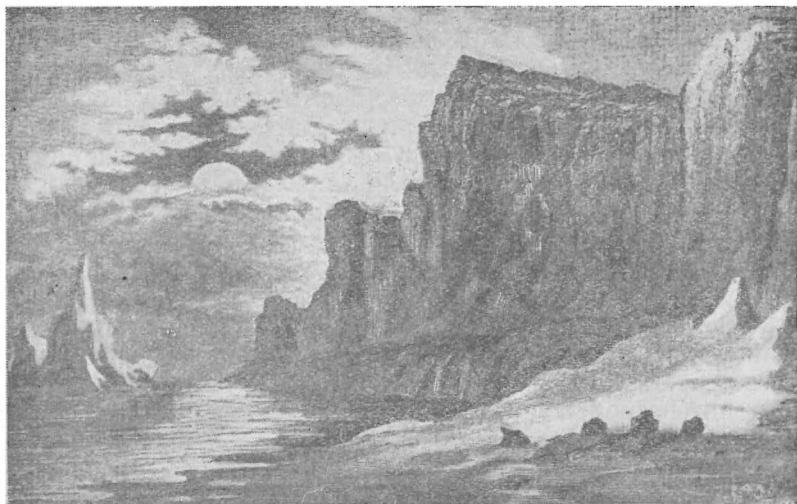
Остров Бичи

маленький садик, заросший мхом, где разводились различные противоцинговые растения и где еще теперь, спустя четыре года, цвело несколько полярных маков и анемонов. В головах каждой могилы лежала доска, на которой было написано имя и дата смерти. Двое умерших были с «Эребуса», один с «Террора». Надписи на могилах представляют собой первый письменный документ Франклиновой экспедиции. Из них видно, что здесь был разбит первый зимний лагерь и что в то время еще оба корабля были в целости и зимовали где-нибудь неподалеку.

При дальнейшем осмотре острова с противоположных сторон его были обнаружены высокие указательные столбы. Назначение их, должно быть, состояло в том, чтобы указывать зимой дорогу к лагерю участникам экспедиции, если бы они заблудились во время вьюги. Аналогичные меры предосторожности принимал много лет тому назад Парри во время

его зимней стоянки на острове Мельвиля. Отряд, открывший место зимовки Франклина, назвал глубокий залив между островом Бичи и мысом Райли бухтой Эребуса и Террора, предполагая, что эти корабли должны были зимовать именно здесь. Неподалеку от этого места в пределах лагеря были обнаружены постройки обширного склада и мастерской, а также строение поменьше, служившее, повидимому, для научных наблюдений. Что это здание было обсерваторией, на это ясно указывало расположение находившихся внутри камней, служивших опорой для астрономических и метеорологических инструментов. Очень интересной была находка пескольных кусков холста с надписью «Т-е-р-р-о-р». Почему-то порожние банки из-под мясных консервов были сложены правильными рядами, каждая из них была наполнена галькой. Некоторые из таких валов достигали двух футов высоты. Подсчитано было шестьсот или семьсот жестянок, но гораздо большее число их лежало разбросанными. Все они были вырыты и осмотрены членами поисковых экспедиций в надежде найти в них спрятанные бумаги. Были обнаружены большие куски парусины, Осборну попались оставленные для сушки рукавицы, кто-то нашел старый ключ, но нигде не было никаких следов официальной бумаги.

Поиски письменных документов продолжались в течение всего следующего дня, но все понапрасну. Был разобран и снова сложен большой каменный гурий, сооруженный руками Франклиновой команды на самой вершине острова. Под ним не нашли ничего, хотя перерыли при этом кругом всю почву. Все места, где можно было ожидать хоть с малой долей вероятности найти спрятанные документы, самым тщательным образом осматривались, и вся почва перекапывалась кирками и лопатами. Этим способом были осмотрены все внутренние помещения и земля вдоль внешних стен складов, мастерских и жилых домов, а также вся почва вокруг могил. Открыть могилы не решались из уважения к умершим. Между тем осмотр покойников мог бы помочь получить истинное представление о состоянии, в котором находились зимовщики в первый год путешествия. Это было возможно сделать, так как тела, погруженные в слой почвы, охваченный вечной мерзлотой, не должны были подвергнуться гниению. То, чего не решились сделать экспедиции 1850 года, было сделано позднее, и осмотр тел неопровержимо показал, что все трое умерли не от цынги. Таким образом подозрение, высказывавшееся очень многими, что Франклина могла

Могилы на острове Бичи

навестить эта ужасная болезнь уже в первую зиму, оказалось неверным. Но в 1850 году даже этого еще не знали. Впрочем, Сюзерленд придерживается именно такого мнения. Соображения его по этому вопросу представляют большой интерес:

«Явилась мысль разрыть могилы, но так как к этому действительно уместному и важному шагу почувствовали отвращение, то предложение это не повторилось. Было бы очень интересно исследовать причину смерти. Весьма вероятно, что сделать это было бы нетрудно, потому что трупы, наверно, целиком заморозились и вполне сохранились в ледяном покрове. Как следует из надписи, могилы были вырыты и засыпаны в период самого сильного мороза, а следовательно трупы вполне затвердели. Если же впоследствии, во время оттепели, в них проник снег, то под влиянием низкой температуры почвы под поверхностью просачивающаяся вода замерзла бы и образовала настоящий ледяной ящик. Находясь даже всего лишь на глубине одного фута, этот ящик сопротивлялся бы действию солнца в продолжение целого лета.

«Очень мало вероятно, чтобы люди погибли от цынги. В самом деле, невозможно, чтобы эта болезнь появилась

в экспедиции в такой ранний период и оказалась роковой для первых заболевших в начале января. Если все же предположить, что это была цынга, то я думаю, что кратчайший срок, в который она может разрушить жизнь, если принять задерживающие ее развитие меры, не меньше трех месяцев. В этом случае цынга должна была появиться в конце сентября, то есть через два месяца после того, как Франклин передал китобоям письма, и уже через пять месяцев после того, как экспедиция покинула Англию».

«Прежняя таинственность продолжает окружать судьбу сэра Джона Франклина, — говорит дальше Сюзерленд. — Побережье острова, истоптанное ногами всех членов этой экспедиции, хранит память многочисленных посещений людей, прежде таких любимых, теперь неведомо куда пропавших. Как интересно было бы получить стереотип разговора того времени между веселыми товарищами, занятыми приятной и спокойной прогулкой. Не менее интересно было бы узнать планы начальников экспедиции и услышать их шутливую беседу под ясным куполом голубого неба, полного сверкающих звезд, при мимолетной игре северного сияния и при светлой луне во время длинной, но, надеюсь, не угрюмой зимы. Если бы могли говорить известняки, полные остатков животных, существовавших на земле в такое время, когда еще не жил человек, если бы могли рассказывать изумительные желтые попугаи, возвращающиеся из теплых стран вместе с летом и восхищавшие взоры многих членов пропавшей экспедиции, если бы все они были одарены способностью говорить — тогда мы имели бы перед собой толпу свидетелей, которые разогнали бы туман, легший на наш ум из-за отсутствия документов. Нам казалось очень странным, что место зимней стоянки было брошено и не было при этом оставлено никаких письменных доказательств пребывания здесь экспедиции или сообщений об избираемом ими дальнейшем пути. Может быть, они считали, что могилы будут достаточным доказательством их зимовки здесь, а что касается их пути после оставления стоянки, то возможно ведь, что они сами не знали его, так как он зависел целиком от состояния льдов в проливах Барроу и Веллингтона. Поэтому было невозможно оставлять документы, которые только ввели бы в заблуждение позднейшую экспедицию, посетившую эти места».

В связи со всеми сделанными здесь открытиями, Пенни отказался от своего предположения, что экспедиция Фран-

клина отступала сюда со стороны предполагаемой на севере стоянки, убедившись, что следы ее к северу от мыса Спенсера указывают только на существование на берегу канала наблюдательного пункта. В тот же день Пенни отправил одну из своих лодок для изучения окрестностей мыса Райли, мыса Рикет и прохода Гасконь с поручением продолжать исследования также за мысом Рикет, если там будут обнаружены какие-нибудь следы.

«В 3 часа пополудни, — рассказывает Сюзерленд, — покинули мы корабли и направились к востоку, пока не достигли мыса Райли. Здесь мы высадились и нашли следы пропавшей экспедиции, а также бумаги, оставленные «Помощью», «Решительным», «Принцем Альбертом» и двумя американскими кораблями: «Успехом» и «Спасением». Осмотрев бумаги, мы продолжали свой путь вдоль берега, очень часто высаживаясь на сушу. Сразу за мысом Райли мы заметили трех белых зайцев, одного из которых удалось убить. Нашли также старые оленьи рога, но следов живого оленя или его помета нигде не было видно. Уже миновав проход Гасконь, мы заметили корабли «Решительный» и «Пионер». Мы направились им навстречу, так как это только немного отклоняло нас от нашего пути. Я уверен, что при виде лодки многие на борту кораблей подумали, что среди нас есть лица, принадлежащие к пропавшей экспедиции». Это объясняется тем, что только что прибывший на этих судах из Ланкастера капитан Остин, конечно, ничего не мог знать о совершившихся событиях, а относительно Пенни думал, что он должен еще находиться в проливе Джонса. Поэтому естественно, что, заметив лодку с «Лэди Франклин» и не видя поблизости кораблей, он не сразу распознал ее, а сидящих в ней людей принял за спутников Франклина.

«Мы поднялись на палубу, — продолжает Сюзерленд, — и рассказали капитану Остину о наших похождениях с тех пор, как мы расстались у мыса Йорк. После передачи этих сведений, которые были для них полны интереса, мы покинули «Решительного» и причалили к мысу Рикет. Тщательно обследовав его до пролива Гаскона, мы не нашли ни малейших следов пропавшего экипажа и решили вернуться к кораблям. В 5 часов утра 28 августа мы прибыли в бухту Объединения. Это имя было дано бухте, расположенной между островом Бичи и мысом Спенсера в память дня, в который так много кораблей встретилось поблизости от места зимовки экспедиции сэра Джона Франклина».

Отсутствие каких бы то ни было письменных документов так и осталось загадкой. Можно привести много соображений, предположительно побудивших Франклина не оставлять письменных следов своего пребывания, но все они отпадают, если учесть, что обязанностью Франклина было оставить документ, содержащий историю экспедиции. Многие высказывали предположение, что Франклин не успел оставить записки, будучи вынужденным в спешном порядке покинуть место зимовки. Это соображение основывалось главным образом на том, что в лагере были найдены некоторые вещи, очевидно, сознательно брошенные, чтобы не тратить времени на их укладку. Тут же валялось не мало предметов, совершенно очевидно забытых, или не захваченных только случайно.

Участвовавший в поисках документов американец Элиза Кейн придерживается этого взгляда. Он пишет: «Я легко представляю себе ту поспешность, с которой были сломаны обсерватория и кузница и покинут лагерь. Вполне понятно, что на берегу остались брошенными штабеля жестянок, могущие, вообще говоря, понадобиться в экспедиции, но не представляющие собой большой ценности, совершенно так же, как то, что остались позабытыми рукавицы, плащ и ключ. Отсутствие сведений в каменном гурии, по-моему, легко объясняется волнением, которое охватило людей в момент неожиданного освобождения из ледяных тисков, предвещавшего возобновление энергичной деятельности».

Как бы там ни было, но никому не удалось найти письменных свидетельств, оставленных Франклином, и потому вполне понятна разногласия в мнениях, возникшая среди отдельных начальников в отношении избранного Франклином дальнейшего пути. Наиболее правильным казалось, конечно, придерживаться в основном имевшейся у Франклина инструкции, считая, что Франклин отклонился бы от данных в ней указаний только в крайнем случае. Один из биографов Франклина, давший тщательное описание и анализ всех событий, связанных с судьбой его последней экспедиции, высказывал в 1854 году следующие соображения, основанные на данных 1850 года о вероятном ходе экспедиции за этот период времени:

««Эребус» и «Террор» могли при благоприятной погоде, господствовавшей летом 1845 года, уже в первой половине августа дойти до мыса Уокер с целью направиться отсюда по предусмотренному инструкцией пути для разрешения

проблемы Северо-западного прохода. В течение ближайших дней Франклин мог убедиться, что непроходимые льды стоят на прямом пути к Берингову проливу. Казалось бы, лучше всего было теперь направиться к острову Мельвиля, но такой образ действия явно противоречил бы инструкции, и Франклин взял бы на себя большую ответственность, если бы стал действовать, не считаясь с предостережениями. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как направиться к северу, и вот, возможно, уже в конце августа, он прибыл в залив, названный позднее бухтой Эребуса и Террора. У него оставалось еще достаточно времени, чтобы поспеть к 29 августа — дню начала международных магнитных наблюдений, и построить на мысу Райли магнитный павильон, следы которого были обнаружены в 1850 году Оммени. В виду того, что тем временем навигационный период подходил к концу, у Франклина, очевидно, не оставалось другого выхода, как, в соответствии с инструкцией, отложить путешествие по каналу Веллингтона на следующий год и остановиться на зимовку на острове Бичи. Оставшееся в его распоряжении время Франклин посвятил, возможно, подробно обследованию побережий предстоявшего ему пути. Дом, обнаруженный Пенни на возвышенности, служил, повидимому, для наблюдений над каналом Веллингтона, а американскому экипажу удалось проследить следы санных полозьев на далекое расстояние. Нет сомнения, что Франклин и его товарищи горячо стремились с наступлением весны и после вскрытия льда к возобновлению прерванного плавания. Не исключена возможность того, что уже в очень раннее время (как иногда бывает в этих странах) случился благоприятный поворот в состоянии погоды, заставивший начальника принять решение моментально сняться с места. Такое же случайное изменение в состоянии погоды в обратную сторону могло закрыть выход к морю, который уже давно видневшемуся в северной части Веллингтонова канала открытому морю. И вот возникает вопрос: неужели в такой момент неожиданного избавления от тягот утомительной зимовки позабыли, как важно было оставить на месте сообщение об уже совершенных открытиях и наблюдениях и о видах на будущее?» — На этот проклятый вопрос ответа не было. Однако, что касается приведенного анализа, то по сегодняшний день он кажется правильным, по крайней мере до сих пор нет никаких данных, чтобы предполагать иное развитие событий в первые годы деятельности экспедиции.

Для поисковых экспедиций не оставалось, таким образом, другого выхода, как действовать каждый по своему собственному усмотрению. Тем временем приближалась осень. Огромными стаями собирались перелетные птицы и тянулись на юг. Необходимо было очень спешить, чтобы успеть достигнуть чего-либо, пора было думать о подыскании для судов зимней гавани. 7 сентября погода позволила кораблям покинуть остров Бичи и направиться по избранным ими путям.

Капитан Остин поплыл к мысу Готэм для соединения с капитаном Оммени, с которым он не виделся с мыса Йорка в Баффиновом заливе, то есть около трех недель. Пенни снова направился к Веллингтонову каналу, надеясь найти в северо-западном направлении выход к предполагавшемуся чистому морю. За ним последовал после некоторого колебания Джон Росс на «Феликсе», оставив другой свой корабль в бухте Объединения. Богато снабженная припасами «Мэри» должна была служить прибежищем для команды которого-нибудь из кораблей, легко могущих погибнуть в результате сжатия, при столкновении с льдами или от удара о подводный камень. Эта мера предосторожности была очень разумна, тем более, что за истекшее время более или менее серьезные аварии уж случались неоднократно, а впереди была трудная зимовка. Де-Хавен не долго оставался на острове Бичи, принимая участие в розысках документов; он покинул берега острова значительно раньше всех остальных, направившись уже 28 августа к Веллингтонову каналу. Американец действовал в согласии с полученной им инструкцией, требовавшей в первую очередь открытия свободного от льда полярного моря. Но канал оказался забит льдом, и Де-Хавен вынужден был отступить.

На обратном пути он повстречал Пенни, устремившегося туда же с целью отыскать пропавших людей. Взбравшись на высокий холм на мысу Спенсера у входа в Веллингтонов канал, Пенни увидел вдали манящее синее море. Он громко закричал: «Вода, вода, широкая вода. Сколько я вижу, на северо-западе сплошь вода!»

Добраться до этой воды нечего было и думать. Широкие поля тяжелого пака преграждали к ней путь. Впрочем, если в те времена вид полосы воды на далеком севере мог возбуждать радостные мечтания о беспрепятственном плавании в приполярном море, то сейчас никто не отдался бы безрассудным надеждам, зная, что чистая вода встречается в столь

высоких широтах только в виде более или менее обширных полыней. Пенни вынужден был вместе с Де-Хавеном вернуться к эскадре, стоявшей у мыса Готэм.

Осень 1850 года была богата бурями, часто доставлявшими кораблям большие неприятности. Нередко случалось, что сдавленное льдами судно кренилось на сторону, треща по всем швам, и освобождалось из тисков только тогда, когда большая часть груза оказывалась уже выброшенной на лед. Тогда команда спешно грузила все свои припасы обратно в трюмы и оставалась на судне в ожидании новых встреч со льдами. Однажды корабли Остина «Решительный» и «Пионер» были подхвачены течением из Беллингтонова канала в пролив Ланкастера и чуть было не повторили невольный дрейф Джемса Росса. Освободиться из этого плена удалось только с помощью «Пионера», в критический момент пустившего в ход свою машину и с «Решительным» на буксире выбравшегося по узкому каналу на чистую воду.

10 сентября все корабли снова оказались в одном месте. Время было настолько позднее, что необходимо было договориться относительно места зимовки и образа действий различных экспедиций зимой и в будущем году. Капитан Остин передал Пенни и Де-Хавену циркуляр, в котором говорилось о необходимости строго согласовать планы всех экспедиций, чтобы путем совместной работы добиться максимального результата, избегая вместе с тем ненужных встреч различных отрядов в одних и тех же районах.

Ответ Де-Хавена был неожидан. Ссылаясь на полученную им от своего государства инструкцию, он сообщил о своем решении немедленно покинуть место поисков и вернуться на родину. Основание для этого он находил в том, что в нынешнем году нечего надеяться провести какие-либо работы, а для возобновления работ в следующем году настоящее местонахождение кораблей экспедиции не представляется выгодным. Многие из американцев очень болезненно воспринимали такое решение начальства и даже предлагали свои услуги англичанам, с тем, чтобы взамен их на американские корабли перебрались те из английских матросов и офицеров, кто не может или не хочет оставаться на зимовку. Однако все подобного рода перемены в составе были воспрещены, и строптивым энтузиастам Арктики пришлось подчиниться. На решение Де-Хавена, который прежде чем окончательно на нем остановиться, советовался с командиром своего второго корабля, несомненно повлияло еще одно об-

стоятельство. Дело в том, что трудно было бы зимовать американским кораблям в непосредственном соседстве с англичанами из-за резкой разницы в качестве и особенностях их снаряжения. «Только что я посетил «Решительный», — говорит Кейн. — Я не могу здесь выразить, насколько резко отличаются их превосходная организация и продовольственные запасы для зимовки от того, что имеет наша маленькая экспедиция».

Царившее в среде остающихся огорчение по поводу решения американцев, к которым все относились в то время весьма дружелюбно, было очень велико, но оно стало еще сильнее, когда несколько дней спустя «Успех» и «Спасение» ушли, не простившись и не захватив с собой груды писем, заготовленных англичанами для отправки на родину. И все же, в то время никто еще не предчувствовал, что эти небольшие недоразумения вскоре выродятся в враждебные отношения.

Среди английских руководителей самым энергичным, способным и знакомым с условиями плавания во льдах был бесспорно Пенни. Он всегда умел найти какой-то выход, умел во-время избежать опасного положения и не терял бодрого настроения. Он обладал не только большой отвагой, столь необходимой в такого рода предприятиях, но и неоценимым качеством огромной подвижности, идущей в ногу с достаточной осмотрительностью. Неутомимость Пенни и его умение оказали всем экспедициям огромную пользу, так как он умел помочь не только советом, но и делом, и являл собой лучший пример для остальных.

После ряда рейсов в различных направлениях Пенни вынужден был остановиться для выбора места зимовки. Попытки найти подходящие для стоянки места в канале Веллингтона не увенчались успехом. В конце концов Пенни и сопровождавший его Росс остановились в бухте Помощи, в двадцати милях от места, где остались зимовать корабли Остина.

Наступила зима. Корабли были превращены в дома. Сверху их покрыли крышей, с боков обложили двухфутовым слоем снега. В этих импровизированных бараках люди жили даже с известным комфортом. В долгую зимнюю ночь они старались возможно больше работать и развлекаться. Излюбленными занятиями были театр и лепка фигур из снега. 6 октября Джон Росс выпустил пару голубей, прибытие которых в Англию должно было означать, что корабли стали

на зимовку. Один из голубей спустя пять дней действительно прибыл на место, блестяще исполнив, таким образом, возложенное на него поручение. По примеру Джемса Росса, экспедиции 1850—1851 годов занимались ловлей белых песцов и выпускали их снова на волю с оловянными ошейниками. Кроме того, было выпущено большое количество маленьких воздушных шаров с прикрепленными к ним записками, содержащими все сведения, могущие оказаться полезными членам пропавшей экспедиции. Испытание этих шаров, проведенное в свое время в Англии, показало, что ветер может унести их на очень далекие расстояния, так как записки находились впоследствии по всей территории страны.

С возвращением дневного света начали успешно готовиться к предстоящим санным экскурсиям, задуманным, надо сказать, в очень большом масштабе. Со стороны большой экспедиции Остина были отправлены три санных партии. Первый отряд под начальством капитана Оммени, с семью санями и 52 человеками команды, отправился на исследование местности, лежащей к югу и юго-западу от мыса Уокер; второй отряд с лейтенантом А л ь д р и х о м во главе, состоявший из 16 человек с двумя санями, вышел на обследование одного из ближних северных каналов; третий отряд, возглавлявшийся лейтенантом Мак-Клинтоком, с пятью санями и 36 человеками, отправился в далекий путь на остров Мельвиля. Пенни остался верен каналу Веллингтона и предпринял обследование обоих его берегов.

15 апреля все три экспедиции выступили в поход. Оммени разбил свой отряд на три партии, из которых одна обследовала пролив Пиля, лежащий между островами Северный Соммерсет и Землей принца Уэльского, а два другие отправились осматривать северо-западное побережье этой земли. Замечательное открытие Оммени состояло в обнаружении остатков, к сожалению, не Франклиновой экспедиции, но зато хижин эскимосов, брошенных несколько веков тому назад! Этот изумительный факт свидетельствует, повидимому, о том, что в те отдаленные времена климат в этих местах должен был быть значительно благоприятнее, чем в настоящее время.

Оммени обогнул северо-западную оконечность Земли принца Уэльского и обнаружил большую бухту, глубоко вдающуюся внутрь острова и названную впоследствии его именем. Никаких следов пребывания европейцев здесь не оказалось. 28 мая он достиг крайней своей точки и отпра-

вился в обратный путь. К тому времени он остался с одними санями, так как прочие ему пришлось отослать домой еще раньше с людьми, которые из-за отморожений не были в состоянии идти дальше.

Осборн проник еще глубже Оммени и обнаружил здесь широкий пролив, названный впоследствии каналом Мак-Клинтока, но по мнению самого Осборна представлявший собой большую бухту, подобную первой. Нельзя ставить Осборну в вину, что он сам недооценил сделанного им открытия, так как он не имел возможности проследить побережье мнимой бухты.

Подобную же ошибку совершил Броун, начальник санной партии, отправившейся на обследование пролива Пиля. Он обнаружил в западной части этого пролива большую бухту, названную его именем, и заключил по аналогии, что пролив Пиля должен быть замкнут также в южной и восточной частях, то есть представляет собой не что иное, как залив. В этом своем убеждении Броун утвердился еще более, сделав несколько измерений глубин моря, оказавшегося очень мелким и покрытым льдом необычайной мощности. Кроме того, в проливе Пиля не удалось заметить существования морского течения, свойственного настоящим проливам. Броун и Оммени ошиблись в своем заключении, несмотря на кажущуюся убедительность сделанных ими наблюдений. В результате этой ошибки позднейшие экспедиции, отправившиеся на поиски Франклина, считали для себя излишним производить здесь осмотр берегов или пытаться проникнуть по проливу Пиля на юг. Полное отсутствие следов пребывания пропавшей экспедиции на побережьях этого пролива окончательно убедило начальников санных отрядов в невероятности избрания Франклином для своих кораблей именно этого пути.

Лейтенант Альдрих совершил одно только, сравнительно небольшое, путешествие к западному побережью острова Бэзерст. Он надеялся напасть там на следы Франклина, исходя из соображения, что Франклин мог легко повернуть в юго-западном направлении от канала Веллингтона в случае, если бы на пути к северу он потерпел неудачу. После двухмесячной отлучки Альдрих вернулся ни с чем домой.

Мак-Клинток взял на себя наиболее сложную и трудную задачу посещения и обследования острова Мельвиля. Необходимо напомнить, что официальная инструкция не советовала Франклину отклоняться в эту сторону. Все же казалось

вполне вероятным, что Франклин избрал этот остров в качестве своего убежища. К этому его могли вынудить различные непредвиденные обстоятельства. Кроме того, принималось во внимание, что Франклин, согласно высказанному Джоном Россом мнению, ожидает на этом острове обещанной ему помощи.

Ввиду отдаленности намеченной цели, Мак-Клинтон заложил еще осенью предыдущего года продовольственные депо, а раннею весной обновил продовольственные склады, разрушенные медведями. Следует отметить, что именно Мак-Клинтон был душой всех санных предприятий экспедиции Остина, и его слово было решающим в вопросах организации отрядов вплоть до мелочей.

Благополучно достигнув восточной оконечности острова, Мак-Клинтон отослал подсобные сани обратно, лейтенанта Бредфорда направил вдоль северо-восточного побережья, а сам двинулся на обследование южного. Здесь он побывал в местах, впервые посещенных Парри и с тех пор не видевших никого. Он дошел до мыса Дундас и с вершины высокой скалы увидел на юге далекое побережье Земли Бэнкса, открытой Парри, а на западе расстиралось необозримое море, покрытое льдом. На этом мысу Мак-Клинтон надеялся обнаружить записку, оставленную Франклином, благополучно завершившим свой переход к северу от острова Парри и Мельвиля и завернувшим сюда с целью сообщить о себе. Но это необоснованное предположение, конечно, не могло оправдаться, ввиду ледовитого характера узких проливов, составляющих этот путь.

Не добившись ничего, Мак-Клинтон повернул обратно. Близ юго-восточной оконечности острова Бэзерст Мак-Клинтон встретился с возвращавшимся Бредфордом, обследовавшим все северо-восточное побережье острова Мельвиля с таким же результатом, как и его начальник. 4 июля оба отряда возвратились к своим кораблям.

Таким образом, санные поездки экспедиции Остина не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Что касается Пенни, то его санные поездки вдоль берегов Веллингтонова канала также были не особенно удачны. Два отряда работало вдоль восточного побережья канала, сам Пенни обследовал западный берег его, а четвертый отряд обошел южное побережье острова Северный Дэвон. Все же ему удалось сделать интересное открытие, значение которого Пенни, однако, со свойственной ему самоуверенностью, очень

переоценил. Продвигаясь к северу, Пенни неожиданно увидел впереди чистую воду, причем ряд других наблюдений указывал, что здесь, на самом крайнем севере, как будто жизнь становится богаче, чем в местах, расположенных несколько южнее. Обрадованный Пенни окончательно утвердился в своем убеждении, что свободное от льда, открытое полярное море реально существует, и поспешил на санях обратно за лодкой. Точь-в-точь в такое же положение попал несколькими десятками лет позднее Пайер, неожиданно повстречавший у северной оконечности открытой им Земли Франца-Иосифа огромную полынь, над которой кружились несметные стаи птиц. Что это была только полынья, а не свободное от льда море, Пайер убедился лишь после того, как увидел с вершины высокой горы окаймлявший воду ледяной барьер. Джон Росс помог Пенни обзавестись лодкой, но к тому времени, как он вернулся к месту, где раньше была чистая вода, вместо нее оказалось нагромождение пловучих льдин, и воспользоваться лодкой так и не пришлось.

Таким образом, ни одна из зимних экскурсий, совершенных членами экспедиций Остина и Пенни, равно как и небольшая вылазка Джона Росса на остров Корнуэльс, не дала желанного результата. Нет сомнений, что Мак-Клинтон и Оммени провели свои походы очень энергично и умело, но выводы, к которым они пришли, были весьма печальны. Несколько иначе обстояло дело в санных партиях, руководимых Пенни. Несмотря на неоднократные неудачи и вынужденные возвращения в начале похода, неутомимый начальник экспедиции считал свои исследования далеко не безуспешными, поскольку ему удалось обнаружить зимой в самых высоких широтах участки чистой воды. Энергия Пенни и его жизнерадостность и оптимизм целиком усвоились всей его командой, жаждавшей продолжения исследований и не боявшейся никаких трудностей.

Совсем не те настроения господствовали в среде членов Остиновской экспедиции. Сам Остин, в полную противоположность Пенни, в течение всей зимы ни разу не покинул своего корабля. Подчиненные его видели плохой пример в начальнике, просидевшем всю экспедицию в своей каюте и только распоряжавшемся посылкой людей в санные экскурсии. Впрочем, хотя число участников этих трудных, но вместе с тем сохраняющих бодрость мероприятий в Остиновской экспедиции достигало 105 человек, но в то же время не менее 75 человек оставалось постоянно на борту судна, не

зная, чем убить время. Как резко отличалось от этой картины положение, бывшее в экспедиции Пенни, где в течение зимы случалось, что на корабле оставался всего лишь один человек, тогда как все остальные находились на работе по обследованию далеких и близких окрестностей его! Поэтому люди с «Лэди Франклин» и «Софии» бодро смотрели вперед и, не испытывая страха перед возможной второй зимовкой, больше всего интересовались планами будущих исследований, тогда как экипаж кораблей Остиновской эскадры совсем приуныл, и среди людей появились симптомы заболевания цынгой. Сам Остин упал духом и, видя вокруг себя печальные лица людей, измученных отчасти трудностями бесплодных поисков, отчасти безделием, пришел к выводу, что остаться на вторую зимовку — означало погубить экспедицию. У него выработался взгляд, что человек совершенно неспособен переносить арктический климат, взгляд заведомо неправильный, объяснявшийся тем, что Остин «не испытал влияния этого климата на себе, а только наблюдал за ним с высоты палубы своего корабля».

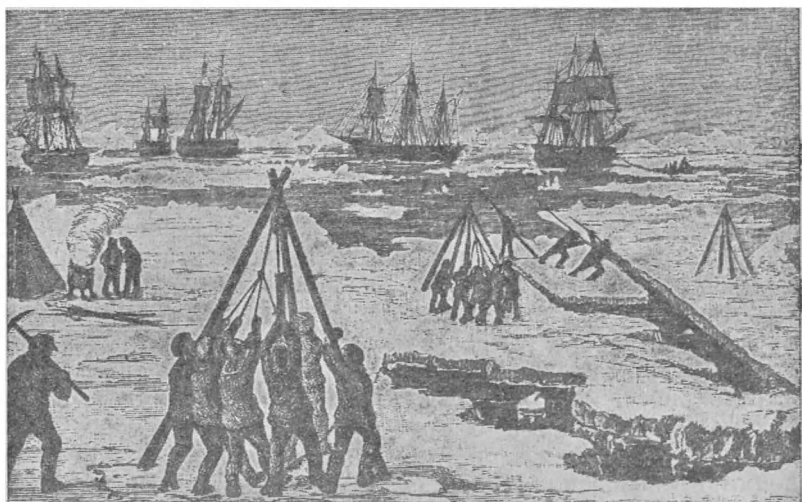
Наступила весна, и начальники обеих партий встретились друг с другом, с тем, чтобы поделиться своими планами действий. Различие в настроениях должно было, конечно, вызвать резкое расхождение во взглядах, а различие во взглядах сразу создало напряженную атмосферу в отношениях, в которой трудно было до чего-нибудь договориться. Пенни был полон энтузиазма и уверенности, что в наступающее лето ему удастся разгадать судьбу Франклина, отправившегося, по его мнению, в направлении к открытому морю, начинающемуся там, где кончается канал Веллингтона. Настойчивость и вера в свои силы, в такой степени свойственные капитану-китолову, чрезвычайно нужные качества, но надежды Пенни, как оказалось впоследствии, мало себя оправдали. По всей вероятности Пенни рассуждал и действовал бы несколько иначе, если бы в свое время знал, что Франклин относился отрицательно к проблеме существования на севере открытого моря. К сожалению об этом взгляде Франклина стало известно значительно позднее, лишь после того, как с большим опозданием был опубликован дневник Фицджермса, переданный им и доставленный в Европу еще осенью 1845 года.

Остин не только не разделял энтузиазма Пенни, но несомненно завидовал его популярности как среди членов его экспедиции, так и своей собственной. Понимая, что сам он

во избежание гибели непременно должен будет вернуться в Англию, Остин боялся, что Пенни добьется тем временем известного успеха, что поставит его в очень невыгодное положение по сравнению с китобоем. Поэтому Остин обрадовался, когда Пенни заявил ему, что возобновить попытку проникнуть вглубь Веллингтонова канала он сможет только, если получит в помощь один из пароходов Остиновской эскадры. На просьбу Пенни Остин дал уклончивый ответ, но в такой форме, что понять неодобрительный смысл его было нетрудно. Повидимому Остин, побуждаемый мелочным чувством зависти и оскорбленного тщеславия, твердо решил, во вред делу спасения Франклина и его спутников, заняться подготовкой к реабилитации себя перед лицом своих будущих обвинителей в Лондоне. Он готов был пойти на конфликт с Пенни, лишь бы не дать ему опередить себя. Поняв смысл ответа Остина, Пенни страшно возмутился и прямо, без обиняков, изложил ему свой взгляд на вещи. Китобой был человеком дела и не умел хитрить или вести дипломатическую беседу. В резкой форме ответил он Остину, хлопнул дверью и ушел. Этим он делу, конечно, не помог. Но еще больше навредил себе Пенни, когда в последующих переговорах он каждый раз прямо высказывал свое негодование, несколько не задумываясь над своими словами. Впоследствии его опрометчивые высказывания доставили ему много неприятностей.

Тогда Остин решился повторить свой отказ в помощи Пенни в более определенной форме и объявил ему о своем возвращении на родину. Джон Росс тоже начал приготовления к обратному походу. Увидев себя всеми покинутым, Пенни решил вернуться, с тем, однако, чтобы добиться от британского адмиралтейства получения сильного парохода и, по возможности еще в этом году, возобновить попытку формирования льдов канала Веллингтона.

Тем временем Остин, отказавший в содействии своему мнимому конкуренту, втихомолку сам подготовлял поход на север. Уже миновав Ланкастеров пролив, он пересел с флагманского корабля на один из своих пароходов и, захватив с собой второй пароход, сделал попытку пройти проливом Джонса, повторив тем самым прошлогоднюю поездку Пенни. Тяжелые льды, встреченные им здесь, заставили Остина повернуть обратно. Любопытно, что эту попытку Остин сделал, имея с собой запас провианта всего лишь на несколько дней! Из этого можно сделать вывод, что либо Остин совер-

Пропилка во льду канала экипажем экспедиции Остина

шил эту поездку только для отвода глаз, либо его качества, как начальника экспедиции, были ниже всякой критики. Перед тем, как повернуть на юг, в сторону Дэвисова пролива, Остин велел направить свои пароходы прямо на север, вдоль западного побережья Гренландии. Здесь, в самом начале Смитова пролива, корабли затерло льдами. Восемь дней провели они в ледовом плену и, с трудом высвободившись из него, примкнули к остальным кораблям и направились вместе с ними домой.

Пенни, тем временем, на всех парусах мчался по океану, стараясь попасть в Лондон по возможности раньше Остина. Он спешил не столько ради того, чтобы оправдать себя перед адмиралтейством и возвести ответственность за неудачу экспедиции на своего врага, сколько для того, чтобы поскорее получить подходящий для своих целей пароход и успеть еще в текущем году провести с его помощью намеченный план действия в канале Веллингтона. Уже невдалеке от английских берегов Пенни повстречал шедший в нужном направлении пароход; он пересел на него и вскоре прибыл в Лондон.

Тяжелое разочарование встретило героического капитана в родной стране. Еще много раньше, сразу по прибытии

с запада в залив Баффи́на, Пенни был необычайно удивлен и огорчен, не обнаружив в условленных местах никаких распоряжений адмиралтейства на 1851 год, которые могли бы помочь ему, как и всем прочим начальникам, ориентироваться в положении, сообразуясь с последними данными и пожеланиями высшей морской власти «Соединенного Королевства». После своего приезда в Англию он узнал, что адмиралтейство не сочло нужным дать соответствующие распоряжения на 1851 год, исходя из того, что экспедиции 1850 года были снаряжены на три года. Такой ясно неудовлетворительный ответ был дан еще в марте 1851 года на заседании парламента в ответ на запрос одного из депутатов. Теперь же Пенни, вместо готовности помочь ему, вместо признания состоятельности его планов и правильности его идей, встретил в адмиралтействе самую сухую сдержанность. Такое отношение было тем более поразительно, что общественное мнение превозносило Пенни и самым резким образом осуждало Остина, обвиняя его за отказ подать помощь в преступном нарушении долга. Адмиралтейство внимательно ознакомилось с представленными ему Пенни материалами по проделанному плаванью и нашло в них некоторые несогласия в фактах и отдельные противоречия, повидимому, обусловленные тем, что Пенни не был мастером ясно излагать свои мысли, возможно страдавшие к тому же недостаточной определенностью. Наряду с этим адмиралтейству казалось, что ледяной барьер в нижней части Веллингтонова канала, виденный как Пенни, так и американцами, повидимому, непроходим и что помощь парохода в таких условиях тоже ничего не даст. Оба эти обстоятельства вызвали в адмиралтействе стремление отложить решение и подождать предстоявшего возвращения капитана Остина.

Однако, наряду с этим, было еще одно дело, решившее окончательно вопрос об отношениях адмиралтейства к капитану китоловного флота. Пенни был настолько прям в своих действиях, что он вручил адмиралтейству бывший при нем доклад Остина, в котором этот последний пространно сообщает о бывшем между ним и Пенни недоразумении. Адмиралтейские чиновники осудили не умеющего хитрить, откровенного человека, вменяя ему в преступление, возможно, не очень тактичные и справедливые, но смелые нападки на никчемного начальника большой эскадры. Правда, образ действия Остина подвергся сильнейшим нападкам в печати, не щадившей нелестных эпитетов по его адресу. Не говоря

уже о его трусливом поведении во время зимовки, о позорном отказе в помощи, о неудачности попыток пробиться сквозь льды там, где непроходимость их была уже доказана раньше, самый факт возвращения возглавляемой Остином эскадры с многолетним запасом продовольствия на борту кораблей — вызывал сильнейшее негодование против него.

Для того чтобы мнение свое по поводу образа действия Остина и Пенни должным образом обосновать, адмиралтейство создало расследовательскую комиссию из пяти человек. Двадцать два дня работала эта комиссия и успела за этот срок допросить тридцать человек. Результаты деятельности ее легко можно было предугадать. Капитан Остин почти во всех своих действиях был целиком оправдан, а в отношении капитана Пенни комиссия решила, что его действия должны быть осуждены, так как его намерение снова отправиться в экспедицию якобы возникло лишь после того, как он убедился, что неожиданное возвращение его и Остина вызвало общее недовольство. Заслуживает внимания, что среди противников Пенни оказался также Джон Росс, не желавший простить ему его враждебное отношение к своему любимцу, эскимосу-шарлатану, Адаму Беку. Росс с удивительным упрямством продолжал полагаться на слова Бека, утверждавшего, будто Франклин погиб со своими кораблями близ северных берегов Гренландии.

Дела Пенни находились, таким образом, вскоре после его возвращения в очень печальном состоянии, сам же он совершенно не умел себе помочь, так как, выступая, он почти каждый раз горячился, а слова его не всегда соответствовали сказанным раньше. Тем более поразительно, что идея опозоренного адмиралтейством Пенни была тем же адмиралтейством подхвачена и даже принята за основу плана действий новой экспедиции. Та же самая комиссия, что так несправедливо осудила Пенни, пришла к выводу, что необходимо в самом срочном порядке вторично снарядить суда Остиновской экспедиции и направить их как раз в северную часть канала Веллингтона, то есть туда, куда считал нужным пойти Пенни, тогда как от обследования Мельвилева острова и окрестностей мыса Уокер, по мнению комиссии, следовало совсем отказаться. От услуг самого Пенни адмиралтейство однако отказалось.

Это положение дела сохранялось к общему неудовольствию до марта месяца 1852 года, когда в парламенте слышались голоса, требующие оправдания Пенни. Только после

этого он был реабилитирован, но возвратиться к начатой им деятельности ему так и не удалось.

Таков был печальный конец экспедиций 1850 года, направившихся в арктическую Америку с восточной стороны. В заключение отметим лишь, что плавание американцев, покинувших бухту Объединения осенью 1850 года, прошло совсем не так благополучно, как можно было предполагать. Это путешествие богато опасностями и приключениями, красочно описанными в книге участника экспедиции, доктора Элизы Кейна. В последний раз мы видели корабли Де-Хавена проходившими на всех парусах мимо английской эскадры, удивлявшейся их неожиданному уходу. Недалеко прошли американцы. Ветер вдруг стих, и корабли были вынуждены остановиться. Нагрянувший мороз сковал море, и экспедиция вмерзла в образовавшийся лед. Де-Хавен с товарищами готовились уже было повторить дрейф Джемса Росса, но корабли подхватило другое течение, понесшее их вглубь канала Веллингтона, прямо на север. Неожиданно для самих себя американцы снова попали в область, исследовать которую они так сильно хотели. И вот теперь, находясь в плену у льдов, они сделали новое открытие, увидев впереди себя в тучах тумана очертания берегов далекой земли. Они назвали этот остров Землей Гриннеля, но вскоре он скрылся с их глаз, так как подхваченные обратным течением «Успех» и «Спасение» повернули снова на юг. Они не избегли повторения дрейфа Джемса Росса, так как в декабре месяце сильное течение пронесло их по тому же пути и выбросило вместе со льдом на широкий простор Баффинова залива. Много месяцев прошло, пока, наконец, лед, под влиянием южного шторма, не разошелся и не освободил корабли. Смелая, но неопытная команда — все до одного участники американской экспедиции впервые находились в полярном море — не падала духом, стараясь всячески развлекать себя и ни на минуту не прекращать научных наблюдений. Все же недостаточное снаряжение экспедиции не замедлило сказаться на здоровье команды, почти в полном составе болевшей цынгой. Несмотря на это, люди находили в себе достаточно сил для борьбы со стихией и превосходно держали себя в трудные минуты, когда, казалось, не избежать было гибели судна, трещавшего по всем швам под напором чудовищных льдин. Лучшим доказательством бодрости американской команды служит тот факт, что, когда весной 1851 года оба корабля вышли на чистую воду, они не подумали о воз-

вращении домой, а после короткого отдыха у берегов Гренландии повернули снова в сторону Ланкастерового пролива, поставив себе задачей во что бы то ни стало повторить поход в канал Веллингтона. Но, несмотря на всю энергию и добрую волю американцев, этот поход им не удался, так как тяжелое состояние льдов в самом Баффиновом заливе помешало им проникнуть даже ко входу в пролив Ланкастера. Во время этих попыток они неожиданно повстречали хорошо знакомого им «Принца Альберта». Как известно, этот корабль был послан лэди Франклин в 1850 году одновременно со всеми остальными судами и единственный из них вернулся в Англию, не зазимовав во льдах. Командовавший им Фортсайт не решил возложенной на него задачи, и потому в 1851 году «Принц Альберт» был снова отправлен, на этот раз во главе с Уильямом Кеннеди, в тот же район. Кеннеди удалось пройти там, где американцы тщетно пытались пробиться. Едва избежав опасности снова оказаться затертым во льдах, Де-Хавен вынужден был повернуть обратно и через Дэвисов пролив вышел в Атлантический океан.

Итак, американская экспедиция мало прибавила к достижениям английских предприятий 1850—1851 годов. Все, что удалось Де-Хавену и его спутникам, состояло в участии в поисках остатков экспедиции Франклина на мысу Райли и на острове Бичи и в открытии Гриннелевой Земли. Впрочем, земля эта была в том же году, но несколькими месяцами позднее, замечена и нанесена Пенни на карту под названием Земли принца Альберта. Пенни ничего не знал о приоритете Де-Хавена и, открыв землю, дал ей наименование по своему усмотрению, снабдив отдельными названиями ряд замеченных мысов и возвышенностей. Впоследствии возник между англичанами и американцами горячий спор о правах на новооткрытую землю, причем одни считали, что она должна быть названа именем принца Альберта, другие — что ей по праву принадлежит название Гриннелевой Земли. Как обычно случается в подобных спорах между людьми, представляющими конкурирующие между собой империалистические государства, и здесь были забыты не только правила элементарной вежливости, но пошли в ход доказательства и доводы в свою пользу, особенно с английской стороны, не соответствующие имевшему действительно место положению вещей. Таковы были не блестящие результаты деятельности грандиозной экспедиции Остина и отрядов Пенни, Джона Росса и прочих начальников.

Необходимо напомнить, что поисковые партии, шедшие со стороны Баффинова залива, составляли только часть тройственной экспедиции 1850 года. Встречи их с партией Пеллена и с отрядом, двигавшимся со стороны Берингова пролива, таким образом, не произошло. Тем временем походы двух кораблей, проникших в воды арктической Америки последним путем, получили всемирную известность. В дальнейшем будет дано краткое описание этих экспедиций. Производившиеся ими исследования не прекращались в течение всего периода с 1850 по 1854—1855 годы.

Шел седьмой год со времени выхода в море экспедиции Франклина. Все, что дали поиски следов его, состояло в открытии места первой зимовки. Для дела спасения пропавших людей это единственное открытие само по себе не имело никакого практического значения. Отсутствие каких бы то ни было указаний относительно направления, избранного Франклином после подъема якорей весной 1846 года, поставило в совершенный тупик как присутствовавших при самом открытии, так и узнавшие впоследствии об этом британские морские власти.

Положение, и без того трудное, осложнялось еще тем, что в периодической печати постоянно появлялись различные сообщения, претендовавшие на достоверность, в которых говорилось о якобы виденных кораблях Франклиновской экспедиции, о найденных трупах или даже о спасении отдельных членов ее.

В создавшейся нервной обстановке даже самые неправдоподобные сообщения находили много людей, готовых верить им. Адмиралтейство должно было заботиться об успокоении умов и о выявлении правды. Многие ложные слухи возникали несомненно случайно, другие создавались умышленно газетными репортерами для своих бульварных листков. Владельцы мелких газеток бывали рады сенсации, сулившей им материальные выгоды. Разобраться в правильности всех слухов и сообщений было в то время задачей совсем не легкой, так как при отсутствии телеграфной связи проверка сведений на месте занимала чрезвычайно много времени и стоила очень дорого.

А сенсационные известия все продолжали поступать. Неожиданно появлялось сообщение, что участников пропавшей экспедиции видели в Сибири или на Камчатке, вслед за этим читатели газеты узнавали, что группа членов экспедиции прибыла на Гавайские острова. То и дело писали о будто бы

найденных в море бутылках с сообщениями Франклина о постигшей экспедицию судьбе. При проверке всех этих слухов оказывалось, что все это было сплошным вымыслом.

В июле 1851 года английские газеты перепечатали письмо шкипера из Эбердина, помещенное незадолго до этого в одном из местных листков. Корабль этого шкипера застрял предыдущей осенью во льдах Ланкастерова пролива.

Вот краткое изложение этого странного рассказа. Оставшаяся на зимовку команда корабля выстроила на берегу снежную хижину. В феврале зимовщики столкнулись с эскимосами и на свой вопрос, не встречали ли те «предводителя-Франклина», получили утвердительный ответ. При этом эскимосы многозначительно указали на видневшиеся вдали горы и добавили: «люди Франклина отправились туда спать». Решено было отправиться вглубь страны проверить это сообщение. 27 марта группа английских матросов выступила в сопровождении эскимосов. Путь пролегал через дикую скалистую страну, люди невероятно страдали от морозов и усталости. Спустя десять дней они, наконец, достигли окруженной горами долины. Здесь взгляд их упал на черный шелковый лоскут, прикрепленный к воткнутой в землю палке. Они раскопали землю и обнаружили четыре замерзших, неразложившихся трупа. У покойников были длинные жесткие бороды, суровое выражение лиц. Кожа на руках и ногах была сморщена — было видно, что люди эти погибли от голода. Руки и груди их были татуированы различными эмблемами.

Корреспондент сделал из этого рассказа несомненный вывод, что это могли быть только участники Франклиновой экспедиции и что остальных членов ее, по всей вероятности, постигла такая же судьба.

Все это сообщение оказалось от начала до конца выдуманым. Точные даты, имена и прочие детали были искусно придуманы ради большей убедительности рассказа.

Однако не все сообщения подобного рода представляли собой мистификации. Весной 1852 года в Англию пришло известие о виденных двух кораблях, вмерзших в ледяную глыбу. Поднялось неопишное волнение. Казалось несомненным, что эти корабли не что иное, как «Эребус» и «Террор». Адмиралтейством были приняты энергичные меры для выяснения этого дела, но окончательная разгадка пришла только через несколько лет. Факт же действительного суще-

ствования двух вмерзших в льдину кораблей подтвердился очень скоро.

Нет ничего удивительного, что это сообщение произвело сильное впечатление в общественных кругах Англии. Всем известен был знаменитый дрейф Джемса Росса, и легко было предположить, что Франклину пришлось бросить свои суда где-нибудь в проливе Ланкастера, откуда их вынесло течением к берегам Ньюфаундленда вместе со льдом.

Корабли, замеченные и рассмотренные в подзорную трубу с пассажирского судна, имели каждый по три мачты и были покрыты крышей, как принято на зимующих судах. Бóльший корабль был около 500—700, меньший — около 300—400 тонн водоизмещением. Один из них лежал на боку, а другой стоял прямо, и на нем можно было рассмотреть не только мачты, но и реи, брамстенги и марсовые паруса.

Несмотря на все уговоры, капитан не захотел подойти к айсбергу на близкое расстояние, так что по истечении $\frac{3}{4}$ часа корабли были потеряны из виду. Трудно сказать, подумал ли кто-нибудь в тот момент, что это могли быть суда Франклина, однако несомненно, что несколькими днями позднее эта мысль овладела экипажем и пассажирами корабля. Любопытно, что вскоре после этого еще один корабль заметил в море два покинутых аварийных судна. Впоследствии пришли к заключению, что это были те же самые корабли, успевшие к тому времени освободиться из ледяных оков.

Зимой 1851/52 года началась усиленная подготовка к новой большой экспедиции, которая должна была выйти в море весной. После возвращения эскадры Остина, кораблей Пенни и Джона Росса на месте розысков остался только один маленький «Принц Альберт». Вначале предполагали, что эта экспедиция тоже скоро вернется, но, судя по тому, что от возглавлявшего ее Кеннеди до самой зимы не было никаких сведений, было ясно, что он зазимовал во льдах.

Вместо ожидавшихся вестей от Кеннеди неожиданно было получено известие совсем с другой стороны. Доктор Рэ совершил чрезвычайно удачную поездку вдоль побережья Земли Уоллестона, то есть острова Виктории. Наконец этот неприступный остров, в течение трех лет подряд безуспешно штурмовавшийся Ричардсоном, самим Рэ и Пелленом, был взят! Но следов пропавшей экспедиции не оказалось и здесь. Легко представить себе ту огромную радость, которую испытывал Рэ, поборов дикое нагромождение льдов в проливе

Дольфин и Юнион. Он смог сделать это только потому, что в то время года вместо бурных потоков воды стоял крепкий лед. Рэ прошел сотни миль и к великому своему огорчению не только нигде не обнаружил следов Франклина, но из расспросов местных эскимосов выяснил, что никто из них ничего не видел и не слышал о какой-либо экспедиции. На обратном пути Рэ сделал любопытную находку, но не придавал ей того значения, которого она несомненно заслуживала. В заливе Паркера, на юго-восточном берегу Земли Уоллестона, он обнаружил обломок флагштока с кусками белой снасти, протканной красной шерстяной ниткой. Медные гвоздики, которыми снасть была прибита, были украшены значком широкого якоря. По этим признакам легко было установить, что флагшток принадлежал британскому адмиралтейскому кораблю. Рэ готов был признать, что это остаток флага с «Эребуса» или с «Террора», но думал, что попал он сюда вместе с течением из далекого пролива Бэрроу. Таким образом Рэ получил, правда смутное и неопределенное, но вместе с тем красноречивое указание, где следует искать следов Франклина, но он его не понял. Находясь уже на пути к матерiku, Рэ совершил удачную поездку на лодках вдоль берегов Земли Виктории и доказал, что она составляет одно целое с Землей Уоллестона. На этом он закончил свои работы.

Получение отчета о путешествии Рэ окончательно убедило британское адмиралтейство в бесполезности искать экспедицию Франклина в южных частях американского Ледовитого моря. Действительно, к этому времени стараниями Мура, Келлета, Пеллена, Ричардсона и Рэ было обследовано все северное побережье материка от Берингова пролива до устья реки Меднорудной, усилиями обоих Россов, Пенни, Де-Хавена, Форсайта, Остина и их помощников были осмотрены берега проливов Ланкастера, Бэрроу, Пиля, Принца Регента и южной части Веллингтонова канала, и нигде, кроме острова Бичи и прилегающего к нему района, не было обнаружено следов Франклина. Непосещенной осталась собственно только область, прилегающая к полуострову Бутии, обследованию которой придавала некоторое значение чуть ли не одна только леди Франклин, вторично пославшая туда свой корабль «Принц Альберт». Естественно, что при таком положении вещей все взоры обратились в сторону северной половины архипелага, в сторону воображаемого открытого моря, усмотренного Де-Хавеном и Пенни в северной части Веллингтонова канала.

Следы полозьев от саней Франклиновых отрядов шли вдоль берегов Веллингтонова канала и указывали на север. Но следы терялись, и никто не мог сказать, куда следует направить свои поиски кораблям, достигшим открытого полярного моря. Теперь задача поисков казалась гораздо сложнее, и пессимисты считали решение ее делом безнадежным. И действительно, южная, более или менее доступная часть американского архипелага считалась большинством достаточно обследованной, но достигнуто это было огромным трудом, и затрачено было на это много лет. В результате бесплодности поисков в южной части решено было бросить все силы на обследование приполюсной области, но огромная сложность этой задачи для всех была ясна. Наряду со скептиками были также и оптимисты, считавшие очевидное избрание Франклином северного пути само по себе доказательством счастливого окончания Франклиновой экспедиции. Они утверждали, что если Франклин действительно направился через более или менее свободное от льда полярное море, то следует ждать его прибытия совсем не там, где его искали до сих пор, а со стороны сибирских берегов. Наиболее ярый защитник этой теории, лейтенант Бедфорд Пим, утверждал, что нет ничего удивительного в том, что от Франклина столько лет нет никаких известий, так как вероятнее всего он, несколько задержавшись в пути из-за льдов полярного моря, достиг северных берегов восточной Сибири или недавно открытых островов, расположенных на некотором расстоянии от них. Пим настаивал на организации поисков и помощи Франклиновому предприятию именно в этом районе. Разработанный им план не смог быть, однако, осуществлен прежде всего потому, что царское правительство отклонило предложение оказать необходимое содействие, ограничившись одним только разрешением для Пима разъезжать по Сибири в любых направлениях. Только в 1853 году, то есть в период, когда Пим, отказавшись от осуществления своего плана, принял участие в другой экспедиции, нашлись возможности для организации подобного предприятия. Новая экспедиция, отправившаяся в этом году к северным берегам Сибири под начальством того же Кеннеди, вынуждена была вернуться с половины пути к Берингову проливу.

VIII. ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ. ОТЧАЯНИЕ

Экспедиции 1851—1855 годов — Кеннеди, Бельчер, Инглфильд, Кейн, Келлет, Мак-Клор, Коллинсон

В январе 1852 года было окончательно решено снарядить новую большую экспедицию с целью изучения Веллингтонова канала. Она должна была отправиться на тех же судах, что и экспедиция 1850 года, причем в придачу к четырем главным кораблям в качестве продовольственной базы для них давалось испытанное судно «Северная Звезда». Проект работ экспедиции предусматривал общую ориентацию на Веллингтонов канал, как главный объект изучения, но, кроме того, ей поручалось попытаться наладить связь с идущими с запада кораблями Коллинсона и Мак-Клора, о судьбе которых уже начали сильно беспокоиться. Базой для всех судов эскадры был определен остров Бичи, назначенный также местом стоянки для «Северной Звезды».

Начальником экспедиции был назначен капитан Эдвард Бельчер, про которого говорилось, что он был «моряком, неоднократно посетившим самые отдаленные уголки земного шара и проявившим во всех этих поездках выдержку и осмотрительность; он прекрасно умел проводить научные наблюдения и отличается прежде всего железной решительностью и непоколебимой способностью к спокойному, обдуманному действию».

Бельчер избрал флагманским кораблем судно «Помощь» с тендером «Пионер», предоставив своему помощнику, хорошо известному нам Келлету, корабли «Решительный» и «Неустрашимый». Командование над «Северной Звездой» было вручено также полярнику, зарекомендовавшему себя с самой лучшей стороны во время своих лодочных экспедиций — Пеллену. Инструкция, полученная Бельчером, реко-

мендовала ему величайшую осторожность при продвижении по каналу Веллингтона, советовала повсюду устраивать продовольственные склады и оставлять записки, содержащие сведения об экспедиции, но вместе с тем предоставляла ему полную свободу действий после прохождения этого пролива. Конечно, такое предоставление свободы было совершенно необходимо, и объяснялось оно тем, что о конфигурации берегов, рельефе дна и общем характере предполагаемого полярного моря по существу ничего не было известно. В дополнение к прочим распоряжениям, инструкция предусматривала возможность исчерпания на кораблях запасов продовольствия и потому предлагала немедленно отослать суда домой в момент, когда наличный запас сократился бы до годовичного.

Келлету было поручено проследовать на своих кораблях до острова Мельвиля и задержаться там в течение года, используя это время для поисков следов «Предприятия» и «Исследователя» и тщательного осмотра всех окрестностей в отношении посещения их членами экспедиции Франклина.

Экипаж Бельчеровской эскадры состоял из испытанной команды и многих знаменитых полярников и исследователей, среди которых особого упоминания заслуживают Мак-Клинтон, Мечам, Осборн, Мак-Дугалль, врач Мак-Кормик и провалившийся со своим сибирским проектом лейтенант Пим. 21 апреля 1852 года корабли покинули Темзу и вышли в море. В первой половине августа Бельчер благополучно достиг острова Бичи и спустя четыре дня уже входил в канал Веллингтона. Почти одновременно с ним Келлет покинул базу, направившись на запад, к острову Мельвиля. Лето было в ледовом отношении чрезвычайно благоприятным. Полным ходом шли «Помощь» и «Пионер» по чистой воде пролива, там, где почти постоянно громоздились тяжелые льды. Три дня пути привели Бельчера в область, лежащую далеко позади наиболее северной точки, достигнутой когда-то Пенни. 17 августа, находясь на 76,°5 северной широты, корабли Бельчера стояли перед новой страной, названной им Северным Норземберлендом. Высадившись на берег, Бельчер поднялся на высокую гору. С вершины ее глазам путешественников представился печальный вид: все море было загромождено тяжелыми плывучими льдинами, и нечего было себя обманывать, что лед еще разойдется. Отовсюду надвигались ледяные поля и глыбы, и Бельчеру с трудом удалось найти в окрестности

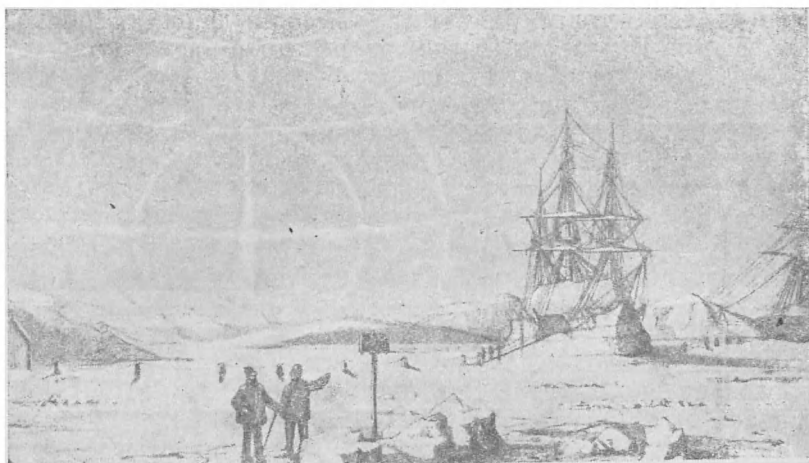
Эдвард Бельчер
(род в 1799 г., ум. в 1877 г.)

подходящую для стоянки бухту. Здесь корабли вынуждены были остановиться на зимовку.

Немедленно были снаряжены санные вылазки с лодками для обследования всего близлежащего района. Бельчер открыл еще два новых острова, а на побережье Северного Норземберлэнда обнаружил замечательно сохранившиеся остатки давным-давно покинутой эскимосской деревушки. Расстилавшееся впереди море производило жуткое впечатление. Ледяные громады, проплывавшие со стоном и грохотом мимо, были так страшны, что даже тяжелые льды Баффинова залива казались по сравнению с ними пустяком. При виде колоссов Бельчер с горечью сказал: «Да, если наши земляки попали в этот лед, то нечего надеяться на их спасение!...» Он отказался от исследования моря и ограничил свою деятельность осмотром берегов. Никаких следов пропавшей экспедиции Бельчер не обнаружил, и потому произведенные им осенью этого года наблюдения имеют ценность только с географической стороны. Он вынес твердое убеждение, что пролив Джонса и даже пролив Смита должны соединяться с этим кошмарным морем. При этом Бельчер встал на защиту многих взглядов, высказанных ранее Пенни.

К зимовке и к деятельности, развернутой Бельчером весной 1853 года, мы вернемся позже, теперь же необходимо ознакомиться с работой некоторых других экспедиций, и, прежде всего, с возвратившейся еще в 1852 году первой экспедиции Кеннеди, участником которой был француз Белло. Другим участником ее был 62-летний Джон Хепберн, старый спутник Франклина в его первой экспедиции в арктическую Америку. Как известно, маленький отряд Кеннеди на «Принце Альберте» был последним, направленным в южную часть американского архипелага. Он посетил и обследовал острова Северный Соммерсет и Землю принца Уэльского и, не найдя здесь никаких следов пропавших людей, окончательно убедил всех, кто еще сколько-нибудь сомневался, в том, что Франклин не был совсем на юге, а несомненно направился на север.

Несмотря на свой отрицательный вывод, эта экспедиция принадлежит к наиболее важным. Она прибыла еще летом 1851 года в район острова Леопольда. Корабль был оставлен на зимовку на восточном берегу Северного Соммерсета в проливе Принца Регента. В январе, то есть в период полярной ночи, была сделана вылазка к месту, где жил

«Помощь» и «Пионер» на зимовке

в 1833 году Джон Росс и оставил склад продовольствия. Надежда найти около этого склада следы членов экспедиции Франклина не оправдалась, что же касается провизии, то она, несмотря на то, что пролежала здесь полных двадцать лет, оказалась в превосходном состоянии. Из этих запасов Кеннеди захватил нужное для себя количество, так как в плане весенних работ стояла большая санная экскурсия в южные районы. 29 марта Кеннеди отправился в сопровождении Белло и еще шести человек вдоль восточного побережья острова в южном направлении.

«План путешествия состоял в следующем, — пишет Белло, — мы пойдем вдоль берега до залива Brentford, затем пройдем через перешеек пяти миль шириной, который предположительно существует между обоими морями. Возможно также, что там имеется непрерывный проход. Оттуда мы спустимся к магнитному полюсу (находящемуся на полуострове Бутия Феликс. — *Ред.*) и, в зависимости от времени, когда там будем, от количества наличной провизии и от того, встретим ли мы туземцев и будут ли у них продукты для обмена с нами, — мы или же закончим здесь наше продвижение, или пойдем еще дальше к югу. По пути мы будем оставлять склады продуктов, чтобы уменьшать свой багаж, и вернемся по тому же берегу».

Для того, чтобы не загружать сани лишним багажом, Кеннеди и Белло отказались от палаток, предпочитая, подобно Рэ, каждый раз по прибытии к месту ночлега строить снеговую хижину.

Первоначальный план экспедиции не был выполнен, — области Северного магнитного полюса Кеннеди не посетил, а вместо этого была обследована лежащая к западу Земля принца Уэльского.

Случилось это вследствие того, что, выйдя к проливу Пиля, экспедиция решила, что он замкнут с юга виднеющейся в этом направлении горной цепью. Кеннеди рассудил, что при таких условиях продолжать поиски Франклина в южном районе бесполезно, и изменил соответственно свой первоначальный план. Нет нужды объяснять, что загоревшийся южный выход пролива Пиля горный кряж, увиденный Кеннеди и его товарищами, был в действительности скоплением легких облаков. Кеннеди дал себя обмануть природе совершенно так же, как это случилось в 1818 году с Джоном Россом при посещении пролива Ланкастера. Любопытно также, что Кеннеди, не знавший в то время ничего об исследованиях Броуна в проливе Пиля, сделал то же ошибочное заключение о замкнутом характере этого пролива, что и офицер Остиновской эскадры.

Экспедиции все же удалось совершить одно чрезвычайно важное географическое открытие, сыгравшее не малую роль также в истории поисков Франклина. Об этом открытии Кеннеди рассказывает в следующих словах: «В среду 7 апреля, поднявшись рано утром, мы направились по северному каналу, частично осмотренному мною еще вчера, и продолжали идти по нему до шести часов вечера. Мы достигли его западного конца, сделав не менее двадцати миль, считая все извилины канала. С высоты холма, недалеко от нашего лагеря, мы увидели широкий канал, принятый нами сначала за продолжение залива Брентфорда. Но вскоре мы поняли, что канал этот переходит в лежащее к западу море, и что проход, которым мы только что пробирались, есть не что иное, как пролив, соединяющий море с проливом Принца Регента. На карте наших открытий он назван проливом Белло, в ознаменование больших заслуг лейтенанта перед нашей экспедицией. Мы убедились после нашего возвращения в том, что западное море, с которым соединяется этот пролив, представляет собой северную часть пролива Виктории, частично обследованного доктором Рэ, подошедшим

к нему с иной стороны». Последний вывод Кеннеди совершенно правилен, и доктор Рэ, ознакомившийся впоследствии с этим открытием, признал пролив Белло одним из звеньев Северо-западного прохода. Приходится лишь пожалеть, что Кеннеди и Белло пришли к этому выводу слишком поздно, так как в противном случае они строже придерживались бы первоначального плана экспедиции.

Итак, в отношении нахождения следов спутников Франклина Кеннеди и Белло ничего не достигли, и потому решили возвратиться на родину, тем более, что среди экипажа стала распространяться цынга. С трудом освободив судно из пленившего его льда, Кеннеди направился в сторону мыса Райли и острова Бичи. Здесь он думал встретить суда экспедиции Остина с тем, чтобы узнать от них результаты работ экспедиции и передать захваченную еще в 1851 году корреспонденцию. К своему удивлению он нашел в гавани острова Бичи «Северную Звезду», начальник которой, Пеллен, рассказал ему о неожиданном прибытии эскадры Остина осенью 1851 года в Англию и о возвращении тех же кораблей к месту поисков во главе с Бельчером. Пеллен был в это время занят постройкой большого дома на острове, а относительно Бельчера и Келлета он сообщил Кеннеди, что оба они только что отправились в разные стороны, находясь в самом бодром состоянии и видимо рассчитывая на успех своих предприятий. С этими благоприятными сведениями о ходе Бельчеровской экспедиции Кеннеди прибыл 7 октября в Европу.

Всего лишь двумя неделями позднее вернулся из своей летней поездки лейтенант Инглфильд на «Изабель». Он подтвердил сообщения Кеннеди о благополучном развитии деятельности Бельчеровской экспедиции и рассказывал про свою встречу с Пелленом, оказавшим ему гостеприимство. Пеллен был в это время настолько богато снабжен, что отклонил предложение Инглфильда передать ему часть своих продовольственных запасов.

Инглфильд был человеком большой энергии и предприимчивости. Его корабль — маленький пароход «Изабель» — предназначался, собственно, для другого дела, а именно для поездки через Берингов пролив к русским берегам. Как мы уже знаем, из этой экспедиции, отправившейся в следующем году, ничего не получилось, но неудачи преследовали ее еще до выхода в море. Дело в том, что первоначально предполагалось снарядить и отправить ее в 1852 году, но

сделать это не успели. Тогда лэди Франклин решила использовать стоявшее без дела судно для небольшой летней разведки, с тем, чтобы к 1853 году оно было готово для новой экспедиции.¹ Инглфильд был подходящим человеком для проведения такой поездки.

Лэди Франклин хотела, собственно, только получить сведения о ходе работ в Бельчеровском предприятии и потому предлагала Инглфильду направиться с продовольственным грузом к острову Бичи, оставить его там и вернуться затем обратно. Инглфильд в ответ на это предложил, кроме того, осмотреть северную часть Баффинова залива, тщательно обследовать ее в отношении следов пропавшей экспедиции и постараться выяснить природу имеющих там разветвлений залива.

10 июля «Изабель» покинул британские берега. Погода благоприятствовала Инглфильду, и в короткий срок nevertheless стал он время, потерянное из-за позднего выхода. В Баффиновом заливе он сразу направился к месту, где по словам эскимоса Адама Бека должны были быть похоронены члены погибшей экспедиции. Он перекопал все могилы туземцев, осмотрел остатки жилищ и приступил в конце концов к срытию холма, под которым, якобы, покоились кости белых людей — спутников Франклина. Результатом этих трудов было окончательное подтверждение лживости рассказов эскимоса. Инглфильд пришел к выводу, что проливы Китовый и Смита представляют собой действительно проливы, а не замкнутые заливы, как часто думали в то время, нередко называя даже все скопления островов к северу от пролива Ланкастера «Западной Гренландией». Первое наблюдение Инглфильда оказалось впоследствии неверным, так как небольшой Китовый пролив пришлось переименовать снова в залив, что же касается пролива Смита, по которому он проник до 78,°5 северной широты, то мнение об его проточном характере в очень скором времени блестяще подтвердилось. В пролив Джонса Инглфильду, к сожалению, не удалось проникнуть из-за тяжелых льдов, запиравших вход в него и указывавших как будто на закрытый его характер. Впоследствии его проточность была тоже окончательно выяснена, и подтверждено, таким образом, мнение, высказанное почти одновременно Бельчером. Наиболее за-

¹ Об этой неудачной экспедиции, начальником которой был Кеннеди, было упомянуто в конце главы VII.

манчивой казалась отважному командиру «Изабель» перспектива пройти вместе с обнаруженным им течением вверх по проливу Смита. Ему рисовалась уже картина беспрепятственного плавания чуть ли не к самому полюсу. Но время было позднее, корабль не был снаряжен для продолжительного плавания, и потому Инглфильд решил повернуть к югу.

На обратном пути «Изабель» завернул в пролив Ланкастера, и вскоре состоялась упомянутая встреча с Пелленом. Инглфильд просил проводить его к могилам трех матросов с «Эребуса» и «Террора». Он решил во что бы то ни стало вскрыть одну из могил, чтобы путем осмотра трупа узнать, от чего погиб человек. С большим трудом разрыли смерзшуюся землю и выкопали гроб, отделанный старательной рукой. Труп прекрасно сохранился в мерзлой почве. На теле не было никаких следов цынготного заболевания. Причину смерти человека выяснить, правда, не удалось, но ясно было, что среди команды Франклина в зиму 1845/46 года цынгги не было. Не в пример своим предшественникам, не боясь нападок ханжествующих, трусливых людей, Инглфильд легко выяснил один из основных вопросов, беспокоивших всех, кому была близка судьба Франклина и его товарищей. Если учесть, что Инглфильд, кроме того, окончательно уничтожил подозрения, что Франклин мог погибнуть уже в 1846 году, как рассказывал эскимос Бек, и что им сделано несколько важнейших географических открытий, то следует признать, что эта небольшая летняя вылазка должна быть причислена к числу наиболее эффективных Франклиновых экспедиций.

Открытие Инглфильда, доказавшего полную несостоятельность названия «Баффинов залив», сохранившегося, повидимому, только из уважения к памяти древнего морехода, произвело огромное впечатление в среде географов всех стран. Доктор Кейн, участник американской экспедиции Де-Хавена, с восторгом принял известие, которое, как казалось ему, подтвердило его собственное убеждение в существовании свободного от льда полярного моря. Гриннель снова снарядил бригантину «Успех» и передал командование в руки неутомимого Кейна. Экспедиция эта, вошедшая в историю полярных исследований под названием «Второй Гриннелевской», в своем полном титуле имела слова «в поисках сэра Джона Франклина». Нет сомнения, что именно надежда найти следы пропавших служила главным стиму-

лом этого предприятия, но ясно также и то, что Кейна, — а вместе с ним и Соединенные Штаты Америки — чрезвычайно интересовала проблема трансполярного морского пути, и решение ее представляло до известной степени самостоятельную задачу. Кейн направил свой корабль в пролив Смита. На гренландском берегу этого пролива он провел две зимы. Экспедиции удалось достигнуть 82° северной широты, но никаких следов Франклина, конечно, здесь не нашли. Долгое отсутствие Кейна вызвало опасения о его судьбе. Экспедиция, посланная под начальством капитана Хартстейна в 1855 году для поисков Кейна, встретила с ним уже на обратном пути. На вопрос о Франклине Кейну сообщили о произведенных новых открытиях. С грустью констатирует он этот факт: «Отряд Франклина, или следы умерших, представлявших его, был обнаружен почти в тысяче миль к югу от тех мест, где мы его искали».

В то время, как Кейн готовился к отправке в Смитов пролив, росло беспокойство о судьбе и работах Бельчеровской экспедиции. Последние сведения, доставленные Кеннеди и Инглфильдом, относились к 1852 году, а время, между тем, с каждым миновавшим днем становилось дороже. Слышны были голоса, требовавшие срочной посылки корабля к острову Бичи за вестями об экспедиции. Адмиралтейство охотно согласилось на эти требования, так как со своей стороны считало необходимым увеличить продовольственные запасы на этом острове. С этой целью было снаряжено паровое судно «Феникс» и в подмогу ему — транспорт «Бредалбейн». Начальствование над этой экспедицией было вверено Инглфильду, проявившему в предыдущем плавании превосходное понимание создающихся в арктических условиях ситуаций и обладавшему необходимой для подобного дела смелостью. В качестве участника экспедиции предложил свои услуги Белло.

Молодой француз долго и страстно уговаривал своих соотечественников отправить на поиски Франклина самостоятельную экспедицию, но ниоткуда не встречал сочувствия. Отчаявшись в возможности осуществить свою идею, он решил повторить плавание в английской экспедиции. Желавших принять участие в предприятии Инглфильда было много, и среди них не мало подходящих и заслуженных людей. Все же благодаря проявленной энергии Белло удалось не только добиться получения места в экспедиции, но даже командования вторым кораблем.

26 мая корабли отправились в дорогу. Лето 1853 года было в ледовом отношении тяжелым. Когда 29 июля корабли с трудом пробрались ко входу в пролив Ланкастера, они увидели перед собой барьер, составленный из глыб и полей льда, повидимому, не вскрывшегося в текущем году. Восемь дней провел здесь Инглфильд со своими спутниками, нетерпеливо ожидая вскрытия пролива. Наконец подул благоприятный ветер, во льду произошла подвижка, и открылись широкие каналы. Пароход «Феникс» пошел вперед, за ним «Бредалбэйн». Медленно продвигались корабли к своей цели — острову Бичи. Однако в залив Эребуса и Террора им так и не удалось попасть, так как вход в него загородили гигантские глыбы. Инглфильд отвел свои суда к мысу Райли и укрыл их там в тихой бухте с тем, чтобы заняться здесь выгрузкой привезенного продовольствия.

На острове Бичи прибывших гостей ожидали интересные, совсем необычайные новости. Пришло известие от капитана Келлета, что он благополучно достиг острова Мельвиля и что совершенные им на берег экскурсии увенчались замечательным успехом. Посланный Келлетом к месту зимовки Парри лейтенант Мечам обнаружил здесь документ, положенный бывшим в этих местах год тому назад Мак-Клинтоком. Каково же было его удивление, когда рядом с этой бумагой он нашел другую, оставленную здесь всего лишь весной 1852 года не кем иным, как разыскиваемым Мак-Клором. В этой записке был изложен ход его экспедиции и сообщение, что им открыт Северо-западный проход. Кроме того, тут же было указано, что «Исследователь» вот уже полтора года как беспомощно стоит во льдах у северных берегов Земли Бэнкса.

Получив такие сведения, Келлет отрядил лейтенанта Нима на розыски «Исследователя». Встреча состоялась, и в скором времени вся команда с «Исследователя», которого пришлось бросить во льдах, перебралась на корабли Келлета.

Эту удивительную новость Инглфильд услышал из уст спутника Мак-Клора, лейтенанта Кресуэлла, пришедшего сюда, можно сказать, прямоком из Берингова пролива. Последний факт казался, пожалуй, любопытнее всего. Кресуэлл находился на острове Бичи в течение шести недель. Он уже отдохнул от трудностей своей экспедиции и от перехода к острову Бичи в места последней зимовки Келлета. Во главе одиннадцати человек экипажа «Исследователя», тоже успевших оправиться от разных недугов и болезней, он не-

терпеливо поджидал okazji к возвращению в Европу. Кресуэлу было дано со стороны его начальника почетное и приятное поручение сообщить всему миру о счастливой судьбе экспедиции, открывшей Северо-западный проход.

Легко представить себе радость, которую испытывал Инглфильд, принимая на борт своего корабля таких пассажиров! Однако миссия его состояла в первую очередь в выяснении успехов главного отряда Бельчеровской экспедиции. Между тем оказалось, что именно от Бельчера на острове не было никаких вестей с самого момента ухода «Помощи» и «Пионера» по направлению к Веллингтонову каналу. Поэтому Инглфильд не мог думать об отъезде, не удостоверившись предварительно насчет судьбы главного начальника всего спасательного предприятия.

Положение осложнялось еще тем, что на базе экспедиции не было командира «Северной Звезды» Пеллена, отправившегося четыре недели тому назад на розыски Бельчера. О нем уже беспокоились, так как Пеллен захватил с собой только месячный запас продовольствия. Поэтому Инглфильд решил отправиться следом за Пелленом, надеясь передать Бельчеру адресованную ему корреспонденцию лично в руки.

10 августа Инглфильд отправился в путь на небольшом китоловном боте в сопровождении трех матросов. На четвертый день он достиг мыса Спасение и нашел там записку Пеллена, в которой командир «Северной Звезды» сообщал, что ему удалось найти зимнюю квартиру Бельчера и что он направляется обратно к острову Бичи. Было ясно, что Инглфильд и Пеллен разминутся. Узнав об этом, Инглфильд решил отказаться от посещения Бельчера и ограничился тем, что положил рядом с найденным документом бывшие при нем копии адресованных ему бумаг и повернул обратно к судну. Уже 15-го числа он прибыл на место.

Пеллен действительно успел вернуться, но зато не хватало Белло. Инглфильд узнал, что молодой француз отправился ему вдогонку. Случайно они тоже разминутся. Белло вез с собой оригиналы распоряжений адмиралтейства, которые, по предложению Пеллена, решено было переправить Бельчеру. Бесполезно было бы в свою очередь пытаться догнать несомненно далеко ушедшего Белло. Надеялись на скорое его возвращение, так как легко было предположить, что Белло обнаружит оставленные на мысе Спасение документы и таким образом узнает о возвращении Инглфильда на базу.

Пора было думать о подготовке судов для обратного пути в Англию. Возложенную на него задачу Инглфильд мог считать почти выполненной; оставалось только дожидаться возвращения Белло и получения новых вестей от Бельчера, собиравшегося вернуться к острову Бичи. Но с 17 августа начала портиться погода, и вскоре разыгрался жестокий шторм. Резкая перемена погоды вызвала неожиданные перемены в судьбах экспедиции. В то время как экипаж непрерывно работал по разгрузке трюмов и палубы от привезенных припасов, напором льда сорвало корабли с места и понесло прочь от мыса Райли вглубь пролива Барроу. На следующий день, 21 августа, опасность достигла своего апогея. Огромное ледяное поле мчалось со страшной скоростью прямо на корабли. Избежать столкновения было невозможно. «Феникс» выдержал сокрушительный удар льдины, но «Бредалбэйн» был смят ею, резко накренился и спустя несколько минут исчез под водой. Льды сомкнулись вместе, где так недавно стоял красивый, гордый корабль, и только по перевернутой шлюпке, оторвавшейся с палубы его, можно было это место угадать. Все люди спаслись и были подобраны на борт «Феникса».

Спустя несколько часов пришло известие, еще много печальнее, чем факт гибели корабля. Четверо матросов, отправившихся с санями и гуттаперчевой лодкой под начальством Белло, вернулись одни. Молодой энергичный француз, безгранично преданный делу спасения чужих ему людей, погиб на своем посту, увлеченный быстрым течением на морское дно.

Белло двинулся по льду Веллингтонова канала к северу, сохраняя самое бодрое настроение несмотря на трудности пути. Пять дней шел он в этом направлении и, миновав мыс Боуден, увидел, наконец, вдали силуэты гор Гриннелевой Земли. Предполагая устроить отдых, Белло решил перебраться на противоположный берег. Три раза повторяли матросы попытку переплыть на лодке на другую сторону разделявшего лед и сушу канала чистой воды. И только на третий раз переправа удалась. Сильнейший штормовой ветер гнал большие волны, захлестывавшие резиновую лодку с двумя матросами в ней. Но как только вышедшие на берег люди сделали попытку связаться с Белло и остальными двумя посредством крепкого линя, они заметили, что часть ледяного поля пришла в движение и вскоре понеслась вместе с их друзьями по бурным волнам пролива. Белло уда-

лось все-таки подтянуть лодку обратно к себе. Обе партии почти сразу потеряли друг друга из виду, так как разразилась сильнейшая буря, сопровождаемая снегопадом. Два матроса, успевшие перебраться на берег, повернули обратно к мысу Боуден с тем, чтобы там дожидаться возвращения унесенных на льдине. Они надеялись, что крепкий лед некоторое время сможет противостоять разрушительной силе волн, и что в крайнем случае их товарищи смогут воспользоваться резиновой лодкой и с ее помощью переберутся на твердую землю.

Прошло около суток, и двое матросов на мысу Боуден действительно дождались прихода своих товарищей, но среди них не оказалось их любимого начальника. История гибели Белло очень проста. Шторм, свирепствовавший в эти дни, погубил корабль и принес смерть его командиру. Сидевшие на льдине люди замерзали под ударами насыщенного мокрым снегом ветра. Для защиты от него они построили себе из глыб льда и снега нечто вроде хижины. Проведенная в таких условиях ночь всех страшно измучила. Люди сидели, тесно прижавшись друг к другу, рассуждая о грозившей им опасности. Кто-то напомнил, что суда Гриннелевской экспедиции казались тоже совсем погибшими и все-таки спаслись каким-то чудом. Тогда Белло спокойно сказал, что отчаиваться нечего, посмотрел на часы, поднялся и вышел, чтобы осмотреться. Это был третий раз, что он выходил из хижины и взлезал на высившийся на самом краю льдины высокий торос. На этот раз Белло не вернулся. Обеспокоенные его долгим отсутствием матросы пошли по свежим следам, дошли до тороса и нашли здесь только палку. Хозяин ее погиб. Было ясно, что с высоты тороса его подхватил сильный порыв ветра и унес вниз, в пучину. Труп его никогда никто не видел.

Несколько часов спустя матросам удалось перебраться на твердый лед, а затем переплыть на небольшой льдине, управляемой веслом, через канал и выйти на берег. К своим товарищам изголодавшиеся и измученные всем пережитым матросы прибыли после тридцати часов тяжелой разлуки.

Глубокая печаль царила на «Фениксе» по поводу понесенных в эти дни тяжелых потерь. Корабль был полон людей, и все они стремились поскорее убраться из этой страшной страны. Инглфильд знал, что у него осталось совсем мало свободных дней, что самая небольшая задержка может вызвать крайне нежелательную зимовку. С минуты на ми-

Ренз Жозеф Белло
(род. в 1826 г., ум. в 1853 г.)

нута ждал он появления на горизонте Бельчеровских кораблей, но они не приходили. 23 августа Инглфильд снялся с якоря, не дождавшись прихода Бельчера, и повернул на восток в Ланкастеров пролив. Он уходил в убеждении, что Бельчер прибудет к острову Бичи через несколько дней, или даже часов, после его отплытия. Впоследствии оказалось, что Бельчеру не удалось пробиться летом 1853 года сквозь льды Веллингтонова канала и что он остался на вторую зимовку в северной его части.

Семь недель потратил Инглфильд на обратный путь в Англию. 7 октября явился он в сопровождении Кресуэлла в адмиралтейство. Сообщение их произвело огромное впечатление в морских кругах и широко комментировалось в периодической печати. Весть о безрезультатности поисков и о гибели Белло еще больше усилила чувство отчаяния во всех.

Только одно известие было радостным. Ведь к тому времени многие считали, что печальную судьбу Франклина и его товарищей разделили экипажи «Исследователя» и «Предприятия», отправившихся во льды арктической Америки со стороны Берингова пролива еще в 1850 году. И вот, неожиданно нашелся Мак-Клюр со всей своей командой, причем не просто нашелся, а прислал отряд людей через льды, скрывающие морской путь из Тихого океана в Атлантический, с поручением объявить миру о совершенном открытии. Героизмом Мак-Клюра восторгались, удивлялись его выдержке и настойчивости, но вместе с тем не скрывали, что по существу открытие его не имеет никакого значения для мореплавания и торговли. Задача, впервые поставленная четверста лет тому назад, была наконец разрешена, но польза от ее решения казалась современникам Мак-Клюра совершенно ничтожной. Необходимо подчеркнуть, что взгляд этот до сих пор по существу мало изменился, и в наши дни никто не говорит о практическом использовании Северо-западного пути. Действительно ли этот путь настолько недоступен, или такое убеждение покоится на недоразумении, на недооценке технических возможностей человечества и его волевого напряжения? Разрешить этот вопрос, конечно, нелегко, но необходимо напомнить, что подобное отношение существовало до самого недавнего времени к вопросу о проходимости и практической ценности Северо-восточного прохода. Только в советской стране неограниченных технических возможностей и гигантского напряжения воли трудящихся

масс эта проблема была разрешена, и казавшееся невозможным стало возможным.

Лейтенант Кресуэлл был вестником великого открытия. Появление его вызывало всеобщий восторг, переходивший в овации его начальнику и экипажу «Исследователя». На чествование Кресуэлла в его родном городке явился также седой старик Парри. У Кресуэлла было о чем рассказать, и, слушая его, Парри радовался разрешению проблемы, над которой он сам так много потрудился. Тем горестнее была для него мысль, что его лучший друг, старый Джон Франклин, очевидно, заплатил за него жизнью.

Вернемся к экспедиции на «Исследователе» и «Предприятии», покинувших берега Англии в 1850 году. Как уже известно, Мак-Клюр, командовавший первым кораблем, находился в подчинении у командира «Предприятия» — Коллинсона.

Оба судна вышли в море 20 января. Почти шесть месяцев длился путь вокруг мыса Горн до Сандвичевых островов. У «Исследователя» был несколько худший ход, чем у «Предприятия», и потому когда 1 июля Мак-Клюр прибыл в столицу Гонолулу, он узнал, что прибывший сюда раньше Коллинсон накануне покинул порт, направившись к Берингову проливу. Надо сказать, что в те времена парусные корабли, стремившиеся попасть к Берингову проливу, совершали обходный путь через Петропавловск на Камчатке. Это делалось, чтобы избежать опасных рифов у Алеутских островов и воспользоваться на пути к проливу дующим от берегов Камчатки западным ветром. Коллинсон направился по этой известной всякому моряку дороге, между тем как Мак-Клюр избрал прямое направление на Берингов пролив. Почти не отдохнув в Гонолулу, он велел поднять паруса, снялся с якоря и направил курс корабля прямо на север. Дерзость его увенчалась успехом: несмотря на сравнительно с флагманским кораблем медленный ход, «Исследователь» достиг Берингова пролива в небывало короткий срок, потратив на весь переход только двадцать шесть дней.

Капитану Коллинсону повезло меньше. Благодаря тому, что он шел обычным путем, совершая крюк в сторону Камчатки, он прошел Берингов пролив и прибыл к мысу Лисбурн только 14 августа, то есть двумя неделями позже Мак-Клюра. Будучи уверен, что «Исследователь» находится где-то далеко позади, Коллинсон надеялся встретить здесь Келлега на «Геральде» или Мура на «Пловере», но случайно как раз

на этих днях оба корабля отошли для совещания друг с другом на тридцать миль от берега и находились, поэтому, вне видимости «Предприятия». В полном недоумении отправился Коллинсон один продолжать свой путь к северу. Его мучило сознание невыполнения возложенного на него поручения согласовать свои действия с деятельностью Мура и Келлета, которые, в соответствии с указаниями инструкции, должны были поступить под его командование. Коллинсон миновал мыс Барроу на северном побережье Аляски, но по пути к мысу Бэзерст встретил такое нагромождение льдов, что вынужден был повернуть обратно. Коллинсон сделал еще одну попытку пробиться к чистой воде в северо-западном направлении. Она не увенчалась успехом, зима уже входила в свои права, и «Предприятию» пришлось возвратиться к Берингову проливу. В середине сентября Коллинсон совершил последнюю отчаянную попытку выйти на чистую воду, и опять безуспешно. На обратном пути он выловил бутылку, содержащую сообщение «Пловера» и «Геральда», что они отправились зимовать в гавань Грэнтли. Здесь он нашел оба корабля и, после совещания с капитанами Муром и Келлетом, повернул свой корабль прочь от арктических льдов в сторону теплых китайских берегов с тем, чтобы, перезимовав в Гонг-Конге, следующей весной возобновить старания к достижению своей главной цели — покрытой снегом и льдом Земли Бэнкса.

Таким образом, в 1850 году Коллинсону не удалось достигнуть ровно ничего, и все свои надежды он возложил на будущее лето. Тем временем более счастливый Мак-Клюр развернул свою деятельность сразу же по прибытии в Ледовитое море. Необходимо отметить, что в адмиралтейской инструкции, врученной начальнику всей экспедиции, Коллинсону, имеется пункт восемнадцатый, в точности соответствующий пункту одиннадцатому Франклиновской инструкции, лишь с заменой названий кораблей и фамилий подчиненных командиров. Указание во что бы то ни стало не допускать разлучения обоих кораблей не было соблюдено в первую очередь самим Коллинсоном. Любопытно, что он сам оставил Мак-Клюру при уходе своем из Гонолулу указание образа действий командира «Исследователя», допускающее известную свободу. Этой свободой Мак-Клюр впоследствии, не без некоторых колебаний, решил воспользоваться. Содержание распоряжения Коллинсона состояло в следующем: Мак-Клюр должен был со всей поспешностью

Роберт Мак Клюр
(род. в 1807 г., ум. в 1873 г.)

направиться из Гонолулу в сторону Берингова пролива к мысу Лисбурн, причем на своем пути ему надлежало внимательно следить, не оставлены ли на его имя какие-либо новые распоряжения. Далее, если бы Мак-Клюр таковых не обнаружил, то из этого следует заключить, что он (Коллинсон) отправился дальше, в сторону острова Мельвиля. В случае, если бы по причине поздней поры оказалось невозможным предпринять в 1850 году поездку в Ледовитое море, то Мак-Клюр должен был бы вернуться в южно-американский порт Вальпарайзо за провиантом и присоединиться в будущем году к «Пloverу», служа в качестве продовольственной базы в Беринговом проливе.

Легко представить себе те чувства, которые испытывал энергичный и честолюбивый Мак-Клюр, когда увидел для своего корабля перспективу служить складом продовольствия. Он понял, что хотя Коллинсон и предлагает ему сделать попытку пойти в Ледовитое море, но, во-первых, не слишком сочувствует совместной работе в этой области и, во-вторых, не очень-то рассчитывает на скорый приход «Исследователя» к месту работ. Окрыленный первым успехом в виде рекордно быстрого перехода к Берингову проливу, Мак-Клюр стоял перед серьезным решением, как быть дальше. Согласно адмиралтейской инструкции он не имел права разлучаться с флагманским кораблем, но ведь тот его сам бросил. Коллинсон указал в своем распоряжении, что если Мак-Клюр не встретит его или не найдет от него сведений и новых указаний, то из этого следует сделать вывод, что он ушел уже далеко вперед, но Мак-Клюр хорошо знал, что Коллинсон находится не впереди, а позади. Мог ли он, в согласии с точным текстом распоряжения и закрыв глаза на действительное стечение обстоятельств, считать свои руки развязанными? Во имя дела, ради которого он был здесь, Мак-Клюр решил использовать представившуюся ему возможность. Его намерение состояло в том, чтобы, миновав Берингов пролив, по возможности по прямому курсу направиться к острову Мельвиля и, достигнув его, заняться в поисках следов пропавшей экспедиции подробным, тщательным осмотром всех близлежащих островов, заливов и бухт.

Потеря одного дня могла повлечь за собой неудачу всего предприятия. Однажды решившись, Мак-Клюр не стал медлить. Правда, решение зависело в данном случае не только от него, но и от старшего, чем он, капитана Келлета, встре-

Ричард Коллинсон
(род. в 1811 г., ум. в 1883 г.)

ченного им у мыса Лисбурн. Однако Келлет, осматривавший судно Мак-Клюра, пришел в такой восторг от царившего здесь порядка и от энтузиазма, с которым экипаж корабля шел на свое трудное дело, что он не только дал свое согласие, но даже пополнил запасы «Исследователя» из имевшегося у него на борту продовольствия. Оба капитана распростились, крепко пожав друг другу руки и пожелав счастливого пути.

Капитан Келлет покинул область Берингова пролива вскоре после прощания с Мак-Клюром и вернулся на своем «Геральде» в Англию в 1851 г.

При попытке осуществить план продвижения по прямой линии к острову Мельвиля или Земле Бэнкса Мак-Клюр натолкнулся на непреодолимые препятствия и, несмотря на всю свою настойчивость, ничего не мог поделать с огромными ледяными полями и нагромождениями льдин. Много дней потратил он в бесполезной борьбе со льдами и в конце концов все-таки должен был отступить к побережью материка. Здесь, следуя по стопам Пеллена, протискивался он со своим кораблем по узкому каналу между берегом и льдами. 8 августа экспедиция встретила нескольких эскимосов, которые подтвердили характерное для этого района тяжелое состояние льдов. Они рассказали, что, начиная с мыса Бэрроу и до устья реки Мэкензи, море бывает открыто лишь в виде узкой полосы воды вдоль самого берега. Ширина этой полосы достигает 3—5 миль, а дальше к северу лежит сплошной, непроходимый лед. В правдивости показаний эскимосов Мак-Клюр мог убедиться, даже находясь недалеко от самого устья Мэкензи, так как попытка отклониться в этом месте к северу потерпела также полную неудачу.

23 августа Мак-Клюр находился вблизи устья этой большой реки почти одновременно с Пелленом, возвращавшимся после своей неудачной попытки с помощью лодок проникнуть на Землю Бэнкса. Конечно, ни тот, ни другой не только ничего не знали об их взаимной близости, но не могли даже предполагать присутствия друг друга. Благополучно миновав 31 августа мыс Бэзерст, Мак-Клюр достиг 6 сентября мыса Парри на меридиане Земли Бэнкса и здесь еще раз попробовал отклониться к северу. На этот раз попытка удалась. Продвигаясь сначала в северном, а потом в северо-восточном направлении, Мак-Клюр три дня спустя увидел впереди зеленые горы неизвестной ему земли. Вскоре на востоке показалась тоже какая-то земля, и между той и

другой оказался довольно узкий пролив, по которому корабль устремился вперед. Мак-Клюр дал открытым им землям наименования, не предполагая, что западная окажется впоследствии частью Земли Бэнкса, а восточная — частью Земли Виктории. Канал между ними был им назван проливом Принца Уэльского.

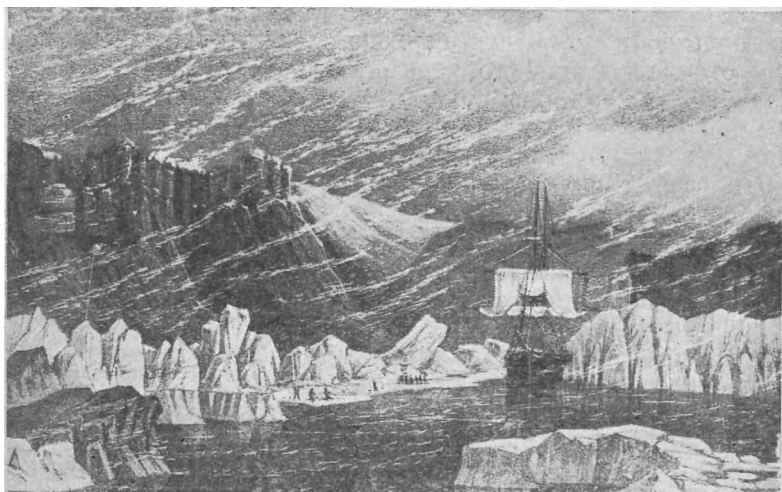
Моряки радовались достигнутому успеху, и в этот момент в них вкралась смутная надежда на открытие Северо-западного прохода. Под всеми парусами неся корабль по воде пролива, отодвигая носом встречные льдины. Впереди оставалось не более 70 миль, но этот участок оказался покрытым сплошным льдом. 12 сентября пришлось остановиться, все последовавшие попытки протолкнуться дальше ни к чему не привели, и перед лицом напиравших отовсюду льдов не оставалось ничего другого, как выбирать между зимовкой и отступлением. Убедившись в том, что открытый им пролив должен соединяться с проливом Бэрроу, Мак-Клюр избрал зимовку. С большим пафосом описывает в своем дневнике Мак-Клюр чувства, обуревавшие его, когда он думал о предстоящем открытии: «Как описать мне напряженность своих чувств? Не ведет ли этот канал к проливу Бэрроу? И не окажется ли он, таким образом, тем Северо-западным проходом, которого так давно ищут? Неужели такому незначительному существу, как я, удастся то, в чем было отказано способнейшим и мудрейшим людям в течение стольких веков?».

10 октября Мак-Клюр сделал вылазку на одну из ближних гор, чтобы осмотреть окрестность и проследить, где кончается пролив Принца Уэльского. Но к этому времени земля и лед уже покрылись сплошной снежной пеленой, не позволявшей отличить сушу от моря. 21 октября Мак-Клюр отправился во главе шести человек на санях с целью проверки своего предположения. Через пять дней путешественники прибыли к месту соединения обоих проливов. Безумная радость овладела всеми — Северо-западный проход был действительно открыт!

Совершив свое открытие, Мак-Клюр остался ждать весны, рассчитывая на подвижку льдов, которая даст судну свободу и откроет ему вход в пролив Бэрроу. Но весна в море наступает в арктических странах много позднее весны в воздухе, и потому он готовился использовать несколько ближайших солнечных месяцев для изучения ближних и дальних окрестностей места зимовки. 18 апреля «Исследователя» покинули

три санные партии, ушедшие по разным направлениям в поисках следов экспедиции Франклина. Лейтенант Кресуэлл осмотрел побережье западной земли и доказал ее тождественность с Землей Бэнкса. Лейтенант Винниат направился на восток. Ни тот, ни другой не обнаружили никаких следов пропавших. Отправившийся в южном направлении лейтенант Гасуэлл тоже не нашел признаков посещения этой земли отрядами экспедиции Франклина, доставив, наоборот, почти несомненное доказательство его невероятности. Доказательство это состояло в открытии на острове поселения эскимосов, видевших европейцев впервые в своей жизни и, конечно, ничего не слышавших ни о каких кораблях, ни о белых людях. В противоположность хитрым южным племенам эскимосов, туземцы отличались добродушием, честностью и простотой нравов. Совершенно ясно, что местные эскимосы сохранили в чистоте подлинный характер своего народа, тогда как отрицательные качества их южных сородичей — несомненный результат общения с европейцами в лице торговых агентов Гудзоновской компании. В погоне за наживой агенты безжалостно обирали эскимосов, а эскимосы выработали в себе, в целях самозащиты, ряд новых полезных качеств, начиная с осторожности и кончая вороватостью и даже склонностью к грабежам.

Что эскимосы с Земли принца Альберта (часть Земли Виктории) действительно никогда не встречались с белыми людьми, видно было уже из того, что в их обиходе совершенно отсутствовали предметы европейского происхождения и что они не знали вида и способа употребления железа. Стрелы и копья их были обиты медью. Эти люди жили чрезвычайно беспечно, не думая о прошлом и мало заботясь о будущем. Удивительно точны были, однако, их познания в области географии посещающихся ими стран. Мак-Клюр показал им карту Земли Уоллестона (тоже часть Земли Виктории), они прекрасно поняли смысл ее и вполне правильно указали расположение ряда островов, на карте не нанесенных. Пищей эскимосы были, повидимому, хорошо обеспечены. Остров Бэнкса и противлежащая ему земля должны быть отнесены к части архипелага, наиболее богатой различными дикими животными, мясо которых употребляется эскимосами в пищу. Кроме белого медведя и морских зверей, здесь много оленей, мускусных быков, зайцев, песцов и морских птиц. Обилие свежего мяса было большим счастьем для экипажа Мак-Клюра, так как только постоянное упо-

«Исследователь» накануне зимовки в бухте Мплосердия

требление его совершенно сохранило здоровье команды, чувствовавшей себя после зимовки так же бодро, как в момент выезда из Англии.

Мечта Мак-Клюра не осуществилась: лето 1851 года не открыло ему входа в пролив Бэрроу. После долгих, настойчивых попыток он продвинулся вперед на несколько десятков миль. Однако дальше идти было невозможно, и под напором льдов Мак-Клюр вынужден был отступить. С болью в сердце покинул он открытый им пролив и направился на запад, в обход Земли Бэнкса, с тем, чтобы попытаться обойти ее и достигнуть пролива Бэрроу уже с другой стороны. Этот поход был начат по чистой воде, узкой полосой тянувшейся вдоль берега острова. Но чем дальше к северу, тем больше льдов встречалось на пути, причем ледяные глыбы нередко достигали огромного размера. От малейшего удара этих ледяных гор крошечное судно разлетелось бы в щепки, и если этого не случилось, то только благодаря искусному лавированию корабля и благодаря счастливому случаю. При чтении описания бесчисленных опасностей, на каждом шагу угрожавших судну Мак-Клюра, кажется совсем не таким уж наивным и необоснованным весьма распространенный в то время взгляд, что корабли Франклина вернее

всего погибли в момент свирепого сжатия ледяных полей или от ударов мощного айсберга.

С трудом добрался «Исследователь» до небольшой защищенной бухточки на северном побережье острова, названной Мак-Клором «Бухтой Милосердия». Здесь корабль окружили льды, а на следующий день (24 сентября) мороз сковал их вместе, заключив судно в долгий, тяжелый плен. Матросы занялись приготовлениями к зимовке, и скоро корабль был приспособлен для борьбы с снежными заносами и холодом. Мак-Клор 1 октября, имея в виду необходимость экономить продовольствие, отдал распоряжение сократить размеры выдаваемого ежедневно рациона пищи до двух третей прежнего. По счастью место зимовки находилось в районе, богатом разнообразной дичью, и путем охоты удалось значительно пополнить сократившиеся судовые запасы.

В апреле 1852 года Мак-Клор предпринял экскурсию в сторону острова Мельвиля по льду пролива, отделявшего его от места зимовки. Вскоре он на этом острове достиг скалы из песчаника, знаменитой со времен Парри. Пересечением пролива, названного впоследствии его именем, Мак-Клор доказал существование второго морского пути из Тихого океана в Атлантический. У подножия скалы Мак-Клор надеялся найти зимний лагерь какой-либо поисковой партии или хотя бы продовольственный склад. Надежда его не оправдалась, так как ни людей, ни провизии он не обнаружил, вместо этого нашел только записку, оставленную 6 июня 1851 года Мак-Клинтоком, посетившим эти места во главе одного из санных отрядов экспедиции Остина. Мак-Клор остался верен существовавшему в те времена среди полярных мореплавателей обычаю и положил обратно бумагу своего предшественника, добавив к ней записку от себя, в которой коротко изложил историю своего плаванья. Записка эта имела характер завещания, и, между прочим, в ней указывалось, что ему нигде не удалось найти ни следов Франклина и его товарищей, ни признаков прохождения флагманского корабля «Предприятие». Сообщалось также, что он решил вернуться в Англию еще в нынешнем году, посетив по пути остров Мельвиля и остров Леопольда. Если же от него не было бы никаких известий, то наиболее вероятным следовало считать или что он попал в полярные льды, или что его корабль угнало к западу от острова Мельвиля. «И в том и в другом случае, — говорилось в записке, — не следовало бы посылать спасательных отрядов, во избежание

еще большей беды, так как всякий корабль, затертый в полярных льдах, обречен на неминуемую гибель».

Мак-Клюр вернулся к месту зимовки, надеясь на скорое избавление из ледяного плена. Лето 1852 года было очень благоприятным в ледовом отношении, но кораблю, заключенному в бухте Милосердия, оно принесло мало радости. Лед в бухте в этом году так и не вскрылся, и экипаж «Исследователя» оказался обреченным на третью зимовку, перспективы которой были довольно печальны. Силы команды к этому времени заметно ослабели, прежнее бодрое настроение сменилось чувством утомления и неуверенности в своей судьбе. Нельзя было быть уверенным, что люди вынесут еще одну тяжелую зиму среди льдов. Однако другого выхода не было, необходимо было храбриться перед лицом наступающих морозов.

Тогда Мак-Клюр объявил экипажу свое решение. Он объяснил своим спутникам, что положение корабля и экспедиции очень трудное, и что всем не выдержать еще одной — четвертой — зимовки во льдах. Поэтому он предлагает команде разделиться на два отряда, из которых один, состоящий из физически более крепких людей, останется на судне и еще раз попытается пройти открытым проходом, тогда как второй направится пешком к населенным местам, причем одна половина пойдет прямо на восток через пролив Бэрроу к острову Леопольда (где находился продовольственный склад), тогда как вторая изберет ближней целью своего путешествия устье реки Мэкензи.

Третья зимовка протекала несравненно тяжелее предыдущих. 30 марта был утвержден состав восточного (26 человек) и южного (8 человек) отрядов и назначен день их выхода — 15 апреля.

Среди людей, собравшихся в путь, большинство болело цынгой. 5 апреля был первый смертный случай.

Хорошо известно, как сильно влияет на развитие болезни подавленное настроение захворавшего цынгой. Люди на «Исследователе» всеми способами старались в течение долгой зимы приободрить себя, но не всегда это удавалось в той мере, в какой было необходимо. Нет сомнения, что состояние экипажа затертого льдами корабля было бы совсем другим, если бы люди своевременно узнали, как близка помощь. Если бы им было известно, что оставленная на всякий случай у подножья скалы записка давным-давно подобрана спасательной партией Келлета, то вместо ощущения по-

стоянной угнетенности они испытывали бы острое чувство радости и бодро смотрели бы в глаза будущему.

Получив соответствующее поручение от Бельчера, Келлет уже в начале сентября 1852 года достиг острова Мельвиля. Широкий ледяной припай мешал ему остановиться здесь на зимовку, и потому Келлет решил немного отступить и укрылся в бухточке на острове Дили в семи-восьми милях от острова Мельвиля. Этой же осенью он направил в разные стороны санные партии для закладки продовольственных депо для нужд больших весенних вылазок. Лейтенант Мечам посетил место зимовки Парри, посещенное впоследствии Мак-Клинтоком и, совсем недавно, Мак-Клюром. С известием о своей удивительной находке Мечам поспешил на корабль. Легко представить себе, с каким восторгом бросились бы люди из экипажа кораблей Келлета на розыски зимующего неподалеку Мак-Клюра. К несчастью, это было невозможно, так как наступало самое темное время года, когда ни о каких путешествиях не могло быть и речи. Как ни обидно было сидеть сложа руки, но, за неимением другого выхода, оставалось только терпеливо ждать возвращения солнца. Но как только мрак прошел, тотчас был снаряжен отряд во главе с лейтенантом Пимом, бывшим ранее на «Геральде» в числе тех, кто вместе с Келлетом в последний раз прощался с Мак-Клюром в Беринговом проливе. Отряд состоял из десяти человек, в числе которых был доктор Домвилль. Шесть собак везли сани, нагруженные продовольствием.

6 апреля, то есть за девять дней до предполагаемого выхода отрядов с «Исследователя», Пим подошел к бухте Милосердия. Приди он неделями двумя позднее, половина экипажа затертого льдами корабля была бы уже далеко на пути к несомненной гибели, так как больные люди не одолели бы трудностей дороги, пролегающей через бесчисленные торосы и глубокий снег.

На «Исследователе» издали заметили приближающуюся фигуру. Какое впечатление произвел на всех приход Пима, видно из следующего отрывка дневника Мак-Клюра: «Я прохаживался со старшим лейтенантом у корабля, рассуждая о том, как вырыть могилу нашему скончавшемуся товарищу в замерзшей как камень земле, как вдруг мы увидели, что к нам по льду быстро приближается какая-то человеческая фигура. Судя по наружности фигуры и скорости шага, мы подумали, что это кто-нибудь из наших, преследуемый медведем. Но чем ближе человек подходил, тем сомнительнее

Встреча-Бедфорда Пима с Мак-Клюром

становилось наше предположение. Фигура не была похожа ни на одного из наших людей, между тем можно было допустить, что кто-нибудь из них примерил новую, еще не надетую одежду, приготовляясь к предстоявшим санным путешествиям. Так как кроме этой фигуры никого больше не было видно, то мы пошли ей навстречу. На расстоянии двухсот ярдов от нас, человек стал поднимать руки, делать знаки подобно эскимосам и с видимым напряжением принялся что-то кричать, но ветер относил звуки, и они казались нам каким-то диким воплем. Мы остановились. Странная фигура преспокойно приближалась, и когда мы увидели, что лицо ее черно как смола, то у нас невольно родился вопрос, имеем ли мы дело с обитателем земли, или пришельцем с того света. Покажись нам что-нибудь вроде кончика хвоста или раздвоенного копыта — мы бы пустились бежать. Но так как этого не случилось, то мы устояли на месте. Если бы обвалился небесный свод, то и тогда, кажется, мы были бы поражены меньше, чем словами, которые услышали: «Я лейтенант Пим, раньше на «Геральде», теперь с «Решительного», под командой капитана Келлета, у острова Дили».

«Здоровые и больные высыпали на палубу, не веря ушам и глазам своим. Черный цвет лица человека, называвшего

себя лейтенантом Пимом, вызывал страшное недоумение. Ему пришлось объяснить, что окраска кожи в черный цвет практикуется в экспедиции Келлета для защиты лица от солнечных лучей, и только после этого люди поверили и поняли, что означает для них приход такого гостя. Безудержная, дикая радость царила на «Исследователе», принимавшем посланцев с «Решительного».

«Неожиданное появление отряда наших соотечественников, — говорит Мак-Клюр, — вызвало среди нас чувство, описать которое я не в силах: раньше нам казалось, что возможная помощь может быть разве что в тысячах миль от нас, поэтому охватившее нас теперь чувство невозможно себе представить, не побывав в подобном положении. Все наши люди ощутили возвращение прежней отваги, отчаяние уступило место самой горячей радости. Позабыв свои страдания и свою слабость, больные вскакивали с коек и бросались навстречу потоку людей, разлившемуся по палубе сквозь единственный люк, который мы держали открытым, чтобы сохранить тепло. Каждый старался лично удостовериться, что эти странные видения — не пришельцы из другого мира, а существа, состоящие из мяса и костей; вид их был действительно необычен, так как лица их, пропитанные дымом от корпии, были совершенно черны. Когда, наконец, убедились, что все это не сон, а подлинная действительность, ни у меня, ни у моих товарищей не нашлось слов, чтобы выразить наши мысли. Сердца наши были чрезмерно полны.

«На следующий день, 7 апреля, я отправился вместе с отрядом лейтенанта Пима на соединение с нашими спасителями. Двенадцать дней потратили мы на покрытие семидесяти миль, отделявших нас друг от друга. Однако прием, который был мне там оказан, с избытком вознаграждал меня за все лишения и усталость, которые пришлось перенести».

Встретивший Мак-Клюра и его товарищей капитан Келлет говорит о своей великой радости при виде их. Люди, за судьбу которых так сильно опасались, оказались целы и невредимы. Про Мак-Клюра он пишет, что тот даже выглядел неплохо, хотя был очень голоден. «День 19 апреля, — по словам Келлета, — будет вписан красными чернилами в историю нашего путешествия, а наши преемники и последователи всегда будут справлять этот день как праздник».

Мак-Дугалль, помощник капитана Келлета, следующим образом описывает произошедшую встречу:

«19 апреля. День необычайно ясный. Очень сильная рефракция. В 10 часов утра на западе было замечено несколько темных пятен, не похожих на тени от торосов. В полдень стало ясно, что темные предметы — это фигуры людей, двигавшихся по направлению к кораблю. Великая тревога овладела нами, и успокоились мы только тогда, когда узнали содержание известий с Земли Бэнкса.

«Около пяти часов вечера с судна была отправлена группа людей, чтобы помочь идущим тащить сани. Одновременно большая часть офицеров вышла навстречу усмотренному в подозрную трубу доктору Домвилю, шедшему несколько впереди главного отряда. Мы пожали ему руку (бывшую, также как и его лицо, черной как пиковый туз). Он сообщил нам, что «Исследователь» найден, и Мак-Клюр идет недалеко позади. Эта весть подавила нас своей неожиданностью, и на беднягу сразу посыпались тысячи вопросов, на которые он не успевал отвечать.

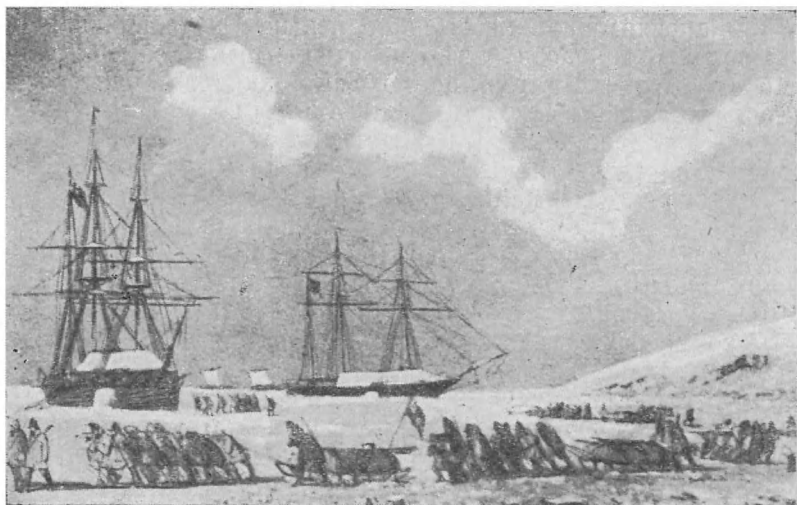
«Суетясь подобно всем прочим, я торопился присоединить свое «добро пожаловать» капитану Мак-Клюру и его спутникам к поздравлениям остальных наших товарищей. Бедняги! С первых же слов мы поняли, из какого жалкого состояния мы спасли их, и видели, какой горячей признательности по отношению к нам они были преисполнены.

«Мы ощущали глубокую благодарность судьбе, сделавшей так, что наш труд не пропал даром. Каждый член нашего маленького общества должен был одновременно испытывать чувство благородной гордости при мысли о том, что он — участник одного из предприятий, которое на службе человечеству достигло такого исключительного успеха.

«Около 6 часов вечера наши девять гостей находились уже на борту. Хотя мы жаждали поскорее узнать новости, но все вопросы были отложены до тех пор, как будут удовлетворены их аппетиты».

Радость по поводу встречи обеих экспедиций омрачалась только одним обстоятельством. Ведь так легко было, так хотелось допустить каждой из них, что неудача одной в деле поисков Франклина могла возместиться удачей на этом поприще другой. Оказалось же, что ни Мак-Клюр, ни Келлет не обнаружили ни малейших признаков следов пребывания членов Франклиновой экспедиции.

Вскоре, вслед за первой партией из девяти человек, с «Исследователя» двинулась следующая. К острову Дили

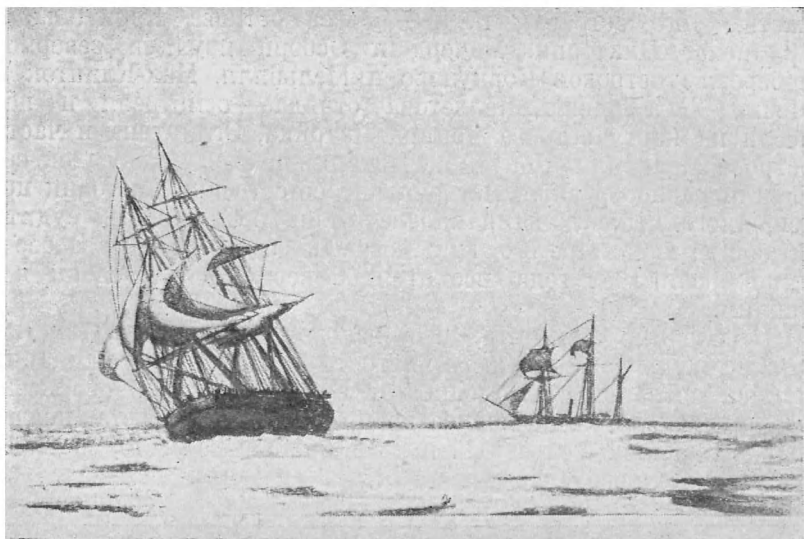

Отправка санных отрядов с «Решительного» и «Неустрасимого»

она пришла только 2 мая, так как составлявшие ее 26 человек находились в очень плохом состоянии, и переноска больных (среди них был один сумасшедший) сильно тормозила продвижение. Охотнее всего Келлет всех их отправил бы на остров Бичи, на главную базу Бельчеровской экспедиции, однако оказалось, что только одиннадцать человек могли решиться на переход, не отдохнув предварительно на гостеприимном «Решительном». Этот отряд во главе с лейтенантом Кресуэллом, как нам известно, благополучно достиг острова Бичи, и был принят капитаном Инглфильдом на борт «Фокса», доставившего их в Англию в том же году.

Экипаж «Исследователя» оказался, таким образом, разбитым на три части: первая группа ушла на остров Бичи, вторая осталась поправлять свое здоровье на борту «Решительного» и «Неустрасимого», а третья осталась на своем корабле. Мак-Клюр вернулся, с согласия Келлета, к себе, надеясь на то, что с остатками своей команды он дожидется освободительного лета и сможет продолжать свой поход на восток.

Тем временем Келлет не отчаивался еще найти спутников Франклина и снаряжал санные отряды для обследования окрестностей. Эти весенние экспедиции охватили огромную

Последняя попытка «Решительного» пробиться сквозь льды

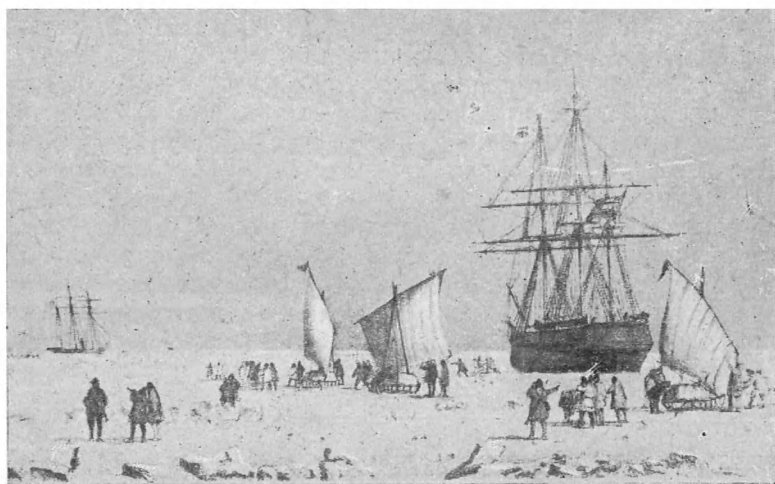
площадь и чрезвычайно обогатили карту северной части арктического архипелага Америки. В соединении с наблюдениями, производившимися одновременно партиями зимующих в северной части Веллингтонова канала кораблей «Помощь» и «Пионер», санные поездки членов отряда Келлета дали полную картину распределения здесь воды и суши, связав в одно целое прежние разрозненные наблюдения и дополнив их огромным количеством собственных. В результате с карты исчезло обширное белое пятно между $74^{\circ}5'$ и 78° северной широты и 92° и 110° западной долготы, и на месте его легли извилистые контуры больших и малых островов, проливов и заливов. Но главная цель всех этих поездок так и осталась недостигнутой: о ФранкLINE по-прежнему не было никаких сведений, ни даже намеков на посещение им этих стран.

Сделана была вся эта работа несколькими отрядами, походы которых изобиловали трудными положениями и могли быть осуществлены лишь благодаря необыкновенной энергии и стойкости команд и их начальников. Бельчер лично обошел в двух путешествиях Веллингтонов канал, остров Северный Девон, Землю Гриннеля (оказавшуюся впоследствии

частью того острова), южный берег острова Корнуэльс и архипелаг Виктории. Бичерд и Осборн изучили северное побережье островов Корнуэльс и Мельвиля. Мак-Клинтон и Мечам — оба члены Келлетова отряда — осмотрели и нанесли на карту острова принца Патрика, Эглинтон и часть острова Мельвиля. Попутно участники всех этих поездок собирали разнообразный материал по естественной истории посещенного края, давший впоследствии возможность судить об общем характере его, как географического района. В середине июля 1853 года все отряды вернулись к своим кораблям.

Необходимо отметить, что вскоре после прибытия на «Решительный» Мак-Клюра, в гости к Келлету неожиданно явился посланец с «Помощи» от Бельчера. Узнав обо всем, что произошло за последнее время в лагере Келлета, посланец отправился в обратный путь и, прибыв на место, сообщил об этом Бельчеру. Получение этих сведений окончательно утвердило Бельчера в решении вернуться по возможности скорее к базе экспедиции, так как он видел совершенную безнадежность попыток пробиться сквозь льды в северном или северо-западном направлениях. В июле месяце «Помощь» и «Пионер» вышли из пленивших их льдов залива Несчастья и направились по каналу Веллингтона на юг. Однако, после короткого плавания, льды опять затерли корабли, снова оставшиеся здесь зимовать. Посетивший Бельчера в это время командир «Северной Звезды» Пеллен не знал, что Бельчер зазимует, и потому сообщил встретившемуся ему на острове Бичи Инглфильду, что корабли главного начальника направляются к острову Бичи. Как мы знаем, поздней осенью Инглфильд отплыл в Европу с лейтенантом Кресуэлом на борту. Инглфильд хорошо сделал, что не ждал дольше, чем позволяла погода и время года, так как в противном случае не избежать ему было бы зимовки, тогда как Бельчера он все равно бы не дождался.

Такой же неудачей кончилась попытка Келлета доставить на остров Бичи летом 1853 года всех находящихся при нем членов экспедиции Мак-Клюра. Он намеревался отрядить для этой цели свой пароход, но при встрече со льдами сила пара на этот раз ничем не помогла, и вместо того, чтобы выйти к острову Бичи, и тем более к английским берегам, «Неустрашимый» вынужден был остаться на месте. Тем временем Келлет справедливо считал свою работу в этом районе законченной и дальнейшее пребывание здесь бес-

Оставление «Решительного» и «Неустршимого» на произвол судьбы

цельным, и, в соответствии с этим, собирался подтянуться к проливу Барроу вместе со своим главным судном — «Решительным».

К этому времени пришлось также изменить первоначальный план Мак-Клюра, состоявший, как известно, в том, чтобы со здоровой частью команды выждать освобождения «Исследователя» из ледового плена и продолжать на нем свой путь. Ледовые условия в области бухты Милосердия были в этом году настолько скверны, что надеяться на это было нечего, и потому Мак-Клюру предстояло решать — или оставаться на корабле еще одну зиму, или бросить его и перебраться на суда своего спасителя.

Как старший по чину, Келлет, в свою очередь, первоначально соглашался на новую зимовку Мак-Клюра, но лишь при условии, что команда будет состоять не менее чем из двадцати добровольцев.

Однако уже ранним летом того же года Келлет вынужден был назначить медицинскую комиссию для обследования состояния здоровья экипажа «Исследователя», так как имелись несомненные симптомы неблагополучного положения на этом корабле. В соответствии с написанной Келлетом инструкцией Мак-Клюр приказал двум врачам произвести

медицинский осмотр своей команды с тем, чтобы этим путем установить, способны ли люди оставаться еще на одну зимовку. Осмотр был произведен в присутствии самого Мак-Клюра и показал, что, исключая одного или двух человек, все офицеры и матросы в той или иной степени страдают цынгой. Не подлежало сомнению, что большая слабость большинства людей, — постоянно, к тому же, возрастающая благодаря недостаточному питанию, — совершенно исключает возможность оставаться в этих условиях на четвертую зиму. Кроме медицинского осмотра, каждый человек был подвергнут опросу насчет его желания остаться на судне. Спрашивал сам Мак-Клюр, и, несмотря на это, положительно ответило только девять человек. Таким образом, вместе с капитаном желающих остаться было десять человек, то есть ровно половина количества, утвержденного Келлетом в качестве минимального. При таких обстоятельствах нужно было решиться бросить корабль и в полном составе перебраться на суда спасательной экспедиции. С болью в сердце оставил Мак-Клюр своего любимого «Исследователя», но делать было нечего: этого требовали обстоятельства и недвусмысленный приказ Келлета.

Августовская буря, жертвой которой стал Белло и его корабль «Бредалбэйн», взломала лед в Мельвилевом проливе, отделявшем суда Келлета от его цели в глубине пролива Бэрроу. «Решительный» и «Неустрашимый» направились по взломанному льду, но еще до входа в пролив Бэрроу попали в самую гущу льдин и потеряли возможность управления. Келлет вместе со своими пассажирами на двух кораблях вынужден был остановиться. Вскоре настали морозы, и экипаж «Решительного» и «Неустрашимого» стал устраиваться на зимовку. Таким образом в лето 1853 года ни Бельчеру, ни Келлету не удалось достигнуть острова Бичи, и все четыре корабля оказались в самом незавидном положении.

Весной 1854 года между обоими отрядами завязалась оживленная связь. Выше было сказано, что Бельчер твердо решил на кораблях пробраться к острову Бичи, но так как состояние здоровья экипажа его судов было к этому времени очень скверным, а льды загородили путь, то перед Бельчером встала угроза необходимости бросить оба корабля на произвол судьбы и направиться санным путем по льду Веллингтонова канала на свою базу. Келлет смотрел на дело несколько иначе, так как, хотя он тоже стремился к острову

Бичи, но ни за что не хотел бросать свои корабли. Для переговоров по ряду вопросов, связанных с дальнейшей работой экспедиции, Бельчера посетил посланный Келлетом Мак-Клинтон. 13 апреля 1854 года Мак-Клинтон оставил место зимовки своих кораблей и в замечательно короткий — всего лишь двухнедельный — срок успел побывать на острове Бичи, посетить Бельчера и вернуться обратно. Он привез с собой письмо от главного начальника, содержащее распоряжение бросить оба судна, предварительно выгрузив большую часть провизии на близлежащем мысу. Для этой цели Бельчер распорядился выслать с острова Бичи трое саней. Письмо Бельчера к Келлету представляет собой во многих отношениях любопытный документ. Приводим содержание его полностью:

*Корабль «Помощь», канал Веллингтона
21 апреля 1854.*

«Сэр!

«Я подтверждаю получение Вашего сообщения от 12 апреля.

«Рассмотрев и зрело обдумав содержание его, я не вижу основания к изменению моего первоначального решения от минувшего октября о том, что корабль «Решительный» или тендер, или и тот и другой, должны быть Вами оставлены.

«Единственное, что наводит на размышление, это — отсутствие рабочих партий. Поэтому Вы сами должны будете руководить выгрузкой с «Решительного» ценных запасов, хронометров и инструментов, а также снятием офицеров и команды. Для получения дальнейших инструкций Вам следует направиться к острову Бичи, оставив при этом на месте командира Мак-Клинтока ждать возвращения отсутствующего санного отряда, после чего он должен будет покинуть «Неустрашимого» и пойти к острову Бичи.

«Мне не приходится добавлять, что оба Ваши корабля имеют хорошие крепления и совсем не повреждены, и потому они смогут быть снова заняты, если я сочту это полезным, в июле или августе месяце. Возможно, что они сами выпутаются, и что сама природа пришлет нам их к острову Бичи; тогда будет легким делом снова занять их, если они окажутся в состоянии, пригодном для непосредственного пользования.

«Саннные отряды, направленные на эту работу моим последним приказом, не могут быть освобождены от морской вахты, которую они здесь несут, и должны будут добраться до этого корабля к пятнадцатому мая, но зато команды «Северной Звезды» и «Исследователя» будут предоставлены в Ваше распоряжение.

«Составлено и подписано моей рукой на борту «Помощи», в Веллингтоновом канале, апреля 21-го дня, 1854.

Эдвард Бельчер

капитан, командующий
арктической эскадрой

Капитану Г. Келлету
на корабль «Репительный»
в проливе Барроу».

После получения этого письма, Келлет немедленно покинул корабли и прибыл на остров Бичи даже несколько раньше Бельчера. Предстояло решать, как действовать. У Бельчера была надежда на то, что «Помощь» сама выберется из льдов и он сможет ею воспользоваться, а Келлета он предполагал на «Северной Звезде» отправить обратно в Европу. Тем временем, 21 августа, льды разошлись, и открылась чистая вода. Люди надеялись на то, что «Помощь» сможет притти, но она так и не появилась. Бельчер решил сам пойти на «Помощь» и постараться пробиться сквозь льды, но попытка эта не удалась. Корабль пришлось бросить.

«В 6 часов утра, 25 августа, при полной луне, команда с «Помощи» разместилась по катерам и шлюпкам, — рассказывает Бельчер, — и вскоре все собрались на льду в походном порядке. Перед уходом палубы корабля были начисто убраны, каюты приведены в порядок, и все судно было осмотрено мной в сопровождении commodore Ричардса. Уже были надежно законопачены люки и оставлен открытым был только маленький проход в мою каюту. Флаги и вымпелы были так плотно укреплены, что могло показаться, что они прибиты к мачте. Последний удар молотка конопатчика по краю люка, закрывавшего мой трап, отозвался эхом во многих сердцах. Казалось, будто мы похоронили что-то родное. В сопровождении commodore Ричардса, я тихонько осмотрелся по сторонам, — никаких звуков, никаких возгла-

сов, наши сердца были слишком полны! Повернувшись спиной к кораблям, мы отправились в невеселый путь сквозь льды. Позади мы оставили наш дом, и нам казалось, что мы только меняем его на базу острова Бичи».

Во время отсутствия Бельчера, Келлет закончил устройство годовичного продовольственного склада, рассчитанного на шестьдесят человек. Склад был запечатан, и позади него воздвигнули столб в память всех умерших членов этой экспедиции.

Нетрудно вообразить себе возникшую на «Северной Звезде» тесноту, когда на ней поместились команды нескольких кораблей! «Какие чувства испытывал я, — горестно восклицает Бельчер, — когда оказался вместе с офицерами и командой на переполненной палубе этой хрупкой баржи!» 26 августа «Северная Звезда» снялась с якоря.

Никто из членов экспедиции не знал в то время, с какими новыми планами они встретятся по своему прибытии на родину. Между тем в кругах адмиралтейства господствовали самые мрачные, упадочные настроения. Еще задолго до возвращения поисковых экспедиций, в январе 1854 года было принято жестокое решение «вычеркнуть из состава английского флота, как погибших на службе родины, всех членов Франклинового экипажа, если до 31 марта не придет весть о совершившемся спасении их». Узнав об этом, лэди Франклин горячо запротестовала, указывая на то, что ведь никаких подлинных доказательств свершившейся катастрофы до сих пор не найдено, и всячески доказывала возможность благополучного здравствования пропавших. Ее вмешательство имело тот эффект, что вначале решено было несколько отложить выполнение этого акта. Все же впоследствии это решение было изменено, и в марте месяце акт был официально оформлен.

В то же время адмиралтейство приняло меры для окончательного выяснения судьбы и ознакомления с результатами исследований Бельчеровской экспедиции. Для этой цели была снаряжена новая экспедиция: хорошо знакомый нам «Феникс», под начальством Инглфильда, держал путь на остров Бичи. Его сопровождало судно «Тальбот» и транспорт «Усердие». У острова Диско «Усердие» повернуло обратно и принесло домой сообщение, что в этом районе много тяжелых льдов. Однако «Феникс» и «Тальбот» без особых трудностей прошли поперек Баффинова залива и вскоре вошли в пролив Ланкастера.

«Это был холодный, мрачный день, насыщенный снегом и туманом, — рассказывает Бельчер. — Спускаясь в свою каюту, я вдруг услышал слова, что в направлении мыса Райли виден пароход с баркой на буксире. Оказалось, что это «Феникс» и «Тальбот», везшие добавочные запасы и инструкции от адмиралтейства. То, что они пришли в этот момент, было счастливым случаем, потому что если бы они явились сюда немногими часами позднее, они по всей вероятности разминулись бы с нами, так как, согласно моему указанию, мы держали курс на остров Леопольда и к южному побережью, предполагая затем изменить его, направившись мимо острова Адмиралтейства с заходом в порт Дундас».

Инглфильд привез Бельчеру новые распоряжения адмиралтейства, знаменующие новые настроения в руководящих кругах его. Адмиралтейство обращало специальное внимание Бельчера на возможность положения, при котором окажется необходимым свернуть работу и отозвать все суда обратно в Англию. В отношении команд «Исследователя» и «Предприятия» (если бы это судно удалось тоже обнаружить) приказ был совершенно ясен: их следовало немедленно отослать в Европу. В случае полной неудачи экспедиции, надлежало возвращаться всем, не теряя лишнего времени, а «если бы удалось обнаружить какие-либо следы, или были основания ждать успеха от дальнейших поисков, то (Бельчеру) следовало посоветоваться со старшими офицерами всех кораблей по вопросу об этих поисках». Учитывая вероятность того, что корабли будут брошены, инструкция специально оговаривала нежелательность оставления «Решительного» в этом сезоне.

Это последнее требование не было выполнено Бельчером, но в отношении всех прочих пунктов дополнительной инструкции он считал свой образ действия стоящим в полном согласии с нею. Бельчер был убежден в том, что сделал все, что возможно, для достижения главной цели экспедиции, и не считал себя виновным в ее неуспехе. Однако, очевидно, он предвидел бурю, которую вызовет его появление в Англии на чужом корабле, и потому старательно готовился дать отпор своим будущим оппонентам.

Тем временем Инглфильд выполнил возложенное на него задание, установив на острове Бичи строгий, но изящный памятник погибшему год тому назад Белло. Памяти молодого француза, добровольно отдавшего свои силы делу спасения Франклина и так нелепо погибшего, были оказаны

подобающие почести, памятник украшен мемориальной доской. Вскоре все корабли были приведены в полную готовность к отплытию. С тяжелым сердцем прощались Бельчер и его товарищи с суровой Арктикой.

Путь через пролив Ланкастера и Баффинов залив был благополучно пройден. Корабли пересекли Атлантический океан и в конце сентября подошли к берегам Англии.

Предчувствия Бельчера сбылись: его приезд был встречен общим недовольством, переходящим в возмущение и негодование. Больше всего горячились те, кто по собственному опыту не был знаком с трудностями работы в Арктике, но и старые полярники удивлялись плачевным результатам этого, столь широко задуманного и блестяще снаряженного предприятия. Будто из рога изобилия посыпались на Бельчера упреки в слабом руководстве экспедицией, многие решались прямо обвинять его в трусости. Необходимо отметить, что к Бельчеру подходили с несколько предвзятым мнением, находясь под впечатлением постигшей его неудачи и беспримерного факта оставления на гибель во льдах Арктики пяти прочных и богато обставленных кораблей. Правда, Бельчер не доставил никаких вестей о Франклине, но зато выяснил невозможность пребывания его на очень большом участке американской Арктики, — а такое выяснение правильно было бы рассматривать тоже как своего рода успех. С другой стороны, именно Бельчеровская экспедиция произвела наиболее обширные и исчерпывающие географические исследования арктического архипелага; между тем ни одна английская газета того времени, ни одно периодическое издание не обмолвились о ней ни словом, ни один научный журнал не поместил на своих страницах сведений о географических открытиях ее.

Что же мог сказать Бельчер в свое оправдание? Лучшее доказательство правильности своего образа действия Бельчер хотел видеть в тексте самой инструкции, доставленной ему Инглфильдом. Между прочим, здесь было сказано: «Вы были посланы на поиски следов сэра Джона Франклина и его товарищей, в последней надежде (если это можно назвать надеждой) на спасение их, а также для встречи и на помощь — поскольку это будет возможно — экспедициям капитана Коллинсона и Мак-Клюра. Когда же Вы рассудите, что Вами сделано все, что могло быть сделано в этом деле, то Вы должны будете немедленно доставить Вашу команду домой.

«Я выбрал Вас, потому что думаю, что у Вас достаточно энергии, чтобы сделать все должное, и вместе с тем Вы сумеете прийти к самостоятельному решению; если же Вы решите, что больше ничего сделать Вы не в состоянии, то Вы найдете в себе достаточно мужества, чтобы действовать в соответствии со своим убеждением и вернуться домой.

«Насколько я информирован относительно Вашего образа действий по всем этим важным параграфам, я им удовлетворен».

По этому поводу Бельчер пишет: «в столь ясной инструкции — в полном соответствии с которой я действовал во время плавания — совершенно определенно и безапелляционно указывалось, что я не должен колебаться, отдавая своим подчиненным самые решительные и окончательные распоряжения, а также что я обязан сообщить свои взгляды и намерения моим главным офицерам и что эти взгляды и намерения должны быть приняты моими подчиненными для руководства, даже если меня самого постигла бы какая-нибудь неудача». Бельчер отмечал соответствие своего образа действий с полученными указаниями, одновременно старательно подчеркивая свое трудное положение начальника. Он необычайно многоречив в доказательствах своей правоты и проявляет огромное высокомерие в отношении тех, кто склонен не одобрять его действий. Все свои заявления Бельчер делает чрезвычайно авторитетно, всячески подкрепляя доводы логическими рассуждениями и примерами.

Положение, создавшееся после возвращения экипажа Бельчеровской эскадры, было чрезвычайно напряженным. На этот раз адмиралтейство не могло ограничиться разбором дела в специально созданной комиссии, как было в случае спора Остина с Пенни, а оказалось вынужденным решать вопрос судебным порядком. В качестве обвиняемых на заседании военного суда предстали старшие офицеры брошенных кораблей, начиная с Бельчера, Келлета и Мак-Клюра. Разбор всего дела длился три дня.

Первым обвиняемым был капитан Мак-Клюр. Обвинение состояло в оставлении «Исследователя». Мак-Клюр оправдывался представлением соответственного письменного распоряжения, полученного им от старшего рангом офицера — капитана Келлета. Конечно, разбор этого дела был, собственно, чисто формальным, и потому он занял немного времени. Всем были хорошо известны обстоятельства, при которых Мак-Клюр покинул свой корабль, и все знали, что

иного выхода из создавшегося положения быть не могло. Совершенно ясно, что даже если Мак-Клюр, проведший во льдах четыре зимовки, решился бы на этот шаг без санкции старшего офицера, ему мог бы быть вынесен только оправдательный приговор. И действительно, после короткого совещания, суд не только признал правильность образа действий Мак-Клюра, но присовокупил, что «Мак-Клюр, офицеры и команда «Исследователя» достойны величайших похвал за проявленное ими рвение...» Возвращая Мак-Клюру шпагу, председательствовавший сказал: «Суд того мнения, что Ваше руководство, подвергавшееся труднейшим испытаниям, было во всех отношениях в высшей степени похвально и достойно».

Затем суд принялся за разбор дела капитана Келлета, обвинявшегося в оставлении «Решительного» и его тендера «Неустрасимого». Суд интересовался причинами оставления кораблей и условиями, в которых оно имело место. Будучи спрошен об этом, Келлет сослался на текст представленного им, полученного от Бельчера соответствующего приказа. Тогда по распоряжению суда были зачтены несколько писем, среди которых некоторые имели пометку: «секретно». Одно письмо от Бельчера к Келлету, датированное 7 февраля 1854 года, содержало пожелание, чтобы капитан Келлет, во главе команды и офицеров «Решительного» и «Неустрасимого», встретил его на острове Бичи до 26 августа того же года. Предложение Бельчера покинуть корабль было сделано в очень туманной форме и напоминало собой просьбу. На это письмо Келлет ответил, что он не видит «в его (Бельчера) распоряжении ничего такого, что оправдывало бы оставление корабля, находящегося под его (Келлета) командой». Высказав свое мнение по этому поводу, Келлет просил Бельчера, которому он, как известно, был подчинен, прислать ему «окончательные, совершенно решенные и ясные приказания». Одновременно в частном письме Келлет сообщил Бельчеру, что единодушное мнение всех на борту «Решительного» таково, что корабли не должны будут пострадать при поломке льда предстоящей весной, так как он весь формации предыдущего года, а следовательно не должен представлять большой опасности для корпуса кораблей. Этим Келлет хотел сказать, что сам он не видит необходимости оставления своих судов на произвол судьбы и бегства на остров Бичи.

Как на это дело смотрел Бельчер, нам уже известно, также как и его ответное письмо от 21 апреля. Бельчер по-

велел в самой недвусмысленной форме покинуть корабли, забрав с них все ценное, и отправиться вместе со всем экипажем за новыми распоряжениями по льду на базу экспедиции. Получение этого приказа освободило капитана Келлега от всякой ответственности, и суд объявил приговор, содержащий почетное оправдание Келлета, офицеров и команды «Решительного» и «Неустрасимого». Председательствующий вручил Келлету его шпагу, заметив при этом, что он «испытывает большое удовольствие, возвращая владельцу его саблю, носившему ее с такой честью и пользой для своей страны».

Затем начался разбор дела капитана Бельчера. Вначале были заслушаны различные свидетельства обвинительной стороны, потом выступил обвиняемый. Бельчер держал длинную, умную речь, в которой использовал все обстоятельства путешествия, сколько-нибудь полезные для доказательства неизбежности практического вывода, к которому он пришел. В поисках за оправданием, Бельчер ссылаясь на разные авторитеты и читал длинные выдержки из инструкций. В течение нескольких часов Бельчер защищал себя от обвинения в недостатке мужества и стойкости. Он не жалел красок, изображая трудности арктических плаваний, опасности зимней работы в Арктике и борьбу с дикой стихией и морозами. Во всей речи Бельчера чувствовалась уверенность в солидности своей аргументации, чувствовалась обдуманность каждого слова и решимость защищать себя до конца.

После защиты суд удалился на полтора часа, и по истечении этого времени был прочтен вердикт. Вот его содержание: «Суд того мнения, что сэр Эдвард Бельчер, которому было оказано большое доверие лордами адмиралтейства и была дана полная, неограниченная власть, имея соответствующие полномочия, действовал в соответствии с полученными приказами, когда оставлял корабль «Помощь» и его тендер «Пионер» и когда распорядился покинуть корабль «Решительный» и его тендер «Неустрасимый». Вместе с тем было бы желательно, чтобы он, — если бы это позволяли обстоятельства, — предварительно посоветовался бы с капитаном Келлетом. Суд выносит решение, что слова капитана Эдуарда Бельчера оправдывают его, и, таким образом, он считается оправданным единогласно».

В этом приговоре, несмотря на его оправдательный характер, были пропущены обязательные в подобных случаях

слова «с честью». Суд признал Бельчера невиновным в нарушении полученных инструкций и потому не мог не оправдать его. Однако, чтобы показать Бельчеру недовольство его поведением, председательствующий вернул ему шпагу, но при этом, опять таки против правил, не проронил ни слова.

Впоследствии оказалось, что не все его предположения о вероятной судьбе брошенных кораблей оправдались и что бросать их не было абсолютной необходимости. Бельчер проявил много энергии в начале своего плавания, но неудача поисков убедила его просто прекратить их, вместо того, чтобы попытаться перебросить силы в другой район. Предложение адмиралтейства прекратить поиски, если они не дали и не обещают в будущем желанного результата, пришлось ему поэтому как нельзя более по вкусу.

В заключение описания Бельчеровской экспедиции необходимо рассказать любопытнейший эпизод, связанный с историей этой экспедиции самым тесным образом и имевший место весной следующего, 1855, года. В конце мая этого года от побережья Нового Лондона отвалило китобойное судно «Джордж Генри», направляясь на промысел в Дэвисов пролив. Корабль попал в довольно трудное ледовое положение и только 20 августа, находясь на широте 67° , получил возможность пробиться сквозь лед на 150 миль в юго-западном направлении. Налетевший с северо-востока сильный шторм длился три дня, и в результате «Джордж Генри» опять потерял возможность управляться, продолжая дрейфовать вместе со льдом в прежнем направлении. Вскоре капитан корабля, некто Беддингтон, увидел какую-то землю, но не мог отгадать, где находится. Следующий рассказ о дальнейших похождениях «Джорджа Генри» почти дословно взят из «Нью-Йорк Геральд» от 27 декабря 1855 года:

«... 10 сентября, на широте 67° , в то время как капитан Беддингтон стоял, затертый льдами, он обнаружил на северо-востоке, на расстоянии около двадцати миль от мыса Милосердия какой-то корабль. Беддингтон поднялся выше по вантам и, присмотревшись к нему оттуда с помощью бинокля, определил, что это было брошенное судно. Нос незнакомого корабля оказался направленным на восток, и в течение всего этого и следующего дня курс корабля почти не изменялся. «Мы продолжали постепенно приближаться друг к другу, — рассказывает капитан Беддингтон, — хотя я не знал точно, что могло быть причиной этого, если не считать возможность того, что судно было увлечено обратным течением из Дэви-

сова пролива и поэтому дрейфовало по направлению к нам. В течение пяти дней мы находились в виду друг друга и продолжали дрейфовать один по направлению к другому». На шестой день, когда корабль находился приблизительно на расстоянии семи миль, капитан Беддингтон снарядил — после предварительной разведки — двух своих помощников и двоих из команды и поручил им пробраться через лед к покинутому судну, осмотреть его и вернуться насколько возможно быстро на свой корабль.

«Вскоре после ухода этой партии сорвался с юго-востока сильный ветер, вследствие чего между нею и оставшимися на борту судна не было в течение двух дней никакой связи. Когда же ветер стих, и партия могла спокойно повернуть обратно по своим собственным следам, они оставили корабль и после трудного, утомительного перехода прибыли на борт своего судна, снова оказавшись в полной безопасности. Они сразу же сообщили капитану Беддингтону все факты и рассказали, что брошенное судно есть британский корабль «Решительный».

Нетрудно себе представить, какое впечатление произвело это открытие на бравого капитана, бывшего, конечно, в курсе последних плаваний англичан. Он немедленно принял решение спасти свою драгоценную находку. Отметим характерные слова Мак-Дугалля, участника экспедиции на «Решительном», сказанные по поводу судьбы этого корабля: «Я не знаю случаев оставления корабля в подобных условиях, мне кажется в такой же степени новым и неслыханным подобный случай *возвращения* корабля, и ни с чем не сравнимый факт *восстановления* его».

И действительно, дрейф «Решительного» — это одно из самых замечательных и убедительных доказательств существования постоянного, сильного течения из пролива Бэрроу, проходящего через пролив Ланкастера и выходящего через залив Баффина в сторону Дэвисова пролива. Дрейф «Решительного» — это блестящее подтверждение невольных наблюдений, сделанных в свое время Джемсом Россом и Де-Хавеном. Возможность такого оборота дела отчасти предвидел Бельчер, когда он ждал появления на горизонте в районе острова Бичи силуэтов «Помощи» на севере и «Решительного» на западе. Об этой возможности говорит он в своем письме. Но Бельчер побоялся провести еще лишнюю зиму во льдах и решил вернуться. Возвращение «Решительного» без команды и капитана стало, таким образом, его позорищем,

так как доказало правоту Келлета, не считавшего положение своих кораблей весной и летом 1854 года угрожаемым и предпочитавшего остаться на вверенном ему корабле с тем, чтобы доставить его на родину. На фоне этого любопытен вывод капитана Беддингтона, основанный на самом факте находки и на произведенном осмотре корабля. Он говорит, что «если бы команда «Решительного» осталась на борту корабля в надежде на возможное освобождение его, она не смогла бы решить эту задачу быстрее, чем это было сделано естественными силами, давшими ему окончательную свободу».

О спасении найденного Беддингтоном судна рассказывается следующее: «В трюмах «Решительного» воды совершенно не оказалось, и потому было приступлено к приготовлениям для переправки корабля в Соединенные Штаты. Капитан Беддингтон решил взять лично на себя управление кораблем, и, захватив со своего судна одиннадцать человек, принялся с величайшим рвением за освобождение покинутого корабля от тисков окружающего его льда. Прежде всего был исправлен такелаж и приведены в порядок паруса. Эти работы заняли порядочно времени и были успешно закончены. Капитан Беддингтон находился в большом затруднении из-за отсутствия подходящих инструментов, которые были ему необходимы для следования к Новому Лондону после того, как корабль освободится из льдов. Показания его компаса не заслуживали никакого доверия, у него не было хронометра и мореходных карт, вместо которых имелся только приблизительный рисунок очертаний побережья Северной Америки, нанесенный на листе писчей бумаги. Взяв с собой дрянной компасик, квадрант и собственные анкерные часы, Беддингтон попрощался со своими товарищами, оставшимися на «Джордже Генри», и с верою в собственный опыт в плавании в таких широтах приготовился привезти домой награду.

«В то время, как капитан Беддингтон завладел «Решительным», этот корабль продолжал дрейфовать в юго-западном направлении вместе с паковым льдом. Дрейф продолжался до 16 октября, когда корабль добился выхода на чистую воду. Желая возможно дольше сохранить связь со своим судном, капитан Беддингтон оставался в течение трех или четырех дней у кромки льда в надежде на встречу с ним. Однако суда разошлись и не встретились впоследствии в течение всего дальнейшего, изобиловавшего приключениями путешествия «Решительного».

«Во время ожидания прихода «Джорджа Генри» на горизонте появилось английское судно «Алиби», которое направилось к «Решительному», будучи вызвано сигналами, и вскоре стало с ним бортом к борту. Капитану Стюарту была сообщена новость о находке «Решительного», и Беддингтон вручил ему пару найденных на покинутом корабле эполет Келлета с поручением возможно скорее доставить их хозяину.

«На «Решительном» нехватало рабочих рук, оснастка его была недостаточной, и корабль находился в состоянии, совершенно неподходящем для столь далекого плавания. Понимавший это положение капитан Беддингтон считал доставку корабля в порт задачей очень нелегкой. Водяные тянки в трюмах лопнули задолго до того, как он завладел кораблем, и благодаря этому судно стало очень легким и подвергалось большой качке на морской волне. Шторм за штормом навещал корабль. Но смелый парень работал днем и ночью и в конце концов добился успеха в своих похвальных стараниях спасти брошенный корабль. Достигнув открытого моря, он 20 октября вышел в обратный путь. Благополучно перенеся ряд штормов и поборов встречные ветры, «Решительный» 24 декабря, наконец, подошел к маяку Нового Лондона. Путешествие было успешно закончено благодаря деятельности всех участников этого предприятия и в особенности благодаря капитану Беддингтону, работавшему с утра до поздней ночи».

Такова краткая история этого беспримерного дрейфа и спасения брошенного на произвол судьбы корабля. По своем прибытии в Соединенные Штаты «Решительный» был основательно отремонтирован и впоследствии передан Англии. Прибытие сюда американской эскадры во главе с «Решительным» 12 декабря 1856 года состоялось в самой торжественной обстановке.

Осенью 1854 года в американской Арктике не осталось поисковых партий, кроме одной экспедиции, за судьбу которой не мало беспокоились. Прошло почти пять полных лет со времени выхода в море экспедиции Коллинсона, под начальством которого предстояло работать Мак-Клюру. Как мы знаем, командир «Предприятия» и главный начальник — Коллинсон — дал себя опередить Мак-Клюру и остался в 1850/51 году зимовать в теплом порту Гонг-Конга. Повидимому ни он сам, ни Мак-Клюр не имели ничего против раздельного образа действий и скорее радовались, чем огорчались невольной разлукой.

Ко времени возвращения в Англию Бельчера в сопровождении Келлета и Мак-Клюра о дальнейшей судьбе Коллинсона не было известно почти ничего. Правда, Мак-Клюр рассказывал, что один из его санных развозов в свое время обнаружил письменное сообщение Коллинсона, из которого было видно, что в его экспедиции все обстоит благополучно, но эти сведения были очень давние, и потому адмиралтейство, отчаявшееся в отыскании следов Франклина, собиралось послать еще одну экспедицию на выручку Коллинсона. По всей вероятности, эта экспедиция была бы снаряжена и послана, если бы не пришло неожиданное известие, что Коллинсон уже прибыл в порт Кларенс.

Только после возвращения Коллинсона в Англию узнал мир о замечательных похождениях «Предприятия», пробывшего в плавании более пяти лет и прошедшего три зимовки во льдах.

Спокойно перезимовав у китайских берегов, Коллинсон весной 1851 года снова направился к Берингову проливу. Сразу по прибытии на Аляску он получил печальное известие об участии, постигшей оставленного им здесь в прошлом году лейтенанта Борнарда, с поручением проверить правильность ходивших слухов о каких-то кораблях, будто бы разбившихся у этих берегов, и о людях, будто частично уцелевших, частично перебитых эскимосами. Борнард сопровождал русского губернатора Аляски во время одного из его путешествий вглубь страны и был убит при столкновении с индейцами. Таким образом, Коллинсон не мог получить интересовавших его сведений. Тогда он решил направиться прямо к острову Бэнкса.

Однако вскоре Коллинсон вынужден был отказаться от следования прямым путем — характерный для этой части моря ледяной барьер не пустил его на север. По узкой полосе чистой воды между льдом и берегом Коллинсон направился на восток. Сильным морским течением подхватило его корабль и понесло прямо на выдающийся вперед мыс Западный Бэрроу. Здесь уже скопились толпы туземцев, с нетерпением ожидавших неизбежной катастрофы, в надежде поживиться. Но ожидания их не оправдались. «Предприятие» благополучно выбралось из трудного положения, обогнув мыс Бэрроу. На пути к устью реки Мэкензи встретилось много различных препятствий, однако Коллинсону удалось побороть их. 26 августа он достиг мыса Бэзерст. Следуя дальше тем же курсом, Коллинсон вскоре оказался на тра-

верзе мыса Парри, на большом от него расстоянии. На следующий день на севере была замечена земля, разделенная нешироким проливом. Коллинсон направил туда свой корабль и через несколько дней прибыл к тому месту, где провел предыдущую зиму на «Исследователе» Мак-Клюр. Замечательно то, что оба путешественника прошли в разные годы почти точно одним и тем же путем, Следуя сначала поневоле вдоль берега, оба они смогли отклониться к северу только в области, прилегающей с юга к Земле Бэнкса, и неожиданно для себя попали ко входу в незнакомый пролив, названный Мак-Клуром проливом Принца Уэльского.

Коллинсон справедливо рассудил, что его предшественник должен был сделать попытку пробраться по проливу на север. У него возникла мысль, та же, что была и у Мак-Клюра, что этот пролив должен соединяться с проливом Мельвиля, то есть наверное представляет собой прямой выход на восток. «Предприятие» сравнительно легко достигло 73,°5 северной широты, но самый выход из пролива Принца Уэльского был прегражден непроходимыми льдами. Тогда Коллинсон повернул обратно, вышел из пролива и направился вдоль Земли Бэнкса на запад, намереваясь обогнуть ее с юга. У мыса Келлета он обнаружил записку Мак-Клюра, содержащую сообщение о том, что он избрал тот же путь и надеется выйти к северным берегам Земли Бэнкса. Этот документ был написан за тринадцать дней до прихода Коллинсона. Выше было коротко рассказано о необыкновенных трудностях пути, с которыми пришлось бороться Мак-Клюру. Как нам известно, он достиг своей цели, Коллинсон же должен был отступить перед тяжелыми льдами, напиравшими с запада. Он вернулся к проливу Принца Уэльского и остался зимовать в одной из бухт, вдающихся вглубь полуострова Принца Альберта.

В течение зимы 1851 года с корабля были отправлены две санных партии. Одна из них получила задание пройти к острову Мельвиля и достигла мыса Провидения на двадцать дней позднее Мак-Клюра. Вторая партия занялась исследованием побережья полуострова Принца Альберта. В начале августа 1852 года лед настолько разошелся, что можно было продолжать путешествие. Коллинсон сделал новую попытку подняться вверх по проливу Принца Уэльского, но ему пришлось повернуть обратно из-за встреченного здесь нагромождения льдов. Повернув на юго-восток, он направился ко входу в пролив Дольфин и Юнион, пролегающий

между островом Виктории и материком. Миновав этот пролив и пройдя затем заливом Коронации и проливом Диза, он достиг бухты Кэмбридж на 105° западной долготы. Было это 26 сентября 1852 года, а четырьмя днями позднее корабль затерло льдами.

Здесь Коллинсон встретил местных эскимосов-островитян и наладил с ними дружеские отношения. Сначала эскимосы проявляли большую боязливость по отношению к англичанам, но скоро их робость исчезла, они стали доверчивы и дружелюбны. Находясь в постоянном общении с ними, Коллинсон имел возможность подробно расспросить их относительно встреч с белыми людьми или об относящихся к ним находках. Расспросы у эскимосов ни к чему не привели, но зато удалось найти у них несколько любопытнейших предметов. Они состояли из небольшого количества железных и медных вещей, в том числе были: железный стержень от паровой машины и железный же сердечник со знаком стрелки, доказывающий принадлежность его Лондонскому адмиралтейству.

Весной 1853 года с «Предприятия» вышла санная партия, поставившая себе целью добраться, следуя постоянно вдоль берега, до крайней южной точки, достигнутой Джемсом Россом в 1849 году.

Эта сравнительно небольшая вылазка закончилась у острова Гэтсхед, расположенного близ северо-восточной оконечности острова Виктории. Экспедиция не дошла до цели на 215 километров. Она была вынуждена повернуть обратно, так как продолжать путь на восток не было никакой возможности из-за торосистого льда. На обратном пути была найдена часть дверной рамы с медным замком, снабженным тем же адмиралтейским знаком — стрелкой.

Перечисленные выше металлические предметы оказались принадлежавшими экспедиции Франклина, а относительно дверной рамы выяснилось впоследствии, что она принадлежала именно «Террору». Кроме всех этих вещей, на острове в бухте Кэмбридж, у зимней стоянки «Предприятия», был найден обломок обработанного дерева, который, по всей вероятности, относился тоже к одному из кораблей Франклиновой экспедиции.

Коллинсон, повидимому, догадывался о происхождении всех обнаруженных предметов, но отчего-то не сделал напрашивающегося вывода, что Франклин мог быть в этих местах.

Из всех искавших Франклина Коллинсон подошел ближе всего к месту, где могла бы разрешиться основная задача всех спасательных экспедиций. Об этом узнали только впоследствии.

Коллинсону не везло во всех отношениях. 10 августа неожиданно тронулся лед, и перед экспедицией открылась блестящая перспектива продолжать путь в восточном направлении, как вдруг выяснилось, что в Англии было по ошибке погружено слишком мало угля. Вместо того чтобы идти дальше в направлении к Атлантическому океану, Коллинсон вынужден был повернуть обратно. Нет ничего невероятного в том, что, не случись оплошность с углем, поход на восток мог бы закончиться успешно, и, таким образом, Коллинсон оказался бы первым, прошедшим водным путем из одного океана в другой. Вместо этого он вынужден был заняться сбором разбросанного по берегам плавника и срочно отправиться на запад. Как известно, через полвека после Коллинсона по этим же проливам провел свое судно настоящий победитель Северо-западного прохода — Руал Амундсен. «По моему мнению, — говорит Амундсен, — сэр Ричард Коллинсон является одним из самых талантливых и смелых мореплавателей, каких когда-либо являл мир. Он провел свое большое, тяжелое судно по фарватеру, где едва-едва хватало места для маленькой «Йоа». Но что еще изумительнее: он провел судно обратно и доставил его в целости домой».

В районе устья Меднорудной реки «Предприятие» было зажато льдами. С трудом удалось Коллинсону выбраться из тисков, потеряв при этом якорь вместе с якорной цепью. Следуя дальше на запад, корабль не раз встречал тяжелые льды. Особенно трудно было пройти мыс Бэзерст. Надежда встретить за ним открытое море тоже не оправдалась. Добравшись кое-как до района материкового залива Кэмден, Коллинсон был вынужден укрыться в нем перед напавшими льдинами. Здесь «Предприятие» осталось на третью зимовку во льдах. За это время был собран достаточный запас плавника, обеспечивавший спокойное плавание на весь следующий год. Уже 15 июля 1854 года лед тронулся, а пятью днями позднее море оказалось совсем чистым. В начале августа Коллинсон обогнул мыс Западный Барроу и проследовал дальше к Берингову проливу. Было подсчитано, что экспедиция на «Предприятии» провела 1126 дней во льдах, совершенно оторванная от всего мира.

Главная заслуга Коллинсона состоит, таким образом, в том, что он окончательно доказал возможность навигации по проливу Дольфин и Юнион и по проливу Диза. Первый из этих проливов был, как известно, открыт в 1826 году Ричардсоном, проплывшим на шлюпках «Дольфин» и «Юнион» вдоль материкового побережья. Умный и прозорливый Ричардсон правильно оценил мореходное значение открытого им пролива и предсказал возможность плавания на нем больших кораблей. Ричардсон отметил в своем сочинении, что пролив Дольфин и Юнион, вероятно, легче проходим, чем «район к юго-западу от острова Мельвиля», то есть открытый Мак-Клуром и Коллинсоном пролив Мельвиля. Основания для этого он видел «с одной стороны, в более южном положении его (то есть пролива Дольфина и Юнион. — *Ред.*), а, с другой, — в том, что под действием приливов здесь создаются сильные течения, вызывающие разрежение льдов».

Плавание Коллинсона дало блестящее подтверждение толкованию Ричардсона.

Из всего изложенного видно, что Коллинсон, впервые на большом корабле прошедший — по этим проливам, оказал своими наблюдениями и открытиями немалую услугу полярному мореплаванию. Об этих заслугах впоследствии многие позабыли, хотя, с другой стороны, имела место и несомненная переоценка его достижений. Так, Бельчер, со свойственным ему формальным подходом, склонен был приписать Коллинсону честь открытий, совершенных Мак-Клуром. Он считал, что награда за открытие Северо-западного прохода по закону должна была бы быть выдана Коллинсону, как главному начальнику всей экспедиции. Что же касается Мак-Клюра, то Бельчер считал, что он потерял свои «корабельные права» в тот момент, когда отправил вперед своего заместителя Кресуэлла, прибывшего на остров Бичи, как нам известно, задолго до самого Мак-Клюра. Окончательная потеря прав Мак-Клуром совершилась, согласно Бельчеру, в минуту оставления им своего корабля. Конечно, трудно согласиться с мнением Бельчера, продиктованным желанием выше поднять авторитет главного начальника арктической экспедиции, однако следует признать, что, несмотря на свои неудачи, Коллинсон добился огромного навигационного успеха и доставил много полезных и важных сведений по географии посещенных им мест. Значительно более существенным представляется мнение, высказанное по этому вопросу

Амундсеном. Он говорит: «Обе эти экспедиции имели величайшее значение для сквозного плавания. Мак-Клюр доказал, что нельзя пройти тем путем, которым он шел. Заслуга Коллинсона была более значительна, так как он указал на действительно проходимый для судов путь — до тех пор, куда он проник сам. Другими словами, Мак-Клюр нашел Северо-Западный проход, который был непроходим, а Коллинсон нашел путь, который оказался хотя и не вполне пригодным для обычного плавания, но все же был проходим». При этом особенно существенно, что, рассуждая так, Амундсен ни в какой мере не затрагивает прав Мак-Клюра на получение им денежной премии.

В конце пятидесятых годов проблема Северо-западного прохода казалась, таким образом, решенной. Слава открывателя его осталась за Мак-Клюром. Он получил половину назначенной за открытие прохода премии, и никто, в том числе и Коллинсон, не собирався у него оспаривать его права. Один только Бельчер сказал свое формальное «против».

«Подлинный документ обещал награду всякому лицу, которое, плавая из одного моря в другое, докажет, что Америка есть остров, — пишет Бельчер. — При этом в документе указывалось, что в результате такого открытия «торговля получит большую выгоду». Как нам хорошо известно, Парри в 1819—1820 годах прошел через пролив Ланкастера и достиг острова Мельвиля, решив, таким образом, задачу о Северо-западном проходе наполовину и получив за свой подвиг половину назначенной премии. Бельчер вполне логичен, когда указывает, что после этого, собственно говоря, осталось открыть только половину пути. Открытие водного пути вдоль северного побережья Америки было делом Франклина, Ричардсона, Диза и Симпсона, работавших здесь в промежутке между 1819 и 1839 годами. «Но ввиду того, что они *не плавали сквозь*, им отказали в наградах, на которые они имели самое справедливое право», говорит Бельчер. Однако между достижениями этих четырех путешественников и открытием Мак-Клюра существует большая разница. Во-первых, Мак-Клюр хотя и не *проплыл* из одного моря в другое, но все же *прошел* весь этот путь, и, во-вторых, четверо старых исследователей не доказали окончательно существования непрерывной водной связи вдоль всего северного побережья Америки. Мак-Клюр и Коллинсон нашли впервые эту связь в проливах, омывающих с севера и с вос-

тока Землю Бэнкса, и только после этого открытия было доказано существование ее также в более восточной части архипелага. Коллинсон почти что наметил эту связь в районе к востоку от острова Виктории, а Кеннеди и Белло в 1851/52 году нащупали ее в районе полуострова Бутии, открыв пролив, названный именем французского моряка. Однако ни Коллинсон, ни Кеннеди не располагали прямыми доказательствами существования в этой части архипелага подлинного водного пути.

IX. НЕОЖИДАННЫЕ ВЕСТИ

Экспедиции 1853—1855 годов — Рэ, Андерсон

Коллинсон, Мак-Клур, Бельчер, Келлет и все предшественники их не сумели приподнять завесы, скрывающей тайну судьбы Франклина и его товарищей. Мы уже видели, что чем дольше длились поиски, тем дальше на север отодвигался район работы занятых ими экспедиций. Ко времени выхода Бельчеровской экспедиции главное внимание всех было приковано к неведомой области, открывающейся по ту сторону Веллингтонова канала. Однако все поиски ни к чему не приводили. В рядах друзей полярных героев, ушедших с Франклином в свое злополучное плавание, царил тяжелое разочарование и смятение. И вдруг пришло ошеломляющее известие: обнаружены следы потерянной экспедиции! Весть пришла оттуда, откуда ее меньше всего ожидали — доктор Рэ прислал письмо с сообщением, что он напал на след Франклина у устья Большой рыбной реки. Рэ извещал, что отряд пропавшей экспедиции достиг этого места и погиб или здесь, или в самой реке. Воскресли надежды, взгляды всех обратились к материковому побережью, а Веллингтонов канал и открытое Полярное море моментально были забыты. Сообщение Рэ сулило разгадку волновавшей всех тайны, и люди жадно прислушивались к рассказу смелого путешественника.

В 1853 году доктор Рэ был командирован Гудзоновской компанией закончить съемку длинного полуострова, тянувшегося с юга к острову Северному Соммерсету и известного под названием Бутии Феликс. Задача Рэ состояла в том, чтобы связать область магнитного полюса, посещенную в свое время Джемсом Россом, с районом устья реки Кастора и Поллукса, изученным ранее Симпсоном и Дизом. Сам Рэ под-

черкивает, что это путешествие было предпринято исключительно с целью географических исследований. На вопросы, задававшиеся ему перед отъездом относительно перспективы обнаружения в этом районе следов экспедиции Франклина, он отвечал, что вряд ли можно рассчитывать встретить их здесь.

Как и в 1846 году, доктор Рэ перезимовал у озер на перешейке, отделяющем залив Бутию от бухты Репульс, и ранней весной 1854 года отправился вместе со своими спутниками в дорогу для выполнения взятого на себя задания. Поднявшись по льду бухты Коммити до полуострова Симпсона, он двинулся затем на запад, пользуясь на своем пути, главным образом, покрытыми льдом озерами и замерзшими реками. Этим способом он значительно ускорял свое продвижение, так как дорога через холмы была гораздо труднее по причине неровностей мерзлой почвы, благодаря ветрам на больших пространствах свободной от снега. На своем пути 20 апреля Рэ встретил эскимоса, который на обычный, неизменный вопрос, не видал ли он белых людей, ответил, что, правда, не видал, но слышал, что несколько лет тому назад целый отряд белых людей погиб от голода где-то за большой порожистой рекой, далеко к западу от того места, где он тогда находился.

Необходимо указать, что «расстояние и время — такие понятия, о которых эскимосу трудно рассказать что-либо европейцу», как говорит Шерард Осборн в своей книге, посвященной экспедиции Мак-Клюра. Ведь эскимос не умеет считать дальше десяти! Доктор Рэ говорит, что хотя впоследствии он имел основания предполагать, что эскимос подразумевал именно Большую рыбную реку, находившуюся лишь в 70—80 милях от места, по которому они проходили, но в тот момент он не мог добиться от эскимоса большего, чем то, что место катастрофы находилось где-то за какой-то крупной рекой. Не узнав ничего больше про судьбу Франклина, Рэ был вознагражден получением некоторых убедительных доказательств правдивости сообщения эскимоса. Он обнаружил у эскимосов ряд предметов, несомненно принадлежавших экипажу «Эребуса» и «Террора». Тогда Рэ решил продолжать свой путь на север с тем, чтобы, с одной стороны, выполнить взятую на себя географическую миссию, и, с другой, — попытаться напасть на след партии Франклинова экипажа, искавшего спасения на материке, повидимому, где-то в этом районе. К сожалению, ему не удалось выполнить свой план целиком. Обстоятельства помешали

ему проникнуть далеко на север, и вскоре он был вынужден повернуть обратно к устью реки Кастора и Поллукса. Отсюда Рэ пошел прежней дорогой через сушу на свою базу в бухту Репульс, собирая по пути сведения и предметы, относящиеся к пропавшей экспедиции.

О результатах своих поисков Рэ сделал в Лондоне членам адмиралтейского совета нижеследующее донесение:

«Утром 20 апреля навстречу нам попался очень неглупый эскимос, везший на запряженных собаками саях мясо мускусного быка. На наше предложение провести с нами дня два он сразу согласился. Моментально свалив свой груз в снег, он был готов присоединиться к нам. Когда я объяснил ему свою цель, он сказал, что нам лучше всего поехать той дорогой, которой он приехал. Несколько разгрузив свои сани, мы продолжали путь уже с большей легкостью. Впоследствии к нам присоединился еще один туземец, который накануне отсутствовал, находясь на тюленьей охоте. Он очень желал нас видеть, приходил рано утром в наш снеговой домик, а затем пошел по нашим следам. Этот туземец был очень разговорчив; на наши обычные вопросы, видел ли он когда-либо раньше белых людей, суда или лодки, он ответил отрицательно, но добавил, что целая партия «каблунанов», то есть белых людей, умерла с голоду далеко к западу от того места, где мы тогда находились, за большой рекой. Он прибавил, что не знает точно этого места, что никогда там не был и что не может нас туда проводить. Сущность тех сведений, которые нам в этот раз и впоследствии удалось получить, сводится к следующему:

«Весною, четыре зимы тому назад (в 1850 году), когда несколько эскимосских семей охотились на тюленей у северного берега большого острова, называемого на картах Землей короля Уильяма, они видели около сорока белых людей, пробиравшихся все вместе через лед по направлению к югу и тащивших за собою сани и лодку. Они проходили вдоль западного берега вышеупомянутого острова. Ни один из них не мог говорить на языке эскимосов настолько хорошо, чтобы его можно было понять; но они объяснили туземцам знаками, что их судно или суда затерты

льдами и что они теперь пробираются туда, где можно рассчитывать поохотиться на оленей. Все они, за исключением офицера, тащили сани за канат, и по их изможденному виду можно было заключить, что у них не хватает съестных припасов; они купили небольшую тушу — или кусок туши — тюленя у туземцев. Про офицера говорили, что он был высокий, полный пожилой человек. Вечером они раскинули палатки для ночлега.

«Через несколько времени в ту же самую весну, но прежде, чем тронулся лед, было найдено несколько могил, а также около 36 трупов на материке и 5 трупов на острове, неподалеку, на расстоянии одного дня пути к северо-западу от устья большой реки, которая должна быть не что иное, как Большая рыбная река, о которой говорит Бак, так как описание реки, а также низкого берега по соседству с мысом Огль и островом Монреаль вполне согласуется с описанием сэра Джорджа Бака. Некоторые трупы были закопаны, некоторые лежали в палатках; другие были найдены под лодкой, которая была перевернута так, чтобы служить убежищем, остальные лежали разбросанные в разных направлениях. Один из трупов, найденных на острове, был, как предполагают, трупом офицера, так как у него через плечо была надета на ремне подозрительная труба, а под ним лежало двухствольное ружье.

«По обезображенному виду некоторых трупов, а также по содержимому котлов было очевидно, что наши несчастные соотечественники были вынуждены прибегнуть к людоедству, чтобы не умереть. Некоторые из этих несчастных, вероятно, выжили до прилета диких птиц (приблизительно до конца мая), так как неподалеку от сцены этой тяжелой драмы туземцы слышали ружейные выстрелы и были найдены свежие кости и перья гусей.

«Амунитии у них, повидимому, было достаточно, так как туземцы высыпали на землю порох из боченков и ящиков, а ниже высшей точки прилива были найдены пули и дробь, вероятно оставленные на льду у берега незадолго до начала весны. По всей вероятности, у них было несколько подозрительных труб, ружей (причем некоторые двухствольные), часов, компасов и т. п.; все это, повидимому, было сломано,

так как я видел у туземцев части этих предметов; я купил все, что мог, включая несколько серебряных ложек и вилок, орден (Order of merit) в виде звезды, и небольшую серебряную тарелочку с выгравированной надписью «Сэр Джон Франклин, Командир Ордена Бани» («Sir John Franklin, K. C. B.»).

«При сем прилагаю список главнейших приобретенных мною предметов, с выгравированными на них инициалами и с набросками выгравированных на ложках и вилках гербов. Все эти предметы я буду иметь честь вручить Вам по приезде моем в Лондон.

«Ни один из встреченных мною эскимосов не видел белых людей, ни живых, ни мертвых, никто из них не был там, где были найдены трупы, а сообщенные ими сведения они почерпнули из рассказов тех, кто там был и видел, как белые люди шли по льду.

«Судя по всему слышанному мною, нет оснований полагать, что туземцы совершили над ними какое-либо насилие.

«Список купленных у эскимосов предметов, которые, по их словам, были найдены вместе с трупами: 1 серебряная столовая ложка; герб — голова животного с распростертыми над нею крыльями; 3 серебряных столовых вилки: герб — птица с распростертыми над нею крыльями; 1 серебряная столовая ложка: герб и инициалы — F. R. M. C. (капитан Крозье, «Террор»); 1 серебряная ложка и 1 вилка: герб — птица с лавровой веткой в клюве, девиз: «spero meliора»; 1 серебряная столовая ложка, 1 чайная ложка и 1 десертная ложка: герб — голова рыбы, обращенная вверх, с лавровой веткой с каждой стороны; 1 серебряная столовая вилка: инициалы — H. D. S. G. (Гарри Д. С. Гудсир, лекарский помощник, «Эребус»); 1 серебряная столовая вилка: инициалы — A. M. D. (Александр Мак-Дональд, лекарский помощник, «Террор»); 1 серебряная столовая вилка: инициалы — G. A. M. (Джиллис А. Мэклин, помощник капитана, «Террор»); 1 серебряная столовая вилка: инициалы — J. T.; 1 серебряная десертная ложка: инициалы — J. S. P. (Джон С. Педди, врач, «Эребус»); 1 круглая серебряная тарелка

с выгравированной надписью: Sir John Franklin, K. C. B.; звезда или орден с девизом: Nec aspera terrent, G. K. III, MDCCCXV».

«Кроме того, целый ряд предметов без особых отличительных признаков. Все эти предметы, равно как и перечисленные выше, будут вручены секретарю Гудзоновской компании.

Джон Рэ

Бухта Репульс
Июль 1854 года».

Как видно из этого отчета, сведения, собранные доктором Рэ, были почерпнуты от людей, не бывших лично на месте катастрофы, а следовательно трудно было в то время поручиться за абсолютную правильность их. Все же не подлежало сомнению, что самый факт гибели части экипажа Франклиновых судов не был выдуман, об этом свидетельствовала логичность рассказа эскимоса, подкрепленного вещественными доказательствами.

На основании сведений, сообщенных доктором Рэ, можно было притти к следующим, довольно определенным выводам. Прежде всего представлялось очевидным, что какая-то, более или менее многочисленная партия людей — членов пропавшей экспедиции — достигла материкового побережья где-то в районе реки Большой рыбной. Повидимому, среди них были офицеры и матросы с обоих кораблей, так как некоторые вещи, приобретенные у эскимосов, носили имена как «Эребуса», так и «Террора». Лучшим примером этого могут служить: звезда Гвельфского ордена, принадлежавшая несомненно самому Франклину, и серебряные предметы, украшенные инициалами Крозье.

Шерард Осборн, деятельный участник нескольких спасательных экспедиций, внимательно изучил представленные доктором Рэ материалы и очень высоко оценил их значение. Его мнение по этому поводу состояло в предположении, что Франклин, вероятнее всего, отправил на юг часть своих людей, в надежде на то, что им удастся благополучно добраться до материка. К такому образу действия его могло бы вынудить затруднительное положение кораблей, застрявших в какой-нибудь бухте, редко освобождающейся от льда. Он мог рассчитывать, что снаряженная партия найдет себе какие-либо средства существования в районе устья которой-нибудь из больших рек, впадающих в эту часть Ледовитого

моря. По всей вероятности, эта партия имела поручение возможно скорее добраться до жилых мест, пересечь континент в направлении к Атлантическому океану и широко оповестить население, печать и власти о печальном положении своих товарищей, оставшихся на новую зимовку среди льдов. Так казалось Осборну, и так думали многие современники, знакомые с условиями работы и жизни в Арктике. Очевидная гибель этой партии сильно озаботила всех, тем более, что было ясно, что катастрофа произошла несколько лет тому назад, и Франклин за минувший промежуток времени не нашел других путей, чтобы дать знать о себе. Насколько правильно было предположение о том, что группа несчастных, о которой рассказывал эскимос, была лишь отдельным, специально посланным отрядом, будет видно из дальнейшего. Во всяком случае уже из данных Рэ можно было заключить, что командование пропавшей экспедиции несомненно смотрело на район устья реки Рыбной, как на область, откуда вернее всего придет спасение. Лишним доказательством этому может служить то, что на «Эребусе» и «Терроре», конечно, каждый человек знал историю экспедиции Джона Росса в 1829—1833 годах, когда, в результате его долголетнего отсутствия, на поиски его была снаряжена спасательная экспедиция как раз в устье Большой рыбной реки. Ведь у Франклина могли быть все основания к предположению, что для спасения его экспедиции будут приняты такие же шаги. Не мог знать Франклин только того, что «все рациональные предположения, сделанные в этом направлении, встречали возражения со стороны лиц, к которым адмиралтейство обращалось за советом», как говорит Осборн. Это указание не совсем правильно, так как многие из лиц, «к которым адмиралтейство обращалось», сами входили в состав его — Осборн старается обелить высшую морскую власть Великобритании, но ясно, конечно, что прежде всего именно адмиралтейство виновато в неуспехе работ спасательных экспедиций. Оно не хотело прислушаться к неоднократно с разных сторон раздававшимся голосам, требовавшим осмотреть полуостров Бутия Феликс и прилегающие к нему районы. Ни убедительные, горячие речи лэди Франклин, ни серьезные статьи, выходившие в «Атнее», ни призывы периодической печати не могли побороть упрямства адмиралтейских верховодов, опиравшихся в своих действиях лишь на мнения нескольких общепризнанных авторитетов в полярных вопросах.

Время получения отчета доктора Рэ совпало с развитием военных действий со стороны Англии, совместно с Францией объявившей войну России. В этой кампании — известной в истории под названием Крымской — принимал участие соединенный англо-французский флот, и все британские корабли, пригодные для военных операций, в это время находились, конечно, на самом строгом учете Лондонского адмиралтейства. Все же заслуживает удивления своеобразное отношение адмиралтейства к неразрешенной еще окончательно проблеме Франклиновой экспедиции, так как оно не сочло возможным выделить хотя бы небольшой корабль и дать необходимые средства для проверки данных, сообщенных Рэ. Впрочем, еще задолго до этого адмиралтейство поставило крест над Франклином и всеми его спутниками, объявив 13 марта 1854 года всех 129 человек умершими и вычеркнув их из списка офицеров и матросов королевского флота. 5 апреля вопрос о судьбе Франклиновой экспедиции был еще раз поставлен в парламенте. «Я того мнения, что суда утонули, а экипаж погиб, — заявил один из адмиралов и добавил: — все, что требует честь страны, было сделано для того, чтобы отыскать сэра Джона Франклина». За этими словами была скрыта твердая воля английского адмиралтейства прекратить навсегда дело о Франклине и его спутниках. Экспедиция Бельчера оказалась, таким образом, — если не считать Инглфильдовой — последним государственным английским предприятием, направленным на поиски Франклина, и все, что было сделано впоследствии, связано с частной инициативой неутомимой лэди Франклин и с работами американцев.

Итак, английское адмиралтейство отказалось от прямого участия в делах, связанных с поисками экспедиции, им же созданной.

Получив неожиданные вести о судьбе Франклиновой экспедиции, адмиралтейство снова обратилось за советом к известным полярникам. Было констатировано, что в сообщении доктора Рэ имеются неясности и что какие-то шаги для открытия судьбы Франклина все же предпринять необходимо. Результатом этих совещаний было решение обратиться за помощью к Гудзоновской компании, с просьбой организовать в область устья Большой рыбной реки специальную поисковую экспедицию. Любопытно, что сам Осборн отмечает, заметно противореча самому себе, что такое решение было вынесено, чтобы «удовлетворить раз-

дававшиеся требования». Из этих слов видно, что, несмотря на войну с Россией, широкие круги населения Англии не потеряли интереса к судьбе пропавшей экспедиции, тем более, что сообщение Рэ, говоря словами того же автора, «внушало лицам, интересующимся судьбой экипажей этих судов, самые мучительные надежды».

Гудзоновская компания взяла на себя организацию новой экспедиции и пригласила начальствовать над ней доктора Рэ. С сожалением Рэ отказался от приглашения, так как состояние его здоровья исключало возможность участвовать в таком трудном предприятии. Тогда правление Гудзоновской компании предложило взять на себя руководство экспедицией двум своим опытным сотрудникам, прекрасно знакомым с трудностями путешествия по арктическому странам. Джемс Андерсон и Джемс Стюарт прожили долгие годы в самых северных частях Канады и потому хорошо понимали, что возложенная на них задача трудна, но, несмотря на это, охотно взялись за разрешение ее. Снова оживились надежды, и одна только лэди Франклин считала, что это новое предприятие, организуемое на очень скудные средства, не окажет серьезной пользы делу поисков и спасения ее супруга с его товарищами. Она справедливо считала, что полный успех мог бы быть обеспечен только экспедиции, поставленной на более широкую ногу. Ей казалось, что в данной ситуации полезнее было бы послать морскую экспедицию, чем сухопутную.

В начале 1855 года оба будущих начальника выступили из разных мест в поход на север. Встретившись на озере Большом невольничьем, в форте Решения, Андерсон и Стюарт спешно подготовились для наиболее ответственного перехода по реке к морскому побережью и покинули форт 22 июня. К сожалению, снаряжение экспедиции Андерсона было очень недостаточное, в чем была не столько вина его или компании, сколько отсутствие времени для основательной подготовки.

Экспедиция выступила в трех лодках с деревянным остовом, обшитым сверху берестой. Большим упущением Андерсона было то, что при экспедиции не было переводчика. Путь по реке Рыбной до ее устья длился более месяца. 30 июля экспедиция наткнулась на три эскимосских хижины. Здесь они сразу обнаружили целый ряд предметов, с несомненностью показывавших, что несчастные, которых они разыскивали, побывали вблизи этой местности. Вот как опи-

сывает эту находку Андерсон в своем официальном донесении:

«30-го у порогов ниже озера Франклина, на противоположном берегу были замечены три эскимосских хижины, после чего к нам пришел оттуда старик-эскимос. Затем мы все перебрались на тот берег и сейчас же увидели целый ряд предметов с судна, а именно: шесты для палаток и гребки для каяков, сделанные из ясеневых весел, обломки красного дерева, вяза, дуба и сосны, медные и жестяные котлы, жестяные миски для супа, части инструментов, обрывок письма с датой «1843 год», разломанную ручную пилу, долота и прочее. Только один мужчина оставался в этом поселении, но женщины, очень неглупые, сумели объяснить нам словами и знаками, что это — вещи с судна и что белые люди, приехавшие на нем, умерли с голоду».

Продвигаясь все дальше, экспедиция достигла мыса Бьюфорт и, наконец, высадилась на острове Монреаль. «Там, — говорит Андерсон, — на высоких скалистых холмах на юго-восточном конце острова, было обнаружено несколько ям, в которых эскимосы хранят съестные припасы; в них, кроме тюленьего жира, был найден целый ряд предметов, явно принадлежавших лодке или судну, как например: цепные крюки, долота, кузнечные лопатки и секачи, овальный жестяной котел, 3-футовая полоса необделанного железа 1½ дюйма шириной и ¼ дюйма толщиной; обрывки канатов, флагов, пучок палочек, связанных веревкой, с вырезанной на одной из них надписью: «Стэнли» (врач на «Эребусе»). Пониже масса щепок, стружек, обломков досок из сосны, вяза, ясеня, дуба и красного дерева, очевидно отпиленных неумелыми руками; каждый обломок был тщательно осмотрен и перевернут на другую сторону, причем на одном из них оказалось вырезанное слово «Террор». Очевидно, это было место, где лодка была разломана эскимосами, но даже клочка бумаги нельзя было найти, и, несмотря на предложенные награды и на самые тщательные поиски по всему острову, не удалось обнаружить никаких следов останков наших несчастных соотечественников».

Затем был осмотрен мыс Огль, где был найден только обрывок веревки и кусок хлопчатобумажной материи.

Эскимосы утверждали, что на острове Монреаль умер только один белый и что все остальные погибли на материке. И действительно, на берегу против острова были обнаружены в наносном песке человеческие кости. От продол-

жения своего пути Андерсону и Стюарту пришлось отказаться, так как, имея при себе лишь непрочные лодки, они не могли рисковать переправиться через пролив, отделявший их от Земли Уильяма. Масса пловучих льдин на воде пролива вынудила их повернуть обратно.

Поездка Андерсона и Стюарта не оказалась бесполезной, так как подтвердила правильность сообщений Рэ, вызывавших известные сомнения у некоторых специалистов по полярным вопросам. Во всяком случае эти исследования целиком подтвердили предположение Рэ, что те люди, о которых пришлось ему слышать, искали убежища именно здесь, то есть в устье Большой рыбной реки. Только после получения этого подтверждения английское адмиралтейство увидело себя вынужденным выдать доктору Рэ премию в 10 000 фунтов стерлингов, назначенную 7 августа 1850 года тому, кто первым откроет следы экспедиции Франклина, по которым можно будет судить об участии, ее постигшей.

Своим чередом следует, однако, признать, что экспедиция Андерсона и Стюарта совершенно не выяснила судьбы самого Франклина, Крозье и большей части их экипажа, а только пролила некоторый свет на печальную участь, постигшую сравнительно небольшой отряд.

К чему же сводились особые соображения некоторых авторитетов по поводу находок, сделанных Рэ, Андерсоном и Стюартом? Чрезвычайно интересен разбор и оценка собранных ими сведений, сделанные таким умным наблюдателем и тонким исследователем, как Шерард Осборн. Он ставит целый ряд важных вопросов, сам подыскивает им вероятные ответы, иногда же оставляет их неразрешенными.

Располагая некоторыми указаниями относительно судьбы нескольких десятков человек, Осборн пытается разрешить главную задачу: куда девались остальные? «Даже если предположить, — говорит он, — что эскимосы действительно видели тридцать — сорок человек и лодки, как уверяет доктор Рэ, то что в таком случае с ними случилось? Если, достигнув материка, несчастные, мучимые голодом, прибегли к людоедству — что вовсе не редкость в этой дикой стране, — и если им удалось этим путем продлить себе жизнь, то где же оставшиеся в живых? Трудно предположить, чтобы они осели тут и стали ждать, пока вымрут один за другим. А если они сознавали, в чем путь к спасению, и все же остались здесь себе на погибель, — то неужели оставшиеся в живых не зарыли в землю кости погибших?

Шерард Осборн
(род. в 1822 г., ум. в 1875 г.)

«Каждому путешественнику по Арктике известно, что даже нежные и маслянистые кости тюленя, даже хрупкие кости птиц встречаются повсюду в тех местах Арктики, которые мы посетили. Куда же пропали кости тридцати человек? Через пять лет после ухода «Эребуса» и «Террора» с острова Бичи в проливе Барроу посещавшие эти места европейцы находили одежду, клочки бумаги и тысячи следов пребывания европейцев и все это в таком же виде, как и в день отхода судов, хотя климат там гораздо хуже, чем климат острова Монреаль. Через 31 год после пребывания сэра Эдварда Парри в бухте Бушнан на острове Мельвиля позднейший путешественник (лейтенант Мак-Клинтон) нашел место, где этот известный мореплаватель, по его собственным словам, «съел роскошный обед из белых куропаток», — и тут же на земле оказались валяющиеся кости этих самых птиц. «Я был поражен, — говорит лейтенант Мак-Клинтон, — свежим видом этих костей; они не истлели, а только побелели и ломались так же легко, как кости только что убитых птиц».

«Вряд ли эскимосы могли польститься на кости покойников. Если бы у них была европейская одежда, едва ли они могли бы спрятать ее так, чтобы ее нельзя было найти. Кроме того, не найдено ни одного ружья, копья или кортика, а между тем вряд ли члены экспедиции могли быть совсем безоружны; наоборот, эскимосы уверяют, что видели порох, дробь и пули. Что же касается теории Андерсона о том, что их дневники и документы были разнесены ветром, то признать это значило бы допустить, что во главе экспедиции Франклина был какой-то идиот, который разбросал все бумаги по земле на острове Монреаль, вместо того, чтобы зарыть их в яму, где, как это доказывает история арктических открытий, бумаги могут сохраняться, пожалуй, дольше, чем это возможно в каком-либо ином климате.

«Анализируя, таким образом, имеющиеся у нас сведения, мы можем только сказать, что партия людей с «Эребуса» и «Террора» действительно достигла Большой рыбной реки и оставила следы своего пребывания на острове Монреаль и на первых порогах вверх по реке. Дальше этого, — все сомнительно».

Конечно, факт отсутствия более многочисленных следов пребывания европейцев на острове Монреаль мог заставить Осборна сильно призадуматься. Что же касается основного вывода, то Осборн оказался прав: только одна из партий

Франклиновской экспедиции действительно достигла острова Монреаль. Совершенно правильно рассуждает также Бельчер, что в этой партии «не могло быть самого Франклина, так как, согласно рассказу, ни один человек из отряда не говорил на эскимосском наречии. Я думаю, — говорит он дальше, — что «нетощий офицер» не мог быть Франклином, так как, будь это он, эскимосы обратили бы внимание на его необыкновенные черты лица и на его лоб». Далее Осборн отмечает, что «Андерсон отправился в экспедицию, твердо веря каждому слову рассказа переводчика доктора Рэ; кроме того, не имея возможности опросить даже тех женщин и старика, которых он встретил, он мог лишь связать найденные им следы с теми сведениями, которые уже были опубликованы.

«Однако моряк может объяснить иначе то, что увидел Андерсон. На острове Монреаль, как говорит Андерсон, им были найдены «щепки, стружки, концы досок из сосны, вяза, ясеня, дуба и красного дерева, повидимому, отпилены неумелыми руками». Однако ни одна из лодок, доставленных судам «Эребус» и «Террор» с казенных верфей, — и притом такая, которую люди могли протащить сотню миль по льду — не могла быть сделана из стольких сортов дерева; с другой стороны, весьма вероятно, что партия людей, поднимавшихся вверх по Большой рыбной реке, зная, сколько на этом пути волоков и порогов, не преминула бы захватить с собой материалы в виде досок, которые, вместе с остовом их большой лодки, дали бы им возможность построить легкие лодочки, удобные для переноски.

«Андерсон прямо говорит: «щепки и стружки». Туземцы, никогда не выдавшие строгательных инструментов, вряд ли могли оставить после себя стружки. Заметив, что доски были, повидимому, отпилены неумелыми руками, Андерсон прибавляет: «каждый обломок был тщательно осмотрен и перевернут на другую сторону, причем на одном из них оказалось вырезанное слово «Террор». Казалось бы, что это злое слово должно было служить немой указание на то, что люди, работавшие здесь, были не эскимосы, — однако ниже мы читаем: «Очевидно, это было место, где лодка была разломана эскимосами». Вряд ли можно вывести такое заключение. Что эти люди имели с собою плотничьи инструменты, видно из того, что в хижинах у порогов Андерсон нашел сломанную ручную пилу, долота и прочее. Если бы можно было получить полную опись всех предметов, виденных как в этом месте, так и в бухте Репульс, то удалось бы

выяснить более интересные подробности; как соломинка показывает течение большой реки, так и какой-нибудь пустяк, возможно, внезапно осветит всю эту трагедию.

«Тот факт, что на реке, выше острова Монреаль, были найдены следы европейцев, очень знаменателен; подтверждением тому, что на этом острове делались приготовления к путешествию вверх по реке, может служить еще то обстоятельство, что весла укорачивались или что из них делались гребки, — мера весьма необходимая, если они собирались путешествовать по узким и извилистым рекам; вряд ли эта работа могла быть сделана эскимосами, которые к тому же в этой части Америки не имеют ни каяков, ни лодок. Нескольким таким гребкам было найдено и у порогов.

«Совершенно верно, что встреченные женщины объясняли им знаками, что все эти предметы принадлежали людям, которые приехали на лодке и затем погибли от голода; однако они не дали никаких доказательств этого и не показали им могил погибших людей.

«Доктор Рэ усиленно защищает репутацию эскимосов, отвергая с негодованием обвинение их в вероломстве; однако, хотя вовсе нежелательно давать повод каким-либо подозрениям, но всякий согласится с нами, что житель полярных стран, хоть и не жестокий или вероломный по природе, тем не менее склонен руководствоваться скорее своими собственными интересами, чем гуманными соображениями, если к нему в руки попадает такой клад, как масса дерева, железа и парусины, принадлежащих голодным, больным цыгюю людям, которые, как, вероятно, было и в этом случае, не скрывают того, что находятся в крайней нужде. Мы допускаем, что некоторые из экспедиции Франклина могли погибнуть от болезни или голода в том месте материка, о котором говорили туземцы; но этого места мы пока не достигли. Остальные, очевидно, добрались до какого-то острова, где, по словам эскимосов, погиб офицер и пятеро матросов. Так ли это или нет, но такой остров, как остров Монреаль, мог показаться им весьма подходящим местом, чтобы дожидаться вскрытия Большой рыбной реки, так как оттуда им было бы удобно пуститься в путь на лодках, не говоря уже о том, что тут они могли заняться постройкой лодок или плотов без помехи со стороны туземцев. Поэтому, даже если мы допустим, что некоторые и погибли в местах, упоминаемых туземцами (хотя, пока что это не доказано), то можно с полным основанием утверждать, что где может жить эскимос, там проживет и

англичанин. Допустим даже, что остальные настолько забыли свое человеческое достоинство, что стали питаться мясом своих товарищей, однако не проще ли предположить, что, как только вскрылась река, оставшиеся в живых немедленно пустились в путь, бросив все, без чего они могли обойтись, на острове или на первом же волоке?

«Они могли подняться высоко по реке и разделиться на партии и все же не быть найденными Андерсоном, ввиду обилия рек в этой местности, в особенности, если, имея в руках карту сэра Джорджа Бака, они пошли по его старому пути, от которого Андерсон значительно уклонился, с удобством, впрочем, для себя и для своих людей в смысле быстроты путешествия. Мы вовсе не желаем давать повод надеяться на то, что кто-либо из них мог остаться в живых среди эскимосов или индейцев; но, если кто-нибудь, рассуждая так же, как и мы, придет к столь приятному и утешительному выводу, мы считаем, что смеяться над ним не следует».

Предположения Осборна впоследствии не оправдались, и в течение долгого времени считалось, что никто из этой партии не поднимался вверх по реке. Только в самое последнее время обнаружены признаки посещения ими более южных районов, заставляющие признать возможность допущения Осборна.

Наряду с этим следует отметить, что высказываемые Осборном сомнения по поводу места, где произошла описанная эскимосами катастрофа, вполне основательны. Разгадка этой тайны тоже была дана одной из позднейших экспедиций. Тем более любопытно пока что познакомиться с энергичным заявлением Бельчера, сделанным им по этому поводу под свежим впечатлением полученных от Рэ и Андерсона известий.

Вот что говорит Бельчер: «Рассказ о найденных трупах не удовлетворяет меня. Не в характере эскимосов пропускать кого-либо непрослеженным до тех пор, пока тот не доберется до страны, обитаемой чужим племенем. Нет сомнения, что они следовали бы и действительно проследовали за ними». Бельчер уверен, что эскимосы не теряли белых людей из виду в течение всего их путешествия. Он считает неправильной попытку объяснить осведомленность эскимосов о трагической судьбе отряда новой случайной встречей их.

Убежденный в правильности своего взгляда, он находит ряд аргументов для подкрепления его. «Некоторые были по-

хоронены, другие лежали в палатках, третьи под лодкой, многие лежали разбросанные по разным направлениям, — приводит Бельчер слова доктора Рэ. — Это было не в позднее время года, — продолжает он, — а до того, как вскрылся лед. Однако ясно, что эскимосы знали много больше и после вскрытия льда, потому что они могли сообщить, что ядра и пули, положенные на лед, вследствие таяния оказались погруженными в него ниже уровня прилива! На острове один из людей (согласно сообщению эскимосов. — *Ред.*), предполагаемый офицер, носил на ремне через плечо подзорную трубу и имел при себе ружье. Такая сцена должна быть виденной, этого не узнаешь по рассказам».

«Изуродованные тела и содержимое котлов внушает мысль о чем-то ужасном, — снова цитирует он, и продолжает: — С этим я не могу разумно согласиться. Если бы таков был обдуманый поступок людей, умирающих от голода, то никаких следов не нашли бы в котлах». И дальше, снова о роли эскимосов: «они слишком подробно говорят о времени года, о приливах и отливах и о самих результатах, чтобы знать все это только по рассказам. Нет! Они были слишком разговорчивы и тесно связаны с печальной судьбой всей команды, которая потерпела крушение недалеко от того места, где они стояли». Бельчер думает, что эскимосы умышленно указали неверное направление, в котором было место катастрофы, чтобы скрыть «разбойничьи следы, которые не могли лгать».

Таким образом, Бельчер склонен думать, что эскимосы соприкасались со «всей командой» экспедиции Франклина. Ему кажется странным, что, по сведениям Рэ и Андерсона, партия в 35—40 человек обладала огромным количеством всевозможных инструментов, как-то: компасов, подзорных труб, ружей и т. п., попавших впоследствии в руки эскимосов. «Могло ли все это оказаться у сорока человек, между которыми был только один офицер? — спрашивает Бельчер. — Взгляните на прилагаемый список! Здесь упомянуто не менее одиннадцати пар часов и много различных хирургических инструментов». Из этого Бельчер делает вывод, что все эти вещи не могли принадлежать одной только партии, и по всей вероятности эскимосы взяли их с главной базы экспедиции.

В заключение Бельчер указывает на одно несоответствие в сообщении доктора Рэ: в одном месте отчета говорится, что встретившие его эскимосы не видели этих белых людей

и что сами они никогда не были на месте катастрофы; несколько дальше указывается, что эскимосы все же видели отряд еще в то время, когда он находился в движении.

Таким образом, Бельчер подвергает резкой критике показания Рэ. Окончательный вывод его сводится к следующему:

«Никто ни на минуту не усумнится, что рапорт, так ясно изложенный доктором Рэ, есть не что иное, как его собственное мнение, являющееся результатом его старательных и неутомимых поисков истины. Но для меня совершенно ясно, что Рэ, добываясь ответов через своего переводчика, позволил хитрым эскимосам угадать цель своих расспросов. Боясь кары, эскимосы старались давать ему ложные сведения относительно места, где случилось несчастье. Те же самые эскимосы находились в том месте, где оказался склад с обоих кораблей. Однако мне кажется возможным, что сорок найденных трупов были сдвинуты в сторону от настоящего места поисков.

«Требуется кое-что большее, чем простое мнение, чтобы так сильно противоречить доктору Рэ, — многозначительно говорит Бельчер и приводит в качестве основания собственный опыт в арктических плаваниях. Он считает, что в подобном положении «каждая унция хлама» была бы несомненно выброшена. Исходя из известных ему фактов, Бельчер приходит к выводу, что действительное место гибели могло бы находиться даже на расстоянии, превышающем 200 миль от места, указанного эскимосами. В этом последнем своем заключении Бельчер оказался не прав. Что же касается перегрузки лишними предметами, то она действительно возбуждает серьезные недоумения. Любопытны рассуждения Осборна по этому поводу:

«Мы, которые привели путешествия в арктических странах к простому арифметическому вычислению, можем рассчитывать довольно точно расстояние, которое способны пройти сорок матросов, таща по льду тяжелую деревянную лодку, не говоря уже о массе предметов, перечисленных выше, и составляющих, несомненно, лишь небольшую часть их поклажи. Таким образом, если предположить, что на каждого человека приходилось 200 фунтов груза, и что в день они проходили 10 миль (что очень много для обессилевших матросов), мы можем, основываясь на прецедентах капитанов Ричардса, Осборна и Пенни (которым также пришлось

тащить по льду тяжелые деревянные лодки на большие расстояния), сказать, что за 10 или 15 дней они могли пройти не более 150 миль. Ведь в то время езда на санях была мало распространена, и поездки участников экспедиции Франклина с острова Бичи не были очень далекими, так как, насколько нам известно, они не простирались за пределы мыса Боуден в проливе Веллингтона и бухты Кресуэлла в проливе Бэрроу, то есть на расстояния, не превышавшие 50 миль».

Нельзя сомневаться в том, что сведения, доставленные доктором Рэ, Андерсоном и Стюартом, необходимо было подвергнуть строгой критике. Конечно, они были очень недостаточны и тем удивительнее, что анализ их, произведенный Осборном, оказался, как выяснилось впоследствии, во многих отношениях удачным. Осборн строит предположения о вероятном местонахождении кораблей Франклина и о постигшей их судьбе и радуется тому, что, наконец, удалось найти верные следы пропавших.

«Те, кто продолжал надеяться, — пишет Осборн, — кто требовал отправки экспедиции за экспедицией, несмотря на неудачи, несмотря на насмешки и на намеки, что ими руководит безумие или корыстолюбивые цели, — все эти люди должны теперь быть счастливы, что такие пустяки не остановили их попыток; ведь еще неизвестно, не удастся ли, благодаря настойчивости и упорству, еще выше поднять завесу над этой тяжелой, но величественной трагедией.

«Нас интересует судьба не только этих сорока человек — они были лишь частью погибшей экспедиции; кроме них, пропало без вести еще сто человек, и с ними два военных корабля.

«Все теперь указывает на то, что «Эребус» и «Террор» находятся где-то в неисследованной области по соседству с Землей короля Уильяма. Центр этой области находится в 150—200 милях к северу от острова Монреаль, где пролив Виктории разделяется на две части большим островом, называемым Землей короля Уильяма. У мыса Феликс на этой Земле или близ магнитного полюса в Бутии на них, вероятно, было произведено нападение; ибо, если бы они были на Земле Виктории, где много эскимосов, а дичь и рыба водятся в изобилии, они, по всей вероятности, выслали бы передовой отряд, который поплыл бы вдоль острова по направлению к Меднорудной реке или к реке Мэкензи. Как они достигли

этого предполагаемого пункта, покажет только время и их дневники, если они когда-нибудь будут найдены. Обогнули ли они с запада Землю принца Уэльского и прошли проливом, который, как некоторые полагают, простирается в юго-восточном направлении между этим островом и Землей Виктории, или же (что казалось бы более естественным), они предпочли удобный и многообещающий пролив, идущий к югу между мысом Бунни и мысом Уокер, теперь называющийся проливом Пиля, и таким образом добрались до американского материка, — мы можем только предполагать. Однако отсутствие каких-либо надгробных камней или других признаков, указывающих на то, что они были задержаны или высадились на одном из побережий Земли принца Уэльского, заставляет, естественно, предположить, что они находятся ближе к Земле короля Уильяма, чем к какому-либо иному месту, может быть в какой-либо бухте на его северном побережье, где они вынуждены были укрыться от бури в зимнюю погоду, как это случилось с капитаном Мак-Клуром на «Исследователе» и с Джоном Россом на «Победе», и откуда ни они, ни их суда не могли уже выбраться.

«Против возможности нахождения судов Франклина в этой местности говорит то, что он несомненно посетил бы складочное место на берегу в проливе Принца Регента. На это мы можем ответить, что Франклин, через своего ледового мастера и других членов экспедиции, хорошо знал, насколько это было бы бесполезно. Он хорошо знал, что сэр Джон Росс пользовался этими припасами для своего судна «Победа», что он питался ими вместе со своим экипажем целый год и еще захватил часть с собой перед своим уходом в 1833 году. С тех пор китоловные суда очистили почти весь берег, причем одно из них, чтобы избежать иска со стороны адмиралтейства, потопило в Питерхед Харбор большое количество припасов, увезенных ими из этого складочного места. Все это было известно Франклину, и когда лейтенант Робинсон с судна «Предприятие», выехав из Питерхед Харбор, достиг этого, так называемого складочного места в 1849 году, он ничего там не нашел, кроме двух-трех бочек с мукой и нескольких изюмин (!), — что показывает, как мудро поступил Франклин, решив не рассчитывать на это складочное место».

Осборн обнаружил изумительную проницательность, подводя итоги всем данным об экспедиции Франклина, собранным доктором Рэ, его предшественниками и продолжателями.

Итак, Андерсон и Стюарт доказали правдивость привезенной доктором Рэ версии, что в районе устья реки Большой рыбной погиб один из отрядов Франклиновой экспедиции. Правда, находки Андерсона сами по себе представляли малый интерес, но значение их, как вещественного доказательства пребывания здесь членов пропавшей экспедиции, было огромно.

Казалось бы, что подтверждение этого факта должно было дать могучий толчок к возобновлению поисковой деятельности со стороны британского адмиралтейства, но действительность показала иное.

«Многомудрое правительство, посылавшее столько экспедиций совершенно напрасно, — пишет по этому поводу профессор Гельвальд, — уклонилось от отправления новой именно теперь, когда уже не приходилось производить поиски по всему беспредельному пространству всего арктического пояса и когда место совершившейся катастрофы было уже точно определено».

Английское правительство удовлетворилось тем, что, признав факт открытия подлинных следов экспедиции Франклина, выдало за установление его доктору Рэ соответствующее вознаграждение. Участвовать в дальнейших розысках оно категорически отказалось, несмотря на многочисленные представления крупнейших ученых и мореплавателей, просивших о снаряжении новой, специальной экспедиции к Земле короля Уильяма. Среди этих лиц были хорошо знакомые нам моряки — Бичи, Коллинсон и Ричардс, астроном Вевель, знаменитый инженер Стефенсон, ученый Мурчисон и другие. И когда 24 февраля 1857 года Нэпир еще раз поднял голос в адмиралтействе, требуя от правительства принять соответствующие меры для рассеяния мрака, окутавшего судьбу пропавшей экспедиции, ему ответил тогдашний начальник британского морского ведомства Чарльз Вуд категорическим отказом. При этом адмирал авторитетно добавил: «Еще в то время, когда решено было отправить экспедицию Франклина, я сожалел о том, что правительство рискует столь многим ради такого незначительного открытия, как открытие так называемого Северо-западного прохода».

Отказ английского правительства от участия в дальнейших поисках свидетельствует не столько о недостатке у него мудрости, как думает Гельвальд, сколько о нежелании производить новые бесполезные затраты. Нет сомнения, что

после подтверждения сведений доктора Рэ в адмиралтействе считались с вероятием будущих более полных открытий, но они представлялись не нужными, так как к этому времени уже не было надежды найти кого-либо из участников экспедиции в живых.

Спасательные поисковые предприятия периода 1848—1854 годов стоили не малых денег: девятнадцать английских экспедиций обошлись стране в десять миллионов рублей, не считая потери восьми кораблей.

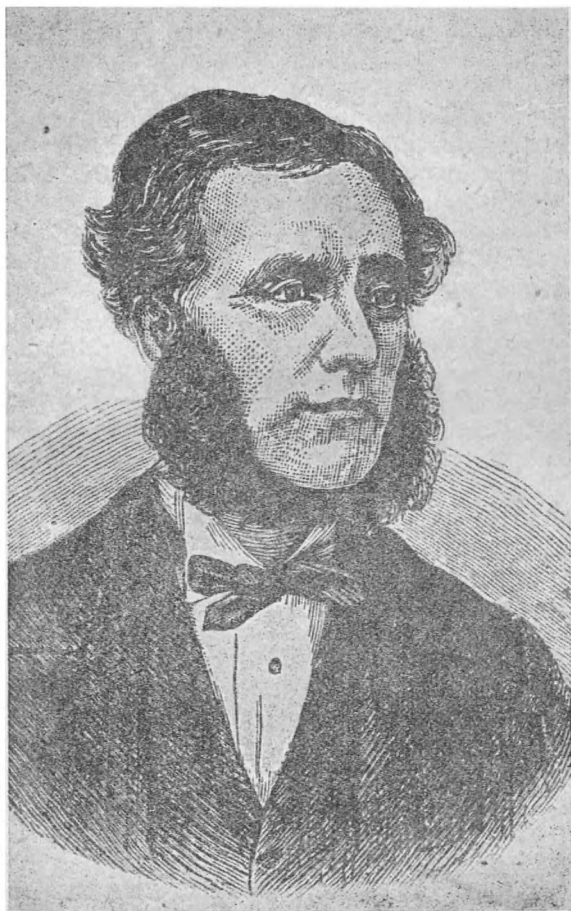
Х. НА ВЕРНОМ ПУТИ

Экспедиция 1857—1859 годов — Мак-Клинтон

Инициатива создания частной спасательной экспедиции принадлежала лэди Франклин. Ей удалось собрать путем подписки некоторую сумму денег, к которым она прибавила все, что выручила от продажи собственного имущества. Подписка, организованная Географическим обществом, прошла в общем не очень успешно.

Всего было собрано около двух тысяч фунтов стерлингов, которые были истрачены на закупку винтовой яхты «Фокс», водоизмещением в 177 тонн. Многие высшие офицеры предлагали лэди Франклин безвозмездно свои услуги. Она остановила свой выбор на капитане Джордже Ричардсе, но этот моряк получил другое назначение по своей службе и был поэтому вынужден отказаться от экспедиции. Тогда лэди Франклин решила вручить командование «Фоксом» капитану Мак-Клинтону.

Мак-Клинтон пользовался славой прекрасного полярника, одного из лучших знатоков полярной природы, и человека, обладающего превосходными чертами характера, — что особенно важно в полярных путешествиях. Мак-Клинтон был реформатором санного способа передвижения в полярных условиях, и введенные им в экспедиции Бельчера методы получили впоследствии широкую известность и применение. Лучшего выбора лэди Франклин не могла сделать. По поводу снаряжаемой экспедиции заявил в свое время Мак-Дугалль: «Если какой-нибудь успех может еще быть достигнут, то Мак-Клинтон — тот человек, который его добьется». Он соединял в себе огромный опыт полярных путешествий с величайшей преданностью тому делу, которому он служил без перерыва девять лет.

Леопольд Мак-Клинтон
(Род. в 1813 г., ум. в 1907 г.)

Плавание «Фокса» замечательно и необыкновенно во всех отношениях. Результаты его — блестящи.

Весь экипаж маленького «Фокса» состоял из двадцати пяти человек. Большая часть команды участвовала в прежних поисковых экспедициях. Мак-Клинтон имел возможность отобрать для своего корабля самых надежных, испытанных и опытных людей, так как количество моряков и матросов, желавших принять участие в этом плавании, было очень велико. Все лица командующего состава «Фокса» служили безвозмездно. Среди офицеров был П. Хобсон, неоднократно бывавший в Арктике и прослуживший несколько лет на «Пловере» в Беринговом проливе, Аллен В. Юнг, капитан торгового флота, занявший здесь пост заведующего парусной частью корабля, доктор Дэвид Уокер — врач и естествоиспытатель и датчанин-капитан Петерсен из Копенгагена, прошедший полжизни за полярным кругом, участник экспедиций Пенни и второй Гриннелевской. Петерсен, знаток эскимосского языка, работавший в упомянутых экспедициях в качестве переводчика, немедленно принял приглашение Мак-Клинтона присоединиться к его экспедиции для исполнения тех же обязанностей.

Выход корабля в море был назначен на 1 июля 1857 г. Оставалось всего лишь несколько недель для окончания снаряжения, а дела было еще очень много. Стараясь не опоздать к сроку, люди работали не покладая рук: делали двойную обшивку корпуса и крепили балки для придания судну большей опорной силы против ледовых сжатий. Нос корабля обили толстыми листами железа. Кроме того, на корабле поставили паровой котел большего размера и более прочный винт.

В результате всех этих мероприятий «Фокс» превратился в «идеал современного арктического корабля, с носом, острым, как нож — полная противоположность кораблям старой школы» — как выражается Мак-Дугалль. «Фокс» обладал необыкновенным для того времени ходом, а единственным недостатком судна был его небольшой размер, исключавший возможность форсирования сколько-нибудь тяжелых льдов. Впрочем, в некоторых случаях этот недостаток превращался в несомненное преимущество. Необходимо отметить, что английское адмиралтейство, вначале категорически отказавшее лэди Франклин во всякого рода содействии, несколько изменило свое отношение к снаряжаемой экспедиции после того, как увидело во главе ее такого испытан-

ного моряка и полярника, как Мак-Клинтон. Впрочем, по всей вероятности не столько опытность и известность Мак-Клинтока, сколько его принадлежность к офицерскому корпусу побудила адмиралтейство оказать помощь экспедиции. Она состояла в безвозмездной выдаче Мак-Клинтоку всего необходимого оружия и боевых припасов, достаточного количества ракет, пил, якорей и всякого инструментария, различных принадлежностей и строительного материала для сооружения зимнего дома, географических карт, книг, астрономических приборов, теплой одежды, большого запаса пеммикана и многих других предметов.

В конце июня «Фокс» был готов к выступлению. Капитан Мак-Клинтон обратился к лэди Франклин за инструкциями. Вместо инструкции лэди Франклин дала ему полную свободу действий. В своем письме к Мак-Клинтоку она только обратила его внимание на то, что главная задача экспедиции должна состоять в розысках еще, возможно, оставшихся в живых членов Франклинова экипажа, тогда как на втором плане стояли поиски и сохранение письменных документов пропавшей экспедиции, возможно, свидетельствовавших о правах приоритета Франклина в вопросе открытия Северо-западного прохода.

1 июля «Фокс» покинул шотландский порт Эбердин и взял курс в обход южной оконечности Гренландии к западному ее побережью. Здесь предполагалось произвести закупку собак, предназначенных для работы в упряжи в намеченных Мак-Клинтоком санных экскурсиях.

12 июля «Фокс» обогнул южную оконечность Гренландии. Этот огромный остров в течение всего первого полугодия совершенно недоступен для кораблей в своей южной и западной части вследствие широкого ледяного пояса, тесно примыкающего к суше. Судну Мак-Клинтока долго пришлось бороться с тяжелыми льдами, но вот оно одолело их, достигнув 20 июля свободной воды, и вошло в маленькую гавань Фредериксгааб.

Экспедиция захватила с собой в качестве лоцмана одного эскимоса, принесшего экспедиции немалую пользу на ее дальнейшем пути к северу Гренландии. По пути Мак-Клинтон неоднократно заходил в разбросанные по побережью становища, населенные главным образом эскимосами. Здесь он скупал собак, и ко времени прибытия в Уппернивик набрал их тридцать штук. Кроме того, ему удалось нанять двух погонщиков-эскимосов, которые должны были сопро-

вожжать экспедицию во всех ее походах. Мак-Клинтон хорошо представлял себе природу области, в которой ему предстояло развернуть свои исследования, и придавал огромное значение санному транспорту. С особой тщательностью разработанный тип саней и хороший подбор тягловых собак должны были, по его мнению, обеспечить успех весенним экскурсиям, придав им максимальную подвижность и скорость передвижения.

В проливе между островом Диско и Гренландией «Фокс» пополнял свои запасы углем, пласты которого выходят здесь на поверхность.

Тут же Мак-Клинтон узнал от проходивших мимо китоловов, что Мельвилев залив в настоящий момент свободен от льда. Чтобы не упустить благоприятного времени, решено было спешно продолжать путешествие. Действительно, путь до Уппернивика был пройден легко. 6-го числа «Фокс» прибыл на место; здесь купили еще пять собак и сразу же отправились дальше.

Мак-Клинтон прекрасно знал о существовании трех различных путей, по которым возможно пробраться с восточного берега на западный. Однако не хуже было ему известно, что случаются года, когда как северный так и южный пути, равно как и срединный, почти непроходимы. Похоже было на то, что лето 1857 года было именно таким неудачным летом. Дело в том, что при продвижении «Фокса» на север навстречу ему дули сильные ветры, очень затруднявшие следование вперед, но зато позволявшие надеяться, что благодаря им легко будет пройти свободным от льдов северным путем. По прибытии же в Уппернивик, Мак-Клинтон и его спутники к величайшему своему удивлению и огорчению узнали, что здесь в это же время дули главным образом южные ветры, по всей вероятности сделавшие этот путь непроходимым. В результате не оставалось ничего другого, как попытаться пройти наименее верной дорогой — прямо через срединный лед залива, воспользовавшись для этого первым попавшимся широким разводьем. 8 августа «Фокс» подошел к кромке срединного льда. В течение двух дней шел он вдоль нее в северном направлении, затем в южном, но нигде не оказалось сколько-нибудь значительных разводий или трещин, позволявших проникнуть внутрь срединного льда с тем, чтобы выбраться через него по другую сторону Баффинова залива. Мак-Клинтон прошел в конце концов обратно в Мельвилев залив и здесь убедился, что

кромка льда подходит вплотную к ледникам, сползающим с гренландских гор. Оказалось, что сила и устойчивость южных ветров были в последнее время так велики, что исчезли малейшие намеки на чистую воду.

Положение «Фокса» было очень затруднительным.

Мак-Клинтон ждал перемены ветра. Действительно, спустя три дня подул благоприятный норд, но он не мог сдвинуть нагроможденных в северной части залива ледовых масс. 15 августа «Фокс» опять двинулся в юго-западном направлении, надеясь обнаружить какое-нибудь разводе. Лед оказался на этот раз менее плотным, и «Фокс» смело направился по разделявшим ледяные поля протокам чистой воды. На следующий день подул юго-восточный ветер, казавшийся при данном положении корабля чрезвычайно благоприятным. Были поставлены паруса, заработал винт, и судно двинулось вперед. Два дня все шло благополучно. «18 августа мы находились на полупути от залива Мельвиля, к Ланкастерову проливу, — пишет Мак-Клинтон, — как вдруг нас окружило огромное скопление дрейфующего льда, и мы почувствовали себя осужденными провести зиму среди ледяных полей такого гигантского размера, о каком мне, в моей морской практике, никогда не приходилось слышать». Под действием ветра поля начали смыкаться, мороз сковывал льдины, наступала зима.

Но люди еще не сдавались. Они пытались бороться, изыскивая всевозможные способы освободить корабль из льда и вывести его на чистую воду. В конце августа надежда на выход к проливу Ланкастера еще держалась, а в начале сентября людям даже показалось, что они совсем близко от цели. Действительно, на короткий срок судну удалось выбраться на чистую воду. Однако время года было слишком позднее, и случилось то, что и должно было случиться. Внезапный северо-западный ветер принес с собой мороз, быстро покрывший молодым льдом все свободное от него пространство. Настала зима, прихода которой так боялся Мак-Клинтон.

Экипаж затертого льдами «Фокса» состоял из мужественных людей. Они испытывали горькое чувство обиды на судьбу, не пропустившую их к проливу Ланкастера и заставившую зимовать среди льдов Баффинова залива. Но никто не отчаивался, наоборот, все бодро смотрели вперед, надеясь достигнуть своей цели в будущем году. Свободное время использовалось для подготовки к санным поездкам и произ-

водства научных наблюдений. По этому поводу Мак-Клинтон пишет следующее: «Ввиду невозможности добраться до какого-либо берега или соорудить постоянную обсерваторию на непрочной поверхности захватившего нас огромного ледяного поля, мы были вынуждены ограничиться изучением ветров и течений, игрушкой которых мы стали. В противоположность существующей теории, мы убедились в том, что атмосферное влияние на движение льдов сильнее морского, причем нам не удалось уловить ни малейшего признака обратного подводного течения в северном направлении». Из этих слов Мак-Клинтона видно, что изучению атмосферических и гидрологических факторов уже в то время уделялось серьезное внимание. Однако такого рода наблюдения были единичны и проводились без строгой системы.

В течение первых зимних месяцев преобладали северные ветры, гнавшие судно вместе следяным полем к югу. Погода стояла неустойчивая, морозные дни часто сменялись оттепелью, льдины трескались и расходились с тем, чтобы вскоре снова смерзнуться вместе. Временами случались сжатия, достигавшие иногда большой силы. Известно разрушительное действие зимних сжатий льда, жертвой которых часто оказывались корабли, застрявшие среди льдин Ледовитого моря. «Фоксу» удалось избежать этой опасности, так как глыба льда, в которую он вмерз, была очень больших размеров и отличалась плотностью.

Бодрость команды зимующего корабля зависит в большой мере от наличия достаточного количества свежего мяса или рыбы. Экипаж «Фокса» предпринимал по льду довольно далекие охотничьи вылазки. Трофеи состояли из белых медведей, тюленей, различных птиц и даже песцов. Странно, что белые и голубые песцы встречались нередко на льду на расстоянии более 25 миль от берега, причем бывали очень упитанными. В те дни, когда погода не позволяла идти на охоту, экипаж с увлечением занимался постройкой снежных хижин. Эта, на первый взгляд, бесполезная работа производилась ради практики и тренировки перед санными поездками будущего года.

Медленно дрейфуя на юг, «Фокс» 7 марта прошел в виду острова Диско. По мере дальнейшего продвижения льды постепенно крошились, и в начале апреля кораблю удалось сойти со льдины целым и невредимым. Но это еще не означало свободы, так как окружающие льды не расступились. Только 26-го того же месяца «Фокс» вышел, наконец, на

чистую воду. Пленение, длившееся 220 дней, кончилось, и корабль направился снова к берегам Гренландии для небольшого отдыха.

«Как только мы вернули себе свободу действий, — рассказывает Мак-Клинтон, — мы с величайшей поспешностью направились в сторону гренландских поселений в надежде снабдить себя там свежей провизией. Однако нехватка в продуктах, бывшая в это время года в этих маленьких колониях, вынужденных полагаться на доставку необходимого для них продовольствия из метрополии, лишила нас возможности получить здесь большие запасы провизии, несмотря на то, что датские чиновники проявляли к нам полную предупредительность и доброе отношение. Мы заходили поочередно в Гольштейнборг, Годхавн и Уппернивик и достигли Мельвилева залива в начале июня».

От Уппернивика Мак-Клинтон отправился на поиски пути на запад. Льды, лежавшие в этом направлении, были непроходимы, а путь между ними и отклоняющимся к северо-западу берегом Гренландии тоже был забит рыхлым, но плотно лежащим льдом. Неблагоприятные южные ветры препятствовали образованию трещин и расхождению полей, и положение несчастного «Фокса» казалось в этом году ничуть не лучше прошлогоднего. Такая перспектива чрезвычайно удручала маленькую команду корабля, жаждавшую работы и томившуюся от безделья и неудач. Достаточно вспомнить все прежние походы кораблей, посланных на поиски Франклина со стороны Баффинова залива, чтобы убедиться, что «Фокс» был первым, которому не удалось в первый же год плавания пробиться сквозь льды этого залива к проливу Ланкастера и острову Бичи. Не достигнув ровно ничего, «Фокс» в общем повторил баффиновский дрейф кораблей американской экспедиции Де-Хавена, успевшей за тот же срок побывать в проливе Барроу и в канале Веллингтона.

В дополнение ко всему 7 июня экспедиционный корабль неожиданно сел на риф. Вблизи острова Бечан была скала, сверху вся покрытая ледяной коркой. «Фокс» проталкивался вдоль берегов острова среди густого скопления льдов и не заметил, что одна из кажущихся льдин в действительности состояла из камня. Столкновение произошло в момент высокой воды. Вскоре вода стала спадать, и судно легло на бок. По счастью стояла тихая погода. Случись ветер — спокойно проходившие мимо льдины стали бы напирать на беспомощно лежащий корабль и таранить его бока и оголившийся

киль. Прошло одиннадцать страшных часов. Прибывшая вода сначала несколько выпрямила крен судна, потом подняла его и сняла с камней. «Фокс» мог продолжать свой легкий путь.

Вскоре опять появилась надежда пробраться через Мельвилев залив, потому что вдоль края льда образовался узкий фарватер. Много дней было потрачено на тяжелый переход к мысу Йорк, который был достигнут только 28 июня. Залив Мельвиля остался, таким образом, позади.

На мысе Йорк Мак-Клинтока окружила толпа эскимосов, прибежавших с берега по льду. Несколько человек из них поднялось на борт. Они чрезвычайно обрадовались, увидев переводчика Петерсена, которого помнили еще по экспедиции Кейна в Смитов пролив в 1853—1855 годах.

«Фокс» задержался у мыса Йорк всего лишь час и полным ходом двинулся дальше. Но не прошло и суток, как судно снова окружил сплошной тяжелый лед, краем своим упиравшийся в скалистый берег Гренландии. Пять дней простоял здесь корабль, а экипаж его провел столько же времени в постоянной тревоге за свою судьбу из-за напиравших льдов. Пока стояло безветрие, положение казалось безнадежным и изменилось оно только, когда подул, наконец, сильный ветер. Случилось это 2 июля, льды расступились, и к вечеру того же дня «Фокс» устремился на запад и скрылся из вида Гренландии.

Действительно, пятнадцать миль прошли благополучно в желательном направлении, но дальше опять нагромождение льда остановило корабль. Пришлось во всех направлениях искать выхода из этой ловушки. На эти поиски ушло несколько драгоценных дней, и в конце концов был выбран прямой, но опасный путь на запад, проходивший по узким разводьям. Это путешествие было так напряженно и трудно, что, по словам Мак-Клинтока, «те восемь дней, которые прошли с отъезда с мыса Йорк, показались несколькими месяцами».

Все же, наконец, удалось достигнуть западного побережья Баффинова залива. 11 июля «Фокс» подошел к острову Кубург, расположенному близко у входа в пролив Джонса. Все побережье было забито льдом, и Мак-Клинток повернул на юг к проливу Ланкастера. По пути с корабля заметили несколько эскимосских семейств. Мак-Клинток вступил с ними в переговоры. Выяснилось, что эти эскимосы поселились здесь 4 года тому назад. Они приехали сюда из более юж-

ного района, перебравшись через пролив Ланкастера зимой на санях. Старый начальник эскимосов сообщил, что за все это время, то есть с 1854 года, они не встретили ни одного корабля, и осведомился о здоровье «своего друга», капитана Инглфильда.

Экспедиция тронулась дальше и без особых затруднений подошла наконец к месту, которое, собственно говоря, следовало считать только началом работ. Самый пролив оказался забитым льдом. «Фокс» направился вдоль правого берега и через некоторое время достиг мыса Варрендер. 10 дней провела экспедиция здесь в ожидании перемены погоды и состояния льдов. Выражаясь языком китоловов, корабль «вертелся в водяной яме» против этого мыса.

Плотный пак помешал Мак-Клинтоку приблизиться к расположенному несколько западнее мысу Дундас или перебраться к южному берегу Ланкастерового пролива. Только в ночь на 17 июля, благодаря штилю, пак настолько разошелся, что было возможно пройти через него и приблизиться на расстояние трех миль к противоположному скалистому берегу. Здесь «Фокс» попал в тот самый дрейф, который захватил и вынес в Баффинов залив хорошо знакомые нам корабли: в 1849 году «Предприятие» и «Исследователь», в 1851 году — «Успех» и «Помощь» и в 1855 году — «Решительный» — судно без капитана и команды. Однако вскоре «Фоксу» удалось выйти из дрейфа, и корабль направился в сторону Пондсбей. Это место хорошо известно китоловам, как удобное для стоянки судов, намеревающихся пройти в пролив Ланкастера, но приходящих слишком рано. Здесь же Мак-Клинток надеялся получить какие-нибудь сведения относительно Франклиновой экспедиции от местных эскимосов. 24 июля «Фокс» находился в 10 милях от бухты Владения, то есть у самого выхода из пролива Ланкастера, а 26-го остановился у мыса, где начинается уходящий на запад залив Понда. Здесь Мак-Клинток со своими спутниками вышел на покрытый льдом берег и направился к туземцам.

В продолжение четырех часов Петерсен и Мак-Клинток спорили со встретившейся им старой эскимоской о цене никому ненужной тюленьей шкуры, зная о том, как эскимосы любят поторговаться. Попутно они рассчитывали получить интересующие их сведения о погибшей экспедиции. Однако на все расспросы старуха отвечала, что ни о судах, ни о погибших «белых людях» она никогда ничего не слыхала. Между прочим, она высказала предположение, что, по всей

вероятности, при первом же свежем ветре лед в проливе будет взломан.

Не удовлетворившись заявлением старухи, отрицавшей, что она что-либо знает о потерпевших кораблекрушение, Мак-Клинтон решил посетить ее соплеменников в их летнем поселке Капароктолике, который, по ее словам, находился на расстоянии одного дня пути от пролива.

Мак-Клинтока сопровождал Петерсен и один из матросов. Они отправились 28-го утром, захватив с собой сани и лодку, но были вынуждены вернуться на корабль, так как на пути к этому селению стоял ряд обрывистых скал, подымавшихся от самого берега. На своем пути Мак-Клинтон начал первые поиски следов Франклина, но обследование остатков туземных лагерей и их продовольственных складов ничего не дало.

На следующий день Мак-Клинтон опять посетил старуху. На этот раз она была более разговорчива и рассказала, что, когда она была еще совсем маленькой девочкой, какой-то корабль был выброшен на берег. Остатки его лежат приблизительно в 45 милях к северу, расстояние, которое можно пройти в полтора дня. Корабль в момент гибели был без мачт и сильно разрушен. Сохранившиеся до сих пор незначительные остатки корабля почти погребены в песке. Один из обломков корабля был найден около ее обиталища. Он представлял собой кусок дерева (английского дуба) толщиной 20 сантиметров и был принесен на корабль Мак-Клинтока.

Надеясь раздобыть все же какие-либо сведения, Мак-Клинтон не прекращал осторожных расспросов старой эскимоски. Сделавшись еще более доверчивой, она еще через день рассказала, что ее замужняя дочь живет в Иглулике, на расстоянии шести или семи дней пути отсюда. Полагая, что этот Иглулик, может быть, и есть то место, где Парри зимовал в 1822/23 году, Мак-Клинтон просил Петерсена задать ей вопрос, не заходили ли туда корабли. Старуха ответила на это утвердительно, рассказав, что много лет назад там действительно зимовал корабль. Она хорошо помнит, по рассказам других, что один из команды там умер и похоронен, что его имя было Ал-лах или Эл-лех. Обратившись к описанию Парри, Мак-Клинтон без труда установил, что один из спутников Парри — мистер Эльдер — умер именно в Иглулике!

Эскимоска сообщила также о другом корабле, погибшем у берега, причем до этого места нужно идти много дней, на-

правляясь к югу от залива Понда. Но это случилось, по ее словам, давно, прежде чем у нее родился первый ребенок. Из дальнейших расспросов стало ясно, что речь идет вовсе не о кораблях Франклина, и что о судьбе участников его экспедиции эскимоска ничего не знает. Поэтому Мак-Клинтон решил еще раз попытаться проникнуть к Капароктолику. После восьмимильного перехода через лед отряд моряков пришел в небольшую бухту, в глубине которой было раскинуто семь палаток. Местоположение лагеря поражало своей дикой красотой. Вокруг бухты возвышались мрачные скалы вышиной от 240 до 270 метров. Хотя стоял уже август и лето было теплым, залив все еще был покрыт льдом, а в долине за лагерем возвышался обширный глетчер высотой от 45 до 60 метров.

Приход белых людей был для туземцев неожиданным. Мак-Клинтон подверг тщательному осмотру каждую щепку и каждый кусок металла. Наиболее интересной была находка двух саней, сделанных из 2½ дюймовых дубовых досок, очевидно, несколько лет назад, так как части, которые не подвергались трению, были покрыты зелеными грибами. Туземцы заявили, что доски для саней были взяты ими из остатков корабля, найденных к югу от залива Понда. Некоторые из поперечин на санях были изготовлены из досок от обыкновенной бочки. Между жердями, поддерживавшими одну из палаток, было замечено крашеное сосновое весло. Несколько кусков железного обруча и коробки от мясных консервов дополняли этот небольшой ассортимент вывезенных из Европы предметов.

Петерсен опрашивал отдельно каждого из туземцев, не слышал ли он что-нибудь о погибших кораблях. Их ответы совпадали со сведениями, которые были получены у старухи. Никто из них не слышал, чтобы какой-нибудь корабль погиб в западном направлении. Раздав подарки женщинам и детям, Мак-Клинтон попрощался с эскимосами и вернулся на следующий день к себе на корабль.

Во время отсутствия начальника к борту «Фокса» подошли на своих каяках четверо эскимосов. Один из них сообщил, что в 7—8 днях пути к югу лежат два остова кораблей, отделенные друг от друга расстоянием, которое можно пройти в один день. Тот, который расположен южнее, лежит в проливе, причем в этом проливе имеется несколько островов, — он не мог определить этого места точнее. Другой эскимос сообщил, что посетил эти остатки кораблей пять лет назад.

Все они утверждали, что корабли погибли уже давно, и Нулюк, которому на вид было лет сорок пять, показал, какого роста он был в то время.

В «Рассказе о втором путешествии Парри» упоминается о прибытии в Иглулик саней, изготовленных из корабельного леса и досок от бочек, а также о двух кораблях, прибитых к берегу, экипаж которых спасся на лодках. В августе 1821 года, года за два до того, как известие об этом было принесено эскимосами в Иглулик, на западном берегу пролива Дэвиса, на 72° северной широты, или в 80 милях южнее залива Понда, действительно, погибло два китоловных судна: «Проворство» и «Аврора».

Прибывшие на корабль эскимосы виделись каждую зиму со своими соплеменниками из Иглулика. Они рассказали, что слышали, будто какие-то «белые» пришли на двух лодках в местность, известную под именем Авилик, где провели зиму в снежных хижинах. Вот что пишет по этому поводу Мак-Клинток:

«Наши новые друзья показали на наши лодки, заявляя, что лодки «белых людей» были похожи на них, но больше. Эти «белые люди» имели палатки внутри хижин. Они охотились на оленей и нарвалов, питаясь мясом этих животных, и курили трубки. Одежду они покупали у туземцев. Никто из них не умер, и летом все отправились дальше, взяв с собою двух туземцев, отца и сына. Мы не могли добиться, как было имя вождя «белых», а также сколько времени прошло с тех пор, так как эскимосы не были в состоянии вспомнить этого. Зато нам известно, что доктор Рэ зимовал в бухте Репульс в 1846/47 году в каменных хижинах и вторично в 1853/54 году — в снежных.

«Название местности Авилик можно считать тождественным с Эйвилик, местностью около бухты Репульс, указанной на карте эскимоской Илигмок — современницей Парри.

«Мы были удивлены, что посещение доктором Рэ бухты Репульс было известно столь отдаленному племени, и в то же время разочарованы, что эскимосы ничего не слышали об участниках экспедиции Франклина, отступавших к реке Бака через тот же проход. Мы по нескольку раз нетерпеливо расспрашивали их, но было очевидно, что они ничего не слышали о других «белых», появившихся в местах, расположенных западнее, и там погибших».

Только 6 августа вечером Мак-Клинтоку удалось выйти из залива Понда с тем, чтобы еще раз попытаться пройти в Лан-

TO THE MEMORY OF
FRANKLIN,
CROZIER, FITZJAMES,

AND ALL THEIR
GALLANT BROTHER OFFICERS AND FAITHFUL
COMPANIONS WHO HAVE SUFFERED AND PERISHED
IN THE CAUSE OF SCIENCE AND
THE SERVICE OF THEIR COUNTRY.

THIS TABLET
IS ERECTED NEAR THE SPOT WHERE
THEY PASSED THEIR FIRST ARCTIC
WINTER, AND WHENCE THEY ISSUED
FORTH TO CONQUER DIFFICULTIES OR
TO DIE.

IT COMMEMORATES THE GRIEF OF THEIR
ADMIRING COUNTRYMEN AND FRIENDS,
AND THE ANGUISH, SUBDUED BY FAITH,
OF HER WHO HAS LOST, IN THE HEROIC
LEADER OF THE EXPEDITION, THE MOST
DEVOTED AND AFFECTIONATE OF
HUSBANDS.

*"AND SO HE BRINGETH THEM UNTO THE
HAVEN WHERE THEY WOULD BE."*
1855.

This stone has been intrusted to be affixed in its place by the Officers and Crew of the American Expedition, commanded by Lt. H. J. Hartstein, in search of Dr. Kane and his Companions.

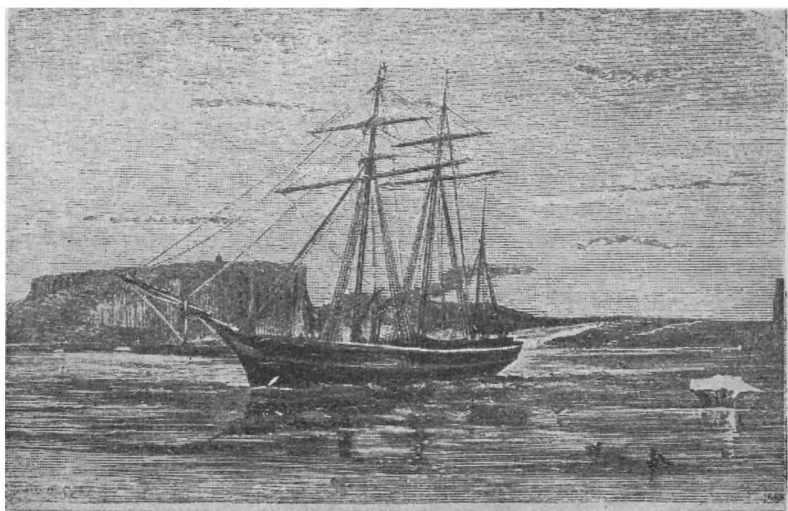
This Tablet having been left at Disco by the American Expedition, which was unable to reach Beechey Island, in 1855, was put on board the Discovery Yacht Fox, and is now set up here by Captain McClintock, R.N., commanding the final expedition of search for ascertaining the fate of Sir John Franklin and his companions: 1858.

кастеров пролив. На следующий день «Фокс» попал в сильную бурю, воздух был насыщен мокрым снегом, дождем и брызгами от расходящихся волн, но ветер был благоприятный и корабль продвигался на запад. Только 9-го шторм стих, а 11-го «Фокс» бросил якорь у самого мыса Райли. Здесь было немедленно приступлено к пополнению запасов угля из имеющихся тут пластов его, так как за последнее время корабль пользовался услугами машины, и поэтому наличный запас был почти исчерпан.

Мак-Клинтон посетил столь хорошо знакомый ему остров Бичи. Дверь, ведущая внутрь домика, оказалась открытой восточным ветром, из-за чего внутри его скопилось большое количество снега и льда. Из сложенных здесь богатых запасов продовольствия все оказалось в превосходном состоянии, за исключением части бисквитов, упакованных в ящиках. Ни медведи, ни песцы не трогали склада, а мелкие повреждения в доме, нанесенные зимними бурями, было нетрудно исправить. Была также обнаружена оставленная здесь в свое время «на всякий случай» небольшая шхуна «Мэри» — подсобный корабль Джона Росса в его плавании 1850—1851 года. Состояние шхуны было таково, что ее можно было бы в любой момент использовать для серьезных переходов.

Мак-Клинтон захватил с собой при посещении острова Диско у берегов Гренландии оставленную там мраморную доску в память Франклина и его спутников. Эта доска должна была быть установлена, по поручению лэди Франклин, на острове Бичи — месте первой зимовки ее мужа. Ее взял с собой в 1855 году упомянутый нами однажды американский капитан Хартстейн, посланный на поиски вышедшей под начальством Кейна так называемой Второй Григнелевской экспедиции. Как известно, Хартстейн повстречал Кейна в самом начале своего плавания и потому счел нецелесообразным совершать отдельное путешествие в Ланкастеров пролив с одной лишь целью установки мемориальной доски.

Мак-Клинтон исполнил это поручение. «Я поместил, — рассказывает он, — памятную доску на высокой четырехугольной плите, в центре которой стоит памятник с именами погибших в экспедиции Бельчера. Здесь же сооружена маленькая доска в память лейтенанта Белло. Я не мог выбрать для памятника лэди Франклин более подходящего и бросающегося в глаза места». Захватив с собой все письма, оставленные здесь для экспедиций Франклина и Коллинсона, а также

«Фокс» покидает остров Бичи

двадцатифутовые лодочные сани и некоторое количество провианта, Мак-Клинтон покинул остров Бичи.

Только с этого момента следует считать начало настоящих поисков. Только сейчас экспедиция вышла на путь к главной своей цели — Земле короля Уильяма.

Большое удивление вызвало полное отсутствие льдов в проливе Бэрроу. Отмечая этот исключительный факт, Мак-Клинтон называет весь свой поход «исключительным плаванием». Мало кто заглядывал в то время в эту область так часто, как именно Мак-Клинтон. Тем более интересно его рассуждение по поводу необыкновенно благоприятных условий плавания в проливе Бэрроу в этом году. Приводим эту короткую любопытную справку полностью: «В это же время года, но на двенадцать дней позже, в 1850 году, когда я командовал кораблем «Помощь», мы достигли острова Бичи, преодолев на своем пути значительные трудности. Тогда наше внимание привлек гурий, стоявший на вершине острова. Капитан Оммени сошел на берег и открыл первые следы погибшей экспедиции. На следующий день прибыла американская шхуна «Спасение», днем позже к нам присоединился капитан Пенни, а затем последовательно — капитан Остин, сэр Джон Росс и капитан Форсайт — в общем здесь собра-

лось целых десять судов. Как раз в этот день, но уже шесть лет тому назад, когда я командовал «Неустрасимым», мы отплывали отсюда по направлению к острову Мельвиля вместе с «Решительным». Я был здесь снова в 1854 году на «Северной Звезде», и мы сомневались тогда, что нам удастся освободиться от льдов.

Итак, лето 1858 года было необыкновенно благоприятным в ледовом отношении. Необходимо было не упускать момента и спешно продолжать плавание. В ночь на 16 августа Мак-Клинтон вышел с острова Бичи и вечером этого дня был уже у мыса Готэм, на восточном побережье Беллингтонова канала, в месте стыка его с проливом Барроу. Бывший здесь продовольственный склад оказался разрушенным и разворованным медведями. Мак-Клинтон захватил с собой только две уцелевшие лодки. Отсюда «Фокс» повернул по чистой воде на юго-запад к проливу Пиля. Мак-Клинтон рассчитывал по этому проливу — как по самому близкому пути — пробраться к Земле короля Уильяма.

Уже через сутки экспедиция находилась у входа в пролив. Весь экипаж высыпал на палубу, люди были «в состоянии неопишемого волнения, переходя от надежды к опасениям». В течение следующего дня «Фокс» тоже не встретил никаких препятствий, но к вечеру, когда по проливу было уже пройдено около 25 миль, оказалось, что судно попало как бы в глухой переулочек: пролив был в своей южной, более узкой части, загроможден сплошным льдом. Поэтому пришлось повернуть обратно. Хотя лед был здесь только годовалый, но Мак-Клинтон рассудил, что разумнее будет не ждать, возможно понапрасну, когда он разойдется, а вместо этого сделать попытку проникнуть в западную часть моря через пролив Белло.

На переход к порту Леопольда, расположенному при входе в пролив Принца Регента, были затрачены только одни сутки, и 19 августа ночью «Фокс» бросил здесь якорь. При осмотре места зимовки Джемса Росса было обнаружено, что построенный им дом почти совсем развалился, а провиант как будто сохранился в целости. Ввиду того, что у Мак-Клинтона не было полной уверенности в проходимости и даже существовании пролива Белло, он чувствовал себя значительно спокойнее, зная, что в случае необходимости возвращения он найдет здесь надежный и обильный склад.

Пролив Принца Регента был тоже свободен от льда, и переход по нему к бухте Брентфорда, расположенной у входа

в пролив Белло, был совершен беспрепятственно и быстро. По пути экспедиция остановилась на мысу Фьюри и удостоверялась здесь в существовании знаменитого склада, основанного еще Парри.

21 августа «Фокс» подошел к проливу Белло и в тот же день прошел по нему 8 миль, то есть позади осталась половина пролива. Но дальше в проливе на протяжении 5—6 миль скопился плотный, тяжелый паковый лед — серьезнейшее препятствие к дальнейшему продвижению. «Не сомневаясь в том, что этот пак должен быстро рассеяться, — говорит Мак-Клинтон, — мы были полны горделивой надежды и радовались возможности отдохнуть в безопасности в удобной бухте. Мы чувствовали какое-то особое спокойствие и удовлетворенность».

«Однако, — продолжает он тут же, — нам пришлось скоро убедиться в превратности судьбы: мы обнаружили, что нас отнесит вместе со льдом в восточном направлении. С каждой минутой скорость движения увеличивалась, и вскоре мы были испуганы, увидев около себя донный лед, но быстро пронеслись мимо него со скоростью около 6 миль в час на расстоянии 200 ярдов¹ от скал, о которые мы могли разбиться в одно мгновение. Ледяные массы были обширны, льдины с силой ударялись одна о другую, и мы были рады, когда нам удалось отделаться от этого опасного соседства и снова бросить якорь в той же бухте. Мы оставили здесь большие запасы продовольствия и сообщение о наших успехах, так как теперь уже с некоторой уверенностью можно сказать, что мы пройдем через несколько дней в западное море».

Необходимо отметить исключительное мужество и упорство Мак-Клинтока, настойчиво добивавшегося своей цели, имея в распоряжении такое маленькое, слабое суденышко, как «Фокс». Его героические усилия пробиться через пролив Белло, продолжавшиеся, как мы увидим, более двух недель, представляют собой редкое явление даже в истории арктических плаваний.

Пролив Белло имеет в длину 20 миль, в ширину около 1 мили. Экспедицией было установлено, что глубина его составляла 400 футов. Горные хребты, которые тянутся вдоль берегов, достигают от 1500 до 1600 футов выше уровня моря. Большая быстрота приливов и отливов в проливе Белло вполне объясняется пространствами открытой воды, которую

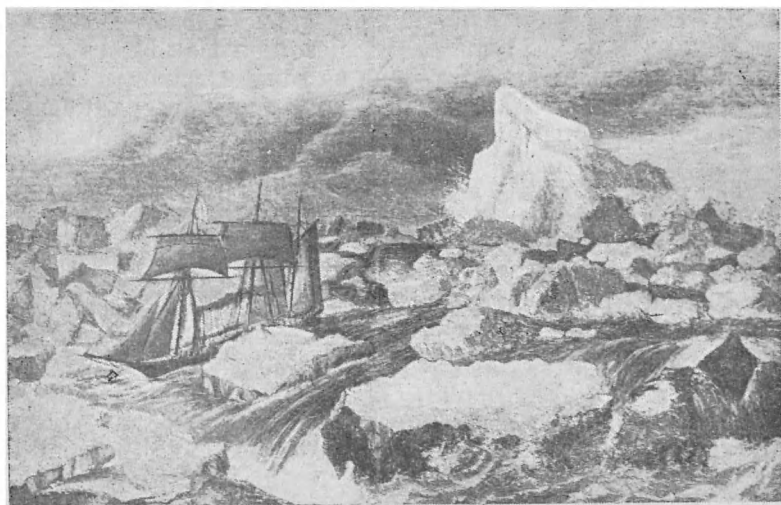
¹ Ярды — английская мера длины, равен 0,914 метра.

видели Кеннеди и Белло, когда они проходили через пролив в начале апреля.

Следующий день прошел в безуспешных поисках прохода через узкий пролив. Через сутки попытка пробиться сквозь загромождавшие его льды была возобновлена, так как некоторую надежду на успех вселила случившаяся перемена ветра. На этот раз было пройдено больше половины пролива, но дальше стоял непроходимый паковый лед. Неструдно было убедиться, что этот пролив действительно соединяет пролив Принца Регента с западным морем, так как забивавшие его тяжелые льды были несомненно западного происхождения. Разогнать их мог только сильный восточный ветер. До наступления зимы оставалось не более четырех недель. Все же за этот срок можно было еще надеяться, что пролив очистится от заграждавшего его льда.

Тем временем у Мак-Клинтока сложилось убеждение, что он будет вынужден зимовать к востоку от залива Белло. Он сам признается в своих сомнениях и даже рассказывает о возникших у него на этой почве планах работ на осень и начало зимы. Он считает необходимым выбрать заранее ряд долин, озер и равнин, представлявших удобный санный путь к западному берегу, вдоль которого можно было бы осенью устроить несколько продовольственных складов. У него была уверенность, что благодаря сильному течению пролив Белло замерзнет только в середине зимы, и поэтому воспользоваться его поверхностью для путешествия на санях будет невозможно. Второй план Мак-Клинтока заключался в том, чтобы устроить небольшой склад провианта в 60 или 70 милях к югу в проливе Принца Регента, чтобы облегчить сношения с эскимосами осенью или ранней весной. «Я считал это необходимым на тот случай, если бы на западном берегу нам встретились непреодолимые трудности, — говорит Мак-Клинток, — а так как это представлялось весьма вероятным, то я решил привести этот план немедленно в исполнение».

В соответствии с этим «Фокс» направился 26 августа из пролива Белло на юг в сторону залива Бутии. На своем пути корабль сначала не встретил никаких препятствий, но с наступлением темноты появились разреженные льды, вскоре сплотившиеся и заставившие корабль остановиться в бухте Стилвелль. Здесь был устроен склад на 120 рационов. На следующий день экспедиция повернула обратно к северу, а 29 августа «Фокс» стал на якорь в бухте Депо. Мак-Клинток посетил гурий Росса, находящийся на мысе Владения. Он

«Фокс» среди льдов пролива Белло

нашел там несколько камней, сложенных на двух больших валунах, и под каждым по монете в полпенса, причем одну из монет он захватил с собой. На земле валялись осколки бутылки, в которой хранилось когда-то сообщение, и неподалеку палка длиною в 1 метр. Мак-Клинтон воспользовался горлышком бутылки, вложив в него свое краткое сообщение, собрал небольшую кучу камней, и сверху водрузил найденную палку.

Возвратившись на корабль, Мак-Клинтон узнал, что пролив Белло как будто совершенно очистился от льда. Утром следующего дня была сделана еще одна попытка пройти по проливу, но оказалось, что лед находится на прежнем месте. Тогда Мак-Клинтон повернул свой корабль опять на восток и в нескольких милях от бухты Депо бросил якорь в прекрасно защищенной небольшой гавани, расположенной у подножья горы, имевшей вид сахарной головы.

Чтобы узнать состояние льда в западном море, от чего всецело зависело осуществление надежд экспедиции, Мак-Клинтон решил 6 сентября отправиться на лодке и плыть по проливу Белло так далеко, как только позволят льды, после чего выйти на сушу и подняться на скалы западного берега. Он взял с собой в лодку врача и четырех человек из эки-

пажа. В соответствии с планом удалось провести первую часть похода, а рано утром следующего дня Мак-Клинтон начал довольно опасное восхождение на горы и, наконец, достиг вершины самой высокой из них, с которой ему открылся великолепный вид на мыс Берд, находящийся на расстоянии 3—4 миль. «Долго и с волнением я обозревал оттуда западное море, льды и берега, и не мог притти к заключению, что, по всей вероятности, мы не будем в состоянии продвинуться дальше того места, которого уже достигли!» — горестно восклицает Мак-Клинтон. «В 1849 году — больше девяти лет тому назад — я стоял там вместе с Джемсом Россом и смотрел с таким же беспокойством в том же направлении! Мои наблюдения теперь только подкрепили прежнюю уверенность в существовании широкого прохода в южном направлении». Мак-Клинтон не ошибался: пролив Белло представляет собой действительное соединение восточных вод с западными, то есть он — не что иное как один из северных морских путей, ведущих из одного океана в другой. Таким образом, Мак-Клинтон окончательно убедился в огромном значении пролива Белло, хотя надежды пройти этим проливом было у него очень мало.

В таком положении оставалось дело до 5 сентября, когда под действием северных ветров пролив Белло почти очистился от льда. Решено было утром следующего дня сделать пятую попытку провести через него «Фокс». Действительно, 6-го удалось пройти через свободную от льдов часть пролива Белло, но у восточного выхода из пролива, на расстоянии двух миль от берега, судно уперлось во льды. Тогда была сделана остановка недалеко от маленького островка, который называли рифом Пеммикан, так как здесь был выгружен большой запас этого важнейшего для путешественников продукта питания, а также и другой провиант для будущих санных поездок. По наблюдениям Мак-Клинтока, лед образовал здесь обширное сплошное поле, которое оставалось в неподвижном состоянии, повидимому, уже несколько лет. Перед лицом этого препятствия Мак-Клинтока снова охватили сомнения; ему казалось совсем мало вероятным, чтобы его корабль мог продвинуться еще дальше. Эти сомнения, как будет видно из дальнейшего, очень скоро оправдались, но все же следует считать, что Мак-Клинтоку удалось добиться своего — пролив Белло был им пройден. Его остановили только льды, под своим сплошным покровом скрывающие воды обширного водоема, расположенного перед выходом из пролива. Каких

Мак-Клинтон обследует пролив Белло

невероятных усилий стоило экипажу крошечного «Фокса» пробиться к этой точке, Мак-Клинтон описывает в очень скупых и простых выражениях. Он не рассказывает подробно о вереницах огромных глыб, стремительно проносимых течением мимо корабля, ежеминутно рисковавшего собой, и лишь коротко сообщает о трудностях борьбы с этим течением, достигавшим порою огромной силы. Пусть эта цель не была конечной, но надеяться пробиться сквозь сплошной паковый лед в канале Пиля было совершенно нечего, и потому Мак-Клинтон стал серьезно готовиться к зимовке. В Арктике иногда случаются неожиданные подвижки льдов; учитывая это, Мак-Клинтон держал пока свой корабль наготове, но вместе с тем необходимо было найти для него подходящую зимнюю стоянку. 11 сентября «Фокс» бросил якорь в маленькой удобной гавани недалеко от входа в пролив. Мак-Клинтон назвал ее в честь открывшего пролив Белло портом Кеннеди.

Настоящая зима еще не наступила, но прихода ее следовало ожидать со дня на день. Мак-Клинтон ограничивался в это время небольшими вылазками и интенсивно работал над приготовлением запасов для будущих продовольственных складов и зимних санных поездок. План этих последних был им тщательно продуман, и все было готово для проведения его в жизнь.

«По выработанному мною плану, — сообщает Мак-Клинтон, — мы пойдем по трем отдельным дорогам, причем в каждой группе будет по четыре человека, собачья запряжка и руководитель. Такими начальниками будут Хобсон и Юнг, а третьей группой буду руководить я сам. Я направлюсь к Большой рыбной реке с тем, чтобы исследовать берега Земли короля Уильяма по пути туда и обратно. Петерсена я возьму с собой.

«Хобсон обследует западный берег Бутии до Магнитного полюса, как я надеюсь, — еще этой осенью, и от острова Гэтсхед к западу — предстоящей весной.

«Юнг должен будет следовать по берегу Земли принца Уэльского от пункта лейтенанта Броуна к юго-западу до пункта Осборна, если это только окажется возможным, а также обследовать местность между мысом Четырех рек и мысом Берд.

«Наше отсутствие продлится шестьдесят или семьдесят дней, начиная с 20 марта. Я полагаю, что нам удастся успешно завершить поиски следов экспедиции Франклина и геогра-

фическое исследование Северной Америки — обе эти задачи не были решены прежними экспедициями. Разбившись на три группы и следуя в разных направлениях, мы, во всяком случае, должны найти какой-нибудь след, остатки, а, может быть, и важное сообщение о тех, загадочную участь которых мы стремимся раскрыть. Но прежде чем начать эту важнейшую часть нашего путешествия, я должен войти в сношения с жителями Бутии, как восточного, так и западного берегов, что можно сделать в ноябре или феврале. Сэр Джон Росс в своем отчете сообщает, что они иногда проводят зиму на восточном берегу, доходя в северном направлении до реки Эгню. Нам известно также, что на западе, у Магнитного полюса, жил летом в покинутых ими снежных хижинах сэр Джемс Росс».

25 сентября лейтенант Хобсон отправился во главе семи человек с четырнадцатью собаками в поход для закладки продовольственного депо на побережье. Он должен был попытаться спуститься до 71° и повернуться обратно через 14—15 дней. 28-го «Фокс» вернулся из последней небольшой поездки в гавань Кеннеди. Хобсон и его товарищи провели в своей экскурсии одиннадцать дней. 71° им достигнуть не удалось, они добрались только до $71^{\circ}30'$,¹ так как дальше не возможно было пройти из-за подступавшего вплотную к скалам моря. На своем пути отряд соорудил несколько продовольственных складов.

19 октября утром Хобсон снова отправился с девятью спутниками и десятью собаками. Они отсутствовали девятнадцать дней. На корабле уже стали опасаться за их судьбу, но 6 ноября страхи рассеялись: все вернулись совершенно здоровыми, хотя им и приходилось сильно страдать в пути от холода. Отряд Хобсона находился одно время в очень серьезной опасности, но благополучно выбрался из создавшегося положения. В первые шесть дней Хобсон и его спутники успешно продвигались вперед. В ночь на седьмой день они расположились для ночевки на льдине. Во время большого прилива налетел северо-восточный ветер, льдина оторвалась от берега. Как только Хобсон и его спутники обнаружили, что льдину вместе с людьми относит, они запрягли собак в сани и стали с волнением ожидать, чем кончится их невольный дрейф. Отдалившись на некоторое расстояние от берега, льдина раскололась под влиянием ветра и морской

¹ Отряд двигался к своей цели с севера на юг.

волны. Тот обломок, на котором остались люди, был не более 18 метров в диаметре. Он двигался через устье широкого пролива, пока не был прибит к противоположному берегу. Непосредственно вслед за бурей наступил сильнейший мороз, и в одну ночь лед настолько окреп, что пассажиры льдины смогли благополучно добраться до берега.

Продовольственные базы были заложены до широты $71^{\circ}30'$. Дальше лейтенант Хобсон не решился идти не только из-за недостатка продовольствия, но и потому, что у ближайшего мыса уже начиналось открытое море. В результате поездок Хобсона удалось забросить провиант на расстояние 60—90 миль от корабля.

Зима окончательно вошла в свои права. Много лет провел Мак-Клинтон в Арктике, участвуя в различных поисковых экспедициях, но ни одна из зим не была так сурова, как в нынешнем году.

К 14 февраля все должно было быть готово для подготовительных поездок Мак-Клинтока и Аллен Юнга. Сопровождать первого были назначены переводчик Петерсен и матрос Томпсон с двумя санями и пятнадцатью собаками. Цель этой партии состояла в том, чтобы войти в сношения с туземцами Бутии, живущими по соседству с Магнитным полюсом. Для успешного выполнения этой задачи Петерсен, как лучший знаток эскимосского языка и обычаев, был неоценим. Юнг должен был разместить запасы продовольствия по будущему своему пути вдоль берега Земли принца Уэльского, намеченному на весну. Действительно, к назначенному сроку сани были снаряжены, и двадцатичетырехдневный запас продовольствия для партии Мак-Клинтока был уже погружен, но так как в этот день с утра дул сильный северо-западный ветер и стоял большой мороз, то начинать поход в такой обстановке было невозможно.

Только утром 17 февраля погода стала достаточно мягкой, и можно было решиться начать путешествие. Группа Юнга переправилась через пролив на другую сторону, а Мак-Клинтон со своими людьми направился к западному берегу Бутии, намереваясь дальше повернуть вдоль него к югу.

На следующий день северо-западный ветер подул с новой силой и термометр упал до -48° . Холод был невыносимый, отмечает Мак-Клинтон. Еще днем позже захромала большая часть собак, так как изранила себе лапы о твердый снег. Мак-Клинтоку пришлось вследствие этого бросить часть про-

довольствия. Люди шли обычно до сумерек, а вечером сооружали хижину из снега, после чего ложились на отдых. Описание этого интересного похода мы заимствуем из книги самого Мак-Клинтока.

«Один день походил на другой; я шел впереди, Петерсен и Томпсон следовали за мной, ведя сани. Шли мы по восемь или десять часов без остановок, за исключением тех случаев, когда приходилось распутывать собачью запряжку. При остановке на ночь Томпсон и я распиливали глыбы плотного снега и передавали их Петерсену, который был нашим архитектором. Полтора или два часа, в течение которых, продолжалась постройка хижины, были самым неприятным временем из всего дня. Не говоря уже о том, что мы чувствовали страшную усталость и жаждали отдыха, нам приходилось коченеть от холода. Закончив постройку хижины, накормив собак, распаховав поклажу, мы закрывали входное отверстие снегом, зажигали лампу, писали дневники и, дымя трубками, спорили о сравнительных достоинствах наших собак до тех пор, пока не был готов ужин. После ужина мы натягивали на себя одеяло и быстро засыпали.

«На следующее утро мы завтракали, с трудом натягивали на себя замерзшие меховые сапоги, нагружали сани и снова отправлялись в путь. В этих маленьких хижинах было достаточно тепло, если мы плотно закрывали выходное отверстие и зажигали лампу, но в дальнейшем, когда наши одеяла и одежда обледеневали, мы сильно страдали от холода.

«21-го я посетил нашу главную продовольственную базу, устроенную в октябре. Она оказалась в целости. Но, к сожалению, для нее было выбрано место всего в 40 милях к югу от пролива Белло.

«22-го сильнейший восточный ветер помешал нам продолжать наш путь, но зато нам посчастливилось застрелить медведя, и мы утешились свежим бифштексом, а наши собаки получили обильные порции немороженого мяса — лакомство, какого они не видали уже много месяцев.

«Я все время опасался, что наш поход окажется бесполезным, так как до сих пор мы не встречали никаких следов туземцев, а между тем провиант сильно уменьшился и собаки находились в плачевном состоянии: из пятнадцати — шесть выбыло из строя.

«Велико поэтому было наше изумление и радость, когда 1 марта мы заметили четырех человек, следовавших за нами. Петерсен и я немедленно приготовили на всякий случай ре-

вольверы и пошли им навстречу. Эскимосы остановились, опустили свои копья и встретили нас, не обнаруживая никаких признаков удивления. Они объяснили нам, что охотились на тюленей и возвращаются домой. Мы предложили им присоединиться к нам. Дорогой мы узнали от них, что до их поселка еще далеко, поэтому предложили им построить снежную хижину, что они и выполнили в течение какого-нибудь часа. Хижина оказалась довольно значительной по размерам: 8 футов в диаметре и 5½ футов высоты, и мы все поместились в ней на ночь.

«Мы дали понять эскимосам, что очень хотим заняться с ними обменом вещей, и крайне осторожно подошли к цели нашего похода. К этому представился случай, когда мы заметили на одежде одного из них морскую пуговицу. Эскимосы заявили, что эта пуговица досталась им от «белых людей», которые умерли голодной смертью на острове, где ловятся лососи (следовательно, в реке), и что железо, из которого сделаны их ножи, взято также оттуда.

«Один эскимос заявил, что он сам был на этом острове, чтобы получить дерево и железо, но никто из них не видел «белых людей». Другой был в «Эйвиллик» (бухта Репульс) и насчитал при помощи своих пальцев семь человек из спутников Рэ, которых он отлично видел и помнил».

Эта встреча Мак-Клинтока с эскимосами произошла почти у самого Магнитного полюса. Расстояние от этой точки до бухты Репульс, как известно, совсем не маленькое, но оно, повидимому, легко преодолевается местными эскимосами. Нет никаких оснований сомневаться в правдивости слов местных жителей, рассказавших о своей встрече с Рэ. Мак-Клинтоку несомненно повезло. Он не только нашел эскимосов, но даже напал на верный след пропавшей экспедиции в виде имевшихся у них пуговиц и ножей. Таким образом, Мак-Клинтон получил блестящее подтверждение достоверности рассказа Рэ и сведений, собранных Андерсоном и Стюартом. Необходимо отметить, что такого рода подтверждение впервые было добыто морской экспедицией.

«На следующее утро, — продолжает Мак-Клинтон свой рассказ, — мы прошли еще около десяти миль и приблизились, наконец, к мысу Виктории. Дальше я не хотел идти, хотя эскимосы и предлагали быть нашими проводниками. Мы сделали остановку, и они снова построили удобную снежную хижину, затратив на это не более получаса. После этого мы выставили перед ними все предметы, предназначенные для

обмена: ножи, нитки, иголки, ножницы, бусы и пр. Мы снова выразили желание заняться с ними торговлей и обещали приобрести у них любую вещь, принадлежавшую погибшим от голода «белым», если они принесут эти вещи завтра. Несмотря на бурю и страшный холод, мы комфортабельно провели ночь в нашей поместительной хижине.

«На следующее утро прибыло все население поселка в количестве сорока пяти человек от стариков до детей на руках, и началась бойкая торговля.

«Прежде всего мы приобрели все остатки погибшей экспедиции, состоявшие из шести серебряных ложек и вилок, серебряную медаль — собственность хирурга мистера А. Мак-Дональда, кусок золотой цепочки, несколько пуговиц и ножей, сделанных из железа и дерева, взятых с погибшего корабля, а также лук и стрелы, изготовленные из материалов, захваченных оттуда же.

«Все пожилые эскимосы помнили еще посещение «Победы». ¹ Один старик сообщил мне, что его имя — Ублиория. Я вспомнил, что у сэра Джемса Росса был проводник, который носил то же имя. Из беседы со стариком выяснилось, что именно он и был проводником у Росса, и он расспрашивал меня о последнем, называя его «Агглогга» — имя, под которым Росс был известен среди туземцев.

«Ни один из этих эскимосов не видел спутников Франклина. По словам одного из эскимосов, он видел их кости на острове, где они погибли и где некоторые были похоронены. Эскимосы сообщили также Петерсену, что лодка «белых» была раздавлена льдами. Все они воспользовались остатками этой лодки.

«Эскимосы сказали нам в заключение, что они встретят нас на обратном пути, чтобы снова торговать с нами, и что мы еще застанем их соплеменников на острове Монреаль в момент нашего прибытия туда.

«На следующее утро один из туземцев рассказал Петерсену, что какой-то корабль с тремя мачтами был раздавлен льдами к западу от острова короля Уильяма, но что весь экипаж благополучно выбрался на берег. Сам он не был свидетелем этого события. Корабль затонул, и эскимосы не могли здесь ничем попользоваться. Все, что им удалось захватить, заявил туземец, было с острова на реке.

¹ «Победа» — судно Джона Росса в экспедиции 1829—1833 годов. Как известно, участником этой экспедиции был Джемс Росс.

«Старый эскимос по имени У-на-ли сделал грубый набросок береговой линии копьём на снегу и сказал, что до того места, где затонул корабль, восемь дней пути. Он указал при этом в направлении мыса Феликс. Мне ничего не удалось разобрать на его «карте».

«Сообщения, которые мы получили, подтверждают важнейшие пункты донесений доктора Ра, а также свидетельствуют о том, что один из кораблей затонул. Но они ничего не говорят о судьбе второго, а также о том, откуда именно суда прибыли. Одно стало теперь ясно — никто из экипажа кораблей никогда не высаживался на берегах Бутии».

Расставшись с эскимосами, Мак-Клинтон собрался в обратный путь, но бушевавший шторм задержал его еще на два дня, и партия вернулась на корабль только 14 марта. Весь поход длился 25 дней, причем было пройдено 360 миль. На протяжении 120 миль было обследовано и нанесено на карту побережье полуострова Бутии.

Капитан Аллен Юнг возвратился на корабль уже 3 марта. Ему удалось устроить продовольственную базу на берегу Земли принца Уэльского, в 70 милях к юго-западу от места стоянки корабля. Оба отряда отделались лишь легкими отморожениями у некоторых участников похода, так что обе произведенные вылазки должны были считаться очень удачными. Правда, люди сильно исхудали, но были здоровы и бодры, причем все поголовно отличались волчьим аппетитом.

Неутомимый Юнг собрался было в новую экскурсию к Земле принца Уэльского — на этот раз в северо-западном направлении, с тем, чтобы там основать еще один продовольственный склад. Однако в назначенный день, 17 марта погода была настолько неблагоприятной, что поездку пришлось отложить. Весь этот день был проведен в поисках куда-то запропащившихся трех боченков с сахаром. Найти их так и не удалось, что составляло серьезный урон для небольшого запаса, имевшегося на корабле. Несмотря на свирепствовавшую непогоду, 18-го Юнг с двумя людьми отправились за сахаром к складу на мысе Фьюри, предполагая, в случае безуспешности его поисков здесь, добраться даже до порта Леопольда.

Эта поездка чрезвычайно любопытна тем, что, успешно разрешив взятую на себя задачу, Юнг испытал на себе удивительные свойства арктического климата и воздуха, почти лишенного бактерий. Об этом стоит сказать несколько слов.

Поездка Юнга длилась всего десять дней. Он доставил к кораблю с мыса Фьюри около восьми центнеров сахара. Путешествие это было не из легких, так как лед в бухте Кресуэлла был настолько неровен, что эту бухту приходилось объезжать кругом, по берегу. Во время этой поездки все участники сильнейшим образом страдали от снежной слепоты, причем сопровождавший Юнга собачник-эскимос на время совсем потерял зрение.

Доставленный Юнгом сахар был из запасов корабля «Фьюри» и был выброшен на берег в 1825 году, когда этот корабль был прибит к берегу и раздавлен льдами. На берегу, возле которого погиб «Фьюри», оказалось также громадное количество консервированных овощей и супа. Юнг и его спутники попробовали эти консервы и нашли, что они несколько не испортились. Юнг принес с собою на пробу две банки моркови. Он насчитал там тридцать четыре боченка с мукой, пять — с горохом, пять — с табаком и четыре — с сахаром. На берегу лежали также две лодки, из которых одна требовала только небольших исправлений. Никаких сообщений найдено не было.

Все перечисленные запасы находились на мысе Фьюри в состоянии, несколько отличном от того, какое принято для арктических складов. Время и посещения нескольких прежних экспедиций разрушили этот склад; ящики и бочки с продовольствием стояли здесь неприкрытыми, по большей части засыпанные снегом. Несмотря на это, суп, сваренный из привезенного отсюда сухого бульона, был безукоризненного качества, равно как и блюда, приготовленные из других продуктов.

Тремя днями раньше Юнга вернулся из небольшой поездки экспедиционный врач, доставивший на судно случайно обнаруженный им боченок с мукой неизвестного происхождения. В том месте, где он был найден, боченок пролежал, несомненно, несколько лет, защищенный выступом валуна от давления льдов. Очевидно, он был прибит туда льдами. Надпись на дне боченка настолько стерлась, что ее не удалось прочитать. Мука сохранилась так хорошо, что ее трудно было отличить от свежей. Мак-Клинтон распорядился сохранить небольшое количество муки, чтобы сравнить ее с запасами, оставленными на складах Фьюри и в порту Леопольда, и таким образом установить происхождение найденного боченка. В связи с этим фактом интересно вспомнить наблюдение, произведенное в свое время экипажем «Ге-

ральда», выкопавшим из земли огромную бочку с мукой, оставленную здесь несколькими десятками лет раньше капитаном Бичи. Как оказалось, мука сохранила все вкусовые качества, несмотря на свою давность.

Эти данные имеют для нас прежде всего то значение, что показывают, как легко, при соблюдении некоторых мер предосторожности, сохранить в Арктике на долгие годы продовольственные запасы, и как иногда такие продовольственные склады могут выручить и даже спасти целые экспедиции. Склад на мысу Фьюри спас от верной гибели давнишнюю экспедицию Джона Росса и оказался очень кстати для экспедиции Мак-Клинтока. Принес ли он пользу экспедиции Франклина? На это в то время никто не мог дать окончательного ответа, но следов пропавших в районе склада Юнгу обнаружить не удалось.

Тем временем на маленьком «Фоксе» царило сильное возбуждение: все готовились к большим весенним экспедициям, выход которых был назначен на 2 апреля. Первыми предполагали выступить Мак-Клинток и Хобсон, для Юнга еще не были готовы сани, и потому его выход предполагался несколькими днями позднее. Доктор Ускер по необходимости должен был остаться на корабле, приняв на себя заботы о содержании его в порядке. Чрезвычайно показательно для энергичного образа действий Мак-Клинтока, а также для господствовавшего среди экипажа воодушевления, что кроме врача на «Фоксе» были оставлены только два стюарта, повар, плотник и истопник.

Продолжительность поездок Мак-Клинтока и Хобсона была рассчитана каждая на восемьдесят четыре дня. Продовольствование отрядов должно было идти как за счет запасов, захваченных с собой, так и за счет заранее оборудованных складов. «От Магнитного полюса мы должны будем отправиться, захватив с собой столько продовольствия, сколько будем в состоянии нести, оставим там некоторый запас, чтобы воспользоваться им при нашем возвращении», сообщает Мак-Клинток последнюю, существенную деталь своего плана.

Второе апреля 1858 года стало исторической датой: этот день — начало знаменитого похода, приведшего к разгадке тайны судьбы Франклина. Сидя с пером в руках, Мак-Клинток чувствовал трудность своей новой задачи — отобразить на бумаге все, что он увидел, узнал, понял и пережил за последние месяцы. «Для меня совершенно ясно, — восклицает

Мак-Клинтон, — что необычный образ жизни, который мы ведем в экспедиции, совсем не подходит для такой, требующей спокойствия работы, как ведение дневника. Настоящая попытка будет доказательством этого, — действительно, располагая таким обширным материалом, какую полную глубокого интереса книгу можно было бы написать!

«С тех пор как я в последний раз раскрывал этот искусственный старый дневник — собрание сухих фактов и самых простых замечаний — миновала зима, наступает лето, и прекрасное солнце снова возвращается к югу. Мы старались также не оставаться на месте и двигаться вперед, вместе со временем, к осуществлению нашей цели».

Утро дня, назначенного для выступления, было неприветливым, но вскоре погода улучшилась, и Мак-Клинтон вместе с Хобсоном могли тронуться в путь.

«У каждого из нас было по саням, — пишет Мак-Клинтон, — которые тащили четверо людей и, кроме того, отдельные санки, запряженные собаками в сопровождении погонщика. Мистер Петерсен сам предложил свои услуги управлять моей собачьей упряжкой, — предложение слишком ценное, чтобы его можно было отклонить, — и, действительно, выполнял эти обязанности до конца. наших пять истощенных от недоедания молодых собак мы запрягли, впервые в их жизни, в маленькие сани. Этими собаками я правил сам, намереваясь продать их эскимосам в том случае, если бы удалось заставить их тащить так далеко взятое для них удовольствие».

«Шествие выглядело внушительно и было действительно очень любопытно: пять саней, двенадцать человек и семнадцать собак разной величины и вида. На корабле был поднят большой флаг, а на наших санях — веселые шелковые флажки. Мои сани были украшены красивым флагом, подаренным мне лэди Франклин. Ее имя было нашито белыми буквами на красном поле, окаймленном белой вышивкой. Флаг был изготовлен сестрами капитана Коллинсона».

«Снаряжение, которым были нагружены наши сани, имело следующий вес¹ (вес снаряжения партии Хобсона и Юнга был почти одинаковый):

¹ Эти данные представляют собой большой интерес прежде всего потому, что Мак-Клинтон был реформатором санного экспедиционного транспорта. Вес саней и груза в прежних экспедициях был гораздо значительнее, отчего очень страдала подвижность и работоспособность саных партий. Английский фунт равен 453 граммам.

2 сани и приспособления к ним	110
Палатка, непромокаемое покрывало, клеенка, два ком- плекта спальной одежды, шесть спальных мешков	90
Кухонная посуда, лопата, пила, скребок и разные мел- кие предметы	40
Ружья и амуниция	20
Инструменты для магнитных и астрономических на- блюдений	60
Шесть сумок с нашей скромной одеждой	60
Разные ящики и мешки для провизии	50
Вещи для обмена	40
Провиант	930

Общий вес 1400

«Ноша, предназначенная для каждого из людей, составляла в среднем 200 фунтов, для каждой собаки — 100 фунтов.

«Продовольствие состояло, главным образом, из мяса, сваренного с салом, бисквита и чая; кроме того, у нас было немного вареной свинины, рома и табака.

«Так как мои спутники не привыкли носить больших тяжестей, а сани были основательно напружены, то мы скоро утомлялись и поэтому двигались медленно. Ночью сделали остановку у Длинного озера. Во второй день мы дошли до западного моря, а на третий, с помощью парусов, поднятых на санях, настолько продвинулись вперед, что оставили в нескольких милях позади себя остров Эрчедек.

«Продвигаясь вперед, мы забирали запасы из различных складов, которые были устроены с такими трудностями и опасностями осенью. В конце концов у нас оказалось так много груза, что нам пришлось идти вдвое медленнее. Шесть дней мы настойчиво продвигались таким же утомительным путем, пока (15 апреля) не достигли 71°7' северной широты по низменному известняковому берегу, который от этого пункта переходит почти в прямую линию, простираясь к югу на 60—70 миль. Мы начали теперь оставлять кое-где провиант, чтобы обеспечить себе питание на обратном пути. Тащить по ровному снегу весь остальной провиант, рассчитанный приблизительно на 6 дней, было совсем легко.

«До сих пор температура была низкой, доходя часто до 30° ниже нуля; по временам дули резкие северные ветры и светило яркое солнце. Снег ослепительно блестел и, хотя мы носили цветные стекла, все же большинство из нас

сильно страдало от воспаления глаз. Кожа на наших лицах покрылась пузырями, губы и руки растрескались. Кажется, никогда еще никто не был так изуродован соединенным действием яркого солнца и исключительно холодных ветров. По счастью, у нас не наблюдалось случаев полного отмораживания, но почти у всех были обморожены лица и пальцы.

«20 апреля на 70,°5 северной широты мы встретили две семьи эскимосов, всего двенадцать человек. Их построенные из снега хижины находились на льду в $\frac{3}{4}$ мили от берега. Занимались они охотой на тюленей. Это были те самые эскимосы, с которыми я познакомился в феврале у мыса Виктории.

«Вход в их хижины был настолько высок, что войти в них можно было не становясь на четвереньки, а ледяная плита на крыше допускала во внутреннее помещение достаточное света. Сделанные из снега скамьи вышиною в два фута, занимавшие половину пространства каждой избы, были покрыты шкурами оленей и служили местом отдыха для всей семьи. По углам стояли скамейки, также из снега, заменявшие кухонные столы. Около них сидела хозяйка, возившаяся со стоявшей тут же каменной лампой и каменной кухонной посудой, развешанной над скамейкой. Лампой служил небольшой открытый сосуд, горячим — тюлений жир, а фитилем — сушеный мох. Трутницей был мешок из тюленьей кожи с мягким сухим мхом, а куском железного колчедана и ниткой хозяйка высекала огонь.

«Мы заметили две широких лопаты для отгребания снега, сделанных из досок красного дерева, несколько длинных ручек от багров, лук из английского дуба, два ящика из-под мясных консервов и часть футляра от большого телескопа или барометра.

«Я обратил также внимание на нож, на котором были заметны неразборчивые знаки, какие обыкновенно ставятся на морских кортиках или шпагах. Один из эскимосов сообщил нам, что нож был поднят около выброшенного на берег корабля; нож был в то время длиною с его руку, но эскимосы разрезали его вдоль, чтобы получить из одного несколько. На наши нетерпеливые вопросы туземцы сообщили, что два корабля были замечены жителями острова Короля Уильяма: один из них затонул на глубоком месте и с него ничего не удалось получить — обстоятельство, о котором они очень сожалели. Другой корабль был выброшен льдами на берег, и они предполагают, что он — или, вернее, его обломки — сохра-

нились до сих пор. С этого корабля они получили много дерева и других предметов.

«Место, где разбился корабль, по-эскимосски называется Ут-лу-лик. Прежде там жило много эскимосов, но теперь их осталось очень мало. Всем им досталось много дерева.

«Большую часть этих сведений сообщил молодой человек, у которого мы купили нож. Старый У-на-ли, который в марте пытался набросать нам карту, чтобы показать место, где затонул корабль, на этот раз отвечал также на наши вопросы относительно второго корабля, выброшенного на берег. Тогда он не говорил о нем ни звука, хотя мы и спрашивали его, знают ли эскимосы о втором судне. Я думаю, что он с удовольствием оставил бы нас в неизвестности относительно оставшихся на берегу обломков корабля и что молодой человек проговорился о них лишь нечаянно.

«Последний сообщил также, что на борту был найден труп широкоплечего человека с длинными руками. Он прибавил при этом, что рассказал нам все, что запомнил и что сам он в момент гибели кораблей был еще ребенком.

«Оба эскимоса сообщили нам, что корабли потерпели крушение в августе или сентябре, что все «белые» отправились к «большой реке», захватив с собой одну или несколько лодок, и что следующей зимой были найдены кости.

«Эти две эскимосские семьи доходили, охотясь на тюленей, до группы островов Тасмании¹ на 74,°25 северной широты и возвращались затем к себе в Нейтчили. Те, которых мы встретили у мыса Виктории, также шли туда. Как сообщили нам эскимосы, ближайшие туземцы находятся в настоящее время на острове Амиток, на расстоянии десятидневного пути. Может быть они так называли острова Мэтти?

«Мы приобрели у эскимосов тюленьего жира и мяса, а также двух собак. На следующее утро У-на-ли сожалел об этой сделке, или может быть только притворялся, что жалел, но во всяком случае мы не возвратили ему собак. Он пытался украсть у нас из саней оловянную посуду и, может быть, для того, чтобы заслужить наше расположение, сообщил нам, когда мы уже отправлялись в путь, что в марте его соотече-

¹ Эти острова были названы так мною по требованию лэди Франклин в благодарность за многочисленные выражения симпатии, полученные от жителей этой колонии, которой управлял ее муж в течение нескольких лет, а также за щедрые пожертвования на экспедиции, посылавшиеся на поиски Франклина.

ственники следовали за мной при моем возвращении к кораблям, обнаружили наш склад жира и предметов, предназначенных для обмена, а также оставленные там два пистолета и унесли все это с собой в Нейтчили. Нечего сказать, приятное известие! Очевидно, склад был обнаружен их собаками, почуявшими запах жира, так как все эти предметы были спрятаны под снегом на глубине 4 футов, а сильные ветры должны были стереть все следы на поверхности.

«Я был рад тому, что мы приобрели обеих собак у эскимосов, так как это могло помешать им разыскать наши следы, расположенные к северу. Зная теперь о том, насколько ненадежно положение всех наших складов, расположенных на территории, по которой кочуют эскимосы, я решил проявлять в будущем особую осторожность. Жаль было потери пистолетов, так как теперь у нашей партии не осталось другого оружия, кроме двух ружей.

«У-на-ли говорил нам при первой встрече, что один из его соплеменников очень болен. Не видя больного ни в одной из хижин, мы забыли об этом, пока Петерсен перед отъездом не рассказал нам, как У-на-ли описывал ему вертящийся барабан револьвера. Я подумал, что один из эскимосов мог получить ранение и зато они научились теперь, как взводить курок и заряжать пистолеты.

«У-на-ли хорошо знал береговую линию до пролива Белло и называл расположенные там мысы, хотя никогда и не бывал сам так далеко на севере. Он подробно расспрашивал о местоположении нашего корабля, его величине и количестве людей. Если бы он мог совершить такой далекий путь с женой и несколькими маленькими детьми, без саней и собак, я думаю, что он отправился бы в порт Кеннеди. Мы не укрепляли в нем этого намерения, тем более, что его жена была одной из самых назойливых женщин, из числа тех, которых мы видели в марте у мыса Виктории.

«Известие относительно судьбы обоих пропавших кораблей было чрезвычайно важным, и нам оставалось только найти, если это окажется возможным, обломки выброшенного на берег судна.

«Продолжая наш путь, мы пересекли обширную бухту, идя по гладкому льду и самому ровному и твердому снегу, который я когда-либо видел. Тут должно было быть много чистой воды прошлой осенью.

«Около Магнитного полюса мы обнаружили семь или восемь сделанных из снега хижин, недавно покинутых эски-

мосами. 26, 27 и 28-го мы вынуждены были просидеть в наших палатках из-за чрезвычайно резкого юго-восточного ветра и сильного мороза. Пока продолжался этот ветер, было очень холодно в нашей маленькой палатке, и пары от варившегося мяса и чая вместе с нашим влажным дыханием сгустились в большом количестве на внутренней стороне палатки, так что при каждом толчке на нас падал мелкий снег, пролизывавший и увлажнявший наши одеяла-мешки.

«Утром 28-го мы достигли мыса Виктории, где я и Хобсон расстались. Последний направился прямо к мысу Феликс на острове Короля Уильяма, в то время как я взял курс южнее. Не решаясь устраивать продовольственных складов на этом берегу, мы захватили все запасы с собою, намереваясь оставить небольшую часть провианта на островах Клэренса.

«К моменту нашего отъезда Хобсон был нездоров и жаловался на околеченость и боль в ногах. Никто из нас не подозревал тогда истинной причины этого. Я дал ему распоряжение исследовать западный берег острова Короля Уильяма, отыскать обломки выброшенного на берег корабля или хотя бы какие-нибудь сообщения о нем, а также вести подробные расспросы эскимосов. Если же на этом берегу не будет обнаружено никаких следов экспедиции, Хобсон должен был, по возможности, выполнить наш первоначальный план, закончив исследования и поиски на Земле Виктории, включая сюда неисследованное пространство между крайними пунктами, до которых доходил капитан Коллинсон.

«Я даю здесь небольшую выдержку из моих письменных инструкций Хобсону, которая покажет, какие предположения были у меня в то время и насколько скудны и неопределенны были сведения, которыми я тогда располагал:

„«Сообщения эскимосов, полученные два дня тому назад, относительно второго корабля, поврежденного льдами и выброшенного на берег острова Короля Уильяма, где он до сих пор и остается, представляет чрезвычайную важность. Ваша первая обязанность — посетить остатки этого корабля и тщательно исследовать каждое обстоятельство, связанное с его гибелью, а также узнать от эскимосов, как много людей и сколько лодок направились к югу и все ли люди пошли к Большой рыбной реке?

„«Если часть экипажа выбрала другое направление, Вам надлежит пойти по нему, чтобы собрать сведения от эскимосов. Возможно, что еще за год до оставления кораблей

некоторые группы могли быть отправлены к реке Меднорудной или к реке Макензи, хотя эскимосы у Кембриджской бухты ничего не сообщали об этом экипажу «Предприятия».

„Если сведения Рэ правильны, то до Рыбной реки добралось не более одной лодки и всего около 40 человек. Если нам не удастся собрать достаточно исперпывающих сведений, судьба остальных двух третей участников экспедиции Франклина останется невыясненной»”.

Эта коротенькая инструкция замечательна прежде всего тем, что она сохраняет за исполнителем полную свободу действий и вместе с тем точно указывает цель и разъясняет существо задачи.

Уже в это время у Мак-Клинтока были веские основания надеяться, что его экспедиция действительно разрешит эту задачу. Он хорошо знал, что находится где-то вблизи от места катастрофы, так как об этом свидетельствовали недавние показания Рэ и Андерсона, а встречи с эскимосами еще больше подкрепили его надежды. Ведь не случайно знало о гибели белых людей все население поселка и не случайно попало в их руки такое количество вещей, принадлежавших, несомненно, пропавшей экспедиции. Ясно было, что подробные рассказы эскимосов основаны на фактах, известных им не понаслышке.

Итак Хобсон и Мак-Клинток расстались. Хобсон направился через пролив Джемса Росса прямо к северной оконечности Земли короля Уильяма, а Мак-Клинток через тот же пролив — к гавани Парри, расположенной несколько южнее на восточном берегу этого острова. Лед в проливе оказался очень неровным, и потому переход отряда Мак-Клинтока занял целых три дня. Здесь был сооружен большой продовольственный склад, что очень облегчило вес саней и дальнейшее передвижение экспедиции. 2 мая отряд двинулся в путь и через два дня уже спустился к проливу Веллингтона. По льду этого пролива Мак-Клинток перебрался к юго-западной оконечности острова Мэтти в надежде увидеть эскимосов, следов которых отряд не встречал после оставления мыса Виктории. На этой юго-западной оконечности они набрали на покинутое жителями селение, состоявшее приблизительно из двадцати хижин, не считая нескольких, стоявших отдельно, на расстоянии немногих миль. В каждой хижине оказывались обрезки и стружки разных пород дерева, оставшегося от погибшей экспедиции. Казалось, что хижины были покинуты за две или три недели до прихода экспедиции.

Здесь было собрано большое количество китового жира, увеличившего запасы топлива отряда.

Отсюда Мак-Клинтон пошел еще дальше на восток, по-прежнему надеясь встретить эскимосов. Через несколько дней удалось обнаружить ряд покинутых снежных хижин. Следы от саней показывали, что эскимосы ушли на востоко-северо-восток, то есть по направлению к Нейтчили. Этот пункт является, повидимому, излюбленным местопребыванием окрестных эскимосов, потому что все жители Бутии также стремились туда летом. Мак-Клинтоку стало ясно, что рассчитывать на встречу с эскимосами нечего. Он был чрезвычайно огорчен этим, тем более, что по количеству щепок, лежавших около хижин, можно было заключить, что туземцы посещали выброшенный на берег корабль, о котором рассказывали ему встреченные эскимосы. Путь к этому кораблю лежал через большой пролив, причем нужно было идти в течение трех или четырех дней по суше к западу до противоположной стороны Земли короля Уильяма.

После безрезультатной вылазки в сторону острова Мэтти, Мак-Клинтон вернулся к Земле короля Уильяма, чтобы продолжить намеченный путь к югу, вдоль ее побережья.

Ниже мы приводим его собственный рассказ об этом переходе и связанных с ним событиях.

«7 мая. Чтобы избежать заболевания снежной слепотой, мы решили передвигаться только ночью. Переправившись с острова Мэтти на берег острова короля Уильяма, мы продолжали идти к югу, пока около полуночи нам не посчастливилось наткнуться на населенный лагерь, состоявший из десяти-двенадцати снежных хижин, в которых жило от тридцати до сорока эскимосов. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из них видел европейцев, но они, очевидно, поняли, что мы являемся к ним в качестве друзей. Мы остановились на некотором расстоянии и раскинули палатку, чтобы лучше сохранить наше скромное имущество от кражи во время обмена.

«Мне удалось приобрести у эскимосов шесть предметов серебряной посуды с гербами или инициалами Франклина, Крозье, Фэргольма и Мак-Дональда. Они продали нам также луки и стрелы, изготовленные в Англии, форменные и простые пуговицы и предложили приобрести тяжелые сани, сделанные из двух крепких кусков гнутого дерева, которые, однако, мы не могли захватить с собой. За каждую из серебряных ложек и вилок мы дали по четыре иглы.

«Эскимосы были настроены весьма предупредительно и миролюбиво, но не могли удержаться от искушения украсть и надоедали предложениями об обмене, навязывая нам все, что имели.

«На их лицах мы не заметили никаких признаков страха, напротив, они выражали радость, и даже дети не показались нам ни пугливыми, ни слишком застенчивыми. Они окружали нас и ощупывали каждую вещь.

«Один из эскимосов пыгался завладеть нашей пилой, спрятав ее у себя за спиной и предлагая в обмен свой нож. Нам потребовались бы, вероятно, некоторые усилия, чтобы получить пилу обратно, если бы один из моих людей не догадался представить дело так, как будто он понял, что нож направлен против меня. Он выскочил из палатки с ружьем в руке, после чего пила была немедленно возвращена, а бедные эскимосы не знали, как и уверить нас в своем дружелюбии. Они неоднократно ласково касались моей груди, повторяя слова «каммик туми» (мы друзья).

«Получив все предметы, принадлежавшие участникам экспедиции Франклина, я приобрел у эскимосов также некоторое количество тюленьего мяса, китового жира, мороженой дичи и сухой и мороженой семги и продал им несколько наших собак. Они сообщили нам, что до остова погибшего корабля всего пять дней пути, — один день вверх по проливу и четыре дня сухим путем, после чего мы придем на западный берег острова Короля Уильяма, но добавили, что от обломков корабля осталось очень немного, так как их соплеменники почти все растащили.

«В ответ на наш вопрос эскимосы рассказали, что на корабле нет мачт. Вопрос этот вызвал у них почему-то смех, и они, говоря между собой, упоминали слово «огонь». Из этого Петерсен вывел заключение, что они подожгли части мачт, прикрепленные к палубе, чтобы свалить их.

«Эскимосы сообщили также, что там было много книг, но все они давно погибли от непогоды, что корабль был выброшен на берег льдами в конце года и что его никто не посещал в течение прошлой зимы. Нам показали старуху и мальчика, которые были последними, посетившими корабль, что было, по их словам, зимой 1857/58 года.

«Петерсен расспросил женщину более подробно, и она постаралась сообщить все сведения, которыми располагала. Она рассказала, что много белых людей погибло на пути к большой реке, что часть из них похоронена, а некоторые нет, и

что сами эскимосы не были свидетелями гибели участников экспедиции, но находили их трупы следующей зимой.

«Это было все, чего мы смогли добиться расспросами, да и эти сведения удалось получить с большим трудом, так как Петерсен был незнаком с их диалектом, и к тому же эскимосы охотнее задают вопросы, чем отвечают на них. Эскимосы уверили нас, что мы встретим туземцев на южном берегу острова Короля Уильяма в трех днях пути отсюда, а также на острове Монреаль и у остова погибшего корабля.

«Получив эти сведения, мы поспешили дальше, пробыв с эскимосами всего несколько часов. Эскимосы, с которыми мы беседовали, имели, повидимому, мало сношений с другими племенами, так как они ничего не слышали о нашем посещении эскимосов Бутии два месяца перед тем. Один из эскимосов спросил даже Петерсена, не видел ли последний его брата, который живет в Бутии и о котором он не имел сведений с прошлого лета.

«Мы почувствовали почти облегчение, уйдя от этих добродушных, но надоедливых и вороватых туземцев, что не так легко было сделать, так как некоторые из них провожали нас на протяжении нескольких миль. Мы заметили, что эскимосы имели продовольствия в изобилии, были хорошо одеты и принадлежали к более развитому племени, чем населяющие северную Гренландию и области залива Понда. Мужчины были коротко острижены, за исключением одного, у которого длинные растрепанные пряди волос свисали по обеим сторонам лица. У женщин, также как и у туземок Бутии, была татуировка на щеках и подбородке.

«Установив, что «остров Матисона», названный так Рэ, представляет собою холм с плоской вершиной, мы пересекли равнину к западу от него и утром 10 мая против мыса Бута наткнулись на одиноко стоявшую снежную хижину. Я был удивлен числу жердей и разных изделий из дерева, лежавших около хижины, а также громадному количеству сложенного в кучу моржового и оленьего мяса, тюленьего жира и кожи разных сортов. Мы имели достаточно времени, чтобы все это осмотреть, прежде чем обитатели хижины отважились выйти, испуганные нашим неожиданным появлением. Удивительно худая старая собака была привязана у входа и хотя она махала хвостом и встретила нас, как старых знакомых, мы не решались войти. Наконец появились старик и старуха, которые дрожали от страха и не могли или не захотели сказать что-либо, за исключением слов «каммик туми».

Мы пробовали всеми способами рассеять этот страх, но они казались точно парализованными, и нам не удалось добиться от них никаких сведений.

«Мы спросили их: откуда они добыли дерево?

«— Приобрели от своих земляков.

«Знают ли они Большую реку?

«— Да, но до нее далеко.

«На наш вопрос, есть ли там эскимосы, они ответили утвердительно. Они отрицали, что им что-либо известно о белых, которые погибли на их берегах. Потом из хижин к нам вышел молодой человек, но и от него мы не могли ничего добиться. Владельцы хижин заявили нам, что им нечего предложить в обмен, кроме того, что мы видели, хотя мы и пытались их соблазнить, показав наши запасы ножей и иглок.

«Ветер был крепкий и попутный, утро очень холодное и так как я не мог надеяться побороть страх этих бедняг, не оставшись с ними может быть на целый день, я решил продолжать путь, вручив старухе иглу в качестве прощального подарка.

«Мое внимание привлекли здесь более всего шесть или восемь сосновых жердей различной длины — от 5 до 10 футов и до 2,5 дюйма в диаметре (из них изготовлены древко для багра и жерди для палаток), весло для каяка, сделанное из лопастей двух ясеневых весел, и две широких лопаты для сгребания снега 4 футов длиной, изготовленных из тонких досок, выкрашенных белой и светложелтой краской. Это могли быть доски от лодок. Были там и более мелкие деревянные предметы.

«Пройдя еще полмили, мы встретили на своем пути семь или восемь покинутых снежных хижин. Погода испортилась, было слишком холодно для этого времени года.

«Утром 12 мая мы миновали мыс Огль и вечером того же дня расположились лагерем на льду Большой рыбной реки. Холод и темнота ночи в этих более южных широтах заставили нас возвратиться к передвижению днем. Весь день 13-го мы не могли выйти из своей палатки из-за сильнейшей бури и только поздно утром 14-го смогли тронуться в путь. В этот же день вечером мы остановились в двух милях от маленьких островков, которые лежат против северного берега острова Монреаль.

«Утром 15-го мы прошли только 6 миль, так как один из нас сильно страдал от снежной слепоты, и я опасался, что

нам снова придется передвигаться только ночью. Мы сделали остановку в маленькой бухте на северо-восточной стороне острова Монреаль. В тот же день мы снова вышли в путь, хотя дул очень сильный ветер и снег шел «как на пари», по выражению моих спутников, и нам пришлось держаться ближе к берегу. Тем не менее мы открыли узкий, извилистый проход, которым прошли на западную часть острова. Так как один из наших людей казался серьезно больным, мы сделали остановку около полуночи. Во время остановки этого дня мы произвели обследование северо-восточной части острова. По всем направлениям были видны островки и рифы. Тут мы окончательно убедились, что расположились лагерем на отдельном островке. Единственными следами пребывания здесь европейцев были найденные позади туземного знака (широкий камень, поставленный стоймя и прислоненный к другому камню), на восточной стороне главного острова или острова Монреаль, ящик мясных консервов, два железных обруча и несколько кусков меди. Эти предметы, вероятно, были захвачены с корабля и оставлены здесь владельцем до более благоприятных обстоятельств или до того времени, когда необходимость заставит вернуться за ними.

«16-го мы были не в состоянии двигаться дальше, не только в виду болезни Томпсона, но и потому, что погода была исключительно дурной: снег падал густыми хлопьями при температуре около нуля. Странная погода в середине мая! С 1 мая не было ни одного ясного дня.

«17-го погода началась проясняться. Петерсен, Томпсон и я предприняли поездку на санях, запряженных собаками, чтобы закончить обследование острова Монреаль. Остальные трое остались в палатке. Мы рассчитывали также встретить местных жителей, но нигде не видели даже свежих следов их после того, как миновали мыс Бута. Петерсен направлял сани вдоль берега кругом острова к югу, избегая восточной стороны, ранее уже обследованной нами, а Томпсон и я двигались по земле, один ближе к берегу, а другой несколько дальше, исследуя места, казавшиеся нам наиболее интересными. Таким образом мы прошли остальную часть острова.

«Хотя снег и скрывал от нас следы пребывания здесь экспедиции Франклина, поскольку они могли быть во впадинах и закрытых местах, но зато благодаря ему особенно выделялись все предметы, которые могли служить отличительными знаками. Мы помнили, что отступавшие участники

экспедиции Франклина видели остров в том же зимнем наряде, в каком видели его мы. Почти весь остров был полон знаков, сооруженных туземцами и состоявших чаще всего из одного камня, поставленного на другой, иногда из трех камней, но редко из большого их числа. Никаких следов гурия мы не могли обнаружить.

«Разрыв заступом и лопатой груды камней, которая показала нам сложенной искусственно, мы обнаружили под ней большое количество тюленьего жира. Этот старый эскимосский тайник был обнаружен близ юго-восточной оконечности острова. Внутренняя часть острова и прилегающие к нему маленькие островки были также осмотрены, но без всякого результата. Не было обнаружено и следов пребывания здесь зимой эскимосов. Неудивительно, что мы вернулись вечером в нашу палатку несколько удрученными. Отсутствие эскимосов было для нас горьким разочарованием. Между тем круги камней, указывавшие на место летних стоянок эскимосов, попадались довольно часто. Поверхность острова Монреаль довольно возвышенная и в высшей степени неровная. Низменные берега и травянистые впадины были покрыты на 1—2 фута плотным слоем снега, тогда как все возвышенные части были обнажены. Если бы здесь был гурий или хотя бы могила, мы должны были бы их заметить. Но они могли быть разобраны местными жителями, и поэтому мы разрывали заступом каждое казавшееся нам подозрительным место.

«Одно замечание, сделанное моими спутниками, показалось мне очень верным: вид скал на восточной стороне острова наводил на мысль, что море часто омывало их, унося с собою все, что находилось недалеко от берега.

«Со времени нашего вступления на остров Короля Уильяма мы еще не встречали тяжелого льда. Все пространство вдоль восточного и южного берегов вместе с устьем Большой реки представляло собой одну обширную ледовую плоскость, образовавшуюся в начале прошлой зимы, когда пловучих льдов еще не было. Я думаю, на основании сообщений Бака и Андерсона, что это необычное явление могло заставить эскимосов искать другие места для охоты за тюленями. Петерсен высказал предположение, что они могли отправиться для этой цели на другие острова».

В связи с этим Мак-Клинтон решил заняться обследованием ближайших островов, предварительно закончив осмотр полуострова с мысом Огль, у его северной вершины. 18 мая

состоялась переправа экспедиции с острова Монреаль на материк, а 19-го вечером повернули обратно.

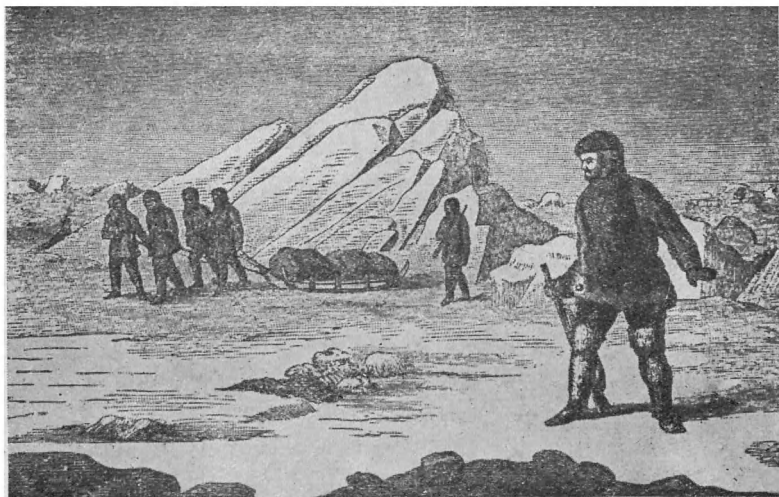
Чувство «некоторой удрученности», овладевшее Мак-Клинтоком и его спутниками, было очень естественно. Перспективы санного путешествия были с самого начала неплохие, а многочисленные находки остатков пропавшей экспедиции, сделанные отрядом Мак-Клинтока в пути, сулили скорую разгадку тайны гибели Франклина. Между тем санный отряд прошел вдоль всего восточного побережья Земли короля Уильяма, пересек пролив, отделяющий ее от материка, и посетил остров Монреаль, нигде не найдя таких следов Франклина, по которым можно было бы узнать хоть немного больше того, что было уже известно к моменту выступления отряда в поход. Все, что удалось Мак-Клинтоку до сих пор найти, было им или выменено у эскимосов, или обнаружено неподалеку от брошенных эскимосских хижин.

XI. СТРАШНОЕ ОТКРЫТИЕ

Экспедиция Мак-Клинтока (продолжение)

Момент, когда волей-неволей приходилось поворачивать обратно, был минутой тяжелого испытания для Мак-Клинтока и его друзей. Они не отчаивались еще в успехе своего предприятия, но поворачивать обратно, по существу ничего не достигнув, было нелегко. Особенно осложнялось положение тем, что поворот был обусловлен не только ограниченностью продовольственного запаса, но и тем, что идти дальше, собственно, было некуда, так как остров Монреаль должен был считаться конечным южным пунктом района, подлежавшего обследованию.

Достигнув берега пролива Диза и Симпсона, в нескольких милях от мыса Ричардсона, Мак-Клинток переправился на Землю короля Уильяма утром 24-го, вступив на ее территорию немного западнее Перцовой реки. Южный берег острова был тщательно осмотрен в то время, как отряд шел вдоль него по направлению к мысу Гершеля. На одной возвышенности был замечен гурий высотой около 5 футов; хотя он и показался сооруженным давно, но все же его разобрали камень за камнем, и тщательно исследовали, разрыв почву под ним заступом, но ничего при этом не обнаружили. Земля около гурия была открыта действию ветров и поэтому совершенно свободна от снега, так что ни один след не мог ускользнуть от обследовавших. Мак-Клинток хорошо знал, что Симпсон не упоминал о том, что останавливался здесь или где-нибудь в другом месте на этом острове, за исключением мыса Гершеля. Поэтому ему показалось странным, что туземцы поставили здесь этот знак, тогда как на той же возвышенности, в 100—200 ярдах, стояла скала, которая могла служить для той же цели.

Мак-Клинтон находит скелет одного из спутников Франклина

Продолжая двигаться вдоль берега, Мак-Клинтон, наконец, наткнулся на то, что, несмотря на свой печальный вид, пробудило в нем чувство глубокого удовлетворения. Он увидел, что лишения, которым он и его спутники постоянно подвергались, уже окупались. Рассказ об этой находке мы приводим целиком из книги самого Мак-Клинтона.

«Мы находились теперь на берегу, вдоль которого должны были двигаться отступавшие участники экспедиции Франклина. Мои сани шли по льду около самого берега, и хотя он был покрыт глубоким снегом, лишавшим нас почти всякой надежды что-либо здесь увидеть, мы все же тщательно всматривались, не обнаружатся ли какие-либо следы экспедиции. Однако и здесь наши поиски оказались безрезультатными.

«Вскоре после полуночи, 25 мая, передвигаясь медленно вдоль песчаного берега, частью свободного от снега, который был сметен ветрами, я заметил сквозь снег человеческий скелет, на котором болтались обрывки одежды. Скелет, окончательно побелевший, лежал лицом вниз, часть костей была отгрызена и унесена различными животными.

«Мы произвели самое тщательное исследование этого места, разгребли снег и собрали каждый клочек одежды,

Отряд Мак-Клинтока и ходит остатки гурья на мысу Гершель

Найденная записная книжка возбудила в нас надежду узнать что-либо об ее несчастном владельце и об ужасном отступлении погибшей команды, но листы книжки смерзлись. Результаты нашего обследования свелись к следующему:

«Погибший был молодым человеком, слабого телосложения, немного выше среднего роста. Судя по одежде, он был корабельным стюартом или слугой офицера. Способ, которым был завязан его шейный платок, был необычен для моряков. Каждая часть его одежды подтверждала наши предположения относительно положения, которое он занимал на корабле: синяя куртка с прорезанными рукавами, обшитая шнурком, и пальто из грубого сукна на внутренней застежке. Около трупа мы нашли также платяную щетку и роговой гребень. Несчастный выбрал, вероятно, непокрытую снегом часть острова, чтобы облегчить себе утомительный путь, но упал лицом вниз, то есть принял то положение, в каком мы нашли его скелет. Весьма вероятно, что он упал, ослабев от голода и выбившись из сил, и что последние минуты его жизни не были омрачены страданиями. По крайней мере, я вынес такое впечатление, и представившееся мне зрелище заставило меня лишний раз вспомнить, как опасно поддаться желанию заснуть при сильном холоде.

«Таким образом печальной истиной оказались слова старухи: «на ходу они падали и умирали».

«Я не думаю, чтобы эскимосы видели этот скелет, иначе они взяли бы щетку и гребень: суеверие не позволит потревожить им покой мертвецов, принадлежащих к их племени, но не удержало бы от присвоения собственности умерших «белых людей», если эта собственность могла оказаться им полезной. Так, доктор Рэ приобрел у эскимосов в Бутии кусок фланели с меткой: «Ф. Д. В. 1845», — несомненно, это было куском одежды бедного Де-Во!».

Мак-Клинтон достиг, наконец, цели, которой тщетно добивались сотни людей в течение целого десятилетия. Чувство, которое овладело им, когда он стоял перед успешным побелеть костяком человека, Мак-Клинтон скрыл в сухой, почти официальной манере, с которой он изложил ход событий.

Открытие скелета стюарта с корабля Франклина было только первым успехом Мак-Клинтона. Впереди его ожидали другие находки, среди которых одной из главных было знаменательное письмо от Хобсона, оставленное им на имя Мак-Клинтона под каменным гурием.

Мыс Гершеля — место на Земле короля Уильяма, где в свое время Симпсон соорудил большой каменный гурий. Мак-Клинтон стремился к этому мысу в надежде найти под знаменитым гурием какое-либо сообщение Франклиновой экспедиции или Хобсона, возможно, содержащее важные новости. Он подверг самому тщательному обследованию все побережье, отделявшее его от мыса Гершеля. «С твердой и обоснованной надеждой на успех своего дела» вступил Мак-Клинтон на откос, на котором возвышается бросающийся издали в глаза гурий Симпсона.

«Бросившие свои корабли и отступающие участники экспедиции Франклина, — пишет Мак-Клинтон, — должны были пройти близко от этого места, или пересечь его, как это сделали мы. Они имели возможность положить здесь, где кончались их открытия, в том числе открытие Северо-западного прохода, какую-нибудь памятку о достигнутых результатах, или, может быть, часть своих научных журналов, — и эту возможность они вряд ли упустили бы. Симпсон не упоминает о том, что оставил какое-либо сообщение в этом месте, да и люди из экспедиции Франклина не стали бы искать его, если бы оно даже и было оставлено. Между тем то, что осталось от некогда «значительнейшего» гурия,

имело только 4 фута в высоту. Южная сторона его была разрыта, и средние камни отодвинуты, как будто кто-нибудь добивался узнать, что скрыто за ними. Сбросив снег, покрывавший его, и несколько сдвинутых с места камней, мои спутники обнаружили широкую известняковую плиту. С трудом она была отодвинута, потом вторая, третья, пока не дошли до почвы. Некоторое время мы продолжали наши усилия, разрывая заступом замерзшую землю, но ничего не нашли, как не обнаружили поблизости и следов пребывания европейцев. Там оказалось только много старых тайников и низких каменных стен, которыми пользуются эскимосы, подстерегая за ними оленей. Мы заметили здесь свежие следы этих животных, переправившихся сюда с материка».

Из этих слов Мак-Клинтока видно, что он серьезно надеялся найти на мысе Гершеля какой-нибудь документ, оставленный Франклином. Большой симпсоновский гурий оказался развороченным и пустым. Кто разрушил гурий — было не ясно, но тем любопытнее догадки и рассуждения Мак-Клинтока, вызванные этим фактом.

«Так как эскимосы острова Короля Уильяма, — пишет он, — подобно эскимосам, кочующим по Бутии и у залива Понда, давно уже не строят себе каменных жилищ, проводя зимы в снежных хижинах, а летом живя в палатках, никаких других следов, кроме указанных, от них не остается. Нельзя узнать, когда и в каком числе они где-либо находились, так как одни и те же убежища служат для нескольких поколений.

«Я не мог отделаться от мысли, что какое-нибудь сообщение было здесь оставлено отступавшими вглубь страны участниками экспедиции, и притом, может быть, как раз наиболее важные документы, которые они, медленно передвигаясь вперед в состоянии полного бессилия, не могли унести особенно далеко.

«Однако, думал я, если такие сообщения были оставлены, они могли быть найдены эскимосами, унесены ими или брошены, так как были для них бесполезны. Несомненно, что эскимосы, видя, как многие «белые» во время своего отважного перехода падали от голода и усталости и умирали, и, зная о их намерении идти на материк, не теряли напрасно времени и шли по их следам, исследуя каждое место, где они останавливались, каждый поставленный ими знак и каждый сдвинутый с места камень.

«Нетрудно узнать, был ли гурий поднят или тронут, если с тех пор прошло всего несколько лет. Если гурий сооружен очень давно, наружные камни его выветриваются, а под защищенными частями и в трещинах вырастает мох. Но если его тронули недавно, если хотя бы один камень был перевернут, внешний вид гурия изменяется. Вновь достроенный гурий сразу бросается в глаза, так как камни, собранные поблизости, будут белеть на его верхушке, а внизу иметь цвет почвы, в которую вдавлены. Для эскимоса эти отличительные признаки позднейшего гурия были бы очевидны. Хотя гурий, поставленный Симпсоном в 1839 году, был поврежден Крозье, я не думаю, чтобы эскимосы стали трудиться над его разрушением в целях расхитить содержимое тайника.

«Но, приступив к этому, они не оставили бы ничего на месте, пока бы не нашли того, что искали.

«Я исследовал очень тщательно внешний вид камней и пришел к заключению, что гурий был сооружен много лет назад, но что одна сторона его была сломана, так как сдвинутые с места и перевернутые камни выглядели значительно менее старыми, чем на нетронутой стороне.

«С чувством глубокого сожаления и с большим разочарованием я оставил это место, не найдя здесь никаких известий от окончивших мученически свою жизнь ради славы родины. Может быть во всем мире имеется немного мест, столь священных для нас по своим воспоминаниям об английских моряках, как этот гурий на мысе Гершеля».

Рассказ о дальнейших открытиях Мак-Клинтока почти целиком заимствован нами из его книги. Он имеет характер простого отчета, снабженного авторскими комментариями, но, несмотря на это, ему принадлежит центральное место в нашей книге.

«В нескольких милях от мыса Гершеля берег становится крайне низменным. На большом расстоянии от него лежит много островков и рифов. Продвигаясь вперед, мы встретили нагроможденные друг на друга льдины. Лед был необычайно тяжелым — это указывало нам, что мы находимся теперь на гораздо более открытом участке берега. Мы приближались к месту, где нас ожидало открытие исключительного интереса.

«В 12 милях от мыса Гершеля я нашел небольшой гурий, сооруженный партией Хобсона, под которым лежало предназначенное для меня письменное сообщение. Оказалось.

что Хобсон дошел до этого места — самого крайнего пункта, до которого вообще добралась его партия — за шесть дней до нас. Он не обнаружил нигде обломков погибших судов и не встретил на своем пути эскимосов. Но зато на мысу Победа, на северо-западном берегу острова Короля Уильяма им было найдено сообщение о судьбе экспедиции Франклина, которого мы так настойчиво добивались.

«Этот документ оказался печальной и трогательной реликвией, оставшейся от наших погибших друзей. Чтобы упростить изложение, я расскажу отдельно двойную историю, которую он содержит.

«Сообщение было написано на печатном бланке, которыми обычно снабжаются суда в целях установить направления течений и которые запечатываются в бутылках и бросаются в море, причем на них указывается дата и местоположение судна.

Текст бланка напечатан на шести языках и содержит требование к каждому, нашедшему сообщение, направить его секретарю адмиралтейства с указанием времени и места, где обнаружена бутылка.

«На бланке сверху имелась следующая надпись, сделанная, повидимому, лейтенантом Гори:

«28 мая 1847. Корабли ее величества «Эребус» и «Террор» зимовали во льдах под 70°05' северной широты и 98°23' западной долготы.

«Перезимовали в 1846—1847 на острове Бичи на 74°43'28" северной широты и 91°39'15" западной долготы, пройдя по каналу Веллингтона до широты 77° и возвратившись вдоль западного берега острова Корнуэльс.

«Сэр Джон Франклин командует экспедицией.

«Все благополучно.

«Партия, состоящая из 2 офицеров и 6 человек команды, оставила суда в понедельник, 24 мая 1847.

*1^й м. Гори, лейтенант
Ч. Ф. Де-Во, штурман.*

«В приведенном документе имеется ошибка, а именно: «Эребус» и «Террор» зимовали на острове Бичи не в 1846/47 году, а в 1845 году, как это видно из дат, поставленных в заголовке и внизу. В остальном же в сообщении рассказывается в немногих словах об удивительных успехах, достигнутых до мая 1847 года.

«Из сообщения видно, что после июля 1845 года — даты последнего известия от Франклина, полученного от китоловов в Мельвилевом заливе, — экспедиция прошла пролив Ланкастера и вошла в канал Веллингтона, южный вход в который был открыт сэром Эдуардом Парри в 1819 году. «Эребус» и «Террор» продвинулись в этом канале на 150 миль и достигли осенью 1845 года той же широты, до которой дошли восемь лет спустя корабли «Помощь» и «Пионер». Предполагал ли Франклин продолжать курс на север и был остановлен льдами на широте 77° , или намеренно оставил путь, который, казалось, увлекал его далеко от исследованных уже морей у берегов Америки, — на этот счет могут быть разные мнения. Но сообщение удостоверяет, что экспедиция Франклина, закончив свое исследование, возвратилась в область к югу от 77° северной широты, на которой расположен вход в канал Веллингтона, и снова прошла в пролив Барроу вновь открытым проходом между Бэзерстом и островом Корнуэльс.

«Такой большой успех редко выпадает на долю мореплавателей в Арктике за один сезон, и, когда «Эребус» и «Террор» укрылись у острова Бичи в ожидании приближавшейся зимы 1845/46 года, результаты усилий первого года были весьма значительными. Они заключались в исследовании каналов Веллингтона и Королевы и в нанесении на географическую карту обширных земель. В 1846 году экспедиция продвинулась к юго-западу, возможно, на расстояние 12 миль от северной оконечности острова Короля Уильяма, где должна была остановиться в связи с приближением зимы 1846/47 года.

«Эта зима прошла, повидимому, без особых потерь для экспедиции и, когда весной лейтенант Гори покидал суда со своей партией для какой-то специальной цели, весьма возможно состоявшей в исследовании неизвестной части береговой линии острова Короля Уильяма между мысом Победы и мысом Гершеля, тогда на борту «Эребуса» и «Террора» «все обстояло благополучно», а отважный Франклин попрежнему стоял во главе экспедиции.

«Но увы! На полях той самой бумаги, на которой лейтенант Гори написал слова полные надежды, другим почерком была сделана впоследствии следующая надпись:

«25 апреля 1848. Корабли ее величества «Террор» и «Эребус» были покинуты 22 апреля в 5 милях

к северо-северо-западу от этого места, где они были скованы льдами с 12 сентября 1846. Офицеры и команда, всего 105 душ, под начальством капитана Ф. Р. М. Крозье высадились здесь под $69^{\circ}37'42''$ северной широты и $98^{\circ}41'$ западной долготы. Сэр Джон Франклин скончался 11 июня 1847 года, а всего умерло в экспедиции до настоящего времени 9 офицеров и 15 человек команды.

*Ф. Р. М. Крозье, капитан и старший офицер
Джемс Фицджермес, капитан «Эребуса»*

«Внизу сделана приписка:

«и отправимся завтра 26 к Рыбной реке Бака».

«Это сообщение на полях было написано, очевидно, капитаном Фицджермесом, за исключением сделанной капитаном Крозье приписки о том, куда и когда участники экспедиции намеревались отправиться.

«На том же документе было и дополнительное сообщение на полях, разъясняющее, каким образом он был перенесен на то место, где его удалось найти Хобсону:

«Эта бумага была обнаружена лейтенантом Ирвингом под гурием, сооруженным, как можно полагать, сэром Джемсом Россом в 1831 году в 4 милях к северу, где она была положена покойным командиром Гори в июне 1847 года. Столб сэра Джемса Росса не был, однако, найден и бумага была перенесена к этому месту, которое и есть именно то, где столб сэра Джемса Росса был поставлен».

«Слово «покойный» показывает, что бедный Грэгем Гори умер до истечения 12 месяцев со времени оставления им записки.

«За короткий промежуток времени, протекший с тех пор, как Грэгем Гори написал полную бодрости фразу «все идет благополучно», сколько печальных перемен произошло в судьбе экспедиции Франклина! Весна 1847 года застала экспедицию всего в 90 милях от исследованных уже ранее водных пространств северной Америки. И людям, которым в течение двух навигационных сезонов удалось проделать

свыше 500 миль в неисследованных ранее водах, можно было совершенно спокойно чувствовать себя при мысли, что в предстоящую навигацию 1847 года их судам оставалось покрыть такое незначительное пространство! Но все повернулось иначе. Через месяц после того, как лейтенант Гори оставил свою памятку на мысе Победы, умер всеми любимый начальник экспедиции, сэр Джон Франклин, и весной следующего года капитан Крозье, к которому перешло командование экспедицией, вынужден был спасать голодавших на острове Короля Уильяма людей, всего в количестве 105 человек, от угрожавшей им мучительной смерти, пытаясь провести их вверх по Большой рыбной реке, или реке Бака, в территории, прилегающей к Гудзонову заливу.

«Никогда еще не было рассказано более печальной истории в таких коротких словах, глубоко трогательных в своей крайней простоте. Они убеждают в том, что оба предводителя отступавшей вглубь страны партии были воодушевлены желанием выполнить лежавший на них высокий долг, и что они спокойно и смело предпочли лучше решиться на последнюю жестокую борьбу за жизнь, чем погибнуть, не предприняв никаких попыток к спасению, на своих судах: ведь мы хорошо знаем, что «Эребус» и «Террор» были снабжены провиантом только до весны 1848 года.

«Вызывает недоумение одно место во второй части сообщения Фицджермса: всего в экспедиции принимало участие 138 человек, и так как сообщение определяет цифру умерших в 9 офицеров и 15 человек команды, должно было остаться в живых 114 человек, между тем в нем говорится лишь о 105 участниках экспедиции, высадившихся под командой капитана Крозье. Таким образом 9 человек почему-то не вошли ни в то, ни в другое число.

«В своей записке лейтенант Хобсон сообщал мне, что он нашел около гурья некоторое количество одежды и разных предметов. Было похоже на то, что участники экспедиции, зная, что отступают ради спасения своей жизни, оставили там все, что считали при этих обстоятельствах излишним.

«Хобсону пришлось совершать свой путь при крайне неблагоприятной погоде — постоянных ветрах и тумане, и он допускал поэтому, что мог пройти мимо остова погибшего корабля, не заметив его. Он высказывал надежду, что обратный путь будет для него удачнее.

«Ободренные получением этих важных известий, мы усилили нашу бдительность, чтобы ни один сохранившийся от экспедиции след не ускользнул от нас.

«Запасы провианта у нас быстро истощались, поэтому пришлось пристрелить трех оставшихся молодых собак, используя на топливо сани, которые они везли.

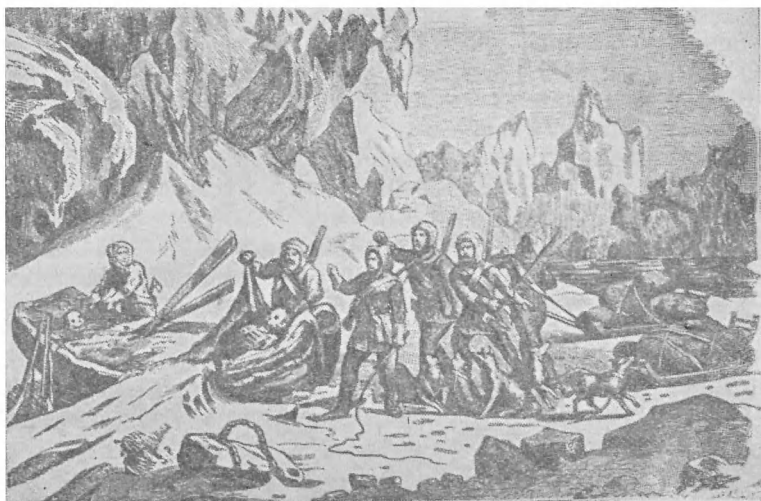
«К 29 мая мы достигли западной оконечности острова Короля Уильяма, расположенной на $69^{\circ}08'$ северной широты и $100^{\circ}08'$ западной долготы. Я назвал этот пункт именем капитана Крозье с корабля «Террор», отважного предводителя отчаянного предприятия.

«Берег, по которому мы шли, был чрезвычайно низменным и покрыт известняковыми валунами. Единственные следы животных, замеченные нами, принадлежали белым медведям и — реже — песцам. Даже следы кочующих эскимосов стали встречаться гораздо реже, после того, как мы оставили за собою мыс Гершеля. Попадались также изредка груды камней, указывавшие на местоположение прежних лагерей, но по покрывавшему их мху было видно, что сложены они были очень давно.

«От мыса Крозье береговая линия круто поворачивает к востоку. Рано утром 30 мая мы расположились лагерем перед большой лодкой — новым печальным напоминанием о погибшей экспедиции. Как сообщал Хобсон в оставленной для меня записке, он нашел и исследовал эту лодку несколько дней назад, причем ему не удалось обнаружить какой-либо памятки, дневника, записной книжки или простой записки.

«Мы начали осматривать прежде всего лежавшую в лодке в большом количестве одежду, уже превратившуюся в лохмотья. Ни на одном предмете не оказалось имени прежнего владельца. Лодка была тщательно вычищена, чтобы ничто не ускользнуло от нашего внимания, весь снег из нее был удален, но ничего другого найти не удалось.

«Длина лодки составляла 28 футов, ширина — 7 футов 3 дюйма, она была легкой и в воде сидела неглубоко. Было очевидно, что ее чрезвычайно тщательно снаряжали для плавания по Большой рыбной реке. Лодка не имела ни весел, ни руля, и так как мы нашли в ней большой отрез светлой парусины, а также маленький блок для поднятия паруса, я полагаю, что она была снабжена последним. Кроме указанного, в лодке имелся парусиновый навес или палатка, а также коечный брезент в сетках по бортам высотой

Открытие лодки с двумя скелетами

в 9 дюймов, расположенный вокруг всего планшира и поддерживавшийся 24 железными подпорами, которые были помещены так, чтобы служить одновременно для гребных уключин. Около лодки находились также 50 грузил для измерения глубины лотом и якорь, специально приспособленный для пользования им во льдах. Лодка казалась построенной по типу небольшого грузового судна, но чтобы уменьшить ее вес, тонкие сосновые обшивные доски были заменены в ней семью надводными обшивными досками, положенными кромка на кромку.

«Вес только одной лодки равнялся приблизительно 700—800 фунтам, но она была положена на сани необычного веса и крепости, сооруженные из двух дубовых досок длиной 23 фута 4 дюйма, шириною 8 дюймов и средней толщиной в $2\frac{1}{2}$ дюйма. Эти доски служили полозьями для саней и были соединены между собой пятью дубовыми поперечинами, каждая 4 футов длиной и от 4 до $3\frac{1}{2}$ дюймов толщиной, прикрепленными к полозьям. Нижняя часть последних была обита железом. Над поперечными досками были прикреплены пять планок, или поддерживавших лодку подставок, и веревки, посредством которых команда тащила эти массивные сани с грузом.

«По моим подсчетам, вес этих саней составлял 650 фунтов. Он не мог быть меньше, а может быть был значительно больше. Полный вес лодки и саней составлял 1400 фунтов. Чтобы тянуть эти сани, требовалось не менее семи крепких и здоровых людей из команды, но и для них они должны были представлять значительную тяжесть.

«Единственный отличительный знак находился на носу лодки. Из имевшейся там надписи было видно, что она была построена подрядным способом и принята адмиралтейством в Вульвиче в 184... (сохранились только первые три цифры) и имела № 61. Четвертая цифра не сохранилась, так как часть носовой обшивки была срезана для облегчения веса. Почва, на которой стояли сани, была известняком, совершенно плоским, и вероятно заливалась водой каждое лето, так как камни врезались в лед. Лодка была частично сорвана с крюков над санями, что явилось, повидимому, результатом сильного северо-западного шторма.

«В 100 ярдах от лодки на берегу лежал обрубок сосны 12 футов длиной и 16 дюймов в диаметре. Хотя льды с силою прибывали этот обрубок во время дрейфа к берегу, и на нем не осталось даже и признака коры, все же дерево сохранилось вполне крепким. Оно могло пролежать здесь, да вероятно и пролежало, двадцать или тридцать лет, но в этой холодной полосе разрушилось менее, чем разрушилось бы у нас в Англии, за промежуток времени, меньший в шесть раз. В двух ярдах от дерева я заметил несколько пучков травы.

«Но прежде, чем мы сделали все эти наблюдения, наше внимание было приковано к другому: в лодке оказалось нечто, наполнившее нас ужасом. Это были части двух человеческих скелетов. Один принадлежал, повидимому, молодому человеку слабого телосложения, другой — широкоплечему крепкому человеку средних лет. Первый скелет был найден в носовой части лодки, но был настолько разрушен, что Хобсон не был в состоянии определить, умер ли несчастный именно здесь. Крупные звери, может быть волки, сильно повредили этот скелет, принадлежавший, возможно, офицеру. Около него мы нашли остатки пары вышитых туфель, а также охотничьи сапоги.

«Другой скелет был в несколько лучшем состоянии — на нем сохранились одежда и мех. Он лежал поперек лодки под сиденьем для гребцов. Рядом с ним мы нашли пять карманных часов, а также два двуствольных ружья — один ствол

в каждом был заряжен, и курки взведены. Ружья были прислонены к борту лодки и стояли дулом вверх.

«Легко себе представить, с каким глубоким интересом были осмотрены эти печальные остатки и с каким нетерпением переворачивался каждый обрывок одежды в поисках кармана, записной книжки, дневника или хотя бы метки.

«Мы нашли пять или шесть маленьких книг, все религиозного содержания, за исключением «Векфильдского священника».¹ На титульном листе маленькой книжечки, озаглавленной «Христианские мелодии», имелась надпись, свидетельствовавшая, что она была подарена Г. Г. (Грэгем Гори). Маленькая библия содержала многочисленные отметки на полях, а некоторые места были целиком подчеркнуты. Кроме этих книг были найдены переплеты от Нового завета и молитвенника.

«Среди удивительно большого количества одежды имелось семь или восемь пар сапог разных фасонов. Я заметил там также шесть шелковых носовых платков, белых и черных, вышитые полотенца, мыло, губки, зубные щетки и гребни, непромокаемый чехол для ружья с рисунком на наружной стороне, обшитый черной материей. Кроме этих предметов, мы нашли там веревки, гвозди, пилы, щетину, просмоленные нитки, наперстки, порох, пули, дробь, патроны, пыжи, ножи перочинные и столовые, словом — большое количество предметов, удививших нас своим разнообразием, и притом в большей части таких, которые в настоящее время, при передвижении на санях в полярных странах, рассматривались бы как мало полезные, но зато способные сломить силы команды, волочившей сани.

«Из провианта мы нашли только чай и шоколад. Остаток чая был очень невелик, но шоколада оказалось около 40 фунтов. Одни эти продукты не могли поддержать жизнь в таком суровом климате, между тем мы не нашли бисквитов или другого продовольствия. Мы нашли также некоторое количество табака и пустой двадцатидвухфунтовый ящик из-под мяса, сваренного с салом. Ящик был помечен буквой «Е» и принадлежал, вероятно, кораблю «Эребус». Из топлива, обычно приносимого с кораблей, не осталось ничего ни в лодке, ни около нее, но в нем не могло быть недостатка, так как тут же на берегу лежал плавник и, в случае необхо-

¹ «Векфильдский священник» — светский роман О. Гольдсмита.

димости, можно было бы воспользоваться веслами или бортами лодки.

«На корме мы нашли одиннадцать столовых ложек, одиннадцать вилок и четыре чайных ложки, все из серебра. Из этих двадцати шести предметов восемь были с гербом сэра Джона Франклина, остальные были с гербами или инициалами девяти других офицеров, за исключением одной вилки, на которой не было ни герба, ни инициалов. Из этих девяти офицеров пятеро принадлежало к экипажу «Эребуса» — Гори, Ле-Весконт, Фэргольм, Кутч и Гудсир. Трое остальных были с корабля «Террор» — Крозье, Горнби и Томас. Я не знаю, кому принадлежали три предмета с выгравированной на них совой и кто был хозяином ложки, на которой не было вензеля, но большинство владельцев найденных нами предметов были с корабля «Эребус», а так как жестяной ящик был также с этого судна, я склонен думать, что и лодка составляла принадлежность именно «Эребуса». Власти в Вульвиче смогут установить по номеру, с какого судна была снята лодка, а так как на одном из найденных в лодке хронометров была надпись «Паркинсон и Фродсгэм 980», а на другом «Арнольд 2020», то же самое можно установить и в отношении их.

«Серебряный прибор сэра Джона Франклина был взят командой, может быть, для собственного пользования. Только этим можно объяснить, что он был спасен, что подтверждается и тем, что мы не обнаружили ни одной оловянной ложки, которые употребляют обычно матросы.

«Было очень странно, что из большого числа людей, может быть двадцати или тридцати человек, которые составляли экипаж лодки, мы нашли скелеты только двоих, причем не было видно поблизости и могил, которые должны были быть заметны на равнине. Но если принять во внимание, в какое время года несчастным пришлось оставить корабли, что земля тогда должна была быть совершенно мерзлой, надо признать, что рытье могил для них было бы сопряжено с величайшими трудностями.

«Меня поразило, что сани были повернуты к северо-востоку, то есть как раз в том направлении, по которому мы собирались идти!

«Место, где была обнаружена покинутая лодка, находилось в 50 милях санного пути от мыса Победа, а следовательно в 65 милях от стоянки кораблей, в 70 милях от того места, где был обнаружен скелет корабельного стюарта, и

Мак-Клинтон собирает остатки экспедиции Франклина

в 150 милях от острова Монреаль. Это место находилось в глубине широкой бухты. Пройдя 10—12 миль поперек равнины, можно было выгадать большое пространство, так как путь вдоль берега составлял около 40 миль.

«Подумав, я пришел к заключению, что лодка должна была возвращаться к судам. И то, что в лодке было оставлено двое людей, я могу объяснить, только предположив, что покинувшая корабль партия уже не была в состоянии волочить лодку далее и что эти двое не могли идти, не отставая от своих товарищей. Они были оставлены здесь с таким количеством провианта, чтобы, расходуя его как можно экономнее, могли дожидаться возвращения с корабля остальных со свежими запасами.

«Намеревались ли возвращавшиеся люди переждать на судах наступления другого времени года или же собирались идти по следам большинства команды к Большой рыбной реке, — на этот счет теперь можно делать только предположения. Весьма вероятно, что они намеревались впоследствии вернуться к лодке, не только из-за оставшихся при ней двух товарищей, но и для того, чтобы забрать с собой шоколад, часы и другие предметы, которые они иначе вряд ли оставили бы там.

«Те же доводы, которые говорят за отделение этого отряда от большинства экипажа и возвращение его к кораблям, могут объяснить, почему он не возвратился обратно к лодке. И в том, и в другом случае люди, повидимому, не рассчитали своих сил и того расстояния, которое могли пройти в назначенный себе срок.

«Приняв такое объяснение, мы можем понять, почему им не хватило продовольствия на все время пути, и они вынуждены были послать на суда за новыми запасами, снабдив отделившихся от них товарищей только наиболее необходимым провиантом, рассчитанным на самое экономное расходование.

«Удалось ли дойти до кораблей всем или только некоторым из отделившейся партии, — неясно. Мы знаем лишь, что она не вернулась обратно к лодке. Это подтверждается тем, что поблизости не оказалось ни живых людей, ни трупов.

«Оставив лодку, мы направились по извилистей береговой линии в северном и северо-западном направлении к возвышенному пункту, который может быть и является той оконечностью, которую увидел сэр Джон Росс с мыса Победа и которую он назвал мысом Франклина, — это название сохраняется и до сих пор.

«Мне едва ли нужно добавить к этому, что, хотя во время нашего передвижения вдоль берега острова Короля Уильяма я постоянно с напряженным вниманием смотрел по направлению к морю, надеясь увидеть какие-нибудь обломки выброшенного на берег корабля, о котором говорили эскимосы, но обнаружить их мне так и не удалось».

Страшное открытие, сделанное Мак-Клинтоком, бросило первый яркий луч на судьбу Франклина и его спутников. Но это же открытие породило ряд новых неясностей, касающихся истории Франклиновой экспедиции в дни ее тяжчайших испытаний.

Мак-Клинток находит много неясного в открывшейся его глазам картине и пытается сам дать объяснения явлениям, кажущимся на первый взгляд совсем непонятными. Однако объяснить ему удастся далеко не все, а с некоторыми из его замечаний можно даже не согласиться.

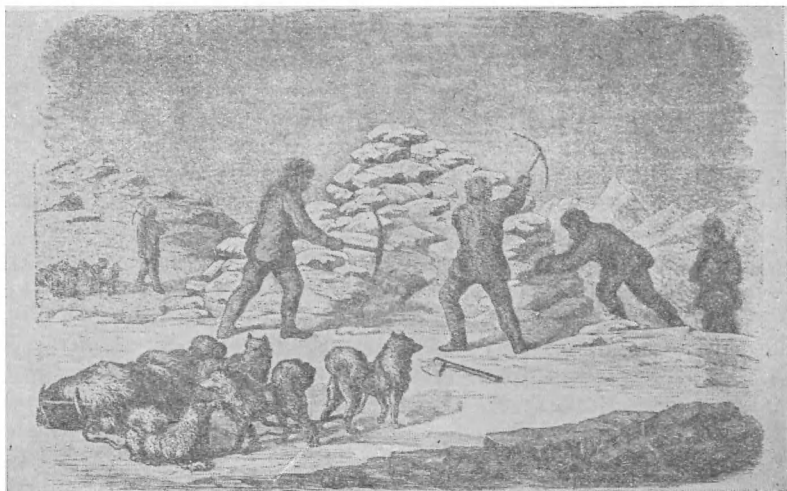
Прежде всего поражает огромное количество разнообразнейших и, казалось бы, совершенно ненужных предметов, обнаруженных в лодке с двумя скелетами. Наряду с вещами, действительно могущими понадобиться экспедиции, здесь оказались молитвенники, книги священного и свет-

ского содержания, шелковые носовые платки, душистое мыло, портупей, золотые позументы, бисерные кошельки, перстни, стеклянная печать с масонскими знаками и, наконец, множество различных вещей из серебра. Остается совершенно непонятным, зачем путешественники везли с собой такую тяжесть! Особенно удивляет такая перегрузка саней оттого, что люди с кораблей Франклина находились ко времени ухода с них, несомненно, уже в очень плохом состоянии.

Другим странным обстоятельством было то, что сани, на которых стояла лодка, были обращены не в сторону материка, а назад — к кораблям. Это несомненно указывает на то, что партия людей повернула вместе с санями и лодкой обратно к брошенным судам. Из приведенных выше слов Мак-Клинтока видно, что ему кажется, будто часть экипажа была отослана назад, чтобы достать провизии, и что эта партия оставила сани под надзором двух человек, а сама отправилась дальше, но не смогла к ним возвратиться. Против этого можно возразить, что было бы слишком неразумно тяжело загружать сани продовольственного отряда. Представляется более вероятным, что данная партия состояла, повидимому, не менее, чем из двадцати измученных человек, решивших вернуться на корабли, с тем, чтобы до конца делить с ними участь. Двое из них, очевидно, наиболее усталых и может быть больных, остались лежать в лодке. За ними, наверно, вскоре должны были притти, на что указывает обнаруженный в лодке Мак-Клинтоком весьма ограниченный запас продовольствия.

Открытие лодки с трупами людей и первого письменного документа экспедиции Франклина — не прямая заслуга Мак-Клинтока, так как до него эти места посетил лейтенант Хобсон. Впрочем, Хобсон действовал в соответствии с указаниями Мак-Клинтока, предвидевшего возможность продвижения отрядов пропавшей экспедиции также в направлении, в котором он послал Хобсона, с поручением отыскать пропавший корабль, с которого встреченные Мак-Клинтоком эскимосы достали много различных предметов.

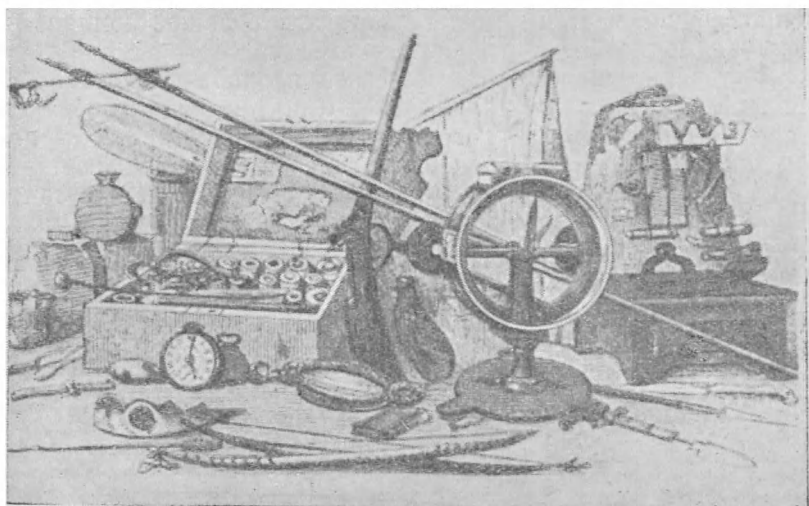
Если мы вернемся несколько назад на мыс Виктории к моменту расставания Хобсона и Мак-Клинтока, направившихся отсюда разными путями к Земле короля Уильяма, то вспомним, что путь, избранный Хобсоном, пролегал к северной оконечности этого острова, к мысу Феликс. Впервые наткнулся Хобсон на следы экспедиции Франклина совсем недалеко от мыса Феликс, несколько к западу от него. Он

Хобсон находит документ экспедиции Франклина

нашел здесь обширный гурий и около него три маленьких палатки с одеялами, старой одеждой и другими предметами, находка которых указывала на то, что здесь был охотничий пост или станция для магнитных измерений. Но, несмотря на близость гурия, а также канавы, вырытой вокруг этого места на расстоянии десяти футов, никакого сообщения обнаружено не было. Правда, в гурии оказался лист белой бумаги, но даже под микроскопом не удалось установить, было ли на нем что-нибудь написано. Между камнями, упавшими с гурия, валялись две разбитых бутылки, которые были закупорены. Возможно, что раньше в них были какие-нибудь сообщения. Самые интересные из найденных предметов, включая небольшой английский флаг и железные наконечники двух копий, были им взяты с собой. Палатки лежали на земле и притом были без подпорок. Видимо, для этой цели служили копыя, деревянные части которых были затем использованы, как топливо.

В двух милях далее к юго-западу был обнаружен небольшой гурий, под которым не оказалось ни сообщений, ни каких-либо вообще следов экспедиции. В трех милях к северу был обследован третий гурий, но здесь были найдены только сломанный заступ и пустой оловянный ящик.

Остатки Франклиновой экспедиции

Таким образом, уже в самом начале своего похода, Хобсон наткнулся на следы Франклиновой экспедиции. Однако наиболее интересные и ценные находки были сделаны им южнее: у мыса Джен Франклин и несколько к северу от мыса Крозье, южнее которого Хобсон не проникал. Описание этих находок нам уже известно со слов самого Мак-Клинтока. Он дает высокую оценку работе, произведенной Хобсоном, как видно из следующего замечания: «Он так хорошо выполнил поставленную ему задачу, так тщательно исследовал местность, по которой проходил, что, следуя за ним, я не мог найти ни одного следа погибшей экспедиции, которые ускользнули бы от него». Дальше Мак-Клинток говорит: «Я совершенно согласен с ним, что под снегом могли оказаться еще какие-нибудь небольшие предметы. Но чтобы при равнинном характере этой местности нами могли остаться незамеченными гурии, могилы или вообще предметы, выделяющиеся над поверхностью земли, представляется почти невероятным».

Следует заметить, что последние слова Мак-Клинтока не вполне оправдались, как показали последующие исследования; время работ Хобсона и Мак-Клинтока — апрель и май — настоящие зимние месяцы в этих краях, а снеговой

покров суши местами может достигать большой мощности, скрывая под собой неровности рельефа.

Постепенно продвигаясь на север вдоль западного побережья Земли короля Уильяма, Мак-Клинтон вскоре добрался до открытого Джемсом Россом почти тридцать лет тому назад мыса Победа. Здесь он занялся сбором многочисленных остатков вещей, брошенных экспедицией Франклина, и обнаружил под гурием сообщение об открытиях, сделанных Хобсоном.

Приводим рассказ самого автора о произведенных им находках, содержащий важные и интересные рассуждения относительно их значения и ценности.

«Утром 2 июня мы достигли мыса Победа, — сообщает Мак-Клинтон. — В гурии оказалось письменное донесение Хобсона, в котором он сообщал мне, что не нашел у берега ни малейших следов погибших судов и что ему не удалось также встретить эскимосов к северу от мыса Крозье.

«Испытывая некоторый недостаток продовольствия, я все же решил остаться здесь на день, чтобы обследовать проход, замеченный в конце залива Бака, названного так в честь сэра Джорджа Бака его другом сэром Джемсом Россом. Этот проход, прежде никем не исследованный, оказался заливом длиной 13 миль и средней шириной от 1,5 до 2 миль.

«Я объехал вокруг залива на санях, запряженных собаками, но не нашел никаких следов пребывания там людей. Он был наполнен старым тяжелым льдом и не представлял поэтому удобного места для скопления тюленей, а следовательно не посещался и эскимосами.

«Я назвал залив именем Коллинсона, увековечившего себя участием в поисках Франклина и любезно избавившего лэди Франклин от больших затруднений, так как принял на себя ведение денежных дел экспедиции. Простирающийся к западу от мыса Гершеля залив я назвал именем капитана Вашингтона, гидрографа, стойко отстаивавшего необходимость настоящей экспедиции.

«Вся же промежуточная береговая линия, по которой участники экспедиции Франклина совершали свой трагический путь, должна быть названа их именами.

«Хобсон сообщил мне, что нашел вторую памятку, положенную также лейтенантом Гори в мае 1847 года на южной стороне залива Бака, но что она не требует дополнительных пояснений, являясь лишь копией донесения, оставленного на мысе Победа. Это показывает, что Гори и Де-Во

ограничились тем, что положили их под гурий, не сделав никаких добавлений. Их внимание было отвлечено, по всей вероятности, более важными вопросами, может быть завершением открытия Северо-западного прохода. Эта вторая памятка не была обнаружена покинувшими суда участниками экспедиции в 1848 году и оказалась запаянной.

«Странно, что и в том, и в другом тексте сообщения упоминается, что суда зимовали у острова Бичи в 1846—1847 году! Такая очевидная ошибка вряд ли была бы допущена, если бы этому документу придавалось какое-либо значение. Сообщения были запаяны в тонкие оловянные цилиндры на борту корабля перед отправлением Гори и его спутников. Следовательно, день, когда они были *положены*, не был в них проставлен. Но и запаянные документы оказались сильно поврежденными ржавчиной — по истечении немногих лет их было бы невозможно прочитать. Когда сообщение, оставленное на мысе Победа, было открыто и к нему сделано добавление, составлявшее его самую важную часть, капитан Фицджермс, как это можно судить по цвету чернил, проставил дату — 28 мая, после чего сообщение было снова положено под гурий, причем на этот раз не было запаяно, я думаю, за неимением возможности сделать это. Оно было найдено на земле среди разбросанных камней, которые очевидно упали с верхушки гурия. Хобсон разобрал все камни до основания и затем вновь сложил гурий.

«Как бы ни были кратки сообщения, мы должны быть довольны ими: они — прекрасный образец сжатого стиля официальных донесений. Даже корабельный журнал не мог бы быть более лаконичным. Повидимому, вообще не предполагалось оставить какого-либо сообщения после ухода с судов. Тем больше благодарности мы должны чувствовать по отношению к Крозье и Фицджермсу, сделавшим свое неоценимое добавление. И эта благодарность должна еще увеличиться, если мы примем во внимание, что предварительно нужно было оттаивать чернила и что вообще писать в палатке в апрельский день в арктических странах — нелегкий труд.

«Мы не только положили на то же место копию донесения, взятого Хобсоном, но и каждый из нас двоих оставил там свое собственное сообщение. Кроме того, я положил под большой камень в десяти футах севернее этого места особое сообщение, в котором перечислил все сделанные нами открытия.

«Около гурия лежало разбросанным большое количество разнообразных предметов, которые уже после трех дней пути покинувшие корабли участники экспедиции сочли невозможным нести дальше. Среди них были четыре тяжелые корабельные кухонные печи, заступы, лопаты, железные обручи, старая парусина, большой блок, около четырех футов громоотвода, длинные куски медных и железных прутьев, маленький ящик с лекарствами в двадцати четырех пузырьках, содержимое которых удивительно хорошо сохранилось, прибор Робинсона для магнитных измерений с иглами, вес которого составлял 9 фунтов. Около гурия лежал также маленький секстант с выгравированным на нем именем «Фредерик Горнби».¹

«Брошенная командой «Эребуса» и «Террора» одежда образовала громадную кучу вышиною в 4 фута. Вся она была тщательно осмотрена, но карманы оказались пустыми, не было и меток, которые, впрочем, редко нашиваются на теплую одежду матросов.

«Продолжая обратный путь, приблизительно в 2,5 или 2,75 мили к северу от мыса Победа, я заметил несколько камней, расставленных по прямой линии. Я думаю, что именно здесь в мае 1847 года лейтенант Гори положил свое донесение, найденное в 1848 году лейтенантом Ирвингом, который перенес его на мыс Победа. Здесь лежали остатки оловянной посуды, но были ли они брошены экспедицией сэра Джемса Росса в мае 1830 года или экспедицией Франклина в 1847 или 1848 годах — неизвестно.

«Замечательно, что, когда в 1830 году сэр Джемс Росс открыл мыс Победа, он назвал два пункта, видимых оттуда, мысом Франклина и мысом Джен Франклин. Восемнадцать лет спустя суда Франклина были покинуты экипажем почти в пределах видимости этих пунктов.

«Этим кончаются мои поиски следов погибших в экспедиции Франклина. Хобсон обнаружил еще два гурия и много остатков экспедиции между указанным выше пунктом и мысом Феликс».

Из каждого пункта, где находились какие-либо следы погибших, наиболее интересные предметы были забраны с собой, таким образом составила довольно значительная коллекция.

¹ В приложении помещен полный список обнаруженных Мак-Клинтоком предметов, оставшихся после экспедиции Франклина.

«Здесь уместно привести мнение Хобсона, совпадающее с моим, что эскимосы не посещали ни одного из пунктов, расположенных на берегу между мысом Феликс и мысом Крозье после трагического отступления на материк команды погибших кораблей в апреле 1848 года. Этим только и можно объяснить, что ни спрятанное в гуриях, ни разные предметы, в большом количестве разбросанные около них и представлявшие для эскимосов громадную ценность, ни даже плавник не были ими взяты. Всего этого эскимосы не видели, и их сообщения о том, что «белые люди падали и умирали в пути», относятся только к береговой линии, к югу и востоку от мыса Крозье, где мы не нашли никаких следов погибших.

«Трудно предположить, что столь ужасающая смертность могла развиваться так скоро уже в 80 милях санного пути от покинутых кораблей — на таком именно расстоянии суда находились от мыса Крозье. Невероятно также, чтобы мы не заметили обломков корабля, если бы они были, так как там нет островов, которые могли бы задержать корабль, если бы ему пришлось выброситься на берег. Напротив, к югу таких островов очень много, так что судно, теснимое льдами, с трудом могло бы пробиться между ними и достигнуть берега».

Мак-Клинтон имел основания быть довольным результатами своих и хобсоновских санных поездок. Вслед за Хобсоном он повернул назад, к судну, в сознании выполненной задачи. Этого чувства было более, чем достаточно, чтобы дать путешественникам силу стойко перенести трудности последних этапов пути к их маленькому «Фоксу».

Покинув район мыса Победа, Мак-Клинтон взял курс на восток. «По суше мы переправились на восточный берег, — рассказывает он, — и достигли наших складов у входа в порт Парри 5 июня после тридцатичетырехдневного отсутствия. Отсюда я предполагал продвинуться вдоль берега к мысу Сэбин, чтобы избежать тяжелого льда, который мы встречали, направляясь в апреле прямо от мыса Виктории. Кроме того, я рассчитывал сделать еще некоторые магнитные наблюдения.

«Когда мы приблизились к бухте Принца Джорджа, начались туманы, и нам пришлось укрыться в ней, отказавшись от попытки продолжать наше продвижение. Мы достигли земли, как мне показалось, на противоположной стороне, откуда можно было бы направиться к мысу Сэбин,

но, когда погода прояснилась, мы увидели к югу длинный низменный остров, что привело меня в крайнее недоумение. Я установил, что мы открыли проход, ведущий из залива Принца Джорджа в пролив Веллингтона, на расстоянии около 8 миль к югу от мыса Сэбин.

Это открытие стоило нам целого дня, что было крайне неприятно, так как мы ежедневно с тревогой ожидали наступления оттепели, которая чрезвычайно затрудняет всякое передвижение. А ведь до нашего корабля было добрых 230 миль! В этом проходе мы нашли покинутое селение, состоявшее из семнадцати снежных хижин. Одна из них была необычно обширной — 14 футов в диаметре. Здесь мои спутники собрали достаточно жира, чтобы обеспечить нас топливом на весь обратный путь. В каждой хижине, а также около них, на льду валялись щепки и стружки. В одной из хижин я нашел детскую игрушку — миниатюрные деревянные сани. Никаких следов эскимосов ни на том, ни на другом берегу мы не нашли, да и вообще я не встречал их с того времени, когда мы покинули западный берег острова к югу от мыса Крозье.

«Пройдя около восточного конца пролива, мы несколько сократили наш путь переходом по суше и достигли, таким образом, морского берега в 3 или 4 милях южнее мыса Сэбин. Дорогой мы видели немного куропаток, двух песцов и молодого оленя. Земля была покрыта кое-где зеленью, а звери посещали эту местность, повидимому, в изрядном количестве. Контраст между нею и низменными бесплодными берегами, откуда мы только что пришли, был поистине поразительным.

«Нельзя представить себе места более печального и пустынного, чем западный берег острова Короля Уильяма. И Хобсон, и я в значительной степени испытали это. Хобсон пробыл на этом берегу свыше месяца. Климат западного берега значительно отличается от климата восточного. Первый более открыт действию северо-западных ветров, и на нем наблюдаются почти постоянно холодные туманы.

«Почва на острове Короля Уильяма в большей своей части бесплодна».

«Поверхность земли покрыта бесчисленными озерами. Сказать, что остров, как мы этого ожидали, «изобилует оленями и мускусными быками», — нельзя ни в коем случае. Последних, по словам эскимосов, на острове нет совершенно, олени же встречаются очень редко.

«8 июня мы впервые увидели уток и черных турпанов, летевших к северу. Миновав крайнюю оконечность мыса Виктории, около которого мы увидели покинутые снежные хижины наших мартовских знакомых, и пройдя вскоре после этого через устье глубокого залива к северу от него, мы снова добрались до низменного известнякового берега Бутии Феликс. В этом заливе под прикрытием острова корабли могут найти защищенную от напора льдов гавань и сносное убежище на зиму.

«Я не имел возможности задержаться у Магнитного полюса, не удалось мне также найти и следов гурия Росса, но, идя вдоль берега, при каждой остановке мы тщательно наблюдали наклонения магнитной стрелки. В продолжение всей нашей поездки я пользовался каждой возможностью, чтобы производить эти интереснейшие наблюдения, часто посвящая им шесть или семь часов во время остановок на отдых. Однако инструменты, которыми мы были снабжены для этой цели, оказались плохо приспособленными, так что мне приходилось напрасно тратить много труда и времени и получать меньшие результаты, чем те, которые могли бы быть получены, если бы инструменты были в порядке».

Мак-Клинтон и Хобсон очень торопились к месту зимовки «Фокса», так как стоял июнь месяц, и в воздухе чувствовалось уже теплое дуновение наступающей весны. Необходимо было во что бы то ни стало поспеть к цели до начала распутицы.

«Растаяло уже много снега,—рассказывает Мак-Клинтон.—Освободившиеся от снежного покрова вершины сильно выделялись, образуя как бы длинные темные горизонтальные линии, возвышающиеся одна над другой и теряющиеся из вида в глубине острова. Кое-где мы находили раковины и кораллы. Нам удалось также подстрелить несколько белых куропаток.

«13 июня. На $71^{\circ}10'$ северной широты известняк сменяется гранитом, и поверхность земли становится возвышеннее. В расщелинах гранитных скал в изобилии показалась вода, появилась она в некоторых местах и над морским льдом. Стало очевидно, что в один-два дня снег должен будет уступить летнему теплу. Мы теперь часто видели птиц.

«Нам удалось открыть узкий проход к востоку от того, что расположен между группой островов Тасмании, и по которому мы с трудом прошли в апреле. Открытый новый проход был наполнен мягким льдом и оказался много короче.

«В одном из наших складов мы обнаружили письмо Хобсона, из которого было видно, что он опередил нас на шесть дней. Между прочим, Хобсон сообщал о своей серьезной болезни. Уже много дней он не мог идти, и его везли на санях. Спутники Хобсона спешили изо всех сил доставить его скорее на корабль, где ему могла быть оказана медицинская помощь. Мы также прилагали все усилия к тому, чтобы двигаться быстрее из опасения, что потоки растаявшего снега, стекавшие из лощин, сделают лед непроходимым.

«15-го снег, покрывавший льды, повсюду начал поддаваться действию повысившейся температуры. Следовало, впрочем, радоваться уже тому, что он оставался крепким так долго. Начиная с этого дня, продвижение вперед стоило огромного напряжения как для людей, так и для собак. Подмороженная смесь из воды и снега, по которой приходилось передвигаться, менее всего была нам приятна. Она часто доходила людям до колен.

«Нам удалось достигнуть пролива Фельз утром 18 июня, и мы раскинули палатку как раз в то время, когда начался унылый дождь, продолжавшийся большую часть дня. Продвинувшись вперед на несколько миль по льду Длинного озера, мы нашли, что продолжать таким образом путь совершенно невозможно, вытащили сани из растаявшего льда и оставшиеся до корабля 16—17 миль решили идти сухим путем. Бедные собаки настолько устали и изранили себе лапы, что мы не могли заставить их следовать за нами, и они остались у саней.

«После очень утомительного карабканья по холмам и покрытым снегом равнинам мы сразу приободрились, увидев нашего бедного, дорогого покинутого «Фокса», и вступили на палубу его 19 июня, поспев как раз к позднему завтраку.

«Суббота, 2 июля. По возвращении на корабль я осведомился прежде всего о Хобсоне, оказавшемся в худшем состоянии, чем я предполагал. Он возвратился 14 июня, не будучи в состоянии не только ходить, но и стоять без посторонней помощи. Но он уже начал поправляться и был в прекрасном расположении духа. Христиан застрелил несколько уток, которые вместе с консервированным картофелем, молоком, крепким элем и лимонным соком составляли великолепное диетическое питание для больного цынгой. Все остальное обстояло довольно благополучно, замечались только слабые признаки цынги у двух-трех матросов. Судно

выглядело чистым и нарядным, насколько это было возможно, и все выполняли охотно и хорошо свои обязанности во время моего отсутствия.

«Врач осведомил меня о смерти Томаса Блэквеля, корабельного стюарта, последовавшей пять дней тому назад от цынги. Он был болен цынгой уже в апреле, когда я покидал корабль, и врач испробовал без сомнения все средства добиться его скорейшего выздоровления и поднять его ослабевшую энергию. Но больной, не надеясь поправиться, потерял всякий интерес к окружающему, и под конец его насильно выводили на палубу, чтобы заставить подышать свежим воздухом. Товарищи Блэквеля слишком поздно сообщили, что он питал отвращение к кушаньям, приготовленным из консервов, и всю зиму питался одной соленой свининой. Он не любил также консервированного картофеля и ел его только тогда, когда от него требовали этого насильно, а также не надевал чистого белья, которое его товарищи готовили ему из сострадания. Все же смерть Блэквеля последовала несколько неожиданно: он вышел на палубу для обычной прогулки, и, когда его нашли, он был уже мертв.

«Известие о достигнутых нами успехах в южном направлении и отыскании следов погибшей экспедиции чрезвычайно ободрило наш маленький экипаж. Мы желали теперь одного — благополучного и скорого возвращения Юнга и его партии.

«Капитан Юнг начал свои весенние изыскания 7 апреля, отправившись на санях с четырьмя спутниками. Вторые сани тащили шесть собак, управляемые гренландцем Сэмуэлем. Установив существование прохода между Землей принца Уэльского и Землей Виктории, где он предполагал продолжить свои изыскания, он отправил обратно на корабль одни сани, палатку и четырех человек, чтобы сберечь провиант, и путешествовал уже сорок дней с одним спутником и собаками, отдыхая на остановках в снежных хижинах, которые они вдвоем, как могли, сооружали.

«Громадное напряжение и усталость, исключительно дурная погода и извилистая береговая линия, вдоль которой им нужно было идти, — все это сильно подорвало его здоровье. Он вынужден был вернуться на корабль 7 июня за медицинской помощью, с тем, чтобы во всяком случае возобновить свои изыскания как можно скорее. Доктор Уокер сильно противился решению Юнга снова покинуть корабль,

считая, что здоровье его недостаточно восстановилось, но тем не менее, почувствовав себя через три дня несколько лучше, Юнг с рвением, не знаящим границ, отправился завершать свою часть розысков, взяв с собой две санных упряжки.

«Выслушав рассказ доктора, я стал опасаться за благополучное возвращение этой партии, боясь, что здоровью Юнга и его спутников будет нанесен непоправимый вред. В данный момент это было единственным поводом к моему беспокойству.

«Лето наступило необыкновенно быстро, дождь и ветер ускорили таяние снега и льда. В проливе Белло было много воды, распространившейся от острова Халфвей к востоку до плоскогорьев, и оттуда, суживаясь, к Длинному озеру.

«Через день или два я смог убедиться в значительном улучшении здоровья Хобсона, а мои четыре спутника, за исключением Гемптона, которому требовался отдых, были совершенно здоровы, как и мой товарищ Петерсен.

«Так как время, в течение которого предполагал отсутствовать Юнг, уже прошло, а трудности переправы с запада сильно увеличились, я отправился утром 25 июня со своими четырьмя людьми, чтобы добраться до скалы Пеммикан. Но, не будучи в состоянии пройти здесь, я решил доставить провиант к мысу Четырех рек, надеясь встретиться с Юнгом и облегчить его возвращение. К нашему удивлению, вся вода исчезла с ледяной поверхности Длинного озера, и путь по нему был превосходен.

«Мы нашли наших бедных собак спокойно лежащими около саней. Они съели небольшое количество мясного порошка, которое не было запечатано в ящиках, а также китовый жир, несколько кожаных ремней, и чайку, которую я подстрелил, пробуя ружье, но им, очевидно, пришлось не по вкусу бисквит. Бедные собаки! Тяжелая у них жизнь в этих странах. Даже Петерсен, обычно добрый и гуманный, воображает, что они мало чувствительны. Он развивает теорию, что можно бить эскимосскую собаку по голове любым предметом, как бы он ни был тяжел, и она от этого не пострадает. Один из нас упрекнул его однажды за то, что он сломал ручку своего хлыста о голову собаки. «Это ровно ничего», — отвечал Петерсен и рассказал, что один из его друзей в Гренландии считал, что можно бить собак по голове тяжелым молотком, — это их, конечно, оглушало, но, полежав с открытой пастью против ветра, они скоро снова оживали, вставали и бежали «в полном порядке».

«Мы поспешили дать собакам хорошей пищи, первой после семидневного промежутка, но они не оказались особенно голодными и скоро снова улеглись спать.

«Отправив на следующий день людей и собак с санями на восточный конец озера, я пошел к мысу Берд посмотреть, не видно ли оттуда группы Юнга, но Юнг еще не возвращался.

«Тщетно пытаюсь вскарабкаться с предательскими намерениями на отвесную скалу к гнездам серебристых чаек, я заметил и подстрелил черного турпана, сидевшего на невысоком утесе, и захватил в качестве приза четыре яйца. Странно, что эта птица выбрала такое необычное место для своего гнезда.

«Много тюленей грелось на льду. Ручьи, по которым приходилось тащить сани неделю тому назад, направляясь к Длинному озеру, превратились в мощный и быстрый поток. Мы заметили несколько оленей.

«27-го я отправил троих из моих спутников на корабль, сам же с Томпсоном и собаками направился к скале Пеммикан, где, к нашей большой радости, мы встретили Юнга и его партию, только что возвратившихся после долгого и успешного путешествия.

«Юнг очень похудел и ослаб настолько, что был вынужден последние несколько дней передвигаться на санях, запряженных собаками. Гарвей тоже чувствовал себя далеко не хорошо и еле мог передвигаться наравне с санями — он был болен цынгой. Их путешествие протекало в самой удручающей обстановке: мрачная погода, однообразные скучные известняковые берега, лишенные дичи, и... никаких следов погибшей экспедиции. Известие о наших успехах чрезвычайно ободрило их».

Нет ничего удивительного, что Юнг не нашел никаких признаков экспедиции Франклина, так как изученный им район был быстро пройден «Эребусом» и «Террором», не оставившим на берегах проливов Пиля и Франклина следов своего прохождения по их водам. Открытия Юнга, человека исключительной энергии и беспредельной преданности своему делу, имеют поэтому только географический интерес.

78 дней потратил Юнг на тщательное обследование южной половины Земли принца Уэльского и противоположной ей части острова Северного Соммерсета. В результате этих работ оба острова были нанесены на карту. Протяжение снятого Юнгом берега составляет 95 миль. Насколько значительна

эта работа, видно из того, что определения, сделанные обеими южными партиями, простираются на 105 миль.

Юнг путешествовал в то же время, что Мак-Клинтон и Хобсон, то есть в период, когда полярная зима была еще в самом разгаре, когда таяние снега и льда еще только началось. Поэтому изучение береговой линии посещенных им низменных островов представляло большие трудности. Глубокий снег не позволял различать сушу и море, и если бы не многочисленные севшие на мель айсберги, так называемые стамухи, обозначающие прибрежные участки, — определение береговой линии нередко было бы просто невозможно.

Особенно значительны открытия, сделанные Юнгом на Земле принца Уэльского. До него вообще не было известно, что эта Земля представляет собой отдельный остров и не соединяется с расположенной на юго-западе Землей Виктории. Юнг обошел Землю принца Уэльского с юга и достиг места, посещенного в свое время Осборном, доказав, таким образом, ее островной характер и одновременно обнаружив существование широкого пролива, названного им в честь Мак-Клинтонка его именем.

Пролив этот на севере оказался связанным с известным еще со времен Парри проливом Мельвиля, а на юге смыкался с проливом Франклина. Юнг внимательно присматривался к открытому им водному пространству, покрытому в это время года торосистым льдом. Надеяться перебраться по этой неровной поверхности на Землю Виктории было нечего и думать, и Юнг ограничился обследованием более близких островов.

Неустранимость Юнга была всем хорошо известна. Поэтому, несмотря на опытность этого капитана, все на судне, и в том числе недавно возвратившийся Мак-Клинтон, сильно опасались за его судьбу. По счастью произведенный им редкий по смелости эксперимент путешествия в течение сорока дней в сопровождении одного только спутника окончился благополучно.

Вместе с вышедшим ему навстречу Мак-Клинтонком Юнг вернулся на корабль. Таким образом, все члены экспедиции оказались в сборе, и все они имели полное основание считать возложенную на них задачу выполненной не только добросовестно, но и вполне успешно. После возвращения на корабль главное внимание путешественников было устремлено на укрепление своих сил и поправку здоровья. На следующий же день они, по словам Мак-Клинтонка, принялись

уничтожать предложенную пищу с такой быстротой, которая свойственна только людям, изнуренным усталостью и постоянным пребыванием на морозе. Дичь, утки, пиво, лимонный сок — ежедневно, консервированные яблоки и брусника — три раза в неделю и маринованная китовая кожа — прекрасное противоцинготное средство — в любом количестве для всех, кто ее любит, — таково было их меню!

Остается сказать только несколько слов о последних приготовлениях Мак-Клинтока к отплытию и о возвращении «Фокса» в Англию.

В первую очередь необходимо было подготовить машину. Ввиду того, что на «Фоксе» после случайной смерти машиниста Скотта не было человека, умевшего управлять машиной, Мак-Клинток сам взялся за это дело. Действительно, он освоил его чрезвычайно быстро, и можно было надеяться, что он сможет с успехом заменить умершего машиниста.

Июнь и июль принесли с собой больше тепла, чем обычно. Среди окружающего «Фокса» льда стали образовываться трещины и открываться довольно большие полыньи. Однако долгое время корабль не мог выбраться из гавани, так как вся масса льда оставалась попрежнему неподвижной. Экипаж корабля напряженно следил с борта и с высоты окружающих холмов за состоянием моря. Прошел июль и первая неделя августа, а положение все еще не изменялось. На лицах людей можно было прочесть чувство опасения, как бы не пришлось остаться еще на одну зиму во льдах. Перспектива зимовки не была веселой, так как из расчета наличного продовольствия было видно, что ежедневный рацион на каждого члена экипажа не превысит $\frac{3}{4}$ фунтов мяса. Что касается других запасов, то многие продукты — и среди них столь необходимый лимонный сок — приходили к концу. Рассчитывать на успешную охоту в этой стране тоже было нечего. В этом отношении показательны были охотничьи трофеи предыдущего года: несмотря на наличие опытных стрелков, экипаж «Фокса» убил всего только двух медведей, 8 оленей, 9 зайцев, 19 песцов, 18 тюленей, 82 куропатки и 98 штук другой мелкой дичи.

«Фоксу» удалось избежать зимовки. Сильные юго-восточные ветры отодвинули лед от берега, и 9 августа «Фокс» вышел на парах по чистой воде из пролива Белло. Правда, через день корабль застрял во льду против мыса Фьюри и не мог двинуться с места в течение четырех суток. Но задул западный ветер, разогнавший льды, и «Фокс» двинулся

дальше в северном направлении. Вскоре он миновал пролив Принца Регента и вошел в Ланкастеров пролив, оказавшийся почти совсем свободным от льда.

Такие же благоприятные условия плавания Мак-Клинток встретил и в Баффиновом заливе. Прямо от Пондсбея «Фокс» взял курс на восток к острову Диско и легко пересек Баффинов залив — случай совершенно исключительный в навигационной практике.

Уже 27 августа Мак-Клинток прибыл в гренландский порт Годхавн. Отдохнув здесь несколько дней и подготовившись к переходу через океан, Мак-Клинток 1 сентября отправился дальше. Расстояние от Годхавна до Англии «Фокс» покрыл в необычайно короткий срок, и 20 сентября 1859 года экспедиция увидела родные берега.

ХII. ЗА ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Значение экспедиции Мак-Клинтока в достаточной мере полно освещено в только что изложенной ее истории, поэтому, не останавливаясь на ней отдельно, подытожим результаты деятельности всех спасательных экспедиций, начиная с 1848 года и кончая 1859 годом.

Экспедиция Мак-Клинтока не была последним предприятием, задача которого заключалась в поисках участников Франклиновой экспедиции и документов, относящихся к ней. Но все позднейшие экспедиции отличаются от предыдущих, включая Мак-Клинтоковскую, тем, что им было точно известно место катастрофы, а следовательно и район намеченных поисковых работ, в то время как предшествующие экспедиции отдали все свои силы, чтобы отыскать место, где совершилась трагедия.

Всю деятельность, направленную на поиски экспедиции Франклина, можно разделить на два неравных периода: первый — более короткий, охватывающий больше двух десятков непрерывно следующих друг за другом экспедиций, и второй, продолжающийся по сие время, но включающий в себя всего лишь несколько экспедиций.

Разбирая уже описанные нами работы путешественников, посвятивших себя делу поисков Франклина и его спутников, мы будем касаться их географической стороны лишь попутно. Только проблема Северо-западного прохода будет нас интересовать попрежнему. Главное же внимание обратим на непосредственные результаты стараний поисковых партий отыскать пропавших.

Земля короля Уильяма — место гибели знаменитой экспедиции Франклина — была открыта за 15 лет до прибытия сюда «Эребуса» и «Террора». Джемс Росс первым достиг западного побережья Бутии Феликс и увидел перед собой

холмы острова, названного им землей потому, что он предполагал существование сухопутной связи его с материком.¹ Тяжелый лед и покрывавший его глубокий снежный покров маскировали разделявший Бутию и остров узкий пролив, и Джеймс Росс прошел по нему, не заметив его. Что этот роковой недосмотр стал причиной гибели экспедиции Франклина, было нами уже коротко отмечено. Такого мнения придерживались Коллинсон и профессор Гельвальд, но лучшие доказательства мы находим в талантливом анализе Мак-Клинтока, который приведем несколько ниже.

Мак-Клинток отправился в свою последнюю, знаменитую экспедицию тогда, когда Северо-западный проход считался уже открытым. Мак-Клюр был торжественно объявлен победителем великого северного морского пути вокруг Америки, хотя корабль его и был брошен во льдах. Однако самый факт прохождения Мак-Клюра и его товарищей по воде и льду проливов, соединяющих запад с востоком, был достаточен, чтобы признать за ними славу открывателей прохода. И все-таки для каждого понимающего человека было ясно, что открытие Северо-западного прохода Мак-Клюром не дало никакой пользы северному мореплаванию. Существование прохода было доказано, но проход оказался непроходимым.

Мак-Клинток отправился по другому пути. Чтобы проникнуть к Земле короля Уильяма, где предполагалось найти следы Франклиновой экспедиции, надлежало повернуть от пролива Ланкастера прямо на юг по проливу Пиля или проливу Принца Регента. Попытка Мак-Клинтока пройти по первому из них, благополучно пройденному в свое время «Эребусом» и «Террором», окончилась, как известно, неудачей, тогда как проход через пролив Принца Регента и Белло оказался успешным.

Напомним, что открытие пролива Белло было совершено еще в начале пятидесятых годов Кеннеди и Белло, прошедшими вдоль него по льду из пролива Принца Регента в пролив Франклина. Открытие этого водного пути было в свое время правильно оценено Рэ, объявившим, что отныне можно считать почти доказанным наличие водной связи между проливом Ланкастера (через проливы Принца Регента и Белло) и проливом Симпсона и Диза (через пролив Викто-

¹ Мы называем всюду, исключая цитаты, острова Короля Уильяма так, как его назвал Джеймс Росс, т. е. Земля короля Уильяма. В то время название „Земля“ давалось в тех случаях, когда не был известен характер связи новооткрытой страны с материком.

рии), иначе говоря, что действительно существует северный водный путь из Атлантического океана в Тихий. Для окончательного доказательства оставалось только соединить западное устье пролива Белло с восточным устьем пролива Симпсона и Диза.

Как известно, Мак-Клинтон не смог пробиться сквозь льды, загроздившие западное устье пролива Белло, и остался здесь на зимовку. Однако он не считает вовсе свой собственный пример доказательством непригодности этого водного пути. Вот что говорит он по этому поводу, касаясь проблемы проходимости для кораблей этой части американского полярного моря:

«Относительно *судоходности* Северо-западного прохода и возможности для нас в последний сезон продвинуться значительно дальше к югу, если бы ледяной барьер в западной части пролива Белло позволил нам достигнуть открытого моря, я полагаю, основываясь на моих наблюдениях над льдами в проливе Франклина, что мы имели много шансов добраться до мыса Гершеля на южной стороне острова Короля Уильяма, обойдя (как я и намеревался это сделать) этот остров с востока.

«От пролива Белло до мыса Виктории мы встречали смесь старого и нового льда. К югу от группы островов Тасмании, я думаю, главные трудности были бы преодолены, к югу же от мыса Виктории мы вообще вряд ли встретили бы какое-нибудь препятствие, так как там оставалось мало льдов, если они вообще были. Эскимосы говорили, что море там каждый год совершенно очищается от льдов. Судя по нашим открытиям, ширина пролива Виктории немного менее 20 миль; лед, гонимый к югу через такой узкий проход, вряд ли помешал бы нам проплыть до земли Виктории и Кэمبرиджского залива, то есть места зимовки, достигнутого Коллинсоном с запада.

«Кто бы ни видел ту часть пролива Виктории, которая лежит между островами Короля Уильяма и Землей Виктории, как это видели мы, не может сомневаться в том, что существует только один путь, по которому может пройти корабль, путь чрезвычайно опасный из-за необходимости дрейфовать в паке.

«Широкий канал между Землей принца Уэльского и Землей Виктории пропускает с северо-запада обширный и сплошной поток очень тяжелого, образовавшегося в океане льда, который нажимает на западную часть острова Короля Уиль-

яма и заполняет пролив Виктории, как было только что мною описано. Я не думаю, чтобы можно было пройти Северо-западный проход, плывя к западу, то есть к подветренной стороне острова Короля Уильяма».

И вот что говорит Мак-Клинток по поводу сделанной Франклином попытки пробраться непременно вдоль западного побережья этого острова: «В случае, если сезон настолько благоприятен для навигации, что в северной части это море¹ оказалось бы открытым (как, например, в 1846 году, когда сэру Джону Франклину удалось его пройти), я думаю, что пришлось бы преодолеть сравнительно мало трудностей в южной его части, чтобы достичь пролива Виктории. Если бы сэр Джон Франклин знал о существовании прохода к востоку от Земли короля Уильяма (названной так сэром Джемсом Россом), я не думаю, что он захотел бы подвергнуть свои суда опасности быть затертыми в тяжелых льдах к западу от нее. И если бы он попытался воспользоваться Северо-западным проходом, плывя *восточным* путем, он может быть благополучно провел бы свои суда через него до Берингова пролива. Но Франклин был снабжен картами, на которых не было обозначено прохода к востоку от Земли короля Уильяма, и эта Земля (представляющая собою остров, как это установил Рэ) была изображена полуостровом, соединенным с материком Северной Америки. И ему поэтому был открыт только один путь, которым он и воспользовался».

Мак-Клинток находит еще много серьезных доводов в пользу своего взгляда, доводов, убедительность которых не подлежит сомнению и оправдавшихся впоследствии самым блестящим образом: «Предпочтение, которое я отдаю пути вдоль восточной стороны острова Короля Уильяма, основано на наблюдениях и опыте Рэ и Коллинсона в 1851—1852—1854 годах. Я считаю, что ледяной барьер в проливе Белло, шириной в 3—4 мили, был единственным препятствием к прохождению «Фоксом» (что соответствовало моему первоначальному намерению) к югу по направлению к Большой рыбной реке, если при этом был бы использован путь к востоку от острова Короля Уильяма и оттуда к месту зимовки на Земле Виктории. Может быть в будущем какой-нибудь мореплаватель, сделав выводы из бесстрашного и

¹ Этот проход назван теперь в честь славного мореплавателя проливом Джона Франклина.

рокового опыта экспедиции Франклина и из наблюдений Рэ, Коллинсона и моего, сумеет провести свои суда из океана в океан».

Путь вдоль восточного побережья Земли короля Уильяма, намеченный Мак-Клинтоком и блестяще использованный позднее Амундсеном, отмечен нами как единственно правильный. Дело в том, что этот путь не только лучше того, который избрал Франклин, потерпевший при этом страшную неудачу, но и лучше того, на котором Мак-Клюр стяжал себе славу и денежную награду. Амундсен, о плавании которого, как имеющем лишь слабое отношение к экспедиции Франклина, мы впоследствии упомянем лишь вскользь, правильно учел более раннее вскрытие льдов, а следовательно и более длительный навигационный период в южных проливах по сравнению с северным. Мак-Клюр и другие мореплаватели, посещавшие воды Мельвилева пролива, почти неизменно находили их покрытыми тяжелым, непроходимым льдом океанического происхождения. Несмотря на опасные, стремительные течения, несущие острогранные пловучие льдины, проходящие в узких проливах между островом Виктории и материком, борьба с ними оказалась легче, чем с паковыми массами северных проливов.

Таким образом открытие Мак-Клюра сохраняет лишь свое теоретическое значение, тогда как практическая ценность принадлежит целиком открытию Рэ — Мак-Клинтока. Отмечая заслуги Франклина, Мак-Клинток, правда, заявляет, что «как бы то ни было, Франклину принадлежит честь самого раннего открытия Северо-западного прохода, хотя ему и не удалось завершить свою задачу, проведя через этот проход свои суда», но на деле не Франклин оказался открывателем действительного «проходимого прохода», а сам Мак-Клинток.

Одиннадцать лет прошло между моментом отправки первой спасательной экспедиции и моментом открытия останков спутников Франклина. Мак-Клинток выяснил вопрос о их судьбе и с печальными документами в руках вернулся в Англию. Успешный конец его последней экспедиции есть результат не только личной его энергии, смелости и умения, или выдержки и преданности его товарищей, но прежде всего — результат многочисленных, хотя и неудачных исследований, проведенных в течение истекшего десятилетия.

Выше мы указывали уже, что почти все поисковые работы в конце сороковых и в пятидесятых годах были направлены

по неправильным путям. Мы отмечали, что центр поисковых работ от материкового побережья постепенно передвигался в совершенно ложном направлении все дальше на север, и постарались дать объяснение этому явлению, повлекшему за собой гибель тех, кого искали. Постоянно имея в виду дезориентированность и ошибочную направленность всех спасательных партий, рассмотрим в хронологическом порядке результаты их поисковой деятельности.

1848 год был, как известно, годом, в котором беспокойство относительно судьбы экипажей «Эребуса» и «Террора» стало настолько сильно, что адмиралтейство увидело себя вынужденным снарядить специальную поисковую экспедицию. Мы знаем, какую роль сыграл в этом деле старый Джон Росс, энергично добивавшийся своей цели, несмотря на все возражения со стороны адмиралтейских чиновников.

Открытие Рэ, так блестяще подтвержденное Мак-Клинтоком, показало, что прав был Джон Росс, утверждавший возможность уклонения от точных требований адмиралтейской инструкции со стороны Франклина, к которому он мог оказаться вынужденным силою обстоятельств. Адмиралтейство, как известно, игнорировало в своей инструкции возможность прямого соединения северной «линии Парри» с южной «линией Франклина», тогда как именно этот путь мог оказаться на деле легче всего осуществимым. Оставшись глухим на увещевания старого Росса, адмиралтейство смотрело на события по-своему и вырабатывало свой собственный, оказавшийся впоследствии мало удачным, план действий.

Мы знаем также, что участник экспедиции Бака в 1833 году к устью Большой рыбной реки, доктор Кинг, представил адмиралтейству свой проект посылки спасательной экспедиции в это же место, но даже не был удостоен ответа. Сэр Джеймс Росс высказал по этому поводу твердое мнение, что команда «Эребуса» и «Террора» ни при каких обстоятельствах не направится к Большой рыбной реке. Это авторитетное мнение можно сказать, определило судьбу Франклина и его спутников. Весьма вероятно также, что отрицательное отношение адмиралтейства к проекту Кинга было частично обусловлено антипатией старого Барроу к шлюпочным экспедициям. Один только Бичи решился защищать Кинга, считая полезной посылку бота вниз по этой реке.

Роковая ошибка Джеймса Росса и его сторонников! Ведь Кинг с абсолютной точностью угадал то место, где совершилась страшная участь экипажа кораблей Франклиновой экс-

педиции. В то самое время, когда в Англии Кинг поднял свой голос, на побережье Земли короля Уильяма уже развертывалось первое действие трагедии. Если бы в 1848 году предложенная Кингом экспедиция вышла навстречу медленно таившимся с севера усталым и голодным людям с «Эребуса» и «Террора» во главе с Крозье и Фицджером, то многих из них наверное удалось бы еще спасти.

К несчастью, адмиралтейство, предубежденное против такой экспедиции, отказалось от ее посылки. Вместе с тем оно согласилось на организацию большой тройственной экспедиции Джемса Росса — Ричардсона — Мура, одна из партий которой должна была пройти по берегу от устья реки Мэкензи до устья реки Меднорудной. Как мы знаем, Ричардсон выполнил взятое на себя задание, полностью повторив свой переход 1826 года.

Если бы Ричардсон не был ограничен в своем плавании инструкцией, официально требовавшей от него окончания работ после прибытия в устье Меднорудной реки, то он продолжал бы свой поход до устья Большой рыбной реки, и, по всей вероятности, выручил бы еще кое-кого из несчастных, искавших здесь спасения. В то время адмиралтейство было еще готово допустить, что в случае неудачи Франклин попытается добраться и, возможно, действительно достигнет материкового побережья, но категорически отвергало возможность этого в восточной половине его. Область устья реки Мэкензи — вот место, где следовало встретиться членам тройственной экспедиции, место, куда, по мнению адмиралтейства, выйдут участники экспедиции Франклина в случае аварии кораблей или их оставления.

Необходимо напомнить, что отправке отряда Ричардсона и всей тройственной экспедиции в целом, предшествовало возвращение доктора Рэ из его первой топографической экспедиции в район полуострова Бутии. Рэ ничего не слышал от местных эскимосов о плавании больших судов или о путешествующих пешком белых людях.

Это сообщение, как известно, усилило беспокойство о судьбе Франклиновой экспедиции, пробудившееся в широких английских кругах, и послужило серьезным толчком к скорейшей посылке тройственной экспедиции. Между тем летом 1847 года Рэ находился в удивительной близости от места, где стояли плененные льдом корабли Франклина и где совершал свое путешествие лейтенант Гори с «Эребуса».

Рэ ничего не услышал о своих близких соседях потому, что, — как показал Мак-Клинтон, — эскимосы, посещающие в летнее время Землю короля Уильяма, уходят оттуда с окончанием сезона. Расспрашивая эскимосов, между прочим, о людях и кораблях, которые могли бы оказаться принадлежащими большой экспедиции, выступавшей в поход за год до него, Рэ получал от них, естественно, отрицательные ответы.

Ознакомившись с отчетом Рэ о его походе 1846—1847 годов, адмиралтейство недооценило этого важного обстоятельства и увидело в этом сообщении доказательство непосещения Франклином окрестностей Бутии и устья реки Большой рыбной. Этот неправильный вывод из сообщенных доктором Рэ сведений послужил одним из оснований для предложения доктору Ричардсону не продвигаться в 1848 году восточнее устья Меднорудной реки.

Поход Джемса Росса в пролив Ланкастера кончился, как мы знаем, полной неудачей, навлекшей на начальника экспедиции недовольство морской администрации и нелестные отзывы в печати.

Мур и Келлет, отправившиеся в полярное море со стороны Берингова пролива, как известно, не проникли далеко за пределы района, прилегающего к этому проливу. Никаких следов экспедиции Франклина они не обнаружили.

Таким образом все, чего достигла тройственная экспедиция 1848—1849 годов, состояла в констатировании полного отсутствия следов пропавшей экспедиции.

Неудача экспедиций 1848—1849 годов побудила адмиралтейство спешно организовать новую экспедицию еще большего масштаба.

Работы этого, колоссального по размаху, предприятия, построенного по типу предыдущего и потому тоже заслуживающего названия тройственной экспедиции, довольно подробно описаны нами, и нам хорошо известно главное достижение ее: открытие следов первой зимовки экспедиции Франклина на острове Бичи.

В этом открытии, кроме кораблей Остина, начальника восточного отряда тройственной экспедиции, принимали участие суда Джона Росса, капитана Пенни, американской экспедиции Де-Хавена и коммодора Форсайта.

Задача Форсайта состояла в том, чтобы, достигнув полуострова Бутии, обследовать этот район. Возможно, что Форсайт открыл бы следы экспедиции Франклина и даже живых

участников ее, если бы выполнил возложенную на него задачу, но тяжелые льды в проливе Принца Регента помешали этому, и Бутия осталась непосещенной.

Остин и его помощники, Пенни и Джон Росс, остались зимовать в районе острова Бичи, занимаясь обследованием соседних проливов и островов. Форсайт вернулся в том же году в Англию сообщить всему миру весть о совершенной находке, а Де-Хавен застрял на пути домой во льдах. Он возобновил следующей весной попытку проникнуть к проливу Веллингтона, но, потерпев неудачу, вернулся в Соединенные Штаты. Впрочем, поиски Франклина не представляли в этой экспедиции главной задачи.

Джон Росс мало проявил себя и во время зимовки и весной 1851 года, больше следуя по пятам Пенни. Наиболее интересны и важны для дальнейшего развития поисковых работ действия Пенни и соратников Остина.

Наличие следов санных поездов и остатков лагерей экспедиции Франклина на берегу Веллингтонова канала заставляло предполагать, что Франклин избрал именно этот пролив в качестве пути, следуя которым он намеревался достигнуть своей главной цели. Казалось естественным, что, убедившись в невозможности проникнуть к острову Мельвиля и дальше, в юго-западном направлении, к Берингову проливу, Франклин избрал второй, предусмотренный в адмиралтейской инструкции, путь через Веллингтонов канал и предполагавшееся к северу от него свободное от льда Полярное море. И надо признать, что те, кто так думал, ошибались не слишком сильно. Франклин действительно поднимался вверх по каналу, но, достигнув места, где он отклоняется к западу, встретил повидимому тяжелые льды и повернул обратно, проследовав на юг до пролива Барроу по узкому проливу, омывающему остров Корнуэльс с запада. Трудно сказать сейчас, рассчитывал ли Франклин серьезно на успех, распорядившись взять курс на север через канал Веллингтона, но представляется вполне вероятным, что эта попытка была сделана с другими целями. Смело можно допустить, что, не слишком веря в успешность этой попытки, Франклин хотел прежде всего сам окончательно убедиться в неправильности этого взгляда, одновременно доказать его несостоятельность ярким его сторонникам, среди которых главным был горячий Фицджермс, и вместе с тем строго выполнить все указания официальной инструкции, чтобы избавить себя от упреков в будущем.

Возможность возвращения Франклина по тому же, или смежному, пути несомненно учитывалась членами спасательных экспедиций, но в степени очень недостаточной: большинство считало, что если Франклин ушел по каналу Веллингтона на север, то искать его следует только там.

Участник экспедиции Пенни, Сюзерленд, так описывает положение, создавшееся в результате открытия на острове Бичи следов первой зимовки и полного отсутствия документов, по которым можно было бы проследить дальнейшие намерения Франклина: «Достоинства различных путей сильно дискуссировались, и каждый из них находил своих сторонников. В нашей экспедиции были люди, которые допускали только одну возможность: пропавшие корабли ушли по каналу Веллингтона».

Другие допускали, что они могли избрать дорогу к мысу Уокер. Третья же группа никак не могла окончательно решить, по какому из двух путей они двинулись. «Те, что стояли за канал, — продолжает Сюзерленд, — сначала были в меньшинстве. Но они умели так хорошо обосновать свое мнение, что число их сторонников стало возрастать, и в очень короткий срок общий голос был уже за канал Веллингтона. Это было очень кстати, потому что между капитаном Остином и Пенни было достигнуто соглашение, по которому Веллингтонов канал поступал в ведение нашей экспедиции. Экспедиция на островах Гриффита (то есть экспедиция Остина. — *Ред.*) взяла на себя поездки на мыс Уокер, к Земле Бэнкса, к острову Мельвиля и южному побережью группы островов Парри. Пропавшие корабли могли избрать любой из этих путей, но нашим главным намерением было привить среди матросов мысль, что корабли Франклина избрали именно тот путь, по которому направимся мы».

Как известно, энергичные поиски Пенни в течение всей весны и следующего лета нисколько не содействовали разгадке тайны, окутавшей дальнейшую судьбу пропавшей экспедиции.

Конфликт с Остином вынудил Пенни прекратить поисковые работы и спешно вернуться в Англию.

Тем временем санные партии Остиновской экспедиции совершали свои знаменитые путешествия. Грандиозный переход Мак-Клинтока от места зимней стоянки судна к острову Мельвиля и обратно был совершенно безрезультатен в отношении нахождения следов пропавшей экспедиции. Он находился совсем близко от Земли Бэнкса — области, предусмот-

ренной инструкцией в качестве места встречи западного, восточного и южного отрядов большой экспедиции 1850 года. Однако ни Мак-Клинтон, ни кто-либо другой не посетили этой земли, и, таким образом, предполагавшаяся здесь встреча отрядов не состоялась.

Столь же неудачливыми в смысле обнаруживания следов Франклина оказались и начальники остальных двух партий: Альдрих и Оммени. Однако, хотя поездки Альдриха и Оммени не дали желанного результата, они заслуживают особого внимания, так как район их исследований был избран правильно.

Так, Альдрих действительно пересек путь кораблей Франклина, возвращавшихся из канала Веллингтона и направившихся в пролив Пиля. Рассуждение лейтенанта о возможности такого возвращения целиком соответствовало, таким образом, действительному ходу событий, и избрание им острова Бэзерст в качестве объекта обследования было по существу правильно. Ничего удивительного, впрочем, что он не нашел на своем пути никаких следов пропавшей экспедиции, так как корабли Франклина прошли этот район несомненно без лишних остановок и задержек.

Санное путешествие Оммени сыграло неожиданно очень большую, но к сожалению отрицательную роль в истории поисков Франклина. Известно, что один из подотрядов партии Оммени проник довольно глубоко по проливу Пиля. Следов Франклина нигде замечено не было, а нагромождение многолетних льдов в проливе было так значительно, вид его так внушителен, что вернувшиеся из санного похода путешественники категорически заявили, что нечего и думать, чтобы корабли Франклина могли пройти по этому проливу на юг. Между тем именно по этому пути проник Франклин из пролива Бэрроу в воды, омывающие овечьи ужасом разыгравшейся здесь двумя годами позднее трагедии, — суровые берега Земли короля Уильяма.

Мнение о несудоходности пролива Пиля, высказанное Броуном и Оммени, отвернуло прочь от этого места взгляды мореплавателей, искавших на карте возможный маршрут Франклина и намечавших на ней пути следования для новых поисковых кораблей. Мнение это, высказанное на основании недостаточных, хотя на первый взгляд и убедительных наблюдений, несправедливо заклеяло пролив Пиля, и последующие экспедиции считали уже излишним пытаться проникнуть через него в южные воды.

Впрочем, в экспедиции Остина никто серьезно не предполагал, что «Эребус» и «Террор» действительно направились из пролива Барроу прямо на юг, всем почему-то казалось вероятнее, что ими было избрано западное или северное направление. Популярность этого мнения, исходившего по существу от английского адмиралтейства, оказала самое пагубное влияние на дальнейший ход поисковых работ, направляя их по неправильному руслу.

Совершая ошибку за ошибкой, адмиралтейство оставалось последовательным, постепенно отодвигая все дальше к северу место поисков Франклина. Под влиянием Пенни оно было полностью перенесено в пролив Веллингтона, а выполнение этой задачи было в 1852 году возложено на капитана Бельчера.

К оценке результатов этой экспедиции мы еще вернемся, а пока что посмотрим, чего добились остальные отряды тройственной экспедиции 1850 года.

Южная партия этой экспедиции была представлена отрядом Пеллена, перешедшим к ней в наследство от первой тройственной экспедиции 1848—1849 годов. Как известно, ему было поручено перейти пролив, отделявший от материка остров Виктории, и через этот остров направиться в сторону Земли Бэнкса, где предполагалась встреча трех отрядов.

До Пеллена пытался перебраться через этот пролив доктор Рэ, участвовавший во втором походе Ричардсона к устью реки Меднорудной. Ни Рэ, ни Пеллену перейти пролив не удалось, несмотря на все приложенные к этому старания.

Теперь, когда точно известно место гибели Франклиновой экспедиции, легко упрекать Рэ и Пеллена в том, что они зря тратили свои силы на форсирование какого-то ненужного пролива. Но, во-первых, оба они действовали в соответствии с полученными указаниями, и, во-вторых, их образ действий был правилен в существе своем, так как Рэ и Пеллен старались идти навстречу Франклину, а не пытались догнать его, как Остин и Пенни. Если бы они совершили с лучшим успехом ту же попытку восточнее, в районе устья Большой рыбной реки, то несомненно нашли бы следы, а может быть даже еще живых людей экспедиции Франклина.

В 1851 году не пожелавший смириться Рэ поставил себе задачей во что бы то ни стало добиться удачи в этом деле и обследовать Землю Виктории. В конце концов это ему действительно удалось: он перебрался на ту сторону пролива и совершил несколько больших переходов по Земле Виктории.

Эскимосы, встреченные им здесь, никогда ничего не слышали о белых людях и не видели их кораблей. Отсюда Рэ мог сделать вывод, что Франклин и его люди в этих краях не бывали.

Эта поездка Рэ осталась бы совсем безрезультатной в отношении поисков пропавшей экспедиции, если бы не случайная находка флагштока с прикрепленным к нему куском белой снасти. Мы знаем, что Рэ готов был признать принадлежность флагштока одному из кораблей Франклина, но при этом объяснял факт находки его заносом с помощью течения из пролива Барроу. Рэ недооценил значения своего трофея и не предполагал, как близко он находился в то время от места гибели экипажа Франклиновских кораблей. Таким образом случилось, что первое вещественное доказательство прибытия этих кораблей в воды, омывающие материк, было оставлено без должного внимания, в результате чего находка это не оказала никакого влияния на развитие дальнейших поисковых работ.

Походы Мак-Клюра и Коллинсона приобрели особо широкую известность и описаны нами достаточно подробно. Они должны были составлять западный отряд тройственной экспедиции 1850 года, но плавание «Предприятия» и «Исследователя» настолько затянулись, что члены их экипажей вернулись на родину только в 1854 и 1855 годах.

Мак-Клюр, а вслед за ним Коллинсон, рассчитывал встретиться с прочими отрядами в районе Земли Бэнкса и надеялся здесь же, или даже на пути к этому острову, повстречать самого Франклина. Хорошо известно, что ни то, ни другое ему не удалось. Достигнув Земли Бэнкса, Мак-Клюр прошел вдоль ее западных и восточных берегов, открыв при этом морской путь в известный со времен Парри широкий Мельвилев пролив. Совершив свое знаменательное открытие, Мак-Клюр действовал наперекор полученной инструкции; он избрал прямое направление к острову Мельвиля и застрял в непроходимых льдах. Следов Франклиновой экспедиции он нигде не нашел.

Коллинсон намеревался пройти тем же путем, но это ему не удалось. Под давлением необходимости он повернул на юг в пролив Дольфин и Юнион и по нему направился в восток. Этот поход был, таким образом, чисто вынужденным. Ни Коллинсон, ни Мак-Клюр не рассчитывали обнаружить следов пропавшей экспедиции в районе материкового побережья. Они приложили все старания, чтобы пробиться

к проливу Мельвиля, надеясь найти их где-нибудь вдоль его побережья. Мак-Клюру эта попытка удалась, а Коллинсону — нет, но ни тот, ни другой в районе Земли Бэнкса не нашли желанных следов.

Продвигаясь все дальше на восток вдоль южного берега острова Виктории, Коллинсон вскоре вынужден был остановиться на зимовку. Бухта, где он расположился лагерем, находилась на недалеком расстоянии от крайнего восточного мыса острова Виктории, за которым имеется пролив того же имени, на востоке ограниченный Землей короля Уильяма. Таким образом Коллинсон, сам того не зная, оказался в районе места гибели Франклина. Нет сомнения, что если бы не роковая нехватка угля, он достиг бы Земли короля Уильяма и открыл бы здесь трупы погибших, так как трудно предполагать, чтобы кто-либо из несчастных мог дожить до 1853 года. Все же почти несомненно, что выяснение участи Франклиновой экспедиции могло быть в 1853 году произведено с большей полнотой, чем в 1859 году, когда сюда прибыл Мак-Клинтон.

Коллинсон зимовал в бухте Кэмбридж на южном берегу Виктории и встречался здесь с эскимосами, у которых выменял ряд относящихся к пропавшей экспедиции предметов, но, подобно Рэ, не сделал единственно правильного вывода о несомненной близости места катастрофы от места находок.

Санная партия, отправленная Коллинсоном на восток, достигла одного из островков, расположенных недалеко от берега острова Виктории, и, встретив в проливе исключительно торосистый лед, повернула обратно. Если бы эта партия перебралась через льды пролива в восточно-юго-восточном направлении, она попала бы прямо на Землю короля Уильяма. На обратном пути этот отряд нашел кусок дверной рамы, принадлежавший, как выяснилось впоследствии, «Террору». К несчастью, и эта находка не была Коллинсоном оценена по достоинству, и он вернулся в Англию в убеждении, что несчастье, очевидно постигшее Франклина, случилось несомненно где-то очень далеко от посещенных им мест.

Летом 1851 года, то есть в период, когда еще не было известно о безрезультатных поисках Рэ, а об экспедиции Коллинсона вообще не было никаких сведений, стараниями лэди Франклин была снаряжена экспедиция для обследования района Бутии Феликс. Кеннеди и Белло открыли, как известно, существование узкого пролива, соединяющего про-

ливы Принца Регента и Пиля. Введенный в обман миражем, Кеннеди считал пролив Пиля закрытым в южной стороне и потому изменил своему первоначальному намерению обследовать западное побережье Бутии и достигнуть Магнитного полюса, открытого здесь Россом.

Эта несчастная ошибка оказалась роковой, потому что убежденный в непроходимости пролива Пиля, замкнутого с юга, как ему казалось, высокими горами, он отказался от своего первоначального намерения изучить Бутию и занялся вместо этого обследованием Земли принца Уэльского. Таким образом Земля короля Уильяма оказалась снова в стороне от исследования, а сам Кеннеди превратился в твердого сторонника взгляда, что Франклина следует искать в более высоких широтах.

Результатом неудачной деятельности всех этих экспедиций явилось то, что в конце концов не только в адмиралтействе, но и в самых широких кругах утвердилось убеждение, что местопребывание Франклина или место его гибели действительно должно быть расположено гораздо дальше от материка Америки, чем предполагалось первоначально. В пользу этого, — оказавшегося ложным — мнения больше всего говорило то, что почти вся южная область была уже обследована, и никаких существенных признаков экспедиции не было здесь найдено. Необследованной оставалась только часть побережья полуострова Бутии и Земля короля Уильяма. Однако высказывавшееся сомнение относительно того, что Франклин находился именно в этой точке, представляется вполне естественным, тем более, что все, кто близко подходил к ней, категорически отрицали вероятность его пребывания здесь.

Поэтому большая экспедиция Бельчера получила, как было указано выше, задание искать пропавших только в районе канала Веллингтона и в области к северу от него.

Вернувшись из своего неудачного похода, Бельчер стал считать себя знатоком по вопросам арктического мореплавания и охотно высказывал свои взгляды на существующее в вопросе о судьбе Франклина положение вещей. Он провел две нелегких зимы в окружении тяжелых льдов в северной части канала Веллингтона и вынес отсюда убеждение, что, во-первых, свободного от льда Полярного моря не существует, и во-вторых, что Франклин не пытался пробиваться сквозь непроходимые ледяные массы и, если вообще заходил

сюда, то вернее всего скоро повернул обратно. В этом отношении Бельчер, как известно, оказался прав.

Отрицая вероятность проникновения Франклина вглубь Ледовитого моря в северном направлении, Бельчер не мог также допустить, чтобы он находился где-либо вблизи от почти целиком обследованного материкового побережья. Не находя, таким образом, решения вопроса на севере и юге, Бельчер поступил проще всего: он высказал свое компетентное мнение в пользу самого пролива Ланкастера. Не смущаясь отсутствием здесь признаков гибели Франклиновских кораблей, он объявил его местом катастрофы.

Необходимо отметить, что хотя в то время большинство склонялось к мысли, что «Эребусу» и «Террору» удалось найти проход в свободное от льда Полярное море, но было не мало людей, готовых искать следы экспедиции гораздо ближе, где-нибудь у границ Гренландии или даже Ньюфаундленда. В печати все еще продолжали появляться неожиданные заметки о будто бы виденных здесь китоловами покинутых кораблях, и каждое такое известие оживляло еле теплившийся огонек надежды на спасение пропавших. На это рассчитывал Элиза Кейн, отправившийся в 1853 году искать Франклина в Смитовом проливе. Однако, мы знаем, как он был удивлен, когда два года спустя, получил известие, что следы Франклина найдены в совсем другой части американской Арктики. Надеждой найти Франклина у гренландских берегов руководился также Инглфильд во время своей первой арктической поездки в 1852 году.

Следует помнить, что первые точные сведения о месте гибели экспедиции Франклина были получены чисто случайно. Отправившийся завершить съемку неизвестной части Бутии доктор Рэ никак не надеялся найти следы пропавшей экспедиции в районе своей будущей работы.

Обвинение в легкомысленном доверии к словам эскимосов, предъявленное Рэ в адмиралтействе, свидетельствует прежде всего о смятении умов, вызванном полученным известием. Многоопытные полярники, заседавшие в адмиралтействе, не могли допустить, чтобы единственная, по их вине неосмотренная точка у материкового побережья совпала с действительным местом катастрофы.

Адмиралтейство предпочитало сомневаться в достоверности отчета доктора Рэ и занялось мелочным анализом его текста, одновременно отказав в содействии для выяснения дела на месте.

Факт недоверия к совсем недвусмысленному отчету Рэ показывает также, насколько глубоко коренилось в то время убеждение, что несчастье с экспедицией Франклина произошло где-нибудь в значительно более высоких широтах.

Андерсон и Стюарт подтвердили правдивость переданных доктором Рэ рассказов эскимосов, а Мак-Клинток вместе с Хобсоном нашли трупы людей и документы. Нами достаточно подробно описаны похождения этих смелых исследователей и достигнутые ими успехи. Поэтому мы не будем останавливаться на анализе их достижений, и, заканчивая обзор деятельности экспедиций с 1848 по 1859 год, перейдем к рассмотрению того, чего все эти вместе взятые экспедиции сделать не успели, или не сумели.

Ведь на первый взгляд могло бы показаться, что последняя экспедиция, как бы завершившая труды всех предыдущих, добилась настолько значительного, хотя и печального успеха, что нет необходимости в посылке новых поисковых, и тем более спасательных, партий. Это далеко не так, как будет видно из дальнейшего.

Действительно, далеко не все те, кто с таким нетерпением ожидал определенных сведений о судьбе участников экспедиции Франклина, были целиком удовлетворены данными, доставленными Мак-Клинтоком. Многие считали, что ему удалось, правда, раскрыть в общих чертах тайну долголетнего отсутствия экспедиции и ее точного местонахождения, а также установить факт гибели большей части членов ее, но тем настойчивее требовали окончательного выяснения и розысков тех немногих, кто, по их мнению, мог остаться в живых до сих пор. Следует указать, что не желавших удовлетвориться сведениями, привезенными Мак-Клинтоком, было меньшинство — большая часть родственников пропавших без вести и людей, просто болевших за их судьбу, смирилась и считала, что находка Мак-Клинтока пролила достаточно яркий свет на историю пропавшей экспедиции.

Итак, голоса людей, требовавших отправки новых поисковых экспедиций, продолжали тревожить широкие круги и находили живой отклик среди населения Англии, возмущавшегося бездейтельностью своего правительства, давно отказавшего в помощи своей собственной экспедиции в страхе перед новыми расходами и передавшего инициативу продолжения поисков ее в частные руки. Но на этот раз ни английское правительство, ни частные лица не оказали поддержки этому делу, и по всей вероятности мир до

сих пор не узнал бы ничего нового относительно судьбы Франклина, если бы в Америке не нашлись люди, взявшиеся за поиски с новой энергией.

В печати того времени полярниками был поднят вопрос о том, могут ли европейцы, попавшие в суровые условия Арктики, прожить здесь неопределенно долгое время, приспособившись ко всем особенностям арктического климата и к питанию продуктами исключительно местного происхождения. Разгорелся спор, в котором, с одной стороны, принимали участие сторонники взгляда, что европеец может без особого труда усвоить образ жизни эскимоса, а следовательно и спокойно жить в одинаковых с ним условиях. Но большинство считало, что европеец, как бы он ни старался подражать эскимосу, никогда не сумеет не только обеспечить себя путем охоты и рыбной ловли необходимым продовольствием, не научиться строить снеговых хижин и не привыкнет ко всем мелочам эскимосского быта, но прежде всего, в силу своей меньшей закаленности по отношению к холоду, не сможет долго вынести почти постоянные морозы.

Кто смотрел на дело именно так, кто считал, подобно Мак-Клинтоку, что научиться хорошо управлять каким можно только обучаясь этому искусству с малолетства, тот отрицал возможность сохранения жизни хотя бы всего лишь нескольких членов экипажа «Эребуса» и «Террора» в течение почти десятка лет, и потому не надеялся на возможность их спасения. Но многим казалось, что физически крепкий человек, родившийся не под арктическим небом, может сильным напряжением воли выработать и достаточную опорную силу организма, и умение жить в арктических условиях, из чего они и делали вывод, что кто-нибудь из пропавших без вести мог попасть к эскимосам, которые дали ему приют у себя. Если бы действительно оказалось, что хотя бы один человек из экспедиции остался таким образом в живых, то встреча с ним дала бы возможность лучше находки любого документа узнать о всех сделанных экспедицией достижениях и об участии, постигшей всех прочих членов ее.

Этот взгляд, против которого ополчилось большинство полярных исследователей, имел однако своих приверженцев, особенно многочисленных в Америке. В те времена было очень трудно доказать возможность продолжительного существования европейцев в арктической пустыне. В те времена еще не было огромного положительного опыта полярных зи-

мовщиков и отдельных крупных исследователей, как Амундсен, Нансен, Расмуссен, Вильялмур Стефанссон и многие другие. Последний из названных пытается в настоящее время доказать, что Арктика почти всегда и везде может обеспечить опытного в путешествиях человека всем необходимым. Утверждая это, называя Арктику гостеприимной в противоположность к установившемуся мнению об ее неприветливом и суровом характере, Стефанссон, конечно, несколько переоценивает ее естественные ресурсы, но нет сомнения, что всякий европеец, усвоивший стефанссоновский образ жизни в Арктике, проживет здесь не хуже любого эскимоса.

Другое важное обстоятельство, на которое обратили свое внимание сторонники возобновления поисков, состояло в том, что Хобсон и Мак-Клинтон обнаружили очень небольшое количество трупов и могил. Они задавали естественный вопрос — куда же девались остальные? Им хотелось думать, что часть людей могла повстречать эскимосов и уйти с ними. То, что Мак-Клинтон нашел так мало человеческих останков, объясняется в первую очередь тем, что в период посещения им этих мест повсюду лежал глубокий снег, скрывавший под собой все неровности почвы.

Сам Мак-Клинтон разъясняет это обстоятельство следующим образом: «Я считаю также нужным восполнить допущенный мною в моем дневнике пробел, на который мне указали мои друзья. Я не объяснил, почему нами было найдено так мало костей наших погибших соотечественников. Это объясняется просто. Подобно тем, которые разыскивали впоследствии их следы (то есть сам Мак-Клинтон и Хобсон. — *Ред.*), они вынуждены были тащить свои лодки и нагруженные сани по льду, покрывавшему поверхность моря, так как по нему было гораздо легче продвигаться, чем по земле. Часто поверхность земли представляется непроходимой даже для легких саней, тогда как по морю можно продвигаться в прямом направлении, не отклоняясь в сторону. Я могу сослаться при этом на свой собственный опыт: из шести тысяч миль, которые нам пришлось проделать санным путем в поисках экспедиции Франклина, мы прошли по суше не более трехсот миль — да и эта цифра представляется значительной по сравнению с пространством, пройденным по суше участниками других экспедиций.

«Вряд ли нужно добавитъ к этому, что останки тех, чья смерть застигла на льду, нашли вечный покой на дне моря, когда наступила оттепель лета 1848 года».

Нельзя не согласиться с доводами, приводимыми Мак-Клинтоком, но нельзя было также категорически утверждать, что все участники экспедиции, не считая нескольких найденных на берегу, погибли на морском льду. Наличие на Земле короля Уильяма нескольких могил и лодки с трупами указывало само по себе на вероятность нахождения там новых остатков экспедиции. На обнаружение их могла рассчитывать только экспедиция, отправленная в летнее время, когда Земля короля Уильяма совсем освобождается от снега.

Было уже указано, что Мак-Клинток отрицал возможность найти живых участников экспедиции; между прочим, он основывал это мнение на результатах расспросов местных эскимосов. «На всем острове Короля Уильяма, а также в устье реки Бака, мы встретили всего восемь или девять семейств эскимосов, — пишет Мак-Клинток. — И если бы они действительно помогли нашим голодающим соотечественникам, они, конечно, сообщили бы нам об этом». Хорошо известно, что Мак-Клинток тщательно опросил всех встреченных им эскимосов, но могло быть, что именно эти эскимосы были осведомлены хуже других. Исходя из этого, сторонники возобновления поисков считали полезным произвести специальный опрос эскимосов, который, несомненно, дал бы много ценного в деле выяснения участи отдельных членов экспедиции и всего их коллектива в целом.

Мак-Клинток привез, как известно, ценнейший документ, дающий некоторое представление о большом периоде деятельности экспедиции Франклина. Этот единственный документ был, однако, слишком лаконичен, чтобы по нему прочесть всю историю экспедиции. Вместе с тем казалось почти невероятным, чтобы этот маленький листок был единственным письменным свидетельством, оставленным экипажем «Эребуса» и «Террора». Многие высказывали свое твердое убеждение, что этот документ — лишь один из многих, положенных экспедицией в основания каменных гурьев. Действительно, против логичности такого суждения ничего нельзя было возразить.

Некоторые историографы считают, что, судя по допущенной в обнаруженном документе ошибке — неправильная дата, — сами составители не придавали ему слишком большого значения. Трудно сказать, насколько это правильно, но данное обстоятельство могло служить косвенным доказательством того, что, кроме этого документа, должны были быть еще и другие. Вывод из всех соображений этого рода

был прост: необходимо продолжать поиски во что бы то ни стало.

Многих очень удивляло, что кроме этого документа Мак-Клинтоку и Хобсону не удалось найти никаких письменных свидетельств, если не считать одной личной записной книжки, не поддавшейся, как известно, расшифровке. Считали, что судовые журналы или их копии должны быть непременно запрятаны в каком-нибудь надежном месте, до сих пор не обнаруженном. На это Мак-Клинток возражал, правда, что «при таких обстоятельствах понятно, что все, представлявшее лишнюю тяжесть, как, например, судовые журналы и дневники, было брошено уже в самом начале пути». Он напоминал, что Мак-Клюр тоже не пытался спасти судовые журналы, оставив их на борту «Исследователя», покинутого в бухте Милосердия. Однако, во-первых, такие документы, как судовые журналы, все же, как правило, хранятся в экспедициях всегда чрезвычайно старательно, а, во-вторых, трудно утверждать, что именно журналы были оставлены Крозье на кораблях, брошенных на произвол судьбы, тогда как с собой он захватил не мало действительно ненужных тяжеловесных вещей, начиная со столового серебра.

Таким образом, включение в план будущих работ поисков письменных документов, наряду с тщательными расспросами местного населения относительно судьбы несчастной экспедиции, было логически совершенно оправдано.

ХІІІ. НАСТОЙЧИВОСТЬ ОПТИМИСТА

Экспедиции 1860 — 1869 годов — Холл

Чарльз Фрэнсис Холл был американцем. Он родился в Нью-Хэмпшире в семье кузнеца. Упорным трудом добился он признания своих способностей и в тридцать лет был уже издателем крупной газеты в Цинциннати. Человек живого и энергичного нрава, он горячо заинтересовался сообщением Мак-Клинтока об обнаружении им останков трагически погибших путешественников.

Холл был самым ярким и убежденным противником взгляда, что никто из участников экспедиции Франклина не мог остаться в живых. Приводя доводы, частью изложенные выше, он, пользуясь своим положением издателя, пропагандировал в печати необходимость срочной организации новых поисковых работ. Не ограничиваясь газетными статьями, он решил действовать еще энергичнее и прямее и для этого вступил в контакт с известными полярниками того времени. Вскоре широкая публика узнала, что журналист Холл собирается создать новую экспедицию и сам стать во главе ее.

Всему миру было известно, что английское правительство и британские морские власти наотрез отказались от какого бы то ни было содействия всяким предприятиям этого рода. Отмечая этот факт, Холл заявляет, что место англичан отныне займут предприимчивые американцы. Относительно себя он говорит, что им в течение последних лет тщательно собирались и изучались все материалы о походе Франклина и всех поисковых операциях. Основываясь на своих аргументах, Холл требует продолжения этих работ и говорит: «Мне казалось, что я, если так можно выразиться, призван приняться за это дело». Холл огорчен равнодушием, проявленным по отношению к членам пропавшей экспедиции и

Чарльз Фрэнсис Холл
(род. в 1821 г., ум. в 1871 г.)

возмущенно восклицает: «Почему же до сих пор не добились выяснения их судьбы? Почему же не повторять попыток еще и еще, до тех пор, пока все факты не выяснятся окончательно?»

Холл хотя и признает, что Мак-Клинток во время своего путешествия достиг многого, но настаивает на том, что факты, оставшиеся неясными, еще могут быть разгаданы. Он обращает внимание на то, что корабль Мак-Клинтока «Фокс» застрял во льдах и оставался там в течение целого года, и таким образом санные отряды Мак-Клинтока оказались связанными со своей базой, расположенной где-то на далеком расстоянии. По мнению Холла более эффективной была бы экспедиция, избравшая другой способ передвижения, не связанная с кораблем.

Наконец, Холлу не кажутся убедительными рассказы Мак-Клинтока и Рэ, не говоря уже об Андерсоне и Стюарте, основанные на расспросах местных жителей-эскимосов. Он считает, что из-за плохого знания языка многое из сказанного эскимосами могло быть истолковано неправильно или совсем не понято. Лучшим переводчиком располагал Мак-Клинток — это был гренландский датчанин Петерсен, исполнявший те же обязанности в экспедициях 1853—1855 годов доктора Кейна и в 1850—1851 годы — капитана Пенни. По мнению Холла и самих эскимосов, Петерсен все же был плохим знатоком эскимосского языка, во всяком случае с жителями Бутии он объяснялся с трудом, и, как говорит Холл, польза от него Мак-Клинтоку была невелика. Поэтому Холл считает, что получить от эскимосов действительно верные сведения могут только или местные жители или сам путешественник, овладевший языком в совершенстве.

Противники Холла, и среди них первый Мак-Клинток, утверждали, что страна, в которой произошла трагическая смерть спутников Франклина, настолько бедна всякой дичью, что, будучи предоставлены самим себе, люди должны были погибнуть очень скоро. На это Холл возражает, что следует считаться с огромной опытностью Франклина, который, конечно, не упустил своевременно запастись достаточным количеством свеженины. В тщательно изученных Холлом списках провизии, бывшей на «Эребусе» и «Терроре», он нашел очень много неконсервированных продуктов. Конечно, продуктов не могло хватить для пропитания всех членов экспедиции, но, питаясь ими, небольшая часть людей могла бы просуществовать долгое время.

Если собрать вместе все вышеприведенные доводы, то нельзя не согласиться, что отправка новой поисковой экспедиции могла рассчитывать на успех, и Холл прав, жалуясь, что «поиски закончились тогда, когда должны были только начаться».

Непосредственная работа Холла по подготовке экспедиции началась с опубликованного им воззвания к гражданам города Цинциннати. В воззвании говорилось, что предполагаемая американская экспедиция ставит себе задачей: 1) продолжать поиски оставшихся в живых участников экспедиции, 2) окончательно выяснить историю ее и 3) произвести ряд работ «по географии, навигации, естественной истории и другим наукам». Намечавшийся путь похода, рассчитанного на 2—3 года, пролегал через Дэвисов пролив, Баффинов залив, пролив Ланкастера и пролив Барроу. Дальше экспедиция должна была пройти к северной оконечности Бутии и отсюда начать свои поиски. Предполагалось охватить Землю короля Уильяма и все примыкающие к ней районы. В отношении организации поисковых работ Холл намечал ряд новых приемов, но что касается маршрута экспедиции, то, как видно из только что приведенного, он ничем не отличался от Мак-Клинтоковского.

В результате призыва Холла к своим согражданам ему удалось собрать ничтожную сумму в 980 долларов, причем треть этих денег дал купец Гриннель. Несмотря на то, что кроме указанной суммы Холлу удалось получить безвозмездно кое-какое оборудование, снаряжение его экспедиции приходится признать более чем скромным. Сам Холл указывает на большие трудности, которые ему пришлось преодолеть при организации и подготовке экспедиции. Нет сомнения, что трудности эти были главным образом материального порядка.

Если вспомнить, каких огромных денег стоили английские спасательные экспедиции, то покажется удивительным, каким образом могло надеяться на успех это крошечное предприятие. Лишь исключительная преданность задуманному делу дала Холлу энергию и силы выступить на поиски с такими ничтожными средствами.

Смелость Холла должна была бы показаться непонятной и безрассудной каждому, кто не был знаком с избранным им образом жизни. Холл прекрасно понимал свое положение неопытного бедного путешественника, но, твердо решив настоять на своем, избрал наиболее трудный, но зато

единственно верный путь решения задачи. Он решился на то, на что до него не пошел ни один из его предшественников: Холл задумал отказаться от всякого жизненного комфорта культурного человека и приобщиться к образу жизни эскимосов, уподобившись им во всех мелочах своего быта.

К своему решению Холл пришел самостоятельно, однако он знал, что уже производились хотя кратковременные, но удачные попытки вести подобный образ жизни, в частности, доктором Кейном, начальником Второй Гриннелевской экспедиции. От одного из участников этой экспедиции Холл получил знаменательное письмо, приводимое им в своей книге на видном месте и, повидимому, оказавшее сильное влияние на его решение. Приведем выдержки из этого письма, автор которого основывается исключительно на собственном опыте:

«Во время пребывания нашего отряда в Арктике нам пришлось перенести серьезные испытания. Но я должен сказать, что большая часть их была результатом нашего прежнего образа жизни. Как только мы зажили, как эскимосы, мы сразу стали поправляться и скоро окончательно выздоровели. И если бы случилось, что мы не нашли бы обратного пути в цивилизованные страны, и нам пришлось бы делить судьбу с эскимосами, то я не сомневаюсь, что мы прожили бы возможно также долго и в таком же добром здравьи, как если бы находились в Соединенных Штатах или Англии. Где могут жить эскимосы, там могут жить и белые люди; больше того — они уживутся даже там, где не смогут эскимосы. Это мне известно по опыту.

«Я верю в практическую возможность жизни в арктических странах и потому считаю, что Вы правы, поддерживая взгляд, что некоторые из спутников сэра Джона Франклина могут еще быть найдены живущими среди эскимосов и что их можно будет спасти и возратить родине и друзьям...»

Итак, Холл поставил себе задачей в первую очередь приспособиться к климату полярных стран, изучить язык эскимосов и усвоить себе их обычаи. Он хорошо понимал, что на все это понадобится несколько лет жизни среди туземцев. Лишь после этого он предполагал начать поисковые работы. Свой первоначальный план путешествия, опубликованный в воззвании, Холлу пришлось сильно изменить.

8 марта 1860 года Холл был приглашен Американским географическим и статистическим обществом прочесть до-

клад относительно плана работ намеченной им экспедиции. Холл сказал собравшемуся ученому обществу следующее:

«Я намерен лично познакомиться с языком и жизнью эскимосов, с тем, чтобы впоследствии посетить Землю короля Уильяма, Бутию и Викторию. Затем я приложу усилия к тому, чтобы путем личного исследования более удовлетворительно выяснить судьбу 105 спутников сэра Джона Франклина, про которых известно, что они были живы 25 апреля 1848 года.

«Я имею при себе эскимоса-переводчика, а во время своего пребывания в Арктике я найму для шлюпки команду из эскимосов, которая будет сопровождать меня. С этими эскимосами я намерен выехать из пролива Норземберлэнд¹ и следовать по рукаву его, уходящему на запад до озера, расположенного недалеко от его слепого конца. Достигнуть этого озера можно после небольшого перехода. После этого я пересеку озеро до его западного выхода, который представляет собой, по рассказам эскимосов, судоходную реку, впадающую в канал Фокса. Достигнув «крайней точки Фокса»² (66°50' северной широты, 77°05' западной долготы), я поверну, если будет возможно, на север по восточной стороне упомянутого канала к проливу Фьюри и Гекла, соединив таким образом открытия Фокса в 1631 году и Парри в 1821—1823 годах.

«Завершая эту работу, я пересеку этот пролив к Иглулику (69°20' северной широты, 81°53' западной долготы) и попытаюсь завязать дружественные отношения с эскимосским племенем, которое, как известно, собирается в этой точке. Там я, в зависимости от обстоятельств, должен буду решить, останусь ли зимовать в Иглулике, вернусь ли к проливу Норземберлэнд или пройду на юг, вдоль восточного побережья Мельвилева полуострова к острову Уинтер, или же наконец, двинусь прямо на запад к гавани Виктории через залив Бутию.

«В течение зимы и ранней весны будут предприняты санные поездки, с тем, чтобы исчерпывающе ознакомиться со страной.

«Находясь в проливе Норземберлэнд и в других местах, я везде, при каждом удобном случае, буду расспрашивать, как избрать наиболее удобный путь к удовлетворительному

¹ Находится на восточном побережье Баффиновой земли.

² Фамилия моряка семнадцатого века.

и правдивому выяснению истории Франклиновой экспедиции.

«Это путешествие я предпринимаю во имя гуманности и науки — ради географических исследований и с единственным намерением сделать благо для человечества».

Новая значительно измененная программа работ, намеченная Холлом, была обществом одобрена. Вскоре после этого Холл получил от двух жителей Нового Лондона предложение безвозмездно воспользоваться для нужд экспедиции их судном «Джордж Генри». Они обещали доставить Холла вместе со всем его багажом в пролив Норземберлэнд и обеспечивали ему возвращение на каком-нибудь из своих кораблей.

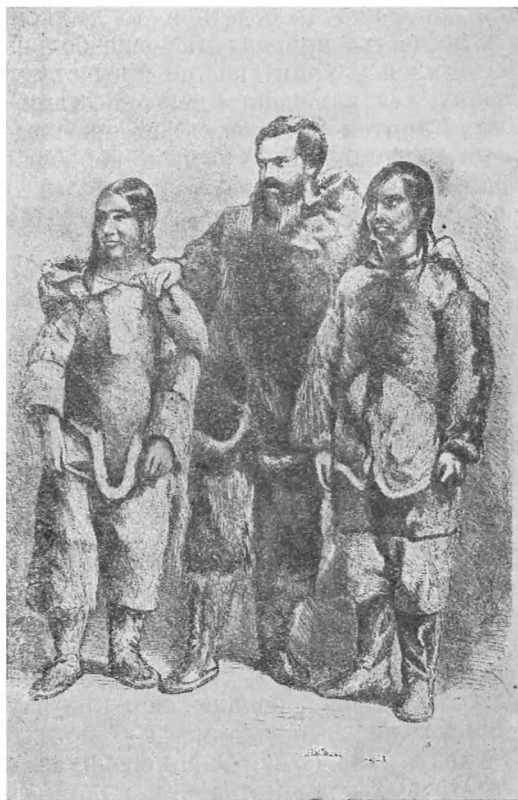
Это предложение чрезвычайно устраивало Холла, так как известно, насколько сильно он был ограничен в средствах.

10 мая 1860 года Холл покинул свой родной город, а 26-го выехал из Нью-Йорка к месту стоянки «Джорджа Генри» в Новый Лондон. На борту корабля его любезно встретил капитан Беддингтон — известный китобой, в свое время выведший из арктических льдов экспедиционное судно «Решительный». В новом Лондоне Холл задержался всего три дня и вышел в море навстречу своим будущим друзьям — эскимосам.

Путешествие началось несчастьем: внезапно умер единственный сотрудник экспедиции Холла — переводчик-эскимос. Его похоронили в море, еще не доходя до первого Гренландского порта.

После утомительного пути, длившегося больше сорока дней, Холл наконец прибыл на Баффинову землю. Посетив ряд мест вдоль ее восточного побережья, корабль вошел в широкий фиорд, получивший впоследствии название залива Фробешера. Здесь была устроена длительная остановка, Холл занялся осматриванием окрестностей и впервые встретил семейства эскимосов. Он быстро вошел с ними в дружеские отношения и стал старательно наблюдать их быт. Эскимосы начали принимать участие в экскурсиях Холла, и они совместно посетили ряд мест залива Фробешера.

Так прошел август и почти весь сентябрь. В конце последнего месяца, в момент, когда Холл находился на борту корабля, разразилась страшная буря. Холл рассказывает, что были минуты, когда «Джордж Генри» находился в очень большой опасности. Между прочим, бурей снесло шлюпку

Тукулшту, Холл и Эбирбинг

Холла. Таким образом, он остался без всяких средств передвижения.

«Я недолго размышлял по этому поводу,—пишет Холл.— Я упорствовал бы даже, если бы оставался хотя бы малейший шанс как-то действовать. Если провалится один план, если случится какое-нибудь бедствие, то должен быть испытан другой, а несчастье придаст мне еще больше сил».

Холл осведомился у капитана, не предоставит ли он ему судовую шлюпку для намеченного путешествия к Земле короля Уильяма. Капитан согласился, но впоследствии, когда подошло время расставанья Холла с кораблем, оказалось, что предназначенная для него лодка была чрезвычайно неустойчивой и трухлявой, совершенно негодной для плавания по морю.

«Джордж Генри» остался зимовать в заливе Фробишера. Осенние месяцы Холл использовал для более подробного изучения местности, базой его попрежнему оставался корабль.

В первых числах ноября к Холлу явились неожиданные визитеры с недавно пришедших в бухту парохода и промыслового парусника. Эту встречу Холл описывает чрезвычайно живо и ярко.

«2 ноября 1860. Однажды, интенсивно работая в своей каюте, я услышал нежный, мягкий голос, произносящий: «С добрым утром, сэр». Тон, которым это было сказано, музыкальный и живой, мгновенно дал мне понять, что меня приветствует настоящая лэди. Я был поражен. Не спал ли я? Не было ли это ошибкой? Нет! Ведь я бодрствовал и писал. Если бы гром ударил над моим ухом и одновременно шел бы снег, я не был бы удивлен больше, чем при звуке этого голоса. Я поднял голову: передо мной действительно была лэди и протягивала мне руку. Она повернула свое лицо, и я увидел, что это была эскимоска.

«Моментом позднее я познакомился с моей гостьей. Это была Тукулиту. Она оказалась вполне образованным человеком. Она свободно говорила на моем языке. Я сидел рядом с ней в каюте и вел длинный, интересный разговор.

«Ко мне ввели Эбирбинга — ее мужа, изящного и так же, как и она, интеллигентно выглядевшего человека. Хотя он не говорил по-английски так же свободно, как его жена, но вести беседу с ним было совсем легко. Я узнал от них много интересных подробностей относительно их посещения Англии».

Эскимосская чета, так поразившая Холла, была известна далеко за пределами своей родины.¹ Культурные эскимосы были такой же редкостью в Америке, как культурные ненцы, калмыки или другие так называемые «инородцы» в царской России. Интересно отметить, что ни Тукулиту, ни Эбирбинг не были грамотны. Для тех, кто вывез их в Англию, они были только оригинальной игрушкой. Нелепее всего тот факт, что они начали обучаться чтению и письму только вернувшись к себе на родину, да и то лишь благодаря тому, что они встретили Холла. В этих занятиях они проявили большие способности и рвение.

Холл был счастлив, имея таких учеников, тем более, что он предвидел, какую службу они сослужат ему впоследствии.

Наступило самое темное время года. Холл ревностно готовился к намеченному зимнему путешествию. В начале января 1861 года он отправился на санях в дальнюю экскурсию с тем, чтобы обследовать неизвестные ему еще места. Сопровождали Холла одни только эскимосы племени иннуитов. Он умышленно не взял никого из команды зимовавшего судна, так как хотел ближе ознакомиться с характером местных жителей.

Эта поездка, длившаяся более месяца, проходила в чрезвычайно тяжелых условиях. Холл и его спутники неоднократно подвергались серьезным опасностям, вызванным суровой погодой, кроме того, был период, когда им пришлось сильно голодать.

Вернувшись в конце февраля на судно, Холл занялся обработкой собранного им материала. В это время стало известно, что один из ушедших с корабля матросов не возвратился обратно и его нигде не могут найти. Холл отправился на поиски пропавшего и вернулся домой только в марте. Матроса нашли замерзшим на льду.

В апреле месяце Холл совершил небольшую экскурсию в эскимосские селения с целью расспросить подробнее относительно следов давнего посещения этих мест белыми людьми, о которых ему пришлось услышать. В начале мая он сделал еще одну подобную вылазку. С помощью таких

¹ В этой главе эскимоска именуется по примеру Холла ее природным именем — Тукулиту, дальше она неоднократно упоминается под именем: — Ганна. Одновременно с новым именем Тукулиту получила и фамилию — Эбирбинг, общую для нее и для мужа. Холл называет ее мужа обычно по фамилии, то есть Эбирбинг, между тем другие авторы называют его новым именем — Иосиф, или сокращенно — Джо.

замечательных переводчиков, как Эбирбинг и Тукулиту, ему очень легко было узнать от туземцев все, что он хотел. Попутно он сам знакомился с языком иннуитов.

В конце мая он предпринял новую большую экскурсию в район, на который ему указывали эскимосы, будто там находятся остатки какой-то давнишней экспедиции. Холл рассчитывал обнаружить их и подтвердить этим правдивость слышанного им от старухи-эскимоски рассказа, о котором речь будет ниже. Надежды Холла оправдались самым неожиданным образом, и, довольный результатами своей поездки, он вернулся 15 июня на корабль.

Холл открыл несомненные следы экспедиции, посетившей западное побережье Баффинова залива почти за 300 лет до него. Для того, чтобы оценить все значение этого открытия, необходимо иметь в виду, что оно касалось знаменитой экспедиции англичанина Фробишера.

В 1576 году энергичному моряку Мартину Фробишеру, после долгих лет стараний, удалось добиться снаряжения экспедиции с целью отыскания Северо-западного прохода. В течение трех лет Фробишер совершил три плавания к американским берегам и сделал ряд очень важных открытий, заставивших современников считать его открывателем начала Северо-западного пути в Китай. Фробишер привез с собой большое количество черного с золотым блеском камня. По осмотре этого минерала в Англии было ошибочно решено, что камень содержит настоящее золото. В результате на Фробишера посыпались милости, и он стал знаменит.

Во время своего путешествия Фробишер первым из европейцев увидел и вошел в сношения с эскимосским народом. Рассказывают, что «однажды Фробишер заметил какие-то живые существа, которые двигались по воде взад и вперед. Сначала он подумал, что это тюлени, но когда подошел ближе, то увидел, что это люди, одетые в тюленьи шкуры. Каждый из них сидел в кожаной лодочке. Они завели торговлю с людьми Фробишера и выменивали у них разные товары. В это время пропала без вести одна из его лодок с пятью человеками команды. Фробишер, полагая, что их увезли эскимосы, схватил взамен одного из них и увез с собой. Все усилия Фробишера получить обратно свою лодку с людьми оказались тщетными».

Старая эскимоска рассказала Холлу, что в детстве она слышала, будто в эти места давно-давно пришли белые

Мартин Фробишер
(род. в 1535 г., ум. в 1594 г.)

люди на больших кораблях. На вопрос Холла, на скольких судах они явились, старуха ответила, что они приходили в течение нескольких лет, и добавила: «сначала два, потом два или три, потом много, очень много кораблей». Холл ментально догадался, что это могли быть только корабли Фробишера, и, достав привезенный с собой справочник по арктическим путешествиям, открыл его в соответствующем месте. Здесь было сказано ясно: «Фробишер совершил три плавания в арктические страны, а именно:

первое путешествие в 1576 году на двух кораблях,
второе путешествие в 1577 году на трех кораблях,
третье путешествие в 1578 году на пятнадцати кораблях».

Сравнивая эти данные с рассказом старухи, Холл окончательно убедился в правильности своей догадки. Еще более удивительным было совпадение написанного с устным преданием следующей любопытной детали. Фробишер потерял пять человек своей команды и вернулся без них домой. Старая иннуитка рассказала Холлу, что при появлении кораблей иннуиты поймали пять белых людей и оставили их у себя; что эти люди зимовали на берегу; что они жили среди иннуитов; что они впоследствии построили большую лодку, поставили на нее мачту и паруса; что они сделали ранней весной попытку уехать, но отморозили себе при этом руки; что в конце концов им удалось выйти в открытое море, и с тех пор их никто не видел и ничего больше про них не слыхал.

Таким образом, Холл выяснил интересную подробность путешествия, бывшего за 285 лет до него. Чрезвычайно существенно, что это удалось ему сделать путем личного опроса эскимосов, совершенно независимо от сделанных им же находок. В этом обстоятельстве Холл видел лучшее доказательство правильности избранного им пути. Он имел полное право заявить: «Если ряд фактов, касающихся экспедиции, которая была около трехсот лет тому назад, сохранился у эскимосов и доказательства этих фактов налицо, то почему нельзя собрать их об экспедиции Франклина, бывшей только шестнадцать лет тому назад?»

Холл имел все основания радоваться своему открытию, которого он добился способом, так тщательно и любовно им разработанным.

В течение двух лет Холл старательно собирал вещественные доказательства посещения Фробишером Баффиновой земли. Конечно, нельзя было ожидать найти какие-нибудь

**Старая Нину рассказывает Холлу
предания своего племени**

документы или даже предметы домашнего обихода, — в лучшем случае можно было надеяться обнаружить обломки крупных предметов из металла или камня.

Первой находкой остатков экспедиции Фробишера был блестящий кирпич, замеченный Холлом в поселке иннуитов. На его вопрос, откуда взялся кирпич, эскимосы ответили, что принесен этот камень с одного из ближайших островов и что там лежит еще много таких камней. Этим путем Холл выяснил место стоянки Фробишеровской экспедиции. Впоследствии ему удалось побывать на этом острове. Здесь он нашел несомненные следы давнишнего пребывания англичан в виде кусков каменного угля. Холл легко догадался о его происхождении, но все же счел нужным спросить об этом у сопровождавших его иннуитов, которые ответили ему той же фразой: «очень много лет тому назад сюда пришли на больших кораблях белые люди».

Во время своей большой поездки летом 1861 года Холл посетил остров «Кодлунарн», то есть остров белых людей.¹ Здесь он обнаружил развалины каменного дома и остатки входа в шахту, откуда Фробишер добывал мнимое золото. Холл узнал также, что где-то неподалеку находится очень тяжелый железный предмет, привезенный, как говорит предание, тоже белыми людьми. Не имея возможности сам осмотреть его, Холл стал расспрашивать, как этот предмет выглядит, и в конце концов добился того, что три эскимоса вырезали ему из дерева модели виденного ими раньше предмета. Все три модели были сходны между собой, и нетрудно было в них угадать железную наковальню.

Большая часть экскурсий Холла была посвящена поискам именно следов Фробишеровской экспедиции, а не Франклина. Конечно, выяснение истории арктического предприятия многовековой давности очень интересно, но поневоле встает вопрос, почему Холл не занимался решением своей прямой задачи? Лучший ответ на этот вопрос дает сам Холл в предисловии к своей книге.

Он говорит: «Читатель, возможно, удивится, почему было придано так много значения поискам следов Фробишера. Я отвечаю: отчасти потому, что я сам находил большой интерес в реликвиях людей, так давно живших в этой пустынной стране, отчасти же потому, что поиски этих остатков и прослеживание среди эскимосов их истории удивительным

¹ „Кодлуна“ или „каблуна“ по-эскимосски значит—белый человек

Поиски следов экспедиции Фробешера на острове Белых

образом укрепили мое убеждение, что этот народ хранит с большой точностью память о важных и необыкновенных происшествиях. А так как предание о Фробешере сохранилось с такой ясностью, то я уверен, что у них можно разузнать и печальную историю о людях сэра Джона Франклина.

Холл с замечательной легкостью приобщился к образу жизни туземцев, удивлявшей как его самого, так и его хозяев-эскимосов. Он рассказывает, что в тот момент, когда он впервые взял в руки чашку с тюленьей кровью, чтобы выпить ее, глаза всех сидящих были устремлены на него в ожидании, повидимому, совсем не того, что случилось. Холл выпил всю кровь до конца медленными глотками и отдал пустую чашку хозяевам. Сам он признается, что нашел этот напиток не только вкусным, но буквально превосходным.

Любопытно сравнить с таким отношением к эскимосской пище то отвращение, с которым подходило к ней большинство путешественников и полярных исследователей. Когда зимой 1862 года экипаж «Джорджа Генри» испытывал сильный недостаток в пище, часть матросов переселилась на

берег к иннуитам. Но они не выдержали эскимосского образа жизни и вернулись очень скоро обратно на корабль, предпочитая голодовку пище эскимосов.

Иначе смотрел на дело Холл, если он мог сказать, что, разделяя с иннуитами их стол, он получал от еды не меньше удовольствия, чем они сами. При этом необходимо учесть, что Холл ничем другим больше не питался. Еда эскимосов состояла в периоды благоденствия из разнообразных блюд. Сюда входило сырое моржевое мясо, свежая тюленьина, сырые мозги, кровь и кишки. Особенным лакомством считалась тюленья печень, которая подавалась сырой и еще теплой. К этому полагался ломтик тюленьего сала.

Любопытнее всего, что когда к Холлу пришли однажды на корабль в гости эскимосы из одного из далеких поселков, чрезвычайно редко посещающихся европейцами, то они не были в состоянии есть предложенной им судовой пищи. Их угостили всего лишь кофеем и сухарями. Несчастные настойчиво пытались проглотить сухарь, но никак не могли и выплевывали его обратно. Наконец они заявили, что «эта варварская пища вообще не съедобна».

Еще в мае 1861 года Холл рассчитывал осенью предпринять, согласно своему плану, путешествие на лодках прямо в направлении Земли короля Уильяма. В конце июня Холл совершил еще одну маленькую экскурсию и остался затем на корабле в ожидании наступления арктического лета. Это время он хотел использовать для подготовки своей лодочной экспедиции.

Холл обратился к капитану Беддингтону с просьбой дать обещанную лодку. На это опытный капитан ответил ему, что одну из китоловных шлюпок он готов уступить, но что он считает задуманное Холлом предприятие очень опасным. Специально изготовленная для этого путешествия лодка, погибшая, как известно, во время шторма, по мнению Беддингтона, прекрасно подходила для этой задачи, чего никак нельзя, однако, сказать про китоловные шлюпки. При этом он обратил внимание Холла, что даже, если рискнуть отправиться в шлюпке по бурному морю, то далеко уехать все равно не удастся, так как придется вернуться обратно из-за недостатка продовольствия и снаряжения, которые целиком не поместятся в лодке.

Эти рассуждения убедили Холла отказаться от его первоначального намерения и отложить свое путешествие к Земле короля Уильяма еще на год. Он решил вернуться на

«Джордже Генри» в Соединенные Штаты и заняться здесь подготовкой к новой экспедиции.

В июле месяце судно освободилось от окружавших его льдов, но выйти из бухты не могло, так как она еще была закрыта державшимся снаружи ледяным полем. Холл сильно нервничал, потому что время пропадало зря. Наконец, в конце этого месяца открылся выход из бухты, и судно могло легко из нее выбраться. Капитан Беддингтон взял курс в сторону, где водятся киты, а Холл на шлюпке, с гребцами-эскимосами отправился в далекий поход, в места, им еще не посещенные. Он надеялся получить там новые сведения относительно Фробिशера и расширить круг своих познаний в области арктической географии и быта туземцев.

Вследствие непогоды отправление шлюпки Холла задержалось. Лишь 9 августа удалось ему начать свое плавание. Это путешествие закончилось 27 сентября. Оно изобиловало различными приключениями и дало наибольшее количество относящихся к Фробишеру находок. Кроме того, благодаря ему Холл значительно углубил свои познания эскимосского языка.

Капитан Беддингтон наметил день возвращения на родину на 20 октября. Бухта была свободна от льда, и можно было надеяться на легкий путь. Никто не ожидал, что выход из бухты загорожен тяжелым паковым льдом, забившим весь Дэвисов пролив. В течение ряда дней матросы наблюдали с высоты соседних гор за льдом, надеясь на какую-нибудь подвижку. Но лед остался стоять сплошной стеной, и скоро грянули морозы. Как ни обидно было экипажу «Джорджа Генри» и, прежде всего, самому Холлу, но выход был только один — вторичная зимовка у берегов Баффиновой земли.

Зима 1861/62 года дала сравнительно мало интересного. Команда «Джорджа Генри» сильно страдала из-за нехватки продуктов, и только Холл легко обходился тем, что давала ему и эскимосам арктическая природа. Не считая нескольких совсем незначительных поездок, он совершил этой зимой только одну большую экскурсию, длившуюся с 1 апреля по 21 мая. Впрочем, и в этот зимний период ему удалось сделать несколько любопытных находок. Между прочим, он нашел кусок древней веревки и стеклянные осколки.

В начале августа судно освободилось от льдов и готовилось к отплытию. На этот раз решили спешить, и 9-го

гого же месяца «Джордж Генри» поднял якорь. 13 сентября 1862 года Холл прибыл в Новый Лондон.

Холл вернулся на родину с твердым намерением продолжить свои поиски и непременно добиться осмотра самой Земли короля Уильяма. Все его дальнейшие планы и действия исходили из твердого убеждения, что «среди иннуитов, обитающих в окрестности Земли короля Уильяма и Бутии Феликс, хорошо известна история экспедиции сэра Джона Франклина, начиная со времени, когда «Эребус» и «Террор» застряли во льдах до момента ее окончательного распада».

Еще раньше Холл писал: «будь я на Земле короля Уильяма и в Бутии и проживи я там года два — я собрал бы у эскимосов такие факты относительно экспедиции Франклина, что они изумили бы весь цивилизованный мир».

Надо признать, что до сих пор Холл ни на шаг не продвинул дела розысков. Единственное, что ему в течение минувших двух лет удалось узнать от местных жителей, состояло в факте, которому Холл сразу придал большое значение, но впоследствии вынужден был изменить свое отношение к нему.

Приехавшие издалека эскимосы рассказывали в свое время Холлу, что два года тому назад мимо их селения проплыли две лодки с командой из чужеземцев. На них было много провизии, пороху и прочих огнеприпасов, люди были вооружены ружьями. Эскимосы подробно рассказывали, что делали эти путешественники и как они ушли. Холл решил, что это могли быть люди с «Эребуса» и «Террора», которые держали свой путь от Земли короля Уильяма через Бутию на восток. Однако впоследствии оказалось, что это предположение было неверно, так как выяснилось, что обе лодки принадлежали экипажу корабля, раздавленного льдами в Гудзоновом проливе в 1859 году.

Наиболее ценным приобретением, сделанным Холлом во время его пребывания на Баффиновой земле, были, конечно, Тукулиту и Эбирбинг, которых ему удалось привлечь к своему делу. Еще весной 1861 года супруги явились к Холлу со всеми своими пожитками, с тем, чтобы сопровождать его в намеченном лодочном походе к Земле короля Уильяма. Эта поездка, как известно, не состоялась. Тогда оба эскимоса предложили свои услуги в качестве переводчиков для задуманной Холлом будущей экспедиции. Они прибыли вместе с Холлом в Америку и приняли деятельное участие во всех подготовительных работах.

Готовясь к следующему своему путешествию, Холл проявил энергичную деятельность. С момента возвращения его из первой экспедиции прошло более полутора лет. За этот период Холл успел написать две объемистых книги о своей жизни среди эскимосов и наблюдениях над их бытом.

В конце июля 1864 года Холл вышел в море на корабле «Монтичелло», которым командовал тот же капитан Беддингтон.

Холл покидал цивилизованный мир в грустном сознании того, что, кроме него, никто не пытается больше разгадать судьбу пропавших людей. Но тем сильнее была у него надежда и желание добиться успеха в своем предприятии. В день отправления, уже на борту «Монтичелло» он записал в свой дневник:

«Снова я возвращаюсь в их страну, но теперь я могу разговаривать с ними, я могу жить среди них, я умею вести их образ жизни. Я научился кочевать с ними с места на место и смогу терпеливо изучать все страны, где можно предположить, что проходили и гибли люди Франклина.

«Я смотрю на свою задачу с большой надеждой на успех. Я не намерен, подобно предшествующим исследователям, высадиться на берег на несколько дней или недель, или же, как другие, путешествовать среди людей, чей язык мне непонятен. Я буду жить два или три года среди эскимосов и заслужу их доверие. Мое преимущество — во владении их языком, и они всегда поймут все мои пожелания».

«Монтичелло» взял курс через Гудзонов пролив на бухту Репульс. В конце августа корабль прибыл в пролив Роуз Уэлком. 31-го Холл высадился в том месте, где ответвляется узкий залив Уэгер. Время было уже позднее, и Холл не рассчитывал успеть в этом году произвести обследование района. Со своими помощниками, Эбирбингом и Тукулиту, он приступил к постройке снеговых хижин, по примеру эскимосских.

Из залива Репульс к нему пришли эскимосы, и Холл не преминул расспросить их обо всем, что они знают об экспедиции Франклина. Холл очень доверял словам туземцев, в противоположность большинству полярных путешественников. На этот раз он был очень обрадован, услышав от них рассказ, мало чем отличающийся от официальной версии. В этом он видел доказательство точности, которой придерживаются эскимосы при передаче фактов. Холлу быстро удалось наладить хорошие отношения с ближайшими семь-

ями иннуитов, которым он помогал в их недугах, исполняя роль лекаря.

Перезимовав в проливе Роус Уэлком, Холл летом 1865 года перебрался в бухту Репульс. Он объехал на шлюпке всю бухту и внимательно осмотрел ее. Этим и ограничилась вся его поисковая деятельность этого лета, ничего существенного не принеся. Холл особенно не спешил, он хотел привыкнуть к обстановке и к людям, учитывая при этом, что в предстоящем путешествии к Земле короля Уильяма ему придется пользоваться исключительно услугами иннуитов.

С осени Холл начал подготовку большого санного путешествия, рассчитанного на будущую весну. Он поставил себе задачей во что бы то ни стало достигнуть Земли короля Уильяма. Вторая зимовка была труднее первой, так как на этот раз в ближайшей окрестности не было эскимосов. Только Эбирбинг, Тукулиту и еще одна иннуитская семья жили вместе с ним. Работы было много, так как необходимо было заготовить достаточное количество провизии для предстоящего путешествия. Нелегко было также прокормить всех в течение долгой зимы. Холл успешно участвовал в охоте на оленей, ему удалось заготовить большое количество мяса, которое складывалось в специальное депо. Кроме того, Холл вместе с эскимосами занимался рыбной ловлей и охотой на тюленей и заготавливал одежду и сани для предстоящей поездки.

Весной 1866 года Холл стал договариваться с иннуитами относительно участия их в походе. Это было делом очень нелегким, потому что эскимосы не понимали всей серьезности дела и относились к нему легкомысленно. Они то соглашались, то снова отнекивались от участия, и Холлу трудно было разобраться, на кого он может серьезно рассчитывать. В конце концов и этот вопрос уладился, и в марте месяце экспедиция была готова к отправке.

В записи Холла от последнего дня марта стоит: «Теперь к Земле короля Уильяма! В 4 часа утра мы готовы к отплытию». Участниками похода были, кроме Холла, Эбирбинга и Тукулиту, эскимосы Ормау, Нюкерцу с семьями, а также молодой Шенюкшу со своей матерью.

Когда путешественники выступили, погода была очень холодная, но ясная. С непривычки Холл сильно поморозил себе лицо, несмотря на то, что он прошел только три мили. Построили снежные домики — «иглу» — недалеко от жилища

эскимоса Уэла. В хижинах поместился 21 человек. В течение следующих нескольких дней Холл и его спутники отсиживались в своих иглу, так как была страшнейшая пурга. В то время как Холл, сидя у себя в хижине, писал, держа случайно в своей руке нож, Уэла сообщил ему, что его соплеменники из Нейтчили имели много точно таких же, изготовленных из длинных и тяжелых ножей, но где были найдены последние, — он не знает. У Холла сейчас же мелькнула мысль, что эти «тяжелые» ножи были несомненно взяты с покинутых судов экспедиции Франклина.

Медленно продвигалась экспедиция вперед. Холл пересекал перешеек, в свое время открытый и нанесенный на карту доктором Рэ. Постоянные непогоды и болезнь ребенка Тукулиту вызывали частые задержки в пути. Лекарства, которыми Холл пытался лечить ребенка, не помогали, и тогда эскимосы обратились к помощи «ангеко», то есть шамана.

Имея много дела с иннуитами, Холл разгадал их характер и полюбил этих детей природы, несмотря на их недостатки. Он хорошо знал, что иннуиты всегда выручат его в трудном положении, но не создавал себе иллюзий насчет их послушания. Он не мог распоряжаться ими, как подчиненными; наоборот, ему приходилось зависеть от их доброй воли. В настоящий момент путешествие складывалось не вполне удачно, и было заметно некоторое недовольство иннуитов. Между тем, Холл рассчитал свою поездку на довольно продолжительный срок, и поэтому настроение иннуитов несколько беспокоило его. Насколько серьезно это путешествие было продумано, видно из того, что в письмах, написанных Холлом на родину еще до выступления в поход, он подробно перечислил места, где им будут положены сообщения, и указал, что нужно с ними сделать, если они будут найдены. Холл писал, что будет отсутствовать из области залива Репульс до следующей весны, а может быть и до будущего года. Сообщение о том, что будет сделано в районе этого залива, он положит у базы близ горы Бикон, а те, которые будут написаны во время пребывания на Земле короля Уильяма, — в тех пунктах, которые были использованы для этой цели Мак-Клинтоком во время экспедиции на «Фоксе». В большинстве же случаев свои сообщения он будет класть в 25 футах к северу от каменных гуриев, которые он поставит,

13 апреля снова пришлось остаться в хижине из-за свирепствовавшей бури. Весь день был посвящен угощению эскимосов и игре в домино. Вечером Холл возобновил свой разговор с Нюкерцу и его женой относительно экспедиции Франклина.

Тем временем препятствия на пути экспедиции все увеличивались. Теперь даже Эбирбинг проявлял нежелание двигаться дальше к Земле короля Уильяма. Эскимосы боялись, что не встретят там оленей и будут вынуждены вернуться на зиму к заливу Пелли. Холл старался ободрить их, говоря, что они будут там среди своих единоплеменников и найдут достаточно продовольствия. Он выказал твердую решимость идти вперед. В своем дневнике он заявляет, что если его даже оставят все эскимосы, он всё же один отправится с санной упряжкой, так как никогда не вернется на родину, не выполнив поставленной задачи, ради которой он ее покинул. Между тем, здоровье ребенка Тукулиту все ухудшалось, и Холлу было очень обидно, что этот маленький субъект приносит вред всему предприятию.

На следующий день, 18 апреля, Холл и сопровождавшие его эскимосы, позавтракав кофе с хлебом, снова отправились в путь. Они проходили по две мили в час и к четырем часам дня достигли пункта, находившегося в двух милях от моря. Спускаясь с горы к соленому озеру под углом в 45°, они выпрягли собак и пустили сани одни с нагруженной на них тяжелой поклажей.

Таким образом, перешеек Рэ был пройден, и экспедиция достигла моря. Лед на заливе Коммити был чрезвычайно неровный, и идти по нему было очень трудно. По пути удалось убить нескольких оленей. Во время одной из остановок эскимосы потребовали, чтобы их отпустили на охоту на мускусных быков. Холлу пришлось отпустить их, а сам он отправился на собаках в сторону, в небольшую экскурсию. Неуверенность его в дальнейшем поведении иннуитов возросла еще больше, несмотря на то, что еще 26 апреля Нюкерцу заявил ему, что в течение ближайших трех дней можно будет добраться до отстоявшей на восемьдесят миль от их лагеря бухты Пелли. Если бы это действительно удалось сделать, то была бы пройдена половина пути к Земле короля Уильяма.

27-го запас свежей провизии почти кончился. В этот день вся партия завтракала кофе и пеммиканом. Холл распорядился забросить вперед на собаках некоторое количество

Отряд Холла в походе

провизии. Вернувшийся из этой экскурсии Эбирбинг сообщил, что он устроил склад на мысу Уэйнтон — точке, помеченной на карте Рэ. Холл вспомнил, что в 1854 году доктор Рэ совершил свой переход до этого пункта в течение пяти дней, причем ему пришлось тащить на себе, без помощи собак, всю свою провизию. Холл с огорчением констатировал, что ему пришлось затратить на тот же путь, несмотря на помощь собак, целых 28 дней. Иннуиты объясняли это исключительно тем, что в том году состояние льда должно было быть более благоприятным. Такое объяснение очень вероятно, но надо отметить, что способ передвижения Холла был довольно тяжеловесный, так как присутствие детей и женщин, конечно, задерживало экспедицию очень сильно.

28 апреля все остались в лагере, а на следующий день снова тронулись в путь. Невдалеке от мыса Уэйнтон Холл забрался на холм, чтобы выбрать лучшую дорогу среди льдов. Неожиданно он увидел на льду фигуры четырех эскимосов, которые, как будто, занимались тюленьей охотой. Для цели экспедиции могло быть важным разговориться с этими людьми, но Холл опасался, что эти эскимосы могут принадлежать к иннуитскому племени синимиутов, враждебному его спутникам. Но Нюкерцу, наблюдавший в бинокль

за движениями этих людей, успокоил Холла, сказав, что он узнает среди них своих старых друзей. Тогда отряд Холла смело двинулся дальше и к заходу солнца прибыл к снеговым хижинам эскимосов. Невдалеке от них на морском льду Холл разбил лагерь.

На следующее утро в хижину Холла явились эскимосы во главе с их вождем. Надежды Холла оправдались выше его ожиданий. Начальник эскимосов показал две ложки с инициалами «F. R. M. C.», полученные им от Крозье, которого он называл Аглука. У его жены оказался серебряный футляр для карманных часов. Воспользовавшись этим, Холл приступил к подробным расспросам.

Оказалось, что эти иннуиты посещали «Большого Эшемутта», то есть большого начальника, как они называли Франклина. Кроме того, он получил от эскимосов прозвище Тулуарка, распространенное среди местных жителей. Эскимосы провели поблизости от кораблей весну и лето. Иннуиты упоминали об одном корабле недалеко от залива Пелли и о двух — к западу от Нейтчили, около Укгулика. Люди с кораблей имели ружья и ножи с длинными рукоятками. Они охотились на тюленей и убили так много, что разложили их поперек всей бухты Укгулика.

Туземец описывал Эшемутта, как широкоплечего старика, более полного, чем Холл, с седыми волосами и плешью. Он постоянно носил что-то на глазах, то есть очки, как пояснил переводчик. Когда они видели его в последний раз, он хромал и казался больным. Франклин был очень добр по отношению к эскимосам, постоянно заботился об их угощении. Аглука (Крозье) и еще другой человек делали все, что Тулуарк им приказывал. Он был очень веселым человеком и часто смеялся. Все любили его, как белые, так и иннуиты. Один из последних показал, как Тулуарк и Аглука обычно встречали его. Франклин дружески пожимал ему руку и говорил: «Ма-ми-ту-ленг-тей-ма».

Рукопожатие Аглуки было коротким, и он говорил только: «Ман-ниг-ту-ми».

После того, как прошло лето и зима, они не видели больше Тулуарка, и Аглука стал Эшемутта, то есть начальником. Один старый туземец и его жена говорили, что корабль, на борту которого они видели Тулуарка, был весной раздавлен тяжелым льдом. Пока лед постепенно разрушал его, все участники экспедиции, борясь за свою жизнь, выносили продовольствие. Но прежде чем они успели вынести

достаточное количество его, корабль лег на бок. Мачты на корабле оказались сломанными, в подводной части образовалась пробоина, и он быстро затонул, скрывшись под водой. Несколько человек команды, работая в момент катастрофы во внутренних помещениях, не успели во время покинуть корабль и погибли вместе с ним. Аглука и его люди погибли после от голода, так как не успели спасти продовольствия. Аглука и другой белый, — последний назывался «Нартар», — отправились к Большой рыбной реке, говоря, что возвращаются на родину. После этого иннуиты не видели их больше, но слышали через некоторое время от других эскимосов о ружейных выстрелах, раздававшихся недалеко от пролива Честерфильд. Когда Холл предложил иннуитам попытаться произнести слово «доктор», они каждый раз говорили «нартар». Отсюда Холл пришел к выводу, что белый человек, сопровождавший Аглуку, был доктором — может быть это был хирург Мак-Дональд с корабля «Эребус».

Другой корабль, который видели у Укгулика, не был поврежден. На нем было три мачты, и на бакалках висело четыре лодки, как на китоловных судах. Иннуиты долго не решались посетить его, пока один из туземцев не сообщил, что видел на нем живого человека. Тогда несколько человек вошли на корабль, но там людей не оказалось. Воспользовавшись этим, эскимосы обшарили весь корабль, захватив все, что только хотели и прежде всего — ружья, порох, пули и патроны.

При разговоре с одной старой эскимоской, сын которой видел Аглуку на острове Укгулик, Холл узнал, что прошлым летом или зимой бродившие там иннуиты нашли две лодки, в которых оказались трупы белых. Лодки стояли на санях. Одни из этих саней были взяты туземцами и находятся в настоящее время у них.

Эти сообщения были выслушаны Холлом с глубоким интересом. Он верил в их достоверность. Холл приобрел у вождя иннуитов из предметов, принадлежавших участникам экспедиции Франклина, футляр красного дерева от барометра, ложки, вилки и другую мелочь.

Зато другие сообщения этих эскимосов оказались гораздо менее удовлетворительными. Благодаря им приостановилось дальнейшее продвижение экспедиции Холла к Земле короля Уильяма в 1866 году. Эскимосы сообщили спутникам Холла — Нюкерцу, Маммарку и Арму — о гибели их друзей и родственников, частью умерших от голода, частью убитых и съеден-

ных людоедами. Они так много говорили об опасностях, ожидавших проводников Холла у залива Пелли и Укгулика, что привели последних в полнейшее уныние. Только один Холл сохранял бодрость.

Трое эскимосов подтвердили все сообщения вождя о положении дел на северо-западе и добавили, что со времени последней схватки из-за продовольственного склада, в которой синимиуты потеряли двух своих людей, убитых эскимосами Нейтчили, они горят жаждой мщения и могут напасть на первых встреченных ими людей другого племени.

Двое эскимосов залива Пелли рассказали о своем посещении два года тому назад Кикитунга, то есть Земли короля Уильяма, где они остановились лишь на короткое время. Они точно указали на карте Рэ тот путь, по которому шли туда и обратно — сушей от залива Пелли к бухте Спенс и оттуда по льду к Земле короля Уильяма, минуя южную оконечность острова Мэтти. Они охотились на тюленей к северу от Земли короля Уильяма. Когда Холл спросил этих эскимосов относительно кораблей, замеченных к северу и западу от Кикитунга, они показали на карте Рэ на мыс Виктории, сообщив, что несколько лет тому назад многие иннуиты видели корабль недалеко от этого пункта, и что белые с этого корабля направились к югу.

Встреченные эскимосы проявили внешне доброжелательное отношение к спутникам Холла. Однако перед экспедицией встала перспектива возвращения домой, так как жители деревни застращали Эбирбинга, Ньюкерцу и других.

Холл пришел к заключению, что у его спутников недостаточно крепкие нервы для дальнейшего похода, хотя Ньюкерцу и уверял, что он ничего не боится. С тяжелым сердцем, «разочарованный, но не потерявший мужества», он готовился к возвращению, решив в будущем году с группой белых из четырех человек, в сопровождении Арму, Ньюкерцу и Эбирбинга снова попытаться, идя той же дорогой, достигнуть Земли короля Уильяма. Он решил устроить теперь же у мыса Уэйнтон продовольственный склад для будущего похода.

Холл заканчивает в этот день свою запись в дневнике следующими словами: «Я еще в состоянии продолжать дело, за которое взялся, — попытаться достигнуть Земли короля Уильяма и там выполнить поставленную себе задачу. Придется преодолевать еще много препятствий, пока я не достигну цели, но в том, что мне это удастся, я не сомневаюсь».

На обратном пути к бухте Репульс не произошло ничего существенного. 5 мая экспедиция тронулась с места в сопровождении встреченных ими эскимосов. Вместе они прошли до 19-го числа, после чего пробожатые повернули домой. Холл оставил на пути два продовольственных склада, рассчитанных на будущее большое путешествие к Земле короля Уильяма. В результате своей предусмотрительности Холл поставил, однако, себя и своих спутников в довольно трудное положение, так как, вследствие отсутствия дичи, пришлось перебиваться скудными остатками продуктов, которых могло нехватить на всю дорогу. По счастью, в течение следующих дней удалось убить нескольких оленей.

13 апреля скончался ребенок Тукулиту — «Маленький король Уильям». Бедная мать страшно убивалась по поводу смерти своего единственного ребенка. Ребенка похоронили и пошли дальше. 22 мая прибыли на место, где был разбит лагерь 5 апреля. На пути к бухте Репульс предстояла еще одна остановка.

Экспедиция вернулась на свою базу 25 мая. Она не достигла цели, и весь результат похода свелся к нескольким любопытным рассказам об экспедиции Франклина. В этот день Холл записал в дневник:

«Сегодня закончилась моя экспедиция на Землю короля Уильяма или, во всяком случае, ее пришлось отставить на время. Я хочу остаться здесь на несколько дней, чтобы записать самое существенное из рассказов жителей залива Пелли об экспедиции сэра Джона Франклина. Со мной останутся Эбирбинг, Тукулиту и Маммарк с ее маленьким сыном. После возвращения с удачной охоты на тюленей я пригласил всех в свою хижину и угощал бурбонским виски. Мы беседовали, курили и пили, снова беседовали, курили и пили. Я убедился, что все иннуиты будут снова охотно сопровождать меня весной, когда я возобновлю свою попытку дойти до Земли короля Уильяма».

Однако эта уверенность Холла оказалась преждевременной. Вскоре все его спутники, за исключением Эбирбинга и Тукулиту, стали настаивать на возвращении к себе домой.

Через несколько дней после прибытия отряда Холла в бухту Репульс вдаль были замечены эскимосы. Быстро запрягли собак, и Холл выехал им навстречу. Незнакомцы испытывали большие затруднения при переправе через трещины во льду, и Холл дал им несколько полезных советов, что сразу установило хорошие отношения, после чего эски-

мосы охотно приблизились к стоянке. Вождь вновь прибывших — Коклиарнгнук и его спутники обменялись сердечными приветствиями с отрядом Холла. Сани прибывших и сани отряда Холла были поставлены в один ряд, и все вместе группой в 60 человек — мужчин, женщин и детей — направились к Енушуглику. Женщины из Ивиллика следовали отдельно, идя за «ангеко» залива Пелли, причем у каждой поверх одежды висел какой-нибудь предмет — бусинка, кусок тюленьей шкуры или клыки животных. Шаман шел, подняв глаза кверху и временами протягивая вперед свою правую руку. Каждый иннуит поместил в своей хижине одного или более из вновь прибывших. Холл пригласил к себе Коклиарнгнука. Несколько дней продолжались празднества и различные увеселения, в том числе шуточная охота на мускусных быков, которых изображали мужчины и мальчики, одетые в звериные шкуры.

Несмотря на такой дружелюбный прием, жители залива Пелли ни на одну минуту не упускали из вида своих ножей, зная, что между некоторыми эскимосами имелись старые счеты. Враждебные действия могли начаться каждую минуту. Между тем Холл был особенно заинтересован в сохранении мира. Он получил важное сообщение от некоего Сипунгира и его жены и надеялся узнать еще больше от других иннуитов.

Этот Сипунгир, посетивший три года перед тем Землю короля Уильяма, видел у Шарту, недалеко от залива Пелли, очень высокий и необычного вида памятник, сложенный «каблунами» из камней, наверху которого кусок дерева, похожий на руку, указывал направление. Он видел также и второй памятник в другом месте между портом Парри и мысом Сэбин. На вопрос, не были ли им разобраны памятники, он ответил, что нарушил их целость только в той мере, чтобы найти спрятанное под ними. На дальнейшие вопросы эскимос сообщил, что он нашел маленькую жестяную банку, которая была плотно завернута, крепко завязана и наполнена бумагой, подобно той, на которой писал Холл. Он прибавил, что бумага казалась иннуитам ненужным хламом и была не то отдана детям, не то выброшена.

Эскимос рассказал, кроме того, что он со своим родственником провел одну ночь около памятника, завернувшись в одеяла, взятые из найденной там одежды белых людей, сложенной в кучу, а также, что возле этой одежды они видели скелет белого человека.

По мнению Холла, этот рассказ подтверждал прежние сообщения о том, что после гибели кораблей Франклина, раздавленных льдом, некоторые из его спутников пытались первоначально идти по западному берегу Земли короля Уильяма, но вернулись обратно, обогнули мыс Феликс и спустились на восточный берег. Холл высказывал предположение, что в отверстии под памятником могли находиться с таким страстным нетерпением ожидавшиеся письменные сообщения членов экспедиции Франклина.

В течение лета 1866 года Холл занялся осмотром и съемкой бухты Репульс. Этим он хотел оказать услугу своим друзьям — китоловам, базирующимся на эту бухту. Неудача поездки к Земле короля Уильяма показала Холлу, что эскимосы — народ, не совсем подходящий для подобного рода путешествий. Несколько разочаровавшись в них, как в работниках, Холл решил предпринять свое будущее путешествие с помощью матросов китоловных судов. Воспользовавшись приходом в бухту шлюпок с китоловного корабля, он начал переговоры об этом. Однако, когда наступил октябрь месяц, оказалось, что в этот сезон китобойи не вернутся. Тогда Холл сам отправился разыскивать их и, действительно, вскоре нашел четыре зимующих среди льдов корабля. Он возобновил переговоры о найме за плату 50 долларов в месяц пяти человек, которые обязались бы совершить с ним путешествие к Земле короля Уильяма ранней весной, то есть тогда, когда китобойный промысел еще не начался.

К февралю месяцу 1867 года Холл закончил свои переговоры и нашел людей, добровольно вызвавшихся помочь ему. Таким образом, намеченная экспедиция могла считаться укомплектованной людьми. Хуже обстояло дело с собаками. У Холла, правда, было около тридцати собак, а у местных эскимосов можно было найти больше шестидесяти, то есть количество, достаточное для 9—10 обычных упряжек. Однако капитаны четырех кораблей единогласно заявили, что местные собаки не годятся для такого большого путешествия. После долгих дискуссий решили отправиться за собаками в Иглулик.

Путешествие до Иглулика заняло ровно двадцать дней. Холл претерпел на этом пути сильные лишения, так как стояли большие морозы, мела пурга и нехватало пищи. В Иглулике Холл быстро закупил 40 собак и стал готовиться в обратный путь. Он сильно нервничал, так как предвидел, что ему не поспеть вернуться к 15 марта — времени отправления экспедиции. Действительно, несмотря на то, что об-

ратный путь его проходил в общем в благоприятных условиях, он подошел к зимующим кораблям только 31 числа.

Всего затрачено было на поездку 52 дня. Два месяца тому назад, когда Холлу удалось, наконец, нанять людей, капитаны требовали, чтобы собаки были лучшей породы и заставили его совершить далекое путешествие. Теперь, когда Холл вернулся с несколькими готовыми упряжками, они заявили, что не могут отпустить своих людей, потому что китоловный сезон на носу. «Нет ничего удивительного, — пишет по этому поводу составитель книги о втором путешествии Холла, — что он пролежал целый ряд дней в своем иглу больной, в состоянии почти полной безнадежности».

Но Холл не намерен был сдаваться. Убедившись, что надеяться на достижение Земли короля Уильяма в этом году нечего, он решил проверить сохранность продуктовых складов, заложенных им раньше. Холл рассчитывал быть в отсутствии не более двенадцати дней. На этот срок капитаны отпустили трех человек из своей команды. В сопровождении их и двух эскимосов Холл отправился 1 мая в дорогу. С ним была одна упряжка из девятнадцати собак.

Шли по знакомому пути. Никаких серьезных препятствий встречено не было, приходилось задерживаться только из-за снежной слепоты, поразившей Эбирбинга и одного из матросов. 9 мая Холл прибыл на место. Оказалось, что склад находился в полном порядке. Несмотря на это, он решил его ликвидировать и перебросил на сани весь груз в другое, более безопасное место. Холл вернулся домой, пробыв в поездке 17 дней вместо 12.

Остальную часть лета Холл провел в районе своей базы. Он неоднократно встречался с посещавшими бухту Репульс моряками и закупал у них значительные запасы провизии и разных предметов, нужных для нового путешествия к Земле короля Уильяма. В начале осени Холл занимался охотой на оленей, моржей и тюленей. Его сопровождало пять матросов, с которыми был заключен контракт на будущее время. Договоренность между Холлом и этими людьми состояла в том, что они теперь же поступят к нему на службу на годичный или даже больший срок за плату 500 долларов в год. Таким образом, Холл на этот раз считал себя обеспеченным, как людьми, так и собаками.

Наступила зима 1867/68 года. Что делал Холл в период с октября по январь месяц — неизвестно, так как в дневнике за это время нет никаких записей.

Эбирбинг, подкарауливающий тюленя

Еще до окончания зимы 1867/68 года были закончены все приготовления к продолжению похода, прерванного в прошлом году. Но вот Холл неожиданно решил исследовать часть полуострова Мельвиля, близ пролива Фьюри и Гекла. Может показаться странным, почему Холл избрал вдруг этот новый путь вместо того, чтобы добиваться исследования Земли короля Уильяма.

Дело было в следующем: в последних числах октября 1867 года эскимос Папа-тева рассказал Холлу, что несколько лет перед тем один иннуит видел где-то вблизи Иглулика два каменных сооружения, не таких, какие обычно строятся местным населением — гораздо больше по размерам и выше. Первоначально Холл не обратил особого внимания на этот рассказ, показавшийся ему очень мало вероятным. Но несколько дней спустя Эбирбинг показал Папа на карте Парри область вокруг Иглулика и, как только туземец понял карту, он указал пункт, где были обнаружены строения, и назвал имена иннуитов, видевших их во время охоты на оленей. Этот пункт находился на южной стороне пролива, на полпути между мысом Инглфильда и островом Эмхерст.

Папа, по словам Холла, был добродушный, смывленный и честный эскимос, который жил 5 лет около залива Понда и гораздо более продолжительное время — в Иглулике.

Холл часто и подолгу беседовал с Папа, чтобы узнать дальнейшие подробности относительно этого нового, чрезвычайно заинтересовавшего его сообщения. В начале февраля Холл послал Эбирбинга и матроса Франка Лейлора в лагерь иннуитов, находившийся на расстоянии 20 миль по льду, чтобы пригласить туземцев Иглулика, если последние там окажутся, посетить его. Они вернулись обратно с эскимосом по имени Кваша, его женой и Эскуорку, которого Холл называет также Джерри — очевидно, это прозвище он получил от китоловов. Эти люди рассказали Холлу, что в течение последних трех лет они видели у Иглулика двух белых, из которых один был высокого роста, а другой — значительно ниже. После подробных расспросов Холл убедился в их правдивости. По их словам, они видели доктора Рэ в бухте Пелли через семь лет после первого посещения им их страны и оставались близ Ивиллика 7½ лет после того, как Рэ отправился к себе на родину, после чего они поселились в Иглулике и здесь двумя годами позже видели белых. Кое-какие дополнительные подробности подкрепили уверенность Холла в правдивости их рассказа.

Эти сообщения, а также и рассказы других иннуитов доставили Холлу громадную радость, так как из них можно было сделать вывод, что еще в 1864 году некоторые из спутников Франклина были в живых и находились около пролива Фьюри и Гекла. По крайней мере, он сильно на это надеялся.

Несколько позже Холл послал большое количество моржевого мяса в лагерь эскимосов, в котором жило до 55 человек, испытывавших сильную нужду в продовольствии. Он узнал от них, что четыре года спустя после последнего посещения Рэ, на восточном берегу залива Коммити, они видели корабельные бревна, покрашенные с одной стороны черной краской, а также высокую мачту. По их словам, туземцы залива Пелли видели после отъезда Рэ на берегу полуострова Симпсона сложенный из камней памятник, на верху которого был положен камень, указывавший направление к Иглулику.

Холл решил собрать сведения относительно того, насколько можно было доверять Кваше и его жене. Сведения оказались в общем благоприятными, хотя о Кваше эскимосы говорили, что он в молодости был известен как любитель рассказывать небылицы. Зато его жену считали женщиной, заслуживавшей полного доверия. Несколько позже Эбирбинг и Тукулиту посетили жену Кваша, чтобы узнать дальнейшие подробности о встрече с белыми. По их возвращении Холл записал:

«Сообщения о том, что туземцы видели белых близ Иглулика между 1849 и 1865 годами, по моему мнению, отвечают действительности. Меня невыразимо влечет теперь к Иглулику и проливу Фьюри и Гекла. Нельзя ни минуты сомневаться в том, что мой долг — попытаться спасти оставшихся еще в живых спутников Франклина».

По словам Папа, туземцы Иглулика, как и сам он, допускали, что некоторые из переживших кораблекрушение могут быть еще живы. Он выразил согласие принять участие в поисках их. Холл считал очень вероятным, что не все спутники Франклина продолжали безнадежный путь к Большой рыбной реке. Он приводил при этом доводы, которыми впоследствии аргументировал Рэ. В одном из своих сочинений Рэ говорит:

«Меня поразила в свое время — продолжает удивлять и теперь — большая ошибка, которую совершили спутники Франклина, пытаясь спастись путем отступления в область

Гудзонова залива. Казалось бы, что страшные страдания, перенесенные Франклином и его спутниками Ричардсоном и Баком во время предыдущего короткого путешествия по этой бесплодной местности, должны были бы удержать их от такой попытки. Ведь спутники Франклина могли воспользоваться хорошо знакомым им путем — к берегу Фьюри, тем путем, избрав который спаслись Россы в 1832/33 году и который они нашли открытым. Расстояние от кораблей Франклина до берега Фьюри было очень немногим больше, чем от того места, где были покинуты суда Росса. Франклин и его офицеры должны были знать, что на том месте, где погиб «Фьюри», все еще находилось очень много продовольствия. Ведь даже в 1859 году там оставалось громадное количество консервов — зелени, супов, сахара, муки и прочего, словом, гораздо более значительные запасы, чем те, которые могли быть найдены на торговых станциях Гудзонова залива. Кроме того, участники экспедиции шли бы по той дороге, где они могли встретить посланные на их розыски отряды или же китоловов. Расстояние до берега Фьюри от того места, где были покинуты суда Франклина, приблизительно равнялось расстоянию между этим местом и устьем Большой рыбной реки, то есть составляло по прямой линии около 210 географических миль. Если бы было решено отступать к берегу Фьюри, отпала бы необходимость тащить с собой тяжелые лодки, так как за год перед тем, то есть в 1847 году туда могла быть направлена небольшая группа участников экспедиции, которая убедилась бы в том, что продовольствие и лодки в депо были в целости и исправности. Поход к месту гибели «Фьюри» не был бы слишком трудным для 130 человек, которые, как видно из донесения, найденного впоследствии Мак-Клинтоком, весной 1847 года были все здоровы».

Мнение Рэ в этом вопросе особенно ценно, так как никто не изучил так хорошо этот район, как именно Рэ, и мало кто мог сравниться с ним опытом путешественника.

В течение первых трех недель марта Холл старательно готовился к походу. К несчастью, он лишился всех своих собак, добытых с таким трудом. Среди них развилась какая-то эпидемия, собаки сталидохнуть одна за другой, некоторых пришлось пристрелить, и в конце концов не осталось ни одной. Счастье еще, что Холлу удалось закупить пять собак у иннуитов, иначе и это путешествие провалилось бы. В бухте Таллун Холл оставил в устроенном здесь лагере

четыре из пяти своих белых помощников, среди которых были два матроса по фамилии Бейн и Колеман. Он поручил им охоту на зверей и велел дожидаться своего возвращения.

23 марта 1868 года Холл выступил в поход в сопровождении одного английского матроса—Франка Лейлора, Эбирбинга, Тукулиту, эскимоса Папа и его жены с маленьким ребенком. Уже в самом начале путешествия приключилась маленькая неприятность: сильнейшим ветром с саней сдуло последний дневник Холла, который заметил случившееся только в тот момент, когда Папа был уже на льду и гнал его во весь опор за улетающими листками. После тщетных попыток поймать их. Папа вернулся разгорячившийся и усталый. Потеря была непоправимой.

2 апреля Холл и его спутники прибыли на берег канала Фокса и построили здесь свое «иглу» десятое по счету. Здесь было оставлено некоторое количество хлеба и пеммикана для обратного пути от пролива Фьюри и Гекла. 6 апреля экспедиция прибыла к острову Углит, населенному большим количеством эскимосов. Здесь Холл остановился на несколько дней, не столько чтобы отдохнуть, сколько чтобы запастись моржовым мясом и расспросить туземцев обо всем, что они знают о белых людях с пропавших кораблей.

Во время пребывания на острове Углит к Холлу в его иглу заходило много местных жителей. Расспрашивая каждого из них в отдельности, а потом сразу целую группу, Холл еще больше уверился в том, что сообщения относительно белых, которых видели на южном берегу пролива, отвечают истине. Он серьезно надеялся, что скоро увидит нескольких спутников Франклина, оставшихся еще в живых.

Холл подробно заносил эти беседы в свой дневник, по несчастной случайности впоследствии затерявшийся. Однако некоторые места были потом восстановлены по копии, снятой одним из его друзей. Из этих отрывков можно видеть, что именно вызвало энтузиазм Холла и побудило его продолжать путешествие. Вот обстоятельства этого дела:

«Хотя Холлу и не удалось розыскать Киа, убитого моржом во время охоты, он узнал от Кулуа, эскимоса, которого Холл считал заслуживающим полного доверия, что когда он охотился в местности между бухтой Гарри и северо-западным мысом полуострова Мельвиля, он видел «иннукушу», то есть, памятник, на южном берегу реки, впадающей в залив несколько западнее мыса Эллис. Памятник был сложен из

камней, часть которых была сдвинута с места. Судя по внешнему виду, он был сооружен недавно. Ничто не указывало на то, что там было сложено продовольствие. Кулуа не допускал, что памятник был сложен эскимосами, так как он был первым из них, зашедшим так далеко от залива Гарри. Киа рассказывал ему, что он видел там чужеземца. У него была шапка на голове и одежда с капюшоном. Киа некоторое время наблюдал за ним, прячась за скалами. Потом он слышал ружейный выстрел».

Все иннуиты острова Углитта верили рассказу Киа, что и подтвердили в беседе с Холлом. Кроме того, ему передавали столь же странные рассказы о чужеземцах, которых видели поблизости от Иглулика, и о звуках, напоминавших ружейные выстрелы, которые неоднократно были слышны в таких местах, где происхождение их нельзя было объяснить треском расколовшихся льдин. Эскимосы приняли неизвестных первоначально за индейцев, что так испугало их, что они немедленно покинули эти места. Следы, оставленные чужеземцами, были длинными, суживавшимися к середине и более глубокими у пятаки.

Холл не мог не сопоставить рассказов о корабельной мачте и бревнах, найденных на берегу около залива Пелли — памятнике, о котором говорил Сипунгир, повидимому до сих пор стоявшем на северном берегу пролива, с сообщениями о странном появлении незнакомцев, их одежде и оставленных ими следах. Он высказывал предположение, что некоторые из спутников Франклина переправились на восток от области Парри, может быть в надежде добраться этим путем до пролива Кумберленд, где они рассчитывали найти какой-нибудь английский корабль. И эти люди могли быть еще в живых, так как по рассказам о последних встречах туземцев с белыми чужеземцами они якобы происходили в 1864 году.

16 апреля Холл выступил из Углитта. С экспедицией отправился в качестве гида иннуит Кулуа. Переход до места, где предполагалось найти памятник, занял восемь дней.

24 апреля начались поиски гурия и склада. Памятник был найден, и место склада установлено, но последнее было покрыто огромными пластами снега. Гурий стоял на площадке между двумя рукавами реки. Пока Холл делал набросок его, Лейлор пытался при помощи железного ножа добраться через глубокий снег до склада, но снег оказался твердым, как лед.

Желая предпринять все, что окажется возможным, чтобы проникнуть в склад, Холл решил остаться здесь на более продолжительный срок и соорудить поблизости от места склада свое иглу. 26-го он возобновил совместно с Лейлором и Эбирбингом попытку очистить место склада от снега. Они трудились втроем много часов, но смогли проникнуть с помощью ножей только на глубину 4,5 метра. Как позднее рассказывал Эбирбинг, несмотря на холод, они «вспотели с головы до ног». И все же им не удалось разыскать склада.

В это же время Тукулиту и Эбирбингу посчастливилось найти места двух лагерных стоянок, совершенно различных по своему устройству. Как видно было по расположению камней, поддерживающих углы, палатки первой из стоянок имели продолговатую форму. Это указывало, по уверениям спутников Холла, на то, что первый лагерь принадлежал белым. Расположение камней на месте второй стоянки в виде кругов служило указанием, что там был лагерь иннуитов.

Холл со своими спутниками дошел до $69^{\circ}47'5''$ северной широты и $85^{\circ}15'$ западной долготы.

До него никто из арктических исследователей не заходил так далеко со стороны материка. Спутники Парри не были на западной стороне полуострова, а Рэ дошел до $69^{\circ}5'35''$ северной широты.

Приведем заметки Холла, сделанные им во время двухдневных поисков склада.

«24 апреля. После того как мы пробродили четыре часа по холмам, озерам и лощинам, покрытым глубоким снегом, Кулуа предложил мне посмотреть в подзорную трубу в указанном им направлении. Сделав это, я увидел памятник, возвышавшийся над снегом. После меня в подзорную трубу посмотрели Кулуа и Франк, причем первый заявил, что этот памятник — не тот, о котором он говорил. Доктор Рэ не мог соорудить этот памятник и примыкающий к нему склад. Когда Рэ был у мыса Крозье в 1847 году, снег должен был быть таким же глубоким и твердым, как теперь. Кроме того, из карты путешествия Рэ не видно, чтобы он посетил южную часть залива Парри. Завтра утром я отправлюсь со своими спутниками к памятнику.

«Кулуа заметил, что когда он видел памятник в первый раз, то он показался ему недавно сооруженным, а теперь он выглядит старым. Когда Кулуа обнаружил гурий и камни

склада под снегом, он сообщил о своем странном открытии иннуитам. Памятник и склад не могли быть сооружены эскимосами. Он установил, что камни, покрывавшие склад, устроенный в углублении, были после сдвинуты в одну сторону и содержимое вынута оттуда.

«25 апреля. Сегодня утром мы спустились к памятнику, чтобы возможно тщательнее исследовать его, а также найти камни склада, скрытые под глубоким снежным покровом.

«8 часов утра. По пути от нашей седьмой стоянки к мысу Крозье гурий был отчетливо виден в подзорную трубу. В поисках камней склада я и Франк начали разрывать снежные глыбы к западу от памятника, в непосредственной близости от него. Кулуа, ссылаясь на свои воспоминания о положении камней по отношению к гурию, показывал, где именно надо рыть.

«10 часов утра. Ганна обнаружила место лагерной стоянки белых — следы продолговатой палатки и четыре недавно перевернутых камня, по одному на каждом углу, служивших для прикрепления концов палатки. По внешнему виду можно заключить, что камни были перевернуты одновременно с камнями памятника.

«10 часов 30 минут. Джо, рыская кругом, нашел другое место лагерной стоянки. Здесь камни образуют круг. Повидимому, на этом месте находился лагерь иннуитов 10—15 лет назад. Ганна сказала, что если бы нашелся очаг внутри лагерного круга, можно было бы с уверенностью сказать, что здесь был лагерь иннуитов. И, действительно, этот очаг был найден. Один камень, повернутый Ганной, оказался черным от дыма. Контраст между местами стоянки белых и иннуитов бросается в глаза.

«Вечером. Весь день мы усердно трудились, разрезая пласты снега в поисках камней склада, но все было напрасно, несмотря на то, что мы вырыли глубокие ямы и выворачивали целые глыбы снега.

«26-го. Джо и Ганна, также как и Кулуа, уверены, что здесь был когда-то лагерь белых».

Будучи обеспечены продовольствием всего лишь на два дня, Холл и его спутники были вынуждены вернуться к своему шестому иглу. Прежде, однако, они разобрали памятник, камень за камнем, но не нашли ни сообщения, ни какого-нибудь знака, по которому можно было бы судить, кем он был сооружен. Больше всех разочарован был этим

Кулуа, опасавшийся, что будет заподозрен во лжи. Однако его правдивость не вызывала у Холла сомнений.

Холл покидал эти места с сознанием, что он не напрасно производил здесь розыски. Обнаружив гурий и остаток лагеря, он установил, что здесь действительно были белые.

Холл закончил теперь свои астрономические наблюдения, а также наблюдения за направлением стрелки компаса по всей береговой линии между мысом Инглфильдом — самым западным пунктом пролива, обследованным Парри, и мысом Крозье — самым северным, до которого доходил Рэ в 1847 году. Произведя эти исследования, Холл заполнил пробелы адмиралтейской карты в отношении северо-западной части полуострова Мельвиля у западного входа в пролив Фьюри и Гекла и ниже его. Это щедро вознаграждало Холла за разочарование, которое он должен был чувствовать, покидая эти места без письменных донесений или других остатков экспедиции Франклина, которые имели бы существенное значение.

Когда Холл подходил со своими спутниками к иглу, остроглазый Кулуа заметил в нем дыру, а на снегу были видны следы волка. Обеспокоенные этим, люди прибавили шагу и, подойдя вплотную к хижине, увидели разбросанные на льду куски моржовой кожи, мяса и печени. Зверь успел прорыть уже несколько ходов внутри иглу и таскал к себе в логово хранившиеся там запасы. Не было никакого сомнения, что через день-два волк перетаскал бы все до последней крошки и оставил бы экспедицию совсем без продовольствия.

Холл все еще надеялся найти живыми участников Франклиновой экспедиции и решил предпринять вылазку на большой остров, расположенный в середине пролива. Он осмотрел все окрестности, но без всякого результата. Тогда Холл повернул обратно к знакомому уже острову Углит. Прибыв на место, он увидел, что население деревни увеличилось благодаря приходу с севера нескольких новых семейств, желавших посмотреть на чужестранцев. Первое известие, которое услышал от них Холл, было сообщение о гибели Аглуки и его друга, которых унесло на льдине во время охоты на моржей. Холлу сообщили также об одном иннуите, который рассказывал о встрече с тем странного вида белым человеком, которого видел Киа. Холл решил отложить намеченные им географические исследования пролива и отправиться к острову Терн, чтобы расспросить этого эскимоса. Перед посещением

острова Терн Холл произвел обследование группы островов Углит. Эти острова омывались открытым морем и изобиловали моржами, утками и морскими чайками. На острове Терн эскимос повторил ему уже известную историю.

18 мая Холл в сопровождении Франка, Пала и других туземцев отправился к реке Джиффорд, описанной Парри, так как слышал, что там были обнаружены остатки лагеря и другие следы пребывания белых людей.

19 мая Холл подошел к этой реке, оказавшейся в действительности рукавом моря, в который впадало несколько речонков, по словам проводника изобиловавших осенью лососями.

На северном берегу Холл обнаружил место, где находился лагерь, и сделал с него набросок. За исключением находки двух пуль и особого расположения камней не оказалось никаких признаков, по которым можно было бы судить о пребывании здесь европейцев.

Необходимо также напомнить, что это место посетил в свое время и Парри.

Вернувшись на свою базу на остров Углит, Холл стал готовиться в обратный путь к бухте Репульс. 31 мая он покинул остров и без особых задержек проделал весь путь до лагеря в бухте Таллун.

По прибытии Холла в этот лагерь между ним и его белыми помощниками чрезвычайно обострились отношения, в конечном итоге приведшие к весьма печальному концу. Вражда между Холлом и матросами привела однажды к крупному разговору, имевшему место в присутствии эскимосов. Холл считал, что в этом споре он ставил на карту весь свой авторитет среди эскимосов, а следовательно и успех всего своего дела. Он категорически потребовал от матроса Колемана изменения тона, в котором тот вел разговор, угрожая ему жестокой расправой. Когда Колеман стал упорствовать, Холл хладнокровно попросил передать ему револьвер и разрядил его в грудь матросу. «Я думал, что он не проживет более пяти минут, — заканчивает Холл очередную запись в своем дневнике, — но пуля прошла в тело, не задев сердца». В течение пятнадцати дней Колеман боролся со смертью, тогда как Холл старательно ухаживал за ним. 14 августа матрос умер.

В этом же месяце Холлу пришлось расстаться с нанятыми им людьми, воспользовавшимися условиями их контракта, согласно которым по истечении года службы им предоставля-

лась свобода выбора: продолжать работать у Холла или возвратиться на родину. Они предпочли последнее. Холл надеялся, что матрос Лейлор — самый близкий ему из всех — согласится остаться с ним, но после некоторых колебаний и он покинул Холла. Что касается самого Холла, то он решил все-таки не отступать и в будущем году во что бы то ни стало осуществить поездку к Земле короля Уильяма.

XIV. НАКОНЕЦ У ЦЕЛИ

Экспедиция Холла (продолжение)

С наступлением зимы 1868/69 года Холл начал готовиться к большой экспедиции, которая должна была быть последней перед возвращением его в Соединенные Штаты. Работы было много. Изо дня в день сушили над плоскими с горящим фитилем оленину, которой удалось наготовить 85 килограммов, равноценных 340 килограммам свежего мяса. Приходилось проделывать еще раз всю подготовительную работу, так хорошо знакомую Холлу. Он проявил при этом удивительную выдержку, так как попрежнему строго и деловито следил за всеми мелочами снаряжения, твердо надеясь, что эта последняя его попытка непременно должна будет увенчаться успехом.

Настал март месяц 1869 года. «Холл был в самом бодром настроении, — пишет составитель книги о нем, — когда, 22-го этого месяца, он приступил к заброске продовольственного груза в сторону озера. Он выступил бы в этот же день, если бы не сорвался свирепый шторм. Потеря даже одного дня была для него тяжелым испытанием.

«Первая страница записной книжки Холла 23 марта 1869 года начиналась теми же полными бодрости словами, которые он написал при отправлении в обещавшее так много путешествие 1866 года:

«„Теперь к Земле короля Уильяма!“

«Ни разочарования, которые он испытал в течение четырех с половиною лет, ни повторные предложения вернуться в Соединенные Штаты не помешали ему снова сделать эту запись.

«Его отряд состоял теперь не из белых, как предполагалось раньше, а из пяти эскимосов мужчин, трех женщин и двоих детей. Это были Эбирбинг и Тукулиту с их приемной

дочерью Пунни, Уэла, Папа, Ньюкерцу с женой. Джерри и его жена с ребенком в мешке, — всего одиннадцать человек».

Предполагая следовать старым путем от бухты Джибсона до залива Пелли и вспомнив, что приблизительно этот же путь был нанесен на карту доктором Рэ, Холл считал бесполезным тратить здесь время и отвлекать свое внимание на астрономические наблюдения. По этим же причинам он решил обойтись без определения направления компасом, точно запоминая пройденное расстояние. Опыт подкрепил его намерение следовать обычаю эскимосов, делая вначале лишь небольшие переходы с тяжело нагруженными санями. Это было необходимо, чтобы постепенно привыкнуть самому и приучить своих спутников к продолжительному путешествию, сопряженному со всевозможными лишениями.

31 марта¹ путешественники прибыли к мысу лэди Пелли, расположенному сравнительно недалеко от крайней точки, достигнутой Холлом в предыдущие путешествия. Подойдя к продовольственному депо, устроенному 10 мая 1867 года, Холл обнаружил, что продовольствие не тронуту, но мешки с хлебом, сахаром, кофе, мукой и бисквитами смерзлись в одну массу, так что пришлось приложить не мало усилий, чтобы отделить их друг от друга. При этом один мешок с кофе разорвался и часть содержимого рассыпалась. Другая часть подмокла от воды, которая стекала с отлогой горы, находившейся возле. Несмотря на это, кофе не утратило своих вкусовых качеств.

Холл намеревался повернуть от мыса к западу по направлению к Земле короля Уильяма, к которой он так давно стремился, однако ему еще раз пришлось столкнуться с упрямством своих спутников-иннуитов и заставить их идти вперед. Они намеренно мешкали с приготовлениями для дальнейшего продвижения, приводили прежние доводы о необходимости отдыха для своих собак и спорили относительно дороги, которую следовало избрать.

Холл записывает в своем дневнике: «Если я когда-нибудь достигну конечной цели моего путешествия с таким недисциплинированным отрядом, — это будет большим подвигом. Все смотрят на Джо, подражая ему, а он ленив и боится всяких трудностей пути».

¹ Начиная с этого места и до стр. 440, рассказ о походе к Земле короля Уильяма почти целиком передан словами составителя книги о путешествиях Холла в 1864—1869 годах.

Когда решался вопрос относительно того, где именно нужно повернуть к западу, Уэла, на которого больше всего возлагалось надежд, предложил дорогу, которую он избирал раньше при своих передвижениях — по суше от бухты Кольвиль. Джерри, туземец с залива Пелли, поддержал его, и Холл подчинился их указаниям. Отправившись 4 апреля в 6 часов 45 минут в северо-западном направлении, отряд продвигался по низкому берегу, покрытому снегом, за исключением отдельных клочков земли, с которых снег был сметен ветрами. Начиналась буря, и путь становился тяжелым.

В течение следующих двух дней отряд продолжал двигаться к северу и западу. Он прошел мимо нескольких покинутых иглу и каменных гурьев, расположенных в ряд, поставленных иннуитами на вершинах небольших холмов.

Холла ожидали дальнейшие разочарования. Некоторые из иннуитов не старались подгонять собак, а Джерри был даже обнаружен однажды крепко спящим на своих саниах. Холл, который во всех своих экспедициях хотел, чтобы все его спутники были охвачены в той или иной мере энтузиазмом, отмечает, что эскимосы не понимают значения похода и беспрестанно теряют время, останавливаясь, чтобы покурить и поболтать. Он прибавляет к этому: «Удивительно, как собаки вообще могли двигаться вперед, когда сани всю дорогу погружались на целых шесть дюймов в снег».

Карта, составленная Рэ, оказалась настолько правильной, что на нее можно было вполне положиться и, пользуясь ею, обходиться без компаса.

По совету Уэла отряд расположился лагерем у озера, которое местные жители называют Тепсукюа. Холл отмечает, что оно простирается к северо-западу. Уэла многозначительно подчеркнул, что именно здесь его отец и иннуиты залива Репульс сделали остановку перед встречей с туземцами залива Пелли.

На другой день, чтобы двинуться скорее вперед, собак накормили рано утром. Весь отряд приготовился к тяжелому переходу еще накануне, подкрепившись за ужином пеммиканом. Ожидая встретить туземцев залива Пелли в тот же день, отряд занялся приведением в порядок копий, ножей, ружей и пистолетов и в 10 часов утра двинулся по направлению к северо-западной оконечности озера, чтобы идти дальше по льду небольшой реки, соединяющей это озеро с заливом Пелли. В полдень, дойдя до конца озера, Холл и

его спутники увидели, что к самым берегам реки подходят высокие горы. Здесь на льду оказались отдельные места, совершенно свободные от снега, который был сметен ветрами, проникавшими через горные ущелья.

Начав спускаться по реке Келлет, Холл через несколько минут был изумлен, обнаружив, что отряд вынужден подниматься по замерзшим порогам. Продвигаясь далее вниз по реке, отряд миновал живописную группу покрытых красноватым мхом скал, высотой в 60 метров, напоминавших стены крепости. Противоположный берег был также горист, представляя резкий контраст с равниной, по которой отряд до сих пор продвигался. Собаки попрежнему тянули свой тяжелый багаж по глубокому снегу, покрывшему лед реки. На остановках, поднимаясь на вершины холмов, Холл старался найти самый удобный путь к заливу, но суровость гористой местности предвещала мало хорошего. Все же он согласился последовать совету Уэла и двинуться дальше, а не возвращаться на дорогу, указанную на карте Рэ.

К концу дня собак выпрягли и, придерживая сани, совершили опасный спуск к другому озеру у подножья высокой горы. Спускаться пришлось с высоты 120 метров на протяжении четверти мили. Теперь Холл отошел далеко от той дороги, по которой следовал Рэ в 1854 году, пересекая реку Келлет. На следующий день, идя дальше к западу, он с радостью увидел прямо перед собой покрытую льдом поверхность моря. Насколько можно было заметить в подзорную трубу, залив и все проходы были загромождены старым, тяжелым льдом. В 11 часов он убедился, что залив был наполнен льдинами, нагроможденными одна на другую и достигавшими в некоторых местах высоты 3 метров. В других местах лед напоминал волны бушующего моря, как бы внезапно замерзшие. В 1 час дня отряд наткнулся на сплошной нескрывшийся лед. Уэла, вспоминая, что во время прошлого посещения этих мест с его отцом лед был мягким, и на нем тогда можно было охотиться на тюленей, выразил уверенность, что они не скоро встретят туземцев залива Пелли, так как последние должны были направиться к югу за продовольствием, не будучи в состоянии теперь охотиться на тюленей. Продвинувшись немного далее по льду, отряд в шестнадцатый раз расположился лагерем среди нескрывшегося льда у восточной оконечности острова Августы.

В 7 часов утра ярко засверкало солнце, показавшись впервые после того, как путешественники оставили лагерь

у мыса Уэйтон. Здесь отряд отдыхал целые сутки. Собакам дали полную порцию пищи, и, наевшись досыта, они спали в течение двадцати четырех часов. Удивительно, что ни одна из восемнадцати собак не выбыла из строя, хотя им и приходилось тащить двое тяжелых саней с продовольствием и маслом для топлива, всего до 1050 килограммов.

Вскоре после того, как отряд снова отправился в путь, он наткнулся на недавно сооруженное иглу, что указывало на близость жителей залива Пелли. Холл направил часть своих спутников с поручением отыскать, если это окажется возможным, следы от саней. Поиски эти, однако, не увенчались успехом, хотя вскоре были обнаружены еще три снежных хижины, которые эскимосы занимали прошедшей зимой. В одной из них Ганна нашла кусок ясеневое дерева — повидимому остаток сломанного руля.

Отправляясь в путь после последней остановки, Холл намеревался идти прямо к западной стороне залива и оттуда по суше к западу, чтобы обследовать местность к югу от устья Большой рыбной реки, где могли сохраниться следы экспедиции. Но теперь, стремясь как можно скорее встретиться с туземцами залива Пелли, в надежде получить от них дальнейшие сообщения, а может быть и какие-нибудь бумаги, оставшиеся от экспедиции Франклина, он изменил направление и пошел к северу.

Вскоре Холл и его спутники наткнулись на пловучие льды, образовавшиеся последней зимой. Они сделали здесь остановку, найдя это место подходящим для ловли тюленей.

10 апреля были замечены следы, указывавшие на близость иннуитов залива Пелли. В ожидании встречи было решено смастерить копьа, прикрепив штыки к концам длинных палок. Зная распри, существовавшие между этими иннуитами и его спутниками, Холл имел полное основание опасаться нападения. Он распорядился поэтому снабдить каждые сани винтовками, штыками, револьверами, а также копьями.

Идя дальше на север, отряд наткнулся на свежие следы иннуитов. После того как Холл и его спутники шли часа два по этим следам, собаки почуяли близость иглу и побежали с такой быстротой и с такими прыжками, что сбили с ног Холла и Папа. Десятью минутами позже они приблизились к хижине. Из предосторожности сначала был послан на разведки Джерри, который скоро появился, приглашая знаками идти вперед. К отряду подошли старый эскимос Тунгнук,

его жена и еще один старик, по имени Коббиг, вооруженные длинными ножами, но приветствовавшие прибывших очень любезно. Оказалось, что они оставались в этих иглу, тогда как три семьи расположились на некотором расстоянии дальше к северу. Мужчины, принадлежавшие к этим семействам, отсутствовали, охотясь на мускусных быков к западу от этой местности.

Войдя в хижину с Джерри и Папа в качестве переводчиков, Холл приступил к обычным расспросам относительно экспедиции Франклина. Коббиг, как и его брат, старый Коклиаригнук, вождь, встреченный Холлом в 1866 году, был общителен, весел и, повидимому, добродушно настроен. В иглу Тунгнука был найден каменный кувшин бледнорозового цвета, весом около 2,5 килограмма, со сломанной ручкой. На нем не было никакого отличительного знака, но, по словам местных жителей, его принесли с Земли короля Уильяма. Холл нашел также медную лампу, лезвие кинжала и лопату для отгребания снега длиной в 1 метр, сделанную из соснового или елового дерева, заgroundованного, повидимому, первоначально свинцовой краской, а поверх нее покрашенного белой. Нижняя часть лопаты была цвета свежего дерева, а кусок на левой стороне — зеленого цвета. По словам эскимосов, лопата была сделана из корабельного бимса, или обшивной доски, которая была добыта на Кикитунге, как называют эскимосы Землю короля Уильяма. Отвечая на дальнейшие вопросы относительно лопаты, Тунгнук сказал, что она была взята с обширного у-ми-ена, то есть корабля.

«— Находится ли он там теперь?

«— Нет, он затонул.

«— Был ли он раздавлен льдами?

«— Нет, иннуиты, добывая дерево (бимсы и тимберсы), сделали в нем отверстие, и вскоре после этого он затонул».

По словам эскимосов, лопаты для отгребания снега были сделаны раньше из несравненно более толстого дерева. Тунгнук никогда не был в Кикитунге, но знал о многом, что там произошло, от знакомых местных жителей, которые все там бывали.

Тунгнук рассказал Холлу, что, когда иннуиты нашли останки белых людей на Земле короля Уильяма, они обнаружили, что у некоторых трупов были отрезаны руки и ноги, которые, очевидно, были съедены погибавшими от го-

лода участниками экспедиции. По надрезу на костях было видно, что они были отпилены.

Коббиг сказал, что все белые люди, за исключением двух из них, долго живших в Кикитунге, погибли. Один из этих двух был Аглука, то есть Крозье. Обоих их видели некоторые из его, Коббига, друзей, в том числе отсутствовавшие в настоящее время, к большому огорчению Холла, два эскимоса. Первый из них, оказавший некоторую помощь Крозье и его спутнику, почти умиравшим от голода, был теперь на Земле короля Уильяма. Второй, по имени Иннупуциджук, знавший очень многое о погибшей экспедиции, находился в настоящее время близ устья Большой рыбной реки и, по слухам, был тяжело болен.

Эскимос рассказал, что тамошние жители почти погибали от голода, у них не оказалось никакой пищи, за исключением небольшого количества тюленьих костей с остатками жженого мяса. В хижинах не было даже огня.

Старый Коббиг сообщил Холлу, прощаясь с ним, что до западного моря от шести до восьми дней пути, что Земля короля Уильяма видна с берега у восточной стороны пролива и что сам остров низменный. В восточной части острова было много иннуитов. Он сказал также, что благодаря присутствию среди них белого человека иннуиты залива Репульс, то есть спутники Холла, могут спасти свою жизнь при встрече с эскимосами, кочевавшими по острову.

Спутники Холла теперь окончательно перепугались. Этому способствовало также неприязненное отношение к ним со стороны самого Тунгнука, который, как им было известно, потерял одного из своих родственников и должен был «убить кого-нибудь, чтобы привести в порядок свои отношения с богом». Кроме того, суеверные спутники Холла были испуганы сообщением о том, что многие жители залива Пелли и Земли короля Уильяма недавно умерли. Они одинаково боялись как итти вперед, так и оставаться. Все же их удалось успокоить и уговорить продолжать путь, хотя можно было опасаться, что не хватит продовольствия, а охота на мускусных быков снова оказалась безрезультатной. Тем не менее, благодаря тому, что Холл, отправляясь в путь, распорядился нагрузить как можно полнее сани, ему удавалось пока не только кормить досыта своих спутников, но и снабдить некоторым количеством провианта голодавших туземцев, среди которых был его старый приятель Сипунгир.

18 апреля Холл определил при помощи астрономических наблюдений, что отряд сделал остановку (двадцатую) на озере Симпсон на $68^{\circ}30'22''$ северной широты и $91^{\circ}31'$ западной долготы. Уэла, отсутствовавший два дня, вернулся усталым с охоты на мускусных быков, которая на этот раз оказалась удачной. Ему удалось наткнуться на быка, щипавшего траву на горе Эллис. Преследуя быка, он перебил ему сначала ногу, а потом, выпустив все свои пули, ранил в живот. Уэла тащил быка несколько миль до места, где начинались санные следы, и оставил его там. Джек и Джо немедленно отправились за быком с санями и собаками и через два часа не только привезли тушу животного, но и часть оленя, которого удалось подстрелить Папа. В ту же ночь тушу разделили на куски, причем значительная часть мяса, сала, мозг и желудок были тут же с жадностью съедены эскимосами. Только женщины воздержались от участия в этом пиршестве, так как мяса за недостатком масла и отсутствием другого топлива не удалось сварить. Их накормили пеммиканом, однако Тукулиту заявила, что эта пища ей так же противна, как отвратительным показалось Холлу волчье мясо, которым его накормили в Иглулике.

Иннуиты потребовали теперь прервать на некоторое время путешествие, чтобы дать им возможность поохотиться за мускусными быками. Чтобы сохранить у них хорошее расположение духа, Холл позволил Уэла и Папа отправиться на охоту, а сам продолжал идти вперед, дойдя 22 апреля до озера Гриннеля, где он сделал остановку.

Охота оказалась удачной, но Холл замечает, что обычно большая часть добычи быстро пожирается самими охотниками, хотя, отправляясь на промысел, они каждый раз говорят, что идут раздобывать пищу для собак. Что касается основных запасов, то они находились на строгом учете у Холла.

27 апреля отряд переправился через приток реки Мурчисона и от этого пункта стал быстро подвигаться вперед по ровному и твердому снежному полю. Однако спутники Холла снова пришли в уныние, опасаясь, что в случае дальнейшего продвижения и они сами, и их собаки погибнут от голода, прежде чем смогут двинуться в обратный путь. Уэла вскоре заметил следы саней, которые, повидимому, пересекли залив Ричарда и затем вернулись обратно. Уныние быстро сменилось радостным настроением. Остаток дня пришлось тащиться по нагроможденным одна на другую льдинам и, так

как собаки устали, поднимаясь и спускаясь с ледяных гор, пришлось выбрать место для двадцать пятой стоянки тут же среди глыб льда.

На следующее утро, к величайшему огорчению Холла, остановились его карманные часы. Компас совсем отказывался служить при приближении к Магнитному полюсу и допускал отклонение в 80°.

Холл с величайшим нетерпением ожидал встречи с эскимосами, следы от саней которых были видны, начиная с Земли короля Уильяма. Он сообщил своим спутникам, что, если они не встретят в скором времени эскимосов, он позволит им поохотиться на тюленей. Иннуиты выражали беспокойство по поводу собак, ставших до того прожорливыми, что грызли перекладыны саней.

30 апреля в направлении к югу было замечено иглу, при посещении которого было установлено, что оно еще недавно было обитаемо, так как кругом имелись свежие следы людей и собак. Уэла и Джерри были спешно посланы в южном направлении с поручением разыскать иннуитов. Через несколько часов, к величайшему восторгу Холла, было установлено наличие поблизости значительного числа иглу. Папа был напуган теперь более, чем когда-либо, и Холл, посоветовавшись с другими спутниками, решил остановиться за линией нагроможденных одна на другую льдин, которые могли служить великолепным бруствером в случае битвы с туземцами. Издали было видно, как они в сопровождении собак охотились на льду за тюленями.

На следующее утро отряд двинулся, однако, вперед, готовясь встретить туземцев, которые могли оказаться как друзьями, так и врагами. Приближаясь к хижинам, спутники Холла произносили молитвы, чтобы те, с которыми предстояла встреча, приняли их по-дружески; Холл же мечтал об одном — узнать как можно больше о судьбе погибшей экспедиции, а может быть и спасти тех, кто еще остался в живых, и получить какие-нибудь письменные сообщения.

В 360 метрах от хижин была сделана остановка. Холл, Папа и Джо остались около саней, а Уэла, Джек и Джерри пошли дальше, держа в руках свои длинные острые ножи. Иннуиты вышли им навстречу из хижин, не обнаруживая ничем враждебных намерений. Среди них был человек, которого Холл больше всего желал встретить — Иннуциджук.

Первым вопросом, заданным ему, было: «Ну-тима

Селение эскимосов

Аглука?», то есть — «Где Крозье?», а первым предметом, показанным Холлу, была большая серебряная ложка с гербом Франклина. Эта ложка, по словам иннуитов, была взята на большом острове, где погибло много белых людей.

Холл решил сделать здесь остановку, и иннуиты любезно помогали при сооружении иглу, пользуясь при этом ножами, которые принадлежали участникам погибшей экспедиции. Один из ножей был получен ими от Мак-Клинтока. Имена иннуитов были записаны в книгу, что им всем очень понравилось, и остаток дня был посвящен мирной беседе. Переводчики — Тукулиту и Эбирбинг — быстро освоились с их наречием. У Иннупуциджука оказалось множество предметов с погибших судов, и Холл сразу же приступил с ним к переговорам об обмене. Этот эскимос начертил карту Земли короля Уильяма и соседних островов и сообщил местные наименования отдельных пунктов.

Пробыв у стоянки иннуитов до 8 мая, Холл направился к Земле короля Уильяма, чтобы посетить место, где, по полученным сведениям, было похоронено пять человек из числа спутников Франклина. Времени у него оставалось немного, так как его спутники решили вернуться к заливу Репульс в течение ближайших двух недель.

Дав строжайшее поручение Уэла не превышать установленной нормы при выдаче продовольствия в том случае, если не удастся поймать тюленей, он взял с собой Иннупуциджук и Ньюкерцу с его женой. Шли со скоростью двух с половиною миль в час. При приближении ночи показалась с таким нетерпением ожидавшаяся земля — вершина столовой горы на так называемом острове Матисона. Холл трижды прокричал «ура» и записал в своей записной книжке: «Какое прекрасное чувство я испытываю теперь, когда увенчались успехом мои десятилетние усилия».

Дойдя до четырех обитаемых хижин, Холл сделал двадцать восьмую остановку у мыса Бут. В этих хижинах также оказалась целая коллекция оставшихся от экспедиции Франклина предметов, в том числе подставка для писания красного дерева. Она служила эскимосам подносом. Один из туземцев дал Холлу две серебряных ложки, небольшой ящик красного дерева и много других предметов, в том числе куски меди со знаком стрелы и стальное острое копье с выгравированной на нем надписью «The ship». Все это было добыто на одном из судов Франклина и на южном берегу острова О-Рейли. В обмен на эти предметы Холл вручил туземцам ножи, иглы, наперстки, бусы и кольца.

9 мая Холл и его спутники направились дальше. Иннупуциджук оказался прекрасным проводником, проведя Холла прямой дорогой к самому восточному из островов Тодда. Компас впервые показал, что путешественники двигаются по направлению к югу, долгое время до того он показывал, что они идут в северном направлении. На остановке удалось поужинать великолепной свежей лососяной, вареной и горячей.

11 мая Холл сделал остановку на одном из островов Тодда и немедленно принялся за поиски могил тех пяти спутников Франклина, которые, по словам туземцев, были здесь похоронены. Северо-западная оконечность острова оказалась очень низменной и ровной и почти вся была покрыта снегом. Холл нашел часть человеческой берцовой кости, которая была отломана, повидимому, не очень давно. Иннупуциджук заявил, что это была кость одного из пяти похороненных здесь участников экспедиции. Тем не менее попытку найти останки остальных пришлось оставить из-за глубокого снега. Пуэтта, эскимос, который сопровождал Холла от места последней стоянки до острова, заявил теперь, что, когда он видел трупы в первый раз, они не были похоронены, но лежали близко друг от друга, на них была одежда и они не

были изуродованы. В кармане одного из умерших был найден складной карманный нож, а около трупов оставалась пища, которая была съедена иннуитами.

На другой день Холл переправился на Землю короля Уильяма, чтобы найти, если это окажется возможным, то место, где были будто бы похоронены двое других спутников Франклина. По прибытии к устью реки Пфеддер туземцы соорудили для Холла снежную стену, чтобы уберечь его от действия ветров и снегопада, пока он будет производить измерения секстаном. Но солнце появилось только на одно мгновение и больше не показывалось.

Уже к вечеру двое из его спутников после больших усилий добились успеха, откопав из-под снега не зарытый в землю скелет. Около этих останков был поднят американский флаг и сооружен памятник из камней, высотой до 1,5 метра. Был дан также ружейный залп в честь погибшего, который, по выражению Холла, был одним из героев, разрешивших проблему Северо-западного прохода. Сильная буря, твердый и глубокий снег помешали дальнейшим поискам.

После первого обследования берега Земли короля Уильяма Холл исследовал еще одно место на том же южном берегу, но несколько далее к востоку, так как после длительных бесед с туземцами рассчитывал найти там останки других участников экспедиции. Пройдя не более получаса, Холл со своими спутниками пришли к длинной отмели. Здесь, по словам туземцев, был похоронен белый человек. Это они слышали от своих единоплеменников, но только один из них видел могилу. Место было осмотрено, но снег и на этот раз помешал розыскам. Тем не менее и здесь был сооружен памятник.

Возвращаясь к стоянке, Холл возобновил свои расспросы и узнал от одного из эскимосов, что его жена видела скелеты пяти умерших на самом южном из островов, в сорока метрах от берега. Так как эта женщина утверждала, что хорошо запомнила место, где видела скелеты, Холл распорядился поставить там третий памятник и почтить ружейным залпом погибших.

Холл был уверен, что путем длительных бесед и настойчивых расспросов местных жителей он выяснил место гибели приблизительно 79 человек из 105, покинувших суда под командой капитана Крозье. Трупы их остались на Земле короля Уильяма или поблизости от нее, причем часть их была изуродована собаками. Самое существенное из бесед

с туземцами этой местности, на основании которых он считал установленной судьбу указанного выше числа спутников Франклина, Холл записал в дневнике 5 мая:

«Сегодня вечером в моей хижине собрались Иннупуциджук, Тиката, Ауверк и некоторые другие, проживающие здесь иннуиты. Я хочу теперь попробовать определить приблизительно число людей экспедиции Франклина, относительно которых мы знаем от иннуитов и из других источников, что они умерли вскоре после того, как четыре упомянутых мною раньше иннуита видели Крозье. Собравшиеся у меня иннуиты выразили согласие помочь мне в этом, хотя и предупредили, что не ручаются за полную точность, так как погибших белых людей было «очень много». Иннупуциджук заставил своих товарищей протянуть пальцы, чтобы лучше сосчитать число людей, найденных в лодке.

«При подсчете оказалось, что их было	50
в лодке, которую нашел «белый человек» (Мак-Клинток), прежде чем ее обнаружил Иннупуциджук,	
было два черепа	2
и пять он нашел около лодки	5
недалеко от этой лодки он нашел другую, в которой	
было три черепа и около нее еще четыре, всего	7
похоронены на островах Тодда	5
на южном берегу Земли короля Уильяма	2
если присоединить сюда число найденных в большой	
палатке и около нее	30
и широкоплечего человека с длинными руками, най-	
денного на борту корабля	1
а также четырех, следы которых были замечены на	
материке около бухты Уильмота и Кремптона .	4
окажется всего	105
Если вычесть отсюда двух человек в лодке, ранее най-	
денных Мак-Клинтоком	2
и считать, что число найденных в лодке к западу от	
мыса Ричардсона, преувеличено вдвое	25
Мы можем остановиться на числе	79
как наиболее точном	

Иннуиты были совершенно уверены в том, что лодка, найденная к западу от мыса Ричардсона, была той самой, которая была у отряда Аглуки, когда он встретил четыре семейства эскимосов непосредственно за мысом Гершеля.

Накануне Холл записал в своем дневнике:

«Вечером встреча с Эпкипиреа, иннуитом из Нейтчили, который прибыл сюда со своей семьей. После того, как вновь прибывшие разместились в своих хижинах, я посетил неко-

торых из туземцев, взяв с собой Джека. Я хотел прежде всего посмотреть стеклянную бутылку, которая, по словам Иннупуциджука, принадлежала спутникам Крозье, а теперь была у одного из семейств, прибывших сюда сегодня. Мы посетили сначала одного старого эскимоса и его семейство, у которых оказался напилоч, закругленный с одной стороны и плоский с другой. Он был заострен на конце и им пользовались для резания и строгания.

«Эккипиреа долго жил на острове О-Рейли и слышал там рассказы туземцев о корабле, посетившем их страну. Этот корабль имел по бокам четыре лодки, а пятая была на шканцах. Вокруг корабля был пловучий молодой лед, образовавшийся за последнюю зиму. С одного из бортов была протянута на лед толстая доска. Один из туземцев с готовностью показал на карте Мак-Клинтока место, где затонул корабль. Оно оказалось вблизи острова О-Рейли, немного к востоку, от северной оконечности этого острова, между ним и бухтой Уильмота и Кремптона. Один иннуит увидел этот корабль во время охоты на тюленей. Корабль находился далеко в открытом море среди льдов. Он решил направиться к нему, хотя и не мог отделаться от чувства страха. Он поднялся на корабль, но не встретил никого, хотя казалось, что там были недавно люди. В конце концов он рискнул украсть нож и вернулся как можно скорее домой. Когда этот туземец показал иннуитам украденный им нож, все они сейчас же направились к кораблю. Поднявшись на корабль, иннуиты сначала хотели убедиться, не осталось ли там кого-нибудь из экипажа, но, не встретив никого и не слыша никаких звуков, которые указывали бы на присутствие людей, принялись за расхищение.

«Чтобы проникнуть в одно иглу, то есть каюту, они должны были пробить отверстие, так как она оказалась запертой изнутри. Они нашли там труп широкоплечего человека с длинными руками. Понадобились усилия пяти человек, чтобы поднять этого белого гиганта. Он был оставлен там, где его нашли. Одно место на корабле, где они нашли большое количество разных вещей, было совершенно темным, вещи приходилось отыскивать ощупью. Там оказались ружья и большое количество ведер и ящиков. На мой вопрос, не видели ли они на корабле чего-нибудь съестного, я получил ответ, что там было мясо; оно было жирным и напоминало пеммикан. Паруса, снасти и лодки и вообще все на корабле было в полной исправности.

«Другой иннуит рассказал почти ту же самую историю о погибшем корабле и найденном там мертвце, прибавив, что труп был найден на полу и что на нем была одежда. Он рассказал также, что корабль был покрыт сверху парусами или тканью, из которой делают палатки. Каюта была внизу, а не на палубе. Было это в середине мая или в начале июня.

«Иннупуциджук сообщил что он нашел лодку (немного западнее той, которая была обнаружена Хобсоном). Лодка была скреплена медными клепками, и все доски были в целости. В ней оказалось много скелетов с сохранившимися черепами. Он передал мне нож с двойным лезвием и белой костяной ручкой, очень заржавленный. Нож был взят из этой лодки. Когда он впервые увидел эту лодку, она еще никем не была тронута, и в ней оказалось много бумаг, книг и разных письменных материалов. Все это казалось ненужным хламом для иннуитов и погибло от ветров и непогоды. Иннуиты топтали эти документы, как будто бы это была трава.

«Около лодки была палатка, раскинутая у небольшого песчаного холма. При этом на карте был указан пункт близ бухты Террора, немного севернее того места, которое граничит с проходом Фицджермса. Палатка была больших размеров, в ней оказались одеяла, постельное белье и большое количество костей и черепов. Мяса на костях не было, остались одни сухожилия. Повидимому лисицы и волки грызли найденные в палатке трупы. Некоторые кости были, казалось, отделены пилой, в нескольких черепах были пробиты отверстия. Кроме одеял, в палатке были найдены оловянные чашки, ложки, вилки, ножи, два дуствольных ружья, пистолеты, свинцовые пули, большое количество пороховниц и исписанные книги и бумаги. Эти последние туземцы выбросили, как ненужный хлам, за исключением одной книги, которую Тикита взял домой и отдал детям. Через некоторое время она была разорвана в клочки».

На вопрос, заданный Тикита, имел ли Аглука, то есть Крозье, с собой подозрную трубу при посещении иннуитов, туземец ответил: «На следующее утро после встречи с эскимосами Аглука посетил одну из палаток, в которой жили четыре семейства, прибывших с западного берега Земли короля Уильяма. Подзорная труба висела у него на шее. Сопровождавшие его люди тащили большие сани с лодкой, а также другие сани поменьше с лагерными принадлежностями и продовольствием. Они разбили палатку недалеко от

стоянки иннуитов. Некоторые из прибывших спали в лодке, которая была оставлена на морском льду; снег, покрывавший землю, в это время уже растаял. При первой встрече с иннуитами Аглука держал в руке ружье. Увидев, что он положил его на землю, иннуиты бросили свои копья. Тогда Крозье подошел к ним и сказал: «Тий-мо? Мон-ик-ту-ми?», коснулся рукой их груди и пожимал им руки, как это делают белые.

«Это было поздней весной, так как лед должен был скоро тронуться. Солнце светило все время. На озерах и лужах было много уток и другой птицы. Тикита видел, как Крозье застрелил двух гусей. Его спутники также занимались охотой. Аглука настойчиво пытался разговаривать с иннуитами, но мог сказать только очень немного слов. Он имел с собой маленькую книжку, в которой делал пометки. Его сообщение о корабле, раздавленном льдами, и умиравших людях было полностью понято лишь впоследствии. Он съел кусок сырого тюленьего мяса величиной не больше, чем указательный и следующий за ним пальцы до первого сустава. Крозье не носил кортика. Он говорил, что идет в Ивиллик, то есть в бухту Репульс, указывая рукой в этом направлении. Один из сопровождавших его был очень тучен, другие же очень тощи».

Эскимосы запомнили также, что у одного из спутников Крозье не хватало верхнего зуба, у другого был седлообразный нос, а третий страдал косоглазием. Иннуиты покинули Крозье и его отряд, хотя знали, что оставляют голодающих людей.

Настало время направиться в обратное путешествие. Иннуиты, которые переправились с Холлом на остров, стремились возвратиться к своим соплеменникам; среди них были не только Уэла, но и двое друзей — Эбирбинг и Тукулиту. Холл был вынужден поэтому отказаться от посещения того места на западном берегу Земли короля Уильяма, где, по словам туземцев, «была обнаружена палатка, пол которой был весь покрыт трупами людей». Но попытка переправиться к мысу Ричардсона, чтобы разыскать место, где иннуитами была найдена лодка вскоре после их встречи с отрядом Крозье у мыса Гершеля, была бы напрасно затраченным временем. Дело в том, что берег там был настолько низким и покрыт таким глубоким снегом, что было бы невозможно различить сушу от моря. Ньюкерцу уверял, что, если они не отправятся в ближайшие дни в обратный

путь к заливу Репульс, море очистится от льда и снега, и им придется испытать много тревог.

16-го Холл вернулся к двадцать седьмому лагерю на пути к Земле короля Уильяма, где он оставил почти весь свой отряд. По дороге к этому месту он очень грустил по поводу того, что не было возможности отправиться на розыски гурия, о котором рассказывал ему его спутник. Холл прибыл в лагерь в обществе местных иннуитов, среди которых находился также Иннупуциджук.

Вместе с обоими эскимосами, сопровождавшими его на острова Тодда, Холл направился дальше, чтобы получить более точные сведения об умершем участнике экспедиции и, главным образом, чтобы найти людей, которые были последними, видевшими Крозье и его отряд. Прибыв к бухте Инглис, где им было оставлено продовольствие, он снова нашел много предметов, оставшихся от экспедиции, в том числе кусок мачты, дубовые и сосновые обрубки, а также обломок лодки. Из продолжительных бесед с туземцами он узнал много интересного и нового относительно их последней встречи с Аглукой.

Самое существенное из этих бесед он изложил в своем дневнике, который приводится ниже.

20 мая началось возвращение к заливу Репульс. Отряд Холла состоял теперь из 15 человек и запряжки из восемнадцати собак. Тяжело нагруженные сани были так хорошо подморожены Иннупуциджуком, что легко скользили по мягкому снегу.

28 мая путешественники прибыли на то место, где была их девятнадцатая стоянка. Здесь был открыт продовольственный склад, устроенный 17 апреля. Туземцы залива Пелли благоденствовали после недавних охот. Целый день был посвящен Холлом беседе с ними все на ту же единственно интересовавшую его тему.

3 июня отряд Холла остановился на отдых у горы Мак-Тэвиш, упоминаемой доктором Рэ, причем он и его спутники имели здесь возможность полакомиться свежим оленьим мясом, вместо надоевшего всем пеммикана, но зато спали в хижине без крыши и, просыпаясь, видели над собой мрачное небо и падающий снег, а около хижины — бродивших волков.

Холл проболел здесь несколько дней, что заставило его отказаться от намерения направиться к мысу Сиверайс и далее к северу, к морю, чтобы осмотреть памятник, который,

по уверениям Уэла, был сооружен белыми после пребывания доктора Рэ в 1854 году.

Касаясь своего внезапного и серьезного заболевания, Холл впоследствии писал: «Мне кажется теперь сном, что я находился в лишенной крыши хижине, лежа на оленьей шкуре и окруженный со страхом взиравшими на меня спутниками, пока, наконец, не оправился, приняв большую дозу мятной эссенции, в тот момент, когда мне казалось, что я уже расстаюсь с жизнью».

У мыса Уэйнтон Холл оставил подарки для Сипунгира в благодарность за помощь, оказанную им зимой 1867/68 года доставкой китового жира и мяса. После этого Холл окончательно распростился с этим мысом, на котором он побывал уже три раза.

В дальнейшем наиболее интересные записи относятся к охоте на мускусных быков. С 6 по 13 июня отряд продвигался очень медленно, все время отвлекаясь для охоты. Быков было так много, что Холлу и его спутникам в один день удалось застрелить свыше двадцати этих животных, причем три были убиты самим Холлом, а четыре молодых быка подстрелила Ганна.

Холл писал по этому поводу:

«Я много и долго трудился в самых суровых условиях и нуждаюсь теперь в некотором отдыхе и развлечении, которым и служит мне охота».

На всем пути от Земли короля Уильяма дичь была в таком изобилии, что иногда они бросали ее прямо на дороге. Указывая на то, что и до мыса Уэйнтон попадалось много дичи — гусей, куропаток, сурков — Холл записывает в своем дневнике: «Если бы я мог встретить Крозье и его отряд 21 год тому назад при тех же благоприятных условиях, в каких протекало это путешествие, я уверен, мне удалось бы спасти всех до одного человека».

Под «благоприятными условиями» Холл имел в виду дружеские отношения с туземцами и их помощь, в качестве переводчиков и проводников, а также возможность пользоваться их услугами для раздобывания дичи.

Когда Холл прибыл к месту прежней стоянки у залива Репульс и подвел итоги охоты, оказалось, что мускусных быков убито 79 и оленей — 18. Шкуры мускусных быков весили 436 килограммов.

Приблизительный вес двух саней, включая все продовольствие, тяжелые ящики с предметами, оставшимися от

экспедиции Франклина, мясо и шкуры убитых животных, а также людей, ехавших на санях, составлял до 150 килограммов на каждую собаку.

Холл передает подробности самой удачной охоты на мукусных быков, которые дают представление об охотничьих приемах иннуитов и поведении быков, когда они подвергаются нападению охотников.

Когда первое стадо было окружено, и животные увидели выпущенных на них собак, они образовали для своей защиты круг, выставив вперед головы.

Собаки с лаем скакали взад и вперед, а охотники не спешили приблизиться, так как знали, что быки останутся в том же положении целый день, защищая себя от нападения собак.

Наконец, старый и опытный охотник Иннупуциджук приблизился на расстояние 3,5 метра к самому большому быку, держа копьё с привязанной к нему веревкой, при помощи которой он мог вытащить его обратно из раны животного. После второго удара копьём раненый и разъяренный бык сделал отчаянный прыжок вперед, от которого охотники еле успели спастись, отскочив в сторону. После того, как бык снова вернулся на свое место, Папа пристрелил его, а Уэла выстрелил в другого быка, стоявшего в круге. При звуке ружейных выстрелов все стадо бросилось прочь, за исключением двух быков, которые остались на месте, тесно прижавшись один к другому. Вместо того, чтобы искать спасения в бегстве, они, наклонив головы, начали точить свои рога о передние ноги, наподобие того как точат бритву о ремень. Эти животные всегда прибегают к такому способу, если поблизости нет камня, который мог бы служить им для этой цели.

Остальные быки из первого стада, а также второе стадо целиком были истреблены спутниками Холла при помощи ружей, копий и стрел.

20 июня 1869 года трехмесячное путешествие Холла было закончено с прибытием отряда на место первой его стоянки у залива. После дружеской беседы с местными жителями Холл поспешил написать своему другу Гриннелю подробное письмо, рассчитывая, что оно раньше его самого попадет в Соединенные Штаты. Мы приводим письмо полностью, так как оно содержит сводку материалов, добытых Холлом в его утомительном, но чрезвычайно важном по своим результатам путешествии.

Письмо Холла Генриху Гриннелю:

*«Залив Ренульс,
20 июня 1869 года.*

«Дорогой сэр. Сегодня я вернулся из санной экспедиции на Землю короля Уильяма, продолжавшейся девяносто дней. Я предполагал совершить эту экскурсию еще в прошлом году и все приготовления к ней были закончены, однако мое внимание было тогда отвлечено к полуострову Мельвиля, близ пролива Фьюри и Гекла, так как туземцы сообщили мне, что видели там белых людей. Я направился туда через Амиток, острова Углит и Иглулик, со страстным желанием спасти последних оставшихся еще в живых участников экспедиции Франклина.

«Результаты моей поездки на Землю короля Уильяма сводятся к следующему: я убедился, что ни один из товарищей сэра Джона Франклина не доходил до острова Монреаль и не умирал там. В конце июля 1848 года Крозье и его отряд, состоявший из сорока или сорока пяти человек, проходил вдоль западного берега Земли короля Уильяма около мыса Гершеля. Отряд волочил двое саней по морскому льду, который почти совсем распустился. На одних санях помещалась покрытая парусиной лодка, а другие, поменьше, были нагружены продовольствием и лагерными принадлежностями. Не доходя до мыса Гершеля, отряд Крозье встретил четыре семейства эскимосов, и оба отряда остановились вместе, один около другого. Двое эскимосов, которые были среди встретившихся с Крозье, сообщили мне интересные, но очень печальные подробности. Некоторые из них глубоко меня огорчили, даже привели в ярость, так как эскимосы признались, что вместе со своими товарищами тайно и поспешно покинули Крозье и его отряд, обрекая его на страдания и смерть от недостатка свежей пищи, хотя и имели полную возможность спасти решительно всех.

«Следующий след, оставшийся от отряда Крозье — скелет, обнаруженный Мак-Клинтоком немного далее, к юго-востоку от мыса Гершеля. Этого скелета туземцы не видели. Дальнейший след — место лагерьной стоянки на берегу Земли короля Уильяма,

приблизительно в трех милях к востоку от Перцовой реки, где умерли двое, которые были похоронены там. В этом месте туземцы нашли рыбы кости — это указывало, что Крозье и его спутники ловили рыбу, которой было очень много в этих местах. Эта рыба могла служить им превосходной пищей.

«Дальнейшие следы отряда Крозье были обнаружены в пяти или шести милях к востоку на длинной, низменной косе Земли короля Уильяма, где умер один из участников экспедиции, который был здесь же погребен. В двух с половиною милях далее к юго-юго-востоку на острове Тодда лежали трупы пяти человек. Следующий достоверный след отряда был обнаружен на западной стороне этого островка, к западу от мыса Ричардсона, на низком месте — здесь была найдена покрытая парусиновым навесом лодка и останки тридцати или тридцати пяти людей из отряда Крозье. Лодки и трупы были обнаружены туземцем Пуетта, которого описывает Джон Росс в своем отчете об экспедиции на «Победе» в 1829—1834 годах.

«Весною 1849 года эскимосы обнаружили большую палатку, весь пол которой был покрыт трупами белых людей. Около палатки были две могилы. Эту палатку я сам видел, она стояла на внутренней стороне бухты Террора.

«Весною 1861 года, когда сошел почти весь снег, отряд эскимосов наткнулся на две лодки. В этих лодках и около них оказалось много скелетов. Одна из этих лодок уже была обнаружена прежде Мак-Клинтоком. Другая была найдена на расстоянии $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ мили от первой и, очевидно, была совершенно занесена снегом во время пребывания Мак-Клинтока — иначе он и его спутники не могли бы ее не заметить. Кроме скелетов, в лодке и около нее, было найдено много оставшихся от экспедиции предметов, подобных тем, которые были обнаружены Мак-Клинтоком в первой лодке.

«Я прилагал все усилия, чтобы достигнуть больше того, что мне удалось сделать, но никто из моих спутников ни за что не хотел далее оставаться со мною в этой стране и производить летом розыски на острове. Между тем, на основании сведений, полу-

ченных от эскимосов, я мог надеяться, что в результате этих розысков мне удастся найти письменные документы, оставленные экспедицией, которые были спрятаны под каменным сводом к востоку от мыса Победа. Зная о нравах эскимосов той области, где расположена Земля короля Уильяма, я не могу удивляться или осуждать жителей залива Репульс, что они отказались остаться там, несмотря на мои просьбы. Весьма вероятно, что если бы мы остались там, как я этого желал, ни один из нас не выбрался бы оттуда живым. Как могли мы ожидать, что, попав в затруднительное положение, мы встретим со стороны местных эскимосов лучшее отношение, чем 105 человек, находившихся под начальством Крөзье после высадки на Земле короля Уильяма?

«Если бы я и мой отряд могли, не подвергаясь явной опасности, остаться летом для поисков на Земле короля Уильяма, весьма вероятно, что мы не только бы нашли журналы и записки, которые велись участниками экспедиции Франклина, но собрали бы и похоронили останки около 100 его спутников, лежавшие недалеко от тех мест, где были найдены лодки, а также у места лагерной стоянки близ бухты Террора и в трех других упомянутых мной пунктах. В небольшой бухточке к западу от мыса Ричардсона сама природа выполнила этот печальный долг, взяв на себя заботу о погребении костей умерших здесь героев. Находя могилы спутников Франклина, эскимосы вырывали трупы умерших, грабили их и оставляли на растерзание диким зверям. На острове Тодда пять тел остались непогребенными.

«Эскимос, бывший проводником моего отряда, когда мы производили поиски на Земле короля Уильяма, — тот самый человек, который первым сообщил доктору Рэ относительно белых, умерших к западу от того места, где он тогда находился, то есть от бухты Пелли, которую он посетил весной 1854 года. Его имя — Иннупуциджук, он из Нейтчили, много путешествовавший и очень смывленный. Его можно назвать живой историей экспедиции Франклина. Этого туземца я встретил в первый же день моей санной поездки по Земле короля Уильяма. После того как я пробыл несколько дней среди людей егс

племени, он согласился сопровождать меня по тем местам, которые я наметил посетить как на самой Земле короля Уильяма, так и около нее.

«Я мог бы собрать громадное количество самых разнообразных предметов, оставшихся после экспедиции Франклина, так как все они находятся у туземцев тех районов Арктики, которые я посетил, или о которых слышал из уст проживающих от залива Понда до реки Мэкензи. Как бы то ни было, я удовлетворился, взяв на свои сани до 125 фунтов предметов, приобретенных мною у туземцев Земли короля Уильяма. Некоторые из них я назову: 1) часть борта лодки (несколько досок и шпангоут, скрепленные вместе). Это часть той лодки, которая была найдена возле лодки, обнаруженной Мак-Клинтоком; 2) небольшие дубовые полозья, взятые с тех саней, которые были на лодке; 3) часть мачты с корабля; 4) футляр от часов с номером, фамилией часового мастера и выгравированной на нем королевской широкой стрелой; 5) два длинных и тяжелых куса меди, шириной в 3—4 дюйма с просверленными в них отверстиями для винтов; 6) подставка для писания, красного дерева, украшенная бронзой; 7) большое количество серебряных вилок и ложек с гербами и инициалами владельцев; 8) части карманных часов; 9) ножи и много других предметов, которые Вы, мистер Гриннель, и другие интересующиеся судьбой экспедиции Франклина, будете рассматривать с грустным чувством, когда они будут доставлены в Соединенные Штаты. Один целый скелет я также привезу с собой в Штаты.¹

«В тот год, когда «Эребус» и «Террор» были покинуты, один из этих кораблей завершил открытие Северо-западного прохода, имея на борту пять человек. Все на этом корабле находилось в полном порядке. Он был найден туземцами Ужтулика около острова О-Рейли на 68°30' северной широты и 99°

¹ После больших колебаний, как будто это было нехорошим делом вскоре после своего возвращения Холл передал тщательно сберегавшийся скелет мистеру Брезурту из Бруклина, который отвез его адмиралу Инглфильду для отправки в Англию. В дальнейшем по пломбе в зубе было установлено, что это был скелет лейтенанта Ле-Весконта с корабля «Эребус». *Примечание историографа экспедиции Холла.*

западной долготы ранней весной 1849 года, вмерзшим в пловучий лед, образовавшийся предыдущей зимой».

Желая использовать решительно все средства, чтобы дополнить сведения, полученные во время пребывания на Земле короля Уильяма, на островах Тодда и обратном пути, Холл много расспрашивал Иннупуциджук уже после того, как он написал приведенное выше письмо Гриннелю. Нижеследующий образец его беседы даст представление о тех способах, к которым он прибегал при расспросах, чтобы извлечь истину из сообщений этого туземца, о точности которых он говорит иногда недоверчиво. В книге «Б», посланной им после своего возвращения на родину для прочтения лэди Франклин, он записал:

«Пятница, 2 июля 1869 года.

«Беседа с Иннупуциджуком. Мой переводчик — Ганна
Время — около полудня.

«Я сказал прежде всего, что уезжаю в ближайшие дни в Соединенные Штаты. Я хочу, чтобы он рассказал мне отдельные подробности относительно белых людей, умерших много лет назад у Кикитунга и на лодках, которые он обнаружил на этом острове, а также о корабле, о котором рассказывал мне раньше и который затонул у Унгулика и т. д. Я прибавил, что хочу, чтобы он рассказывал все, что он помнит, но только правду, одну правду.

Вопрос. Кто был с вами, когда вы обнаружили эти две лодки?

Ответ. Сын его брата — ныне умерший Уорку, Укпик, Эпкипиреа и его сын Ниркудку. Всего было пять мужчин и с ними их семейства. Они бродили в поисках предметов, которые принадлежали белым людям, умершим на Земле короля Уильяма.

Вопрос. Какое именно время года тогда было?

Ответ. Приблизительно то же время года, в которое мы вернулись сюда — 20 июня. Вода начала показываться подо льдом, а оттепель наступает там несколько позднее. Снег и лед были как в самих лодках, так и около них.

Вопрос. Было ли видно, что лодки посещались кем-либо за два или за три года перед тем?

О т в е т. Около одной из лодок были люди, так как было взято все, что в ней находилось.

В о п р о с. Что вы нашли в той лодке, которую белые люди (отряд Мак-Клинтока) из Ин-ке-хи-сука (пролив Белло) не обнаружили?

О т в е т. Шесть весел, много столовых ножей с ручками, карманные часы, подзорную трубу, нечто похожее на компас, но без стекла, отсыревший табак, оловянную посуду, скелет с остатками одежды на нем, кости, три черепа. Вдоль лодки — большая груда костей, которые были сломаны, чтобы добыть костный мозг. Невдалеке был устроен очаг, около него валялись черепа. Число черепов было очень велико, но он не может сообщить, сколько именно».

Ганна заявила Холлу, что из рассказов Иннупуциджук и других иннуитов она убедилась в том, что после того, как отряд Крозье двинулся дальше, оставшиеся у лодок изголодавшиеся люди больше не сдерживали себя и поспешили удовлетворить свой голод. Иннуиты не думают, чтобы Крозье и те, кто ушел с ним, употребляли в пищу человеческое мясо. По словам Ганны находящиеся у Холла полозья — часть тех саней, на которые была поставлена лодка, не замеченная белыми людьми.

Продолжение записи Холла:

В о п р о с. Видели ли вы белую бумагу с такими же знаками, какие я сейчас делаю?

О т в е т. Нет, но я видел много бумаги с такими знаками, как в вашей книге («Путешествие Мак-Клинтока на «Фоксе»).

В о п р о с. Каков был внешний вид палатки?

О т в е т. Палатки я никогда не видел, а только место, где она стояла. Судя по нему, можно определить длину палатки (по вычислениям Холла — 22 фута). Около стоянки было три могилы».

От того же Иннупуциджук Холл узнал, что белые люди (Мак-Клинток) спрятали разные предметы, и среди них маленькое ружье, то есть револьвер. Эти вещи иннуиты разыскали и взяли себе. Револьвер был присвоен Кунгуслуком, живущим у залива Пелли.

«Если бы я знал это раньше, — говорил Холл, — то есть до моей встречи с Кунгуслуком на нашей 37-й стоянке

у реки Бельчер, я посмотрел бы на этот украденный револьвер, который Мак-Клинтон имел неосторожность спрятать недостаточно тщательно».

Прежде чем сказать несколько заключительных слов по поводу замечательных работ и путешествий Холла, необходимо привести выдержку из одного документа, опубликованного впервые только в 1931 году. Этот документ представляет собой запись некоего Джорджа Джемма со слов Питера Бейна, однажды упомянутого уже выше матроса одного из китоловных судов, принимавшего участие в экспедиции Холла.

Бейн, как известно, был в свое время законтрактован Холлом на год для сопровождения его в экскурсии к Земле короля Уильяма. Однако побывать на этом острове Бейну не пришлось, так как Холл изменил в 1868 году свой план похода к Земле короля Уильяма, заменив его поездкой к проливу Фьюри и Гекла. В поход к северной оконечности полуострова Мельвиля Холл взял, как известно, одного только матроса, по имени Лейлор, оставив остальных, в том числе Бейна и Колемана, в лагере и поручив им следить за собаками, заниматься охотой и заготовлять продовольствие для временно отложенного путешествия к острову, где разразилась страшная катастрофа.

Пока Холл и Лейлор ходили к проливу Фьюри и Гекла, Бейн и его товарищи имели возможность собрать любопытные сведения о судьбе Франклиновых спутников и самого начальника злополучной экспедиции. Как это ни странно, ни нелепо, но эти сведения стали известны широкому кругу людей только несколько лет тому назад, и виной тому — сам Холл. Факт умолчания Холлом интересных и важных данных об экспедиции, на розыски которой он положил столько самоотверженного труда, свидетельствует о нем очень отрицательным образом, так как объяснить это можно только тем, что Холл чувствовал себя уязвленным удачей, постигшей его спутников, и потому не хотел поведать о ней миру в ущерб правде и пользе дела. Кроме того, благодаря опубликованию этого документа в новом свете встает факт убийства Холлом Колемана. Необходимо отметить, что получены эти сведения были непосредственно из уст иннуитов, язык которых Бейн, отличавшийся прекрасными способностями, понимал немногим хуже Холла.

Вот наиболее важные места из записи Джорджа Джемма: «Бейн рассказывал, что часто во время охотничьих про-

гулок, сидя с эскимосами в иглу, он беседовал с ними об экспедиции Франклина. Сопровождавшие его эскимосы встречались раньше с туземцами, которые бывали на острове Короля Уильяма и хорошо знали все подробности катастрофы. Они слышали о дележе предметов, оставшихся после погибших членов экспедиции, даже видели некоторые из них, знали о попытке Крозье дойти до форта Черчилля и прочее. Крозье, казалось, интересовал эскимосов больше других. Судя по рассказам Бейна, туземцы сообщили ему кое-что новое, например, то, что летом (вероятно, 1847 года) многие из команды выходили на берег, что они охотились на тюленей не хуже туземцев, застрелили большое количество гусей и уток, что они помещались в одной большой палатке и в нескольких маленьких и что всех их было довольно много.

«В конце апреля, в то время, когда Холл путешествовал к проливу Фьюри и Гекла, лагерь посетили туземцы залива Пелли — семейство, состоявшее из мужа, жены и трех детей. Несколько дней спустя пришли двое мужчин и одна женщина из Бутии. Как жители залива Пелли, так и жители Бутии, бывали на острове Короля Уильяма. Первые заявили, что видели Крозье у залива Пелли, но не могли определить точно, в какое именно время. Жители Бутии сообщили, что их единоплеменники часто посещали остров Короля Уильяма, чтобы охотиться на тюленей, и что это бывало всегда весной, после того, как ветер продолжительное время дул в одном определенном направлении.

«Один пожилой эскимос, говоривший больше других, рассказал, что он и его жена были на северной оконечности острова весной и летом первого года и летом второго года после того, как корабли были скованы льдами. Они имели в то время сына двух лет, в настоящее время он женат и имеет ребенка одного года. Следовательно, супругам было в то время, примерно, по двадцати лет, и они уже могли делать правильные наблюдения.

«Рассказывая о событиях, которые имели место, эскимос сообщил, что сам он не был на судах, но что другие эскимосы там были, причем оставались около судов по несколько дней, видели и разговаривали с Франклином. Много белых с кораблей выходили на берег и располагались там лагерем на лето. Лагерь состоял из одной большой и нескольких малых палаток. Крозье (Аглука) появлялся там несколько раз, он видел его и говорил с ним. В первом году наблю-

далось изобилие тюленей. Белые иногда охотились совместно с туземцами и стреляли в тюленей из своих ружей. Уток и гусей было тоже много, и белые убивали этих птиц в большом количестве. Некоторые из белых лежали больными в большой палатке, умирали там и были похоронены на холме позади лагеря. Один из белых умер на корабле, тело его было перенесено на берег и здесь похоронено недалеко от того места, где были похоронены другие. Этого человека не зарыли в землю, как прочих, но положили в расщелину скалы и его тело было покрыто чем-то, что «по истечении некоторого времени стало камнем». Сам рассказчик охотился в это время на тюленей, но другие эскимосы видели похороны и передавали ему, что при этом «стреляли из многих ружей».

«Бейн решил, что сообщения туземцев Бутии о белых, высадившихся на берег, об их охоте совместно с эскимосами, устройстве лагеря, болезни и смерти некоторых из них, похоронах умершего на корабле и залпе из ружей были новыми и представляли громадный интерес. Того же мнения был и сопровождавший его другой китолов — Колеман. Бейн постарался добиться от туземцев точного описания места, где был разбит лагерь и похоронены умершие члены экспедиции. Из их рассказов у него составилось представление, что лагерь находился приблизительно в четырех милях от берега, и на таком же, примерно, расстоянии к югу от того места, куда обычно причаливали лодки с кораблей. Он был расположен на плоской вершине горы, скат которой был обращен к юго-востоку.

«Вернувшись в середине мая в лагерь у гавани Таллун, Бейн сообщил о рассказах жителей Бутии своим товарищам. Китоловы решили задержать эскимосов по возможности до возвращения Холла. Эскимосы прибыли в лагерь на несколько дней раньше Бейна и, получив на китобойном судне небольшое количество пороха и пуль, собирались возвратиться к себе домой. Было решено заставить их повторить рассказ в присутствии эскимосов гавани Таллун, чтобы не упустить ни малейших подробностей, пользуясь услугами последних в качестве переводчиков.

«Оба эскимоса, как муж, так и жена, повторили полностью свой рассказ перед другими китоловами и местными жителями. Они упомянули только об одном новом обстоятельстве: теперь они утверждали, что цементных склепов было несколько — один большой, а остальные меньших размеров.

причем в последних были спрятаны бумаги. На берег, по словам туземцев, было принесено много бумаг, часть которых была унесена ветром, остальные же были спрятаны. Впоследствии они видели большое число трупов белых людей, остававшихся там, где они умирали, и вмерзавших затем в снег.

«Бейн и другие китоловы предложили туземцам попытаться показать на карте место, где были лагерь и могилы, а также горный хребет, возле которого был раскинут лагерь. По их описаниям Бейн сделал набросок береговой линии, лагеря и местонахождения могил.¹

«Заставляя жителей Бутии повторить их рассказ в присутствии местных жителей, Бейн имел в виду, чтобы Холл по своему возвращении получил возможно более точные сведения. Дело в том, что эскимосы Бутии должны были спешно отправляться к себе домой, пока еще не растаял снег, а между тем не было известно, когда, наконец, возвратится Холл. Однако, к удивлению китоловов, Холл, вернувшийся только в конце июня, был скорее недоволен их действиями, упрекая их в излишней самонадеянности. Это было большой ошибкой со стороны Холла. Его отношение очень обидело китоловов, и они потеряли всякий интерес к продолжению розысков, что, в свою очередь, привело к ссоре между ними и Холлом. Эта ссора приняла настолько острый характер, что 31 июля Холл произвел выстрел в Колемана, который 14 августа умер от полученной им раны. Холл утверждает, что должен был выстрелить, чтобы подавить бунт, организатором которого был Колеман, угрожавший ему физическим насилием. Все же Холл был подавлен случившимся и ухаживал за раненым Колеманом как нельзя лучше. Бейн заявляет, что Колеман был неправ в своих действиях, но что положение не было настолько острым, чтобы вынудить Холла прибегнуть к огнестрельному оружию. Холл, однако, должен был поддерживать свой авторитет среди местных жителей.

«В результате случившегося товарищи Колемана, после смерти последнего, вернулись на первом пришедшем китобойном судне в Соединенные Штаты.

«Неизвестно, расспрашивал ли Холл местных жителей относительно рассказов эскимосов Бутии, но по всей вероят-

¹ Этот набросок был утерян, но восстановлен по памяти Джеммом,

ности расспрашивал. В своих сообщениях он упоминает о цементных склепах, в которых были спрятаны бумаги. Но он нигде не говорит о месте погребения Франклина.

«Бейн всегда отзывается о Холле с величайшим уважением, как о человеке и ученом. Но, по его мнению, Холл был неправ, не оповестив мир о месте погребения Франклина. Он объясняет это с его стороны чувством оскорбленного самолюбия. Достигнув преклонного возраста, Бейн, в то время уже капитан, любил похвастать, что он сам мог бы отправиться в экспедицию и доказать всему свету существование цементных склепов».

Материал, обнаруженный Бейном, представляет собой интерес, не меньший, чем сведения, собранные самим Холлом.

Особенно любопытен факт похорон Джона Франклина в склепе в районе мыса Победа, на западном берегу Земли короля Уильяма.

По возвращении Холла в Соединенные Штаты вокруг его имени поднялся большой шум.

Несмотря на большие заслуги его как в деле розысков участников Франклиновой экспедиции и документов о ней, так и в области географического изучения посещенных им стран, у него нашлось много врагов. Эти люди не хотели признавать в нем серьезного исследователя, считая его только «невежественным мечтателем».

Такое мнение о Холле получило в свое время довольно широкое распространение, несмотря на его совершенную необоснованность. Объяснялось оно, повидимому, тем, что Холл был новатором в области методики изучения арктических стран.

Прекрасную характеристику Холлу дает Гриннелъ: «Он был доверчивый и преданный своему делу человек, которому казалось, что другие люди — такие же, как он сам. Его энтузиазм в отношении любимого дела был огромным и притом постоянным. Он одушевлял все слова и действия Холла. Холл больше подходил для роли исследователя-путешественника, чем ученого, потому что у него не было достаточно общих познаний, а также знакомства с некоторыми важными научными дисциплинами. Он относился к путешествиям и ко всему, что расширяет географические познания, с большим уважением, и это определило его жизненную карьеру. Чем больше сведений удавалось ему собрать, тем счастливее он себя чувствовал».

С мнением Гриннеля соглашались многие и вставали на защиту Холла. Аргументов в его пользу у них было в избытке.

Достигнутые Холлом результаты, как ни интересны они, не могли, однако, целиком удовлетворить ни самого Холла, ни тех, кто все еще надеялся узнать больше о судьбе участников пропавшей экспедиции. Все, что Холл узнал, было основано исключительно на рассказах эскимосов, а виденные им человеческие кости и найденные при них предметы ничем не могли помочь, потому что среди них не было документов.

Что касается достоверности рассказов эскимосов, то многие относились к ним с большой осторожностью. Среди скептиков был и Мак-Клинток, утверждавший, что «сообщения, которые мы получали, как и все вообще, исходившее от эскимосов, были мало достоверны». Холл считал, наоборот, что словам эскимосов можно вполне доверять, в чем был, конечно, не вполне прав. Интересны соображения, высказанные по этому поводу составителем книги о второй арктической экспедиции Холла:

«Путешествовавшие в Арктике могут сами судить, насколько ценными и правдивыми свидетельскими показаниями можно считать приведенные выше рассказы эскимосов. Они, конечно, не забудут, что когда эскимосов вознаграждают за разговоры, последние становятся очень болтливы. А Холл щедро уплатил своим друзьям за их услуги. Во всяком случае Холл честно приводит все, что может служить как «за», так и «против» его выводов и достоверности сведений, полученных им от эскимосов».

Необходимо было также учитывать, что гибель двух больших кораблей вместе со всей их командой представляла собой в жизни местных эскимосов событие совершенно необыкновенного интереса и важности.

Если иннуиты с Баффиновой земли сумели сохранить в течение нескольких столетий память об экспедиции Фробешера, то в этом — прежде всего свидетельство огромного впечатления, которое оказывало на туземцев посещение белых людей, приезжающих неведомо откуда на умиаках необыкновенной величины.

Прошло довольно много лет, когда — к тому времени уже покойный — Чарльз Холл был, наконец, всеми признан в качестве одного из замечательнейших исследователей Арктики.

Спасение участников экспедиции Франклина и розыски документов, разъясняющих судьбу ее и сделанные ею открытия, стало целью жизни Холла, как он сам об этом говорит. Стремясь к своей цели, Холл проявил редкую энергию и выдержку, и до последнего дня своей жизни он все еще надеялся вернуться на Землю короля Уильяма, чтобы обследовать ее так, как хотелось это сделать ему, а не сопровождавшим его эскимосам.

ХV. СМЕЛАЯ ВЫЛАЗКА

Экспедиция 1878—1880 годов — Швэтка

Со смертью Холла исчезла последняя надежда найти в живых кого-нибудь из участников Франклиновой экспедиции. После печального опыта Холла казалось также мало вероятным, что когда-либо будут обнаружены новые документы, по которым можно будет прочесть всю историю этой экспедиции. И все-таки, время от времени, мир облетали известия, волновавшие с прежней силой, как будто речь шла об экспедиции, на спасение которой можно еще было рассчитывать.

Эти сведения поступали от китоловов, постоянно встречающихся с кочующими эскимосами во время летнего промысла. Как известно, эскимосы совершают во время своих кочевек часто далекие переходы, и этим путем быстро распространилось по всему побережью большое количество предметов, принадлежавших экспедиции Франклина, первоначально подобранных на Земле короля Уильяма. Бухта Репульс представляла собой в то время базу китоловного флота, сюда же стекались и семьи эскимосов окрестных племен для торговли с белыми промышленниками. Особенно тесно соприкасались эскимосы с экипажем китоловных кораблей во время вынужденных зимовок судов.

В течение долгих зимних месяцев команда и капитаны кораблей часто навещали эскимосов и принимали их у себя. В некоторых случаях между ними устанавливались дружеские отношения, эскимосы становились доверчивее, делились своими нуждами, и рассказывали, что им известно о гибели экспедиции Франклина. В 1872 году вернулся в Нью-Йорк некто Эдвард Поттер, капитан китобойного судна «Глетчер». Он дважды зимовал в бухте Репульс и привез оттуда множество серебряных ложек, ножей и

Фредерик Шватка
(род. в 1842 г., ум. в 1892 г.)

«По прибытии Вашем в бухту Репульс, Вы должны будете начать подготовку к поездке на остров, для чего Вам необходимо построить сани и запастись нужным количеством продовольствия. Как только выпадет достаточно снега, Вы должны будете отправиться на Землю короля Уильяма и к заливу Бутии. Производите ежедневные наблюдения, и каждый раз, когда Вы обнаружите ошибку на какой-нибудь из карт, немедленно исправляйте ее. Все новые открытия Вы должны будете наносить на карту, а особо важные открытия назовите именами Чарльза Дейли и его супруги Марии Дейли. Документы, которые Вы сочтете полезным оставить на Вашем пути, в местах, которые Вы сочтете наиболее подходящими, Вам следует пометить: «Эотен. Франклиновская арктическая поисковая партия под начальством Шватки. Дата, широта и долгота. Направлена Президентом Американского географического общества. Нью-Йорк. США.

«Если бы Вам удалось найти документы, вещи или трупы сэра Джона Франклина и его несчастных спутников — на что я не теряю надежды,— Вы должны будете хранить их под надзором Вашим или Джо. Содержимое находок должно держаться втайне, ни одна часть их не должна быть уничтожена, изменена или брошена. Если Вы найдете останки сэра Джона Франклина или кого-нибудь из его партии, Вы должны будете взять их, должным образом о них заботиться и привезти их с собой.

«Плотник с «Эотена» раньше Вас прибудет к месту Ваших санных поездок и приготовит ящики, необходимые для вещей, скелетов или документов, если Вы обнаружите их. Все, что Вы сможете найти или получить, Вы должны будете доставить капитану Томасу Барри или кому-нибудь другому, кто будет командовать шхуной «Эотен» или каким-либо кораблем, который будет послан Вам.

«У Вас имеется запас продовольствия на 18 месяцев для двенадцати человек. Следующей весной я пришлю Вам еще провизии, так что, если Ваша поездка затянется, Вы не будете нуждаться ни в чем необходимом для жизни. Вы должны быть осторожны и экономны в отношении Ваших припасов и не должны позволять ничего тратить зря или уничтожать.

«Даже если план экспедиции окажется ошибочным, она все же должна будет достигнуть географического успеха, так как Вы должны будете пройти через обширные пространства неисследованной страны».

19 июня 1878 года Шватка вышел на «Эотене» из Нью-Йорка. Ровно через месяц корабль уже окружили льды, и 22-го капитан Барри ввел «Эотена» в тяжелый пак невдалеке от берега. 7 августа экспедиция прибыла к мысу Китовому. Во время остановки в этой точке к кораблю подошла промысловая шлюпка с несколькими эскимосами. Они принадлежали к племени Айвилли, некоторые из них жили здесь, другие — в районе острова Депо, куда держал курс «Эотен». Один эскимос, по имени Джим, принял предложение, сделанное ему тут же Джо Эбирбингом, сопровождать экспедиции в намеченном походе к Земле короля Уильяма.

Вечером того же дня «Эотен» бросил якорь около острова Депо, у южного входа в пролив Роус Уэлком. Со стороны материка к нему двигалась целая флотилия разных лодок. Здесь были 3 каяка, 1 умиак и 2 китобойных шлюпки, доставившие 50 человек мужчин, женщин и детей. Среди них был эскимос Папа, участвовавший в походе Холла в 1868 году на Землю короля Уильяма.

Папа и другие эскимосы казались дружелюбно настроенными по отношению к приезжим и принимали участие в обсуждении вопроса о выборе места зимовки экспедиции. Решено было зимовать на материковом берегу неподалеку от острова Депо, расположенного у западного берега Гудзона залива, на много южнее бухты Репульс.

Шватка будто бы узнал, к своему великому огорчению, что один из двух эскимосов-нейтчили, который рассказывал будто бы капитану о книгах, сохранившихся среди остатков Франклиновой экспедиции, недавно умер и что неизвестно, что стало с другим. Впоследствии были приложены все усилия, чтобы разыскать его, но безуспешно.

Вскоре весь небольшой груз экспедиции был перевезен с корабля на берег. На шлюпке, управляемой иннуитами, Шватка и его спутники покинули борт «Эотена». Взамен общества капитана Барри и моряков они получили дружбу приветливых эскимосов. Среди них оказался один молодой эскимос из племени Нейтчили, по имени Джо, которого, в отличие от Эбирбинга, называвшегося иногда «Эскимосом Джо», стали называть «Нейтчили Джо». Молодой парень изъявил желание принять участие в экспедиции, и Шватка охотно принял его, рассудив, что присутствие среди них человека из племени Нейтчили окажется полезным при предстоящей встрече с этим племенем во время похода.

В конце августа Джильдер совершил небольшую само-

стоятельную экскурсию вглубь страны, во время которой ему удалось обнаружить неизвестную реку. Русло этой реки вело в желательном для экспедиции направлении, что очень обрадовало Джильдера, предполагавшего воспользоваться им весной следующего года. Впоследствии эти же места посетил сам Шватка и открыл еще одну реку, тоже впадающую в Гудзонов залив. Во время этого путешествия Шватка и два его товарища вынесли много лишений, так как вследствие пурги им приходилось иногда неожиданно останавливаться в пути, чтобы переждать непогоду, продовольственные же запасы их были на исходе. Все эти невзгоды — однажды им пришлось просидеть, таким образом, совсем без пищи трое суток, — переносились Шваткой и его друзьями очень легко и бодро. В течение зимы Шватка и Клучак, кроме того, произвели еще съемку побережья Гудзонова залива от лагеря Дейли до мыса Фуллертона, находящегося у самого входа в пролив Роус Уэлком.

Джильдер успел тем временем совершить еще два похода, из которых один имел целью закупку собак, а второй — выяснение некоторых важных подробностей относительно местоположения гурия со спрятанными под ним документами. Экспедиция за собаками была удачной, так как Джильдер выбрал из большого количества предлагавшихся ему псов самых лучших, заплатив за них охотничьими принадлежностями, табаком и спичками. Имея дело с тамошними эскимосами, Джильдер вынужден был в течение недели подчиняться местным обычаям в еде и всем образе жизни. Имея перед собой удивительный пример Холла, Джильдер превозмог отвращение к непривычной пище и сдал, таким образом, один из труднейших экзаменов на арктического путешественника.

Третья поездка Джильдера в гости к зимовщикам неподалеку от лагеря Дейли китоловам дала очень любопытный материал для суждения о правдивости рассказов о сделанных в последнее время находках. Среди членов экспедиции появились обоснованные сомнения в действительном существовании некоторых фактов, описанных капитаном Барри.

«Нам нужно было проверить, насколько следовало доверять его рассказу, — пишет Джильдер. — Собирая сведения в течение трех месяцев, мы узнали, что среди местных эскимосов никогда не жило более трех семейств из Нейтчили. Глава одного из них, эскимос, умерший в прошлом году, был старый паралитик, известный под прозвищем обезьяны,

язык которого был настолько беспомощен, что даже его соплеменники лишь с трудом понимали его. Второй эскимос из Нейтчили, Джо, был ребенком, когда жил на Земле короля Уильяма, и знал историю гибели экспедиции Франклина только по рассказам других. Третий, Нутаргearnк, человек сорока пяти — пятидесяти лет, сделал нам ценное сообщение. Оказалось, что много лет назад его отец открыл гурий на северном берегу залива Вашингтона на Земле короля Уильяма и вынул из него жестяной ящик, в котором находилась исписанная бумага. Недалеко от этого места были развалины другого гурия, сооруженного белыми людьми и разрушенного иннуитами. Гурий стоял на большом плоском камне, который, повидимому, был перенесен сюда специально для этой цели. Гурий был найден пустым, но иннуиты были убеждены, что под камнем что-нибудь спрятано. Камень был очень тяжелый, а так как они приходили туда небольшими группами в два-три человека, то им никогда не удавалось сдвинуть его с места, хотя они и пытались это сделать неоднократно.

«Нутаргearnк сообщил также, что у него была ложка, по описанию сходная с той, которая была привезена капитаном Барри в Соединенные Штаты. По его словам, ложка была дана ему одним из его соплеменников и была найдена в одном из тех мест, где были обнаружены лодки и скелеты — или на Земле короля Уильяма, или на полуострове Аделаиды — он не мог вспомнить точно, где именно. Он отдал ложку не капитану Барри, но жене Синуксука, эскимосу из Ивиллика (то есть из района лагеря О-Рейли. — *Ред.*), которая дала ее потом капитану Поттеру. Мы видели впоследствии эту женщину, утверждавшую, что хорошо помнит, как передала ложку именно капитану Поттеру. Необходимо было поэтому разыскать этого офицера».

В начале января 1879 года отряд из двух американцев и нескольких эскимосов отправился по направлению к Мраморному острову, где зимовала «Абби Бредфорд», на которой служил первым штурманом Поттер. Джильдер и Ключак считали очень возможным, что вместе с этим кораблем зимует и «Эотен», и надеялись захватить с него некоторое количество продовольствия, чтобы пополнить свои запасы.

Весь путь до Мраморного острова был пройден без особых приключений и трудностей. Находясь уже в виду его, Джильдер собирался сделать последний переход по льду, но попал в полынью и выкарабкался оттуда с большим трудом. Одежда на нем моментально превратилась с сплошную ледя-

ную кору, и единственное спасение его состояло в скорейшем достижении теплого жилища. До острова оставалось не более двух миль, когда вдруг оказалось, что между ним и отрядом путешественников пролегает полоса чистой воды шириной от четверти мили до полумили. Джильдер видел людей, прогуливавшихся на противоположном берегу, но никак не мог дать им знать о своем неприятном положении. Эскимосы, сопровождавшие его, сказали, что лед может сомкнуться, когда прилив сменится отливом, и предложили ждать, когда эта смена наступит. Джильдер замерзал, тем более, что был страшно голоден, так как в течение последних дней он ничего не ел, не привыкнув еще в то время к мерзлому, наполовину тухлому моржовому мясу. С 10 часов утра и до сумерек стояли бедные спутники над полыньей и ждали, пока она, наконец, сомкнется. Эскимосы оказались правы: с наступлением отлива берега полыньи подошли друг к другу вплотную. Прыгая со льдины на льдину, эскимосы, а за ними Ключак и полузамерзший Джильдер перебрались на берег.

Отсюда до стоянки зимующих кораблей было довольно далеко, и потому эскимосы предложили остаться ночевать в снегу. Но Джильдер потребовал продолжать идти, чувствуя, что ему не вынести этой ночи. Среди полной тьмы люди стали карабкаться по прибрежным скалам, поминутно падая на острые глыбы льда и камни. В конце концов иннуиты бросили отстававших Ключака и Джильдера на произвол судьбы. лишь бы им самим скорее добраться до кораблей. Прибыв на место, они спокойно сообщили, что позади остались двое «кодлун», то есть белых людей. Услышавший об этом капитан Барри немедленно выслал им навстречу с фонарем своего эскимоса, который нашел их и провел на корабль. Джильдер говорит, что он был в то время на краю смерти и, конечно, не перенес бы трудностей этого перехода, если бы не имел уже за собой некоторого опыта жизни в эскимосском иглу.

После отдыха в комфортабельно обставленной капитанской каюте, Джильдер приступил на следующий день к выяснению вопроса, ради которого он предпринял это путешествие.

«Абби Бредфорд» стояла рядом с «Эотеном» и еще двумя китоловными кораблями. Джильдер нашел на ней капитана Поттера и спросил его: «Помнит ли он, что капитан Барри, с которым он плавал на «Глетчере», получил ложку Франклина». На это Поттер ответил, что ничего не слышал об этом, пока не прочитал в газетах, что Барри послал ложку

племяннице Франклина, мисс Крайкрофт, которая была очень удивлена этим. Он сообщил далее, что лично он достал в то время три ложки, одна из которых вскоре таинственно исчезла. Судя по описанию, ложка капитана Барри была совершенно такой же, как пропавшая у него, вплоть до того, что она была сломана в том же месте и починена тем же способом, как ложка, полученная им от жены Синуксука. Капитан Поттер прибавил к этому, что для того, кто жил среди эскимосов и научился исковерканному английскому языку, которым они пользуются в сношениях с китоловами Гудзонава залива и который резко отличается от языка, на котором эскимосы разговаривают между собой, утверждение капитана Барри, что он подслушал разговор относительно книг и понял его, представляется в высшей степени странным. Вряд ли во всей Арктике или хотя бы среди тех, которые посещали когда-нибудь Арктику, найдется белый, который мог бы понять разговор эскимосов при подобных обстоятельствах, за исключением, может быть, одного или двух англичан из Кумберленда, которые прожили среди местных жителей пятнадцать или двадцать лет.

Джилдер предъявил капитану Барри суровое обвинение во лжи и мистификации. Барри оказался тщеславным человеком, готовым на преступление ради того, чтобы заставить людей говорить о себе. В результате экспедиция попала в очень странное положение, так как факт, породивший ее, оказался вымышленным. Однако ни Шватка, ни его товарищи не хотели возвращаться с пустыми руками.

«Итак, там не было никаких гуриев, и, вполне естественно, что некому было проводить нас к ним! — восклицает Джилдер и говорит дальше: — Лейтенант Шватка мог теперь повернуть от лагеря Дейли к Нью-Йорку, и, действуя так, был бы оправдан, но вместо этого он решил все-таки попытаться обследовать летом Землю короля Уильяма с тем, чтобы, если возможно, розыскать пропавшие документы». Увидев себя обманутым капитаном Барри, Шватка склонен был придать серьезное значение свидетельству Нутаргearка, который, как было указано выше, сам бывал на Земле короля Уильяма и видел сооруженные белыми людьми гурии. Этот эскимос точно указывал на имевшейся у Шватки географической карте их местоположение, а также точку, где в свое время Мак-Клинток нашел лодку со скелетами.

Особенно важно было утверждение Нутаргearка, совершенно опровергающее мнение, впервые высказанное Мак-

Клинтком и поддержанное Холлом, будто бóльшая часть спутников Крозье погибла во время перехода по морскому льду, и что тела их должны были с наступлением летнего времени и таяния льдов опуститься на дно моря. Нутаргеарк опровергал это казавшееся очень правдоподобным объяснение факта, почему так мало трупов удалось обнаружить, утверждая, что на самой Земле короля Уильяма лежало большое количество их, но что в зимнее время найти тела было невозможно из-за прикрывавшего их толстого слоя снега.

Таким образом получилось, что экспедиция Шватки располагала перед своим выступлением на Землю короля Уильяма сведениями, очень существенно отличавшимися от тех, что воодушевили ее начальника для дела возобновления поисков документов о Франклине. Решившись, несмотря на это, осуществить поход к месту гибели экспедиции, Шватка не знал точно, куда следует ему отправиться в первую очередь, и потому поставил себе задачей обследовать весь остров целиком, приурочив свои работы ко времени, когда стает снег.

В конце марта 1879 года отряд Шватки был готов к выступлению. Джильтер пишет: «Все мы страстно ждали момента отправления. Предстоявшее путешествие имело целью место, куда безуспешно стремились попасть многие экспедиции и куда попал один только Мак-Клинтон, совершивший свою памятную санную поездку, нашедший там так много и оставивший так много неясным.¹ Мы твердо решили довести это обследование до успешного конца. Жизнь в наших иглу в лагере Дейли настолько приучила нас к арктическому климату, что хотя мы часто находили холод очень неприятным, он не имел для нашей экспедиции дурных последствий, известных для многих других, и это несмотря на то, что мало кому пришлось испытать такую низкую температуру, как нам на обратном пути, зимой 1879/80 года. Предыдущие санные поездки научили нас, как бороться с холодом, и все мы успели привыкнуть к иннуитской пище, так что, в крайнем случае, могли бы продержаться только ею, потому что мы не смотрели на нее с тем отвращением, с которым относятся к такого рода еде непривычные люди. Другими словами, за восемь месяцев нашей жизни в этой стране мы успели совершенно акклиматизироваться.»

¹ Джильтер умалчивает о Холле, потому что тот посетил только южное побережье Земли короля Уильяма и провел там очень мало времени.

1 апреля отряд Шватки выступил в поход к Земле короля Уильяма. Он состоял из семнадцати человек — четверых американцев и тринадцати эскимосов. В сани было запряжено сорок две собаки. Поклада состояла из инструментов, оружия, одежды и продовольствия:

черного хлеба	—250 кг
свинины	—100 "
сушеной солонины	—100 "
крахмала	— 40 "
маргарина	— 20 "
сыра	— 20 "
кофе	— 20 "
чая	— 2,5 "
патоки	— 10 "

Как видно из этого списка, запас продуктов экспедиции был очень невелик. Не считая не вошедшего в список моржового мяса, этого продовольствия должно было хватить на всех не более, чем на один месяц. Отмечая такое положение дел, Джилдер говорит, что этого запаса действительно хватило только до Земли короля Уильяма, после чего экспедиция жила исключительно за счет охоты, приготавливая мясо убитых животных по способу иннуитов. Шватка в свое время хорошо учел все эти обстоятельства, и потому запасы достаточным количеством ружей, пуль, патронов и пороха, причем все боеприпасы были самого лучшего качества, а ружья — самой лучшей марки. В этом отношении экспедиция Шватки резко выделялась на фоне большей части прежних, в которых на охотничье снаряжение обращалось мало внимания. Располагая превосходным оружием, искусные стрелки из отряда Шватки имели возможность в течение всего этого похода застрелить 522 оленя — количество, никогда не слыханное, — значительное количество мускусных быков, белых медведей и тюленей.

Вначале отряд шел вдоль открытой зимой Джилдером реки Коннери, затем он повернул в сторону открытой Шваткой за несколько недель до этого реки Лорилар.

Первые дни похода были необычайно утомительны, особенно потому, что люди не успели еще достаточно привыкнуть к его трудностям. Шватка щадил силы своих спутников и начал путешествие с небольших переходов, понемногу удлиняя их с каждым днем. Таким методом пользуются сами местные жители, хорошо знающие, как сильно изнуряют чрезмерно напряженные переходы по глубокому снегу.

К середине апреля путники успели все же пройти уже довольно большое расстояние. По возрастающей длине спусков с холмов они заключили, что приближаются к долине реки Уэгер. Вскоре отряд спустился на лед морского залива, причем никаких следов реки не было замечено. В начале мая Шватка прибыл со своей партией в узкую долину какой-то реки, по всей видимости уходящей в сторону Полярного моря. Убедившись в этом окончательно, он решил, что эта река должна быть или притоком Большой рыбной, или открытой Симпсоном и Дизом рекой Кастора и Поллукса. Шватка решил продолжать свой путь вдоль ее русла, и, действительно, следуя вдоль него, стал продвигаться как раз в нужном направлении. Эту реку он назвал рекой Хэйса.

Шел май месяц, и лучи весеннего солнца заметно уменьшили толщину снежного покрова суши. Необходимо было спешить, так как с наступлением распутицы пришлось бы прекратить поход, и все предприятие сорвалось бы. 14 мая в снегу были замечены недавние следы эскимосов. Иннуиты, сопровождавшие Шватку, определили, что они принадлежат туземцам с Большой рыбной реки. Это известие привело путешественников в восторг, так как оно указывало, что, во-первых, вскоре произойдет долгожданная встреча с здешними жителями и, во-вторых, что Рыбная река должна быть недалеко. Экспедиция отклонилась от русла реки Хэйса и направилась по следам полозьев, повидимому, недавно прошедших эскимосских саней.

На следующий день вдалеке показалось несколько иглу. Иннуиты казались очень испуганными их видом, так как считали, что местное население так же воинственно, как эскимосы Нейтчили. Они говорили, что эти люди нападают на каждого, кто не принадлежит к их племени. Шватка и его белые товарищи сумели приободрить эскимосов, обратив их внимание на то, что в случае столкновения на стороне экспедиции с ее ружьями и револьверами огромное преимущество.

Осторожно подходили Шватка и его спутники к снежным хижинам. Никто не вышел им навстречу. Только через некоторое время в отверстии коридора, ведущего в иглу, появился эскимос и просил что-то. Иннуиты ответили ему самым приветливым образом. Появились еще эскимосы. Завязалась оживленная беседа. Оказалось, что обитатели иглу давно уже заметили приближавшихся и решили про себя, что это, должно быть, их враги — эскимосы Нейтчили, и готовились к отпору. У каждого из них в руках было по ножу.

Всего в иглу было 9 человек, принадлежавших к одной семье, возглавляемой стариком. Старик сказал, что он из племени Укгулик и поселился здесь после того, как его выгнали из родных мест более сильное племя Нейтчили. От всего его племени, которое занимало раньше западный берег полуострова Аделаиды и Земли короля Уильяма, осталась чуть ли не одна его семья.

Шватка решил остановиться у этого старика и попытаться получить от него сведения относительно судьбы судов Франклина и их команды. Ему посчастливилось найти в лице старика интересного и важного свидетеля. Эскимос Джо, Ишнарк и Эквисик служили переводчиками. От них узнали, что эти эскимосы испытывают большую нужду в продовольствии. Мясо мускусных быков было их единственной пищей в течение продолжительного времени. Дело дошло до того, что за месяц до прибытия экспедиции один старый человек из этого племени погиб от голода. Шватка поспешил поделиться с туземцами имевшимся у него оленьим мясом.

Эскимосы были добродушны и приветливы, помогли путешественникам при постройке хижин и старались сделать их возможно более удобными. Шватке удалось приобрести у них несколько пустяшных вещей с «Эребуса» и «Террора» в обмен на ножи и иголки, которым они очень радовались. Могло показаться странным, что туземцы голодали в стране, изобилующей оленями, но иннуиты объяснили, что зимой почти невозможно подойти к оленям настолько близко, чтобы убить их стрелами, которые составляют единственное оружие эскимосов.

Из бесед с Икиннеликпатолоком, старым жителем Укгулика, выяснилось, что он только однажды видел живых белых людей. Он был в то время маленьким мальчиком, теперь же ему около шестидесяти пяти или семидесяти лет. Он ловил рыбу, сидя у Большой рыбной реки, когда к нему подплыли на лодке белые и поздоровались с ним за руку. Белых было десять человек. Их предводителя называли «Тосардерок», что, по мнению Джо, было исковерканным «лейтенант Бак». Он видел также труп белого человека на большом корабле, вмерзшем в лед близ острова, расположенного в пяти милях от мыса Гранта на полуострове Аделаиды. Он и его спутники прошли около трех миль по мягкому льду, отделявшему их от корабля. Сыну старого эскимоса, который и теперь был вместе с ним и которому на вид можно было дать лет тридцать пять, было тогда семь или восемь лет.

В это же время он видел следы белых людей на материке. Первоначально он видел следы четырех белых людей, а впоследствии только троих. Это было во время весеннего снегопада. Когда его соплеменники убедились, что вокруг корабля нет никого из белых, они решились на него проникнуть, чтобы раздобыть дерева и железа. Они не знали, как пробраться во внутренние помещения корабля и пробили отверстие в борту на уровне льда, так что, когда летом лед тронулся, корабль затонул.

Эскимосы не видели следов ни на льду, ни на корабле, также покрытом снегом, но нашли около него разный мусор, который, как будто, был сметен с корабля жившими на нем. Они нашли много красных консервных коробок со свежим мясом, а также мясом, смешанным с салом. Часть была открыта, а четыре коробки не были тронуты. Хлеба они там не видели. На корабле было много ножей, вилок, ложек, мисок, чашек и тарелок. После того, как корабль затонул, они нашли несколько таких же предметов на берегу. Они видели на судне также и книги, но оставили их там. Они взяли с корабля только ножи, вилки, ложки и миски. Остальное им было ненужно. Он никогда не видел и не слышал о гурии, который будто бы был сооружен белыми на полуострове Аделаиды.

Пиоват, зять старика, человек лет сорока, сообщил, что когда ему было лет четырнадцать или пятнадцать, он видел две лодки, плывших вниз по течению по Большой рыбной реке. В одной лодке было восемь человек, сколько было во второй — он не заметил. Он видел также каменный памятник на острове Монреаль, под которым оказались перочинный нож, пара ножниц и несколько рыболовных крючков, которые он взял себе. Никакой бумаги он там не видел.

Это были первые сведения, полученные от туземцев, содержащие кое-что новое и важное. Такой результат первой встречи с местными жителями подействовал самым ободряющим образом. Экспедиция погостила два с половиной дня в семье старика. Здесь же был нанят один эскимос в качестве проводника. С ним отправилась его жена и маленькая дочь.

После четырех переходов путешественники оказались на берегу Большой рыбной реки. Это был значительный успех, тем более, что в течение двух месяцев пришлось идти по совершенно неисследованным местам. Джильдер говорит, что, когда они прибыли к Рыбной реке, им «казалось, что ничто

не сможет помешать достижению цели. Чем дальше мы шли по снегу, тем перспектива эта становилась все более и более сомнительной, но как только мы почувствовали под ногами морской лед, сразу появилась уверенность, что нам действительно удастся достигнуть цели в наступающем сезоне».

На острове Монреаль экспедиция сделала однодневный привал, чтобы осмотреть остатки гурия, о котором говорит Пиоват; однако никаких следов его найдено не было. В день ухода с острова были убиты два тюленя — первые после оставления Гудзонова залива. Шватка взял курс на северо-запад через полуостров мыса Огль и полуостров мыса Ричардсона. На берегу залива, к западу от последнего, произошла первая встреча с эскимосами племени Нейтчили. Эскимосы Нейтчили были чрезвычайно удивлены появлению белых людей и встретили их очень дружелюбно. Шватка и Джильдер посетили все их хижины и раздавали иголки, наперстки, ложки, ножи и рыболовные крючки в обмен на незначительные вещи Франклиновой экспедиции.

«На следующий день, — рассказывает Джильдер, — мы беседовали со старым туземцем по имени Сиутитуор, который видел несколько скелетов на берегу пролива в трех или четырех милях к западу от места настоящей стоянки. Он видел также книги и бумаги, разбросанные между скалами по берегу и в некотором отдалении от него. Там были также ножи, вилки, ложки, посуда и консервные коробки. Саней там не оказалось, но была лодка, которую впоследствии иннуиты сломали и унесли с собой, чтобы смастерить из деревянных частей домашнюю утварь.

«Увидев карманные часы, Сиутитуор сказал, что видел несколько таких же часов, золотых и серебряных, лежавших около скелетов. Часы эти были им тоже взяты с собой, впоследствии их сломали во время игры эскимосские детишки.

«Сиутитуор выразил уверенность, что кости белых находятся до сих пор на том же месте, если только не растащены лисицами и волками. Он сказал, что никогда не слышал о гурии, сооруженном белыми на берегу по эту сторону от пролива Симпсона, и не видел там следов белых людей. Сиутитуор заявил нам в заключение, что хотя с момента посещения им того места, где были найдены скелеты, прошло много времени, он все же может показать нам его.

«Тулуа, другой эскимос из Нейтчили, приблизительно сорока пяти лет, бывал также у того места, где была найдена

лодка, но уже после того, как оттуда было почти все унесено. Он видел, однако, следы белых людей в местности Укгулик на западном берегу полуострова Аделаиды. Прошлым летом он нашел на острове против мыса Гранта остатки сапог, куски железа, дерева и жестяных ящиков. Жители Укгулика уверяли, что возле острова много лет назад затонул корабль. Тулуа была показана карта, и он указал пункт, расположенный приблизительно в восьми милях к западу от мыса Гранта, как на место, где произошло кораблекрушение.

«Упинг, иннуит из Укгулика, который жил у входа в обширный залив, глубоко врезающийся в полуостров Аделаиды, был последним из эскимосов, побывавшим на западном берегу Земли короля Уильяма. Он был там два года тому назад и видел следы белых около мыса Джен Франклин и вдоль берега у мыса Феликс. Залив, о котором говорил Тулуа, казалось, заслуживал внимательного исследования, и лейтенант Шватка решил посетить его, произведя розыски в районе Укгулика.

«Солнце грело в середине дня настолько сильно, что нашему иглу грозила серьезная опасность. Но мы уже закончили наши беседы и приготовились к посещению бухты, где были найдены лодки и скелеты. Добравшись туда на легких санях в сопровождении Сиутитуора и Тулуа, мы увидели, что вся поверхность земли покрыта снегом, сильно мешавшим нашим работам. С печальным чувством присматривались мы к этому месту, находясь под впечатлением рассказов о трагической судьбе членов экспедиции. Нам казалось несомненным, что это место — самый крайний пункт в направлении к Гудзонову заливу, до которого они были в состоянии добраться. Отряд к тому времени должен был быть уже немногочисленным и состоять из самых крепких и отважных людей, которые при виде материка воспрянули духом, надеясь на избавление от грозившей им смерти. Быть может им казалось, что, вступив на материк, они будут в сравнительной безопасности. Но и самые храбрые сердца должны были дрогнуть при виде безмолвной и мрачной пустыни, оказавшейся перед ними. Трудно себе представить более безотрадную местность! Пустынный берег был настолько низким, что его еле можно было отличить от поверхности моря, так как оба они были покрыты снегом. Не было видно ни дерева, ни растений, ни даже холма, словом ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь оживить удручающее одно-

образе представившейся их глазам картины. Нигде не было видно признаков пребывания живых существ, хотя ничто не препятствовало им охватить взглядом обширную территорию. Даже волк, рыскающий вокруг в поисках добычи, мог бы смягчить то ужасное чувство покинутости, которое должно было их давить.

«Такие мысли невольно приходили нам в голову, пока мы осматривались вокруг, пытаясь обнаружить следы погибших. Если бы мы знали о том обстоятельстве, которое стало нам известно несколькими днями позже, это место приобрело бы в наших глазах еще больше интереса, так как именно здесь безвозвратно погибли документы экспедиции, которые с такими бесконечными усилиями и заботами были принесены сюда, несмотря на все трудности пути. Мы старательно заметили себе это место, чтобы вернуться сюда для производства тщательных розысков, когда сойдет снег.

«Наши проводники сообщили, что лодка была найдена вверх дном, а все скелеты под нею. Они не помнили точного числа скелетов, но полагали, что их было не менее пяти.

«На следующий день к нашей стоянке прибыла другая группа эскимосов того же племени, кочевавшая вокруг мыса Ричардсона. Среди этих эскимосов была одна пожилая женщина, от которой мы надеялись получить важные и интересные сведения. Она была в числе тех туземцев, которые встретили некоторых из переживших аварию кораблей в заливе Вашингтона. С тех пор она ни разу не видела белых людей. Ее имя было Алангия, она происходила из Нейтчили. в настоящее время ей исполнилось 55 лет. У Алангии было красивое и умное лицо, густые черные как смоль, немного тронутые сединой волосы, которые, очевидно, никогда не собирались в прическу и свободно спускались на ее плечи и лицо, повидимому, не причиняя ей беспокойства. Во время беседы мне удалось сделать с нее набросок, настолько удачный, что ее друзья сразу же узнали ее, когда я впоследствии показал им его.

«Здесь кстати будет отметить, что мы имели полное основание доверять сообщениям эскимосов, так как правдивость является как будто их врожденным свойством. Они никогда не пытались обмануть нас в отношении предметов, оставшихся после участников погибшей экспедиции, хотя это могло казаться им и легким и выгодным. Иногда, когда мы останавливали наше внимание на тех или иных предметах, считая их оставшимися от погибшей экспедиции, туземцы

заявляли нам, что они принесены из области залива Репульс или какого-нибудь другого места.

«Алангия рассказала нам, что она, будучи много лет назад вместе со своим мужем и еще двумя семействами эскимосов на восточном берегу залива Вашингтона, видела десять человек белых, волочивших по льду сани с лодкой. Пятеро белых раскинули палатку на берегу, а остальные остались с лодкой. Эскимосы расположились недалеко от них и они пробыли вместе пять дней. В течение этого времени туземцам удалось убить на льду несколько тюленей, которых они отдали белым. Один из белых дал ее мужу резак, который после был потерян или сломан и выброшен, по крайней мере она уже давно не видела этого ножа.

«По истечении пяти дней как белые, так и иннуиты, отправились вместе на полуостров Аделаиды, опасаясь, что лед, уже давший трещины, быстро распустится, и они не будут в состоянии переправиться. Иннуиты вышли ночью, считая, что в это время лед должен быть крепче. Белые следовали за ними, волоча свои тяжелые сани и лодку, но не могли пройти по распустившемуся льду так быстро, как иннуиты, которые, остановившись, ожидали их у мыса Гледмана. Иннуитам не удалось перебраться на материк, из-за ненадежности льда, и они провели все лето на Земле короля Уильяма. Белых они никогда больше не видели. Поджидая их, эскимосы занялись ловлей рыбы в соседних озерах, бродя все лето между берегом и озерами, а потом, не дождавшись, отправились на восточный берег близ острова Мэтти.

«Некоторые из встреченных белых, по словам Алангии, были очень худы, и рты у них пересохли и почернели. Она заметила, что у них не было меховой одежды. Один из белых назывался Аглукар, а другой — Тулуа. Последний был, повидимому, начальником, и именно он-то и дал нож ее мужу.

«Нужно заметить, что Аглукар и Тулуа — обычные эскимосские имена. Очевидно, имена белых были несколько созвучны этим привычным для ее слуха именам, и это врезалось в ее память. Третий назывался «Доктук» (доктор). Тулуа был несколько старше других, у него была широкая борода, черная с проседью. Он был полнее других, «толстый, широкий человек». Аглукар был ниже ростом и имел черную бороду длиною в 4—5 дюймов (она показала это рукой). «Доктук» был небольшого роста, с большим животом и рыжей бородой такой же длины, как у Аглукара. Все трое были в очках.

«Следующей весной, когда на земле оставалось уже мало снега, она видела палатку на берегу в глубине бухты Террора. Как в самой палатке, так и снаружи лежали трупы. На них уже почти не оставалось мяса — только кости с сухожильями и одежда. Их было очень много, она не помнит, сколько именно. Необходимо знать, что иннуиты имеют лишь смутное представление о числах свыше десяти. Ничто не указывало на то, что это были именно те люди, которых она встретила раньше. Рядом с палаткой были одна-две могилы. Эскимосы не разрыли в то время этих могил. Около палатки было разбросано много вещей: ножей, вилок, ложек, карманных часов, книг, одежды, одеял и пр. На книги они не обратили внимания. Вместе с ней были те самые эскимосы, которые встретили белых за год перед тем, и они-то были первыми, которые увидели палатку и могилы. Они оставались на Земле короля Уильяма с тех пор, как встретили белых, и переправились на материк уже после того, как посетили место, где стояла палатка.

«Таковы были сообщения Алангии, эскимоски из Нейгчили. Закончив беседу, мы дали ей несколько иголок, перочинный нож, жестяную миску и другие предметы, вознаградив ее за беспокойство, связанное с приездом по нашему приглашению. Итак, перед нами была женщина, которая собственными глазами видела несчастных, голодных участников экспедиции, и ее рассказ был поэтому для нас полон глубокого интереса. Каждое слово, которое она произносила, оживляло в нашем воображении ужасную трагедию.

«Алангия, казалось, разделяла наш интерес, что отражалось на ее лице. Глаза ее наполнились слезами при воспоминании о печальной картине, которую она видела у палатки, где погибло так много людей.

«Из сообщений, полученных от Алангии, мы вывели заключение, что группа белых, погибшая в проливе, который мы вчера посетили, была частью той партии, которую туземцы встретили на Земле короля Уильяма. Эскимосы переправлялись через пролив Симпсона, пока белые пытались пройти по распутившемуся льду. Потеряв часть своих товарищей у реки Пффеффер и у островов Тодда, они были отнесены течением в пролив, где впоследствии были найдены их трупы.

«Сколько времени понадобилось им для того, чтобы добраться до этого места, очевидно никогда не будет выяснено, но нельзя сомневаться в том, что они были в самом отчаян-

ном положении. Как мы впоследствии узнали от других туземцев, налицо были неоспоримые доказательства того, что они вынуждены были прибегнуть к людоедству, пока в конце концов все-таки не погибли голодной смертью, за исключением одного человека, скелет которого был после найден нами в 5 милях дальше.

«Мы приобрели здесь у эскимосов сани, найденные Мак-Клинтоком в бухте Эребуса вместе с лодкой и несколькими скелетами. С тех пор, как сани попали к иннуитам, размер их сильно уменьшился, так как последние несколько раз обрубали отдельные их части. В первоначальном своем виде сани были на семь футов длиннее, а их полозья на два фута выше. Но и в настоящем виде они представляли большой интерес. Мы заботливо сохранили их такими, какими они были на службе у эскимосов в течение многих лет.

«Продолжая путь, мы встречали других эскимосов того же племени на расстоянии от 6 до 10 миль вдоль берега, пока не достигли мыса Сифорз, где переправились на Землю короля Уильяма, предполагая пробыть там до сентября».

Таким образом, к началу июня 1879 года экспедиция Шватки оказалась в виду своей цели — Земли короля Уильяма. Такой результат должен был показаться самым участникам похода прямо-таки блестящим, особенно при сравнении с тем, чего с таким трудом удалось добиться их предшественнику — Холлу. Необходимо отметить, что не только превосходное снаряжение, личный энгуизм и выдержка Шватки и его спутников были причиной этого успеха, но и умелый выбор отправной точки и направления похода, равно как и удачная расстановка сил внутри экспедиции. Шватка пошел к своей цели новым путем, оказавшимся нелегким, но зато верным. При этом Шватка, несмотря на свою недостаточную опытность в арктических путешествиях, прекрасно понял значение своевременного выступления в поход. Действительно, его расчет времени блестяще оправдал себя, так как через материк отряд его прошел по снегу, а к Земле короля Уильяма поспел как раз в период его интенсивного таяния под действием лучей летнего солнца.

Джилдер начинает свой рассказ о походе Шватки на Землю короля Уильяма радостным, гордым заявлением: «На пути отсюда мы добились результатов величайшей важности».

Вечером 4 июня путешественникам повстречался молодой эскимос по имени Адлекок, который обнаружил прошлым летом новый гурий, сооруженный белыми близ реки Пфеф-

фер; этого гурия иннуиты раньше не видели. Около него было три могилы и место стоянки, где Адлекок нашел металлические очки для защиты от снега, которые Шватка купил у него. Он решил немедленно направиться к указанному эскимосом месту, опасаясь, что эскимосы, обнаружив гурий, могут разграбить его. На следующий день Шватка вместе с Джильдером отправился туда на легких санях. Тулуа правил запряжкой, а Адлекока они взяли с собой в качестве проводника. С ним была дневная порция продовольствия на тот случай, если бы пришлось там заночевать. Выступили при противном ветре, перешедшем в шторм. Было видно только то, что находилось в непосредственной близости от саней, и все же проводник сумел доставить их до места назначения. При этом двигались по гладкой ледяной поверхности и прошли расстояние в 25 миль, ни разу не уклонившись в сторону, несмотря на отсутствие каких-либо знаков, которые указывали бы направление. Тулуа шел с безошибочным инстинктом собаки, пока отряд не оказался на западном берегу реки Шфеффер.

Прибыв к месту, где стоял гурий, Шватка убедился, что он был действительно сооружен белыми, но прежде чем приступить к его разрушению, он решил тщательно осмотреть его. На одном из камней оказалась нацарапанная концом острого инструмента надпись:

may
Н XII
1869

и на противоположной стороне: «Вечная слава открывшим Северо-зап. . .»

Прочитав эту надпись, они поняли, что гурий был сооружен их соотечественником Холлом над останками двух участников экспедиции Франклина, которые были им здесь найдены. Часть надписи была утрачена, так как отломился кусок камня, на котором она была сделана. Шватка оставил памятник в неприкосновенности, сделав с него только набросок, и возвратился в лагерь, пройдя 50 миль в 10 часов.

У места стоянки была обнаружена сосновая доска, видимо, оторванная от деревянной скамейки. На доске были буквы «LF», составленные из медных гвоздиков. Подняли

доску на западном берегу полуострова Аделаиды, около которого затонул корабль, дрейфовавший через пролив Виктории. Благодаря этой доске можно было впоследствии установить, какое именно судно здесь погибло.

«На следующей остановке, последней на материке, — рассказывает Джильдер, — мы встретили старую эскимоску Туктучир, вдову Пуетта, одним из первых посетившего место, где была найдена лодка, которую мы видели несколько дней тому назад. Однако нас ожидало на этот раз разочарование, так как память уже сильно изменяла старухе и она путала места и события. Ее сын, присутствовавший при беседе, был мальчиком 12 лет, когда вместе с родителями посетил то место, где была найдена лодка, и он сохранил об этом живое воспоминание. Следовательно мы могли раздобыть от него те сведения, которые ожидали получить от его матери.

«Пока он говорил, старуха, кивая головой, подтверждала все обстоятельства, о которых он рассказывал и которые постепенно воскресали в ее памяти.

«Огзеукшувок, — так звали сына старухи, — был известен среди своего племени, как знахарь. Воспоминание о пребывании в том месте, где была найдена лодка, особенно хорошо запечатлелось в его памяти, так как он и бывший с ним вместе его сверстник едва не погибли от взрыва найденного там ящика с порохом, с которым они играли. По его словам, он до сих пор не может вполне оправиться от полученного им тогда нервного потрясения.

«Я привожу беседу с Туктучир и ее сыном так, как я записал ее в свою записную книжку. Некоторые сообщения могут показаться странными, но в основном они вполне вразумительны и в высшей степени интересны.

«Туктучир сообщила, что она родом из залива Пелли в области Нейтчили. Она вдова Пуетта, о котором писали Джон Росс и капитан Холл. На вид ей можно было дать лет семьдесят, и она пользовалась особым уважением своих соплеменников, проявлявших по отношению к ней большую заботливость.

«По словам Туктучир, она никогда не встречала живых участников Франклиновой экспедиции, но видела два скелета на материке и четыре на близлежащем острове. Ни в том, ни в другом месте не было могил. Вместе с нею был ее муж и семь других иннуитов. Старуха не могла точно определить, где расположены эти два пункта, и ее сын должен был притти ей здесь на помощь

«На вопрос, заданный Туктучир, он ответил, что у места, где была обнаружена лодка, эскимосы нашли жестяной ящик с книгами. Ящик был заперт и для того, чтобы открыть, его пришлось сломать. Ящик имел два фута в длину. Эскимосу тут же были нами показаны печатные и исписанные книги, и он заявил, что найденные у погибших участников экспедиции книги походили на печатные. Среди книг он нашел предмет, который, судя по его описаниям, был иглой компаса или другого магнитного инструмента. Жестяной ящик с книгами был найден в лодке. Около лодки валялось несколько черепов, он не помнит, сколько именно, но не менее четырех. Он видел также кости ног и рук, которые были как будто отпилены. В лодке был целый ящик, наполненный костями, приблизительно такой же величины, как ящик с книгами.

«Отзеукшувов сообщил, что по внешнему виду костей иннуиты пришли к заключению, что белые вынуждены были прибегнуть к людоедству. Немного мяса, оставшегося на костях, выглядело все еще свежим. На одном трупе высокого человека со светлыми волосами сохранилось все мясо. Он видел там несколько металлических очков для защиты от снега, а также золотые очки — одну или две пары. Судя по внешнему виду трупов, члены экспедиции погибли за несколько месяцев перед тем, как были найдены, то есть зимой.

«В лодке эскимосы нашли также парусину, парус и несколько карманных часов, золотых и серебряных, причем последних было больше. Все часы в настоящее время потеряны.

«У умершего, труп которого так хорошо сохранился, золотая цепочка от часов была прикреплена к сережке, так что, когда Отзеукшувов попытался поднять ее, он вместе с тем приподнял голову у трупа. На безымянном пальце правой руки умершего было золотое кольцо, которое иннуиты сняли и отдали детям. Это кольцо также утеряно.

«Мнение эскимосов о людоедстве белых было основано на том, что найденные ими кости были отделены пилой или ножом. Они нашли в лодке две пилы — большую и маленькую, а также большой ящик с табаком и несколько трубок. Гурия поблизости не было. Кости теперь покрыты песком и морскими травами, которые были занесены во время прибоя. Часть книг была захвачена с собой и отдана детям, которые впоследствии разорвали их и бросили. Другие были оставлены на месте и унесены ветром или занесены песком.

«Пока старуха сидела в углу, стараясь припомнить интересовавшие нас подробности, я успел сделать с нее набросок, что вызвало большой интерес у эскимосов и в особенности у ее сына, который начал обнаруживать признаки нетерпения и, как только кончилась беседа, попросил сделать такой же набросок с него.

«Разбираясь в сообщениях Туктучир и ее сына, надо прийти к заключению, что скелеты, о находке которых они рассказывали, были останками той группы, которая была встречена Алангией и ее спутниками у залива Вашингтона. По сообщению Алангии, «Тулуа», «Аглукар» и «Доктук» носили очки, и у лодки также были найдены очки. Находка золотых часов служит доказательством, что там были офицеры. Вероятно, те пять человек, которые жили в палатке рядом с иннуитами, были все офицерами. Очевидно, книги, найденные в запертом ящике, который иннуитам пришлось сломать, были самыми важными документами экспедиции, и о сохранении их особо заботились офицеры, к которым перешло командование. В самом деле, совершенно невероятно, чтобы люди, доведенные до крайней степени истощения, как было в данном случае, и вынужденные волочить поклажу собственными руками, стали бы утруждать себя переноской обыкновенных книг для чтения.

«Лодка, судя по тем остаткам, которые были найдены, была очень тяжелой. Она была подбита медью. По крайней мере мы видели у эскимосов Нейтчили несколько котлов, сделанных из медных листов, которые, по их словам, были оторваны от лодок, обнаруженных в бухте Эребуса. Но лодка была совершенно необходима путешественникам, и бросить ее было невозможно. Все же, что казалось излишним, они постепенно бросали на своем пути, и, если они оставили книги, то это могло быть только потому, что они являлись самыми важными документами экспедиции.

«В течение полутора лет, пока «Эребус» и «Террор» были скованы льдами в проливе Виктории, офицеры, вероятно, тщательно обследовали ближайшие берега и несомненно производили интересные наблюдения, находясь у самого Магнитного полюса. По крайней мере мы видели у мыса Феликс гурий, под которым ничего не оказалось и который, очевидно, служил обсервационным пунктом. Документы, относящиеся к этим наблюдениям, и составляли, очевидно, содержимое железного ящика, о котором рассказывал нам эскимос, и эти документы были безвозвратно потеряны.

Переход отряда Шватки через пролив Эребуса

«Пожилой эскимос из Нейтчили, Окарновол, сообщил, что пять лет тому назад он и его сын, бывший вместе с ним, проходя по северо-западному берегу Земли короля Уильяма, нашли между мысом Победа и мысом Феликс небольшой боченок с разными предметами. Идя дальше, они видели памятник, которого не тронули, и обнаружили между камнями пять больших складных карманных ножей, ножницы, а также плоский кусок олова, в настоящее время потерянный. Они не видели поблизости могил, но нашли там кирку или заступ. Несколько севернее этого пункта они обнаружили место, где была раньше раскинута палатка, и увидели лежащие здесь три жестяных чашки. Около мыса Победа они нашли могилу с находившимся в ней скелетом, одежду и солидный нож со сломанным лезвием. Книг они не видели. В маленькой бухте на северной стороне пролива Коллинсона оказалось некоторое количество одежды. Во время пребывания их в этих местах земля была покрыта глубоким снегом.

«На основании наших позднейших розысков в этих местах, я склонен думать, что могила, о которой говорили местные жители, была не у мыса Победа, а в трех милях оттуда, то есть была могилой лейтенанта Ирвинга. Мы не обнаружили никаких признаков могилы у мыса Победа, хотя осо-

бенно тщательно исследовали эту местность. Маленькая бухта, о которой рассказывали эскимосы, повидимому, та самая, где была обнаружена могила Ирвинга. Небольшая бухта имеется на северной стороне пролива Коллинсона, но лейтенант Шватка и я посещали ее несколько раз, не обнаружив там остатков одежды или других признаков пребывания белых. Кажется совершенно невероятным, чтобы здесь могли быть в более или менее значительном числе белые, не оставив никаких следов. Поблизости от мест, где находились разрушенные лодки или где были стоянки, всегда можно было найти среди скал обрывки одежды, иногда на довольно значительном расстоянии — от 1 до 2 миль по обе стороны от этих пунктов».

От этой стоянки отряд Шватки в два перехода дошел до мыса Гершеля. Здесь было оставлено самое тяжелое из поклажи на попечение Джо и других иннуитов. Захватив с собой Тулуа с его семейством и еще одного эскимоса, Шватка и его помощники отправились 17-го к мысу Феликс. Джо и остальные эскимосы получили распоряжение оставаться у мыса Гершеля до тех пор, пока в этом месте можно было добыть достаточно продовольствия. В случае же, если бы оказалось, что дичи больше в других местах побережья или же на материке, а около мыса Гершеля ее нет, то им было разрешено отправиться туда, ставя на своем пути камни, чтобы Тулуа мог по ним найти их, когда главный отряд возвратится после посещения мыса Феликс. Шватка взял курс прямо на север, лишь немного уклоняясь к западу. Ночью отряд расположился в глубине залива Вашингтона. Здесь путешественники покинули морской лед и шли дальше по берегу, придерживаясь того же направления с намерением дойти до входа в пролив Коллинсона. После двух дней, проведенных в пути, отряд неожиданно скоро пришел в бухту Эребуса, которая, по их предположениям, должна была быть гораздо дальше на западе. Объяснялась эта неожиданность тем, что мыс Гершеля в действительности расположен в 18—20 милях дальше на запад, чем это указано на адмиралтейских картах.

Путешествие по суше было очень тяжелым и утомительным, так как снег уже стал мягким, а озера покрылись водой на 15—20 сантиметров. Утром тонкая снежная кора, образовавшаяся за ночь, грозила обломаться каждую минуту, а в остальное время дня люди шли по грудь в воде. Морской лед также затруднял передвижение. Это был старый торо-

систый лед. Путешественники обычно старались держаться ближе к берегу, где находили хороший санный путь. Но однажды направились к торосам, чтобы избежать извилистого пути вдоль берега. В этом им пришлось вскоре раскатыться, так как ноги их стали проваливаться в талый снег и воду, а сани погружались так глубоко, что собаки никак не могли вытащить их, хотя поклажа и не была тяжелой. Во всех трудных положениях путешественников выручал их замечательный проводник Тулуа, умевший превосходно управлять запряжкой; он был опытный охотник и необычайно энергичный человек. Его соплеменники говорили о нем, что он никогда не уставал. Джильдер считает, что своим успехом экспедиция обязана главным образом ему. Его подвижность, настойчивость и выдержка часто выручали экспедицию, когда случалось, что пища была на исходе. Если в такие моменты местность оказывалась бедной дичью, большая часть иннуитов сразу же возвращалась в лагерь после первой неудачной вылазки. Тулуа в таких случаях уходил обычно надолго, терпеливо выслеживая тюленя, или проходил далекие расстояния в поисках оленя и почти всегда возвращался с добычей.

Десятимильный путь через бухту Эребуса потребовал 15 часов, и все были чрезвычайно утомлены, когда достигли, наконец, берега и сделали остановку недалеко от мыса Франклина. Здесь пробыли весь день из-за Тулуа, силы которого были совсем исчерпаны, хотя он и выражал готовность идти дальше. Шватка опасался, что, если Тулуа не будет предоставлен отдых, он окончательно надорвет свои силы, и экспедиция лишится его услуг, что могло бы оказаться роковым для успеха всего дела.

Вскоре отряд Шватки прибыл в район мыса Франклина. Оставив его позади себя, четверо белых передали сани на печение иннуитов, а сами пошли вдоль берегового припая. К этому времени снег совершенно сошел с горных вершин и лежал только местами в долинах и на болотах. Люди шли по берегу в некотором отдалении друг от друга, чтобы захватить возможно большее пространство, условившись, в случае необходимости, собраться вместе по сигналу. Не доходя до пролива Коллинсона, удалось набрести на могилы двух белых. В одной лежала верхняя часть черепа, а в груде камней была обнаружена верхняя челюсть с двумя зубами и кусок скулы. Других костей разыскать не удалось, найденные же кости сложили вместе, чтобы похоронить их по возвращении.

«На следующий день, — пишет Джильдер, — мы сделали остановку у мыса Джен Франклин, намереваясь произвести розыски в прилегающем к этому мысу районе. Лейтенант Шватка и я направились к проливу Коллинсона, но не нашли там следов пребывания белых людей. Генри Ключак и Франк Мелмс, исследовавшие берег, оказались счастливее. Приблизительно в 1½ милях от нашей стоянки они наткнулись на место, где команда «Эребуса» и «Террора» под начальством Крозье расположилась лагерем после оставления судов. Здесь было найдено несколько печей для варки пищи и медные котлы, не считая одежды, парусины, железной и медной утвари. Тут же оказалась, раскрытая могила, где мы нашли обрывки синей материи, часть которой составляла, повидимому, остатки верхней одежды, а другая, вероятно, окутывала тело. В могиле и около нее оказались также большие куски парусины с грубо сделанными стежками, в которые, повидимому, было зашито тело для погребения в море. Среди лохмотьев и плесени в глубине могилы было найдено несколько позолоченных пуговиц, а также выпуклое стекло, повидимому, от морского телескопа. На одном из камней у подножья могилы Генри нашел медаль, покрытую густым слоем грязи. Она была совершенно одинакового цвета с камнем, на котором лежала, и была поэтому замечена только случайно.

«Когда грязь была счищена, оказалось, что это серебряная медаль, размером 2½ дюйма в диаметре, с рельефным портретом Георга IV на лицевой стороне, окруженным словами: «Georgius III D. G. Britanniarum rex 1820». На оборотной стороне был изображен лавровый венок, окруженный надписью «вторая награда по математике, королевское морское училище» и «присуждена Джону Ирвингу. Лето 1830».

«Таким образом удалось установить, что это была могила лейтенанта Джона Ирвинга, третьего офицера с судна «Террор». Под его головой мы нашли вышитый карманный шелковый носовой платок, красиво сложенный. Рисунок узора и цвет платка прекрасно сохранились. В могиле и около нее мы нашли череп и немного других костей. Все они были тщательно собраны, и вместе с сохранившимися кусками одежды унесены для погребения в таком месте, где никто не мог их потревожить. Зарыть их снова на Земле короля Уильяма не имело смысла, так как туземцы, найдя могилу, снова бы открыли ее, чтобы разграбить.

«На следующий день мы перенесли нашу стоянку по соседству с могилой и провели два дня в поисках других предметов, которые могли бы представить интерес. К сожалению, земля все еще была покрыта густым снегом, что в значительной мере мешало нашим поискам.

«11 июля, после нашего возвращения с мыса Феликс, мы обнаружили, что снег полностью растаял, а находившиеся на небольшом расстоянии от берега лужи почти совершенно высохли. Мы могли поэтому на этот раз производить наши поиски беспрепятственно.

«Среди других предметов мы нашли здесь щетку с вырезанной на одной из сторон ее фамилией «Х. Уилдс», каменный кувшин вместимостью в два галлона с вытисненной на нем надписью «Р. Уитли, винная и водочная торговля, Кент», несколько жестяных ящичков, бутылку из-под пикулей, куски разорванной парусины и санную упряжь с меткой «Т. 11», что указывало на ее принадлежность «Террору».

«Мы нашли также чулки, грубо сделанные из куска одеяла, что показывало, насколько члены экспедиции нуждались в теплых чулках — этой важнейшей части одежды для путешествующих в Арктике. Лучшее всего согревает ноги олений мех, но и теплые шерстяные чулки немногим хуже в этом отношении. Было тяжело видеть это доказательство лишений, которые испытывала команда погибших судов.

«При нашем втором посещении этого места жена Тулуа нашла в куче камней, оставшихся от гурия, обнаруженного лейтенантом Хобсоном, клочок бумаги, испытанный на себе влияние более двадцати арктических зим. Только с большим трудом удалось мне развернуть эту бумагу, не разорвав ее. Мои спутники стояли в это время вокруг в томительном ожидании, уверенные, что у меня в руках дополнительные донесения Крозье, настолько разодрана и повреждена была от действия непогоды эта бумага.

«Оказалось, однако, что это была копия донесения Крозье, найденного лейтенантом Хобсоном, участником экспедиции Мак-Клинтока, переписанная рукой последнего.¹ Донесение было переписано графитовым карандашом на почтовой бумаге, и некоторые части его было невозможно прочитать. Приводим его дословно:

¹ Необходимо напомнить, что оригинал этого документа был доставлен Мак-Клинтоком в Англию, а на место его была положена копия с припиской Мак-Клинтока и Хобсона.

«7 мая 1859.

Широта 69°38' N, долгота 98°41' W.

«„Этот гурий был обнаружен вчера партией с яхты «Фокс», отправленной лэди Франклин на розыски, и в настоящее время зимующей в проливе Белло»

. следующее известие . . .
. перенесено:—

28 мая 1847.

«„Корабли ее величества «Эребус» и «Террор» зимовали во льдах на широте 70°05' N и долготе 98°23' W. Перезимовали у острова Бичи на 74°43'28" N и 91°39'15" W, пройдя по каналу Веллингтона до 77° северной широты и возвратившись, вдоль западного берега острова Корнуэльс. Сэр Джон Франклин командует экспедицией. Все благополучно. Партия, состоящая из двух офицеров и шести человек команды, оставила суда в понедельник 24 мая.

Грегем Гори Чарльз Ф. де. В...

. В
печатной форме, которая была бланком, изложенным на шести языках, в случае, если будет найдена, переслать британскому адмиралтейству.

«На полях этой бумаги было написано:

25 апреля 1848.

«„Корабли ее величества «Террор» и «Эребус» были покинуты 22 апреля к северо-северо-западу от этого места, где они были скованы льдами с 12 сентября 1846 г. Офицеры и команда, всего 105 душ, под начальством капитана Ф. М. Крозье высадились здесь под 69°37'42" N и 98°41' W.

«„Эта бумага была найдена лейтенантом Ирвингом под гурием, сооруженным, как можно полагать, сэром Джемсом Россом в 1831 году, в 4 милях к северу, где она была положена покойным командиром Гори в июне 1847 года. Столб сэра Джемса Росса не был, однако, найден бумага была перенесена этому месту, которое
. был поставлен.

«„Сэр Джон Франклин скончался 7 июня 1847 года, а всего умерло в экспедиции . . . офицеров и 15 человек команды.

Ф. М. Крозье, капитан и старший офицер, Джеймс Фицджерс, капитан судна ее величества «Эребус».

«„И отправляемся завтра к Рыбной реке Бака.

«„У этого гурия, которого мы достигли
. . . . вчера пополудни. Здесь, повидимому, было отобрано все, что необходимо для путешествия, а остальное, оказавшееся лишним, разбросано поблизости. Я оставался у этого места сегодня до полудня, разыскивая оставшиеся от экспедиции реликвии. Никаких других бумаг найдено не было.

«„Я имею намерение итти по суше к юго-западу, чтобы найти остов корабля, который, по словам эскимосов, находится у берега. Три других гурия были обнаружены между этим и мысом Феликс
. . . . они не содержат сообщ.
. около него.

Уильям П. Хобсон, лейтенант, руководящий партией».

«Эта бумага является копией донесения, оставленного здесь капитаном Крозье при отступлении с командой кораблей «Эребус» и «Террор» к Большой рыбной реке. Сообщение об этом открытии лейтенант У. П. Хобсон предназначал для меня. Так как гурий, сооруженный здесь в 1831 году, разобран, повидимому, туземцами, я предполагаю спрятать это сообщение в 10 футах к северу от него и на один фут ниже поверхности земли.

Ф. Л. Мак-Клинтон, капитан».

«Многоточия в приведенной копии указывают на слова, которые невозможно было прочесть, так как бумага частью оказалась разорванной и запачканной.

«Мы принялись разыскивать сообщение, которое Мак-Клинтон предполагал спрятать в 10 футах к северу от центра гурия, но, хотя мы и вырыли глубокую канаву в 4 фута шириной от центра гурия в северном направлении и закончили ее на расстоянии 20 футов от гурия, мы ничего не нашли.

«Мы пришли к заключению, что или Мак-Клинтон не положил сообщения в указанном им месте, или благодаря каким-нибудь изменениям почвы оно стало видимым и было взято эскимосами, или же, наконец, оказалось смытым в море. На некотором расстоянии от груды одежды и утвари были разбросаны по берегу разные предметы, которые были покрыты снегом, когда мы в первый раз посетили это место. Здесь мы нашли большое количество обручей от бочек, но деревянных частей их не обнаружили. Даже у лопат и заступов они оказались отпиленными, повидимому эскимосами, которые первыми наткнулись на это место.

«Очевидно именно здесь высадился экипаж, покинувший суда, и здесь же отобрал все то, что считал необходимым для санного путешествия. Можно далее предполагать, что когда экипаж добрался после утомительного путешествия до южного берега Земли короля Уильяма, и люди почувствовали себя настолько ослабевшими, что начали терять надежду дойти до материка, они отправили небольшую группу обратно к кораблям за продовольствием. Эскимосы из Укгулика, видевшие корабль, затонувший у мыса Гранта, рассказывали, что там было некоторое, — правда, небольшое — количество продуктов. Очевидно, что лейтенант Ирвинг был начальником этого, возвращавшегося к судам, отряда, и что он умер во время одной из остановок в пути.

«Весьма вероятно далее, что те участники экспедиции, которые, по рассказам жителей Укгулика, были на корабле во время его дрейфа к острову, расположенному напротив мыса Гранта, были как раз из этой партии, и что они с настоящим инстинктом моряков предпочли остаться на корабле, но не возвращаться к голодавшим товарищам, которых оставили на южном берегу.

«Внешний вид места у бухты Эребуса, где была найдена лодка, как будто указывает, что после того, как во льду образовались трещины, она носилась по волнам и затем была выброшена на берег, покинутая теми, кто еще был в состоянии итти. Найденные в лодке скелеты служат доказательством того, что вся эта группа была в отчаянном положении, иначе находившиеся в беспомощном состоянии не были бы оставлены своими товарищами.

«Отсюда можно заключить, что это была группа, возвращавшаяся обратно к судам. Смерть лейтенанта Ирвинга не могла последовать тогда, когда экипаж впервые покинул окрестности мыса Джен Франклин, иначе об этом было бы

упомянуто в донесении капитана Крозье, написанном накануне отправления к реке Бака.

«Группа участников экспедиции, возвращавшаяся под начальством Ирвинга, не могла тащить сани вдоль берега, так как снег там должен был к тому времени растаять. Сообщения эскимосов, которые встретили экипаж погибших судов в заливе Ваппингтона, свидетельствуют о том, что он передвигался исключительно медленно.

«То обстоятельство, что на корабле, дрейфовавшем через пролив Виктории, были люди, также служит доказательством, что часть экипажа возвратилась обратно на суда, так как, судя по сообщению капитана Крозье, все оставшиеся в живых люди отправились вместе с ним. Возможно, что те, которые вошли на корабль, оказались там отрезанными, когда лед треснул, и уже не могли присоединиться к своим товарищам, оставшимся на берегу, если только там таковые были, что сомнительно, так как мы не видели скелетов на месте бывшей стоянки, если не считать могилы Ирвинга.

«Лед пришел в движение в бухте Эребуса и проливе Виктории в том году, когда мы там были, только 24 июля. Возможно, что это случилось с таким же запозданием и тогда, когда возвращавшаяся на суда группа участников экспедиции подходила к стоянке, возле которой была обнаружена могила Ирвинга».

Экспедиция Шватки покинула бухту Ирвинга 30 июня, спрятав здесь все лишние тяжелые вещи, чтобы облегчить сани, и рассчитывая захватить их на обратном пути. Отдохнув один день на северной стороне бухты Уолл, путники достигли мыса Феликс 3 июля, не обнаружив в пути новых следов экспедиции Франклина.

На следующий день Шватка направился дальше вглубь страны, Ключак и Мелмс пошли вниз по берегу, а Джильдер, взяв с собою Тулуа с санями, отправился к мысу Сидней. Все они шли, внимательно всматриваясь в окружающую местность, в надежде заметить гурий. Необходимо было тщательно изучить всю округу, так как дальше мыса Феликс искать было уже нечего — Шватка мог быть доволен результатами своего похода: он достиг крайней северной оконечности Земли короля Уильяма.

В пути сделали остановку и разобрали замеченный гурий. Под ним, однако, ничего не оказалось, хотя и рыли очень глубоко, пользуясь тем, что земля была мягкой. Тулуа считал, что этот гурий ссорожен белыми, хотя и не вполне

был уверен в этом. Вопреки первоначальному намерению, Джильдер не пошел дальше мыса Сидней, так как поднявшийся густой туман препятствовал поискам, скрывая большую часть берега. Лейтенант Шватка наткнулся на искусно сложенный гурий или столб высотой в 2 метра, стоявший на высоком холме в двух милях от берега, но, разобрав его, не нашел никакого сообщения или хотя бы указания на цель его сооружения. Гурий стоял на высоком холме, с которого хорошо был виден как западный, так и восточный берег, и должен был невольно привлечь внимание каждого корабля, который следовал бы по пути «Эребуса» и «Террора». Однако он был скрыт промежуточными холмами от шедшего вдоль берега отряда исследователей.

На следующий день Мелмс, Тулуа и Джильдер отправились совместно с лейтенантом Шваткой на этот холм, чтобы попытаться при помощи подзорной трубы установить, нет ли дальше еще гуриев. Однако им не удалось ничего обнаружить.

Убедившись в отсутствии каких-либо сообщений, Шватка пришел к заключению, что гурий был сооружен для научных работ экспедиции, или им пользовались, как наблюдательным пунктом за дрейфом судов. Перед уходом Шватка положил в гурий сообщение относительно проделанных работ по розыскам остатков экспедиции Франклина.

Шватка покинул мыс Феликс 7 июля, окончательно убедившись, что Франклин не был похоронен в его окрестностях. О тщательности исследований можно судить по числу найденных в разных местах пистонов, пуль и других мелких предметов. Сопровождавшие экспедицию иннуиты проявляли громадный интерес к ее работам и своими зоркими глазами постоянно выискивали разные предметы, которые легко могли ускользнуть от внимания белых людей. Они приносили каждый предмет, казавшийся им непонятным и, хотя очень часто эти предметы не представляли интереса, они с тем же рвением продолжали поиски.

XVI. ДОМОЙ С ГРУЗОМ РЕЛИКВИЙ

Экспедиция Шватки (продолжение)

От мыса Феликс Шватка повернул на юг, но этот, начатый им 7 июля, поход никак нельзя расценивать, как простое возвращение домой. Напротив, именно на этом пути Шватка рассчитывал заняться наиболее подробным изучением западного побережья Земли короля Уильяма.

Джилдер дает следующее описание этой части путешествия:

«Мы двинулись дальше. Лейтенант Шватка передвигался одной милей восточнее Франка и Генри, которые шли вдоль берега, а я шел на расстоянии в $1\frac{1}{2}$ мили к востоку от Шватки. Приблизительно в $1\frac{1}{2}$ милях от нашей прежней стоянки у бухты Уолл Шватка обнаружил гурий, по своей конструкции очень походивший на тот, который был им найден недалеко от мыса Феликс. Верхняя часть гурия была кем-то снята, в первом ряду камней оказался клочок бумаги с тщательно нарисованной на нем рукой, указательный палец которой был направлен к югу. Та сторона бумаги, на которой лежал придерживавший ее камень, была настолько загрязнена, что даже если на ней и было что-нибудь написано, все следы надписи бесследно исчезли. Шватка пригласил себе на помощь Франка, и они оба в течение нескольких часов тщательно исследовали окрестности, ничего, однако, не найдя. У нас создалось впечатление, что это указание имело временное значение, и было положено партией, сошедшей с корабля для производства какого-нибудь исследования, или для **ОХОТЫ**.

«Мы расположились лагерем несколько ниже мыса Марии-Луизы. После того, как поставили палатку, Овенорк нашел на отмели склад, в котором оказались манерка, сломанный боченок, на одной стороне которого был поставлен номер (седьмой), а на другой буквы «I. B.» под королевской стре-

лой. Кроме того, там оказались другой маленький боченок, доски, жестяная пороховница, несколько красных консервных коробок с обозначением фирмы Гольднера, топор с узким лезвием, несколько портерных и винных бутылок с вытисненной на них надписью «бристольский стекольный завод», а также клепки от бочки.

«Очевидно склад был устроен иннуитами из Нейтчили, нашедшими эти предметы на берегу. По крайней мере один из иннуитов, опрошенный нами впоследствии, заявил, что спрятал как раз такие предметы где-то на берегу, а после забыл место, где они хранились. Это обстоятельство нужно отметить, так как оно служит доказательством тщательности наших розысков. Все, что было спрятано экипажем судов Франклина между мысом Феликс и проливом Коллинсона на расстоянии 5—6 миль от берега, мы должны были бы во всяком случае обнаружить.

«На следующий день лейтенант Шватка и я, взяв с собой Тулуа, направились вглубь острова, а Франк и Генри пошли по берегу по направлению к мысу Победа. С вершины высокого холма, приблизительно в 6 милях к юго-востоку от нашей стоянки, при помощи подзорной трубы мы могли обозревать окрестности на много миль в любом направлении — и тем не менее мы не заметили никаких признаков склада или гурия. Перед нами была бесплодная пустыня с многочисленными озерами и прудами, некоторые из которых были все еще покрыты снегом, тогда как с других, более мелких, в особенности у берега, снег полностью сошел. Кое-где на склонах холмов также сохранилось еще немного снега. Мы должны были пройти некоторое расстояние по глубокому снегу, чтобы добраться до вершины холма.

«При спуске с холма мы заметили углубление в снегу, которое, по уверению Тулуа, должно было служить логовищем медведя. Несколько клочков белой шерсти у входа подтверждали высказанное им предложение. Я залез в углубление, желая посмотреть, как выглядит логовище, в котором проводят зиму полярные медведи. Оказалось, что по своим размерам и устройству оно напоминало жилище иннуитов. Единственная разница, насколько я мог усмотреть, заключалась в том, что логовище было вырыто в глыбе снега, а иннуиты сооружали свое жилище на поверхности земли.

«Местность, по которой мы шли в этот день, ничем не отличалась от остальной части Земли короля Уильяма — каменистая почва, болота, небольшие пространства коричневого

и зеленого мха, нежные цветочки пурпурного цвета, неожиданно выглядывающие из-под камней, под которыми как будто нет даже земли, необходимой для поддержания их прочной жизни. Эти цветы появляются сейчас же, как только снег сходит с мха, и очень приятны для путешественников в этой безотрадной стране.

«Мы покинули бухту Ирвинга 13 июля, поставив памятник над могилой умершего здесь лейтенанта. Мы оставили здесь также копию сообщения Мак-Клинтока — Крозье вместе с сообщением о результатах нашей экспедиции, зарыв их в 10 футах к северу от гурия и сделав об этом пометку на могильном камне. На обратном пути к мысу Франклина мы зарыли найденный в пути череп. Идя дальше, мы не находили больше костей, пока не достигли мыса Ле-Весконта. Мы видели вдоль берега, в различных точках места бывших стоянок как белых, так и местных жителей, а также один гурий, который был разобран, но оказался пустым. Расположившись для отдыха на холме, мы нашли там пустую могилу, а на расстоянии $\frac{1}{4}$ мили от нее — череп, очевидно унесенный туда дикими зверями. Единственными предметами, найденными нами в могиле, были большая бронзовая пряжка и пистон. Поблизости оказались следы лагеря эскимосов. Вообще, где бы мы ни находили могилы, рядом с ними неизменно оказывались следы пребывания местных жителей, подобно гиенам разыскивавшим и разрывавшим их.

«Отсюда мы двинулись к месту нашей первой остановки у бухты Эребуса. Дальше наш путь оказался необычайно трудным, и нам пришлось пережить здесь едва ли не самый неприятный день из всего путешествия. Нам нужно было пройти вглубь острова, чтобы разыскать место, где можно было переправиться вброд через широкую и глубокую реку, впадающую в бухту Эребуса. Пришлось долго идти по болотам, пока мы, наконец, не переправились на противоположный берег реки с большими трудностями, так как течение было очень быстрым, а вода доходила нам до пояса. Густой туман затемнял солнце и закрывал от нас бухты. Было невозможно найти правильное направление, и приходилось идти извилистым берегом, пока туман не рассеялся. К тому же мы не знали, где были сани, так как отправили их с Тулуа другим путем и, не подозревая, насколько трудной окажется дорога, уговорились встретиться гораздо дальше. Пришлось пройти большое расстояние пешком, пока, наконец, мы не услышали лай собак и не увидели в отдалении

саней. В конце концов дувший весь день холодный ветер стих, туман рассеялся, и мы дали сигнал Тулуа приблизиться к нам.

«Мы очень обрадовались саням. Как ни мало комфорта они представляли, все же они заменяли нам дом, предоставляли приют и возможность отдыха в спальных мешках. Мы пообедали на этот раз позже полуночи и скоро забыли все наши невзгоды, уснув крепким сном.

«На следующий день буря возобновилась с прежней яростью, стоял густой туман, но так как у нас совершенно не было пищи, Тулуа отправился на охоту и вернулся вечером с богатой добычей: ему удалось застрелить трех оленей. Таким образом, около полуночи нам было приготовлено великолепное кушанье. Хотя и трудно было в нашем положении чувствовать себя эпикурейцами, все же мы с удовольствием заметили, что олень был чрезвычайно жирным и мясо очень вкусным. Олений жир необыкновенно приятен на вкус, его кладут в кушанья в сыром или жареном виде. Ребра жирных оленей считаются большим деликатесом. Внутренности оленя, смешанные с тюленьим жиром, напоминают на вид сливочное мороженое и заменяют эскимосам это лакомство.

«Когда мне впервые пришлось попробовать этот деликатес, я, к сожалению, видел способ его приготовления, и это отравило мне то удовольствие, которое я мог бы испытать, не будь этого. Кушанье готовила старая беззубая женщина, смешивавшая составные части его на блюде, грязнее которого я никогда еще не видел, и к тому же наполненном оленьими волосами. Впрочем, последних не было видно, когда кушанье было готово, так как они смешались с входившими в состав его травами и мхом. Старуха выдавливала сало, грызя куски тюленьего жира своими старыми деснами, и выплевывала его прямо на блюдо, а потом размешивала своими грязными пальцами, пока вся смесь не стала белой и не приобрела твердости деревенского сыра. Мне пришлось попробовать это кушанье, чтобы не обидеть своих хозяев, но не могу сказать, чтобы я ел его с особым удовольствием.

«На следующий день мы покинули место нашей стоянки до наступления прилива, опасаясь, что не будем в состоянии добраться до льда. Сани приходилось тащить с большими усилиями, и бедняге Тулуа досталась тяжелая работа, которую он безропотно выполнял, не выражая ничем своего не-

удовольствия. Я полагал, что он будет уговаривать нас по скорее закончить розыски, так как можно было опасаться, что лед скоро тронется. Однако он неизменно повторял нам, чтобы мы шли вперед и продолжали наше обследование до тех пор, пока это нам необходимо, выражая готовность и в дальнейшем управлять санной запряжкой и вообще делать все, что он будет в силах. Было очень приятно видеть такую преданность!

«Тулуа как нельзя лучше умел успокаивать и ободрять собак, на которых действовал самый тон его обращения. Бывали случаи, когда мы много раз тщетно пытались пройти какое-нибудь трудное место и уже считали его непроходимым, пока не слышали ободряющего возгласа Тулуа «уай-аву-ха-ху-а!», после чего он сам впрягался в запряжку. Это действовало на собак, и они протаскивали, наконец, сани через трудное место.

«Оказалось, что берег у южной стороны бухты Эребуса изрезан глубокими проливами, что сильно затрудняло наши поиски. Вдоль всего берега у проливов мы находили куски синей форменной морской одежды, которая, очевидно, была смыта приливом. Попадалось также значительное количество плавника. Однако наши сани были нагружены до отказа, и нагружать их больше было невозможно. У входа в одну из самых глубоких бухт мы нашли обломки корабельной шлюпки, разбросанные вдоль берега вместе с кусками железа, обрывками одежды и паруса, а также человеческими костями. Нам удалось собрать вместе части четырех скелетов и найти некоторое количество пуговиц, рыболовных крючков, медных и железных задвижек и заклепок, веревок от саней, свинца, пуль и патронов, обрывков одежды, разбитых аптечных бутылок, пороховниц, один железный фонарь и большое количество разных других предметов, составлявших снаряжение экспедиции.

«Мы приготовили кости для погребения, а найденные на берегу предметы сложили в кучу, чтобы отобрать из них все, что стоило и возможно было захватить с собой. Среди подобранных нами на берегу оказались нос и ахтер-штевень лодки, сохранившиеся в хорошем состоянии. Судя по их размерам, можно было заключить, что шлюпка была довольно большой. Мы провели здесь несколько часов, собирая найденные предметы при густом тумане и сильном северо-западном ветре, который дул из проливов Виктории и Мельвиля, заполненных тяжелым льдом.

«Покончив с этим, мы двинулись к югу, и в течение четырех часов ходили взад и вперед, поджидая сани, которые должны были быть доставлены по свежему льду, когда спадет прилив. Когда, наконец, Тулуа доставил сани, оказалось, что он был вынужден бросить печи и дрова, так как было невозможно тащить такие тяжелые сани при ненадежном состоянии льда. Только после четырех часов нам удалось лечь спать, причем наши одеяла и спальные мешки были совершенно мокрыми: не было никакой возможности уберечь их от воды, которая покрывала лед на всем пространстве.

«На следующий день мы прервали наше путешествие, чтобы похоронить останки, найденные около лодки. Вечером я отправился с Тулуа на охоту и убил двух оленей. Мы вернулись к стоянке усталыми и сонными в два часа утра. Небо было чистым, и закат поразил нас своей красотой.

«На следующий день мы послали Тулуа за вещами, которые были сложены на островке против маленькой бухты, а сами занялись поисками места, где была найдена вторая лодка, находившаяся, по словам эскимосов, в $\frac{1}{4}$ мили от первой, обнаруженной Мак-Клинтоком. Однако, несмотря на все наше старание, мы так и не нашли второй лодки. Во время этих поисков мы открыли глубокий пролив близ маленького мыса, слишком глубокий и широкий, чтобы можно было через него переправиться.

«На следующий день, в пять часов утра, Шватка и я отправились на розыски вдоль берега, оставив наших спутников помочь Тулуа при нагрузке саней и отборе тех вещей, которые окажется необходимым оставить. Пройдя не более мили, мы услышали раздавшийся с места нашей стоянки ружейный выстрел и, обернувшись, увидели Франка, который бежал за нами. К нашему удивлению, мы узнали, что вода, вместо того чтобы идти на убыль, поднимается и что невозможно нагружать сани. Мы немедленно направились обратно к лагерю. В это время начался дождь, и к моменту нашего возвращения вода подходила к двери палатки, хотя уже наступил час отлива. Спустя два часа Шватка, выйдя из палатки, потребовал подозрную трубу, сообщив, что лед тронулся. Выйдя вслед за Шваткой, мы убедились, что из проливов идет лед большими массами. Вскоре наши сани и одна из печей оказались на верху тороса. Тулуа лишь с большим трудом и опасностью для жизни удалось их спасти, доставив в такое место, откуда их можно было рассчитывать впоследствии перебросить на берег.

«Для нас стало очевидным, что возможность передвигаться на санях в этом сезоне прекратилась и что мы застряли здесь со всей нашей тяжелой поклажей. Весь день мы слышали треск льда в отдалении, сплошные ледяные поля разделялись на отдельные льдины, и мы были рады, что Тулуа еще не успел отправиться, иначе он находился бы теперь в большой опасности. Во всяком случае мы потеряли бы сани вместе с собаками и со всем багажом. Мы решили идти сухим путем к бухте Террора и оттуда отправить к мысу Гледмана все, что наши спутники с помощью собак будут в состоянии перетащить. Шватка и я, ожидая их возвращения, должны были обследовать берег, прилегающий к бухте Террора.

«Мы достигли бухты Террора 3 августа после утомительного путешествия через узкий перешеек, отделяющий ее от бухты Эребуса. Нам приходилось делать частые остановки, так как мы должны были нести на своей спине тяжелую ношу, взвалив на себя все, что нельзя было навьючить на собак. Но перенести все в один прием оказалось невозможным, приходилось возвращаться по нескольку раз к нашей стоянке у бухты Террора, пока, наконец, не были перенесены все вещи. Мы взяли с собой только две франклиновских печи, — самую тяжелую Генри нес на своей спине, как ранец. Тулуа с помощью собак доставил пустые сани, сняв предварительно оковку с полозьев.

«Во время первой остановки, Тулуа идя без ружья вдоль берега, неожиданно наткнулся на медведицу с медвежонком. Не испугавшись, он отогнал медведицу камнями, а медвежонка убил находившимся у него ножом для резки снега, не имевшим даже ручки.

«Генри и Франк со всеми иннуитами оставили нас 6 августа, чтобы разыскать остальных наших спутников, которые должны были находиться где-нибудь к востоку от мыса Гледмана. Франк и Генри остались там, а Тулуа возвратился к нам с собаками, после чего снова отправился туда, захватив с собой все, что можно было взять.

«Лейтенант Шватка и я остались одни и должны были заботиться о себе сами до возвращения Тулуа, то есть до 1 сентября. Мы оставили себе половину двойной палатки и одну собаку, которая должна была помогать нам при передвижениях и переносить наш провиант. Местность изобиловала оленями, и мы убили их восемь штук, благодаря чему

были вполне обеспечены продовольствием. В случае необходимости мы могли убить их больше.

«Оставшись одни, мы обследовали близлежащий берег к западу до мыса Крозье, но нашли только один скелет. Мы надеялись без особого труда найти место, где был лагерь. о котором рассказывала Алангия, так как были убеждены, что даже в некотором отдалении от него будут разбросаны человеческие кости и разные предметы, как это было у бухты Ирвинга, мыса Феликс и около лодки в бухте Эребуса. Однако ничего обнаружить нам не удалось, хотя лейтенант Шватка дважды проходил по месту, где по сообщениям эскимосов находился лагерь. Это было для нас большим разочарованием и казалось совершенно непонятным, пока эскимосы нам не сообщили, что лагерь был расположен у самого берега и все следы его должны были со временем исчезнуть.

«Когда мы снова встретили эскимосов, один из них рассказал, что был недавно на том месте, где видел раньше много скелетов, и что теперь там ничего не оказалось. Мы разделили между собой наши обязанности: Шватка производил, главным образом, розыски, а я охотился и готовил пищу, что не помешало, впрочем, Шватке застрелить несколько оленей, а мне помогать ему при розысках.

«Питались мы исключительно оленьиной, сырой или вареной, а так как животные попадались очень жирные, то мы не могли пожаловаться на нашу пищу. Количество оленьего мяса, которое мы поглощали, было прямо удивительно. Мы пришли к заключению, что легче приспособиться в этом отношении к образу жизни иннуитов, чем в каком-либо ином.

«Больше всего мы страдали от недостатка обуви и чулок. Имевшаяся у нас обувь совершенно износилась и ее невозможно было починить. Точно так же износились и наши шерстяные чулки. Благодаря этому ходьба была для нас очень мучительной.

«Из-за бурь и туманов мы проводили большую часть времени в палатке. К несчастью, единственный термометр, принесенный нами с мыса Гершеля, выпал из саней с некоторыми другими вещами, когда треснул лед у бухты Уолла во время нашего продвижения к мысу Феликс, так что мы не могли измерить температуры. Я могу только сказать, что вряд ли прошла хотя бы одна ночь без того, чтобы на лужах не образовалось тонкой закраинки льда. В ночь на 28-ое вода замерзла на глубину приблизительно $\frac{3}{4}$ дюйма, а на

следующую ночь до 1½ дюймов. Было достаточно холодно, в особенности когда дул ветер, для того чтобы мы постоянно помнили, что находимся на крайнем севере.

«Наше пребывание у этого места было интересно тем, что доказывало возможность существовать и добывать себе пищу без помощи местных жителей. Но нужно все же заметить при этом, что помощь их значительно облегчает условия существования путешественников и обеспечивает им некоторые удобства.

«Мы с нетерпением ожидали возвращения Тулуа, который должен был доставить нам обувь и чулки. Тем не менее время проходило быстро, так как мы были постоянно заняты нашими исследованиями. Мы закончили наши розыски, как в западном направлении, так и в восточном, и решили поэтому 1 сентября начать медленное продвижение к востоку, если Тулуа к этому времени не вернется. В последних числах августа разразилась сильнейшая снежная буря, которая заставила нас укрыться в своей палатке. Но именно в этот день, не взирая на непогоду, вернулись Тулуа, Франк и другие эскимосы — так велико было их беспокойство о нас. Нечего и говорить, как рады мы были возвращению Тулуа. Иннуиты не знали ни одного случая, чтобы белые жили одни в этой местности, и поэтому опасались, что нам придется голодать. Но мы вполне успокоили их в этом отношении, сытно накормив вареным мясом.

«Мы узнали от вновь прибывших, что все иннуиты переправились на материк и находятся около бухты Тендер. Генри был вместе с ними и продолжал поиски в бухте Голода, соорудив памятник над найденными там останками и спрятав письменное сообщение, специально для этой цели присланное ему Шваткой. Еще прежде чем он туда прибыл, Эбирбинг и эскимосы из Нейтчили обследовали это место и нашли в груде камней маленькую оловянную медаль в память спуска на воду парохода «Великобритания» в 1843 году, а также куски одеяла и череп. Это было все, что удалось обнаружить в этом достопамятном месте».

С наступлением сентября усилились признаки, напоминающие о скором приближении холодов. Пора было решаться покинуть Землю короля Уильяма. Со свойственной ему предусмотрительностью Шватка правильно рассчитал время и в нужный момент дал сигнал к свертыванию работы на острове, ставшем огромным кладбищем для людей экспедиции Франклина.

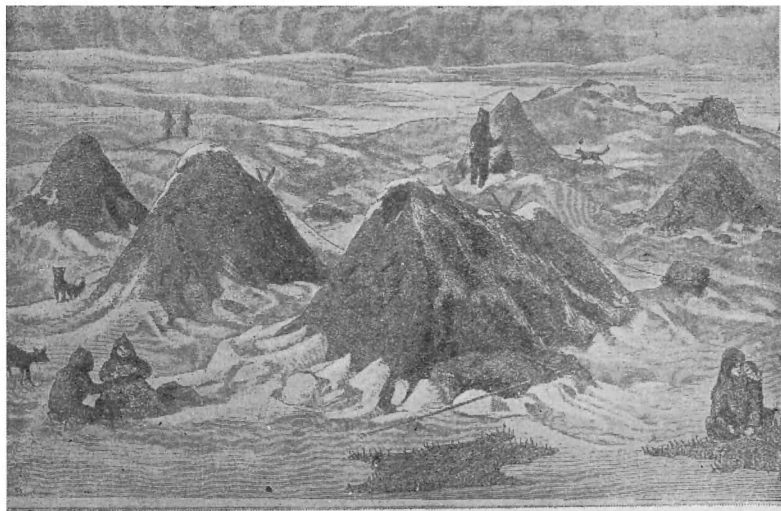
19 сентября путешественники прибыли к своему лагерю на самом юге Земли короля Уильяма, расположенному на расстоянии шести миль от мыса Гледмана у подошвы высокого холма.

23 сентября путешественники отодвинули лагерь на две мили дальше к востоку, остановившись у большого озера, где сразу же приступили к постройке хижины из льда. Толщина его достигала уже 8 дюймов. Лед распиливали на широкие плиты 3×6 футов, поставленные одна на другую таким образом, что они образовали стены, которые потом были обтянуты палаткой. Выстроенная этим способом хижина была, по свидетельству Джильдера, гораздо теплее, чем палатка, и служила вполне надежной защитой от ветра.

Средняя температура за сентябрь была -5°C , а наиболее низкая -15°C . В октябре стало значительно холоднее: средняя температура за месяц упала до $-17,7^{\circ}\text{C}$, и можно было надеяться, что вскоре установится путь через пролив, отделяющей экспедицию от материка. В середине октября, когда установился наст, Шватка отрядил Тулуа в экспедицию к мысу Гершеля и бухту Террора на Земле короля Уильяма за сложенными там в кучу реликвиями Франклиновой экспедиции. Тулуа отправился на своих собаках, взяв с собой жену Джо, которому оставил на время свою вместе с ребенком. Подобный обмен женами — самый обычный акт в эскимосской среде. В данном случае его «необходимость» состояла в том, что жена Тулуа не могла отправиться с ним из-за ребенка, для которого подобная поездка была бы слишком утомительной.

В то же время лед на море достиг достаточной крепости и спаянности, чтобы олени рискнули совершить переход через пролив. Уже к 14 октября они почти совсем исчезли из района мыса Гледмана, благополучно перебравшись на противоположный берег. В последних числах октября вернулся из своей поездки Тулуа. На своем пути он видел только одного оленя, которого убил, а также трех белых медведей. Таким образом он не голодал в дороге, и, как всегда, великолепным образом исполнил возложенное на него задание.

Переправа через пролив была намечена на первое ноября. Шватка решил захватить с собой сани Тулуа и вместе с Джильдером и Джо направиться, минуя мыс Смита и мыс Гранта, через большой залив, который, по словам местных жителей, начинался у бухты Уильмота. Там он предполагал дожидаться вторых саней, доставить которые было поручено

Лагерь «Шватки» на материке

Клучаку другим путем — мимо мыса Ричардсона к реке Большой рыбной. Встреча была назначена у поворота реки выше так называемых Опасных порогов, где надеялись найти местных жителей и приобрести у них некоторое количество рыбы, которая должна была служить путешественникам пищей до тех пор, пока они не достигнут снова местности, где будут встречаться олени. Шватка выступил 1-го, но не смог отойти от лагеря дальше, чем на три мили — так тяжелы были сани. Другая беда состояла в том, что успевшие разжиреть собаки сильно обленились. Путешественники надеялись быть у Опасных порогов 10 или 15 ноября, но в действительности только 12-го добрались до лагеря эскимосов на берегу пролива Шермана. Главная помеха состояла в необычайно скверной погоде — туманы, ветры и метели тормозили продвижение и мешали видеть дорогу.

Лагерь эскимосов у устья пролива Шермана был самым большим из тех, которые пришлось до сих пор видеть отряду Шватки. Эскимосы, среди которых было несколько человек из Нейтчили, познакомившихся с ним весной, были рады возвращению белых и встретили их очень приветливо. Эскимосы немедленно провели их в самую большую и теплую хижину, а затем быстро построили новое иглу, стараясь,

чтобы оно было как можно удобнее. У них оказалось мало интересных остатков погибшей экспедиции — всего только кусок лодки, найденной у бухты Уильмота после того, как там затонул большой корабль, и часть блока, который был заклеен цифрой «10» или буквами «OR», если предположить, что часть буквы «R» стерлась. «Если корабельные блоки принято клеймить именем судна, для которого они предназначаются, — говорит по этому поводу Джильдер, — то можно будет установить, какой именно корабль был занесен сюда дрейфующими льдами, и действительно ли это был «Террор»

Следуя дальше, отряд повстречал сани с несколькими эскимосами, среди которых была пожилая женщина тоже по имени Тулуа, видевшая белых у перешейка Бутии, когда она была еще молодой. Она была также в той группе эскимосов, которая обнаружила лодку и скелеты в бухте Голода, близ мыса Ричардсона. Тулуа подтвердила в основных чертах все сведения, собранные экспедицией до сих пор. Ей дали несколько иголок и ложку, за которые она горячо благодарила всех, а в особенности своего тезку Тулуа, которому дала палку и клочок своих волос. Они должны были служить ему талисманом и уберечь от всякого зла во время путешествия.

В течение пяти дней шли Шватка и Джильдер по льду залива Шермана, глубоко врезающегося в материк. Направление этого узкого и длинного залива совпадало с курсом Шватки на Опасные пороги. Необходимо отметить, что этот переход был совершен Шваткой и его спутниками в самый разгар зимы (средняя температура ноября была -31°C), да к тому же в самое темное время года, то есть в период, когда арктические экспедиции обычно отсиживаются на месте.

Через некоторое время Шватка достиг залива Кокберн, в который впадает Большая рыбная река. 5 декабря отряд его благополучно достиг Опасных порогов, правда, с опозданием на двадцать дней. Прибыв сюда, путешественники прежде всего стали осматривать окрестность в поисках следов саней второй партии, направившейся сюда, как известно, более короткой дорогой. Никаких следов обнаружено не было, что сильно обеспокоило Шватку и его товарищей. Они построили снеговое иглу, рассчитывая в нем дожидаться прихода пропавших спутников.

На поиски их отправились небольшие отряды во главе со Шваткой и Джильдером. Они надеялись разыскать местных жителей, про которых было известно, что они здесь

Поход в сильнейший мороз

проводят круглый год. Шватка надеялся запастись у эскимосов рыбой и разведать у них, не проходили ли здесь его спутники. Разведка ни к чему не привела, если не считать находки эскимосского склада мороженой рыбы, которую путешественники забрали с собой.

На следующий день люди собрались снова в путь, чтобы проследовать в поисках эскимосов по открытым накануне следам саней около склада рыбы. Но не успели они отъехать далеко, как одна из оставшихся в иглу женщин позвала их обратно. Оказалось, что к иглу подошли трое местных иннуитов, которые обнаружили пропажу рыбы и отправились по следам похитителей. Джо сказал им, что у белых есть много ножей, которыми они заплатят за рыбу и купят ее еще больше. От этих эскимосов Шватка узнал, что никто здесь ничего не слышал о партии людей, которых он разыскивал.

Вечером того же дня во время ужина отдохавшие путешественники услышали за стеной иглу голоса людей. Они решили, что это эскимосы привезли продавать рыбу, но вскоре к величайшей радости убедились в своей ошибке: в иглу вошли Ключак, Мелмси сопровождавшие их иннуиты. Оказалось, что, несмотря на более короткий путь, этому отряду пришлось особенно туго. Вследствие ряда трудностей он сделал много обходов, в конечном итоге удвоивших длину пути.

Ключак рассказал, что, по сообщению встреченных им эскимосов, в пяти милях от бухты Голода по направлению к центру острова туземцы нашли однажды летом скелет белого человека, которого ни один из них раньше не видел. Ключак посетил это место и соорудил памятник над прахом погибшего. Найденные около скелета обрывки одежды свидетельствовали, что умерший был матросом.

«Обнаружение этой могилы, — говорит Джильдер, — нужно расценивать, как показатель того, насколько сильное впечатление на эскимосов произвело наше посещение. Мы обещали им щедрые награды за все, что могло представить интерес для нас из того, что они найдут, а также за каждое важное сообщение, если оно будет новым. И мы в точности выполняли свое обещание. В результате эскимосы чрезвычайно помогали нам, производя розыски на местах своих стоянок, а также и там, где они охотились».

Как только оба отряда соединились, были приняты немедленные меры к продолжению похода. Шватка покинул

свою иглу и перебрался вместе с товарищами на другую сторону Большой рыбной реки. Не задерживаясь здесь, путешественники двинулись дальше.

Вначале Шватка направился вдоль по реке, но затем, когда русло ее стало отклоняться на запад, он покинул реку, взяв курс прямо на свою базу на острове Депо. Было это в последних числах декабря. Январь оказался еще холоднее предыдущего месяца, температура достигала временами 57° Ц ниже нуля. Отряд Шватки показал при этом совершенно необыкновенную выдержку, так как, несмотря на страшный мороз и сопутствующий ему сильный ветер, продолжал свое путешествие. Джильдер объясняет тот удивительный факт, что никто из них ничего себе при этом не отморозил, тем, что все члены экспедиции в течение долгого времени питались жирным оленьим и тюленьим мясом и этим путем приобрели большую нечувствительность к холоду.

Во время похода люди устраивались на отдых в наскоро построенных иглу и сразу заваливались спать. Питались чаще всего мороженым мясом, которое приходилось оттаивать во рту, так как согревание пищи в котелках занимало от трех до четырех часов драгоценного времени.

25 января было днем вынужденного отдыха. Продолжать путь в свирепствовавшую пургу было невозможно, и только Тулуа рискнул выйти из иглу попытать счастья в охоте. Гоняясь за оленем, он к величайшему своему изумлению увидел, что у него в этом деле есть вооруженный луком и стрелами соперник. Оказалось, что неподалеку стояло одинокое иглу здешнего эскимоса. От него Тулуа узнал, что расстояние от этого места до острова Депо составляет всего лишь два суточных перехода при условии, если сани не слишком тяжелые и путешественники не пожалеют своих сил.

4 февраля отряд Шватки подходил к своей базе на острове Депо. Велика была радость неутомимых путешественников при виде знакомого берега, но не меньшим было беспокойство по поводу того, найдут ли они здесь корабли. Они очень надеялись на встречу с китоловами, так как торопились домой и хотели заранее подготовиться к возвращению, чтобы начать морское путешествие сразу после вскрытия льдов. К своему огорчению они узнали, что в этом году только одно судно зимует у Мраморного острова, и что капитан Барри не оставил на базе экспедиции принадлежащих ей тысячи фунтов черных сухарей и другой провизии.

Шватка был в совершенном недоумении по поводу странного образа действий Барри, ушедшего в неизвестном направлении с грузом чужого провианта на борту. Этим капитан поставил Шватку и его товарищей в очень затруднительное положение, так как они оказались совершенно без продовольствия, а до начала вскрытия льдов было еще очень далеко. Им угрожала голодовка.

Экспедиции пришлось прожить много месяцев в тяжелых лишениях, тем более, что среди окрестных эскимосов царил голод. В течение зимы Джильдер совершил экскурсию к Мраморному острову, и привез оттуда груз продовольствия, чем значительно облегчил положение своих товарищей и местных эскимосов. Эта зимовка была по мнению самих путешественников наиболее тяжелым испытанием.

Летом 1880 года Шватка и его спутники распростились со своими друзьями-иннуитами и сели на зашедшее к ним китоловное судно. В качестве пассажиров они совершили на этом корабле ряд промысловых рейсов и только в сентябре вернулись домой, в Соединенные штаты, пробыв в экспедиции 2 года и 3 месяца.

Санное путешествие Шватки было для своего времени первым по величине пройденного расстояния. Он прошел всего 2819 миль, причем большая часть этого пути пролежала по совершенно неизведанным местам. Замечательный переход его к Земле короля Уильяма, равно как и возвращение оттуда, были во многих отношениях рекордными. Рассматриваемые ниже результаты экспедиции Шватки послужат этому достаточно убедительным доказательством.

Поисковые работы Шватки увенчались большим успехом. Приводимая цитата из книги Джильдера дает ясную картину того, что застали Шватка и его спутники на Земле короля Уильяма спустя тридцать лет после высадки на этот остров отряда капитана Крозье. В своем описании Джильдер перечисляет, где и сколько человеческих скелетов ими было найдено, и говорит о том, в каком состоянии и положении они находились:

«Со времени трагической гибели участников экспедиции Франклина прошло много времени, и потому не всегда можно было установить точное число погибших, кости которых мы собирали иногда на расстоянии $\frac{1}{2}$ мили. Мы никогда не находили целых скелетов. Иногда около могилы нам удавалось найти только череп, иногда же наоборот, — нехватало как раз именно его. В одном пункте мы различили четыре правых

бедряных кости и могли быть следовательно уверены, что нашли останки по крайней мере четырех человек. Это было у бухты Эребуса, где были обнаружены остатки лодки.

«Некоторые эскимосы из области Нейтчили, с которыми мы беседовали, настойчиво утверждали, что в бухте Эребуса были найдены две лодки на расстоянии $\frac{1}{4}$ мили одна от другой. То же самое говорили эскимосы и капитану Холлу, когда он в 1869 году посетил бухту Шеферд. Поэтому, найдя остов одной лодки, мы настойчиво искали вторую, но поиски наши не увенчались успехом. Нам казалось очень важным найти обломки второй лодки, но, к сожалению, сделать этого не удалось.

«Мы приобрели у эскимосов домашнюю утварь, которую они смастерили, по их словам, из деревянных частей обеих лодок, но очевидно одна из них была целиком разобрана еще до нашего посещения бухты Эребуса. Во всяком случае, мы разыскивали остатки той лодки, которую видел Мак-Клинток. Это не подлежит сомнению, так как мы привезли с собою нос лодки с надписью, о которой он говорит. Но Мак-Клинток видел части двух скелетов, а мы зарыли в землю останки четырех человек.

«К северу от пролива Коллинсона мы нашли только одну могилу — лейтенанта Ирвинга. Мы осмотрели несколько гурьев, местоположение которых отмечено на карте.¹ Хотя наш путь к мысу Феликс и обратно обозначен одной линией, надо помнить, что наши розыски распространялись и на внутреннюю часть острова, так как мы отходили от берега на расстояние до 5 миль.

«Место, расположенное между мысом Франклина и бухтой Эребуса, где была найдена могила какого-то офицера, представляет особый интерес. Исключительная заботливость, проявленная при устройстве этой могилы, казалось, указывала на популярность умершего, для которого она предназначалась, а также и на то, что пережившие его товарищи не настолько еще ослабели, чтобы пренебречь этой печальной обязанностью.

«Нужно вообще заметить, что участники экспедиции всегда оказывали должное уважение праху своих умерших товарищей. Все погибшие в пути были подобающим образом похоронены. Очень показательна в этом отношении могила, разрытая эскимосами у мыса Таллач. Она была обложена

¹ Карту см. в конце книги.

мелкими камнями, хотя поблизости было много крупных камней, более подходящих для этой цели. Это показывает, что физические силы членов экспедиции к этому времени сильно ослабели. Но все же они не оставили своего умершего товарища без погребения.

«Могилы к востоку от этого пункта своим внешним видом походили на описанную. Это указывает на то, что лодка была занесена в бухту Эребуса дрейфующими льдами, когда эти бедняги возвращались к судам, где они рассчитывали найти продовольствие, которое, как мы знаем, там имелось. Все указывает на то, что участники экспедиции бросали своих больных или умерших товарищей только в случаях крайней необходимости.

«На карте обозначена точка, где, по словам Алангии, эскимосы нашли так много трупов в то лето, которое они провели на Земле короля Уильяма, не успев перебраться через пролив Симпсона.

«На материке указан пункт, где старый эскимос из Укгулика видел в 1849 году на весеннем снегу следы ног последних из оставшихся еще к этому времени в живых людей с «Эребуса» и «Террора», а также то место, где он и его товарищи по неведению потопили корабль, открывший Северо-западный проход.

«Место, где эскимосы уничтожили документы экспедиции, можно найти к западу от мыса Ричардсона.

«К числу самых интересных предметов, оставшихся после участников погибшей экспедиции, нужно отнести две медали. Медаль, большая по размерам, найденная около могилы лейтенанта Ирвинга, сделана из массивного серебра. Она была безукоризненно вычищена и производила впечатление только что отчеканенной, что указывает на то, как ее ценил и как заботился о ней ее владелец. Она была положена в могилу вместе с его прахом приблизительно в четырех милях ниже мыса Победа на Земле короля Уильяма и очевидно оставалась там до тех пор, пока могила не была обнаружена эскимосами, посетившими эти места вскоре после Мак-Клинтока, то есть более двадцати лет тому назад. Повидимому, медаль была вынута из могилы и положена туземцами на одном из камней, которыми была обложена могила, пока они продолжали свое расхищение, а после была ими забыта. Благодаря медали прах лейтенанта Ирвинга был опознан и, доставленный в Шотландию, погребен с должными почестями на кладбище его родного города.

«Другая медаль, найденная в бухте Голода, сделана из олова, вернее это не медаль, а жетон в память спуска на воду парохода «Великобритания» в присутствии принца Альберта в июле 1843 года. На лицевой стороне жетона портрет принца и вокруг него надпись «принц Альберт, родился 26 августа 1819 г.», на оборотной надпись: «Великобритания, длина — 322 фута, ширина 54 фута 6 дюймов, глубина — 32 фута 6 дюймов. Вес железа — 1500 тонн, 1000 лошадиных сил, спущена на воду 19 июля 1849 г. его королевским высочеством принцем Альбертом». По случаю спуска на воду «Великобритании» был в свое время дан большой банкет, и один из присутствовавших на нем унес с собой жетон, который впоследствии был найден за много тысяч миль от того места, где происходило торжество.

«Нам удалось с полной достоверностью опознать только останки лейтенанта Ирвинга. Если бы нами были опознаны другие, мы также отправили бы их для погребения на родину.

«Грустную, но трогательную картину представляла могила одного из погибших членов экспедиции, которую мы нашли близ мыса Ле-Весконт. Внешний вид могилы свидетельствовал об особой заботе, которая была проявлена при погребении пережившими его товарищами. На это указывал и возвышавшийся над могилой маленький холмик из песка и гравия, которые, конечно, было очень трудно раздобыть на этом каменистом острове. Внутренность могилы была тщательно очищена от грязи, что было видно, несмотря на то, что она была раскрыта и разграблена туземцами. Между местом, где лежало тело, и стенками могилы были разбросаны маленькие цветочки, как будто его друзья хотели предохранить этим могилу от осквернения. Тонкая ткань одежды и белья, а также несколько позолоченных пуговиц свидетельствовали о том, что умерший был офицером, однако мы не нашли в могиле или около нее ничего, что позволило бы его опознать. Каждый камень снаружи был нами тщательно обследован, но, несмотря на это, мы не нашли ни на одном из них ни имени, ни инициалов. Собранные на пространстве $\frac{1}{4}$ мили кости погибшего были нами вновь зарыты и над могилой сооружен памятник. Лейтенант Шватка собрал из цветов, найденных нами в могиле, маленький букет и привез его с собой на родину, как память о погибших».

Открытия Шватки возбудили много толков, возобновился старый спор о том, было ли среди умиравших от голода чле-

нов экспедиции Франклина людоедство. Находка поджаренного человеческого мяса и отпиленных конечностей ясно говорила за то, что оно действительно имело место. Полярник доктор Рэ возражал тем, кто хочет видеть в таком образе действий величайшее преступление. Рэ указывал, что он сам голодал, что он видел людей, умиравших от голода, и потому знает, что «они не ответственны, подобно сумасшедшим, за свои действия».

Иначе рассуждал адмирал Ричардс. Он считал, что английские моряки «не способны на подобного рода ужасные действия» и что преступники — не кто иной, как эскимосы. Шватка, Джильдер и все прочие участники экспедиции с негодованием отвергали такое нелепое толкование, всячески защищая репутацию эскимосов. О том, на какой высокой нравственной ступени находятся эскимосы, можно судить по образу действий Тулуа — спутника и лучшего друга Шватки, Джо Эбирбинга — товарища по экспедициям Шватки и Холла, его жены Тукулиту, Августа — переводчика Франклина во время первых его экспедиций и очень многих других. Заслуживает самого серьезного внимания удивительное совпадение в рассказах различных туземцев, сталкивавшихся с Рэ, Мак-Клинтоком, Холлом и Шваткой. Можно смело считать, что, как правило, эскимосы, не имевшие дела с европейцами, отличаются особой правдивостью и прямоотой, и на слово их можно целиком положиться.

Несмотря на необыкновенный успех экспедиции Шватки, он ясно давал себе отчет в том, что — как говорит Джильдер — «установление судьбы экипажа не было таким благодарным уделом, каким явилось бы спасение или оказание помощи некоторому числу участников экспедиции, точно также, как известие о том, что мы собрали несомненные доказательства о гибели документов, несмотря на всю важность его не так ценно, как было бы их обнаружение». Самый важный и непосредственный результат трудов этой экспедиции заключается несомненно в том, что ей удалось установить место, где были потеряны письменные документы экспедиции Франклина, то есть бухту Голода.

Первую оценку своих достижений Шватка получил уже через несколько дней после своего возвращения на родину в одной из английских газет. Автор фельетона пишет:

«Лейтенант Шватка разрешил, наконец, последние сомнения, возникавшие относительно судьбы Франклиновой экспедиции. Он проследил путь одного из кораблей вплоть до его

могилы на дне океана и восстановил репутацию незаслуженно обвиненного безобидного народа. Он дал непохороненным костям погибших единственное надежное убежище от осквернения их бродячими животными или грубыми эскимосами, какое было возможно в этой замерзшей земле. Он привез домой тело одного из них, чтобы похоронить его в более теплой почве. Над остальными он поставил надгробные камни для увековечения памяти об их страданиях и подвигах. Он собрал признаки, по которым друзья и родственники погибших могли установить их смерть и представить себе, где лежат их останки. Наконец, он доставил домой много сведений, значительно дополняющих летопись исследования Арктики».

Такого успеха экспедиция Шватки смогла достигнуть прежде всего потому, что она, в противоположность всем прочим, была на месте гибели экипажа Франклиновских кораблей в летнее время. После Холла эта была первая экспедиция, усвоившая эскимосский образ жизни и питания. Холл и Ра были единственными предшественниками Шватки, в большой мере полагавшимися на местные пищевые ресурсы.

Наконец, одним из главных источников успеха всего предприятия является сам Шватка. О роли его в качестве руководителя экспедиции дает свидетельство его спутник и ближайший помощник Джильдер:

«Нечего и говорить, что удачным исходом экспедиция обязана лейтенанту Шватке, стоявшему во главе ее. Не будет преувеличением сказать, что ни один человек не приступал к изысканиям в Арктике более подготовленным физически, воспитанием, образом жизни, умственной тренировкой, чем лейтенант Шватка. Он одарен от природы крепким здоровьем, могучим телосложением, не знает усталости, всегда в веселом расположении духа и интересуется каждой безделицей, что отвлекает его внимание от окружающей мрачной обстановки и избавляет от тоски — этого неприятного последствия пребывания в таких диких местах. К тому же он обладает еще одним важным свойством, которое непосвященному может показаться сравнительно пустяком: у него желудок, который хорошо переваривает жирную пищу.

«Умение распоряжаться обеспечивает ему подчинение наших спутников иннуитов, что также нельзя не дооценивать.

«Великолепной организацией Шватка предупредил возможность наступления несчастий, которые нередко случаются в походе и почти неизбежны при менее искусном руковод-

стве. Все наши передвижения производились медленно, методически, обдуманно, как будто дело шло о передвижении армии в походе. Каждая возможная случайность была заранее предусмотрена и в отношении нее выработаны меры, так что мы не знали приключений в пути или они были столь обыкновенны, что не стоит о них и рассказывать».

XVII. В НАШЕ ВРЕМЯ

Экспедиции 1903—1931 годов — Амундсен, Расмуссен, Норберг, Вэррош, Джибсон

После возвращения Шватки умолкли голоса, требовавшие или советовавшие продолжать поиски следов экспедиции Франклина. Все, кто интересовался историей экспедиции или принимал близко к сердцу судьбу ее участников, оказались вынужденными удовлетвориться скудными сведениями, собранными Шваткой, Холлом и Мак-Клинтоком.

1880-й год — первый год долгого периода затишья в деле поисков следов Франклиновой экспедиции. Тому, кто не дожил до двадцатых годов нынешнего столетия, должно было казаться, что этот период сам по себе является началом полного забвения, на которое обречена история знаменитого похода Франклина. Но оказалось, что случайные находки и рассказы эскимосов снова пробудили в исследователях желание найти ключ к разгадке этой истории, и были сделаны новые попытки отыскать его — попытки, увенчавшиеся некоторым успехом.

Среди молодых людей девятисотых годов, глубоко интересовавшихся арктическими путешествиями английских мореплавателей в сороковых и пятидесятых годах прошлого века, был ставший впоследствии всемирно известным Руал Амундсен.

В молодые годы свои Амундсен поставил себе целью пройти на корабле Северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий. Амундсен приступил к осуществлению взятой на себя задачи после основательнейшей подготовки, понимая, что задуманная им экспедиция должна иметь в первую очередь научный, а во вторую — спортивный интерес.

Не случайно избрал Амундсен прохождение Северо-западным путем первой задачей из всех, намеченных им в своем

обширном плане «покорения» стран Арктики и Антарктики. Он сам говорит, что «с самого детства он был захвачен великой драмой Франклиновой экспедиции и отдался ей всем своим существом».

Амундсен серьезно изучал историю похода Франклина и всех поисковых экспедиций. Своим острым умом он сразу постиг главные причины неудач большей части этих предприятий и построил свою экспедицию так, чтобы быть гарантированным от неприятностей, столь сильно затруднявших жизнь и работу его предшественников. Одним из основных источников их неудач Амундсен признал громоздкость кораблей и многочисленность команды. Поэтому он выбрал для своего судна минимальные размеры и взял с собой только шесть человек спутников.

Поход через пролив Ланкастера, пролив Пиля и пролив Франклина к Земле короля Уильяма был сплошным триумфальным шествием крошечной «Йоа». Этот путь в точности совпадал с Франклиновым, если не считать небольшого рекогносцировочного рейса «Эребуса» и «Террора» по каналу Веллингтона. Разница между походами Франклина и Амундсена была только в том, что первый достиг Земли короля Уильяма после зимовки на острове Бичи, тогда как второй прошел то же расстояние в несколько недель. Амундсен был первым мореплавателем после Франклина, решившимся пройти проливом Пиля на пути с севера к материковому побережью Америки.

Амундсен хорошо понимал, что Франклин совершил ошибку, пытаясь пробиться вдоль западного побережья Земли короля Уильяма, и сразу направился в пролив Джемса Росса, омывающий ее с восточной стороны. На юго-восточном берегу этого острова в бухте, названной впоследствии гаванью Йоа, Амундсен остановился на зимовку.

В гавани Йоа Амундсен провел две зимы — этого требовали магнитологические работы. Заниматься в течение этого времени поисками остатков Франклиновой экспедиции было некогда и не входило в планы Амундсена. Но мысль его часто возвращалась к истории этого страшного похода. Не имея возможности лично осмотреть район гибели участников похода к Рыбной реке, Амундсен пытался разузнать подробности у встречавшихся ему эскимосов. Амундсен говорит, что ему не сразу удалось завоевать доверие местных жителей, но, однажды подружившись с ними, он мог рассчитывать узнать от них правду.

Сравнивая рассказ своего знакомого эскимоса из племени Оглули с тем, что слышал от эскимосов Шватка, Амундсен отмечает удивительное совпадение обоих сообщений.

И все же, несмотря на то, что Амундсен не искал остатков экспедиции Франклина, он нашел их во время одной из вспомогательных поездок, совершенных на лодке ранней осенью 1904 года. Целью ее было обследование узкой части пролива Симпсона, по которому впоследствии предстояло пройти самой «Йоа». «По дороге, — рассказывает Амундсен, — мы нашли черепа и несколько костей двух белых людей. Они лежали раскиданные по низкой прибрежной полосе у мыса Холла и были теми самыми, которые этот полярный исследователь в свое время положил под кучу камней. Мы нашли поблизости и самый камень, на котором Холл высек слова: «вечная память открывшим Северо-западный проход».

«Мы снова собрали кости и сложили над ними кучу камней. А сверху положили еще камень».

В следующем году Амундсен проходил на своем корабле мимо этого мыса: «Мы огибали мыс как раз на закате солнца и прошли мимо могилы в торжественной тишине, подняв флаг в честь умерших, а небо и земля были в это время окутаны красным золотисто-матовым светом».

Таким образом, результаты Амундсеновской экспедиции в отношении обнаружения следов экспедиции Франклина были очень невелики. Обнаружение им следов могилы, сооруженной Холлом, и несколько незначительных подробностей, услышанных из уст эскимоса, составляли весь материал. Амундсен сообщил миру о своих находках, и в результате никто не заинтересовался ими — слишком мало нового они представляли.

Своим плаванием вдоль северного побережья Америки из Атлантического океана в Тихий Амундсен стяжал бессмертную славу. И случилось так, что гром его имени совершенно заглушил слабые голоса тех, кто пытался напомнить о заслугах его предшественников.

Со времени знаменитой экспедиции Амундсена прошло почти двадцать лет. Великий норвежец успел за этот срок открыть Южный полюс и готовился уже к полету на Северный, когда неожиданно опять заговорили о Франклине и его экспедиции. В 1923 году известный полярный путешественник Кнуд Расмуссен случайно услышал интересные сообщения, касающиеся истории ее гибели. Произошло это недалеко от Земли короля Уильяма, на материковом берегу,

где проезжал на санях Расмуссен, совершая большое путешествие вдоль всего северного побережья Америки. Как известно, весь этот путь был проделан им в срок с 1921 по 1924 год. Этим переходом полудатчанин-полуэскимос Расмуссен, известный до тех пор, как энергичный и смелый исследователь своей родины — Гренландии, приобрел себе громкое имя одного из замечательнейших полярных путешественников современности.

Однажды во время поездки Расмуссен встретил нескольких старых эскимосов, которые рассказали ему интересные подробности о злополучной экспедиции. Благодаря совершенному владению эскимосским языком для него не составляло никакого труда беседовать со стариками. Расмуссен передает рассказ эскимоса его собственными словами:

«Два брата пошли раз на лов тюленей к северо-западу от Земли короля Уильяма. Было это весной, когда снег тает на тюленьих отдушниках. Далеко на льду ловцы увидели что-то черное, большое. Это не мог быть зверь. Они пошли и увидели, что это большой корабль. Они тотчас же побежали домой и рассказали своим соседям, а на другой день все пошли туда. Людей они не нашли, корабль был покинут, поэтому они решили растащить все, что тут увидели. Но никто из них никогда еще не видал белого человека, и они понятия не имели о применении разных вещей.

«Один человек увидал лодку, висевшую у борта, и крикнул: «корыто, огромное корыто! Я его беру!» Он никогда не видел лодок и подумал, что это — корыто, в котором рубят мясо для собак. Он перерезал канаты, которыми лодка была привязана. Она грохнулась на лед и раскололась.

«Нашли они разбросанные по кораблю ружья и, не зная, как их употреблять, отбили стальные стволы от лож и прибили их к гарпунам. Они так мало понимали насчет ружей, что называли найденные во множестве пистоны «наперсточками», думая, что у белых людей водятся такие карлики, которым они впору.

«Сначала они не смели спуститься вниз, внутрь корабля, но потом стали храбрее и даже осмелились войти в жилье, находившееся под палубой. Там они нашли много мертвых людей, лежавших на койках. Под конец они решились зайти и в большое помещение посреди корабля. Там было темно. Но скоро они нашли инструменты и решили пробить дыру для окошка. И вот эти неразумные люди, ничего не понимавшие в делах белых людей, прорубили дыру у самой ва-

терлинни, так что вода хлынула внутрь, и корабль затонул. Пошел ко дну со всеми сокровищами, почти ничего не успели спасти.

«В этом же году попозже весной трое людей шли с Земли короля Уильяма на полуостров Аделаиды на охоту за молодыми оленями. Тут они нашли лодку с шестью мертвыми телами. В лодке были ружья, ножи и провиант, значит умерли эти люди от болезни.

«И во многих местах на нашей земле видели мы еще кости белых людей. Я сам был на Каблунарсюрфике (название косы на полуострове Аделаиды) почти напротив того места, где зимовал Амундсен. Там мы до самого прошлого года копали и находили свинец и обломки железа, да еще тут, совсем близко, на берегу, чуть к западу.

«Вот и все, что я знаю о пельрартут, то есть «умерших с голоду», как мы зовем белых, которые когда-то посетили нашу страну и погибли раньше, чем наши отпы смогли спасти их».

Этот рассказ произвел на Расмуссена настолько сильное впечатление, что он решил осмотреть лично то место, о котором упоминал старый эскимос. Вместе с ним и своим спутником Петером Норбергом Расмуссен отправился в Каблунарсюрфик, находящийся на восточном берегу полуострова Аделаиды.

Эскимос привел их точно в то место, где лежали кости погибших европейцев. Рядом с ними валялись лоскутки одежды и обрывки кожаной обуви. Не подлежало сомнению, что эти кости принадлежали погибшим здесь членам экспедиции Франклина. Не все кости умерших людей находились на месте, часть их была повидимому растащена дикими зверями.

Таким образом случилось, что Расмуссен неожиданно попал на печальные следы посещения ими этого места, о котором до сих пор не было ничего известно. «Мы были, вероятно первыми европейцами, — говорит Расмуссен, — которые посетили это место. Мы собрали все кости, поставили над ними гурий и подняли два приспущенных флага — английский и свой. Так, без лишних слов, мы отдали погибшим последние почести».

Открытие Расмуссена показало, что несмотря, на то, что со времени гибели экспедиции прошло семьдесят пять лет, все еще можно надеяться отыскать новые свидетельства относительно судьбы ее участников. Расмуссен всколыхнул

своим рассказом замиравший интерес к истории этого предприятия, великого по своему замыслу и по своему трагизму.

Необходимость поисков останков членов экспедиции Франклина и относящихся к ней документов снова стала проблемой и приобрела себе сторонников. В 1926 году находившийся в районе Земли короля Уильяма Петер Норберг нашел на полуострове Аделаиды в точке, отстоящей от Земли короля Уильяма только на 10 миль, череп одного из участников экспедиции Франклина, часть дубовых саней и кусок материи.

Конечно, находки Расмуссена и Норберга не могли быть достаточными для того, чтобы создать новую экспедицию, единственная цель которой состояла бы в поисках следов пропавшей экспедиции. Те, кто считал желательным возобновить их, не имел денег осуществить поиски, а капиталистические хозяева страны в лице правительства метрополии не желали расходовать деньги впустую.

По-другому отнеслось к этому правительство Канады, нашедшее способ сочетать вопрос о поисках франклиновских реликвий с проблемой освоения района в хозяйственном отношении. Необходимо отметить, что со времени посещения арктического архипелага Америки Амундсеном Канада принимала в этом направлении ряд важных шагов. Основным достижением в этой области следует считать организацию ежегодных рейсов вдоль побережья материка от Берингова пролива до Земли короля Уильяма. Гавань Йоа стала постоянным местопребыванием агентства Гудзоновой компании.

Начиная с 1925 и кончая 1930 годом в районе Земли короля Уильяма и вдоль всего материкового побережья вплоть до устья Мэкензи производил исследования майор Л. Т. Бэрроуш, командированный сюда правительством Канады. Работы, возложенные на него, отличались чрезвычайным разнообразием, и среди них было «изучение области, где погибла экспедиция Франклина».

Первое свое путешествие Бэрроуш совершил в 1925 году, причем зиму он провел на Земле короля Уильяма. Базой его был мыс Таллач на южном побережье, откуда он предпринимал небольшие экскурсии к восточному берегу Земли короля Уильяма, где встречался со многими эскимосами племени Нейтчили. Из бесед с рядом эскимосов этого племени было установлено, что они давно знают о том, что против северной оконечности острова Мэтти лежит под водой остов большого корабля. Так как Бэрроуш не имел возможности

остаться в районе Земли короля Уильяма до тех пор, пока море не освободится от льдов, он не мог проверить сообщения туземцев.

В 1928 году Бэруош снова отправился прежним путем через Аклавик в устье реки Мэкензи, на восток, к Земле короля Уильяма. Здесь он провел зиму.

В апреле 1929 года Бэруош, находившийся в то время уже на полуострове Бутии, выступил в поход на Землю короля Уильяма со специальной и единственной целью отыскать сохранившиеся остатки Франклиновой экспедиции. 17-го он покинул бухту Оскара на Бутии и направился к гавани Йоа.

По пути он посетил небольшой остров, расположенный к северу от острова Мэтти, возле которого, по рассказам туземцев, лежал остов погибшего корабля. Здесь не было замечено, однако, ничего представляющего интерес, так как вся поверхность земли была покрыта снегом и льдом.

Позднее в гавани Йоа Бэруош встретил двух старых эскимосов, которые нашли обломки погибшего судна. Из бесед с ними он пришел к заключению, что обстоятельства, при которых погибли участники экспедиции Франклина, не совсем таковы, какими они обычно рисуются.

Вот что пишет Бэруош по поводу сообщения эскимосов.

«Прежде всего нужно заметить, что обоим эскимосам на вид было более шестидесяти лет. Об этом можно было только догадываться по их внешнему виду, так как эскимосы не могут точно определить своих лет. Оба эскимоса совершенно одинаково передавали те подробности, которые мы сообщаем ниже.

«Когда им было лет по двадцати, они охотились на льду к северу от острова Мэтти. Пересекая низменный остров, они наткнулись на склад деревянных ящиков, тщательно сложенных недалеко от центра острова и приблизительно в трехстах футах от воды. По их описаниям, склад занимал пространство в двадцать футов в длину и пять в ширину и был выше, чем они сами (то есть более 5 футов). Склад состоял из деревянных ящиков, в которых были неизвестные материалы, все в жестяных коробках, некоторые из которых были окрашены красной краской.

«Единственную ценность для эскимосов, обнаруживших этот склад, и их единоплеменников, с которыми они поделились находкою, представляло дерево, из которого были сколочены ящики. По их словам, оно казалось очень ветхим

у тех ящиков, которые были снаружи, но было почти новым у ящиков, лежавших внутри и защищенных от влияния атмосферных осадков.

«Все ящики были открыты туземцами и деревянные части поделены между ними. Дерево могло послужить им подходящим материалом для изготовления стрел. Энукшакаку досталось одиннадцать ящиков, Новия — десять и их другу — два. После того как были разделены ящики, они открыли жестяные коробки, в которых оказались неизвестные им материалы, в том числе белый порошок, который они называли «снегом белых людей». Этот порошок они рассыпали, чтобы посмотреть, как его будет уносить ветром. После того, как они узнали больше о продовольствии белых, они пришли к заключению, что в некоторых ящиках была мука, в других — корабельные бисквиты и консервированное мясо, может быть пеммикан, но содержимого части ящиков они так и не могли разгадать. Все жестяные коробки были открыты, но находившимся в них продовольствием они не воспользовались, так как не думали, чтобы оно пришлось им по вкусу. Пустые жестяные ящики они разбросали по земле.

«В это же самое время они раздобыли несколько досок, длина которых, по их рассказам, составляла более 15 футов, ширина — 10 дюймов и толщина — 3 дюйма. Эти доски были прибиты к берегу острова, на котором они нашли продовольственный склад, а также к берегу другого близлежащего острова. Еще прежде обнаружения продовольственного склада на острове, эскимосы часто находили куски дерева (судя по их описаниям — доски от бочек) и тонкое железо (повидимому, обручи от бочек) в разных местах вдоль береговой линии.

«Остов затонувшего корабля, о котором туземцы давно знали, лежал под водой на расстоянии в $\frac{3}{4}$ мили от берега того острова, где они нашли продовольственный склад. Когда склад был обнаружен эскимосами, ни один из ящиков не был открыт, и все они были сложены вместе. Это доказывало, что те, кто устроил склад, больше к нему не возвращались.

«Энукшакак и Новия оба были того мнения, что ящики были сложены на острове белыми людьми, которые прибыли на корабле, лежавшем у рифа в открытом море. На вопрос, сохранилось ли что-нибудь до настоящего времени на месте склада, оба туземца заявили, что когда несколько лет тому

назад они посетили снова остров, там оказались только следы от заржавленной жести. Автор посетил остров в апреле 1929 года, но оказалось, что вся поверхность его была покрыта снегом. Он не мог поэтому обнаружить даже следов ржавчины, которые все еще должны были сохраниться».

Это последнее обстоятельство было очень досадным, так как если бы Бэруошу удалось найти прямое подтверждение слов местных жителей — его открытие по своему значению для истории экспедиции Франклина не уступало бы открытиям, сделанным Шваткой и Холлом. Бэруош понимал это и принял все меры для того, чтобы в будущем году возобновить попытку обследования острова Мэтти, его непосредственной округи и некоторых районов Земли короля Уильяма.

В 1930 году он вылетел на аэроплане в свой рейс.

«4 сентября мы отправились из гавани Бернارد к заливу Кэмбридж, — рассказывает Бэруош, — где сделали остановку на один час. После полета, продолжавшегося три с половиною часа, мы прибыли в гавань Йоа, где провели одну ночь, а затем направились вдоль восточного берега острова Короля Уильяма до пролива сэра Джемса Росса.

«Мы надеялись окончательно установить, насколько правильны были сообщения, сделанные автору эскимосами во время двух первых посещений им острова Короля Уильяма относительно погибшего корабля, который мог быть только одним из двух кораблей Франклина, то есть «Эребусом» или «Террором». К сожалению, часть моря, простирающаяся от южных границ островов архипелага Мэтти, была покрыта сплошным тяжелым льдом и так же, как район острова Блинкей (предполагаемое местонахождение остова корабля), была скрыта от нас облаками, сквозь которые мы только мельком видели острова и сплошные массы льда. При таких условиях мы не могли сделать посадку или же производить наблюдения с самолета. Поэтому мы направились к Магнитному полюсу на полуострове Бутия и оттуда к мысу Феликс и мысу Победа на острове Короля Уильяма.

«У мыса Победа нам удалось сделать посадку. 5 сентября мы расположились там лагерем. Все четыре члена экспедиции целый день, от рассвета до темноты, исследовали береговую линию от мыса Победа до залива Бака. Пилот и механик шли на расстоянии $\frac{1}{2}$ мили от берега, а мистер Финни и автор следовали по самому берегу. В результате были обнаружены следы стоянки экспедиции Франклина, а имен-

но: остатки сложенных из камней продовольственных складов, а может быть стен прямоугольной палатки. Именно в этом районе лейтенантом Хобсоном, сопровождавшим Мак-Клинтока в его путешествии 1858—1859 годов, был найден письменный документ о судьбе экспедиции Франклина. Мы же, однако, ничего не нашли, кроме каменных сооружений.

«На следующее утро мистер Финни и автор исследовали береговую линию к северу от мыса Победа. Нам посчастливилось наткнуться на гурий, прежде никем не исследованный, однако, когда мы его разобрали, наши усилия были вознаграждены лишь находкой лоскутьев тонкого синего морского сукна. Напротив этого гурия, непосредственно у берега, мы обнаружили остатки обширного лагеря. Здесь были найдены помимо морского сукна остатки полотняной палатки, куски канатов разных размеров, небольшие доски от бочек, кусок каменного угля и проржавленные остатки, по-видимому, от лезвия ножа. Впоследствии все это было привезено в Оттаву.

Далее к югу у мыса лэди Джен Франклин были обнаружены остатки каменных строений, которые могли быть гуриями, продовольственными складами или же служить жилищем, но все они были осмотрены участниками прежних экспедиций, и никаких предметов, оставшихся от экспедиции Франклина, здесь не оказалось. Расстояние между мысом Победа и мысом Джен Франклин составляет приблизительно пять миль, их разделяет глубокая бухта. При осмотре района, прилегающего к бухте, был обнаружен гурий, который, по-видимому, не был еще обследован прежними экспедициями. Мы разобрали этот гурий до основания. Оказалось, что прямо на землю была положена в виде четырехугольника форменная морская одежда и над ней сооружен гурий. Песок, на котором лежала одежда, был разрыт, но под ним ничего найдено не было. Не было обнаружено каких-либо остатков экспедиции Франклина и вокруг гурия. Форменная одежда, найденная под гурием, лежала многие годы в сыром и темном месте, почему обратилась в мягкую массу, сохранив только свой цвет. По отдельным клочкам и волокнам можно было судить о том, из какой ткани была сшита одежда. После обследования гурий был восстановлен на том же месте, так как он может впоследствии служить тем пунктом, от которого будет начинаться дальнейшие розыски.

«Этот гурий находился на расстоянии до 600 футов от береговой линии и стоял на низком, покрытом валунами

берегу, приблизительно на 50 футов выше уровня моря. Почти прямо против него был расположен ряд песочных насыпей правильной формы. Так как они походили на другие насыпи, расположенные вдоль береговой линии, было решено исследовать некоторые из них. Однако затраченные на это усилия оказались безрезультатными, насыпи очевидно образовались от напора сплошных льдов. Во время работы у этих кос были замечены среди валунов несколько лоскутов форменной морской одежды. Они лежали в двух-трех футах от одной из разрытых нами насыпей. После тщательного обследования берега мы нашли и другие предметы, свидетельствовавшие о пребывании здесь белых людей: остатки такелажа, кусок дюймовой веревки, много лоскутов форменной одежды и ткани от палаток, две небольших дубовых доски от боченка, некоторое количество каменного угля (обгорелого с одной стороны), куски заржавленного железа, которые могли быть частями от лезвия длинного ножа, и полоса холста 12 футов в длину и 10 дюймов в ширину, которая очевидно была оторвана от нижней части палатки.

Все это было тщательно собрано и затем привезено в Оттаву.

Все эти предметы были разбросаны на расстоянии приблизительно 300 футов от береговой линии вдоль хребта, где очевидно находился лагерь. Никаких других следов пребывания белых вдоль берега к северу от этого места, в том числе и у мыса Победа, найдено не было.

«Мы оставили нашу стоянку у мыса утром 6 сентября и направились к югу вдоль западного берега острова Короля Уильяма. Как и накануне во время перелета, море было покрыто сплошными льдами, что делало невозможной посадку, за исключением того пункта у мыса Победа, где мы провели ночь. У бухты Террора оказалось чистое море, здесь мы сделали посадку и обследовали береговую линию. Именно здесь Шватка нашел следы госпиталя и узнал относительно бумаг, которые могли представлять ценность. После непродолжительного обследования береговой линии, мы нашли могилу, где могло быть погребено несколько тел. Она была тщательно восстановлена. Других признаков, которые указывали бы на пребывание здесь участников экспедиции Франклина, обнаружить нам не удалось. Характер этой местности был таким же, как и обследованной нами ранее у мыса Победа, только песчаные косы, образовавшиеся в результате напора льдов или под действием морозов, были

слишком велики, чтобы можно было предположить, что они сложены проходившим по берегу отрядом.

«Закончив исследования у бухты Террора, отряд вернулся к гавани Йоа, где была проведена ночь. 7 сентября в 7 часов утра мы вылетели в западном направлении и остановились на ночь у залива Кэмбридж. 8-го днем мы достигли Меднорудной реки.

«Во время двукратного пребывания автора на острове Короля Уильяма было исследовано несколько гуриев и могил, расположенных вдоль южного берега этого острова, но все они были осмотрены раньше другими путешественниками и, повидимому, не содержали письменных документов или предметов, имеющих значение.

«В заключение нужно сказать, что возможность нахождения на острове Короля Уильяма письменных документов об экспедиции Франклина все еще не исключена. Но на основании приобретенного им опыта автор того мнения, что, если они и существуют, их удастся найти только после настойчивых и систематических поисков многочисленного отряда».

Открытия Бэруоша показали, что, несмотря на давность гибели экспедиции Франклина, новые сведения относительно ее судьбы могут быть найдены даже еще теперь. Ему удалось выяснить путем расспросов у эскимосов чрезвычайно важные вопросы, как например место гибели второго корабля экспедиции. Он нашел следы лагерей отряда Крозье и остатки принадлежавших ему предметов. К несчастью, Бэруошу не удалось проверить на месте рассказ эскимосов о гибели «Эребуса» около острова Мэтти и не удалось найти письменных документов.

Сам Бэруош считает возможной находку письменного свидетельства, подписанного Крозье или хотя бы кем-нибудь из матросов с «Эребуса» или «Террора», и, действительно, отрицать такую возможность никоим образом нельзя.

Результатом открытий Бэруоша было то, что на следующий же год отправилась небольшая исследовательская партия с единственной целью разыскать непогребенные скелеты участников экспедиции Франклина, собрать их и похоронить. Эта партия состояла всего из трех человек и, таким образом, вовсе не соответствовала требованиям, которые предъявлял к новой поисковой экспедиции Бэруош, тем более, что в ее программе совсем не стоял осмотр западного и северного берега Земли короля Уильяма. План работ этого небольшого отряда состоял в объезде одного только южного.

побережья, вдоль которого, по словам эскимосов, во многих местах лежали побелевшие от времени кости людей с кораблей Франклина.

Уильям Джигбсон и Уильям Скиннер были сотрудниками Гудзоновской компании. Они рассчитывали проделать в течение лета 1931 года осмотр всех отмеченных эскимосами мест и к началу осени успеть возвратиться на свою базу в гавань Йоа.

В сопровождении эскимосского мальчика оба исследователя выступили в поход в начале июня и вернулись обратно уже в середине следующего месяца. С ними была собачья упряжка, чрезвычайно облегчившая продвижение по снеговому покрову суши и морскому льду.

Первая остановка, где был произведен тщательный осмотр местности, пришлась на мысу Бут. Эта точка — самая восточная из всех на Земле короля Уильяма, где были когда-либо найдены следы посещения членами экспедиции Франклина. Здесь был похоронен скелет одного из них Холлом, побывавшим на этом побережье в 1869 году. Несмотря на старательные поиски могильного холма, воздвигнутого Холлом, Джигбсону не удалось его обнаружить.

Вместе со своими товарищами он направился дальше, в сторону островов Тодда. Как известно, Холл в свое время нашел здесь и — по всей вероятности — похоронил скелет одного человека и узнал вместе с тем от эскимосов, что здесь погибло еще четверо, тела которых ему разыскать не удалось. Джигбсон не нашел следов могилы, несмотря на тщательный осмотр всей местности, и заключил из этого, что она была, подобно предыдущей, разрушена любопытными туземцами, надеявшимися найти под камнями предметы, могущие быть им полезными. Зато были замечены два белеющих среди песка человеческих черепа. Джигбсон и его помощники разрыли кругом всю почву и нашли в ней много недостающих костей. «Повидимому здесь вообще не было похорон, как не было могил и надгробных памятников», говорит Джигбсон. Кроме костей были обнаружены совершенно истлевшие локутки материи — повидимому остатки морского платья, в которое были одеты покойные.

На другом острове того же маленького архипелага — самом южном — удалось найти еще один череп, частично выглядывавший из песка. Когда начали копать, то оказалось, что здесь лежит «почти целый скелет, вытянутый в естественном положении». Морская одежда сохранилась на этом

трупe много лучше, так что можно было взять куски ее в руки и она при этом не разваливалась. Кроме того на ней легко было различить отдельные швы и подкладку. «Эти останки принадлежали повидимому очень молодому человеку, — пишет Джибсон. — Зубы на обеих челюстях были совершенно целые и удивительно красивые».

На небольшом расстоянии от этого скелета были обнаружены кости другого: берцовая кость, несколько ребер и позвонков. Таким образом, Джибсону удалось найти все четыре трупа, о которых рассказывали Холлу побывавшие здесь эскимосы, и только могила похороненного Холлом человека осталась не обнаруженной. Джибсон закопал найденные им останки и воздвиг над ними небольшой гурий. Он жалуется на то, что этому гурию долго не простоять, так как эскимосы непременно разрушат его при первом же своем посещении островов. Затем Джибсон и его товарищи покинули острова Тодда и вернулись на Землю короля Уильяма.

Между этими островами и рекой Пфеддер Холл похоронил три обнаруженных им трупа. Джибсон знал об этом и отправился на розыски могил и гуриев. Оказалось, что все они стали жертвой любопытства туземцев, не оставивших от них никакого следа. Дальше экспедиция пришла к месту, где Холл нашел могилу лейтенанта Ле-Весконтa, труп которого был вывезен и похоронен в Гринвиче. Эскимосы рассказывали, что неподалеку от этой точки лежит еще один скелет. Действительно, чуть-чуть выше линии приливной волны была обнаружена необыкновенного размера берцовая кость и несколько более мелких косточек.

Над этими костями Джибсон тоже соорудил небольшой гурий.

Дальше путешественники взяли курс на мелкие островки, лежащие внутри бухты Дуглас, недалеко от входа в нее. По сообщению эскимосов, на некоторых из них были трупы белых людей. Пришлось осмотреть ряд островов, так как описание эскимосов не было точным. На одном из них Джибсон нашел белевший среди песка и камней череп. Неподалеку от него было обнаружено еще три черепа и «большая коллекция человеческих костей». Наконец, на расположенном рядом холме оказалось еще три черепа и много разбросанных костей. Нельзя было сомневаться, что все эти кости принадлежат европейцам, и что европейцы эти — члены экспедиции Франклина. Таким образом на этом маленьком островке погибло не менее семи человек.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ОТКРЫТИЙ В АРКТИЧЕСКОЙ АМЕРИКЕ: ДО ФРАНКЛИНА, В ПЕРИОД ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОСЛЕ НЕГО

Рядом с костями были обнаружены дубовые куски и много дубовой стружки, а также стружки от «норвежской сосны». Куски дубового дерева носили на себе следы грубой рубки. На одном из двух небольших сосновых кусков были дырки от гвоздей.

«Откуда взялось это дерево?» спрашивает Джибсон. Ответ, который он сам дает, очень любопытен:

«Ныне живущие эскимосы определенно говорят о лодке, которая была после гибели Франклина найдена эскимосами, сломана и использована. Говорилось, что она была обнаружена на островах Тодда, хотя некоторые из туземцев не соглашались с тем, что лодка была найдена именно там. На островах Тодда не было замечено нами ни дерева, ни стружек, и очень вероятно, что здесь, на островах в бухте Дуглас, мы нашли доказательства поломки одной из спасательных шлюпок, сопровождавших экспедицию при отступлении. С другой стороны эти остатки могли быть дубовыми санями, материал которых эскимосы несомненно использовали для себя.

«Возможно, что этот остров является местом остановки отступавшей команды, где был разбит один из ее лагерей — местом, с которого многие не встали больше, чтобы продолжать свой кошмарный поход. Возникает вопрос: зачем они прошли на две мили вглубь бухты Дуглас, вместо того, чтобы пересечь ее в устьевой части по направлению к берегу, удаленному только на 10—12 миль? Я думаю, что это легко объяснить степенью видимости, преобладавшей в то время, когда они покинули мыс Таллач. Я сам, путешествуя в сопровождении эскимоса, хорошо знакомого с местностью, отклонился далеко вглубь бухты из-за снега, ухудшившего видимость до одной мили. Партия Франклина, незнакомая с очертаниями побережья, могла ошибиться еще легче.

«Останки были похоронены на самой высокой точке острова, и над могилой был сооружен большой гурий. Эта местность в настоящее время меньше посещается эскимосами, и мы надеемся, что останки не будут никем потревожены и осквернены».

От островов в бухте Дуглас Джибсон направился к близкому мысу Таллач. Он шел к мысу со стороны моря и уже издали заметил высокий гурий, сооруженный здесь Холлом над останками одного из членов Франклиновой экспедиции. Это был единственный гурий, частично уцелевший от рук эскимосов. Среди разбросанных камней лежали череп и кости.

Дальнейшее путешествие Джибсона вдоль южного побережья Земли короля Уильяма и северного побережья полуострова Аделаиды не дало новых находок костей или предметов, относящихся к Франклиновой экспедиции.

В результате поездки Джибсона стало известно, что группа участников экспедиции Франклина достигла островов в бухте Дугласа и нашла здесь свою смерть.

Можно ли надеяться, что в будущем история похода экспедиции Франклина станет яснее, что будут открыты новые факты и будут найдены документы? — на этот трудный вопрос дает правильный ответ сам Джибсон.

«Я уверен, — говорит он, — что пристальное изучение береговой линии до мыса Победа пролило бы много больше света на до сих пор не обнаруженные печальные останки участников экспедиции. Однако надежда на то, что удастся найти какие-либо документы, которые окончательно осветили бы эту трагедию, чрезвычайно слаба. Эскимосы уничтожили все следы каких бы то ни было свидетельств, кроме белеющих костей. И можно только надеяться, что в недалеком будущем все останки, разбросанные на Земле короля Уильяма и полуострове Аделаиды, будут отысканы и собраны для погребения».

Что же дали в конечном итоге находки Амундсена, Расмуссена, Норберга, Бэруоша и Джибсона? Если учесть давность разыгравшейся на равнине Земли короля Уильяма трагедии, то придется признать, что результаты поисков экспедиции двадцатого века оказались неожиданно большими. Наиболее важным было установление места гибели «Эребуса» и подтверждение взгляда, высказанного еще Мак-Клинтоком и Шваткой, что оба Франклиновых корабля имели на борту часть своего экипажа вплоть до момента их окончательной остановки.

Благодаря поискам Бэруоша и других путешественников нашего века удалось значительно уточнить не только судьбу кораблей экспедиции, но и людей — участников похода через остров в сторону материка. В настоящее время представляется следующая картина того, что происходило там в 1848, а может быть и в 1849 годах.

Во-первых, ясно, что не все, отправившиеся в поход в сторону устья Большой рыбной реки, достигли его и погибли затем в бухте Голода, на острове Монреаль или в их окрестностях. Часть путников отделилась, повидимому, уже в начале пути в поисках спасения в каком-то другом на-

правления. Многие участники похода главного отряда погибли, как известно, в пути, испещренном их могилами и трупами. Наконец, когда выяснилось, что продолжать поход к югу многим не по силам, часть их — а по Баруошу половина, или даже больше, — повернула обратно к кораблям, в то время еще находившимся у северо-западных берегов Земли короля Уильяма.

Бухта Голода—место, где погибло большинство людей, благополучно переправившихся с Земли короля Уильяма на материк. Покидая в свое время корабли, Крозье несомненно рассчитывал после прибытия кустью реки Рыбной подняться по ней и облегчить себе этим переход в населенную индейцами область. Если не считать открытия следов экспедиции на острове Монреаль Андерсоном, то до самого последнего времени не было никаких указаний на то, что кому-либо из спутников Крозье удалось проникнуть дальше приустьевого района этой реки. Лишь совсем недавно, 21 мая 1935 года, в нашей печати появилась коротенькая заметка под названием «Могила в Арктике». Основана она на газетном сообщении, полученном из Англии:

«В Англию вернулся из Арктики исследователь Фрэнсис Пиз, который провел там шесть месяцев.

«Исследователь обнаружил в 250 милях к северу от форта Черчилля могилу, повидимому, одного из членов арктической экспедиции Джона Франклина.

«Пиз нашел могилу близ реки Ша-Анн. На могиле написано на языке индейцев: «Здесь погребен в 1851 году белый человек». К северу от этого пункта Пиз обнаружил остатки лодки, часть морской одежды, парусину, старые пушечные ядра и гвозди. Все эти вещи переданы канадскому правительству».

Факт появления приведенной газетной заметки в 1935 году лучше всего доказывает, что не все еще страницы мрачной книги о трагической гибели Франклина и его товарищей раскрыты и прочитаны и что мир узнает еще не одну деталь величайшей драмы, когда-либо случившейся в Арктике.

Перечень экспедиций, отправившихся для открытия Северо-западного прохода и для розысков Франклина, его спутников и документов о пропавшей экспедиции

Год	Корабль	Начальник	Маршрут экспедиции
Экспедиция к Северному полюсу			
1818	Доротеа Трент	Давид Бечан Джон Франклин	Экспедиция прошла на север к востоку от Гренландии, достигла широты Шпицбергена и повернула обратно (стр. 13—14).
Атлантические экспедиции с востока на запад через Баффинов залив или Гудзонов пролив			
1818—1819	Изабелла Александр	Джон Росс Эдвард Парри	Экспедиция не вышла за пределы Баффинова залива и повернула обратно (стр. 12—13).
1819—1820	Гекла Грайпер	Эдвард Парри М. Лиддон	Экспедиция проникла через пролив Ланкастера вглубь арктического архипелага, достигнув 113°48'22" западной долготы. Доказана проходимость пролива Ланкастера, открыто много островов (стр. 16—18).
1821—1823	Фьюри Гекла	Эдвард Парри	Экспедиция прошла к полуострову Мельвила. Открыт пролив Фьюри и Гекла (стр. 50).
1824—1825	Гекла Фьюри	Эдвард Парри Г. Гонпнер	Экспедиция проникла в пролив Принца Регента и обследовала его (стр. 52).
1824	Грайпер	Г. Лайон	Экспедиция прошла в пролив Роус Уэлком и потерпела здесь аварию (стр. 52).
1829—1833	Победа	Джон Росс	Экспедиция прошла к берегам Бутии Феликс и Земли короля Уильяма. Нанесена на карту эта область. Открыт Магнитный северный полюс. Судно брошено среди льдов. Участником экспедиции был Джеймс Росс (стр. 85—89).

Год	Корабль	Начальник	Маршрут экспедиции
1836—1837	Террор	Джордж Бак	Экспедиция достигла бухты Репульс и после зимовки здесь вернулась обратно (стр. 90).
1845	Эребус Террор	Джон Франклин Фрэнсис Крозье	Экспедиция достигла, после зимовки у острова Бичи, Земли короля Уильяма. В районе последнего погибли корабли и весь их экипаж (стр. 105 и до конца).
1848—1849	Предприятие Исследователь	Джемс Росс Бэрд	Экспедиция посетила побережье острова Северный Соммерсет, пролив Бэрроу и северную часть пролива Принца Регента. Эта экспедиция была — вместе с западной Мура и южной Ричардсона — первым спасательным предприятием. Никаких вестей об экспедиции Франклина доставлено не было (стр. 128—132).
1849	Известие	Роберт Энзрестер Гудсир	Экспедиция под руководством капитана Пенни прошла в Ланкастеров пролив и вернулась обратно. Сведений о Франклине не доставлено (стр. 148—149).
1849—1850	Сев. Звезда	Соундерс	Корабль служил базой для других экспедиций 1849—1851 годов и следовал за ними или оставался в Баффиновом заливе (стр. 132—159).
1850—1851	Решительный Помощь Пионер Неустранимый	Горацио Остин Эразм Омени Шерард Осборн Катор	Экспедиция обследовала южное побережье островов Парри и разделяющих их проливов. Участником экспедиции Мак-Клинтоком посещен остров Мельвиля. Обследовано северо-западное и восточное побережье Земли принца Уэльского. Открыт пролив Мак-Клинтока. Совместно с экспедициями Де-Хавена и Пенни обнаружено место первой зимовки экспедиции Франклина на мысу Райли и острове Бичи (стр. 156—181).

Год	Корабль	Начальник	Маршрут экспедиции
1850—1851	Лэди Франклин София	Уильям Пенни Стюарт	Экспедиция обследовала побережье канала Веллингтона. Независимо от экспедиции Де-Хавена открыта Земля Гриннелля. Обнаружены следы пребывания людей Франклина на берегах канала Веллингтона и зимовка на острове Бичи (стр. 156—181).
1850—1851	Феликс Мэри	Джон Росс Филлипс	Экспедиция обследовала побережье острова Корнуэльс. Участвовала в поисках, производившихся остальными экспедициями 1850—1851 годов (стр. 156—181).
1850—1851	Успех Спасение	Де-Хавен С. Гриффин	Экспедиция посетила канал Веллингтона. Открыта Земля Гриннелля. Совместно с Оммени из экспедиции Остина открыты первые следы Франклина в районе острова Бичи (стр. 156—172, 184—185).
1850	Принц Альберт	Кодрингтон Форсайт	Экспедиция направилась в пролив Принца Регента, нашла его забитым льдом и обследовала побережья Земли принца Уэльского и Северного Соммерсета. Новых следов Франклина не найдено (стр. 156—160).
1851—1852	Принц Альберт	Уильям Кеннеди Жозеф Рене Белло	Экспедиция посетила северную оконечность Бутии Феликс. Открыт пролив Белло и обследована часть Земли принца Уэльского. Следов Франклина не найдено (стр. 185, 194—197).
1852—1854	Помощь Решительный Пионер Неустрашимый Сев. Звезда	Эдвард Бельчер Генри Келлет Шерард Осборн Фрэнсис Лепольд Мак-Клинток В. Пеллен	Экспедиция разделилась на три отряда: первый—из двух кораблей во главе с Бельчером посетил канал Веллингтона, второй—тоже из двух кораблей—во главе с Келлетом посетил остров Мельвиля, третий на «Северной Звезде» остался в качестве базы у острова Бичи. Келлет встретил и доставил на базу Мак-Клюра, капитана корабля западной экспедиции, зимовавшего в проливе Мельвиля у берегов Земли Банкса. Все корабли, кроме «Северной Звезды», брошены среди

Год	Корабль	Начальник	Маршрут экспедиции
1852	Изабель	Эдвард Август Ингльфильд	льдов. Никаких следов экспедиции Франклина обнаружено не было (стр. 191—192, 224—229). Экспедиция посетила проливы Смита, Джонса, Китовый и Вольстенгольм, была на острове Бичи. Следов Франклина не обнаружено (стр. 197—199).
1853	Феникс Бредалбэйн	Эдвард Август Ингльфильд Фаукнер	Экспедиция посетила южные берега Веллингтонова канала. Погиб «Бредалбэйн» и утонул участник экспедиции Белло. Доставлена в Европу часть экипажа экспедиции Мак-Клюра. Следов Франклина не обнаружено (стр. 201—206).
1853—1855	Успех	Элиза Кевт Кейн	Экспедиция посетила и обследовала пролив Смита, достигнув 82°27' северной широты. Открыт ряд островов. Следов Франклина не найдено (стр. 199—201).
1854	Феникс Тальбот	Эдвард Август Ингльфильд Дженкинс	Экспедиция посетила остров Бичи и вернулась обратно с частью команды экспедиций Бельчера и Мак-Клюра. Следов Франклина обнаружено не было (стр. 229—230).
1857—1859	Фокс	Фрэнсис Леопольд Мак-Клинток	Экспедиция достигла пролива Белло и обследовала западное побережье Бутти Феликс, Землю короля Уильяма и район устья реки Большой рыбной. Мак-Клинтоком и его помощником Уильямом Хобсоном обнаружено большое количество следов экспедиции Франклина, трупы людей и документ, разъясняющий судьбу ее (стр. 271—346).
Тихоокеанские экспедиции с запада на восток через Берингов пролив			
1825—1828	Влоссом	Фредерик Уильям Бичи	Экспедиция достигла с помощью лодок мыса Бэрроу, обследовав неизвестное побережье между этим мысом и мысом Ледяным (стр. 53—55).

Год	Корабль	Начальник	Маршрут экспедиции
1848—1852	Пlover	Мур	Экспедиция — первая поисковая с западной стороны — работала в районе между заливом Коцебу и мысом Барроу, поджидая здесь прихода Франклина. В северном направлении была достигнута широта 73°51'. Участник экспедиции Пеллен совершил шлюпочное путешествие на восток. Сведений о Франклине не получено (стр. 126, 138—140, 207—210).
1848—1850	Геральд	Генри Келлет	Экспедиция работала в том же районе, что и предыдущая. Зимнее время экспедиция проводила в водах Тихого океана. Открыты острова Геральда и Врангеля. Следов Франклина не обнаружено (стр. 139—140, 143—145, 210—212).
1848—1850	Нэнси Даусон	С. Шеддон	Экспедиция содействовала работам Мура и его помощника Пеллена. Следов Франклина найдено не было (стр. 141).
1850—1854	Исследователь	Роберт Джон Мак-Клюр	Экспедиция на «Исследователе» была официально частью предприятия, находящегося под началом Коллинсона. Разделившись с Коллинсоном еще в Тихом океане, Мак-Клюр фактически провел свою экспедицию самостоятельно. Открыт Северо-западный проход. Судно брошено, экспедиция прошла открытым ею путем по льду и на судах восточной экспедиции. Следов Франклина найдено не было (стр. 201—202, 207—222, 224—233).
1850—1855	Предприятие	Ричард Коллинсон	Экспедиция прошла сначала следом за Мак-Клюром, повторив его открытие, затем направилась по южным проливам до залива Кэمبرидж на острове Виктории. Здесь было обнаружено несколько выброшенных морем на берег предметов экспедиции Франклина, чему не было придано надлежащего значения (стр. 207—211).

Год	Корабль	Начальник	Маршрут экспедиции
1853	Изабель	Уильям Кеннеди	Экспедиция не достигла места своего назначения, окончив существование еще в Тихом океане у берегов Чили (стр. 190).

Сухопутные и шлюпочные экспедиции со стороны
американского материка

Год	Начальник	Маршрут экспедиции
1819—1822	Джон Франклин	Экспедиция прошла от Йоркской фактории на Гудзоновом заливе до устья реки Меднорудной и морем на восток до мыса Поворотного. Открыто и положено на карту 550 миль морского побережья. Сопровождали Франклина Джон Ричардсон и Джордж Бак (стр. 18—49).
1825—1827	Джон Франклин	Экспедиция спустилась к морю по реке Мэкензи. Западная партия во главе с Франклином и при участии Бака прошла вдоль открытого ею побережья материка до рифа Возвращения. Восточная партия Ричардсона прошла морем от устья Мэкензи до устья Меднорудной реки, положив этот район на карту (стр. 55—84).
1833—1835	Джордж Бак	Экспедиция была снаряжена для поисков долго не возвращавшейся морской экспедиции Джона Росса. Пройдена река Большая рыбная до устья и обследован район морского побережья к востоку от него (стр. 89—90).
1837—1839	Уоррен Диз Томас Симпсон	Экспедиция посетила и изучила побережье между устьем Мэкензи и мысом Барроу и между устьями Меднорудной реки и реки Кастора и Поллукса. Эта экспедиция почти целиком заполнила существовавший пробел в знании северного морского побережья Америки (стр. 91—92).
1846—1847	Джон Рэ	Экспедиция посетила район залива Бутни. Нанесена на карту часть неизвестной до тех пор береговой линии материка. Экспедиции не было известно, что в то же время неподалеку, близ Земли короля Уильяма, стояли во льду корабли Франклина (стр. 124—126).

Год	Начальник	Маршрут экспедиции
1848—1850	Джон Ричардсон Джон Рэ	Экспедиция эта была первой, отправленной на поиски Франклина со стороны материка. Был совершен шлюпочный переход от устья реки Мэкензи до устья Меднорудной реки. Ричардсон вернулся в 1849 году, Рэ остался зимовать и следующим летом тщетно пытался перейти через пролив на остров Виктории. Следов Франклинца обнаружено не было (стр. 133—138).
1849—1851	В. Пеллен	Экспедиция была отправлена в 1849 году с «Пловера» и достигла устья реки Мэкензи. В следующем году была сделана безуспешная попытка проникнуть на остров Виктории. Следов экспедиции Франклина не найдено (стр. 139—143).
1851	Джон Рэ	Экспедиция осмотрела и нанесла на карту остров Виктории. У местных эскимосов обнаружены вещи, выброшенные морем с погибших судов Франклина, но эта находка не была оценена должным образом (стр. 188—189).
1853—1854	Джон Рэ	Экспедиция посетила перешеек полуострова Бутии и восточную часть Земли короля Уильяма. Эта экспедиция, в противоположность всем предыдущим, начиная с 1848 года, не была поисковой, а имела в виду чисто географические цели. У жителей Бутии было обнаружено большое количество предметов экспедиции Франклина и получены сведения о судьбе, ее постигшей (стр. 246—256).
1855	Джемс Андерсон Джемс Стюарт	Экспедиция посетила область устья реки Большой рыбной. Получены словесные и вещественные подтверждения данных доктора Рэ (стр. 254—256).
1860—1862	Чарльз Фрэнсис Холл	Экспедиция произвела исследования на Баффиновой земле. Уточнена карта ее восточного побережья, обнаружены следы пребывания экспедиции Фробешера. Никаких сведений о дальнейшей судьбе спутников Франклина не получено (стр. 374—386).
1864—1869	Чарльз Фрэнсис Холл	Экспедиция посетила Землю короля Уильяма и побережье пролива Фьюри и Гекла. Произведена съемка окрестностей бухты Репульс, восточного побережья Бутии и соседних районов. Обнаружены кости участников Франклиновой экспедиции и много различных при-

Год	Начальник	Маршрут экспедиции
1878—1880	Фредерик Шватка	надлежащих им предметов; собрано много сведений об экспедиции опросным путем (стр. 587—441). Экспедиция посетила Землю короля Уильяма. Во многих местах обнаружены следы экспедиции Франклина и собраны реликвии. Путем опроса собрано много важных сведений об экспедиции, в частности относительно места гибели «Террора» (стр. 442—492).

Экспедиции XX века

1903—1906	Руал Амундсен	Экспедиция прошла на корабле «Йоа» Северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий. На Земле короля Уильяма была сделана случайная находка скелета погибшего участника экспедиции Франклина. Собран небольшой опросный материал (стр. 500—502).
1921—1924	Кнуд Расмуссен	Экспедиция прошла на санях вдоль всего северного побережья Америки. При участии Петера Норберга на полуострове Аделаиды были найдены следы отряда Франклиновой экспедиции. Собраны относящиеся к этой находке опросные сведения (стр. 502—504).
1926	Петер Норберг	На полуострове Аделаиды собраны реликвии экспедиции Франклина (стр. 504).
1925—1930	Л. Т. Бэрюш	Конечным пунктом трех экспедиций Бэрюша (1925—1926 гг., 1928—1929 гг. и 1930 г.) была Земля короля Уильяма. Здесь обнаружены следы лагерей экспедиции Франклина и собраны важные опросные сведения относительно вероятного места гибели «Эребуса» (стр. 504—511).
1931	Уильям Джибсон	Экспедиция обследовала в течение двух летних месяцев южное побережье Земли короля Уильяма с целью проверки сведений, собранных у эскимосов. Обнаружен ряд скелетов и др. следы экспедиции Франклина (стр. 511—515).

Список предметов, обнаруженных после погибших участников экспедиции Франклина, частью привезенных в Англию на корабле «Фокс» капитаном Мак-Клинтоком

Предметы, взятые с лодки, найденной на 69°08'43" северной широты и 99°24'42" западной долготы, у западного берега острова Короля Уильяма 30 мая 1859 года

Два двухствольных ружья, один ствол в каждом заряжен. Найдены стоящими (прислоненными к борту) в задней части лодки.

Небольшой молитвенник, переплет от маленькой книжки «Семейный молитвенник», книга «Христианские мелодии» с буквами на переплете «G. G.» (Грэгем Гори?), «Векфильдский священник», маленькая библия с подчеркнутыми отдельными местами и многочисленными надписями на полях, «Новый завет» на французском языке.

Два столовых ножа с белыми ручками, на одном из них инициалы «B. P.», бурав, шило, два железных пиллера длиной в 9 дюймов для поддержки коачного брезента вокруг лодки.

26 серебряных предметов — 11 ложек, 11 вилок и 4 чайных ложки, 3 куса тонкой доски из вяза для починки лодки.

Кусок парусины, щетина, пули, маленькая глиняная трубка, клубок навощеной бечевки, деревянная пуговица, кусок морской одежды, сшитой из саржи. Переплеты от евангелия и молитвенника, обломок ящика для сигар, лоскут шелкового носового платка, ящичек для ниток, кусок душистого мыла, порох, две пары очков, наперсток, два небольших компаса, ножны от штыка, служившие футляром для ножа, карманная оловянная фляга, патронташ.

Три крючка от портупей, золотой позумент, кусок тонкого шнура, очки с крепом вместо стекол, небольшое покрывало из зеленого крепа.

Два маленьких пакета с патронами, завернутых в зеленую бумагу, обломок трубки вишневого дерева, несколько медных гвоздей, кожаное голенище, морской складной нож, две маленьких закупоренных бутылки, три стекла от очков, кусок серебряной оправы, серебряный рейсфедер, серебряный пинцет, каким обычно пользуются натуралисты, маленькие ножницы, медный совок для пороха.

Маленький бисерный кошелек, кусок красного воска, пробка от карманной фляги, серебряный перстень, медная спичечная коробка, стекло от телескопа, небольшой оловянный цилиндр, полотняный мешочек для пистонов, обоймы.

Пять карманных часов, очки с синими стеклами, ящик от пеммикана, желтые стеклянные бусы, стеклянная печать с масонскими знаками. Четырехдюймовый блок с медными крючками, служивший, вероятно, для поднятия паруса.

Остатки экспедиции, обнаруженные 30 мая 1859 года на 69°09' северной широты и 99°24' западной долготы и оставленные на месте

Большая лодка (длина — 28 футов, ширина — 7 футов 3 дюйма, глубина — 2 фута 4 дюйма). Знаки на форштевне «XCI. W. Соп. № 61, АРг. 184». Повидимому, передняя часть форштевня обрублена, вероятно, чтобы уменьшить вес лодки. Дубовые сани под лодкой длиной в 23 фута 4 дюйма и шириною в 2 фута. 6 весел, 60 грузил от лотлиня, снаряжение, 4 плитки морского шоколада, ящик с сапожными инструментами, табак в небольшом количестве, вполне крепкие охотничьи сапоги, очень тяжелые высокие сапоги, дорожные морские сапоги и ботинки — всего семь или восемь пар, гвозди разных размеров, три небольших топора, сломанная пила, кожаный футляр от секстана, резец, шелковые носовые платки (черные, белые и цветные), полотенца, губки, зубная щетка, гробень, макинтош, футляр от ружья, нитки, ножи, туфли, большое количество одежды, волчья шкура, кусок паруса, канат, 24 железных подперки для коечного брезента.

Предметы, найденные у гурия Росса на мысе Победа в мае и июне 1859 года и взятые оттуда

Шестидюймовый круг для измерения наклонов магнитной стрелки, ящик с медикаментами, коробка с пилюлями, мазь, пластырь и др., наугольник, шомпол, два маленьких медных вала, вероятно от флюгарки, круглая медная пластинка от ящика для ружья, стекла от телескопа, кофейный ящик, кусок железного прута. Оловянная трубка, в которую было положено сообщение и самое сообщение, датированное 25 апреля 1848 года. Рама секстана с выгравированной на нем фамилией владельца «Фредерик Горби».

Предметы, найденные в небольшом гурии на южной стороне бухты Бака

Оловянный ящик с хранившимся в нем донесением.

Предметы, обнаруженные около гурия Росса и там оставленные

Четыре полных комплекта кухонных приборов, железные обручи, 4 фута медного громоотвода, медный прут, 3 заступа, лопата, старая парусина, грудa старой одежды и одеял высотой в 4 фута, три оловянных кружки. Небольшая мисочка, сделанная из консервной коробки. Небольшой сосновый ящик для пыжей, железо от подводной части лодки, часть парусиновой палатки, часть весла, распиленного в длину, три загнутых лодочных доски, куски меди, строп на блоках и кусок каната.

Предметы, найденные у северного гурия около мыса Феликс в мае 1859 года

Остатки флага, металлическая крышка от ящика для пороха, части секстана, медная пуговица, шерстяная перчатка, краски красная, белая и синяя. Втулка от боченка для воды. Медные украшения от морского

кивера, медные винты, а также медные петли от крышки пороховницы, небольшая проволочная патронница, стальные очки, в которых стекла заменены кусочками дерева с небольшими отверстиями в них, пакеты с иглами, грубо сделанный кухонный прибор, немного серых спичек. Кусок сложенной белой бумаги, найденный в северном гурии, два острия от копий, узкие полосы белой бумаги, найденные в том месте, где стояли палатки, в нескольких ярдах от гурья.

Около небольшого гурья в трех милях к северу от мыса Победа оказался заступ со сломанной ручкой. Тут же был взят пустой ящик из-под чая или кофе.

Предметы, замеченные у северного гурья и не взятые
оттуда

Осколки двух разбитых бутылок, несколько осколков разбитой посуды голубого и белого фаянса, обручи от боченка, небольшие железные обручи, куски разной материи, три небольших парусиновых палатки, под которыми лежали медвежья шкура и куски одеяла, два верхних платья, разная рухлядь—чулки, перчатки, части одежды, табак, сломанные трубки, металлические части пороховницы, крышка от оловянного ящика с надписью „сыр“, консервная коробка, кости от солянки.

Предметы, замеченные у мыса Марин-Луизы

Кусок канадской сосны, распиленной в длину, повидимому, вскоре после того, как дерево было выброшено на берег.

Предметы, полученные от эскимосов Бутии около Магнитного полюса в марте и апреле 1859 года

Семь ножей, сделанных туземцами из материалов, добытых ими после гибели участников экспедиции; сломанное копые и наконечник от него, два напильника; большая ложка или ковш, шесть серебряных ложек и вилок—собственность Франклина, лейтенантов Ле-Весконта и Фергольма, хирурга Мак-Дональда и лейтенанта Кутча, небольшой кусок золотой цепочки от часов, несколько металлических пуговиц, серебряная медаль Мак-Дональда, лук и стрелы, материалом для которых послужили дерево, железо и медь.

Предметы, обнаруженные в снежной хижине на $70\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты 20 апреля 1859 года и там оставленные

Две деревянных лопаты,—одна из них изготовлена из доски красного дерева, несколько рукояток от копий и лук английского дерева, сосновый ящик, повидимому, от телескопа или барометра, с медными петлями.

Предметы, приобретенные у эскимосов около мыса Нортон, на восточном берегу Земли короля Уильяма в мае 1859 года

Две столовых ложки с вензелями — одна с гербом Франклина; две вилки,— на одной из них герб Франклина, на другой, повидимому, капи-

тана Крозье, а также клеймо фирмы ювелира «И. Вест». Две чайных ложки, — одна с вензелем Мак-Дональда, другая с гербом Фергольма. Ручка от десертного ножа, в которую была вставлена бритва. Деревянных и железных пуговиц можно было здесь приобрести очень много, но так как мы приобрели их раньше уже в достаточном количестве, то у этих туземцев их не покупали.

Из покинутой хижины недалеко от этого места были взяты куски дерева разных пород, которые не могли быть частями лодки, например тик¹ или африканский дуб.

Найдены около скелета в 9 милях к востоку от мыса Гершеля в мае 1859 года черный шелковый шарф, завязанный узлом, остатки обшитой шнурком синей куртки с обтянутыми шелком пуговицами. Лоскут цветной рубашки, небольшая плагиная щетка, роговой гребень, кожаная записная книжка, которая рассыпалась на кусочки, когда высохла. Монеты в 6 пенсов и полсоверена.

Предметы, замеченные у эскимосов у мыса Нортон,
но у них не купленные

Луки, сделанные из дерева, ножи, форменные и обыкновенные пуговицы, сани, сделанные из двух кусков твердого дерева.

Предметы, найденные у эскимосского знака на восточной стороне острова Монреаль

Обломки консервного ящика, покрашенного в красную краску, обломки медного ящика или посуды. Куски железного обруча, два куска плоского железа, железный крючок, кусок листовой меди.

Предметы, найденные у снежной хижины близ мыса Бут, не взятые оттуда

Восемь или десять сосновых жердей, от 5 до 10 футов в длину, самая толстая — 2½ дюйма в диаметре. Две лопаты для сгребания снега. Изготовленные из доски, окрашенной в белый или бледножелтый цвет. Очень вероятно, что доски могли быть от дна лодки. Кроме того там было и много других деревянных предметов меньшего размера.

¹ Остгидское дерево. Прим. Мак-Клинтока.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От издательства	3
I. Слепые попытки (экспедиции 1616—1819 гг.)	7
II. Тяжелый урок (экспедиции 1819—1822 гг.)	15
III. На опыте прежних неудач (экспедиции 1821—1828 гг.)	50
IV. Белые пятна постепенно стираются (экспедиции 1829—1839 гг.)	85
V. Роковой поход (экспедиция 1845 года)	94
VI. Отсутствие вестей. Волнение на родине (экспедиции 1847— 1850 гг.)	116
VII. Первые находки. Недоумение (экспедиции 1850—1851 гг.) .	146
VIII. Тщетные поиски. Отчаяние (морские экспедиции 1851— 1855 гг.)	191
IX. Неожиданные вести (сухопутные экспедиции 1853—1855 гг.)	246
X. На верном пути (экспедиции 1857—1859 гг.)	268
XI. Страшное открытие (продолжение)	313
XII. За двенадцать лет (обзор экспедиций 1848—1859 гг.) . . .	347
XIII. Настойчивость оптимиста (экспедиции 1860—1869 гг.) . . .	368
XIV. Наконец у цели (продолжение)	410
XV. Смелая вылазка (экспедиция 1878—1880 гг.)	442
XVI. Домой с грузом реликвий (продолжение)	477
XVII. В наше время (экспедиции 1903—1931 гг.)	499

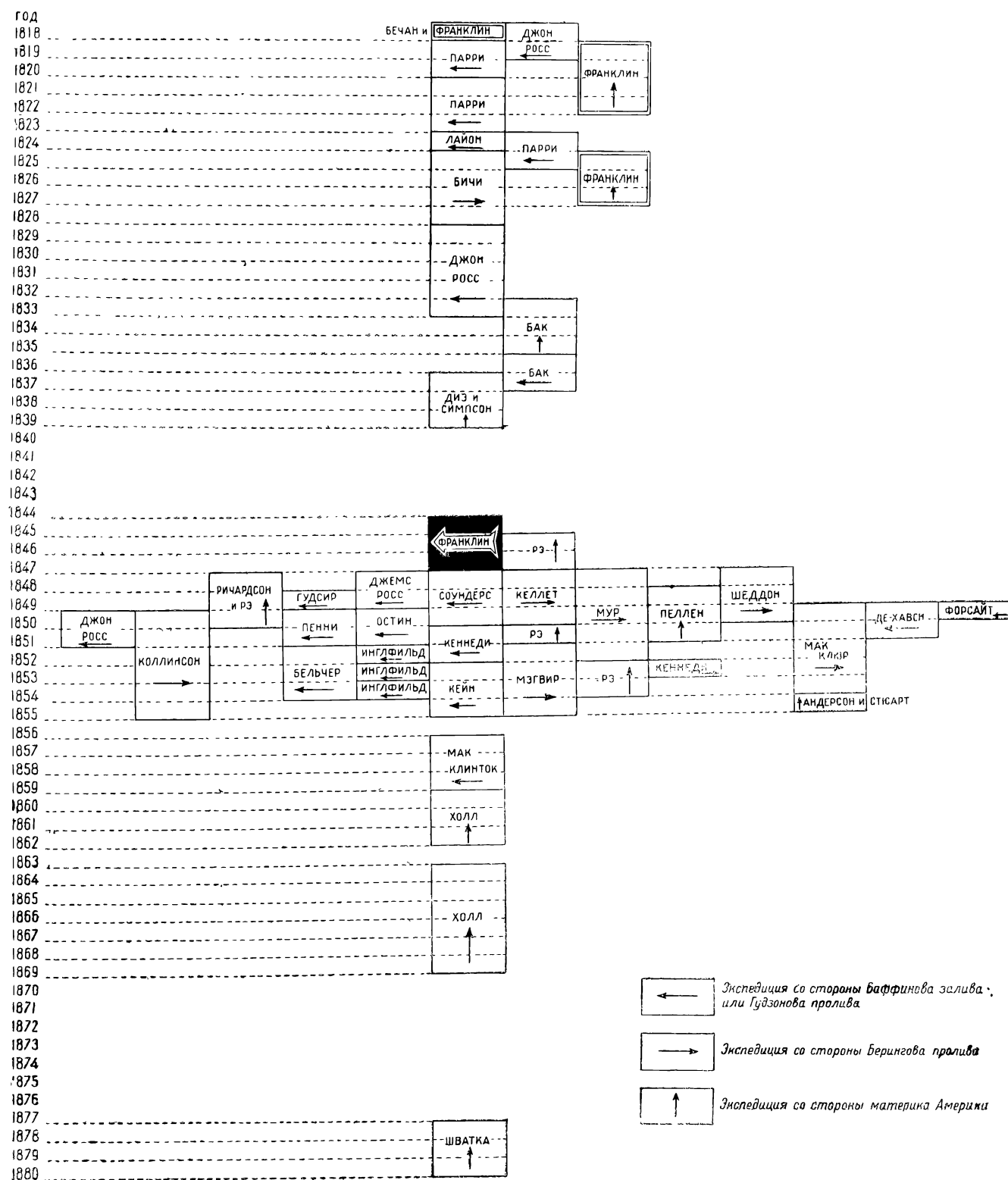
Приложения

Перечень экспедиций, отправившихся для открытия Северо- западного прохода и для розысков Франклина, его спутников и документов о пропавшей экспедиции . .	516
Список предметов экспедиции Франклина, найденных Мак- Клинтоком	526

Отв. редактор *М. М. Смирнов*. Технич. редактор *А. Соловейчик*.
 Сдано в набор 7/VIII 1937 г. Подписано к печ. 16/XI 1937 г. Бум. 60×92 см.
 76 000 тип. зн. в бум. л. Объем: бум. л. 161½, печ. л. 33 + 5 вклеек.
 Авт. л. 30. Изд. № 74. Тираж 10 200 экз. Леноблгортит № 4903. Заказ № 1854.

Типография «Коминтерн». Ленинград, Красная ул., 1.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЭКСПЕДИЦИЙ XIX ВЕКА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОИСКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРОХОДА И ЭКСПЕДИЦИИ ДЖОНА ФРАНКЛИНА

← Экспедиция со стороны баффиньева залива, или Гудзонова пролива

→ Экспедиция со стороны Берингова пролива

↑ Экспедиция со стороны материка Америки

Цена 12р.

Переплет 2р.